

Тенни Фрэнк
История Рима

Автор и книга

Тенни Фрэнк (р. близ Клей-центра, Калифорния, 1876; † Оксфорд, Англия, 1939) был ученым-классиком и историком, который начал свою карьеру в области грамматики и просодии, чтобы в конечном итоге найти свой истинный голос в социальном и экономическом анализе древнего Рима. Приводимая здесь книга, как он говорит в своем Предисловии, рассчитана на широкого читателя, хотя и ориентирована на обучение в колледже.

стр. vii **Содержание**

	<i>Preface</i> ^o	С. в
	я НАЧАЛА ВТОРЖЕНИЯ ИТАЛИИ	1
Второй	РИМ ДО И ВО ВРЕМЯ ЭТРУССКОЙ ЗАНЯТИЕ	14
III и	РАННЕЙ РЕСПУБЛИКИ	30
И.	РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ИЗ ИТАЛИИ	57
	в ЭКОНОМИКЕ, ПОЛИТИКЕ, И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	76
ви	РИМА И КАРФАГЕНА: ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА	94
	в VII ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ	115
VIII в	РИМЕ И ГРЕЦИИ	136
IX	РОСТУ ВОСТОЧНОГО ПРОТЕКТОРАТА	148
	х РИМСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЕНА КАТОНА	166
Си	РИМСКОЙ КОНСТИТУЦИИ	180
XII	в GRACCHAN РЕФОРМ	194
XIII	СЕНАТА, БОЯРСКИЕ, И МАРИУС	211
XIV в	"СОЦИАЛЬНЫЕ" И ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН	229

XV	от Суллы Катилину	248
XVI	первый "триумвират"	272
XVII в.	Гражданская война	293
XVIII	внутренних условий,	314
XIX	от самодержавия к Dyarchy	332
XX	государством, искусство, религия	355
XXI	бизнес-жизни Рима	375
XXII	Августа и Империи	406
XXIII	Юлиев-Клавдиев императоров	416
XXIV	Флавиев срок	444
XXV	литературы и искусства I века	462
XXVI	С. в VIII от тирана Домициана мнению философа М. Аврелий	473
XXVII	искусства и государством во втором веке	501
XXVIII	возраст Севери	528
XXIX	пятьдесят лет анархии	543
XXX	самодержавия, Диоклетиана и Константина	553
XXXI	причины Рима снижение	565
на XXXII	Эпилог	575
	Библиография	587

Технические детали

Использованное издание

На этих веб-страницах приведена копия моего первого издания (1923 г.) "Генри Холт и компания", Нью-Йорк (твердый переплет). Книга была защищена авторским правом в том году, и это авторское право было продлено в 1951 году; таким образом, она перешла в общественное достояние 1 января 2019 года.

Мой экземпляр книги помечен на форзаце и, предположительно, когда-то принадлежал,

Ирэн Фостер
Проспект Хемана, 730
Университетский город
Вашингтонский университет

Выпуск ежегодника Вашингтонского университета (недалеко от Сент-Луиса, Миссури) за 1927 год, "*Топор войны*", включает эту [фотографию Ирен Фостер](#), в то время выпускницы, и ее коллег-членов Tricornes, римского отделения Ассоциации Марты Вашингтон. Авторское право на этот красивый ежегодник не было заявлено, но даже если бы оно и было, оно не было продлено в 1954 или 1955 годах, как того требовал закон того времени для его сохранения: таким образом, фотография [3 МБ] является общественным достоянием.

Резюмируя ее некролог в *Peoria Journal Star*, 22 апреля 1994 г., страница C8, который я нашел на [сайте исторической группы Genealogy Trails](#), Юла Айрин Фостер Динтелман, известная как Ирен, всю жизнь была уроженкой западного Иллинойса. Она родилась в Рашвилле, штат Иллинойс, 4 августа 1903 года в семье Алфея Гая и Грейс Финч Фостер и умерла 22 апреля 1994 года в Пеории. 27 декабря 1938 года она вышла замуж за Чарльза Джозефа Динтельмана в Рашвилле, который умер в 1990 году. Окончив с отличием Вашингтонский университет в Сент-Луисе в 1926 году и Phi Beta Кappa, она продолжила преподавать латынь, английский и историю в средней школе Хайленда в Хайленде, Иллинойс. Она была членом Первой объединенной пресвитерианской церкви и работала в [Музее тюрьмы Шайлер](#) и [генеалогическом центре](#), оба в Рашвилле.

Разбивка на страницы и локальные ссылки

В целях цитирования и индексации нумерация страниц указана на правом поле текста на разворотах страниц (например, в конце этой строки); [стр. 57](#) это также локальные ссылки. Сторонники абсолютной точности, конечно, найдут якорь в его точном месте в исходном коде.

Кроме того, я вставил ряд других локальных якорей: любые ссылки, которые могут потребоваться для размещения собственных перекрестных ссылок авторов, а также несколько других для моих собственных целей. Если, в свою очередь, у вас есть веб-сайт и вы хотели бы настроить таргетинг на ссылку на какой-то конкретный отрывок текста, пожалуйста, дайте мне знать: я буду рад вставить туда также локальный якорь.

Корректурa

Как почти всегда, я перепечатал текст от руки, а не сканировал его — не только для минимизации ошибок перед вычиткой, но и как возможность для меня поближе познакомиться с работой, упражнение, которое я от всей души рекомендую: **Qui scribit, bis legit**. (Благонамеренные попытки заставить меня сканировать текст, в случае успеха, просто превратили бы меня в некую машину: гамбит отклонен.)

Моя транскрипция была тщательно вычитана. В приведенном ниже оглавлении разделы показаны **на синем фоне**, что указывает на то, что, по моему мнению, в их тексте полностью нет-ошибок; **красный фон** означал бы, что страница не была вычитана. Как и в других местах сайта, строка заголовка в верхней части веб-страницы каждой главы будет напоминать вам о ней в той же цветовой гамме.

Основной текст печатной книги был хорошо вычитан, с менее чем дюжиной типографских ошибок, все они тривиальны и поэтому отмечены только пунктирным подчеркиванием, подобным этому: как и везде на моем сайте, проведите курсором по подчеркнутым словам, чтобы прочесть то, что было напечатано на самом деле.

Аналогичным образом, подчеркнутые измерения обеспечивают преобразование в метрические, *например*, 10 миль.

Небольшое количество странных вариантов написания, любопытных оборотов фразы и т.д. Были отмечены **<!--sic** в исходном коде, просто чтобы подтвердить, что они были проверены.

Если вы заметили какие-либо упущенные ошибки, пожалуйста, напишите мне, конечно: особенно если перед вами экземпляр печатной книги.

Значок , который я использую для обозначения этого дочернего сайта , является адаптацией официальной печати профессора . Родной штат Фрэнка, Канзас, в котором я заменил первопроходца, вспахивающего свое поле лошадьми, древним римлянином, работающим на волах (изображение взято из *Словаря греческих и римских древностей Смита, см.*); все на том же фоне, который использовался для этой страницы и страницы-ориентира к LacusCurtius, римскому разделу этого сайта: оттенки от бледно-голубого, который я использую для обозначения республиканского Рима, до бледно-фиолетового, который я использую для обозначения императорского Рима.

Предисловие

Эта книга предназначена в первую очередь для широкого круга читателей, интересующихся политическими и культурными достижениями древней республики, которая во многих отношениях была пионером демократического правления. Имея в виду таких читателей, я стремился рассказать последовательную историю, а не составлять справочник из разрозненных фактов. Однако я также постоянно помнил о потребностях школьных классов, которым до самого недавнего времени приходилось полагаться на элементарные книги или на исторические книги, поступающие из Европы. Последние, хотя обычно и хорошо написаны, похоже, не отвечают нашим потребностям. Более древние народы Европы больше, чем мы, заинтересованы в империалистических проблемах Рима, в управлении широко разбросанными провинциями и в выживании позднеримских институтов, которые они унаследовали. Естественно, нас больше беспокоят более ранние попытки Рима создать эффективное правительство, одновременно пытаюсь сохранить демократические институты. В то время как современные европейские нации пережили, так сказать, отход от позднеримского самодержавия, наше государство, подобно Римской Республике, сразу же погрузилось в эксперименты с более или менее четко принятыми теориями народного суверенитета. Поскольку в книге такого уровня может быть рассмотрена лишь часть известных фактов, нам показалось целесообразным довольно строго отобрать те части, которые интересуют нас больше всего.

При рассмотрении цicerоновского периода может показаться, что я пренебрег этим правилом в пользу полноты деталей. Мое оправдание должно заключаться в том, что только в переписке Цицерона мы располагаем материалом, на основе которого можем точно представить повседневную политическую и социальную жизнь Рима. Даже если некоторые из описанных инцидентов могут показаться малозначащими с объективной точки зрения, полезно хотя бы в одной главе составить **на стр. vi** полное представление о том, как на самом деле вели себя римляне. Более того, именно на этом этапе читатель, скорее всего, из первых-рук ознакомится с Цицероном, Цезарем и Вергилием, а также с фактами и личностями, о которых идет речь.

Мой коллега, профессор Уилфред Пирт Мастард, щедро уделил мне часть своего времени для терпеливого и полезного изучения многих из этих глав. Профессор Аллен К. Джонсон внес множество замечательных предложений, профессор Ральф В. Д. Магоффин помог мне сократить последующие главы, а профессор К. Х. Хаскинс, главный редактор этой серии, указал на множество упущений и ошибок, допущенных в рукописи. Всем им я глубоко благодарен. **Библиография** в конце, хотя и задумана в первую очередь как избранный список подходящего чтения, также укажет авторов, которым я больше всего обязан. Наконец, я хотел бы поблагодарить издательство Johns Hopkins Press за разрешение свободно воспользоваться моей *экономической историей Рима* в написании **главы XXI**.

Т. Ф.

Балтимор, Мэриленд.

Глава I

Ранние вторжения в Италию

Ранние народы Италии. Орды кельтов, готов, вандалов и лангобардов, которые в исторические времена наводняли Италию, служат примерами того, что, должно быть, пережил полуостров за многие тысячи лет до того, как был построен Рим. Превосходный климат и пышная растительность на почве, гораздо более богатой, чем в восточном Средиземноморье, всегда привлекали армии мигрантов с сурового Севера. И когда с течением времени каждая вторгающаяся орда сама становилась ленивой под смягчающим влиянием итальянских условий, ей, в свою очередь, приходилось уступать место более предприимчивой массе, еще не ослабевшей.

Как долго Италия была заселена, сказать невозможно. Пещеры южной Франции, стены которых украшены удивительно художественными рисунками, доказывают, что вскоре после последнего ледникового периода, когда по окрестностям еще бродили северные олени, южную Европу населила раса великолепного телосложения и выдающегося интеллекта. Так-называемая кроманьонская раса, по-видимому, жила около двадцати тысяч лет назад.- Эти люди, вполне возможно, наводнили и Италию, но отсутствие в Италии известняковых пещер, в которых могли сохраниться такие записи, оставляет нас без информации.

Однако мы знаем, что вся Италия была населена дикарями задолго до того, как стало известно использование металлов. Практически в каждом районе полуострова были обнаружены своеобразные округлые углубления, которые доказывают, благодаря найденным в них p2фрагментам орудий труда и керамики, что они служили этажами человеческих жилищ. Орудия труда сделаны из кремня и необработанного камня, а дома, занимавшие эти круглые углубления, несомненно, были своего рода соломенными вигвамами. Эти дикари, судя по останкам скелетов, по-видимому, были низкорослым смуглым народом, мало чем отличавшимся от современных-берберов.

Вторжение в Террамару. Примерно за две тысячи лет до Рождества Христова различные индоевропейские племена начали прокладывать себе путь через альпийские хребты в страны Средиземноморья. По-видимому, это была высокая, хорошо сложенная, светловолосая раса, тесно связанная с предками современных кельтов, германцев и англосаксов. В Греции этих мигрантов называли эллинами, и они стали основным элементом замечательного греческого народа. Племена, которые впервые вошли в долину По в Италии, пришли постепенно и развивались медленнее, чем эллины, поскольку в Италии они не соприкасались ни с чем, кроме варварского народа, тогда как эллины сразу же смешались вдоль побережья Эгейского моря с наиболее культурными народами, существовавшими в то время.

Прежде чем попасть в Италию, эти мигрирующие племена, жившие вблизи многочисленных швейцарских озер, переняли хитроумный обычай находить убежище от своих врагов, строя свои хижины на деревянных сваях, вбитых в воду

вдоль неглубоких берегов озер. Поэтому их часто называют *озерными жителями*, а их жилища - *свайными жилищами*. Перевалив через альпийские перевалы, они нашли в итальянских озерах места, подходящие для таких жилищ.

Здесь они занимались своими обычными занятиями рыбной ловлей, охотой, скотоводством и выращиванием некоторых продуктов почвы. Рыбалка с черного хода, должно быть, была приятным и прибыльным занятием. В предгорьях Альп неподалеку в большом количестве водился дикий кабан. Их охотничьи орудия по-прежнему были в основном из кремня, тонко обработанного, но они также научились ценить бронзу, если таковая попадалась им под руку. На самом деле, хотя у них не было прямого доступа к месторождениям меди, они овладели искусством выплавки, формования и обработки металла — полезными искусствами при переделке инструментов из сломанных фрагментов. Они также приручили быка для еды и работы, свинью, собаку и овцу. Они использовали шерсть и лен для своей одежды, а работа по прядению и ткачеству хорошо занимала женщин.

В самых ранних свайных поселениях Италии сохранилось очень мало следов сельского хозяйства, но это было незадолго до того, как выращивание проса, пшеницы и льна стало основой быстро растущих поселений в этой новой богатой стране. Развитие сельского хозяйства, конечно, имело первостепенное значение, поскольку вскоре выявило желательность частного владения землей, способствовало организации правительства для единой защиты посевов и запасов зерна от захватчиков, а также поощряло изобретение новых сельскохозяйственных орудий и обучение волов тяжелой работе. Это, в свою очередь, привело к росту более разнородного общества; частный собственник вскоре отделил благоразумных и бережливых от бездельников, потребность в передовых инструментах дала волю талантам к практической промышленности и примитивной торговле, а развитие социальной организации обеспечило руководящие посты людям, которые отличались своим благоразумием и способностью управлять.

В течение тысячелетия, следовавшего за появлением первых обитателей озера, продолжали прибывать новые волны того же вида. Озера больше не могли служить местом для их жилищ, и поэтому они продвигались на юг, к окраинам болот, которые все еще были обширны в долине По, и, наконец, даже создали места для своих обычных свайных поселений на суше. Это они сделали, окружив квартал домов канавой, в которую они спускали воду из какой-то близлежащей реки. Именно из-за многочисленных остатков этих более поздних поселений, ныне заполненных обломками правильных рядов гниющих столбов, итальянские археологи дали название **террамара** или **террамарна** таким участкам **КАРТЫ**. Это слово означает "плодородная почва", и впервые этот термин был применен к ним современными итальянскими крестьянами, которые издавна использовали этот мусор для удобрения своих полей.

Когда народы **террамара** заполнили нижние равнины По и проникли в верхние районы, миновав Апеннины и, наконец, захватив большую часть Италии, они, конечно, оставили жилища, защищенные водой, и построили свои деревни более обычным способом. Но даже тогда они сохранили свой старый обычай тщательно озеленять территории своих деревень и создавать правильный образ жизни для

своих городов, который был им навязан из-за расходов на прокладку каналов и дамб. Римляне времен Цезаря все еще строили свои военные лагеря по плану, который очень напоминал план города Террамара тысячелетней давности.

Поселения Вилланова. Ветвь этих северных народов захватила ту часть Италии, которую мы сейчас называем Умбрией и Тосканой. После появления железа в Италии, более чем за тысячу лет до Рождества Христова, эта группа выросла в сильный народ и выработала определенные трудовые обычаи, которые, по-видимому, отличают их от народа террамара. Многие из их деревень превратились в сильные города, главным из которых был тот, который сейчас называется Болонья. Кладбище этого города, в Вилланове недалеко от Болоньи, дало свое название этому народу. Их останки особенно выделяются определенным типом погребальной урны, найденной на их кладбищах. Многие тысячи примеров так называемой "урны Вилланова" были найдены в северной Италии. - Их керамика и медные орудия имеют декоративные узоры, указывающие на контакт с критской цивилизацией. Их железное оружие искусно изготовлено, а инструменты показывают, что они были трудолюбивым и процветающим земледельческим народом. Не совсем ясно, представляют ли они новую волну иммигрантов с Севера, которые ввели использование железа, или же они были ветвью народа террамара р6, которые продвигались по особому пути на итальянской земле из-за контактов с торговлей на тосканском и адриатическом побережьях. Обычно признается, что это умбрийцы исторических времен, которые, как следует из их языка, были двоюродными братьями латинян и самнитов.

Народы террамара и Вилланова, безусловно, представляют собой самые крупные группы северных иммигрантов, которые во втором тысячелетии до нашей эры завладели практически всеми плодородными землями Италии. Маловероятно, что сохранилась какая-либо значительная часть коренного варварского населения, как это, по-видимому, произошло с туземным элементом в Греции. Итальянские варвары, не будучи земледельцами, мало заботились о владении землей; и такие варвары — как, например, североамериканские индейцы — предпочитают эмигрировать перед захватчиками, ищущими земли, а не сражаться или оставаться в подчинении, как это делали южноамериканские индейцы-земледельцы. Таким образом, более ранние итальянские аборигены, как правило, были изгнаны в высокие горы Лигурии или западной Италии и Сицилии и даже за моря. Памятники Египта, действительно, показывают фотографии таких грубых беженцев, которые поступили на службу к фараонам.

На заре истории итальянские народы, происходившие от северных иммигрантов, владели почти всей Италией. Латины были относительно небольшой группой из них, живших недалеко от Тибра; племена сабинов и самнитов, говорившие на диалекте, настолько похожем на латынь, что латиняне могли очень быстро его выучить, владели центральной и южной Италией, за исключением самой южной оконечности полуострова; а умбрийцы, как мы видели, владели Тосканой и Умбрией. Долина По также все еще находилась в руках итальянских племен. Аборигенные племена, не-принадлежащие к индоевропейским народам, в массе

своей остались только в Лигурийских горах над Генуей, а также в Калабрии и Апулии.

Эта группа иммигрантов, захвативших большую часть Италии, вызывает у нас особый интерес, поскольку они являются первыми индоевропейцами, с которыми история хоть как-то знакома. Эта высокая светлая раса, хотя и далеко не по годам развитая и **р7**редко бывает создателем новой культуры, тем не менее продемонстрировала заметную способность к аналитическому мышлению и упорядоченному управлению, а также отчетливую способность усваивать и ценить высокие художественные идеалы. Их способности, несомненно, были по-разному притуплены или усилены смешением с другими расами. В Греции, например, они, несомненно, приобрели художественную силу и потеряли политическую гениальность, свободно смешиваясь с коренными народами Эгейского моря. В Италии, однако, мы можем изучать их в их более нормальном развитии, поскольку там более тщательное устранение туземного элемента, по-видимому, надолго оставило иммигрантскую массу довольно чистой.

Этруски. Однако Италия, глубоко вдаваясь в Средиземное море, также принимала иммигрантов из-за моря. За два или три столетия до того, как был построен Рим, толпы восточного народа, этрусков, начали прибывать из Малой Азии на кораблях, чтобы заселить прибрежные города умбрии к северу от Рима. Откуда изначально пришли эти люди и кем они были, никто не знает. Египетские памятники 13 века до н.э. *Turuscha*, who are presumably these people, and who were then making sea-, набег на египетское побережье. Религиозные обряды этрусков доказывают, кроме того, что когда-то они вступали в тесный контакт с народом Месопотамии. Таким образом, мы можем предположить, что после миграции к побережью Малой Азии из внутренних районов они занялись морскими кочевками и, когда их сильно прижали сзади, отплыли значительными группами в Италию, где овладели несколькими городами Умбрии. У нас до сих пор сохранилось около восьми тысяч их надписей, в основном кратких эпитафий на надгробиях, но, хотя буквы и слова можно расшифровать, поскольку они написаны адаптированным греческим алфавитом, никто не может понять сам язык, и никто не нашел никакого другого языка, с которым он, по-видимому, связан. Этруски действительно являются одной из самых странных загадок истории.

В течение двух веков их наступления, они предприняли **П8**владение всеми Тосканы, проникли в долину реки По, где они основали большое количество городов, а затем поворачивая на юг мимо Лацио — что еще некоторое время сопротивлялись вторжению — они захватили кампания, наиболее плодородной равнине Италии. Трудно объяснить, как иммигранты, прибывающие на кораблях, могли все это проделать. Если бы они просто искали землю для колонизации, как это делали итальянские иммигранты, подвиг был бы невозможен. Однако их цель и методы, должно быть, были совершенно разными. Подобно норманнам, вторгшимся на Сицилию в средние века, они пришли, очевидно, как завоеватели и властные лорды, стремящиеся организовать, править и эксплуатировать уже существующих там жителей, а не изгонять их, чтобы получить их землю. Следовательно, мы можем предположить, что относительно небольшие группы авантюристов захватывали

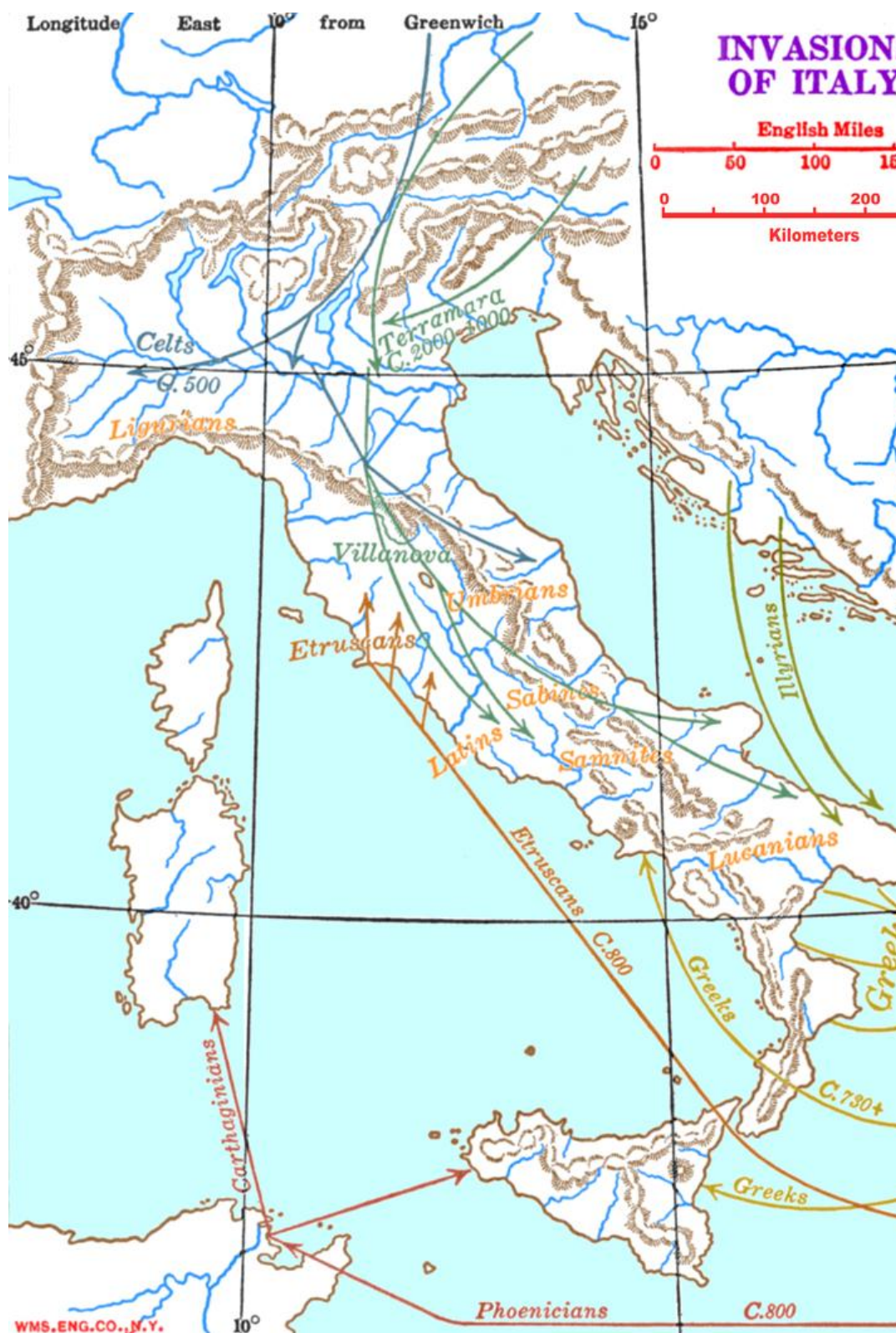
город за городом, организовывали армии умбрийцев для выполнения своих приказов и взимали налоги, чтобы поддерживать свои княжеские дворы. Но хотя им удалось навязать свой язык жителям Тосканы, не следует предполагать, что этруски времен Цицерона были преимущественно восточного происхождения. Несмотря на то, что они говорили на этруском языке, они, должно быть, были в основном выходцами из Умбрии с некоторой примесью Востока.

Этруски имели явное преимущество перед тихими итальянскими фермерами, поскольку, прожив в Малой Азии, где протекал поток всех новейших идей, и побывав в морских путешествиях, они располагали новейшим оружием, были искусны в лучших приемах военной и политической организации и могли на своих кораблях поддерживать связь с искусствами и ремеслами Востока.

Поэтому, когда в восьмом и седьмом веках на Востоке наблюдался замечательный расцвет греческой цивилизации, этруски очень быстро привезли художественные произведения этой цивилизации в Тоскану. В то время, когда латинские фермеры были озабочены только своим урожаем, этруские князья в Цере, Тарквиниях и даже в захваченном ими латинском городе Пренесте строили великолепные храмы, для украшения которых они привлекали греческих художников. Они также импортировали красивую золотую и серебряную столовую посуду с Кипра, Египта и Финикии, а также драгоценные камни, украшения и мази, которыми торговали финикийские торговцы. В настоящее время их собственные мастера научились воспроизводить терракотовые статуи, изысканную керамику и замысловатые украшения, которые тогда появлялись в Ионии и Греции. Их большие усыпальницы, которые они вырубили в цельной скале в виде жилых комнат, во многих случаях сохранили лучшие из существующих образцов греческого искусства седьмого и шестого веков. Хотя их цивилизация не отличается оригинальностью и просуществовала недолго, этруски, выступая в качестве распространителя искусств и ремесел более одаренных народов, оказали глубокое влияние на историю Италии.

Греческие колонисты в южной Италии. Наконец, мы должны упомянуть многочисленные греческие колонии на юге Италии, которые были основаны в восьмом, седьмом и шестом веках. Торговый народ Эвбеи завладел Неаполитанским заливом с колониями Кумы и Дикеархии еще до того, как туда прибыли этруски, а затем, возможно, чтобы охранять путь через Сицилийский пролив, основал колонии по обе стороны воды. Дорийцы обосновались в нескольких местах на южном побережье Италии и на Сицилии; из них особенно выделялись Тарент и Сиракузы. Наконец, ионийцы, изгнанные персами из Фокеи, поселились в Массилии (Марселе), далеко за пределами Италии, недалеко от устья Роны. Большинство этих греческих колоний, заселенных авантюристами и торговцами, внесли относительно небольшой вклад в греческую литературу или философию. Но их заслуги перед Римом заслуживают внимания. Благодаря своей торговле у них была некоторая возможность поддерживать связь доморожденных латинян с внешним миром, они блокировали продвижение карфагенской державы на север, держали открытыми сицилийские проливы и, признавая в латинянах родственную душу, помогали Риму во времена большой опасности не быть захваченным этрусками и

карфагенянами. Особенно верно это в отношении греков, проживающих ближе всего к Риму в городах Кумах, Марселе и Сиракузах.

Вторжения в Италию

[Увеличенная версия, полностью читаемая, открывается здесь.]

Физическая география Италии. Хотя историки отчасти утратили свою былую уверенность в доктрине о том, что окружающая среда определяет расовые характеристики, география по-прежнему занимает законное место в истории. Взглянув на карту Италии, вы увидите, что полуостров • длиной более шестисот миль резко вдается в Средиземное море примерно на половине-пути между Азией и Испанией. Поскольку это море граничило со всеми цивилизованными странами в то время, когда сообщение по воде было легче, чем по суше, мы можем рискнуть предположить, что Италия была выгодно расположена как родина императорской державы. Следует также отметить, что Альпы образовывали частокол, который, должно быть, отбросил назад многие мигрирующие орды северян и сделал Италию относительно легкой для защиты любым достаточно хорошо организованным народом. Другими словами, Риму редко приходилось растрчивать человеческие-силы на защиту Италии, и ему не приходилось постоянно опасаться, что, посылая армии за границу, он подвергает нападению свой жизненно важный центр.

Трудно сказать, следует ли считать Италию благоприятно расположенной для торговли. Полуостров, безусловно, входит в маршруты мореплавателей и имеет • береговую линию протяженностью две тысячи миль. Но на нем не так много естественных гаваней. На восточном побережье нет хорошего порта, но там также мало плодородной земли, которая нуждалась бы в средствах судоходства. Плодородное западное побережье омывается мелководным морем. Это было большим преимуществом в первые дни, когда шкиперы сажали на мель свои плоскодонные суда, причаливая к берегу для торговли, и в те дни этруски были великим торговым народом. Но отсутствие глубоких и легко защищаемых гаваней оказалось недостатком, когда в обиход вошли более крупные суда и когда пираты начали нападать на незащищенные порты. Лучшие гавани находились в Таренте и в заливе p11 Неаполя, и этими двумя местами греки с их хорошим коммерческим чутьем рано овладели. Возможно, римляне могли бы стать торговым народом, подобным грекам, если бы у них были лучшие гавани и менее плодородные земли для ведения домашнего хозяйства. Однако утверждать или отрицать это было бы рискованно.

Мы знаем, что почва Италии была относительно хорошей по сравнению с почвой Греции, Малой Азии, Сирии и Северной Африки. Безусловно, непрекращающаяся цепь Апеннин тянется по всей длине полуострова и занимает более половины его ширины. Но эти холмы не такие уж негостеприимные. Чем-то похожие на наши Аппалачи, они содержат множество широких и плодородных долин и в худшем случае обеспечивают лес и пастбища. Они также привлекали осадки, накапливали воду на своих покрытых лесом склонах, обеспечивали подпочву влагой и орошали ручьями равнины внизу. Таким образом, Италия была орошена лучше, чем могла бы быть в противном случае. И по сравнению с другими средиземноморскими странами Италия обладает большой площадью пахотных земель. Западная полоса богатой низменности, хотя и редко превышает двадцать пять миль в ширину, имеет несколько сотен миль в длину; а обширная долина По состоит из неизмеримых глубин наносов, которые заилились с гор с трех сторон. Благодаря выращиванию

зерновых и овощных культур на равнинах и в долинах, а также большим стадам овец и крупного рогатого скота на горных пастбищах, современная Италия способна прокормить около 30 000 000 человек, а это больше населения, чем когда-либо содержала древняя Италия. Предположительно, такое состояние почвы помогает объяснить тот факт, что римляне гордились тем, что были земледельческим народом.

Краткие сведения. Такова тогда была Италия и таковы были народы, которые объединились, чтобы создать народ, которому суждено править средиземноморским миром. В конгломерации преобладающим элементом была итальянская группа: латиняне, умбрийцы, сабеллийцы и самниты. Малочисленная группа выходцев с Востока вскоре затерялась в целом, посеяв [p12](#) семена эгейской культуры. Греческие колонии южного края дольше сохраняли свою самобытность, всегда служа средством передачи греческой мысли и искусства. Но именно итальянское наследие благоразумия и трезвости, терпения и настойчивости, честности и чистоты жизни наложило свой отпечаток на римский характер республики.

Рим был первым городом-государством, открывшим формулу, согласно которой республика могла расширяться за пределы города, объединять другие народы по доброй воле под руководством своего лидера, таким образом, предоставлять свободное поле для мирного распространения культуры. В этой формуле было много составляющих, но самой важной из них было сильное чувство справедливости, результатом чего стал свод законов, который с тех пор научил каждую нацию принципам государственного управления. Об этом кодексе Брайс сказал: "Они привнесли в закон, когда он вышел из их рук, дух чести, добросовестности и справедливой твердости, которые современные системы никогда не превосходили и которые в некоторых отношениях выше, чем у нашего английского права".¹

Греки, безусловно, были более оригинальным народом, фактически они, вероятно, единственные индоевропейцы, отличившиеся оригинальностью во всех формах искусства и мысли. Но римляне, по характеру больше похожие на современных представителей индоевропейской расы, оказали неоценимую услугу в то время, когда Греция больше не могла противостоять почти непреодолимому давлению бурлящих миграций варваров. Они объединили цивилизованный мир и сделали возможным переход всех культурных приобретений других эпох во владение одной обширной империи, так что они не могли быть полностью стерты с лица земли, когда наступил крах. Благодаря своей способности к ассимиляции римляне сохранили для будущих веков практически все, что было достойно сохранения. Новая Европа эпохи Возрождения обнаружила под рукой не только римское право, римские правительственные идеи, римскую литературу и архитектуру, адаптированную из [p13](#) Эгейского моря для европейского использования, но также греческую литературу, философию и искусство, спасенные от разрушения, и, что не в последнюю очередь, христианскую религию, пришедшую в Рим из Палестины и которую римляне ассимилировали до наступления темных веков.

На следующих страницах мы уделим особое внимание экспериментам правительства, которое достигло этих целей. Это была единственная республика до

нашей^a, которой в течение значительного периода удавалось сохранять свободу и могущество. Его проблемы были в значительной степени теми самыми, которые нам приходилось решать. Римляне подходили к этим проблемам, не имея практически никаких прецедентов, которыми они руководствовались, и из их неудач и успехов мы можем вывести действительные принципы правления.

Примечание автора:

¹ *Исследования по истории и юриспруденции*, стр. 591.

Примечание Тайера:

^a В своем предисловии автор ясно дал понять, что пишет специально для читателей в Соединенных Штатах.

Глава II

Лаций до и во время этрусской оккупации

Латинская равнина. Хребет итальянского полуострова образован известняковым хребтом, называемым Апеннинскими, который поднялся из моря в третичный период. Западный берег этого района был мелководным и вскоре начал засыпаться из-за намыва горного хребта. Чтобы помочь процессу образования суши, длинная серия вулканов по всей Тоскане, Лациуму и Кампании начала возникать и выбрасывать лаву и пепел. Этот процесс начался на севере и продвигался на юг. Везувий в Неаполитанском заливе все еще время от времени активен. Тосканская равнина была заполнена за много тысячелетий до исторических времен, но вулканы Альбан, господствующие над Латинской равниной, продолжали свои извержения до последнего тысячелетия до нашей эры. Фактически, Лациум, по-видимому, был пригоден для обитания примерно за тысячу лет до нашей эры: по крайней мере, на нынешней поверхности было найдено несколько орудий, использовавшихся человеком до железного века, хотя Тоскана и Апеннинские горы позади нее обнаруживают следы обитания человека задолго до этого.

Это хорошо иметь в виду, потому что это объясняет, почему латинская почва оставалась богатой и неисчерпаемой дольше, чем в некоторых других частях Италии. Вулканический пепел содержал хороший запас калия и фосфатов, которые, конечно, очень желательны для сельского хозяйства. После периода роста джунглей и древесины, которые внесли азотистые вещества в эту почву, она была готова поддерживать очень плотное население.

Равнина Лация очень мала, ограничена Апеннинскими на востоке, их отрогом, называемым Вольскими горами p15, на юге морем на западе и Тибром на севере. Он не больше среднего округа в Америке или площади нынешнего города Чикаго с ближайшими пригородами. Хороший ходок может пересечь его в любом направлении за день. До прихода этрусков латины, или, скорее, фалиски, очень близкородственное племя, простирались на некоторое расстояние к северу от Тибра. Действительно, вполне вероятно, что латинское племя когда-то было обширной группой народов террамара, которые были вытеснены на юг через Тибр в лесистую страну Лациум экспансией умбрийцев на север.

Латинские деревни. Латиняне, заняв новые земли, поселились, как это обычно делали ранние европейцы, в деревнях на горных хребтах, которые обеспечивали некоторую естественную защиту и чьи источники воды можно было сделать достаточно надежными. Американцам трудно понять значение таких деревень, потому что у нас нет ничего подобного им. Большая часть нашей страны была заселена фермерами, которые получили • от правительства около 160 акров каждый и построили каждый свой одинокий дом на своей земле. Наши "деревни", выросшие на перекрестках дорог, рядом с почтовыми станциями тут и там, - это всего лишь поселения посредников, которые приходили позже, чтобы поставлять товары,

необходимые фермерам, в обмен на фермерскую продукцию. Первые итальянские деревни возникли по-другому. Они были тесно расположенными жилищами всех фермеров общины. Поселенцы Италии жили вместе, потому что они чувствовали потребность в обществе, потому что в отсутствие сильного правительства для защиты их имущества было опасно жить в одиночку, а также потому, что их участки земли составляли всего несколько акров и, следовательно, находились в пределах легкого доступа к деревенскому дому. Без машин все сельское хозяйство неизбежно сводилось к интенсивному выращиванию садов, и при такой системе семья не могла ухаживать за многими акрами земли.

Такой образ жизни, естественно, оказывал свое особое воздействие на общество. Это обеспечило интересную жизнь женщинам **p16** и детям, предотвратив унылое однообразие изолированного фермерского дома, из—за которого в Америке трудно "удерживать молодых мужчин на ферме". Это также поощряло простой тип демократического самоуправления. Каждый человек был досконально знаком друг с другом, и никому не могла достаться чрезмерная власть. В результате смешанных браков внутри деревни возникало чувство родства и формировались естественные "братства".

Было принято группировать население города в десять таких братств или **курий** для голосования или военных целей. Для руководства собраниями и их армиями эти **курии** каждый год избирали на городском собрании магистрата, а отцы семейств действовали как сенат старейшин, который давал советы магистрату.

Поскольку даже народ террамара занимался сельским хозяйством, есть все основания полагать, что латины внедрились институт частной собственности на землю задолго до того, как они поселились в Лациуме; но мы можем предположить, что часть леса была, по возможности, оставлена неразделенной, где каждый гражданин мог рубить дрова для собственного использования, и что часть лугов, менее желательных для обработки, также была оставлена деревенскому владельцу-кораблю, где каждый гражданин имел право пасти свою долю овец и крупного рогатого скота.

Такова была обычная система в примитивных латинских городах до того, как внешнее влияние этрусков создало трудности. В Лациуме было очень много таких маленьких общин, возможно, более пятидесяти, если мы можем принять позднюю традицию. Все племя, конечно, действовало слаженно во время вторжения извне, но у него не было сильного центрального правительства, которое могло бы навязывать законы или правила. Единство племени поддерживалось главным образом посредством ежегодных собраний, проводимых на вершине высокой горы Альбан, где, как предполагалось, обитал главный бог племени Юпитер. Раз в год латиняне приносили ему жертвы и разделяли со своим богом общую трапезу. Долгое время, прежде чем давление со стороны этруских захватчиков стало **опасным, простые крепкие фермеры жили в мире, быстро размножаясь на этой богатой земле.....**
p17..... Почва была новой и, после вырубки леса, самой плодородной в Италии. Кажется очевидным также, что эти первые поселенцы не страдали от недостатка влажности, который сейчас преобладает там. В настоящее время почва Лациума дает лишь скудные урожаи, не только потому, что почва истощена, но и потому, что

засушливый сезон наступает так рано в июне, что пшеница не успевает всходить. Ухудшение климата, вероятно, связано с вырубкой леса в высоких горах к востоку и югу от Лация. Однако на заре Лациума густые леса на Апеннинах дольше удерживали зимний снег, чем сейчас, и это несколько снижало температуру; и, кроме того, в поросших лесом горах была более глубокая почва, которая не позволяла быстро стекать последним весенним дождям, и, таким образом, обеспечивала подпочвенную влагу для посевов на равнинах несколько дольше летом, чем сейчас. У ранних латинян, вероятно, не было долгого сухого сезона, который сейчас мешает заниматься садоводством летом и который вынуждает современных крестьян Лация перегонять свои стада в горы в начале июля. При существовавших тогда условиях Лаций мог прокормить очень многих людей; и мы можем предположить, что сила латинского племени, несмотря на ограниченную территорию, на которой оно проживало, была обусловлена плотностью населения.

Первобытная религия. У этих ранних народов была очень простая религия. Тогда еще не было храмов и изображений каких-либо богов. Они верили в добрых и злых духов, которым следует поклоняться или умиловать, но не считали их имеющими человеческий облик. Богом племени, перед которым все члены приносили свои самые священные клятвы, был дух, представленный небесным светом и молнией. Его звали Отец Света, **Юпитер**. Ему они поклонялись на горе Альбан, потому что она простиралась дальше всего в небо, возможно, также потому, что они знали, что когда-то **p18** была огненной горой (вулканом). В посеянных культурах обитал дух по имени Сатурн, в лесах обитал дикий дух, вредный как для скота, так и для людей, по имени Марс, в садах обитал дух по имени Венера, а в глухих лесах у озера Неми обитала таинственная Диана. Затем каждую весну появлялись духи, заслуживающие подношений, дух по имени Гниль (*Robigus*), который иногда позволял зерну ржаветь, дух по имени Терминус, который защищал межевые камни, чтобы фермеры не перемещали их в своих интересах, и большое количество полезных духов различных функций, называемых Ларес. Короче говоря, религия была простым *анимизмом* с небольшими намеками на антропоморфизм.

Каким бы простым ни было это богослужение, оно также было удивительно чистым от низменных суеверий, таких как магия и **табу**, которые мы находим в анимизме американских индейцев, жителей островов Южных морей и даже в обрядах древней Греции. Существовало несколько магических практик, таких как применение "симпатической магии", с помощью которой жрецы пытались вызвать дождь с небес, поливая водой камень и повторяя заклинания; а также было несколько случаев **табу**. Но подобные вещи чрезвычайно редки в признанной религии. Некоторые ученые приписывают эту чистоту благородным постановлениям некоторых религиозных законодателей, таких как легендарный царь "Нума", но более вероятно, что чистые индоевропейские обычаи, которые предки итальянских народов принесли с Севера, долгое время оставались незагрязненными суевериями низшей цивилизации. Было замечено, что и у Гомера, который представляет раннюю несмешанную эллинскую культуру, меньше ссылок на такие базовые верования, чем у более поздних греческих авторов. Именно этруски и кумские греки научили римлян антропоморфным представлениям о богах, и именно этруски с их

мрачным взглядом на жизнь и таинственными суевериями привели к появлению **гаруспиков**, которые утверждали, что предсказывают будущее, исследуя внутренности животных. Анимизм, безусловно, политеистичен, но в нем есть **p19**духовная ценность и некоторая красота; и под руководством вдумчивых людей он способен к духовному росту, как это было в Палестине. Это особенно верно, когда племенное божество рассматривается как универсальный атрибут, подобный свету. Большим несчастьем для латинян было то, что греки и этруски привнесли в свои живописные истории прежде, чем латиняне были достаточно развиты в мышлении, чтобы противостоять их обманчивой привлекательности.

Эти древние народы, конечно, не придерживались четких догматов относительно бессмертия души, хотя они, как и индоевропейские народы в целом, давно предположили, что дух может парить над мертвым телом. Возможно, они сделали такой вывод из болезней, которые распространялись рядом с пораженными чумой телами, или, возможно, из актов мести, последовавших за насильственной смертью. Во всяком случае, они пришли к выводу, что было бы благоразумно избегать опасностей, исходящих от таких призраков, сжигая тела мертвых. Вот почему героев викингов, а также гомеровских воинов сжигали, а не хоронили. Народы Террамара и Вилланова продолжили этот обычай кремации умерших, а в раннем Лациуме было принято сжигать, по крайней мере, тела взрослых. Но этот обряд стал менее широко соблюдаться после того, как латиняне вступили в контакт с этрусками, которые регулярно хоронили своих мертвецов.

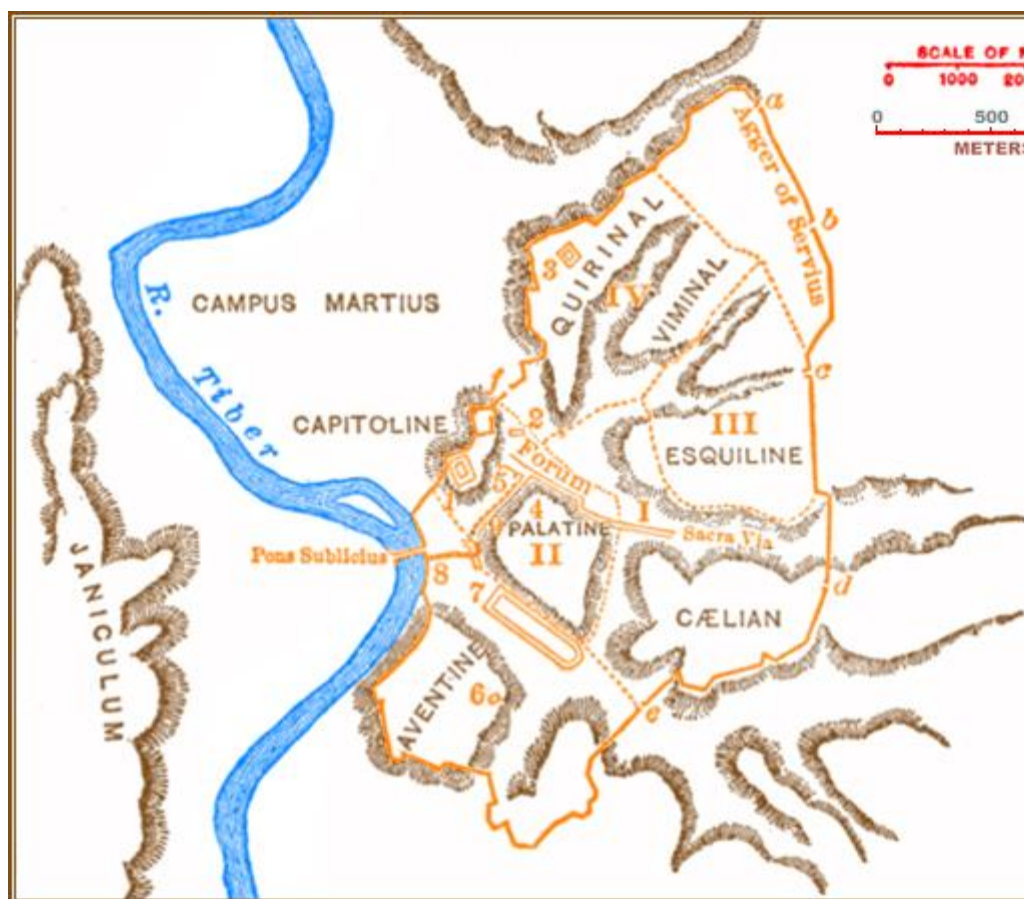
Латиноамериканцы, по-видимому, сохранили некоторые слабые следы старой веры в бродящих повсюду призраков, поскольку они совершали ежегодные обряды у могилы умершего, независимо от того, был ли труп кремирован или похоронен. Возможно, однако, что эти ежегодные обряды были рано введены этрусками, и что нам не следует делать из них выводы относительно примитивных латинских обрядов.

Этруски в Риме. Согласно поздней традиции, Рим был основан в 753 году до н.э., и когда во времена Цицерона люди отсчитывали эпохи от даты основания (**A. U. C. — ab urbe condita**), эта дата регулярно принималась. Римляне, однако, использовали эту дату только для удобства подсчета, поскольку знали, что с самого раннего периода не сохранилось никаких записей **p20**. Никто не претендовал на абсолютную точность даты. Теперь мы знаем из изучения могил на Форуме и на холмах Рима, что на месте Рима существовало несколько деревень еще за тысячу лет до нашей эры, и что, за исключением роста и постепенного объединения деревень, никаких существенных изменений в ситуации не произошло примерно до 600 г. до н.э.

Затем этрусские авантюристы, проникшие уже на юг Италии до Капуи и овладевшие Пренесте и территорией в южном Лациуме, которая обеспечивала дорогу к морскому побережью мимо Велитр в Сатрикум, также овладели римскими холмами и превратили их в цитадель. Приблизительная дата основания Рима известна только на основании совокупности археологических данных. Кладбище Форума использовалось по крайней мере до 600 г. до н.э., о чем свидетельствуют остатки греческой керамики, стиль которой можно приблизительно **датировать** стр. 21. Мы знаем, что когда этруски основывали город, они рисовали вокруг города священный

круг, называемый **померием**, и строго запрещали захоронения внутри этого круга. Поскольку кладбище Форума находилось недалеко от центра этого района, городская стена этрусского Рима не может быть старше 600 года до н.э.

Новый город не получил своего названия ни от одной из очень старых деревень на его месте, но ему было присвоено новое этрусское название, **Рома**, и имена нескольких традиционных царей, правивших в течение следующего столетия, также этрусские, как, например, Ромул, Анк, Нума и Тарквиний. Поскольку в это раннее время практически не велось никаких записей, нам не остается ничего лучшего, как согласиться с утверждением Ливия, который говорит, что истории ранних царей в деталях в значительной степени недостоверны. Но когда мы замечаем, что средневековые легенды склонны сохранять память о поразительных событиях, мы вполне можем поверить, что имена семи традиционных царей Рима не были выдуманы и что рассказ о том, что короли были в конце концов изгнаны республиканским восстанием, основан на фактах.

Четыре региона: I - Субурана; II - Палатина; III - Эсквилина; IV - Коллина. Главные ворота: а, Коллина; b, Виминалис; с, Эсквилина; d, Келимонтана; е, Капена; f, Фонтаналис. Главные здания: 1, Храм Юпитера; 2, Януса; 3, Квирина; 4, Весты; 5, Сатурна; 6, Дианы; 7, Большого цирка; 8, Большой Клоаки.

Подробные истории раннего Рима, блестяще рассказанные Ливием в его первой книге, содержат факты и мифы, неразрывно переплетенные, как хорошо знал Ливий. Они касаются следующих событий. Эней, спасшийся вместе с другими троянцами, когда их город был взят греками, передал троянскую цивилизацию новой расе, которая сразу же основала латинское королевство в Альба-Лонге. (Мы знаем, что эта история была придумана греками, чтобы объяснить поразительный рост Рима, и что римляне позже переняли ее, приняв за правду, потому что история была так похожа на факты этрусской иммиграции из-за моря. "Энеида" Вергилия позже сделала Энея национальным героем.) Несколько сотен лет спустя жрица Альба-Лонги родила Ромула и Рема, сыновей Марса. По приказу короля дети были выставлены на всеобщее обозрение, но-волчица выкормила их у подножия p22 Палатинского холма. На этом месте Ромул позже основал город и дал ему законы и конституцию. Он был вознесен на небеса живым, и ему поклонялись как Квиринасу. (Большая часть этого, конечно, чистая легенда.)

Нума, согласно традиции, был избран народом вторым царем Рима. Он сохранил мир и организовал религиозные культы и жречество. (Историки по-сей день заметили, что официальный календарь праздников, составленный много веков спустя Юлием Цезарем, выделял крупными буквами имена богов и праздников, которые дошли до нас из очень раннего календаря, календаря, очевидно, принадлежавшего первобытному земледельческому народу. Следовательно, римляне были правы, когда утверждали, что древний законодатель организовал культы и составил календарь священных дней. Возможно, они также правы, приписывая эту работу Нуме.)

Тулл Гостилий, третий царь, описывается как воинственный и агрессивный царь, захвативший Альба-Лонгу и включивший ее в состав Рима. (Опять же, в этой легенде есть доля правды, хотя название, возможно, является выдумкой. Однако мы можем быть уверены, что ни один латинский город никогда бы не напал и не разрушил другой город, принадлежащий латинскому племени, если бы его не вынудил к этому иностранный король. Рим, безусловно, распал латинскую лигу и включил в себя большую ее часть каким-то образом, как следует из рассказа Ливия. Этот поступок можно объяснить только тем, что его спровоцировал какой-то этрусский царь Рима.)

Анк Марций, четвертый царь, продолжил подчинение латинов и, чтобы привлечь торговцев в Рим, основал гавань в Остии, устье Тибра. (Легенда еще раз подтверждает факт. Этрусские города к северу от Тибра принимали активное участие в торговле, и они, должно быть, пытались вовлечь Рим в то же русло. Раскопки в Остии недавно выявили некоторые фундаменты, которые, по-видимому, относятся к царскому периоду.)

Тарквиний Старший, пятый царь, представлен расширяющим p23 владения Рима на восток. (Это вероятно, потому что римский царь, должно быть, стремился завладеть торговой дорогой, которая пересекала Тибр дальше на восток, и заставить торговцев, которые путешествовали из Этрурии в Кампанию, проезжать через Рим.)

Сервию Туллию, шестому королю, приписывают строительство первой каменной стены вокруг города, названной "сербской стеной", и организацию армии в соответствии с "сербской конституцией". (Это вполне правдоподобно. Великая стена, части которой сохранились до сих пор, датируется в основном примерно 360 г.до н.э. и позже, но в ней есть участки, сделанные из материала, который был популярен в Риме в шестом веке до н.э. Мы вернемся к сербской конституции позже.)

Тарквиний Гордый, последний царь, представлен Ливием как великий строитель и завоеватель, а также властный вождь, чьи высокие налоги и акты тирании вынудили римлян к восстанию. Повод для восстания был предоставлен, когда один из тарквиниев надругался над прекрасной Лукрецией, римской матроной высокого положения. Затем ее муж, Коллатин, с помощью своих друзей Брута и Валерия организовал революцию, изгнал царя и его семью и установил республику. (Многие живописные элементы были позже добавлены к этой истории драматургами, которые сделали из нее хроникальные пьесы, но нет никаких оснований полагать, что суть столь важного политического инцидента не хранилась бы с особой тщательностью.)

Таким образом, мы можем заключить, что, хотя в ранние легенды включено много причудливых историй, ход событий, сопровождавших рост Рима при царях, должен был следовать общим линиям, очерченным поразительным рассказом Ливия.

Лаций при этрусках. Возникновение городов-государств. Прибытие этруских князей в Рим и другие латинские деревни было очень важным фактом в развитии италийской расы. Еще до того, как они вступили во владение [p24](#), угроза вторжения в Лациум вызвала большие социальные изменения в племени. Этруски уже оттеснили умбрийцев от сабеллийских племен, что вынудило их, в свою очередь, — сабинян, экви, вольсков и других — вторгнуться в Лациум с востока. Это вместе с набегами этрусков вынудило латинян из небольших открытых деревень сконцентрироваться в различных городах, которые можно было защитить; а это, в свою очередь, привело к нарушению единства Латинской лиги в пользу сильных городов, таких как Рим, Ардея, Велитра, Ариция, Тибур и Пренесте. Это, по-видимому, и было истинной причиной роста городов-государств в раннем Лациуме. Рим, например, не находился под властью этрусков примерно до 600 г.до н.э., но его государственная организация из тридцати [p25](#)братств (*curiae*) из трех отдельных деревень, вероятно, была сформирована по латинским идеям еще до того, как этруски захватили это место и обнесли его стеной. И не может быть никаких сомнений в том, что другие города Лиги, которые приобрели известность, также развивались таким же образом и приобрели господство над окружающей их землей за счет притока людей из близлежащих деревень, которые были расположены менее благоприятно. Этрусские князья, конечно, продолжили этот процесс централизации, укрепляя захваченные ими города и создавая небольшие монархии в каждом, так что Лига практически пришла в упадок во время этрусской оккупации.

Лаций в Ранней республике: латинские города Латинской лиги, около 500 г. до н. э.

Принцы и крепостные. Вторым результатом этрусского вторжения стало превращение многих земельных округов практически в крепостное право при князьях-узурпаторах. Мы можем видеть признаки такого положения дел, особенно под Велитрой. Здесь была обнаружена обширная система подземных дренажных каналов. Эти каналы прорезаны в твердом туфе на глубине нескольких футов под поверхностью; обычно они имеют размеры • около $3 \times 1\frac{1}{2}$ фута и простираются в длину от склонов Альбанских холмов вниз на несколько миль по направлению к морю. Очевидно, они были созданы для отвода дождевых вод и, таким образом, сохранения пахотной почвы, которая одна поддерживала очень плотное население. Система настолько обширна, что мы не можем предположить, что ею воспользовались сотни бедных крестьян без руководства. Когда мы находим подобные системы в Этрурии, где, как мы знаем, богатые этрусские землевладельцы обслуживали поработанные народы, мы должны заключить, что и в Лациуме эти

чужеземные землевладельцы захватили земли и вынудили крестьян признать их хозяевами, платить им ренту и выполнять их приказы.

О том, что лорды Велитры, Ланувия, Сатрикума и Ардеи очень разбогатели на эксплуатации латинских крестьян, мы узнали из раскопок в тех местах. Было открыто несколько курганов, в которых были найдены ювелирные изделия и столовые приборы, привезенные из p26Финикии, Египта и Греции. Ранние храмы этих латинских городов были, как и храмы Этрурии, украшены превосходными греческими художниками. На самом деле, похоже, было время, когда несколько независимых лордов, правивших в различных латинских городах, угрожали разделить маленькое племя на небольшие княжества, как они уже разделили лучшую часть умбрийской нации к северу от Тибра.

Рим как этрусское княжество. Однако римские князья набирали силу быстрее, чем другие, и со временем подчинили себе не только близлежащие латинские деревни, но и большинство других сеньоров, захвативших латинские города. До того, как Тарквиния изгнали, он был признанным правителем почти всего Лация. И чтобы заручиться поддержкой латинян — он — или один из его предшественников — взял на себя руководство племенным культом горы Альбан, перенес очень популярный культ Дианы с озера Неми в Рим и начал строить великолепный храм Юпитера на Капитолии, намереваясь сделать его центром латинской религии.

Давайте проследим за ростом Рима при этом иностранном режиме. Сам город быстро развивался, потому что он стал резиденцией правительства всего Лациума, а не просто домом крестьян, которые возделывали близлежащие фермы. Влиятельные и богатые землевладельцы, естественно, переезжали в город, где жил король, и им требовались плотники, строители и ремесленники всех мастей для удовлетворения своих потребностей. Рост населения привлекал торговцев своими товарами, а торговцы поощряли производство товаров, которые можно было обменять на импортные. В Лациуме, безусловно, было мало натуральных продуктов для продажи. В нем не было месторождений полезных ископаемых. Тем не менее, будучи очень богатой почвой, он мог в обмен на зерно приобретать медь с севера, крупный рогатый скот и шкуры из внутренних районов и использовать эти предметы для обмена, и, кроме того, он мог предлагать определенные товары, произведенные квалифицированным трудом его плотного населения.

p27 Для морской торговли Рим был расположен не очень удачно, поскольку находился • в тринадцати милях от моря. Течение Тибра было слишком сильным для кораблей того времени. Кораблям нелегко подниматься по реке под парусами, а на торговых судах не хватало гребцов, чтобы плыть вверх по реке против сильного течения. Действительно, наиболее удобными торговыми городами того раннего времени были те, что располагались на легко защищенных плато • в трех-четыре милях от моря, недалеко от какой-нибудь низкой песчаной-отмели, где плоскодонные торговые суда могли пристать к берегу, пока управляющий доставлял свои товары на рыночную площадь для обмена. Таким образом, ясно, что такие города, как Цере, Тарквинии и Ардея, расположенные ближе к побережью, имели преимущество перед Римом в привлечении морской торговли.¹ Чтобы преодолеть недостаток Рима в расстоянии, его князьям пришлось построить торговый порт в

устье Тибра, откуда товары можно было доставлять в Рим на гребных-лодках или вьючных животных.

Однако Рим обладал большим преимуществом в своем владении переправами через Тибр, благодаря чему он мог заставить все караваны, проходящие по суше из Этрурии в Кампанию или Лациум, привозить свои товары в Рим. Владея высокими холмами по обе стороны Тибра, она могла иметь мост в этом месте и защищать его, и ее князья сделали этот мост единственным маршрутом сухопутной торговли с севера на юг, завладев Габиями, через которые проходил единственный другой легкий сухопутный путь.

Эти князья также контролировали дорогу к лучшим соляным равнинам западного побережья — тем, что близ устья Тибра, — и поскольку все племена внутренней части центральной Италии должны были получать соль из этих равнин, римская монополия на соль, несомненно, оказалась очень прибыльной. Дорога с востока на запад, проходящая через Рим, до сих пор называется *Виа Салария*.

Благодаря богатству латинской земли и прибылям промышленности p28и торговли римляне смогли улучшить и укрепить город. Болота в долине были осушены через закрытую канализацию, и там была разбита большая рыночная площадь, позже названная Форумом. Вдоль верхних краев холмов была построена каменная стена, окружавшая территорию, которая могла вместить триста или четыреста тысяч жителей, хотя не следует предполагать, что в первые дни в Риме когда-либо проживало такое количество жителей. Эта обширная территория должна была быть включена в стены, чтобы вместить три отдельные деревни. Кроме того, холмы располагались таким образом, что архитектор, воспользовавшись естественными откосами, мог таким образом обеспечить будущее без дополнительных затрат.

Также было построено несколько храмов, некоторые для богов племени, некоторые для богов других деревень, которых приходилось приводить вместе с людьми всякий раз, когда город был захвачен. На самом деле, одна из причин, по которой у римлян появилось так много богов, заключается в том, что правительство часто вводило богов завоеванных городов. Построив эти храмы и установив в них статуи богов, этрусские князья многое сделали для изменения религии римлян. Ни один римлянин не думал о Юпитере или Юноне как о личности. Но когда цари нанимали греческих или этрусских художников для создания статуй этих богов, они брали свои модели со статуй тех греческих божеств, которые больше всего напоминали римские по своим атрибутам. Изображение Юпитера было сделано похожим на греческого Зевса, в то время как Юнона была сделана похожей на Геру, а с другими божествами обращались подобным образом. Таким образом, в значительной степени работы импортных художников научили римлян тому, как должны выглядеть их боги. Новое поколение, которое с детства видело эти изображения, полностью забыло, что боги - это духи. Антропоморфизм - это болезнь, которая распространяется очень быстро, как, к своему сожалению, узнали пророки Ветхого Завета.

"Сербская" армия. Самым важным изменением, внесенным этрусками, была организация сильной армии на основе так называемой сербской конституции. - p29В

кавалерию были отобраны самые богатые люди, которые могли позволить себе обзавестись как доспехами, так и лошадьми. Их было 1800. Рядом с ними были выбраны восемьдесят центурий (8000) мужчин, которые были достаточно богаты, чтобы предоставить тяжелые доспехи для службы в первой линии. Их называли людьми первого класса. Второй, третий и четвертый классы обеспечивали по двадцать столетий каждый, пятый класс - тридцать, а из числа многочисленных бедняков, не имевших собственности, были отобраны только ремесленники пяти столетий. Эта система возлагала самую тяжелую армейскую службу на тех, кто лучше всего мог позволить себе время и расходы на снаряжение и кто, по-видимому, больше всего ставил на карту в войне. Было подсчитано, что, поскольку первый класс граждан призывного возраста мог обеспечить до 9800 человек, население Лация тогда должно было составлять не менее 400 000 человек. Это очень большое число для территории всего • около 400-600 квадратных миль, находившейся тогда под контролем Рима, но, как мы видели, город быстро рос под руководством этрусков, и почва интенсивно обрабатывалась.

Важность такой организации армии двоякая. Он научил римлян искусству создания эффективной армии, которое они постоянно совершенствовали в дни своей независимости, а также ввел принцип классификации граждан в соответствии с богатством, классификацию, позже использованную основателями республики при создании своего первичного собрания для голосования и принятия законов-. Это собрание, основанное на богатстве, затем постепенно вытеснило старое-собрание братств. Консервативный характер республиканского правительства во многом обусловлен этим ранним принятием тимократического принципа.

Примечание автора:

¹ В пятом веке такие города столкнулись с серьезными трудностями, потому что у них не было гаваней, где они могли бы защитить свои корабли от флотилий военных судов, которые к тому времени были оборудованы различными городами Сицилии и Этрурии.

Глава III

Ранняя республика

Революция. Традиционной датой Революции, положившей конец этрусскому господству в Риме, является 509 г. до н.э., и это кажется приблизительно правильным. Однако, поскольку многие записи о раннем Риме были уничтожены во время галльского пожара в 387 годудо н.э. и поскольку в течение столетия после этого не было согласовано единой системы ведения записей, мы всегда должны делать поправку на несколько лет при датировке¹ событий ранней республики.

Точную природу революции сейчас определить невозможно. Римлянам вряд ли могло понравиться правление князей, говоривших на языке, отличном от их собственного, и поклонявшихся иностранным богам; служба в армии была тяжелой, и латины, должно быть, возражали против того, чтобы иностранные князья вели войну против других латинов; мы можем также предположить, что бедняки, потерявшие право голоса, и особенно те, кто стал крепостными иностранных землевладельцев, были готовы к восстанию. Поводом к восстанию, согласно легенде, послужил акт насилия над благородной дамой Лукрецией, который побудил нескольких дворян составить заговор. Эти люди отправились в армию, заручились ее помощью и очистили город от иностранных тиранов. Однако вся работа не была завершена одним махом. Этруссские князья все еще удерживали некоторые **крепости**, такие как Тускулум на Альбанских холмах, и были также латинские города, которые не решались признать власть Римской республики. Следовательно, Порсене, могущественному этрусскому царю Клузия, удалось с помощью некоторых латинян снова захватить Рим, и у нас есть запись о введенном им законе, запрещавшем римлянам использовать железо, за исключением сельского хозяйства. Примерно в 496 годудо н.э. произошла решающая битва у озера Регилл, после которой мы больше не слышим об этрусках ни в Лациуме, ни в Риме.

Республиканское правительство. Центуриатные комиссии. Формирование нового республиканского правительства в Риме было трудным. Могущественные семьи в городе знали, что слабая латинская лига старого образца будет бессильна против будущих вторжений этрусков, которые казались неизбежными, и они не верили в правление братств (**curiae**), которые в старые времена ежегодно избирали претора для каждого города равным голосованием. Поэтому они мудро сохранили некоторые идеи этрусков, которые способствовали созданию сильного центрального правительства. Во-первых, они сохранили армию, которая, несомненно, была необходима. Затем они сделали армейскую организацию основой центуриата **comitia**, собрания для голосования и принятия-законов. **Следует помнить**, что в армии насчитывалось 193 сотни или центурии, разделенных на пять классов в зависимости от богатства. Теперь, чтобы составить "городское собрание" (**comitium**) для голосования и законодательных целей, все граждане, как в армии, так и за ее пределами, были разделены по той же системе классификации на 5 классов или 193

группы. Военный термин "сенчури" был сохранен для каждой единицы голосования, хотя, конечно, в каждой политической единице должно было быть более сотни граждан, а пять единиц граждан без собственности, несомненно, исчислялись тысячами. Поскольку первый класс, состоящий из более состоятельных людей, составлял 98 "центурий", *т.е.* Более половины из 193, хотя они, естественно, должны были составлять решительное меньшинство в гражданском сообществе, и поскольку каждая "центурия" имела один голос, законодательство и выборы этого центуриатного собрания должны были Можно с уверенностью сказать, что бедняки и радикалы редко избирались на посты до тех пор, пока существовала система.

Консулы. Что касается магистратов, то было решено назначить двух консулов сроком на один год, и эти консулы должны были обладать гораздо большей властью, чем пользовались старые латинские магистраты, фактически почти такой же, какой обладали этрусские цари. Они должны были быть командующими армией с абсолютной властью на местах, а также обладать судебной и исполнительной властью дома. Но поскольку их полномочия были настолько велики, им было предоставлено право занимать свои должности всего на один год, и каждый консул был подчинен праву вето другого. В качестве дополнительной консервативной меры было оговорено, что только патриции могут занимать этот высокий пост. Титул короля не был полностью отменен, поскольку религиозные законы требовали, чтобы определенные обряды совершал **король**. Но, опасаясь тирании со стороны пожизненного магистрата, они отобрали всю гражданскую власть у **рекса**, и он стал просто религиозным служащим, не имеющим политического значения, и назывался **rex sacrorum**. Настоящим главой религиозных культов отныне был **верховный понтифик**.

Сенат. Как этрусские цари продолжили старый латинский обычай иметь консультативный орган старейшин, так и новая конституция приняла *сенат* от предыдущего режима. Консулам было разрешено сформировать группу из 300 выдающихся старейшин для пожизненной службы в сенате. Поскольку консулы были патрициями, они обычно сначала выбирали людей этого класса, хотя и не были вынуждены это делать. Этому органу с самого начала было предоставлено больше власти, чем у него было в царский период, чтобы он мог служить сдерживающим фактором как для законодательного собрания (**центуриатные комиссии**), так и для консулов. Он не только обсуждал и разрабатывал законопроекты до того, как консулы предлагали их ассамблее, но и обладал правом вето на все меры, принятые ассамблеей. Он также очень рано приобрел явное влияние на консулов, потому что его члены занимали свои должности пожизненно **стр. 33** в то время как консулы занимали их всего год, и, опять же, консулы обычно выходили из сената и возвращались в сенат по истечении года их полномочий, так что сила "сенаторской вежливости" обычно связывала консулам руки.

В целом эта конституция была блестящей адаптацией коренных латинских демократических обычаев к требованиям сильного правительства, необходимого в то время, когда внешние опасности были многочисленны. В нем сочетались наиболее эффективные элементы королевского лидерства и либеральные элементы

демократии с мудростью и дальновидностью, которых вряд ли можно было ожидать от народа в столь ранний период. Это сразу показывает, что латинский народ обладает гением в области-законотворчества и государственного строительства. Под давлением внешней опасности оно оказалось в настоящее время слишком консервативным, чтобы вызвать искренний энтузиазм со стороны беднейших классов; но основы были надежно заложены, и необходимые компромиссы могли быть достигнуты без нового восстания, повлекшего за собой пролитие крови.

Политические и экономические условия. Что касается политических и экономических условий Рима в первые годы Республики, то, к счастью, мы получаем представление об очень важном документе того времени - первом договоре между Римом и Карфагеном, который также является самым ранним из существующих торговых договоров Запада. Оно было датировано первым годом Республики, 509 годом, Полибием, который, по-видимому, увидел оригинал в Капитолийском храме и перевел его на греческий. Оно гласит следующее:

"Между римлянами и их союзниками, а также карфагенянами и их союзниками будет дружба на следующих условиях:

(а) "Ни римляне, ни их союзники не должны выходить за пределы (к западу) Прекрасного мыса, если только их не заставляют неблагоприятные погодные условия или страх перед врагами. Если кого-либо из них выбросит там на берег, он не должен ничего покупать или брать с собой, кроме того, что необходимо для ремонта p34своего корабля и служения богам, и он должен отплыть в течение пяти дней.

(б) "Римляне, высаживающиеся для торговли в Ливии или Сардинии, не должны заключать никаких сделок, кроме как в присутствии герольда или городского клерка. Что бы ни продавалось в их присутствии, пусть цена будет обеспечена продавцу за счет государственного кредита.

(с) "Если какой-либо римлянин прибудет в карфагенскую провинцию на Сицилии, он будет пользоваться всеми правами, которыми пользуются другие.

(а') "Карфагеняне не должны причинять вреда жителям Ардеи, Анция, Лаурента, Цирцеи, Таррацины или любому другому народу латинян, подчиняющемуся Риму.

(б') "В тех городах Лация, которые не подчиняются Риму, они должны держать свои руки; и если они возьмут один из них, они должны передать его римлянам в целости и сохранности.

(с') "Они не должны строить крепости в Лациуме; и если они войдут в округ с оружием в руках, они не должны оставаться там и на ночь".

Этот документ раскрывает несколько важных фактов:²

(1) Это показывает (в '), что Рим при царях удерживал власть над большей частью Лация, включая все портовые города вплоть до Террачины, в 60 милях к юго-востоку от Рима, и что Рим рассчитывал сохранить это господство, игнорируя старую латинскую лигу. (2) Это также показывает (б'), что были некоторые районы, которые не признали новую республику, предположительно такие города, как

Тускулум и, возможно, Велитры, которые все еще находились под властью независимых этрусских князей; и что Рим надеялся завладеть и ими. (3) Наконец, это подразумевает, что Рим при этрусках принимал активное участие в морской торговле (а, b, c), которую новая республика, предположительно, могла бы продолжить, но которую ее лидеры не очень заботились о сохранении. Они позволили Карфагену закрыть несколько важных морей для их судоходства.

Реконструкция Латинской лиги. Естественное стремление римских аристократов сохранить за Римом статус лидера **p35** латинского племени и суверена всего Лация было обречено на разочарование. Латинские города были рады избавиться от этрусских угнетателей, но они не захотели становиться вассалами кого-либо из своих соплеменников. По-видимому, именно по этой причине некоторые из них помогали этрускам на озере Регилл. Римляне, наконец, поняли, что для того, чтобы заручиться доброй волей всех латинян в продолжающейся борьбе против этрусов, они должны восстановить старую латинскую лигу на более либеральной основе и отказаться от всех притязаний на суверенитет над своими свободолюбивыми городами-братьями в обмен на обещания помощи в борьбе с общим врагом. Таким образом, через два или три года после битвы при озере Регилл латины и римляне пришли к соглашению, которое они воплотили в договоре, **foedus Cassianum**, копия которого все еще существовала во времена Цицерона. Пункт³ гласил следующее:

"Между римлянами и объединенными латинскими народами да будет вечный мир. Никто не должен нападать на чужеземные народы и натравливать их друг на друга, равно как и допускать прохождение врага через свою территорию. В случае вторжения извне каждая сторона использует все свои силы. Раздел добычи должен быть равным, и война должна вестись под независимым покровительством обеих сторон соглашения. Когда заключаются частные сделки между римлянами и латинянами, решения должны быть вынесены в течение десяти дней на форуме города, где заключена сделка. Никакие изменения настоящих условий не могут вноситься без согласия обеих сторон".

Договор является полным признанием независимости южной половины Лациума, которая, предположительно, предпочла вернуться к старому до-этрусскому демократическому правительству Лиги. Южные латиняне все еще были в основном земледельческим народом и были лишены политических амбиций. Однако договор защищает территорию обеих сторон, предоставляя полную латинскую армию на случай вторжения, а пункт, касающийся контрактов, доказывает, что латиняне и римляне **p36** все еще считали себя братьями, которые могли как отдельные лица торговать — и, предположительно, вступать в брак — где угодно в пределах старого племени. Рим ни в коем случае не признается высшим: латиняне должны возглавлять свою собственную армию и контролировать ее. Но вскоре опыт показал, что Рим будет лидером во всех практических целях, поскольку, будучи единым целым, он всегда мог действовать быстро и эффективно, в то время как латинам, состоящим из нескольких автономных городов, требовалось время для объединения и принятия решений. Это условие, ни по чьей вине, в конце концов привело к ссорам, которые разрушили Лигу.

Так получилось, что у нас до сих пор сохранился список городов, образовавших не-римскую половину. Северная линия,⁴ ближайшая к Риму, проходила через Тибур, Тускулум, Арицию, Ланувий, Лавиниум и простиралась на юго-восток через Ардею, Помецию и Кору. Похоже, что некоторые города южного побережья, которые удерживал этрусский Рим (Анций, Сатрикум и Таррацина), остались снаружи, как и сильно укрепленные Пренесте и Велитры. Возможно, последнее из названных владений уже стало владением вольсков. Тогда получается, что Риму пришлось довольствоваться владением площадью не более • около 300 квадратных миль.

Временный упадок Рима. Значение Рима начало снижаться очень скоро. Находясь во вражде с этрусками за рекой, она не могла легко поддерживать с ними торговые отношения, в то время как они в своей торговле с Кампанией пользовались морским-путем, а не мостом через Тибр, удерживаемым враждебным государством. Она даже не могла привлечь латинскую торговлю в Рим, поскольку латинские города Ардея, Анций и Сатрикум теперь были независимы от нее и имели свои собственные гавани, которые служили входными портами для восточной и западной дорог, ведущих в Арицию, Велитру, Пренесте и Тибур. Богатство, которое текло к римским князьям от латинских вассалов, было отрезано, и когда оно было перенаправлено в другие каналы, а знатные этрусские князья ушли, не было стимула к строительству, производству р37и торговле. В городе наступил период покоя; мореплаватели перестали приезжать в места, где производилось мало и не было денег, на которые можно было покупать, портовый город Остия пришел в упадок, а промышленные классы и мелкие торговцы Рима начали разбредаться по более многообещающим городам или, впадая в долги и кабалу, сеять беспорядки дома. На самом деле прошло полтора столетия тяжелых условий, прежде чем Рим восстановил престиж, который он утратил за десятилетие или два после революции. Но следует помнить, что новое процветание, пришедшее позже, зависело от местных ресурсов, которые росли на земле свободных людей. Это не была хрупкая тепличная поросль, взращенная навязанной тиранией.

Борется с захватчиками. Так получилось, что латиняне выиграли от обновления Лиги больше, чем римляне, потому что так получилось, что внешние опасности на протяжении столетия приходили с юга и востока, а не с севера, где их больше всего ожидали. На самом деле вскоре оказалось, что этруски слабеют, поскольку они как раз тогда начали страдать от галльских вторжений в долину По и от совместных нападений самнитов и греков в Кампании. Они использовали свою силу для эксплуатации своих подданных и теперь начинали расплачиваться за это; кроме того, их предприимчивые лорды были настолько поглощены работой на себя, что не смогли объединиться во время опасности ради общего блага. Поэтому после битвы на озере Регилл граница с Тибром редко подвергалась нападениям. С другой стороны, латинам вскоре пришлось выдержать долгую серию нападений со стороны сабеллийских горных племен, вольсков и эквов, которые испытывали давление из-за кельтского вторжения в долину По и верхний Пиценум. Таким образом, в течение столетия Риму приходилось постоянно тратить свои силы на защиту южного Лациума. Латины около 500 г. до н.э. сначала были достаточно сильны, чтобы основать колонии в Сигнии и Норбе на Вольской горе, которая господствовала над

южными перевалами Лация. Великолепные **старые стены из многоугольной каменной кладки** р38 в этих колониях сохранились до сих пор. Но эквийцы прочесали долину Трерус и захватили даже Тускулум, в то время как вольски форсировали перевал ниже Сигнии и Норбы, захватив города на севере вплоть до Ардеи. В течение многих десятилетий Риму и латинянам приходилось трудиться, чтобы отбросить эти народы назад. Однако Тускул был отвоеван в 480 году, Ардея - в 442-м, Велитра - в 406-м и, наконец, Таррацина - в 404-м. Эти места были заселены как совместные колонии римлян и латинян, чтобы обладать теми же правами по отношению к Риму, что и любой латинский город.

Борьба классов в Риме. В ходе этой борьбы с внешними врагами новому правительству пришлось столкнуться с нападками на конституцию изнутри. Простые люди (**плебеи**) утверждали, что конституция благоприятствует знати (*патрициям*), и требовали реформ. Сейчас трудно точно сказать, как латиняне и римляне оказались разделены на два класса, столь же резко разделенных, как плебеи и патриции. Некоторые историки предполагали, что в основе лежало расовое различие, различие между этрусками и латинами, или латинами и сабинянами, или, возможно, латинами и первоначальной расой Италии. Но нет ни доказательств этого, ни каких-либо разумных аргументов в его пользу.

Кастовая система, вероятно, возникла в Лации постепенно в результате естественных процессов отбора, которые можно наблюдать в действии повсюду по-день. Даже в древнем демократическом племени, до прихода этрусков, некоторые мужчины, должно быть, добились отличия в деревенских советах благодаря благоразумию и здравому смыслу и приобрели престиж, сопутствующий богатству, благодаря своей проницательности и усердию в сельском хозяйстве. Этрусские цари, должно быть, выбирали влиятельных и богатых фермеров в свой консультативный сенат, потому что для успеха им нужна была добрая-воля подвластного народа. Когда Ливий говорит, что король выбирал сенаторов из числа наиболее выдающихся старейшин (**patres**) и что эта группа и их потомки сформировали орган, позже названный **патрициями**, он, следовательно, привел важный факт.

р39 Семьи, облагороженные таким образом политическими отличиями, естественно, начали считать себя выше остальных; и поскольку каждый новый король продолжал пополнять группу более богатыми и влиятельными, класс патрициев стал довольно многочисленным и могущественным. Мы видели, что патриции были доминирующим классом во время революции, и что после революции они установили правило, согласно которому только патриции могли занимать магистратуру. Последствия этого правила были очень важными. В Риме ни одно важное политическое дело не могло быть начато до того, как воля богов была выяснена с помощью покровительства, а поскольку за это брались магистраты и религиозные чиновники, которые должны были быть патрициями, легко видеть, что этот класс мог абсолютно контролировать политические действия в случае возникновения споров. Из этого обычая выросла теория о том, что боги имеют дело только с патрициями в государственных делах и что плебеи каким-то образом являются низшим классом, а также теория о том, что плебей не может жениться на

патрицианской семье из опасения, что исключительное религиозное право может по кровному происхождению перейти к плебею. Таким образом, различия, которые поначалу были незначительными и случайными, создали обычаи и теории большого значения.

В новой республике, хотя выдающиеся плебеи могли быть допущены в сенат, они не считались вполне равными группе патрициев, и к ним обращались как к **призывникам**. Таким образом, сложился стереотип кастовой системы, которая, как казалось через некоторое время, разделяла государство на две фракции. Было много хороших и влиятельных плебеев, постоянно занимавших видное положение, которые возражали против того, чтобы их считали непригодными для должности и вступали в смешанные браки с патрициями. Что еще хуже, этрусский режим и республиканская революция создали большой класс очень бедных людей, которые потеряли все политические права в соответствии с новой тимократической системой голосования. Не имея собственности, они не имели ни права голоса, ни влияния. Некоторые из них, по всей видимости, ничего, кроме крепостных крестьян под этрусских князей; некоторые были в рабочих городах, которые жили впроголодь в дни процветания **P40** и были теперь в состоянии крайней нужды, потому что промышленность пришла в полный упадок; некоторые из них были рабами и клиентами цари, и теперь не было никого, чтобы обслужить, поскольку король был таков; некоторые из них были мелкими фермерами, которые начали падать в долговую яму, когда коммерция предал Рим и продукты их нашли ни рынка. В примитивном обществе, подобном римскому, законы о долгах очень суровы, и тюремное заключение за долги — обычное дело в Англии до времен Диккенса — и даже обращение в рабство за неуплату долга были частым явлением. Отсюда было много бедноты, и они особенно нападали на аристократические черты конституции, потому что утверждали, что если бы у них были полные политические права в собрании, они могли бы принимать законы, исправляющие это положение.

Меры по проведению реформ. Сразу после основания Республики народ добился принятия **закона Валерии о провокации**, который впоследствии всегда рассматривался как первый большой шаг к свободе. Согласно этому закону, ни один римский гражданин не мог быть приговорен к смертной казни гражданским магистратом без предоставления ему права обжаловать свое дело в народном собрании.

В 494 году, согласно ранней традиции, плебеи потребовали некоторого освобождения от того, что они считали несправедливыми арестами, тюремным заключением и судебными решениями, очевидно, в случаях задолженности. Не получив облегчения, они ушли на Священную гору за городскими стенами, когда их призвали присоединиться к армии. Здесь они пригрозили обосноваться и составить собственную новую конституцию. Они отказывались возвращаться и вступать в армию до тех пор, пока консулы и сенат не пообещают принять закон, дающий плебеям право ежегодно избирать двух должностных лиц из своего класса, называемых **tribuni plebis** (руководители общин), которые должны иметь право вступаться за отдельных плебеев в случае несправедливого ареста.

Характер этой смягчающей меры подразумевает, что в прошлые дни народ имел привилегию обращаться к королю с просьбой о повторном рассмотрении дел и что новые трибуны должны были оказывать ту помощь, которой они лишились с исчезновением **p41** короля. Вскоре число трибун было увеличено с двух до пяти и, наконец, до десяти.

Трибуны могли осуществлять свои полномочия только в пределах городских стен и не должны были вмешиваться в воинскую дисциплину снаружи. Они были объявлены неприкосновенными, так что никто не смел мешать им выполнять свои обязанности. Поначалу казалось, что создание корабля **tribune** предназначено только для предоставления неимущим клиентам бесплатных юридических услуг, но со временем выяснилось, что **tribune** могут и будут неограниченно расширять свои полномочия. Ибо позже они обязались войти в сенат и законодательное собрание и запретить спикерам вносить предложения, которые им не нравятся, под предлогом того, что это всего лишь запрещение действий, наносящих ущерб их клиентам. Но это расширение власти произошло позже.

Назначение **трибунов** подразумевает, что Рим и его территория уже были разделены на округа, "**трибусы**"; город состоял из четырех из них, страна - из семнадцати. Мы не знаем, когда это было сделано, но, возможно, это было изобретение ранней республики, сделанное для облегчения проведения переписи по округам. Интересно, что плебеи, когда они шли в **комициум** для избрания этих новых должностных лиц, голосовали по приходам, причем каждый приход имел один голос. Поскольку первоначально палаты, предположительно, были примерно одинакового размера, этот метод был гораздо более демократичным, чем избрание имущественными классами, поскольку бедный плебей значил столько же, сколько и богатый. Но следует помнить, что новые должностные лица представляли только плебс, следовательно, патриции были исключены из этих выборов.

Закон Публилия от 471 года более четко определил должность трибунов и уполномочил **трибутные комиции**, которые избирали трибунов, принимать резолюции, выражающие желания плебеев,⁵ которые консулы должны представить для принятия решения **п. 42** сенату и **центуриатным комициям**. В 456 году было сделано кое-что, чтобы облегчить бедственное положение городской бедноты, выделив им Авентинский холм под дома, возможно, с садовыми участками. Очевидно, во времена этрусков эта земля принадлежала царю.

До середины века плебеи требовали письменного свода законов, потому что трибунам постоянно мешали помогать бедным из-за отсутствия фиксированного свода законов, которые могли бы обязать судей выносить последовательные решения. В Риме, как и во всех ранних государствах, старые сенаторы, всю свою жизнь занимавшиеся общественными делами, были единственными людьми, которые знали священные обычаи предков (**mos majorum**). От таких людей судьи узнавали законы устно, и их обвиняли в том, что они иногда давали им индивидуальное толкование в интересах своего собственного класса. Давление на принятие публичного кодекса было широко распространено, и ассамблея проголосовала за то, чтобы десять человек (**децемвиры**) были избраны вместо двух консулов в качестве руководителей на следующий год и одновременно в качестве

комитета по составлению свода законов. В течение этого года комитет составил десять таблиц, которые были приняты собранием. Это было настолько удовлетворительно, что на следующий год децемвиры были избраны снова, и, похоже, среди них было даже несколько плебеев. Теперь были составлены еще два стола, но возникла политическая ссора, когда были выдвинуты обвинения в том, что децемвиры пытались узурпировать власть и незаконно оставаться у власти. Следовательно, на 449 год были избраны два консула, Валерий и Гораций, которые предприняли меры по восстановлению старой конституции с некоторыми незначительными изменениями и компромиссами. Согласно этим законам Валерия и Горация, двенадцать таблиц были приняты и вывешены на Форуме; судебная власть была определенно возвращена двум консулам-патрициям, выборы десяти ежегодных плебейских трибунов были узаконены, и, наконец, было принято положение о том, что решения (плебисциты) племенного собрания должны, при определенных п. 43⁶ требований, которые сейчас неизвестны, иметь полную силу закона.

Либерализация конституции быстро продолжалась, когда у плебса был полностью развит этот орган выражения мнений. Сенату и центуриатному собранию приходилось принимать постоянно новые резолюции. В 447 году квесторы, служащие казначейства, стали выборными, а не назначаемыми, хотя прошло поколение, прежде чем плебеи получили право занимать эту должность. В 445 году худшее клеймо, лежащее на классе плебеев, было снято, когда закон о праве узаконил браки между плебеями и патрициями. В том же году плебеи потребовали приема на консульский корабль. Они не добились успеха, но добились компромисса, согласно которому административная должность могла бы из года в год передаваться исполнительному комитету из шести человек, называемому "консульскими трибунами", в состав которых могли бы входить плебеи. Этот импровизированный прием, свидетельствующий о ревнивом консерватизме патрициев, использовался около пятидесяти раз за те семьдесят восемь лет, что действовал компромиссный закон. Но мы не находим ни одного плебея даже на этой должности примерно до 400 годадо н. э.

В 443 году консульская служба снова была несколько ослаблена за счет передачи двум цензорам некоторых важных гражданских обязанностей, ранее выполнявшихся консулами. Теперь цензоры составили список сенаторов, выбрали всадников, которые должны были служить в кавалерии, распределили всех граждан по соответствующим классам в армии и народном собрании и заключили государственные контракты. Со временем этот офис стал одним из самых важных и, безусловно, самым достойным в Риме. Августейшие религиозные p44⁴⁴ церемонии, связанные с этой должностью, долгое время удерживали ее в руках патрициев.

Поединок с Вейи. Ближе к концу столетия Рим, наконец, вступил в свою последнюю битву с Вейи после распрей, продолжавшихся с царского периода. Мы включаем историю об этом сюда, поскольку завоевание Римом сосуда оказало очень важное влияние на конституцию. Вейи были такими же большими, как Рим, имели более сильное положение и владели такой же территорией. Раскопки на месте старого города недавно выявили мощные стены цитадели, фундаменты здания городского

сената, интересные остатки очень старых домов и замечательные терракотовые статуи. Они раскрывают тот факт, что Вейи были очень богатым и красивым городом. Неудивительно, что между Вейями и Римом возникло смертельное соперничество. Даже этрусские цари Рима не смогли сохранить дружеские отношения с Вейями. Два города подрались из-за солончаков в устье Тибра, из-за контроля над речным судоходством и северными и южными торговыми путями, которые должны были пересекать Тибр в Риме или Фиденгах • в шести милях вверх по реке. Поскольку Рим контролировал движение по своему собственному мосту, борьба часто была связана с контролем над Фиденгами, городом, который отдавал предпочтение то одному, то другому. Кто начал последнюю войну, мы не можем сказать, но мы знаем, что борьба переросла в ужасное ожесточение. Рим через некоторое время одержал верх в открытой кампании и преуспел в окружении величественного города. Вейи отказались смириться, но, наконец, после войны десять лет (405-396) Камиллуса, римский диктатор, начали штурм города. Большая часть города была разграблена и сожжена, а некоторые из его выживших жителей были проданы в рабство. Но поскольку вейцы были в основном латинского происхождения, многие из его жителей могли быть приняты в качестве римских граждан. Часть богатой территории Вейи была небольшими участками роздана бедным римским поселенцам, и к северу от реки были разбиты четыре новых римских округа (**tribus**).

Прямым результатом такого распределения стало то, что значительная часть **p45** безземельных плебеев стала землевладельцами, что не только усилило плебейский элемент в центуриатном собрании и дало власть самому плебейскому собранию, но и установило обычай раздела земель между бедняками. После такого усиления плебейского влияния в городе мы можем вскоре ожидать, что демократия выиграет свою последнюю битву с патрицианским элементом.

Таким образом, не все освобожденные земли Вейи были отданы бедным римлянам. Северная часть была разделена на две латинские колонии, Непете и Сутриум (383-2), которые должны были служить колониальными фортами на северной границе. Это, несомненно, была частичная выплата латинам, которые, согласно условиям **foedus Cassianum**, должны были помочь Риму в борьбе. Однако основание *латинских* колоний к северу от Рима вызывает удивление, поскольку показывает, что римляне в то время не рассчитывали расширить свои города-государства к северу от этих колоний. Наконец, поскольку в Вейи было много неровных земель, не очень пригодных для сельского хозяйства, часть их осталась незанятой и была сдана в аренду казначейством, особенно скотоводам. Поскольку только богатые люди могли позволить себе содержать скотоводческие ранчо, такие договоры аренды были склонны заключать состоятельные сенаторы. Плебеи утверждали, что сенат и цензоры удерживали хорошие земли, чтобы получать прибыль от государственных контрактов, и что некоторые сенаторы использовали свое личное влияние на цензоров, чтобы получить выгодную аренду. Таковы были обвинения в "военной-спекуляции", которые в настоящее время привели к разработке нового свода законов.

Рим, разграбленный галлами, 387 г. до н.э. Однако новая классовая распря только началась с изгнания Камилла по обвинению в неправомерном извлечении выгоды из войны, когда вторжение галлов укрепило жизнь не только Рима, но и всей Италии. Галлы в течение предыдущего столетия овладели всей долиной реки По и длинной полосой Адриатического побережья в Пицене. Теперь орды продолжали прибывать из центральной Европы, подгоняемые, предположительно, p46 германскими и восточными ордами, стоявшими позади них. Горные умбрийцы, владевшие бедными землями, не представляли никаких препятствий; у этрусков не было сильного центрального правительства, которое могло бы организовать им сколько-нибудь эффективную оппозицию. Если бы не римляне, Италия вместо Галлии, вероятно, стала бы землей кельтов. Наступающая орда сенонов, живших ниже Рубикона, пронеслась по Этрурии и у реки Аллия близ Рима разгромила быстро набранную римскую армию (вероятная дата 387 г., у Варрона - 390 г.). Они захватили Рим, за исключением Капитолийского холма. Это продержалось несколько месяцев - единственный факт, который, как правило, обескураживал не слишком постоянных кельтов. Тем временем Марсель, расположенный в устье Роны, с дружелюбием, которое греки обычно проявляли по отношению к латинскому народу, пришел на помощь городу, внес выкуп и спас остатки.

К счастью для Рима, кельты, в присущем им страхе перед богами, сохранили большинство римских храмов, где хранились ее записи, к счастью также, большинство латинских соотечественников спаслись от опасности в городах дальше на юг, и вскоре Рим начал восстанавливать свой прежний облик и быстро увеличивающееся население. Сербская стена вскоре была восстановлена солдатами из великолепного камня, взятого со старых стен Фиден и из вейских каменоломен.

Реформы Лициния-Секстияна. К тому времени, когда Рим в достаточной степени оправился от галльского вторжения, классовая ненависть вспыхнула с новой силой. Плебеи сыграли свою роль в Вейской и Галльской войнах и требовали равного признания при распределении должностей; и они достаточно окрепли за счет присоединения четырех округов к северу от Тибра, чтобы настаивать на своих притязаниях с новой силой. Вопрос о долгах также учитывался. Тысячи людей потеряли свои дома и урожай во время галльского нашествия, и такие люди жаловались, что законы о должниках, допускающие тюремное заключение, были слишком суровыми и что арендованные общественные земли следовало раздавать p47 Борьба грозила перерасти в революцию. Были беспорядки, переносы выборов и назначения диктаторов. Наконец, трибуны 367 года Лициний и Секстий, после того как они переизбирались несколько раз подряд, смогли достичь компромисса с аристократией при помощи военного героя Камилла. Было решено, что должность консула должна быть восстановлена при условии, что одно место должно быть открыто для плебеев. Однако судебные обязанности консулов были переданы преторам, а надзор за общественными работами был передан совету должностных лиц, называемому *курульными эдилами*. Только патриции должны были иметь право на эти новые должности. Что касается земель, то и здесь был достигнут компромисс: нет упоминаний о нарушающих старые договоренности арендаторах, но отныне не более пятисот джугер • (около трехсот акров) могло быть

сдано в аренду любому человеку — с возможным максимумом в 1000 для отцов двоих детей - и ни один человек не должен пасти более 100 голов крупного рогатого скота или 500 голов овец на общественных землях. В-третьих, для должников был объявлен умеренный "мораторий". Уже выплаченные проценты следует вычесть из основной суммы долга, а остаток выплачивать тремя ежегодными платежами.

Таким образом, с плебеев практически была снята последняя дисквалификация — поскольку вскоре они получили допуск на корабль преторов, а также на корабль эдилов — и старая классовая борьба между патрициями и плебеями была почти прекращена. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем стала видна новая демаркационная линия. Естественно, что плебеи, которые теперь получили доступ к высоким должностям, делали все возможное, чтобы подчеркнуть важность политических почестей. Таким образом, новая патрициано-плебейская знать возникла из людей, занимавших курульные должности, и их потомков. Такие люди вскоре объединились, чтобы усилить влияние сената на народное собрание, и мы обнаружим, что в третьем столетии возникло новое политическое соперничество между простыми людьми и недавней знатью, которое основывало свои притязания **p48**

Середина четвертого века до н.э. знаменует собой конец определенного периода. Аристократическая конституция постепенно видоизменялась, чтобы отражать взгляды и допускать здоровое участие всех классов гражданского общества, хотя по своей природе она все еще была тимократической. Государство пережило требование латинян об автономии, экономический упадок Рима, нападения этрусков, экв, вольсков и сабинян, а также захват Рима галлами. Новая эра начинается с более агрессивной политической и экономической политики, которая, по-видимому, проводилась главным образом сильными плебейскими лидерами, пришедшими к власти благодаря демократическим реформам.

Экономические и социальные условия. Прежде чем вступить в новую эпоху, начатую реформами 367 года, мы должны оглянуться назад и составить некоторое представление о Риме и его народе такими, какими их увидел бы иностранный путешественник примерно во времена принятия закона о децемвирусе.

Население города очень сильно сократилось. Археологи находят в латинских и римских останках пятого века очень мало свидетельств домашней промышленности, за исключением тех, которые были заняты производством простейших изделий для домашнего использования. Здесь нет производства на экспорт. Они также не находят достойного упоминания иностранного импорта. Греческая керамика, ювелирные изделия, одежда для ношения, скульптуры и архитектурные украшения — даже этрусские - практически исчезают. Греческие, карфагенские и этрусские торговцы, путешествовавшие вверх и вниз по Тирренскому морю, теперь редко считали нужным останавливаться в Риме. Гавань в Остии не имеет никаких признаков использования в период между царским периодом и реколонизацией в новодемократический период около 350 года.

Население вернулось к уединенной жизни "домашнего хозяйства", основанной в основном на интенсивной "мотыжной-культуре" земли в непосредственной

близости от Рима. У многих дворян были довольно большие фермы, на которых работали арендаторы, но сами они p49не гнушались жить на своих фермах и участвовать в работе. История Цинцинната, призванного с плуга на высокий пост диктатора корабля, точно отражает жизнь того времени. Цинциннат действительно был примечателен не столько своим занятием фермером, сколько своими скромными владениями.

О качестве их мышления следует судить по сохранившимся фрагментам двенадцати таблиц, поскольку у нас нет других письменных документов, из которых можно было бы делать выводы. Эти таблицы действительно представляют собой своеобразную смесь концепций, некоторые из которых очень прогрессивны, другие - очень консервативны. Фрагменты гражданского права раскрывают передовые обычаи и дальновидное мышление, которые доказывают, что римляне извлекли выгоду из наблюдения за бурной торговлей и промышленностью предыдущего столетия, а также из существования старых аристократических семей, которые нуждались в передовых законах о наследовании и собственности. Только активная торговля на Форуме могла так рано породить четкую концепцию контракта, которая принимала простое соглашение как действительную сделку;⁷ и только глубокое уважение к частной собственности, порожденное долгой передачей поместий от отца к сыну в семьях с длинной родословной, могло так рано породить либеральные законы о завещании, изложенные в этих таблицах, которые позволяли отцу оставлять собственность по наследству за пределами своей семьи.⁸

Однако кое-где даже в гражданском праве двенадцать таблиц демонстрируют отсталость, как, например, в отношении просроченного права собственности. Этот недостаток частично объясняется аристократическими тенденциями, которые чрезмерно защищают кредитора, но отчасти также и отсутствием механизмов в любом раннем правительстве. Хотя государство предоставило судье право назначать штраф по долгу, оно еще не предоставило должностных лиц для приведения в исполнение его решения. Следовательно, кредитору было разрешено вынесение настолько сурового судебного решения, что должник и его друзья были бы напуганы необходимостью выплаты.⁹ Таковы намерения законов, разрешающих тюремное заключение и порабощение за неоплаченные долги.

В уголовном праве мы снова обнаруживаем консерватизм, который обусловлен отсутствием исполнительного аппарата. Поскольку у латинских народов долгое время не было центрального правительства, а юрисдикция в деревнях была оставлена главным образом патриархам, прокурорский и полицейский аппарат развивался медленно. Следовательно, в случае причинения вреда потерпевшему, хотя и разрешалось доставить виновного к судье, он не получал никакой помощи от государства для приведения решения в исполнение. Чтобы покрыть этот недостаток, двенадцать таблиц разрешили талио (возмездие) со стороны потерпевшего, чтобы помочь ему принудить виновного оплатить рассмотренные требования. Таким образом, мы имеем правило двенадцати таблиц:¹⁰ "Если человек ломает конечность другому и не удовлетворит иск о возмещении ущерба, пострадавший может нанести ответный удар" ("око за око, зуб за зуб").

Наконец, мы должны заметить, что религиозный трепет все еще был настолько эффективен, что ему можно было доверять в устранении многих проступков. Следовательно, существуют такие законы, как: "Тот, кто сожжет чужое зерно, будет подвергнут проклятию Цереры".¹¹ Излишне говорить, что Рим был бы готов передать такие преступления под гражданскую юрисдикцию, как только религия окажется недостаточной п. 51 для этой цели. Это правило свидетельствует не столько о неспособности определить сферу права, сколько о тенденции государства брать на себя обязательства только там, где это необходимо.

Таким образом, кодекс далек от образца ни в деталях, ни в юридической концепции. Он отражает религиозную общину, которая, насколько это возможно, предпочитает доверять традициям предков деревенской демократии. Тем не менее, в нем видны следы большого опыта промышленной жизни и влияния аристократических представлений о собственности, семье и наследовании. С точки зрения юриспруденции в нем есть много мудрых положений, как, например, то, которое запрещает сословное законодательство, и другое, которое разрешает пересмотр кодекса или любой его части большинством голосов **центуриатной комиссии**.

Религия. В течение этого периода римская религия не претерпела никаких улучшений. Этруски учили римских детей тому, как выглядят боги, воздвигая их терракотовые статуи эллинского вида. Юпитер, вместо того чтобы быть духом, пронизывающим жизнь и обитающим в молниях, теперь превратился в красновато-коричневое терракотовое существо с густой бородой, стоявшее в капитолийском храме между Юноной и Минервой. Юнона была италийским духом, которого этруски переняли и изображали в образе Геры. Поэтому она внезапно стала женой Юпитера. Минерве, духу мастерства, этруски придали облик афинянки Паллады. Следовательно, она должна быть дочерью Юпитера. Эта беспечная семейная группа, чопорно стоявшая в капитолийском храме, унаследовала много простого почтения, которое они мало что сделали для увеличения. Дух света, наблюдающий за делами всех людей, был богом, который был призван быть свидетелем всех важных соглашений, и таким образом стал защитником истины и верности. Этот факт когда-то придавал поклонению Юпитеру глубокое моральное значение. Но антропоморфизм сделал дальнейший рост в этом направлении невозможным, поскольку Юпитер унаследовал самые обычные легенды, которые рассказывали о Зевсе. Мораль должна была искать помощи в другом месте стр. 52, а не в религии. Этруские методы использования религии также подчеркивали низменные тенденции культов. Этруски были искусны прежде всего в точных методах извлечения практической пользы из религии. Сложная наука предсказаний по полету птиц, по священным птицам, по молниям и по точному состоянию каждой из сорока частей телячьей печени, впервые представленная в Риме, вызвала скептицизм, но была основательно освоена за сто лет этрусского господства. Это была наука, которая стремилась сделать религию не чем иным, как искусством эксплуатации богов.

Однако само государство организовывало культы и передавало богослужение в руки государственных священников, и поскольку религия утратила свое этическое значение, это было преимуществом. Человек, по крайней мере, тогда чувствовал,

что жертвоприношения совершаются должным образом, таинственные боги должным образом умиротворяются и что ему не нужно беспокоиться изо дня в день. Он должен был только дарить знаки памяти и возлияния домашним и полевым богам, а также давать свою обетную табличку или простое подношение в случае особых случаев. Второстепенные боги его повседневной жизни во многом остались такими же, какими были раньше.

После ухода этрусков обычаи, навязанные ими государству, были продолжены, и время от времени вводились новые божества. Иногда это были боги завоеванных городов, таких как Вейи, введенные отчасти для того, чтобы заручиться их дружбой, отчасти для удовлетворения желаний покоренных и инкорпорированных жителей. Иногда римляне, возвращаясь к своему старому-анимизму, создавали богов из абстракций, как, например, когда после компромисса между классами в 367 году они воздвигли храм Конкордии, духу, который, предположительно, примирил враждующие группировки. Был вызван художник, чтобы сделать ее соответствующую статую, и таким образом родилась новая богиня. Но самым большим источником новых приращений была литература о сивиллах, которая была привезена в Рим из греческой колонии в Кумах, где она развивалась в связи с оракулом Аполлона. В стр. 53 консультируясь с этими оракулами, римляне нашли упоминания о важных греческих богах, которых у них не было. Поэтому во время голода, примерно в 493 году до н.э., они решили представить греческую богиню зерна Деметру, которую они отождествляли с Церерой. Точно так же Аполлон был привезен из Кум в 433 году, чтобы смягчить последствия эпидемии.

Кумские культы мало чем отличались от этруских, поскольку они ввели грубый **греческий ритуал**, который представлял фигуры двенадцати богов, сидящих за столом, чтобы принять участие в жертвенном пиршестве (**лектистерний**). Этот обряд всегда казался римлянам неприятным, но во времена большой опасности, когда благоразумие подсказывало необходимость всех возможных мер предосторожности, к нему также прибегали.

Государственные чиновники, как правило, организовано проводили религиозные обряды. **Верховный понтифик** обычно был очень почитаемым человеком, занимавшим все высшие государственные посты. Ему можно было доверить руководить празднествами и совершать жертвоприношения с достоинством, благоразумием и трезвостью. Авгуры, также обладавшие огромной властью благодаря своему праву объявлять законным или незаконным практически любое начинание, обычно избирались путем кооптации из числа самых выдающихся людей Рима. Совет из десяти ответственных людей контролировал импортные культы и ознакомление с сивиллиными книгами, чтобы предотвратить опасные нововведения и религиозную панику. Таким образом, запутанная религия, навязанная Риму, по крайней мере, сохранялась настолько достойной и безвредной, насколько это было возможно. Необходимость такого управления в государстве, предназначенном для поглощения всех видов рас, очевидна. То, что, однако, государственное руководство сохраняло религию холодно-безличностной и вне сферы морального поведения, также очевидно.

Римская семья. Одним из самых ярких институтов Рима была патриархальная семья. Ни одна история цивилизации не является адекватной, если не учитывать ее в полной мере. В раннем Риме отец контролировал всю семью: p54жену, сыновей, дочерей, рабов и все имущество. Говорили, что они находятся в его руке (*manus*) по праву *patria potestas*. Фактически, у него была власть над своей семьей, которой сейчас обладают только суверенные государства, власть над жизнью и смертью. Не то чтобы он часто пользовался этой властью до предела. Римский отец семейства был любящим отцом и мужем, придерживавшимся строгих пуританских правил, а его жена обладала достоинством и авторитетом, неизвестными в Греции. Более того, римский отец семейства не применял свои силы в серьезных вопросах, не создав консилиум родственников отцов, которым он представлял свои решения для всестороннего обсуждения. И все же факт остается фактом: до самых последних дней Республики семья подчинялась ему для принятия решений, которые позже считались прерогативой только гражданских властей.

Возвышение римского отцовского семейства до такого достоинства и авторитета было обусловлено несколькими причинами. Хорошо признанным фактом является то, что в течение длительных периодов народных скитаний гражданская власть большой группы склонна как бы атомизироваться и возвращаться к кланам и семьям. Это связано с тем фактом, что в условиях постоянных миграций племенное правительство или вождь перегружены вопросами военной организации. Поскольку центральная власть в социальных, гражданских, религиозных и уголовных делах перешла к отцу, отдельные члены орды объединились в несколько авторитетных глав, поскольку каждый должен был знать, с каким главой он был наиболее тесно связан, и степень его родства. Таким образом, семейные и клановые отношения приобрели большое значение.

Врожденные инстинкты и темперамент, унаследованные вместе с другими расовыми качествами, также участвуют в формировании централизованного семейного правления. Весьма вероятно, что латиняне, подобно кельтам, унаследовали от своих предков более сильный социальный инстинкт, который мы иногда называем "лояльностью" и особенно "верностью роду" или "клановости", чем некоторые другие ветви индоевропейской расы. Таким образом, может показаться, что как унаследованный темперамент, так и долгие столетия миграции p55с севера имели какое-то отношение к тому, что патриархальная семья была такой сильной в раннем Риме.

Каждый римлянин обозначал свое положение в семье формой своего имени. Он регулярно носил родовое имя, оканчивающееся на *ius*, и если род (клан) делился на несколько важных ветвей, то также и на семейное прозвище. Его личное имя, называемое *преноменом*, было дано первым. Таким образом, в стандартной форме имени, *Марк Туллий Цицерон*, мы имеем *преименование*, *номен* и *когномен* в обычном порядке. У каждого рода также было свое отдельное божество-покровитель и отдельный обряд, и в случае смерти члена без завещания и без родственников он мог унаследовать имущество такого человека. Конечно, тысячи плебеев, впавших в крайнюю нищету, потеряли все следы своего рода. У рабочих есть более насущные обязанности, чем выяснять родословные. Но плебейские

семьи, которые были достаточно знатны, чтобы поддерживать свои семейные традиции, были так же осторожны в отношении родовых обрядов и родословных, как и патриции.

Эта сильная патриархальная система объясняет многое в истории Рима: способность старых семей держаться вместе и выживать, что, в свою очередь, гораздо дольше защищало древнюю индоевропейскую цивилизацию и обычаи в Риме, чем в Греции; обычай сохранять семейные поместья в неприкосновенности, насколько это возможно; в значительной степени сохранение достоинства женщин в римском доме, когда южная цивилизация в других странах обычно ставила их в более низкое положение; почтение к знати, которое часто перевешивало экономические соображения на выборах; и, наконец, из-за этих вещей, долгое время сохранялось уважение к правлению сенаторов. . Не следует думать, что во времена Цицерона **могущественное отечество** сохраняло свою былую жесткость. Конечно, не было принято законов, отменяющих его: римляне обычно позволяли своим обычаям развиваться и делали мертвые буквы старых законов без особых юридических нарушений. Однако, когда центральное правительство в Риме окрепло и взяло на себя нормальную гражданскую и уголовную юрисдикцию над всеми гражданами, отцы семейств **p56** постепенно передали гражданским властям свои неприятные обязанности в сложных случаях. После этого члены семьи мужчины обычно передавали свои споры в суды штата, а не в **отцовские семьи**. Ко временам Цицерона очень немногие женщины переходили в полную **власть** своего мужа при вступлении в брак, а если и переходили, то по контракту, согласно которому **potestas** мужа не должны были осуществляться. Родители девушки, как ради нее, так и ради себя самих, при вступлении в брак позаботились о том, чтобы ее собственность и свобода были полностью защищены. Женщины тогда сами распоряжались своим имуществом и даже имели право расторгнуть брачный контракт по своему желанию и без объяснения причин. Однако теоретически патриархальная семья сохранялась до конца.

Мы отмечали, что патриархальное правление указывало лишь на временную и необходимую смену суверенитета, пока государство было слабым, оно не подразумевало сурового правления внутри семьи. Фактически, нигде нельзя было найти больше родительской привязанности, чем в римской семье. Она не проявлялась в сентиментальной манере, но была глубокой и постоянной. Забота, с которой сенаторы брали своих юных сыновей в сенат, чтобы они усвоили великие уроки государственного управления, или ставили их в ряд выдающихся государственных деятелей, чтобы они непосредственно готовились к выполнению своих высоких обязанностей, или брали их с собой в далекие-дипломатические поездки по всем провинциям, чтобы усвоить уроки ответственного управления, или посвящали личную заботу их образованию, доказывает, что римским детям не нужно было бояться проявления экстраординарных **способностей отца**. То, что это может повлечь за собой горький опыт, верно. Зафиксированы случаи, когда отцу приходилось выносить смертный приговор сыну, проявившему себя трусом или предателем на поле боя, и об одном запоздалом случае применения этой власти сообщается даже во времена Цицерона.

Примечания автора:

¹ Расхождение в датах ранних событий было связано с тем фактом, что некоторые более поздние историки считали даты по гвоздям, ежегодно вбиваемым в дверные косяки капитолийского храма, а другие - по именам консулов, которые избирались ежегодно. Поскольку, однако, мнения относительно того, когда был вбит первый гвоздь в храм, несколько расходились, и поскольку политические беспорядки иногда препятствовали выборам консулов, более поздние историки, пытавшиеся совместить две системы, не всегда приходили к идентичным выводам. Поэтому мы не можем придирается, если ранние римские даты обнаруживают незначительные расхождения.

² Многие ученые сомневались в датировке Полибия, но нет другого периода до 341 года, когда Рим мог бы претендовать на суверенитет над Лациумом, кроме как во время или сразу после царского периода.

³ Дионисий Галикарнасский, VI.95.º Традиционная дата - 493год до н. э.

⁴ См. карту, стр. 24.

⁵ Именно в попытке избавиться от трибуната Кориолан ввязался в ссору с плебеями и был изгнан. Игра Шекспира об этом персонаже в значительной степени заимствована из рассказа Плутарха, который, однако, почти полностью опирается на устную традицию.

⁶ Некоторые авторитетные источники предполагают, что собрание племени теперь было открыто для всех граждан, так что его резолюции фактически были выражением полного "городского собрания" и нуждались только в одобрении сената, как и законопроекты, принятые собранием центурий, чтобы вступить в силу. Другие предполагают, что это все еще было собрание только плебеев, и что его резолюции (плебисциты) по закону 449 года были приняты в первую очередь регулярным законодательным собранием, **центуриатными** комициями, которые должны были приниматься или отклоняться по усмотрению этого органа. Если это правда, что представляется вероятным, то закон 449 года повысил статус собрания племен только до такой степени, чтобы заставить настоящее законодательное собрание принимать во внимание все плебисциты и принимать незамедлительные меры по ним.

⁷ См. таблицу VI: "Если человек берет на себя личные обязательства или совершает покупку, то так тому и быть, на каком языке он говорит". Первобытные законы обычно не признают сделку действительной до тех пор, пока не будет произведен фактический обмен.

⁸ Ср. пятую таблицу: "Как человек завещает свою личную собственность и свои полномочия хранителя корабля, так тому и быть". Примитивные кодексы, обычно предполагающие, что права собственности принадлежат сообществу или семье, редко признают свободные права завещания.

⁹ См. таблицу III: "После судебного решения о взыскании долга предоставляется тридцать дней отсрочки. Затем кредитор может наложить руки на должника и предать его суду; если долг после этого не будет погашен, кредитор может увести должника в цепи. ... по истечении трех рыночных дней, если долг не будет выплачен, должник утрачивает свои гражданские права или продается за Тибром". Об этом законе см. Радин, *Secare partis*, в *Am. Jour. Фил.* 1922.

¹⁰ См. таблицу VIII: *Si membrum rupsit, ni cum eo pacit, талио эсто. Manu fusive si os frigit liberto, CCC, si servo, CL poenam subito.*

¹¹ См. таблицу VIII, 8-10.

Глава IV

Завоевание Рима и организация Италии

Недовольство в Латинской лиге. Захват Рима галлами в 387 году до н. э. серьезно подорвал престиж Рима, и старые враги, особенно вольски на юге, воспользовались случаем, чтобы продвинуться вперед. Когда они были отброшены, латинские колонии были основаны в Сатрике (385 г.) и Сетии (382 г.). Но некоторые из латинян также проявляли признаки недовольства. Вейская и Галльская войны, конечно, дорого им обошлись, и Рим извлек из их результатов больше выгоды, чем латиняне, поскольку эти нападения были совершены на его северных границах. Многим латинским городам Рим с его эффективным правительством, должно быть, казался опасным для их независимости. Кроме того, росли различия в идеалах и обычаях, которые натягивали старые узы симпатии. Рим быстро становился демократическим и проводил передовые реформы, в то время как латинские города цеплялись за старые аристократические идеи землевладельческих общин. Рим также, будучи крупнейшим городом и предлагая более разнообразную и интересную жизнь, естественно, привлекал многих латиноамериканцев вдали от их родных городов. Пренесте был примером сильного латинского города, который отказывался подчиняться приказам ни Рима, ни Лиги, и Риму долгое время приходилось позволять этому идти своим путем. Рим также привлекал больше внимания иностранцев, чем маленькие латинские городки. Она подписала договор о дружбе с самнитами в 354 году и новый договор с далеким Карфагеном в 348 году.

Этот последний договор, по-видимому, был заключен в связи с новой демократической политикой Рима. Реформы 367 года впустили в правительство p58энергичную плебейскую кровь. Некоторые из этих людей, такие как Марций Рутил и Публилий Филон, желали, чтобы Рим действовал более энергично, и решительные патриции, такие как Валерий Корв, были готовы действовать вместе с ними. Несомненно, именно благодаря таким людям портовый город Остия был перестроен, чтобы привлечь иностранных торговцев, и что медные монеты впервые были отчеканены в Риме, чтобы облегчить торговлю. Фактически, одним из позоров старого землевладельческого режима было то, что он настолько пренебрегал торговлей и промышленностью, что позволил гавани прийти в упадок и воздержался от какой-либо чеканки монет, хотя греческие города Сицилии имели металлическую валюту в течение двух столетий. Как мы уже говорили, карфагенский мирный договор был лишь одним из многих признаков новой политики Рима.

Однако эти нововведения могли лишь встревожить медлительных латинян. В 358 году Лига, ныне почти распавшаяся, была восстановлена, и старый договор был снова подписан, что стало доказательством того, что требовались особые усилия, чтобы не допустить его разрыва. Однако он был возобновлен на условиях, которые в конечном итоге принесли еще больше проблем, поскольку некоторые земли, отнятые у вольсков к югу от Лация, теперь были отданы Риму для бедных. Рим

выделил из этой территории два новых округа, Помпину и Публилию; таким образом, на склоне вольских холмов была разбита как бы отделенная часть города • примерно в сорока милях от них. Несомненно, латины должны были почувствовать в течение нескольких лет, что они не смогут сохранить свое равенство, если римские магистраты и римские войска должны будут маршировать через Лаций, переходя из одной части города-государства в другую.

Экономические потрясения в Риме. Законодательство того периода в Риме доказывает, что это было также время финансовых трудностей. Римские фермы не приносили столько урожая, сколько следовало. Земля стала густонаселенной в те дни, когда почва была еще очень плодородной. Теперь быстро проявлялись признаки истощения. На самом деле земля была настолько новой — поверхность была заложена последними извержениями вулкана Альбан p59, — что сверху был обнаружен лишь тонкий слой гумуса, и теперь он не только истощался в результате интенсивного земледелия, но и смывался поверхностной эрозией. И хотя вулканический пепел под ним довольно плодороден, слабые корни злаков с трудом разрушают его. Латинская почва, как правило, со временем восстанавливается после истощения, но неизбежно наступают периоды, когда ей необходимо давать длительный отдых в качестве пастбищ. Это надвигающееся истощение было одной из причин проблем как в Риме, так и среди латинских фермеров.

Еще одной особой причиной бедственного положения Рима в то время, по-видимому, были финансовые неурядицы, связанные с началом чеканки монет. Мы видели на собственном опыте (в 1918-21 году), что при необычной инфляции валюты наступает эра покупок, трат, заимствований и спекуляций, а когда избыток израсходован, наступает внезапная жесткость. Тогда многие безрассудные люди оказываются в долгах, не имея под рукой ничего, чем можно было бы оплатить свои обязательства. Результатом являются неудачи и банкротство. Римляне, у которых никогда раньше не было денег, допустили аналогичные ошибки, как только правительство выпустило валюту (около 350 г.до н.э.), и возникшие в результате неудачи привели к энергичным мольбам о помощи со стороны бедных. Это был новый опыт, и поэтому популярные лидеры были в растерянности, что делать. Сначала они сделали самую очевидную вещь и снизили процентную ставку вдвое, затем приняли закон, полностью запрещающий взимание процентов, — обе глупые меры, направленные скорее на симптомы, чем на зло. В конце концов, однако, они извлекли уроки из опыта, назначили комиссию для разработки либерального закона о банкротстве, который позволил должникам снова встать на ноги и послужил предупреждением кредиторам не давать займы безрассудно; а затем они закончили принятием превосходного закона, положившего конец тюремному заключению за долги. Опыт оправдал себя, когда простые старые законодатели так быстро научились делать логические выводы. В будущем Рим тщательно контролировал свои валютные выпуски, пытаясь выпустить объем, необходимый для удовлетворения финансовых потребностей, - 60 фунтов стерлингов. В другой главе^a мы увидим, как она продолжала разрабатывать новые системы для удовлетворения новых требований.

Первая самнитская война. Таковы были испытания, через которые проходили Рим и Лаций, когда в 343 году народу было предложено принять важное решение. В Кампании, более чем в ста милях к югу от Лациума, самнитские племена задолго до этого изгнали вторгшихся этрусков и овладели равниной, еще более плодородной, чем Лациум. Соприкоснувшись с греками в Неаполе и Кумах, они быстро переняли многие обычаи культурных людей, построили цветущий город в Капуе и совершенно порвали со своими сородичами, которые все еще жили в горах. Теперь самнитские горцы начали совершать набеги на кампанские поля, и капуанцы обратились к Риму за помощью против своих грубых сородичей. Мы не знаем, какие аргументы использовала Капуя и что побудило Рим послать армию на помощь капуанцам. Рим обычно действовал из благоразумных побуждений и, возможно, считал разумным объединиться с ними против грубых и необузданных горцев до того, как последние станут слишком сильными, или, возможно, обещания Капуи о союзе было достаточно,¹ если Рим уже предвидел, что однажды ему может понадобиться союзник в борьбе с латинами. Наконец, нам не нужно полностью исключать чувства как возможный мотив. Из недавних событий мы знаем, что демократии быстро откликаются на призыв людей, которым угрожает несправедливое вторжение. Старым-дедовским Объединенных Наций может вызвать такие настроения лицемерие, и атрибут действия в тайне надеется материальных благ, но неадекватного взгляда на природу человека. Римская демократия не раз сбивалась с ног из-за обращения к ее альтруистическим чувствам. Результатом последовавшей короткой войны (343 г.-1) стало спасение Капуи и тесный союз между Капуей p61и Римом, который позже перерос в союз, в результате которого капуанцы стали "полугражданами" Рима.

Одним интересным инцидентом этой войны было то, что Капуя отчеканила значительную сумму серебра для Рима, которую он использовал в своей южной кампании. Кампанский народ привык пользоваться серебряной валютой, и поскольку у Рима ее не было, а для закупки припасов в Кампании требовалось немало, он заключил контракт с Капуей на ее изготовление. Такая же серебряная валюта была снова выпущена для использования Римом во время второй и третьей самнитских войн, хотя Рим по-прежнему избегал выпуска серебра у себя дома. Такое расположение показывает, насколько простой все еще была экономическая система в Риме, а также то, как римляне стали бояться финансовых кризисов, которые, казалось, последовали за новыми эмиссиями денег у себя дома. Фактически Рим не чеканил собственных серебряных денег до 269 года до н. э.

Латинская война. Не успела закончиться Первая самнитская война, как возникла угроза разрыва с латинами. В дополнение к ссорам последнего десятилетия латиняне теперь обнаружили, что Рим против их воли вовлекает их в иностранные предприятия, в то время как создатели Лиги предполагали только совместные действия в оборонительных войнах. Они думали, что если Рим, таким образом, начнет авантюрную политику, которая была не только дорогостоящей, но и придавала Риму большой престиж за границей и угрожала полностью захватить Лациум, они должны обеспечить себе право участвовать в управлении Римом. Поэтому они попросили, чтобы членами сената могли стать латиняне. Это

требование кажется очень разумным и потенциально может привести к отличным результатам; оно действительно могло привести к созданию представительного правительства. Но латиняне не предлагали отказаться от своего положения в Лиге. Они хотели полного "самоуправления", а также участия в правительстве Рима. Это, конечно, Рим не пожелал признать, и в результате началась война. Латиняне получили помощь от аурунков к югу от Лация и даже от некоторых северных кампанцев, поскольку эти люди боялись сильного союза Рима и Капуании.

p62 Латиняне, однако, действовали не в полном согласии, им также не хватало эффективного центрального правительства и эффективного лидера корабля. Римляне отбросили их армию к Синуэссе и потерпели там поражение в 340 году до н.э. Рим продолжал кампании и осады, пока Анций, лучший морской порт Лациума, не пал в 338 году, а Калес, через который проходила дорога в Кампанию, не был взят в том же году.

Публилианский закон. В разгар этой войны Публилий Филон, один из новых консулов—плебеев, действительно избираемый на эту должность трижды, принял закон, который превращал племенное собрание плебеев в полноправный законодательный орган государства, сводя право вето Сената к простой формальности (339 г. до н.э.). Это было дерзко, поскольку оно уполномочивало часть государства издавать законы от имени целого, часть, которая действительно должна была быть почти всем, но тем не менее частью. Это было нелогично не только потому, что не учитывало патрицианских граждан, но и потому, что это передало составление законопроектов в руки молодых трибунов, а не в руки настоящих магистратов, консулов; и, более того, это устранило полезное право вето совещательного органа, Сената. Закон показывает, насколько сильной стала демократическая партия, насколько она не доверяла законодательству организации, основанной на богатстве, какой была центуриатная комиция, и насколько твердо она верила в народный суверенитет. Нам нет нужды серьезно возражать против того факта, что патриции не имели права голоса в собрании; вскоре они приобрели его, и оказалось, что их так мало по сравнению с плебеями, что их присутствие не имело никакого значения. Серьезный вопрос заключался в том, что на собрании племена председательствовали амбициозные молодые трибуны и что их власть можно было ограничить только вето, наложенным одним из их девяти коллег. Единственная причина, по которой не допускались опрометчивые законопроекты, заключалась в том, что всегда можно было найти одного из десяти, кто прислушался бы к аргументам консерваторов и воспользовался своим правом вето. Publilius несомненно, видели опасность, что мы указали, но старым-дедовским timocratic собрание, которое должно было реформировать **p63** себя и тем самым спас себе реальную власть, вероятно, оказались необоснованно упрямыми. Римляне в целом верили в правление большинства, и если они не могли добиться этого с помощью старого законного механизма правления, они были готовы создать новый механизм, с помощью которого этого можно было добиться.

В течение двух столетий мы не сталкивались с какими-либо серьезными проблемами из-за существования двух законодательных органов. Они работали бок о бок, как две системы работают в нескольких наших штатах, где существует

"референдум". Старое (центуриатное) собрание продолжало свободно использоваться в качестве законодательного органа, а плебейские племенные комитии стали своего рода предохранительным клапаном, предусматривающим всенародный референдум в серьезных случаях. Опасность этой системы была раскрыта только во времена Гракхов.

Принятие закона Публилия показывает, что именно демократия была в седле в этот период быстрого расширения. И это наводит на мысль, что, вероятно, именно нервность из-за истощения земель сознательно или бессознательно подтолкнула население к авантюрной политике, которая не была обычной в периоды, когда Сенат и его знать контролировали Рим.

Римская федерация вытесняет Латинскую лигу. Тем не менее, мы должны поспешить сказать, что в поселении покоренных латинских народов и их союзников захват земель и узкий эгоизм не являются доминирующими мотивами. Сложная федерация, созданная теперь, чтобы занять место Латинской лиги, была удивительно либеральной и осмотрительной, или, возможно, нам следовало бы сказать, осмотрительной в своей либеральности. Правительство не забирало, как это делали до сих пор все древние народы, все лучшие земли, не грабило подданных и не продавало их в рабство или не облагало их тяжелыми налогами. Они вообще не взимали налогов, продолжая облагать налогами только самих себя, и те земли, которые они захватывали, выбирались главным образом из-за их пригодности для гарнизонных колоний. С жителями обращались так, как будто они должны были стать полноправными гражданами Рима, как только будут романизированы, если не сразу.

p64 Такое либеральное поведение по отношению к подчиненным государствам было одним из первых вкладов Рима в цивилизацию и знаменует собой большой шаг вперед в истории государственного управления. Нам не нужно предполагать, что этот либерализм был основан на чувствах или эмоциях. Скорее, это было связано с мудрым пониманием человеческой природы. Римляне каким-то образом усвоили, что подданными можно легко управлять только при справедливом обращении. Именно пример, поданный этими великими законодателями, сделал Рим первым городом-государством, **p65**способным построить прочную империю, и жаль, что мы не знаем их имен. Мы можем предположить, что Манлий Торкватус, трехкратный консул, Валерий Корвус, четырехкратный консул, Публилий Филон и Фурий Камилл, внук великого диктатора, имели к этому большое отношение. Эти люди были, по крайней мере, теми, кого чаще всего избирали на высшие государственные посты в тот период, и мы предполагаем, что они были самыми влиятельными ораторами в незарегистрированных дебатах.

Давайте теперь посмотрим, какие старые латинские институты сочетались с новыми идеями при заселении завоеванной территории. Латинская лига была упразднена, и Рим взял религиозные обряды лиги под свою личную ответственность. Латиняне говорили на том же языке, что и римляне, и фактически были родственниками. Следовательно, (1) ближайшие города, такие как Тускулум, Ариция и Ланувий, были признаны полноправными римскими гражданами, и в то же время им было разрешено сохранить свои собственные местные органы власти. В конечном счете

всем городам Италии было суждено стать "муниципиями" таких римских граждан, как эти. (2) Испытательный срок полугражданства - *civitas sine suffragio* — с обязанностями римского гражданина, но без права голоса в Риме, был изобретен для граждан менее дружелюбных городов, таких как полувольские Велитры и аурункийские города Фунди и Формии. Их местные органы власти остались нетронутыми. Позже эти города были возведены в первый класс. (3) У Антиума, расположенного на морском побережье, была хорошая гавань, а его флот оказался опасным во время войны. Флот был взят, носы кораблей (ростры) прибиты гвоздями к платформе форума, и триста римлян были поселены в городе, чтобы взять на себя управление в интересах государства. Когда местные жители доказали, что им можно доверять, они были допущены к полноправному гражданству в Риме и полноценному участию в управлении своим собственным городом. Эта гражданская колония (или "морская" колония) из 300 граждан стала обычной моделью для всех будущих портовых колоний. Помимо этих трех классов граждан^{p66}, у Рима образовалось несколько классов союзников. (1) Во-первых, были сильные латинские города, такие как Тибур и Пренесте, которые предпочитали не иметь римских граждан на кораблях, будучи старыми городами, гордящимися своей собственной историей. Теоретически они оставались независимыми и автономными, но, подписав договоры об оборонительном союзе с Римом, они, конечно, признали его лидером корабль, потому что у более крупного города было бы больше войн, он взял бы на себя гегемонию, контролировал политику и заключал все будущие договоры. Таким образом, такие города фактически вошли в то, что мы могли бы назвать протекторатом, хотя ничто в договоре не указывало на какую-либо разницу между ними и Римом. (2) Второй класс союзников состоял из тех латинских колоний, которые были основаны римлянами и латинянами совместно до упразднения Лиги. Эти колонии Рим не беспокоил; они сохранили свою автономию и права на торговлю и браки (*commercium* и *conubium*) с римлянами. Таким образом, они находились практически в том же положении, что Тибур и Пренесте. Более важными из этих старых колоний были Норба, Сигния, Сутриум и Непете. Этому классу было суждено сыграть очень важную роль в романизации Италии, ибо, колонизировав римлян и союзников вместе в "латинских колониях", Рим отныне делил все завоеванные земли со своими союзниками, завоевывая таким образом их добрую волю; и, смешав свой народ с их народом, он превратил колонии в средство знакомства и изучения обычаев друг друга. Более того, основав такие колонии в стратегических точках, она обеспечила себе гарнизоны надежных фермеров, которые избавили ее от затрат и позора, связанных с содержанием постоянной армии среди союзников. Калес, через который проходила дорога в Капую, был первой новой латинской колонией, основанной на этом принципе. (3) Наконец, с различными не-латинскими народами Рим заключил вечные оборонительные союзы на тех же условиях, что и с Пренесте (*aequum foedus*). Позже Капуя, Неаполь и несколько кампанских городов вошли в состав федерации на этих условиях. Теоретически такие союзники были равны Риму; на практике Рим был их ^{p67}превосходящим, поскольку она была единым целым, а они не были объединены. На протяжении всей этой очень сложной федерации Рим обеспечивал безопасность своего корабля-лидера с помощью устройства, которое он не использовал с

Латинской лигой. Теперь он заключал союз с каждым отдельным городом, а не с какой-либо группой. Результатом этого было то, что, поскольку ни один город не мог последовательно формировать какие-либо внешние союзы одинакового характера, каждый из них вступал в тесные торговые и родственные отношения с Римом и ни с кем другим.²

Римская федерация в 268 году до н. э.

[Увеличенная версия, полностью читаемая, открывается здесь.]

Эта федерация была сложной и, должно быть, напрягала память сенаторов при обсуждении международных дел. Действительно, одна из причин, по которой плебейское собрание вскоре разрешило сенату узурпировать административные полномочия, заключалась в том, что правительственные вопросы теперь стали слишком сложными для обычных избирателей. Сама их запутанность свидетельствует о необычной степени терпеливого сочувствия, с которым

законодатели пытались урегулировать каждое дело по существу. Пострадавшие народы различались по языку, религии, обычаям и местности, и никакая единая система не могла бы подойти для всех. Таким образом, была предусмотрительно разработана гибкая система, при которой ближайшие родственники могли быть немедленно присоединены к Риму, а остальные - постепенно, пропорционально их приспособляемости к римским обычаям, и это дало отличные результаты. Сто лет спустя, когда федерация распространилась по Италии, Ганнибал, который только знал, как эгоистично Карфаген эксплуатировал своих подданных, ожидал, что союзники Рима примчатся к нему за освобождением, как только он войдет в Италию. К своему великому удивлению, он обнаружил, что союзники Рима сражались за жизнь федерации так же храбро, как и ее граждане. Мудрость отцов была тогда оправдана.

Мы, конечно, не должны предполагать, что у Рима был высокий идеал управления подданными "на благо подданных". Это, безусловно, была идея, позже принятая Цицероном, и **стр. 68** римская демократия иногда переходила к индивидуальным действиям в соответствии с этой теорией. Но только в последние годы правительства — и лишь немногие из них — действительно приняли эту теорию в качестве определенной политики. Что Рим на самом деле намеревался сделать, так это установить мир, порядок и безопасность на своей границе, защитить свои трудолюбивые низменности от набегов менее развитых племен и создать ряд дружественных буферных государств для своего же блага. Чтобы добиться этого эффективно, она знала, что должна проявить к этим штатам столько сочувствия и справедливости, которые в критический момент сделали бы их ее друзьями, а не друзьями ее врагов.

Часто спрашивают, почему Рим не создал какое-нибудь представительное правительство, подобное тому, которое было предложено ему латинянами. Было несколько серьезных возражений. Римляне вряд ли захотели бы отказаться от своего демократического собрания, где каждый человек имел право голоса, ради представительного сената, состоящего из людей, многие из которых были чужды римским обычаям. Ни одно правительство не хочет уступать свои права и привилегии кому-то другому. Более того, народ долгое время боролся против сената за привилегию прямого участия в управлении государством, и представительный сенат, состоящий из делегатов-латиноамериканцев, возможно, восстановил бы аристократию, которую они так упорно пытались подчинить. В-третьих, если бы этруски, вольски, осканы и греки помогали управлять государством в представительном органе, Рим быстро оказался бы в меньшинстве из-за иностранцев, которым было наплевать на его культуру и религию, и из их препирательств на разных языках вряд ли могло возникнуть что-либо, кроме разделения целей. Репрезентативный принцип мог быть введен позже и был снова предложен, но сначала Италия должна была быть пропитана одним языком и одной культурой, прежде чем его можно было считать практически осуществимым. В настоящее время нельзя было придумать лучшего средства, чем только что созданная гибкая федерация. Если бы потомки римлян воплотили в жизнь дух своих

институтов, во втором веке вполне могла бы быть создана представительная республика.

Самнитские войны 326-280

[Увеличенная версия, полностью читаемая, открывается [здесь](#).]

Вторая самнитская война, 326-304. В 328 году римляне основали колонию во Фрегеллах на реке Лирис, городе, из которого они изгнали вольсков в последней войне. Самнитские племена, жившие в горах позади, заявили о преимущественном праве на эту землю, и возникла ссора. Более того, греческий город Неаполь присоединился к союзу Рима в 326 году против воли многочисленного самнитского населения города, и эти самниты обратились к своим родственникам в горах с просьбой помочь им не допустить выхода города из федерации. Так разразилась

очень серьезная война между Римом и многочисленным племенем самнитов, владевшим большей частью юго-центральной Италии. Сначала римляне мало продвинулись вперед, потому что их громоздкий легион, напоминавший греческую фалангу, не был приспособлен для ведения боевых действий в горах, а горцы, не имевшие больших городов для защиты, могли вести партизанскую войну. Римляне, однако, теперь переняли у самих самнитов более гибкую армейскую систему, разбив легионы на роты или *манипулы* (пригоршни) по 120 человек в каждой. В 321 году они попытались прорваться через Каудинский перевал, чтобы подойти к врагу с тыла, но потерпели поражение, и консулу пришлось с позором сдать всю свою армию, подписав мирный договор, по которому спорные Фрегеллы были переданы самнитам. Мир, однако, длился недолго. Вскоре Рим начал обеспечивать свою безопасность, заключая союзные договоры со всеми народами, окружавшими самнитов, которые пострадали от их набегов, - апулийцами и луканцами на юге, френтанами на востоке и некоторыми сабеллийскими племенами на севере. Возможно, именно по этой причине в 315 году война вспыхнула с новой силой. Теперь обе стороны были организованы для решительной борьбы. На этот раз римской армии удалось форсировать Каудинский перевал и вторгнуться в долины юга. Самниты смело предприняли контрнаступление, двинувшись на Лациум. При Таррацине они разгромили римскую армию обороны и прошли маршем в двадцати милях от Рима, так что Риму пришлось отозвать свою южную армию. Теперь, снова выступив из Рима, консулы медленно загнали врага обратно в горы, и, чтобы обеспечить удобство сообщения, сенат, следуя предложению Аппия Клавдия, приказал построить Аппиеву дорогу от Рима до Капуи.

Самниты, однако, научившись у Рима преимуществам мудрой дипломатии, заручились помощью нескольких этрусских городов на севере.....p71 Теперь Риму предстояло собрать новую армию, чтобы спасти свои северные колонии. В 310-08 этруски были вынуждены заключить мир, но только в 304 году римлянам удалось захватить Бовиан, центральную крепость самнитов. Затем был заключен мир. Единственными преимуществами, которые Рим получил от войны, были возвращение своей колонии во Фрегеллах и некоторых полос территории на границах Самния, где были размещены гарнизонные колонии ("латинские колонии") римлян, латинян и кампанцев.

Среди этих латинских колоний были Луцерия, основанная для объединения дружественных народов юга (315), Сатикула (313) для удержания Каудинского перевала, Суесса (313) для поддержки Калеса на латинской дороге, Интерамна (312) для поддержки Фрегеллы, Альба (303) и Карсиоли (298), чтобы контролировать дорогу к северу от Самния. Чтобы обезопасить порты к югу от Рима, ведущие в Кампанию, на случай, если южные сухопутные дороги из Лация когда-нибудь снова будут перекрыты, в 296 году в Минтурнах и Синуэссе были основаны гражданские колонии, подобные Анциумской. В то время в Этрурии больше не было поселений. Этруски были своеобразным народом, настолько отличным от латинян, что у Рима не было особого желания смешиваться с ними или принимать их в свою федерацию. Она даже не заключала своих обычных оборонительных союзов "на все времена" с

этрускими городами, которые она завоевала, но приняла этрусскую форму договора, устанавливающего "дружбу" на определенный срок лет.

Третья самнитская война, 298-290. Через несколько лет мир в Италии был вновь нарушен галльским вторжением. Новая орда галлов пересекла Альпы из центральной Европы и, не найдя земель у своих братьев в долине По, они решили вырвать их у Рима, как сеноны чуть было не сделали в 387 году. Они пригласили этрусские и итальянские племена принять участие в предприятии, и в Сентинуме в Умбрии римскому полководцу Децию Музу пришлось встретиться в 296 году с галльскими войсками, усиленными отрядами p72-й группы этрусков, самнитов и умбрийцев. Исход сражения был отчаянным и не был решен до тех пор, пока консул, принеся себя в жертву богам, не выехал вперед во главе своих войск и, доблестно сражаясь, возглавлял атаку, пока не был убит. История этой битвы дошла даже до греков и была описана греческими историками. Римский драматург Акций почти два столетия спустя создал хроникальную пьесу по греческому рассказу. После битвы галлы отступили, а умбрийцы и этруски заключили мир, но война в Самнии продолжалась до тех пор, пока враг безоговорочно не сдался в 290 году. Самний стал автономным союзником, но уступил территорию новому гарнизону союзников (*т.е.* латинской колонии) в Венусии. Сабиняне, помогавшие самнитам, были захвачены и покорены энергичным полководцем Курием Дентатом, и жители сначала стали "полугражданами". Поколение спустя они стали полноправными гражданами Рима, и их поселили в двух новых округах - Квирина и Велине. Таким образом, границы римского города-государства были расширены до Адриатического моря, фактически отрезав юг Италии от севера.

Северная граница защищена. К тому времени римская федерация распространилась так далеко, что ее буферные государства вступили в контакт с десятком других государств и племен: этрусскими, умбрийскими, галльскими и всеми греческими городами-государствами вдоль-побережья южного моря. Римляне постепенно понимали, что каждый новый союз просто увеличивает количество проблем, которые они должны решить, поскольку каждый новый союзник приносит с собой новые личные ссоры. Современные государства обнаруживают, что всех приемов дипломатии едва ли достаточно, чтобы поддерживать мир с тремя или четырьмя соседями: каковы, должно быть, были трудности Рима в попытках урегулировать споры этой громоздкой федерации со своими десятками соседей, многие из которых были варварами, предпочитавшими войну миру? Как Англия с ее далеко-раскинувшейся империей почти постоянно вовлечена в какой-нибудь пограничный спор в каком-нибудь уголке мира, так и теперь римский сенат был вынужден напрягать все свои силы, чтобы урегулировать трудности на границах. p73Сенат, вероятно, начинал понимать, что было бы неплохо найти какие-нибудь хорошие естественные границы для федерации.

События быстро привели к этому завершению. В 285 году галлы снова вырвались на свободу. Сеноны, захватившие Рим в 387 году, как обычно, атаковали Арретиум, этрусский город, ныне союзник Рима. Первая армия, посланная Римом на помощь, потерпела поражение, но вторая, возглавляемая Курием Дентатом, преуспела лучше. Курий со свойственной ему тщательностью изгнал опасных сенонов из Италии за

Рубикон, присвоив **Галльский монастырь в Пичено** в качестве римской общественной земли. Постепенно были созданы колонии в Сене, Адриа и Ариминуме, чтобы удержать побережье. Остальная часть страны в настоящее время оставалась незаселенной, поскольку население Рима было слишком истощено войной, чтобы заполнить ее. Однако другое галльское племя, бойи, жившее тогда в Бононии (современная Болонья), продолжило ссору, собрало контингенты из нескольких этрусских городов и устремилось на юг. Их не останавливали, пока они не достигли озера Вадимон, • в пятидесяти милях от Рима, где потерпели сокрушительное поражение (284). Теперь галлам пришлось просить мира, и Рим воспользовался случаем, чтобы реорганизовать всю Этрурию и Умбрию, которые не только показали себя неспособными остановить набеги галлов, но даже удержать свой собственный народ от участия в таких набегах. Несколько городов были вынуждены уступить земли под гарнизонные колонии, и все они были вынуждены вступить в римскую федерацию на более или менее почетных условиях. К 280 году федерация имела естественную границу на севере, состоящую из Апеннин к северу от Флоренции и Рубикона к северу от Ариминума.

Самнитские войны: 324-280

[Увеличенная версия, полностью читаемая, открывается [здесь](#).]

Война с Пирром. На юге серия опасных споров вскоре привела федерацию к морю. Большинство знаменитых старых греческих колоний южной Италии (Magna Graecia) к этому времени пришли в упадок. Интересуясь главным образом торговлей, они так и не создали сильных армий, чтобы защитить себя от луканцев и бруттийцев. p74Поэтому, попав в беду, им пришлось прибегнуть к помощи

сиракузской и греческой армий, чтобы спасти себя. Эти помощники, на манер "защитников", эксплуатировали их без особой жалости. Кроме того, недавний распад греческих государств у себя дома уничтожил прибыль от их торговли. На самом деле с завоеванием Александра интересы греков были обращены скорее на восток, чем на запад. Тарент все еще сохранял некоторую власть, выступая в качестве **предприятия** и производственного центра, особенно в торговле шерстью в южной Италии, и иногда брался — обычно с помощью наемных армий, нанятых в Эпире или Спарте, — играть роль защитника близлежащих греческих городов, не всегда в их пользу. Фурий, один из этих греческих городов, устав от защиты тарентинцев и понимая природу сильной федерации Рима на севере, отправил послов в Рим с просьбой о приеме в ее лигу и помощи в защите от луканцев. Рим после долгих колебаний со стороны Сената согласился и послал ей на помощь армию. Тарентинцы обиделись на то, что греческий город обратился от них за помощью к Риму, и вознамерились наказать Фурию, в то же время³ потопив несколько римских кораблей, которые появились в их гавани вопреки условиям старого договора. В войне, которую Рим объявил в 281 году, Тарент заручился помощью многих луканцев и самнитов и нанял Пирра, царя Эпира, искусного греческого полководца, который утверждал, что является потомком Ахилла, и армию горцев, обученных лучшей македонской тактике. В 280 году Пирр встретился с римлянами при Гераклее. Римские легионы семь раз безуспешно атаковали сплошную фалангу. Затем Пирр бросился в атаку со своими слонами, которые, неуязвимые для копий и мечей, служили "танками" и повсюду пробивали бреши в рядах легионов. Фессалийская кавалерия ворвалась в пролом **p75** и завершила работу. Теперь Пирр беспрепятственно двинулся на Рим, не ожидая взять город-крепость, но думая, что римская федерация распадется и вступит с ним в новый союз. Однако ничего не произошло, и когда до этого оставалось всего • сорок миль, он пришел к выводу, что просчитался. Он отступил в южный Самниум, чтобы сражаться. Он снова разбил римскую армию и теперь предложил заключить соглашение, если Рим уступит ему Юг. Значительная часть сената, которая возражала против авантюрной экспансионистской политики демократических лидеров, выступала за мир. Но слепой старый Аппий Клавдий вернул Сенат к более твердой позиции, настаивая на том, что Рим никогда не вел переговоров с врагом, который все еще находился на захваченной территории. Говорят, что посланник Киней вернулся к Пирру с сообщением, что Сенат был собранием царей. Пирр, с другой стороны, завоевал большое уважение римлян, выдав им предателя, который обещал убить римского полководца. За этот великодушный поступок римляне никогда не уставали петь ему дифирамбы, и одно из самых энергичных стихотворений первого великого поэта Рима, Энния, восхваляет его рыцарское ведение войны.

Пирр, неспособный обеспечить мир на выгодных условиях, теперь совершил ошибку, оставив римский вопрос нерешенным и обратив свои амбиции на Сицилию, куда его пригласили помочь греческим городам в борьбе против Карфагена. Однако его ослабленная армия не смогла добиться значительного постоянного прогресса. Вернувшись в Италию через три года, чтобы завершить свое противостояние с

Римом, он потерпел поражение в 275 году от ветерана Курия Дентата при Беневенте. Затем Рим изгнал эпиротские гарнизоны из Италии и пригласил греческие города присоединиться к его федерации на условиях "равенства", что они и сделали. По условиям союза, Рим должен был предоставить сухопутную армию на случай войны, в то время как греческие города обещали свои услуги в виде военно-морских контингентов, если в них возникнет необходимость. Теперь Рим был хозяином Италии.

Примечания автора:

¹ Ливий объясняет поступок Рима тем, что Капуя предложила стать подданной Рима, если она поможет. Возражение против этого объяснения состоит в том, что Капуя, по-видимому, не подчинялась Риму до некоторого времени спустя.

² Одна полоса земли, **Агер Фалернус**, над Кумами, была по какой-то неизвестной причине разделена на небольшие участки и передана непосредственно римским гражданам без образования независимого муниципалитета. Это было довольно многозначительно названо "американской системой" распределения земли. В более поздние времена она не часто использовалась.

³ Существовал старый договор, согласно которому римляне не должны были плавать восточнее Лацинийского мыса. Мы не знаем, когда он был заключен. Теперь, конечно, когда у Рима были колонии на Адриатике, у него, естественно, должны были быть связи по морю. Однако тарентинцы, по-видимому, были формально правы в своем утверждении, что римские корабли нарушили условия договора.

Примечание Тайера:

на самом деле Несколько других глав:

Гл. 5, стр. 76-78 • Гл. 6, стр. 118-119 • Гл. 13, стр. 227 • Гл. 28, стр. 536

Глава V

Экономика, политика и право

Валюта Рима. Рим столкнулся с немалыми трудностями в адаптации своей простой денежной схемы к потребностям своей быстро расширяющейся империи. Мы заметили, что у римлян вообще не было монеты примерно до 350 года, когда государство стало почти чистой демократией, а затем на родине чеканили только бронзу. Сначала они выпускали громоздкие бронзовые изделия весом в один-фунт, называемые **асса́ми** (в осканском фунте = 273 грамма, • около $\frac{4}{5}$ фунта тройского) и унциальные доли фунта. В то время металл в Италии был относительно дефицитным, и на него покупалось больше продовольствия, чем сейчас. Считалось, что средний бык стоит 100 бронзовых **ослов**, а голова овцы - 10**ослов**. Считалось, что фунт серебра стоит около 120 фунтов бронзы, а фунт золота - около 15 фунтов серебра. (В настоящее время соотношение золота к серебру составляет примерно 20 к 1, а серебра к бронзе - примерно 75 к 1.) Что касается покупательной стоимости продуктов питания, то мы можем посчитать, что **как** штука бронза обычно стоила около 50-центов 75 в пересчете на цены, преобладавшие в 1914 году. Однако для своих зарубежных покупок Рим, как мы видели, должен был иметь серебряные монеты, отчеканенные в Капуе. Эти монеты содержали $7\frac{1}{2}$ грамма серебра и были практически копиями греческих двойных драхм, имевших хождение в Неаполе. Одна из этих фигур, в соотношении 120:1, стоила чуть больше трех бронзовых **ослов**. Примерно в 312 г. до н.э., *т.е.* в середине второй самнитской войны, Рим немного уменьшил количество этих серебряных монет, очевидно, для того, чтобы облегчить их обмен именно на свои бронзовые монеты. Италия сразу же осознала истинность того, что мы называем "Законом Грэшема", что дешевая валюта имеет тенденцию вытеснять дорогую валюту. Различные греческие города Италии обнаружили, что им пришлось снизить стоимость своих двойных драхм **p77** в соответствии с римской чеканкой, если только они не хотели, чтобы их чеканка была заменена римскими монетами.

В начале ТРЕТЬЕГО века очень резкое изменение стоимости металлов серьезно повлияло на римскую систему чеканки монет. Серебро и золото падали в цене, потому что Александр Македонский вывез огромные запасы этих драгоценных металлов из азиатских храмов и пустил их в обращение. Цены быстро росли в Греции, а постепенно и в Италии. Было много жалоб на высокую стоимость жизни, а это значит, что серебра и золота было в избытке и, следовательно, дешево. Что еще хуже для Рима, медь и бронза чрезвычайно выросли в цене, отчасти потому, что галлы и этруски своими набегами перекрывали источники снабжения в Этрурии, отчасти потому, что Рим израсходовал свои запасы на войну. Рим тогда находился в том же затруднительном положении, что и Германия в последней войне: медь стала почти драгоценным металлом. В результате стоимость бронзовых **ослов** выросла, в то время как серебряные двойные драхмы упали. И чтобы сохранить свой биметаллизм в неприкосновенности, Риму приходилось год за годом уменьшать

размеры бронзовых **ослов**. Около 300 г. до н.э. она сократила их вес до половины фунта, а в следующие двадцать лет продолжала сокращать, пока они не стали весить всего две унции, или одну-шестую часть фунта.

Когда серьезные войны Рима закончились, ценности начали возвращаться к старым нормам. Серебро несколько подорожало, потому что новые запасы в Италию с востока не поступали, а покорение Римом Этрурии и восстановление мира очень быстро восстановили дешевизну меди. Эта корректировка совершенно разрушила римскую систему чеканки монет, поскольку маленькие монеты в две унции теперь имели небольшую ценность, и никто не хотел возвращаться к использованию громоздких-фунтовых **ослов**. Поэтому Рим отказался от всей системы. Она сделала это тем охотнее, что серебряная монета на самом деле была греческой и недостойна гордого положения Рима как правителя Италии. Соответственно, в 269 году, через год после установления мира на Юге, **p78** Рим разработал новую систему, которая, за исключением одного серьезного изменения, просуществовала около 500 лет, и с тех пор у него был собственный монетный двор. Был изготовлен новый бронзовый **as** весом в две *римские* унции; и поскольку теперь соотношение 120: 1 было восстановлено как относительная стоимость серебра и бронзы, был отчеканен кусок серебра весом всего в одну-двенадцатую часть того же веса ($\frac{1}{6}$ от одной унции). Таким образом, он стоил 10 новых бронзовых **ослов** и соответственно назывался **динарием**.¹ Этот динарий весит около четырех граммов и немного больше нашей десятицентовой монеты-. Монета меньшего размера стоимостью в одну-четвертую часть динария (два с-половиной **осла**) чеканилась для более мелкой сдачи и называлась **семистерцием** или **сестерцием**. Динарий кажется нам небольшим для стандартной монеты, но тогда металла было меньше, чем сейчас, и, соответственно, он имел относительно большую покупательную стоимость, возможно, в три-пять раз большую, чем наша валюта в 1914 году. Золота в Италии все еще было так мало, что ввести его в валютную систему было бы практически невозможно.

Новая система была основана на удобных монетах, отчеканенных практически по общепризнанной рыночной стоимости металлов, и, чтобы сразу обеспечить широкое распространение монет, Рим учредил филиалы монетных дворов в нескольких латинских колониях. Управление системой было настолько хорошо, и она получила такой кредит, что вскоре стала общепринятой валютой по всей Италии. Несколько греческих городов на юге продолжали выпускать свои собственные монеты, но прошло всего несколько лет, прежде чем они узнали, что их монеты не пользуются популярностью, и их монетные дворы были закрыты.

Сельское хозяйство и скотоводство. В течение четвертого века мы замечаем в многочисленных сообщениях фермеров, о законах о должниках и о колонизации симптомы истощения земель. С ростом Рима и его торговли древесина в окрестных горах уступала место топору, и это не приносило пользы фермеру. Тот факт, что Рим поселил фермеров в регионе Помптин у подножия Вольских гор **p79** в четвертом веке на земле, которая до второго века превратилась в застойное болото, показывает, чего могла добиться вырубка лесов. Почва была унесена со скал при вырубке леса и, загораживая прибрежную равнину нижнего Лациума, образовала лагуны, в которых размножались малярийные комары. Далее к северу Сабинские горы были точно так

же обнажены, и весенние дожди быстро стекали в море, не оставляя подпочвенного резервуара для летнего травостоя.

Завоевание Сабинян и Эквийской горной страны показало латинским фермерам средство, хотя и отчаянное. Скупив большие пастбища на холмах для летнего выпаса скота, они могли бы превратить свои истощенные латинские фермы в пастбища на оставшиеся три сезона и таким образом объединить эти две области для продуктивного разведения крупного рогатого скота и овец. Это, конечно, не могло быть сделано с прибылью в небольших масштабах, поскольку пастух стоил бы столько же за несколько овец, сколько и за сотню. Следовательно, вскоре люди с капиталом и обширными поместьями получили во владение большую часть Лация и окружающие его горные пастбища. Земледелие на небольших участках продолжалось в Лациуме, главным образом там, где было возможно орошение, но большая часть крестьянства рассеялась по колониям. Было подсчитано, что около 60 000 колонистов, в основном из латинских земель, были основаны в колониях во время первого великого периода экспансии между 343 и 264 годами. Этот факт повлек за собой почти полное изменение экономической и политической ситуации в Риме.

Экономические перемены были настолько велики, что Рим ощущал их до конца своей карьеры, поскольку из-за них римляне оставались земледельческим народом в то время, когда они были на грани того, чтобы заняться промышленностью и торговлей. В четвертом веке, когда Рим восстановил Остию и ввел ее первую чеканку, какое-то время казалось, что государство собирается поощрять торговлю. Цензор Аппий Клавдий определенно благоволил промышленным классам, когда примерно в 312 г. до н.э. p80 he gave them strong political power by letting them register in all the thirty-one tribus, а не ограничивать свои голоса четырьмя городскими племенами. Более поздние цензоры, конечно, отменили этот приказ, но мера показала, что в то время с промышленным классом города приходилось считаться. Однако рассеяние бедных римлян, как крестьян, так и городского пролетариата, по колониям привело к исчезновению классов, которые, естественно, поставляли дешевую рабочую силу для новых отраслей промышленности. Поскольку больше не было никакого давления на новую работу, таковой не появилось. Ситуация напоминает нам об упадке американского морского флота и некоторых отраслей промышленности Новой Англии, когда открытие великих равнин на Миссисипи привлекло излишки рабочей силы с Востока на запад. В Риме этот процесс продолжался долгое время, сохраняя итальянский народ в основном сельскохозяйственным народом, в то время как для Италии было бы хорошо иметь гораздо более разнообразную экономическую систему.

Расширяясь в направлении суши, Рим отрезал себя от внешнего влияния, которое могло исходить от морской торговли. Его контакты с внешним миром продолжали оставаться слабыми. В архитектурных руинах этого периода сохранилось очень мало следов, свидетельствующих о современном эгейском влиянии. Римляне давным-давно перестали следить за прогрессом греческого искусства, которое доминировало в этрусском Риме в шестом веке, и они не проявляют особого желания восстанавливать утраченные связи. Только во время Второй Пунической

войны римская архитектура осознала, насколько далеко она продвинулась. В промышленном искусстве та же история. Пренесте, город на холмах всего в двадцати милях от города, развил в третьем веке процветающую промышленность по производству изделий из бронзы и серебра, которые производили очень художественные изделия. Вряд ли из-за недостатка мастерства римские ремесла того же периода отстали, поскольку эти два города принадлежали к одной и той же расе. Объяснение нового развития Пренесте, вероятно, кроется в том факте, что город ограничил свои территориальные границы договором о "равенстве" с Римом, который **p81**навсегда привязал его к владению • примерно пятьюдесятью квадратными милями и заставил его избыточную энергию найти выражение в промышленности. Возможно, для Рима было бы лучше, если бы ей в какой-то мере пришлось таким же образом вернуться к своему изобретательскому мастерству. Но в результате экспансионистских авантур Рима ее граждане, которых всегда приглашали заселять новые земли и вкладывать свой избыточный капитал в недвижимость, навсегда стали фермерами и капиталистами, занимающимися недвижимостью. Необходимость, мать ремесел, равно как и искусств, никогда не заставляла их подрабатывать в тех профессиях, которые развивают любовь к искусственной красоте и тренируют инстинкты коммерческого предпринимательства.

Правительство. Мы видели, насколько консервативной оставалась обычная правительственная машина, несмотря на допуск плебеев на все важные государственные должности. Регулярное центуриатное собрание все еще основывалось на собственности таким образом, что первый класс вместе с рыцарями имел 98 из 193 голосов, в то время как пролетариат был собран за пять столетий. Мало того, что симпатии этого собрания должны были быть консервативными, но оно не получало никаких законопроектов даже на утверждение или отклонение, за исключением тех, которые были направлены ему большинством Сената. Сенат был склонен оставаться консервативным, поскольку цензоры набирали его членов в основном из должностных лиц (консулов, преторов и эдилов), которые были избраны на свои должности центуриатными комициями.

Но мы также видели, что, хотя это правительство отказалось от какой-либо значительной либерализации, оно было вынуждено допустить рост плебейского собрания, голосовавшего приходами, собрания, которое предоставляло каждому плебею, как бедному, так и богатому, равный голос в его **трибусе**, и считало, что каждый **трибус** одинаково имеет один голос. После 339 г. до н.э. это собрание под председательством молодых плебейских трибунов смогло проводить плебисциты, которые только с формального одобрения патрициев сената (**auctoritas patrum**) имели силу **закона**, принятого центуриатными комициями. **P82**необходимость официального одобрения, по-видимому, в то время действовала как сдерживающий фактор, так что плебеи потребовали его отмены. В 288 году они попросили, чтобы плебейскому собранию (**comitia tributa**) было позволено стать абсолютно свободным законодательным органом, не потому, что они хотели взять на себя все законодательные обязанности, а потому, что они твердо верили в принцип народного суверенитета, который, казалось, не был защищен центуриатным

собранием. Получив отказ в этом требовании — и в других, точных записей о которых у нас сейчас нет, — они снова объявили политическую забастовку и вышли из состава партии. Их требование было удовлетворено законом Гортензии от 287 года. Вполне вероятно, что патриции теперь были допущены в **трибутные комиции**, так что отныне в собрание входили все граждане Рима. Демократия первичного типа теперь была в седле в том, что касалось законотворчества и голосования по вопросам войны и мира. Центуриатное собрание все еще использовалось в качестве органа для голосования при выборах магистратов, и это, таким образом, гарантировало сохранение власти довольно консервативных магистратов и сената.

Примечательно, что период экспансии был периодом демократического правления. Это иллюстрирует давно признанный принцип, а именно, что, хотя демократии в целом миролюбивы, они легко могут вспылать энтузиазмом к войне. Народное воображение воспламеняется мечтами об империи и видениями славы, которыми степенная аристократия часто пренебрегает. Более того, демократические собрания часто не в состоянии подсчитать цену или принять во внимание старые договоры и давно устоявшиеся традиции и политику, которые применяются в дипломатии. Легко воспламеняемые симпатией или отвращением, они хватаются за оружие при слове или поступке, которые, если бы их спокойно проанализировали в сенатских дебатах, могли бы приобрести меньшее значение. Мы недостаточно знаем о причинах, чтобы полностью судить о мотивах, приведших к этим экспансионистским войнам, но вполне вероятно, что, если бы действовала старая конституция, Рим, возможно, не заходил бы так далеко. Во всяком случае, не в соответствии со старой традицией бросаться на помощь Турии **p83**против луканцев в 282. Война с Пирром была начата в результате плебисцита, что является явным признаком того, что Сенат не рекомендовал этого. И этот плебисцит был проведен всего через пять лет после того, как Сенат окончательно признал народный суверенитет.

Однако власти первичной ассамблеи было суждено вскоре ослабнуть. Во-первых, более бедных людей мало-помалу отправляли в колонии, они были рады получить земельные наделы в других местах, поскольку система плантаций и скотоводства вытесняла их из конкуренции дома. Землевладельческая знать, конечно, оставалась в Риме, и ее влияние и значимость возрастали пропорционально уменьшению группы мелких крестьян и городской бедноты. Чтобы обрабатывать свои фермы и пасти стада, знать покупала рабов, которые, конечно, не имели права голоса, или нанимала рабочих или нанимала арендаторов, которые были склонны настолько зависеть от них, что голосовали так, как того желали их покровители.

Вторая причина уменьшения значимости демократических тенденций в течение следующих ста лет заключается в том факте, что проблемы управления очень сложной федерацией требовали такого детального знания договоров и мелочей управления, что очень немногие из молодых трибунов осмеливались предлагать такую политику. А когда они промолчали, бремя управления легло на консулов и Сенат. По этим двум причинам демократия была полностью установлена законом Гортензия от 287 года, как только руководящая власть во всех вопросах большой важности начала возвращаться в руки знати. Демократия втянула государство в

войну с Пирром, но именно Сенат должен был найти средства довести ее до конца и впоследствии согласовать условия. Как мы увидим, те же тенденции проявились и во время Пунических войн.

Результатом этой тенденции стало то, что в течение следующих ста лет конституция по общему согласию медленно изменялась **p84**обратно к аристократической форме. Мало того, что **трибутные комиции** все больше и больше утрачивали свое влияние, но даже центуриатное собрание все реже созывалось во время войны для принятия разрешительных актов и административных мер. Во время войны решения приходилось принимать быстро: в критической ситуации консулы консультировались с Сенатом, и если Сенат достигал соглашения, они часто действовали по такому совету, не вынося меры на голосование ни в одном из собраний. Таким образом, Сенат по общему согласию стал кабинетом министров и квазизаконодательным органом, и хотя это изменение никогда не признавалось четко сформулированным законом, новая позиция Сената редко подвергалась сомнению в течение следующих ста лет.

Интересно отметить, что в Риме не возникло ни одной регулярной партийной организации для контроля за выборами. Когда должны были избираться консулы, преторы, эдилы, квесторы и трибуны — а на различные должности проводились отдельные выборы, — кандидаты вывешивали свои имена, как это до сих пор делается в Англии. Они не были выдвинуты партийными съездами и не продвигались за счет партийной поддержки, как в Америке. Конечно, мы знаем, что во времена Цицерона радикалы голосовали за Катилину в силу его предвыборных обещаний, в то время как консерваторы и собственники обычно голосовали за Цицерона, потому что думали, что он предотвратит революционное законодательство. Но даже в этом случае был лишь подход к современной партийной организации.

Главная причина отсутствия политических партий в Риме заключается в том, что выборы изменили только исполнительную и судебную власть, а не Сенат или законодательные собрания. Законодательные собрания, состоящие из людей, голосующих по классам или приходам, остались неизменными. Выборы не могли повлиять на них. Следовательно, выборы вряд ли могли в значительной степени повлиять на политику государства. Катилине заручился партийной поддержкой в основном потому, что он предложил отменить собрания революционными методами. Обычно никто не осмеливался выступать с подобными угрозами. Таким образом, выборы, как правило, **p85**сосредотачивались на личности кандидата в консульства, как это иногда случается в Америке, когда у двух партий нет четкого-подхода и выборы не предлагают выбора политики.

Еще одна причина, по которой партийная система не смогла развиваться, заключалась в том, что Рим продолжал оставаться аграрным государством. Его лидерами, как правило, были землевладельцы, не проявлявшие интереса к производству или торговле. Следовательно, никогда не возникало никаких волнующих финансовых вопросов о тарифной политике, затрагивающих карманы как потребителей, так и производителей. Более того, не возникло никаких жизненно важных трудовых вопросов, поскольку рабы, выполнявшие сельскохозяйственную и домашнюю

работу, не имели права голоса, а в Риме никогда не было большого класса свободных рабочих в промышленности. Такое разделение интересов, которое мы видели между богатыми и бедными, временами становилось острым, но тогда бедняки, вместо того чтобы пытаться повлиять на выборы магистратов, обычно вымещали свой гнев в попытке использовать механизм референдума трибунов и **трибутных комиссий**.

Развитие римского права. Децемвирский кодекс 450 года был, как мы уже заметили, наспех составленным компромиссом между старыми обычаями и новыми идеями, которые не проводили должного различия между гражданской, уголовной и религиозной юриспруденцией. Он был сформулирован слишком поспешно и без учета какой-либо юридической практики. В результате реформ Лициния-Секстияна 367 года судебные полномочия были отобраны у консулов и переданы преторам. И теперь, с двумя людьми, которые посвятили все время своего пребывания в должности разрешению споров, стало возможным сформировать свод решений и выработать принципы юриспруденции. Преторы, конечно, не обязательно избирались из-за их отличий в юриспруденции, но на этот высокий пост обычно избирались очень важные сенаторы, иногда даже бывшие-консулы. Будучи членами Сената, они были людьми, знавшими законы и международные договоры, которые быстро разрабатывались во множестве. Прошло совсем немного времени, прежде чем они начали устанавливать правовые принципы в предусмотрительной римской манере.

Членство в Сенате сразу же оказало очень благотворное **р86** влияние на закон. Преторам постоянно внушали, что гражданское право - это нечто отличное от религии, божественного авторитета и старых обычаев. При всем уважении к этим вещам они видели перед своими глазами, что органы суверенного народа издавали законы по их воле. Поэтому вскоре они начали отменять такие устаревшие правила двенадцати таблиц, как то, которое оставляло наказание за некоторые преступления на усмотрение божественного гнева. Принимать законы было делом человеческого государства, а не богов, священников или глав семей, и римские преторы восприняли эту идею гораздо быстрее, чем, например, древние евреи или современные тевтонские народы.

Вторым фактором, постоянно оказывавшим влияние на развитие римского гражданского права, было существование крупной землевладельческой знати, членами которой, как правило, были преторы, знати, которая сохраняла себя нетронутой в Риме на протяжении сотен лет. Это влияние частично действовало по экономическим каналам, поскольку семьи, которые веками продолжали передавать важные поместья от отца к сыну, стали проявлять осторожность в отношении законных прав. Но правосознание было также темпераментным наследием римской знати через семьи с относительно чистой родословной, происходившие от северных иммигрантов. Особенно это проявлялось в глубоком уважении к правам собственности, которое косо смотрело на революционные изменения, социалистические схемы и отказ от долгов. При описании римского права мы должны также учитывать влияние положения Рима на относительно плодородную равнину, окруженную менее цивилизованными горами, которые, скорее всего,

спускались в долины для набегов и грабежей. Чувство закона и порядка, а также неприязнь к разбою развиваются в низинах гораздо быстрее, чем в горах. Влияние этого особенно заметно в раннем "фетиальном законе", который римляне приняли среди своих религиозных обычаев, законе, осуждавшем агрессивные войны и настаивавшем на том, что насилие может применяться только для обороны. В каждой войне прошлого мы обнаруживаем, что Сенат отказывался — по крайней мере, утверждал, что отказывался, — **p87** начинать агрессивную войну, и что даже в целях обороны он не начинал войну, пока не отправил фетиального священника в государство-нарушитель, чтобы сообщить о жалобе и дать тридцать дней отсрочки для возмещения ущерба. Конечно, нам нет необходимости утверждать, что Сенат не смог бы найти какой-нибудь благовидный предлог для нападения, если бы он действительно этого хотел. Но само постановление о дисконтировании агрессивных войн имело благотворный эффект. Теория, лежащая в основе этого действия, заключалась в том, что боги отомстили нарушителям клятв и сражались с несправедливыми агрессорами. Но эта теория могла бы и не возникнуть, если бы римляне сами не страдали от незаконных набегов. Если владение собственностью могло оказывать такое влияние на межплеменные отношения, оно должно было оказать сильное влияние и на гражданское право.

Это чувство справедливости, частично унаследованное от расы, а частично развитое опытом латинского народа, его положением и богатством, рано развило институт, который больше, чем что-либо другое, способствовал прогрессу римского права. Это был двор **претора перегринуса**. Римляне обычно вели какую-то торговлю с иностранцами в своем порту, и вскоре они заметили, что совершается несправедливость, потому что у разных народов разные представления о том, что представляет собой купля-продажа. У римлян, например, был закон, который объявлял сделку завершенной, как только слова были произнесены при свидетелях. У некоторых иностранцев, приезжавших в порт, был обычай, согласно которому сделка не завершалась до тех пор, пока не происходил полный обмен товарами и не устанавливалась цена. Предположим, что на следующий день после заключения сделки, до обмена товарами, произошло резкое изменение цены. *А* может настаивать на сделке, в то время как *Б* может, согласно своим правилам, отказаться ее выполнять. Подобные споры с незнакомцами были нередки, и часто без намерения кого-либо обмануть. В таких случаях римляне считали справедливым позволить **претору перегринусу** (судье чужого суда) выслушать обе стороны и вместо того, чтобы решать каждое дело **p88** в соответствии с римским правом, что, естественно, было бы в пользу римлян, попытаться достичь справедливого компромисса, основанного на обычаях обеих сторон. Это, естественно, заставило бы незнакомцев почувствовать, что об их интересах заботятся, и пригласило бы их вернуться.

Этот суд был учрежден в 366 году, хотя нет никаких сомнений в том, что даже до этой даты консулы и арбитры, которых они обычно назначали, соблюдали практику учета обычаев чужеземцев. Результатом этой практики стало то, что римские юристы многое узнали об иностранных обычаях и что преторы, будучи членами Сената, привнесли эти знания в свои предложения по новым законам. Таким образом, практика справедливого выслушивания чужеземцев была очень

поучительной для римлян. Они начали предполагать, что практика других штатов основана на хороших принципах, что их собственное законодательство, хотя и является высшим законом в городе, может быть изменено в соответствии с более общими концепциями, что каким-то образом, действительно, *справедливость*, а не местные обычаи или желания, является универсальным принципом, которому должен соответствовать закон. Поэтому они начали искать общую справедливую формулу, на которую можно было бы сослаться и с помощью которой можно было бы объяснять отдельные законодательные акты. Это было великим открытием республиканских юристов, которому, как мы увидим, позже способствовало принятие идей стоиков. Это было то, что постоянно соответствовало римскому праву для общего применения во всем мире. Идея о том, что каждый закон должен основываться на универсально применимом принципе справедливости, была открытием Рима и одним из величайших наследий от древних до современного мира.

Наконец, конституция Рима позволяла и поощряла преторов поддерживать прогрессивную юридическую практику, что во многом способствовало развитию права. Преторам, унаследовавшим часть консульских полномочий и бывшим людьми с достоинством, обычай позволял в какой-то мере решать, когда устаревшими законами следует пренебречь и считать их мертвой **буквой** р89. Законодательные народные собрания являются плохими органами для пересмотра законов. Во всех наших штатах действуют сотни устаревших законодательных актов, потому что у законодательных органов нет ни времени, ни желания пересматривать их год за годом. Зло было еще хуже в Риме, где все нетерпеливое население должно было быть созвано для законодательных целей. Таким образом, преторы постепенно присвоили себе привилегию излагать свою версию применимости старых статутов — если это было слишком радикально для удовлетворения народа, собрание, конечно, могло принять закон по этому вопросу. Каждый год, вступая в должность, претор издавал, по своему желанию, эдикт, отражающий его толкование законов, которые больше не применяются в их первоначальном замысле. Когда, например, коммерческие предприятия росли и старые договорные законы казались неадекватными в отношении агентств, претор просто устанавливал правило, согласно которому принципал был связан действиями своего агента. Когда в Риме снова возник обычай, согласно которому женщины могли владеть имуществом, неподвластным контролю их мужей, претор объявил, что существуют определенные методы удержания имущества под контролем жены, которые он сочтет допустимыми. Таким образом, закон оставался либеральным, прогрессивным и свободным от сухого закона. Любое злоупотребление властью могло быть быстро исправлено законодательно. Преимущества были очень велики не только потому, что гражданское право, несмотря на громоздкость законодательства, поддерживалось в актуальном состоянии, несмотря на-на-уровне, но и потому, что преторы по своим симпатиям были склонны искать общие принципы, на которых основывались бы их эдикты. Опасность, которой не всегда удавалось избежать, заключалась в том, что претор в своем стремлении избежать видимости радикальных действий часто изобретал юридические уловки, чтобы

создать впечатление, что его новое постановление согласуется со старыми законами. Так, например, в правилах, которые освобождали семью от **мануса** отца, где четкие-законы могли бы полностью покончить с **манусом**, претор делал вид, что признает **patria potestas**, в то время как он допускал его аннулирование несколькими формами контрактов и **p90**соглашений.² Таким образом, в Риме закон "устанавливался судьей" в большей степени, даже чем в Америке, где каждый статут должен быть одобрен судом и где судебные прецеденты и толкования в конечном итоге решают, какую силу на самом деле имеют статуты. Таким образом, римское право, несмотря на трудности, связанные с законодательным пересмотром статутов, могло развиваться с похвальной скоростью.

Армия. Теперь легион состоял уже не из сплошной фаланги, а из тридцати мобильных подразделений по 120 человек в каждом. Легион был сформирован в три линии манипулов, каждая линия в несколько человек глубиной. Бойцы первой линии были до зубов вооружены шлемами, нагрудниками, щитами и понож, и у каждого было по два дротика для метания и меч для рукопашных схваток. Это оружие они были вынуждены поставлять за свой счет. Эта линия тяжеловооруженных людей была достаточно глубокой, чтобы провести атаку с некоторой инерцией и обеспечить людей на место тех, кто пал. Вторая линия была вооружена аналогичным образом и действовала в бою как новобранцы. Третья линия часто состояла из ветеранов, более легковооруженных, для поддержки. С каждым легионом шло по триста кавалеристов. Это крыло не было сильно развито во время итальянских войн, поскольку Италия была слишком гористой для использования лошадей. Действительно, Рим сильно пострадал от нехватки кавалерии, когда Ганнибал вторгся в Италию со своей более мобильной армией.

После того, как в четвертом веке была введена **стипендия**, более состоятельных мужчин больше не было принято ставить в передовую. Теперь все могли вооружиться. Следовательно, новобранцев сначала использовали в качестве легковооруженной пехоты до прохождения обучения, затем отправляли на передовую, а позже освобождали от тяжелой службы, переводя последовательно во вторую и третью шеренги.

p91 Дисциплина была очень строгой. Дезертирство, предательство или сон на вахте влекли за собой быструю смерть. Ночной лагерь неизменно укреплялся стеной и рвом, и каждый солдат должен был выполнить свою часть укреплений в момент достижения выбранного места. Соблюдался обычный план, так что каждый солдат мог отстраниться от своей работы без особых приказов. Награды и повышения по службе за храбрость были многочисленными, тщательно разыгрывались и высоко ценились, но обычный солдат обычно не мог подняться по служебной лестнице до должности выше, чем центурион (капитан) манипулы. Консулы того года служили генералами армии, и эта политика оказалась несостоятельной против таких способных полководцев, как Пирр и Ганнибал. Но Рим не верил в постоянные армии и боялся, что если сохранить профессиональных солдат, то милитаризм может поставить под угрозу демократию. В целом, в период расширения можно было бы предположить, что консул служил офицером в нескольких кампаниях и таким образом приобрел некоторый опыт или, по крайней мере, взял бы в свой штат

способного советника. Цицерон, например, взял с собой в свою провинцию своего брата, который служил в штабе Цезаря в Галлии. Тогда еще не было военно-морского флота.

Контроль Рима над Италией. Италия теперь была федерацией под руководством римского лидера. Римские граждане суверенного города, определявшие внешнюю политику федерации, занимали, возможно, не более пяти процентов всей территории. Рим должен был быть либеральным в своей политике, иначе он был бы быстро сокрушен. **Римский век** простирался • примерно на тридцать миль к югу до Лация, • примерно на двадцать миль к северу до Этрурии и через страну Сабинян до Адриатики — ибо в 268 году сабинянам был предоставлен гражданский корабль. Помимо этой центральной группы граждан, кое-где существовали лишь небольшие колонии римских граждан. Остальная часть Италии состояла из латинских колоний, латинских союзников, нескольких городов с полугражданами и большого количества нелатинских союзников (-socii)..... **p92** Не ко всем этим союзникам относились одинаково. На юге греческие города пользовались наибольшим успехом, продолжая вести торговлю, поскольку они пережили свои прошлые невзгоды, и Рим обеспечивал им безопасность, хотя они были свободны от военных повинностей, за исключением тех, которые требовались на море. Осканы Кампании пострадали в самнитской войне из-за нелояльности в 312 году. В какой-то момент, мы не знаем когда, они были лишены независимости и стали "полугражданами" Рима. Сабеллийские племена Апеннин, марси, пичени, вестини и др., все еще были грубым горным народом, жившим в примитивных деревнях, как латины несколькими столетиями ранее; и Рим, не найдя здесь организованных городов, с которыми можно было бы подписать договоры, принял племенные государства в свою федерацию. Умбрийцы под влиянием этрусков объединили большинство своих деревень в города, которые теперь по отдельности и в хороших отношениях входили в лигу. Этрурия представляла собой сложный вопрос. Эти люди настолько отличались от римлян по языку, религии и обычаям, что у Рима не было особого желания делать из них полноправных граждан. Действительно, только после Социальной войны 89 годадо н.э. в состав римской территории была включена какая-либо значительная часть. Тем не менее, эта часть оставалась плохо организованной и всегда казалась неспособной или не желающей останавливать набеги галлов. Поэтому Рим, когда он положил конец самнитским войнам, присваивал участки тут и там в Этрурии и, при первой возможности, улаживал их с людьми, которым мог доверять. Но Этрурия не процветала под властью Рима. Ее князья слишком много жили за счет эксплуатации подвластных народов в своего рода феодальной системе, которая с трудом вписывалась в римскую систему. Покоренные народы могли теперь восстать против своих хозяев и найти места, где они могли бы жить в условиях свободы. Более того, их старая промышленность больше не процветала с тех пор, как греки стали торговыми народами Средиземноморья; их земли тоже теперь были истощены и, будучи холмистыми, сильно подверглись эрозии. Римские скотоводы и земледельцы с более спокойными привычками, похоже, постепенно просачивались внутрь, **p93** и этруски — они

никогда не были очень многочисленными — слились с новым населением, так что ко временам Цицерона, вероятно, их язык практически исчез.

На всю эту разнородную группу итальянских союзников прямое влияние Рима оказывалось только через контроль над внешней политикой. Рим до сих пор не предпринимал никаких попыток вмешиваться в законы, обычаи, религии или языки различных народов или в их торговлю. Все они пользовались полным "самоуправлением". Тем не менее, благодаря контактам, обеспечиваемым колониями, и общей военной службе римский язык и обычаи постепенно начали проникать повсюду.

Примечания автора:

¹ Если серебро: бронза :: 120:1, то $\frac{1}{6}$ унция серебра = 10×2 унции бронзы.

² Именно по этой причине так много устаревших законов фактически сохранилось в кодексе Юстиниана. Подобные пережитки ввели многих современных читателей в заблуждение, заставив их поверить, что многочисленные ранние институты все еще сохраняли реальную силу, хотя на самом деле ими пренебрегали на практике.

Глава VI

Рим и Карфаген: Первая пуническая война

Карфаген. Карфаген был заселен финикийцами из Тира и Сидона вскоре после того, как царь Соломон построил иерусалимский храм с помощью тирских мастеров, предоставленных царем Хирамом; и когда Финикия позже пострадала от нападений Ассирии, Карфаген стал правителем западных финикийских колоний, привлекая большую часть могущественных людей Тира и Сидона в этот новый дом. Город быстро рос в размерах и богатстве, хотя, похоже, не создал никакой значимой литературы или искусства. Чтобы вести торговлю с ливийскими варварами, местные купцы основали торговые посты по всему побережью Северной Африки, примерно в шестистах милях к востоку от Кирены и в тысяче миль к западу от Атлантического океана. Карфаген также завладел западной Сицилией, поддерживая непрерывную вражду с греческими колониями восточной половины, а в настоящее время и с Сардинией и Корсикой. Везде, где карфагеняне закреплялись, они пытались установить монополию на торговлю для себя. Мы видели, как в первом Римском договоре они исключили римлян из тех мест, где они имели полный контроль. Только в сицилийских портах, где они не могли контролировать восточные подходы, они разрешили свободную торговлю, и свою политику исключения они развили еще дальше в договоре, который они заключили с Римом в 348 году. Для римлян того времени расширение карфагеном **маре клаузум** не имело большого значения, поскольку в Риме тогда еще не было торговли. Но греческим городам, таким как Марсель и Сиракузы, которые во многом зависели от торговли в западном Средиземноморье, такая политика была неприятна. Наконец, они завладели южной Испанией, и, чтобы защитить свою торговлю в этом регионе — особенно оловом, которое поступало из Британии, — они объявили, что **западное море** принадлежит исключительно им, и они доказали свои претензии, потопив каждое судно, заходившее в эти воды. Неудивительно, что Марсель вел с ними вечную войну.

Правительство Карфагена, однако, не находилось полностью в руках торгового класса. Со временем возникла многочисленная землевладельческая аристократия, которая обратила коренных ливийцев в крепостное рабство. И эти землевладельцы часто контролировали сенат и избирали консулов (**суффетов**). Эти землевладельцы не всегда были дружелюбны к торговому классу, который очень разбогател на торговле и поддерживал значительную часть городского населения в коммерческой и промышленной работе. Таким образом, случилось так, что классу торговцев, нуждавшемуся в сильном военно-морском флоте для проведения в жизнь своей политики закрытых морей, пришлось в свое время обратиться к народному собранию и обойти сенат, чтобы добиться желаемого. Таким образом, государство временами представляло собой землевладельческую аристократию, довольно мирную и стабильную, временами - торговую демократию, которая приводила к власти милитаристского лидера, который защищал и расширял торговые пути. А поскольку город был достаточно богат, чтобы снабжать корабли и нанимать

наемников, не беспокоя землевладельцев и их крепостных, эти военные правители часто добивались своего.

Сицилия. В 278 году Пирр отправился на Сицилию, чтобы помочь греческим городам избавиться от карфагенян. Однажды ему почти удалось выполнить эту задачу, и он загнал врага на самый дальний мыс. Но карфагеняне получили подкрепление из дома, изгнали Пирра с острова, а затем быстро отыграли больше, чем потеряли. Независимыми остались только Сиракузы и Мессана (современная Мессина). Сиракузы, прекрасный греческий город, управлялся блестящим тираном Гиероном, который несколькими годами ранее захватил бразды правления в результате хладнокровной революции. Мессана находилась под контролем группы кампанских наемников, которые называли себя мамертинцами, Сынами Марса, и которые, будучи кампанцами, должно быть, были p96"полугражданами" Рима. Двадцать пять лет назад, когда умер их наниматель Агафокл, вместо того чтобы вернуться домой в Капую, они захватили Мессану, убили или изгнали жителей города, которые осмелились выступить против них, организовали свои силы и с их помощью распространили власть Мессаны на некоторых соседей -сиракузян, а также карфагенян. В 268 году Иеро нанес ответный удар и снискал немалую славу, изгнав захватчиков с территории Сиракуз.

Причины Пунической войны. Во время всех этих беспорядков Рим не проявлял никакого беспокойства по поводу сицилийских дел. Однако в 265 году возник вопрос, касающийся ее будущего. Мамертинцы, осознавая свою слабость и опасаясь новых наказаний, рассматривали целесообразность обращения за защитой к какой-нибудь более сильной державе. Одной фракции удалось добиться указа в пользу призыва карфагенян; немедленно же другая фракция, получив контроль над правительством, отменила этот указ и направила приглашение в Рим с просьбой о ее защите. Карфагеняне приняли вызов, но двигались медленно. У римлян возник серьезный p97спор по поводу их приглашения, народное собрание высказалось за принятие, в то время как Сенат высказался за отказ. Лидеры ассамблеи, которые высказались за принятие, были тронуты, как нам сказали, военными соображениями. Они, конечно, знали, что если Карфаген получит контроль над Мессаной, которая находилась всего в • двух милях от Италии через Сицилийский пролив, он при первой же возможности закроет эти проливы для иностранных кораблей, как он веками закрывал Гибралтарский пролив, и такая ситуация теперь была бы невозможна, поскольку Рим должен иметь сообщение по морю со своими военно-морскими союзниками в южной Италии. Это убеждение укреплялось тем фактом, что Карфаген не так давно проявил чрезмерное рвение закрепиться в итальянских портах Тарент и Региум. Их самые убедительные аргументы перед ассамблеей, конечно, были гораздо проще. Они сказали римскому населению, что у них были хорошие надежды извлечь выгоду из принятия приглашения Мессаны, но трудно представить, какую прибыль можно было бы обещать, если бы, возможно, не было высказано предположение, что отныне сицилийское зерно можно было бы перенаправлять в Рим и снизить стоимость жизни, теперь, когда латинская зерновая культура терпит крах.

Сенат возразил, говорит Полибий, на том основании, что мамертинцы были узурпаторами в Мессане. Принимая во внимание тот факт, что мамертинцы совершили свой незаконный государственный переворот около двадцати пяти лет назад и что их правительство было официально признано несколькими сицилийскими договорами, заключенными после этого, есть основания сомневаться, был ли этот аргумент чем-то иным, кроме предлога. У Сената, несомненно, были более серьезные возражения. Они знали, что принятие Мессаны, вероятно, приведет к войне с Карфагеном, очень сильной державой. Вероятно, они не хотели рисковать такой опасной войной ради сохранения открытыми проливов, поскольку их совершенно не заботила торговля и они никогда не были сторонниками запутанных союзов с греческими городами, которым теперь, возможно, угрожала опасность. Следует помнить, что Сенат выступал против помощи **p98** Турии, которая привела к Пирровой войне, наконец, если бы дешевое сицилийское зерно упоминалось агрессивной стороной в качестве стимула, маловероятно, что этот аргумент понравился бы землевладельцам Сената, которые все еще занимались сельским хозяйством.

Однако теперь верховной властью обладало собрание, фактически таковым оно было с 287 года, и собрание последовало за агрессивным лидером демократов Аппием Клавдием — вероятно, сыном старого слепого цензора, — как оно последовало за престарелым цензором в деле Пирра.

В 264 году Аппий был консулом, его назначили командующим двумя легионами и отправили принять приглашение Мессаны. Этих сил едва ли было достаточно для войны с Карфагеном; поэтому, вероятно, сенат все еще надеялся ограничить цели консула Мессаной и заключить мир как можно скорее. Однако тем временем карфагеняне вошли в Мессану и патрулировали проливы. Когда Аппий прибыл к проливам, мамертинцы хитростью избавились от пунического полководца, помогли римлянам пересечь пролив мимо пунических крейсеров и впустили их в город. Вскоре Аппий атаковал осаждавших карфагенян, которые также заручились помощью Гиерона Сиракузского, и рассеял объединенные пунические и сиракузские силы. Гиерон был вынужден стать союзником Рима, но карфагенский полководец, действуя, несомненно, по твердому приказу из дома, продолжил борьбу, которой было суждено продлиться почти целое поколение.

Война. В течение двух лет римляне со своей небольшой армией практически не продвигались вперед против постоянно усиливавшихся войск Карфагена. Однако они захватили карфагенскую базу снабжения в Агригенте (Акрагасе) и, не терпя задержек, совершили грубую ошибку, разграбив этот прекрасный город и продав жителей в рабство. Это просто настроило симпатии сицилийцев против Рима и затруднило продвижение вперед.

Война зашла в тупик, и Рим решил построить военно-морской флот, чтобы контролировать море. Греческим городам **p99** федерация помогла в этом, и новые римские корабли были построены по образцу корабля пунической войны, который выбросило на берег. Римляне, не привыкшие к маневрам на море, переняли старый греческий прием оснащения своих судов качающимися сходнями и абордажными крюками. Когда карфагенский флот встретил их у Милей в 260 году, римляне

превратили битву в рукопашную с помощью этих приспособлений и с легкостью выиграли сражение. Дуилий, консул, выигравший эту битву, гордый своей победой, приказал воздвигнуть в Риме колонну, украшенную несколькими захваченными клювами. Надпись на этой колонне, восстановленную во времена империи, все еще можно увидеть в Риме. В ней, в частности, говорится:

"Он был первым консулом, сражавшимся на кораблях в море и построившим военный-флот. С этим флотом он разгромил в битве в открытом море весь военно-морской флот карфагенян под командованием диктатора Ганнибала, захватил одну септерему, тридцать квинкеремий и трирем с их экипажами и потопил тринадцать судов".

Битва, однако, не была решающей, поскольку у Карфагена в резерве был другой флот. Но в 256 году вторая морская победа, в которой 330 римских кораблей одержали победу над 350 карфагенскими судами, обеспечила римлянам безопасный проход в Африку. Там высадился Атилий Регул, чтобы перенести войну на территорию Карфагена. Добившись некоторого успеха, он, тем не менее, потерпел поражение от спартанского полководца, которого пригласили организовать армии Карфагена. История о том, как Регул был отправлен в Рим для передачи жестких условий мира, и о том, как он выступал за дальнейшее сопротивление, хотя знал, что это повлечет за собой его собственную смерть, была одной из любимых историй римской истории. Правдива каждая деталь или нет, но она присутствует в одном из самых волнующих патриотических стихотворений, когда-либо написанных, пятом в третьей книге од Горация,

Caelo tonantem credidimus Jovem.

В довершение к катастрофе большая часть римского флота попала в шторм и была уничтожена. Африканская экспедиция **p100** потерпела полный провал. Сражение продолжилось на Сицилии, где римляне продвигались очень медленно из-за отсутствия флота. Пока Карфаген контролировал море, он мог привлекать на помощь новых наемников. К 249 году Рим, используя, казалось, свои последние финансовые ресурсы, построил новый флот, но и он был разбит. В целом, к настоящему времени Рим потерял более 500 кораблей, и на каждом из них находилось в среднем 120 морских пехотинцев помимо 300 членов экипажа. Древний мир никогда прежде не слышал о таких тяжелых потерях на войне. В 247 году Гамилькар из военно-торговой семьи Баркас возглавил пунические войска и начал серию искусных нападений на Сицилию, которые угрожали завоевать весь остров. Казна Рима была истощена, и ее граждане были обложены налогами на пределе своих возможностей. Поэтому Рим призвал частных лиц пожертвовать драгоценности и собственность в любой форме и таким образом добыл достаточно денег, чтобы построить новый флот по лучшей модели. С этим флотом Лутаций Катулл одержал решающую победу у острова Эгуза в 242 году и очистил море. Гамилькар был фактически отрезан, и Карфаген, неспособный собрать еще одну

армию, потому что его подданные были на грани восстания, запросил мира. Война длилась двадцать четыре года.

По условиям мира Карфаген сдал Сицилию и согласился выплатить контрибуцию в размере 3200 талантов (более 3 000 000 долларов золотом) в течение десяти лет. Компенсация составляла лишь малую часть стоимости, но Рим был утомлен и достаточно рад выйти победителем. Эта война, возможно, является первой в истории тщательной демонстрацией того факта, что либеральное правительство обеспечивает наиболее стабильную основу для империи. В Карфагене были лучшие полководцы, чем в Риме, поскольку это были подготовленные специалисты, которых год за годом воспитывали и удерживали на военной службе, в то время как римские консулы, гражданские магистраты, ежегодно избираемые народом, редко проходили тщательную военную подготовку и, как только приобретали опыт летней кампании, их смещали новые консулы. У Карфагена были лучше обученные солдаты, поскольку они были [p101](#) постоянными армиями с большим опытом работы, в то время как у Рима не было постоянной армии. У Карфагена был многовековой опыт управления военно-морскими силами и огромное количество готовых материальных средств для их оснащения. У римлян не было ни военно-морского флота, ни даже какой-либо морской торговли, которая могла бы обеспечить опытных моряков. И ее финансовая система была далека от готовности выдержать нагрузку, связанную с большими затратами на оборудование: всего за четыре года до этой войны Рим начал чеканить серебряные монеты в Риме. Единственным большим преимуществом Рима было то, что он организовал Италию на таких либеральных принципах, что ее подвластные союзники оказывали ей постоянную поддержку как в армии, так и на флоте, в то время как Карфагену из-за его старомодной- эксплуатации своих подданных приходилось полагаться на недовольных крепостных и наемников. Карфаген, конечно, удерживал свои армии вместе без открытого прорыва до самого конца, но силам разложения нельзя было долго препятствовать. Африка оказалась охваченной революционной суматохой еще до того, как были подписаны условия мира, и Карфагену потребовалось четыре года, чтобы подавить это восстание. Бесполезно обсуждать, каким мог бы быть результат, если бы Карфаген выиграл войну и стал выдающейся мировой державой вместо Рима. По правде говоря, Карфаген никогда не смог бы стать мировой державой. Независимые народы Италии никогда не смогли бы продержаться вместе даже одно поколение в рамках восточной теории правления путем эксплуатации, которую олицетворял Карфаген.

Изменение политики. К сожалению, в конце войны Рим принял политику Карфагена в отношении управления Сицилией вместо того, чтобы распространить там свою собственную либеральную систему. За пределами Италии Рим теперь стал имперской демократией, и дата ее победы над Карфагеном является началом ее капитуляции перед не-римскими идеями и восточной политикой правительства. Эта дата знаменует собой эпоху в истории Рима. Рим нашел на Сицилии теорию правления, которая была новой для его опыта. С незапамятных времен на Востоке придерживалась теории, что земля [p102](#) принадлежит не отдельным лицам, которые ею владеют, а суверену, который, следовательно, имел право взимать более чем

справедливый налог за ее использование; он взимал то, что можно было бы назвать *рендой*. Александр Македонский обнаружил, что эта система вошла в моду в Персии, и перенял ее, а после него ею пользовались эллинистические монархи Малой Азии, Сирии и Египта. Эту систему Иеро, царь Сиракуз, и Карфагена применяли на Сицилии. (1) Часть земли эти монархи экспроприировали полностью и сдавали ее в аренду кому им заблагорассудится за арендную плату примерно в треть годового урожая. (2) Большинство подвластных городов они оставили нетронутыми во владении первоначальных владельцев, но, объявив себя-владельцами земли, они взимали десятую часть ("десятину") некоторых продуктов, таких как пшеница, и пятую часть ("двойную десятину") садовых продуктов и фруктов, принимая эту дань натурой, в то время как на пастбищах они взимали денежную дань в размере определенной суммы с головы овец или крупного рогатого скота. (3) Несколько привилегированных городов были оставлены свободными платить налог или пользоваться полным иммунитетом.

Эта система была настолько прибыльной, война обошлась так дорого, а сицилийское зерно — теперь, когда Лациум отказывался от выращивания зерновых — было так остро необходимо Риму, что Сенат поддался искушению, сразу же принял его, а позже, после приобретения Сиракуз во время Второй Пунической войны, распространил его действие и на эту часть острова. Римляне называли эту систему именем Гиерона не потому, что Гиерон, насколько нам известно, использовал ее более широко, чем Карфаген, а потому, что римляне, выучившие греческий лучше, чем карфагенский, могли с большей готовностью изучать записи Гиерона, чем записи пунических администраторов. Конечно, они распределили города и районы Сицилии по различным классам в соответствии с поведением нескольких городов во время войны: некоторые из карфагенских городов, естественно, попали в худший класс, в то время как несколько греческих городов, помогавших Риму в войне, были переведены в класс неуязвимых и свободных городов, став практически частью римской федерации, как Неаполь и другие свободные греческие города на полуострове. В конечном итоге города были сгруппированы следующим образом:

I. Пять вольных городов, независимых и не облагаемых налогами.

II. Три союзных города с обязательствами предоставить определенные военно-морские контингенты.

III. Около трех четвертей сицилийских городов стали платить десятину.

IV. Около шести городов уступили свои земли Риму и были вынуждены платить за них арендную плату.

Сицилия как провинция. Однако в целом Сицилия выиграла от того, что стала римской провинцией. Непрерывающиеся войны, которые велись между Карфагеном и греками в течение трех столетий, подошли к концу. Опасность еще большего угнетения, которое могло бы возникнуть, если бы Карфаген получил полный контроль, миновала, и для Сицилии было хорошо, что правила Гиерона ("Lex Hieronica"), а не карфагенские, послужили образцом для римской системы. По этим правилам сицилийские города, сохранившие самоуправление, могли сами

проводить ежегодную перепись населения, согласно которой оценивалась десятина каждого человека, и если возникал спор о сумме, дело должно было рассматриваться в городе ответчика; более того, город мог защитить своих граждан от несправедливости, заключив контракт на сбор десятины. Более того, поскольку контракты должны были заключаться на Сицилии, а не в Риме, пороки публичной системы, которые позже развились в восточных провинциях, медленно проникали на Сицилию. Наконец, налог, пока соблюдались правила, не был тяжелым. Десятина зерна, которая была основным налогом, составляла около миллиона бушелей пшеницы, ежегодно взимаемых с населения численностью около двух миллионов человек. К несчастью, система, требуя относительно наименьшего налога на зерно, чрезмерно поощряла зерновую культуру. Это сделало Сицилию "житницей Рима" во втором и первом веках до н.э., и теперь мы знаем, что ни одна земля не выдержит непрерывного производства зерновых. Если бы налог был выше на зерно и ниже на выращивание бобовых и крупного рогатого скота p104, сицилийская почва могла бы улучшиться, а не ухудшиться. Но тогда никто не мог ожидать, что он будет знать все секреты сельского хозяйства. Во всяком случае, сицилийская почва в конце концов была настолько истощена, что в Империи десятина зерна с нее составляла очень мало.

Необходимость управления провинцией подданных за пределами Италии вызвала в Риме новые конституционные проблемы. Поскольку остров мог в любой момент подвергнуться вторжению Карфагена и поскольку новая теория подчинения не предполагала сотрудничества со стороны местных жителей, там необходимо было содержать постоянную армию, а при ней военного офицера. Судья также был необходим для рассмотрения дел с участием римских граждан и для назначения арбитров для разрешения споров, касающихся десятины. Эти две должности были несколько опасно объединены в одной. Ежегодно отправлялся претор с полномочиями старого консула для выполнения функций исполнительной власти, генерала и судьи. Такое устройство, казалось, обещало эффективное правительство, но не учитывало тот факт, что, хотя сильный магистрат может быть сдержан общественным мнением дома, эта сила может не сдержать недобросовестного чиновника, правящего провинциалами вдали от дома. Рим, по сути, совершил там ту же ошибку, что и наше собственное правительство, не создав адекватного специального суда для защиты местных жителей от указов военных губернаторов, которых иногда отправляют в такие места, как Гаити и Санто-Доминго. Пришло время, когда Риму пришлось учредить такой суд для рассмотрения жалоб жителей провинций на своих проконсулов и пропреторов. Правительство Сицилии, однако, стало образцом для управления другими за-морскими приобретениями. Сицилия была первой провинцией из длинной череды, которой суждено было быть сформированной.

Влияние на Рим. Контакт с артистичными греками Сиракуз во время этой долгой войны положил начало новой эре культуры в Риме. Римские полководцы были склонны проводить немало времени в дождливые сезоны с приветливым Гиероном. Этому замечательному человеку, должно быть, нравилось ставить p105своих грубых завоевателей в неловкое положение, показывая им сокровища Сиракуз. В городском

театре он мог сводить их на пьесы Еврипида и Менандра, в храмах он мог показать им некоторые из лучших шедевров Праксителя и Апеллеса, в библиотеках он мог обратиться к греческим историкам и прочесть им рассказы о том, как римляне давным—давно вышли из Трои - лестную легенду, которой римляне раньше не знали. Все это произвело очень глубокое впечатление. Через год после войны учителя греческой школы в Риме Ливия Андроника попросили перевести некоторые греческие пьесы, чтобы их можно было ставить на римских фестивалях, и вскоре Иеро был приглашен в Рим, чтобы посмотреть, насколько хорошо римляне усвоили урок, полученный от его народа. Это было первое литературное произведение на латинском языке. Ливий, естественно, выбрал большинство тем из троянского цикла, поскольку они напоминали слушателям о новых легендах, которые они узнали о себе на Сицилии. Несколько лет спустя (235) Невий, служивший офицером на Сицилии во время войны, написал историю Рима от троянских времен до великой войны в старомодном "римском метре баллады".- Этот "Пунический бой" был первым оригинальным литературным произведением на латыни. Сицилийская война пробудила в римлянах сознание своей силы, но также и пренебрежения искусством. С этого момента они лихорадочно стремились наверстать упущенное.

Влияние войны на характер римлян было не совсем благоприятным. Существует большая опасность в том, что демократия привыкает управлять более слабым народом, особенно если этот опыт приходит до того, как нация достаточно очеловечится культурой, чтобы противостоять ядам дерзости. Существовала опасность, что правительство приобретет властное отношение к своим подданным на Сицилии и перенесет это на их поведение по отношению к итальянским союзникам. Вскоре они начали забывать либеральную политику 340 года, закрывать глаза на тот факт, что демократия создана не для того, чтобы править подданными, и что имперское правление, не основанное на согласии и доброй воле, p106 требует армии, которая со временем может повернуться, чтобы сокрушить народ, который ее создал.

Между двумя великими войнами, 241-218. Сардиния. Нам кажется странным, что при заключении Пунического договора Рим забыл потребовать уступки Сардинии, которая в любой момент могла стать базой пунического флота перед римской гаванью. Вскоре, однако, у Рима появился шанс завладеть островом. После войны Карфаген пытался платить своим наемникам меньше, чем обещал им. Они взбунтовались и получили помощь подвластных ливийских племен в энергичном нападении на Карфаген. Восстал даже гарнизон Сардинии. В течение нескольких лет Карфагену было очень тяжело. Римский сенат, желавший в то время восстановить хорошие отношения с Карфагеном, помог ей, запретив итальянцам наниматься на службу в армию мятежников. Сенат также отказался принять заманчивое предложение мятежного гарнизона Сардинии, который просил Рим установить протекторат над островом. Однако два года спустя, когда Карфаген ничего не сделал, чтобы вернуть остров, предложение было возобновлено. Теперь Рим в недружелюбной спешке, не спросив Карфаген, отказался ли он от своих прежних притязаний, принял предложение и вступил во владение. Карфаген запротестовал, заявив, что она по-прежнему претендует на остров, организовал

экспедицию, чтобы отвоевать его, и не отступал до тех пор, пока Рим не снарядил свой флот для боевых действий и не объявил войну. Испуганный Карфаген потребовал мира, который он получил только после того, как была взыскана контрибуция в размере 1200 талантов. Большинство современных историков согласились бы с римским историком Ливием в том, что Рим действовал несправедливо, хотя остается вопросом, не вели бы себя подобным образом современные нации, если бы на их пути возникло такое же искушение. Этот акт, однако, уничтожил все добрые чувства к Риму в Карфагене и немало способствовал поддержке милитаристской партии Карфагена в поддержании духа мести.

Эта партия, возглавляемая Гамилькаром, считала необходимым найти другую **p107** провинцию, где торговые классы могли бы компенсировать потерю торговли на Сицилии и Сардинии. Поэтому Гамилькар повел армию в южную Испанию и начал тщательно спланированное завоевание всего полуострова. Он видел, что продукты богатой страны можно было бы легко переправлять с торговых постов, удерживаемых Марселем, в южные порты, удерживаемые Карфагеном, если бы был установлен политический контроль, а также что в Испании можно было бы набрать сильную армию, с помощью которой можно было бы не только удерживать полуостров и защищать торговлю, но и атаковать Рим, если бы его надежды на войну-реванш осуществились. Таким образом, Карфаген превращался в сухопутную империю, а также в морскую и торговую державу.

Распределение государственных земель. Тем временем у Рима были свои трудности. Демократическая партия снова забеспокоилась. В 233 году Гай Фламиний, человек демократических симпатий, предложил раздать **ager Gallicus**, полученную полвека назад, бедным гражданам Рима. Вполне вероятно, что долгая военная служба на Сицилии довела многих мелких фермеров до нищеты. Фермеры не могут идти на военную службу в течение десяти лет и поддерживать свои фермы в хорошем состоянии; кроме того, пшеница, поступающая сейчас с Сицилии, снизила прибыль тех мелких фермеров, которые все еще пытались выращивать пшеницу. Сенаторы выступили против этой меры, потому что хотели получать прибыль от дешевой аренды государственной земли — по крайней мере, так думали люди. Однако у сенаторов были некоторые законные причины выступать против распределения. Во-первых, казна нуждалась в доходах от арендной платы; тогда, возможно, было бы нехорошо создавать прецедент раздачи земель населению, которое не смогло добиться успеха в жизни; было бы трудно следовать такому примеру бесконечно. Возможно, также Сенат поднял вопрос о том, что земли, захваченные федеральными армиями, по праву должны быть распределены, как и раньше, между всеми союзниками в латинских колониях.

Фламиниус, однако, внес свою лепту в ассамблею, и большая часть земли была распределена по виританским наделам **p108**- та самая система, которая обычно использовалась в американских поселениях на общественных землях. Это был метод, который Рим не применял в течение столетия; и Полибий, чья точка зрения была окрашена такими сенаторскими писателями, как Фабий, называет это "первым шагом в развращении народа". Несколько лет спустя Фламиний последовал этой мере, используя государственные средства для строительства великолепной

дороги из Рима в Ариминум через недавно заселенный регион. На участках, сохранившихся до-наших дней, она до сих пор носит название Виа Фламиния. Другой демократической мерой, поддержанной Фламинием, был закон Клавдия (218 г.до н.э.), запрещающий сенаторам заниматься внешней торговлей.¹ Казалось бы, римская знать была привлечена к торговле - занятию, которое считалось ниже достоинства великих людей в Риме, а также, вероятно, отвлекало их внимание от государственных проблем. Это своеобразное чувство никогда не умирало в Риме: Юлий Цезарь фактически восстановил закон почти два столетия спустя.

Галльская война, 225-222. Вскоре после распространения **ager Gallicus** произошло еще одно вторжение галлов. Противники Фламиния утверждали, что вторжение было спровоцировано поселением **галльского народа**, но истинной причиной, по-видимому, было прибытие новых галльских переселенцев в долину По из-за Альп. Рим и Италия были основательно напуганы. Была проведена перепись наличных сил в Италии, которые могли быть использованы для обороны, интересная перепись, поскольку это наш первый достоверный отчет о численности населения на полуострове. В общей сложности эта сумма составила 700 000 пехотинцев и 70 000 кавалеристов; из них 250 000 пехотинцев и 23 000 кавалеристов были римскими гражданами² (включая "полуграждан" Капуи).

p109 В 224 году римляне встретили захватчиков при Теламоне в Этрурии силами в 150 000 человек, огромной армией для того времени, и разгромили галлов. Они последовали за побежденными ордами в долину По и в течение трех лет продолжали борьбу, пока большая часть галлов к югу от реки и наиболее беспокойные инсубры близ Милана не были вынуждены подчиниться. В 218 году две латинские колонии были отправлены в долину, чтобы заселить Кремону и Плацентию на реке По.

Иллирийские пираты. В этот период римляне также встречались с греками Эгейского моря в официальном качестве. На иллирийском побережье — ныне Албания — королева пиратов по имени Теута правила племенем беззаконных морских разбойников. Теперь, когда у Рима были колонии на Адриатике и он был защитником греческих торговых городов южной Италии, ее долгом стало следить за тем, чтобы мореплавание в адриатических водах было безопасным. Посланникам, прибывшим из Рима с требованием уважать итальянскую торговлю, Теута ответила, что не может помешать своему народу заниматься своим обычным делом. Когда посланники вернулись с ультиматумом от Сената, она предала их смерти. Рим, конечно, послал флот и разрушил ее власть, в результате чего Коркира (Корфу), Аполлония (недалеко от современной Валонии) и Эпидаман оказались под защитой Рима. Несколько греческих государств сердечно поблагодарили Рим, а Коринф пригласил ее принять участие в Истмийских играх; но царь Македонии Антигон Досон был оскорблен вмешательством Рима в политику по ту сторону Адриатики, поскольку у него было честолюбивое намерение распространить свой собственный протекторат на всю Грецию. Негодование Македонии должно было проявиться вскоре, когда Рим подвергся нападению Ганнибала.

Гамилькар в Испании. Тем временем Гамилькар продолжал завоевание Испании. Это, конечно, не касалось Рима, за исключением того, что Гамилькар был явным

врагом Рима и желал отомстить за свое поражение на Сицилии. Его завоевание, однако, очень сильно коснулось Массилии (Марселя), давнего союзника Рима, который по p110очевидным причинам помог Риму в первой Пунической войне. Массилия была торговым государством, которое не только контролировало маршруты всей Галлии, но и установило торговые посты по всему галльскому и испанскому побережью. Поскольку она совершенно не заботилась об империи, ее торговцы нашли дружеский прием у всех варваров Запада и Севера. Однако теперь карфагеняне продвигались на север Испании, за прибрежные города Массилии, и перерезали ее торговые пути. Было бы только вопросом времени, когда они не только перенаправили бы всю испанскую торговлю на юг, в Новый Карфаген и Гадес, свои собственные порты, но и пересекли Пиренеи и отрезали ей путь мимо Толозы, по которому она получала британское олово. После этого ее военно-морской флот, который обеспечил ей часть открытого моря, больше не будет приносить никакой пользы.

Римляне, подобно массилийцам и большинству цивилизованных народов того времени, верили в свободу морей. И, несомненно, именно посланцы Массилии сообщали в Рим о каждом продвижении Гамилькара и его преемников, Гасдрубала и Ганнибала, и, наконец, внушали Сенату опасения, что это строительство империи в конечном счете было направлено против Рима. Рим поначалу не обратил на это особого внимания. В 226 году, несомненно, с целью помочь Массилии спасти ее северные порты, Эмпорию и Роды, Рим попросил Гасдрубала подписать договор, обещающий, что "карфагеняне не перейдут реку Эбро с оружием в руках", и вслед за этим он заключил оборонительный союз с Сагунтом, все еще независимым иберийским городом, • в ста милях к югу от этой реки.

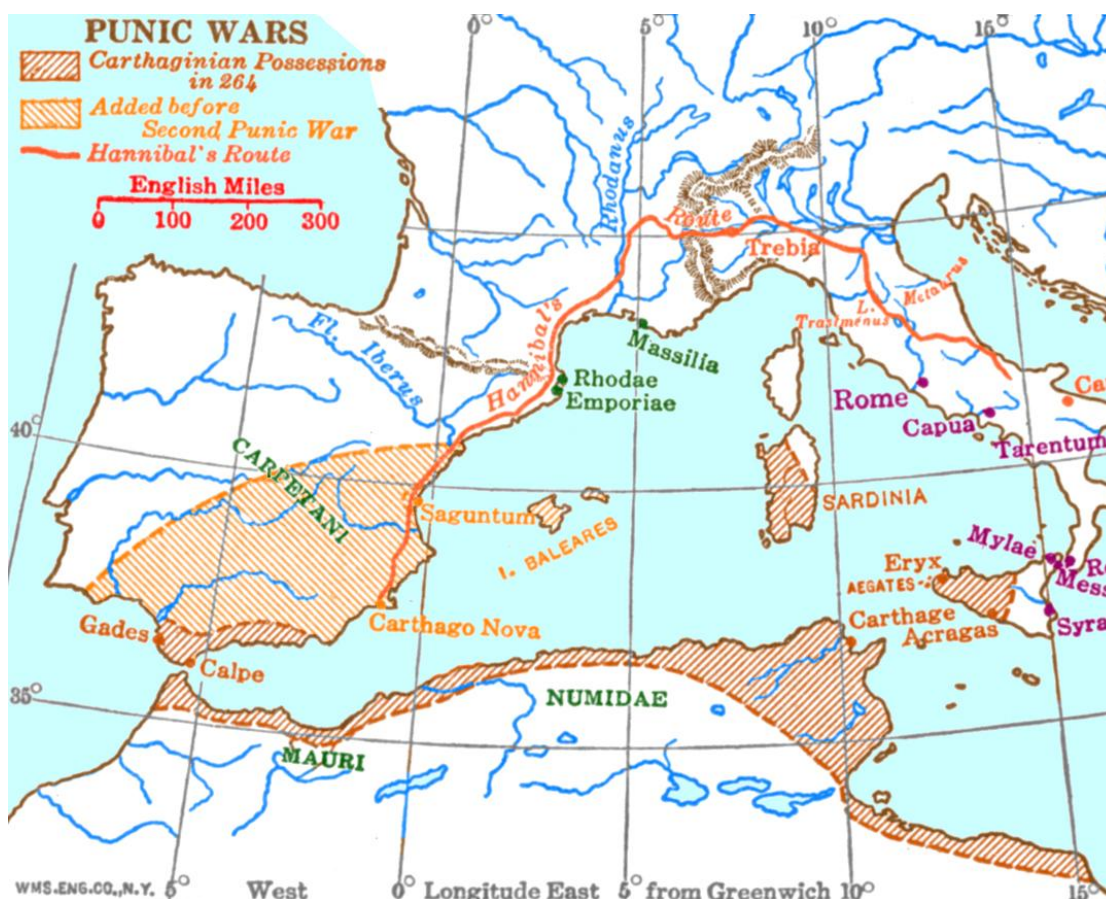
Современные исследователи, делающие выводы из политических установок, подобных тем, которые подразумеваются в Доктрине Монро и африканских протекторатах, склонны предполагать, что договор об Эбро, возможно, был определением "сфер влияния" и что Рим, следовательно, не имел права заключать какой-либо союз к югу от реки. Однако существует опасность приписывать современные доктрины древним государственным деятелям. Рим заключил, вероятно, сотню договоров с другими государствами, но ни в одном из них стр. 111мы не наблюдаем никаких свидетельств того, что она претендовала на какое-либо влияние, выходящее за определенные пределы ее союзов. "Сферы влияния" были чужды конкретным действиям Рима в то раннее время. Сагунт был независимым государством и имел право заключать любые союзы по своему выбору. Карфаген, естественно, был бы уязвлен этим союзом, поскольку он подразумевал недоверие к Карфагену и гарантировал открытый порт для не-пунической торговли в Испании, который в случае войны мог бы обеспечить доступ римскому оружию в тыл пунической армии, но ни один древний авторитет никогда не подразумевает, что союз обеспечивал *casus belli*.

В 221 году Гасдрубал, преемник Гамилькара в Испании, был убит, и армия выбрала Ганнибала, достойного сына отважного Гамилькара, на его место, и этот выбор был принят правительством метрополии. Этот молодой человек вырос в армии, завоевал расположение солдат своими демократическими манерами, готовностью вместе с

солдатами проходить самые суровые испытания на выносливость, своей сообразительностью и превосходными суждениями, а также своим мастерством во всех военных искусствах. Он сочетал быстроту принятия решений и простоту истинной уверенности в себе с напускной бравадой и откровенным великодушием манер, что нравилось всем солдатам. Правдива или нет история, рассказанная в Риме — распространенная, возможно, посланцами Марселя — о том, что его отец привел мальчика к алтарю и заставил поклясться в вечной вражде к Риму, именно Ганнибал спланировал войну с Римом и расставил ловушку, которая сработала, когда он был готов.

За два года он захватил всю центральную и восточную Испанию вплоть до Эбро, за исключением Сагунта. Затем, имея наготове армию из тщательно обученных солдат, он нашел в споре между сагунтинцами и некоторыми своими испанскими союзниками благовидный предлог для нападения на Сагунт. Ему нужно было захватить этот город, прежде чем выступить против Рима, не только для того, чтобы закрыть его порт от римского вторжения в свой тыл и получить добычу, с помощью которой можно было бы обеспечить сухожилия в войне, но и по более важной причине. Он должен, если возможно, p112заставить Рим объявить войну, поскольку он хорошо знал, что никогда не сможет побудить Карфаген начать борьбу и что Карфаген не поддержит его, если он отправится в экспедицию без разрешения из дома. Фактически Карфаген теперь находился в руках землевладельческой знати, которая не проявляла особого сочувствия к коммерческой авантюре Баркана в Испании и еще меньше - к еще одной дорогостоящей войне с Римом. Однако он надеялся, что, напав на римского союзника, он сможет заставить Рим объявить войну, его правительство из гордости и разжигая старую ненависть, одобрит его предприятие и проголосует за поставки. Его предположение было верным, но его надежды на припасы обычно оказывались обманутыми. Карфаген позволил Ганнибалу вести его войну, но в течение следующих пятнадцати лет позорно мало что сделал для его поддержки.

Соответственно, Ганнибал напал на Сагунт в 219 году. Рим, однако, не был ни готов, ни стремился к новой войне. Оба консула находились на Адриатике, улаживая вновь вспыхнувшую иллирийскую войну. У Рима также были основания полагать, что Карфаген не хотел войны и что, если бы вызов был встречен спокойно, Ганнибал мог бы быть отозван своим правительством. Соответственно, месяцы были потрачены на отправку посольств к Ганнибалу и в Карфаген, но безрезультатно. Рим не боялся вторжения. Альпы считались непроходимыми, и у римлян были основания полагать, что Ганнибал не сможет получить флот из Карфагена для такого предприятия. Поэтому им казалось, что в случае войны речь идет только о вторжении в Карфаген, чтобы заставить его отозвать Ганнибала и возместить ущерб должным образом. Спешить с этим, по-видимому, было некуда, и поэтому переговоры были продолжены. Однако, когда после восьмимесячной осады Сагунт наконец пал, а Карфаген отказался от репараций, Рим объявил войну.

Пунические войны

[Увеличенная версия, полностью читаемая, открывается [здесь](#).]

Планы римлян и Ганнибала. Политика Рима раскрывается по ее первым шагам. Она подготовила флот и основную армию к быстрому нападению на Карфаген.

p113 Очевидно, у нее не было намерения всерьез сражаться в Испании, вероятно, у нее не было желания создавать новую провинцию так далеко от варваров. Всего лишь горстка из десяти тысяч человек была отправлена в Испанию, чтобы занять армию Ганнибала работой вдали от дома, пока решался вопрос в Африке.

С другой стороны, Ганнибал, хорошо зная, что Карфаген не сможет долго сопротивляться прямой атаке и что ему не доверят принять командование дома, спланировал гораздо более смелый маневр. Он перенесет войну в Италию и двинется по суше через Альпы не только потому, что это застанет римлян врасплох, и потому, что он не мог надеяться, что Карфаген даст ему контроль над морским путем, но главным образом потому, что, изучая условия, он узнал, что галлы долины По, хотя и недавно покоренные, были готовы поднять восстание и предоставить помощь как пешим, так и конным войскам.

Его политика в отношении Рима раскрыта в его договоре с македонским царем Филиппом³, подписанном в 215 году, когда он был на пике своих успехов. Это показывает, что у него не было ни намерения, ни надежды сокрушить Рим и

поставить Италию в зависимость от Карфагена. Подобно Пирру, он полагал, что союзники Рима отступят перед ним, как только он появится и предложит им "свободу". Это была его величайшая ошибка, ошибочное суждение, которое в те дни были склонны совершать все, кто слишком поспешно заключал, что Рим обращался со своими подданными с суровостью, обычной в древних империях. Ганнибал предполагал, что при его приближении Римская федерация развалится на куски и что Рим, оказавшись таким образом покинутым, примет унижительные условия и заключит мир. Этой мести было бы вполне достаточно, и он, несомненно, намеревался соединить ее с возвращением Сицилии и Сардинии и таким ослаблением Рима, которое помешало бы ему вмешиваться в будущем в пользу политики открытого-моря для Марсея и греческих торговцев. Западное Средиземноморье **p114** отныне будет превращено в пуническую **столицу** в угоду военно-торговой группировке, за которую боролась семья Баркан. Ганнибал, вероятно, никогда не надеялся завоевать для Карфагена империю-данника в Италии. Римские союзники, естественно, не присоединились бы к карфагенскому союзу иначе, как на лучших условиях, чем они получили от Рима, а лучшие условия могли означать только абсолютную независимость. Следовательно, он мог бы пообещать южноитальянским союзникам⁴ только независимость с обещанием, что Карфаген будет соблюдать и обеспечивать ее. Это, однако, не принесло бы Карфагену никаких коммерческих преимуществ в Италии, которыми он уже не обладал, поскольку Рим никогда не закрывал моря в пределах своей сферы деятельности, и карфагенские корабли всегда могли свободно торговать по своему желанию в греческих городах Италии. Ганнибал действительно никогда не ожидал, что сделает Карфаген хозяином Италии и Рима. Его война была войной за реванш, восстановление и завоевание коммерческих привилегий, которые придут с расширением **маре клаузум**.

Примечания автора:

¹ Закон фактически запрещал сенаторам владеть судами, вмещающими более 300 амфор = около 225 бушелей.

² Из других латинских городов и колоний насчитывалось 80 000 пехотинцев и 5000 кавалеристов; самниты - 70 000 и 7000 человек; центральные сабеллийские племена - 20 000 и 4000 человек; южные племена - 80 000 и 19 000 человек, этруски и умбрийцы, к сожалению, не приведены подробно.

³ Полибий VII.1. Договор предусматривал создание сильного государства Рима после войны.

⁴ Полибий III.77, 85; VII.4; Ливий, XXIII.7. Капуанцы оговорили, что их нельзя призывать на военную службу или вносить взносы и что ни один пунический офицер не должен контролировать ни одного кампанца.

Глава VII

Вторая Пуническая война

Вторжение Ганнибала. Весной 218 года Ганнибал, услышав, что римские послы получили отпор в Карфагене и что Рим объявил войну, отправился в Новый Карфаген, совершив тысячемильный поход. В долину По были отправлены послы, чтобы заручиться поддержкой галлов. Испания тем временем была доверена его брату с большим войском, ибо полуостров должен был послужить Ганнибалу местом вербовки, если Карфаген подведет его. Он вступил в Галлию с армией ветеранов численностью более 50 000 пеших и 9000 конных и примерно двумя десятками слонов, все в такой же идеальной подготовке и состоянии, в каком когда-либо находилась любая древняя армия. Для римлян это была немалая сила, чтобы встретиться со своими новобранцами, только что призванными с полей сражений и возглавляемыми консулами, обученными сенаторским дебатам, а не военному искусству.

Ганнибал переправлялся через Рону, когда консул Сципион отплыл в Массилию, направляясь выполнять свою задачу по отвлечению Ганнибала в Испании. Здесь римляне впервые узнали о передвижениях Ганнибала. Характерно, что Сципион подчинился приказу сенатора и направил армию в Испанию. Совершенно один, он поспешил обратно в долину По, чтобы возглавить северную пограничную стражу в надежде сдержать Ганнибала до тех пор, пока к нему на помощь не придут подкрепления и зима. Семпроний, другой консул, который был уже на пути в Африку, был, конечно, отозван и немедленно отправлен на север.

Ганнибал продвигался дальше через непроходимые Альпы, его армия сильно страдала от нападений горных племен, от холода, от нехватки продовольствия и фуража, а также от опасностей нехоженных и обледенелых горных перевалов. Тропа была потеряна [на p116](#), и дорогу пришлось прорубать через ледник и скалы. "Военные корреспонденты" Ганнибала, два сицилийских грека с ловкими перьями, живо описали свои трудности, которые с должной оценкой воспроизведены Полибием и Ливием. Потери Ганнибала на дороге были тяжелыми, и ему пришлось оставить гарнизоны, чтобы держать дорогу открытой для испанских рекрутов, которых он ожидал. Но позже он смог восстановить свою пехоту и конницу почти

до их первоначального количества, наняв галльских наемников и добровольцев. Несколько слонов, переживших переход через Альпы, погибли следующей зимой.

Сципион, добравшись до По, чтобы встретиться лицом к лицу с Ганнибалом, обнаружил, что галлы взбунтовались. Они уже предотвратили заселение Плацентии римлянами. Чтобы остановить их дальнейшее отступление, он смело двинулся к Таурини (современный Турин) со своей неадекватной северной гвардией, встретив Ганнибала за рекой Тицин, недалеко от современной Павии. Кавалерийская стычка, в которой Сципион был ранен, доказала ему, что его необработанная армия не идет ни в какое сравнение с законченными войсками Ганнибала.

Поражение при Требии, 218 год. Сципион отступил ниже реки По, заняв позицию в проходе перед Плацентией.¹ Здесь многие из его галлов дезертировали, он увидел, что без них битва на открытом месте невозможна, и снова отступил, на этот раз на возвышенность за Требией, чтобы дождаться своего товарища. Ганнибал не мог атаковать римский лагерь на холме, в значительной степени полагаясь на кавалерию; но когда появился Семпроний, жаждущий битвы, Ганнибалу удалось переправить римлян через реку на открытую равнину. Здесь, умело используя скрытые войска и обходящих с флангов всадников, он быстро окружил римскую армию. Из примерно 40 000 римлян, вступивших в бой, только 10 000 прорвались в каком-либо подобии порядка и бежали к стенам Плацентии.

Весной Ганнибал, оставив у себя в тылу совершенно незначительные силы p117, двинулся на юг, намереваясь смело нанести удар по центральной Италии. Новым консулом стал Фламиний, старый поборник демократии, который возглавил восстановленную армию и последовал за арьергардом Ганнибала в Этрурию. Фламиний, несомненно, был выбран демократическими элементами, чтобы показать сенату, как их фаворит может спасти Рим, когда такие аристократы, как Сципион и Семпроний, потерпели неудачу. Он был привержен политике скорости. Ганнибал, похоже, знал об этом — его "разведывательная" служба была хорошо обучена — и он привлек Фламиния, жестоко сжигая и опустошая страну союзников Рима. Его целью было выиграть битву до того, как коллега Фламиния сможет подойти со своей армией новобранцев.

Поражение при озере Тразименус в 217 году. Ранней весной 217 года армия Фламиния была заманена в ловушку на берегу Тразименского озера близ Перуджи, где узкая равнина, граничащая с озером, была ограничена холмами, за которыми Ганнибал спрятал свои самые мобильные войска. Остается вопросом, удался бы этот трюк, если бы врагу не помог низко-стелющийся туман, который ослепил римлян в долине, в то время как холмы оставались свободными для согласованных действий со стороны противника. Римляне были атакованы на всем протяжении марша без предупреждения, и за три часа безнадежного боя они были полностью разбиты. Фламиний пал с 15 000 человек из своей армии; такое же количество было взято в плен. Выжило около 10 000 отставших. Ганнибал потерял всего около 2000 человек, и это были в основном галлы. В рукопашных схватках того дня все зависело от получения первого преимущества за счет окружения противника, остальное было кровавой расправой проигравшей стороны.

Ганнибал не шел походом на Рим. У него, конечно, не было осадных машин, с помощью которых можно было бы протаранить его прочные стены, а огромная территория Рима с протекающей по ней широкой рекой делала попытку штурма города неразумной. Кроме того, если союзники Рима за пределами города окажутся лояльными, они легко могут окружить его. Рискнуть **p118**предпринять попытку и потерпеть неудачу - это полностью подорвало бы его престиж. Лучшей тактикой казалось поднять восстание среди союзников Рима, а затем принудить Рим к подчинению. По всем расчетам, которые Ганнибал мог основывать на опыте пунийцев, подчиненные люди должны были восстать, когда им предоставлялся справедливый шанс. Поэтому он отправил по радио свое послание: "Я пришел не сражаться против вас, а напасть на Рим от вашего имени; если вы подумаете об этом, вы станете моими друзьями. Я пришел, чтобы вернуть свободу итальянцам и помочь вам вернуть города и земли, которые вы все до единого потеряли из-за Рима".²

Ответа не последовало. Ганнибал повернулся к латинской колонии Сполетий, чтобы дать ей повод отделиться и таким образом начать восстание. Но колонисты оставили ему на разорение свои поля и заняли стены своего города, отбиваясь от него. Он ушел, двинувшись маршем на восток и юг, разоряя и мародерствуя, чтобы заплатить своим войскам и преподать наглядный урок тому, что он считал глупой лояльностью.

Фабий Медлительный, 217. Тем временем Рим был настолько близок к отчаянию, насколько это вообще было возможно. Казалось, ничто не могло остановить захватчика. Пятнадцать легионов были разгромлены с небольшим уроном для противника. Ганнибал тоже бежал на юг Италии, где, предположительно, мог захватить портовый город, наладить сообщение с Карфагеном и таким образом доставлять припасы как из дома, так и из Галлии. Диктаторы давным-давно впали в немилость у демократии, но теперь население было готово не только избрать диктатора, но и избрать на этот пост самого консервативного из сенаторов, Квинта Фабия Максима. Его долгом было собрать остатки разбитых армий, набрать новых рекрутов и избегать сражения до тех пор, пока из них не получится надежная армия.

Тем временем, учитывая командование Ганнибала на юге, необходимо построить большой флот, чтобы не допустить пунические транспорты в Италию. Вольноотпущенников собирали для службы во флоте, но требовалось много денег для его строительства как **p119**, а также для обеспечения сухопутной армии оружием и доспехами. На займы и контрибуции можно было положиться во время первой Пунической войны. Однако теперь, когда Ганнибал грабил всю Италию, деньги внезапно исчезли в тайных хранилищах. Пострадало не только казначейство, но и частный бизнес остановился из-за нехватки валюты.

В этот момент государство предприняло интересный эксперимент, чтобы выявить скрытый металл и увеличить оборот. Нехватка меди привела к повышению ее цены. Соответственно, государство выпустило новый выпуск **ослов** в количестве одной-унции, *то есть*- половину от прежнего веса, и признало их новую рыночную стоимость, выпустив новый серебряный динарий, который немного легче старого, и приравняв его к шестнадцати **ослам** вместо десяти. Другими словами, они

признали заметный рост цен на оба металла и выпустили серебро и бронзу в соотношении 108: 1, что, вероятно, соответствовало их относительной рыночной стоимости. Излишне говорить, что когда эти монеты меньшего размера поступили в обращение, более крупные монеты старых выпусков были извлечены из своих запасов и доставлены на монетный двор для переиздания с прибылью. Таким образом, государство вернуло деньги в обращение, сняло напряжение и сделало что-то для решения вопроса о новых ценах. Чтобы солдаты могли чувствовать, что их жалование не пострадает при новом порядке, их ежемесячная стипендия была рассчитана в динариях, а не в **ослах**. И суды, несомненно, урегулировали все старые контракты на основе динариев. Не следует забывать, что после 217 г.до н.э. так-называемый динарий обменивался на шестнадцать **ослов**, сестерций - на четыре, и что бронзовый **ас** весил всего одну унцию. Это последнее важное изменение в римской валюте до конца существования Империи.

Политика Фабиана. Фабий собрал свою безутешную армию и последовал за Ганнибалом, стремясь сделать все возможное, чтобы предотвратить грабежи, не рискуя вступать в бой. Он не мог позволить врагу удостоиться чести одержать третью победу, после которой нельзя было разумно ожидать, что союзники Рима устоят перед уговорами Ганнибала. **p120**престиж врага должен быть подорван периодическими неудачами, а римские войска должны быть закалены и привыкнуть встречать врага в стычках. Терпение Рима было на пределе, но Фабий Кунктатор, "медлительный", как его теперь называли, упрямо держал бразды правления. Насколько трудно это было для него, показывает тот факт, что когда в его отсутствие Миниций, "мастер конницы", **magister equitum**, одержал небольшую победу, население сразу же проголосовало за то, чтобы Миниций также получил диктаторские полномочия. Потребовался еще один катастрофический урок, прежде чем римляне усвоили, что в империи обученные армии и подготовленные генералы абсолютно необходимы. Между тем Фабий спас армию в том году без особой пользы, если не считать того, что преподал наглядный урок на последующие годы.

В 216 году нетерпеливое население потребовало изменения политики. На выборах консулов было пять кандидатов из старинных знатных семей и один кандидат скромного положения, Теренций Варрон, бизнесмен, который яростно критиковал Фабию как труса. Он один получил большинство при первом голосовании. При следующем голосовании консерваторы объединились, чтобы избрать Эмилия Павла. Историки того периода были аристократами и, следовательно, несомненно, были равнодушны к последнему. Во всяком случае, они утверждают, что, когда Павел захотел продолжить "фабианскую" политику, ему помешал Варрон, настаивавший на немедленном сражении. Раннее сражение было именно тем, чего желал Ганнибал, поскольку его галлы становились все более беспокойными, а припасы подходили к концу. Консулы в это время осуществляли верховное командование по очереди, каждый из которых был в полном составе через день. Следовательно, Павел был беспомощен, когда Варрон настоял на том, чтобы предложить сражение.

Канны. Летом 216 года Ганнибал находился при Каннах на открытой равнине, где он мог с выгодой использовать свою кавалерию. Он также выбрал свою позицию таким образом, чтобы римской армии пришлось столкнуться с сирокко, сильным

юго-восточным ветром, на который обычно можно рассчитывать летом. Равнина песчаная, так что этот ветер может стать **p121**очень раздражающим. Варрон не знал иной стратегии, кроме как сосредоточить свои войска в глубине и двигаться прямо вперед, и хотя у него было 80 000 человек, их ценность была намного меньше, когда большое количество использовалось для усиления, а не для боя. Когда они рванулись вперед, Ганнибал позволил своему центру отступить по кривой, чтобы разбить римские фаланги, затем блестящим кавалерийским наскоком рассеял римские фланги, он выдвинул свои собственные скрытые фланги, чтобы прикрыть правый и левый фланги римлян, и послал свою кавалерию зайти им в тыл. Армия Варрона теперь представляла собой одну окруженную массу, большая часть которой сгрудилась в центре, неспособная даже сражаться.

Полибий говорит то, во что едва ли можно поверить — на самом деле этот автор не благосклонен к Варрону, — что в тот день погибло 70 000 римлян. Ганнибал, очевидно, не давал пощады. Среди убитых были Павел, Минуций, Сервилий и 80 человек сенаторского звания. Спаслось едва ли 10 000 солдат. Рассказывают, что группа сбежавших молодых дворян настолько отчаялась в Риме, что планировала найти убежище в Греции или на Востоке. Молодой Сципион, герой войны четырнадцать лет спустя, пришел к ним и заставил их дать клятву, что они не покинут Рим. Варрон, который выжил, собрал остатки армии в стенах Канузия и доложил в Рим. Рим действовал быстро. Выставив на стены стариков и морских пехотинцев, Сенат приказал очистить улицы, запретил всякие разговоры и обсуждения о катастрофе и настоял на том, чтобы в храмы входили только соответствующие официальные лица. Были сформированы четыре новых легиона, в которые были набраны сильные мальчики моложе семнадцати лет. Рабов попросили записываться добровольцами под обещания свободы. Государство заплатило цену их освобождения их хозяевам. Таким образом, было обеспечено еще 8000 человек. Когда Ганнибал предложил освободить своих пленников после выплаты выкупа, государство отказалось произвести такую выплату, утверждая, что Ганнибал хотел создать прецедент, который ослабил бы моральный дух римской армии, а также получить средства.

p122 Но Ганнибал не пошел походом на Рим, как ожидали римляне. Он никогда не надеялся разрушить Рим и не видел необходимости рисковать своим великим престижем во время осады, которая могла провалиться. Однако он думал, что теперь плод созрел для того, чтобы его сорвать, что союзники Рима вряд ли смогут противостоять ему теперь, когда он может угрожать.

Некоторые фрукты действительно попали ему в руки. Капуя перешла на его сторону, хотя и на таких условиях, что город мало чем мог ему помочь. В нем оговаривалось, что к нему нельзя было обращаться за какой бы то ни было помощью. Таким образом, Капуя просто стала уязвимым местом, которое Ганнибал должен был защищать. Другие союзники в Самнии и на юге последовали примеру Капуи, но обычно на аналогичных условиях. Такие дополнения мало способствовали увеличению ресурсов Карфагена, хотя и черпали их из римских. К несчастью для Ганнибала, они уменьшили территорию, которую он мог разграбить в случае необходимости, и каждое новое пополнение требовало гарнизона, помимо

того, что затрудняло его передвижения. То, чего он больше всего хотел, - греческий город вроде Неаполя или Тарента с хорошей гаванью, через которую можно было свободно сообщаться с Карфагеном, - казалось невозможным получить. Неаполь отражал все атаки, а Тарент, хотя нижний город и сдался, сохранил свой форт, господствовавший над гаванью, в руках римлян.

Следующий, 215-й, год принес две новые катастрофы. Филипп V, амбициозный царь Македонии, узнав о поражении на Тразименском озере, решил, что пришло время помочь Ганнибалу и таким образом заставить Рим отступить с иллирийского побережья. Однако его послы к Ганнибалу были схвачены римлянами, и попытка провалилась. После поражений при Каннах ему это удалось лучше. Был заключен союз, в рамках которого Филипп пообещал предоставить Ганнибалу флот и, если понадобится, армию. В то время Риму казалось, что ему, возможно, придется столкнуться с новым Пирром в дополнение к Ганнибалу. Она видела, что Филиппа нужно во что бы то ни стало держать на расстоянии. Сильный флот, ее третий, был снаряжен для патрулирования Адриатики и p123сдерживания Филиппа. Кроме того, были отправлены послы в греческие государства, которые, как было известно, недружелюбно относились к Филиппу, особенно в Этолию и пергамского царя Аттала, чтобы побудить их продолжить борьбу против царя. Так началась Первая Македонская война.

Новости с Сицилии были не более обнадеживающими. Верный союзник Рима, король Гиерон, умер в 215 году, и его внук, сменивший его, пятнадцатилетний мальчик, попал под влияние придворных, находившихся на жалованье у Ганнибала. Произошла революция, мальчик был убит, и Сиракузы перешли в руки сторонников Ганнибала. Имея под своим контролем великолепную гавань в Сиракузах, Карфаген мог бы сразу вернуть Сицилию, если бы действовал энергично. К счастью для Рима, Карфаген продолжал делать мало и неэффективно. Марцелл был отправлен на Сицилию с небольшой армией и начал затяжную осаду Сиракуз. Последнее бедствие из длинной череды бедствий произошло в 212 году, когда Гасдрубал в Испании получил подкрепление из дома и разбил двух Сципионов, которые не смогли получить помощь из своего испытывающего трудности города. Испания также теперь казалась потерянной, и можно было ожидать, что Гасдрубал в любой момент перейдет Альпы, если только не будет быстро послана новая армия, чтобы помешать ему.

Ситуация, сложившаяся в эти годы, действительно стала испытанием на выносливость Рима. Два консула были заняты наблюдением за Ганнибалом с основными силами, одна армия осаждала Капую, другая - Сиракузы, на галльских границах должно быть два легиона, чтобы сдерживать галльских рекрутов, Этрурия, Сардиния, Сицилия и лояльные портовые города юга должны иметь гарнизоны против пунических захватчиков, для Испании должна быть сформирована новая армия, и должны быть укомплектованы три флота: один на Адриатике против Филиппа, один для патрулирования африканского побережья и один для сохранения открытым прохода в Испанию. Рим уже давно испробовал все новые способы сбора необходимых средств. Все государственные земли были заложены, налоги снова и снова повышались, для поддержки флота взимался специальный

дифференцированный налог на имущество, а корпорации **p124** были сформированы из людей, которые обязались снабжать испанскую армию по счетам, подлежащим оплате после войны. Чтобы усугубить бедственное положение недобросовестных военных-спекулянтов, они пытались получить государственные контракты для армии и флота. Мы слышим об одной корпорации, которая, потребовав, чтобы государство застраховало ее корабли и грузы, застраховала немореходные суда и попыталась избежать осуждения, наняв головорезов, чтобы сорвать последовавший судебный процесс.

Но худший период миновал. После Канн народная партия не проявляла особой склонности к избранию консулов-демагогов. Сенат под руководством таких людей, как Фабий, перешел к медленной, но безопасной политике утомления врага. Различные армии были разбиты на мобильные отряды, которых держали в стороне от сражений и посылали туда-сюда отвоевывать город за городом. Ганнибал, не имевший возможности быть во всех местах одновременно, был вынужден выполнять несвойственную ему задачу по размещению гарнизонов и защите большого количества мест. В 212 году Сиракузы пали под ударами Марцелла. В 211 году Капуя, казалось, тоже вот-вот падет. Ганнибал предпринял внезапный бросок на Рим в надежде вынудить город отозвать свою армию из Капуи и таким образом снять осаду. Но, хотя он разбил лагерь под стенами Рима, он не осмелился атаковать хорошо укрепленный город и вскоре отступил на юг. Капуя сдалась. Римляне, озлобленные и изрядно одичавшие за долгие годы кровопролития, преподали городу ужасный наглядный урок. Сенаторы Капуи — не старый орган, а недавно сформированный сенат сторонников Ганнибала — были казнены, а жители рассеяны по латинским городам или проданы в рабство. Земля Капуи была объявлена **публичным учреждением**, которое римские цензоры сдавали в аренду для получения дохода.

Битва при Метавре. Теперь Ганнибал надеялся на помощь своего брата Гасдрубала в Испании, но молодой Сципион был послан туда, чтобы привлечь внимание Гасдрубала. В 209 году Сципиону удалось застать врасплох и захватить Новый Карфаген, пуническую базу снабжения в Испании, но в **125 году** следующего года Гасдрубал каким-то образом ускользнул от его бдительности и бежал с сильной армией через Пиренеи, следуя маршрутом Ганнибала в Италию. Рим послал одного консула, Ливия, на север, чтобы встретить его, другого, Нерона, чтобы наблюдать за Ганнибалом. Гонец Гасдрубала с важной информацией о предполагаемых передвижениях попал в руки Нерона. Соответственно, Нерон смог прибегнуть к дерзкой военной уловке, которую, если бы она провалилась, римское благоразумие вряд ли допустило бы. Оставив позади себя лишь небольшой отряд, который Ганнибал мог бы легко разгромить, зная он факты, Нерон ночью ускользнул и устремился на север со своими лучшими войсками, чтобы присоединиться к своему коллеге Ливию, находившемуся в трехстах милях от него. Объединив свои силы, эти два полководца атаковали Гасдрубала на реке Метавр и одержали над ним полную победу. Карфаген попытался восстановить свое упавшее состояние, покинув Испанию и отправив Маго из Кадиса морем в Северную Италию, чтобы произвести высадку и привести галльских и лигурийских наемников. Но Магон не добился

большого успеха и потерпел поражение прежде, чем смог добраться до Ганнибала; тем временем Испания была совершенно потеряна, и Сципион быстро установил там полный контроль.

Сципион Африканский и конец войны. В 205 году Сципион вернулся в Рим и, хотя ему было немногим больше 30 лет, выдвинул свою кандидатуру на пост консула в своем отчете об успехах Испании и в программе вторжения в Африку. Сенаторы, естественно, сомневались, стоит ли доверять столь молодому человеку столь великую задачу. Некоторые из них, возможно, указывали на то, что именно Сципион был виноват в том, что Гасдрубалу так почти удалось стать решающим фактором в войне. Полибия, личного друга сына Сципиона, можно обвинить в некоторой пристрастности, когда он объясняет колебания Сената ревностью. Сципион, однако, был избран, и ему дали шанс увидеть, что он мог бы сделать, не вовлекая в это предприятие заложенные государством ресурсы. Он был назначен в провинцию Сицилия, которая несла с собой флот и ядро хорошей армии, ему была предоставлена привилегия призывать добровольцев и использовать любые добровольные пожертвования, которые города хотели предложить, и, наконец, отправиться в Африку, если он захочет. Это предприятие понравилось многим итальянским городам, которые надеялись раз и навсегда перенести войну в другое место. Поэтому они по отдельности предлагали оружие и доспехи, корабли, продовольствие и деньги. Сципион целый год оставался на Сицилии, терпеливо собирая свои силы и обучая их. Тем временем, чтобы сократить расходы в других местах, Рим заключил соглашение с Филиппом в 205 году, предоставив ему практически все, что он просил, и "спустил флаг" на иллирийском берегу.

В 204 году Сципион высадился в Африке. У Карфагена не было собственной сильной армии, которую он мог бы выставить против него, но он получил поддержку от нумидийского царя Сифакса. В 203 году эти силы были полностью разгромлены Сципионом, который отдал нумидийское царство своему партизану Масиниссе и через него обеспечил сильный контингент нумидийской кавалерии для своей собственной армии. Карфаген потребовал мира, и Сципион предложил условия, разумеется, при условии одобрения Сенатом. Карфаген должен был уступить Испанию Риму, ежегодно выплачивать контрибуцию в размере 5000 талантов (5 000 000 долларов), сдать свой флот и предоставить заложников до тех пор, пока не будут выполнены обязательства по договору. Сенат принял эти условия, но прежде чем этот факт стал известен, пунический флот по какому-то недоразумению захватил несколько римских транспортов, и, когда Сципион потребовал возмещения ущерба, Карфаген, ободренный присутствием Ганнибала, вернувшегося во время перемирия, отказался идти на условия. Ганнибал поддержал отказ, и война снова разгорелась, и Ганнибал возглавил пунические войска.

В 202 году Ганнибал и Сципион в решающем сражении войны встретились при Заме к западу от Карфагена. На этот раз у римлян был полководец, который, как и Ганнибал, вырос на войне и, благодаря Масиниссе, имел преимущество в кавалерии. Сципион фактически перенял маневры, которые Ганнибал применил при Каннах, об успехе которых он имел все основания помнить по горькому личному опыту. Он держал свои вспомогательные манипуляторы сзади, как обычно во время

первого натиска. Но как только его кавалерия рассеяла фланги пунической армии и вернулась для атаки в тыл Ганнибалу, он бросил третью линию манипулов вокруг двух флангов армии, таким образом окружив его. Победа была полной, и сам Ганнибал использовал весь свой авторитет в пуническом сенате, чтобы добиться подчинения.

Условия Сципиона теперь были гораздо более суровыми. Контрибуция, подлежащая выплате через пятьдесят лет, была удвоена - сумма, которую, однако, Карфаген все еще мог легко выплатить, так тщательно копивший свои богатства, несмотря на нужды Ганнибала. Нумидия была передана Масиниссе и объявлена независимой от Карфагена. Но самым сложным пунктом условий было условие, что Карфаген не может вести никаких войн за пределами Африки и должен передавать свои споры даже в Африке на рассмотрение римского арбитража. Очевидно, что Карфаген больше не был суверенным государством. Действительно, несколько лет спустя Карфаген, осознав реальное значение своего зависимого положения и надеясь облегчить это положение, заручившись благосклонностью Рима, попросил стать союзником (*socius*), и это, конечно, было удовлетворено.

Результаты. Ущерб, нанесенный Италии в этой войне, не подлежал восстановлению. Двенадцать лет враждебные армии гнали друг друга по южной Италии, сжигая и опустошая все, что было в их силах, чтобы нанести урон противнику. Когда война закончилась, к югу от Беневента мало что осталось. Что касается мертвых, рабов, пленников и эмигрантов, искавших убежища в Греции, то целые районы остались без претендентов, а города превратились в деревни. После войны Рим увидел необходимость снова сделать землю продуктивной, но о колонизации и присвоении виритании не могло быть и речи, поскольку численность ее собственных граждан сократилась наполовину, а пограничные колонии на севере и морские порты юга по политическим причинам должны были получить первоочередное внимание. То, что сделал Рим, было лучшим, что можно было сделать в сложившихся обстоятельствах: она p128позволила римлянам, у которых были средства, кредит или смелость, арендовать большие фермы и ранчо в соответствии с нормами закона Лициния. Это, конечно, увеличивало площадь латифундий и ранчо, а следовательно, и количество рабов, но другого выхода, казалось, не было. Мы увидим, как эта политика, если ее не ограничить и не изменить во времени, привела к очень большим бедам.

Последствия войны для конституции были столь же серьезными, хотя и не столь очевидными. В ее форму не вносили никаких изменений, изменения происходили постепенно, с молчаливого согласия. Престиж народной партии так сильно пострадал из-за опрометчивых выборов на ранних этапах войны, что она научилась оставлять управление в руках Сената. Консулы не только использовали Сенат в качестве консультативного органа, но и часто, когда спешили, принимали решения по *senatus consulta* в отношении налогов и расходов, которые были бы призваны к голосованию собраниями, если бы было время. Таким образом, Сенат взял на себя окончательные административные и даже законодательные полномочия, которые ему не были предоставлены конституцией.

Позже Рим узнал, что у Сената был благовидный предлог заявить, что он обладает этими полномочиями, и что молчаливое согласие народа на осуществление им широкой власти было равносильно разрешительному статуту - позицию, которую мы можем считать только хорошо принятой. Однако в отношении исполнительной канцелярии новым привычкам, приобретенным во время войны, не было позволено оставаться бесконтрольными. Во время войны консулы фактически неоднократно переизбирались, когда римляне увидели, что для борьбы с Ганнибалом консулы должны обладать большим опытом. И Фабий, и Марцелл занимали посты консулов пять раз, и им обычно предоставлялись некоторые полномочия между их консульскими кораблями, а Сципионы-старшие продолжали оставаться проконсулами Испании без перерыва до своей смерти в 212 году. Но Сенат, мудро допустив такое положение дел во время войны, положил конец подобной практике, как только война закончилась. Позволить одному человеку оставаться у власти в течение **p129**ряда лет ставило под угрозу верховенство Сената.

В целом можно сказать, что, несмотря на свои недостатки, конституция во многом была обязана своим аристократическим качествам. Если бы Рим был автократией во время войны, со всеми ее обнаруженными потенциальными возможностями, он очень скоро превратился бы в империалистическое государство. С другой стороны, если бы демократия не контролировалась и не охранялась сенатом, это, вероятно, привело бы к катастрофе какого-нибудь Фламиния или Варрона или возвысило бы какого-нибудь военного героя до положения автократа.

Престиж Рима в федерации. Война существенно изменила природу римской конфедерации, подняв Рим на позицию намного выше союзников. На самом деле, в дальнейшем мы вообще не можем последовательно говорить о федерации. Во время войны Риму приходилось брать на себя ответственность на каждом шагу, и когда Италия начала тонуть под бременем этого бремени, а различные союзники начали уступать давлению врага, Риму пришлось взять на себя роль судьи и повелителя. Капуя была наиболее сурово наказана, и двенадцати колониям, которые, заявляя о своей неизменной лояльности, подтвердили, что они исчерпали свои ресурсы, пришлось отказаться в некоторых из своих договорных прав, хотя бы для того, чтобы помешать другим уступить. Но поскольку Рим был судьей и палачом, он неизбежно был хозяином положения, и после Пунической войны, хотя он в целом соблюдал старые договоры лиги, в критические моменты он продолжал придерживаться обычая, который был принят во время войны, принимая на себя полную ответственность за внутреннюю безопасность и благоустроенность Италии. порядок в Италии. Соответственно, отныне она считалась фактической правительницей Италии.

Величайшим моментом, однако, была перемена, возможно, бессознательная, в духе людей. Борьба выявила небывалую силу выносливости, лояльности и упорства в характере людей, а также очевидную адекватность конституции, позволяющую противостоять наихудшему напряжению. Казалось, нация выдержала самое суровое испытание, какое только могло быть. Разве у них не было повода стать увереннее в себе? Если Риме вскоре стал нетерпеливым на утомительные **p130**методы пожилых полномочия, которые заслуживают ее уважать, если она начала командовать, куда

ей следовало придерживаться, если она в настоящее время предала желание навязать ее форма государственного устройства на соседей, которые не вели свою власть эффективно, если, наконец, она перестала изменить ее Конституцию, чтобы соответствовать ее потребностям, ее опасная гордость, но очень естественный результат болеетвердая вера в себя приобретенные за годы несчастья, что вряд ли любое другое государство не смогло бы выжить.

Экономические условия. Наконец, нам нужно на мгновение взглянуть на экономические условия Рима. О промышленности и торговле того периода у нас мало информации. Военная-промышленность, конечно, должна была процветать. Мы слышим о таких городах, как Арретиум, Тарквинии и Популония, которые могли быстро поставлять крупные заказы на вооружение, и мы слышим о флотах, построенных быстро. Коммерческие корпорации также возникали, как мы узнаем из инцидента со страховыми "взяточниками", хотя мы узнаем, что римская гавань на Тибре была заложена только после войны. Часть этого бизнеса, возможно, продолжилась и после войны. Однако более вероятно, что накопленный таким образом капитал был быстро использован для реализации прекрасных возможностей инвестирования в опустошенные земли. Здесь доходность, несомненно, была хорошей, и, кроме того, судно землевладельца считалось настолько более уважаемым, чем коммерческая деятельность, что перед искушением трудно было устоять. Родители, которые заботились о будущем своих детей, покупали поместья и становились землевладельцами, если это было каким-либо образом возможно. Вероятно, именно по этой причине в течение следующего столетия мы почти не находим записей о торговле или производстве.

Религия. Период Пунической войны сопровождался событиями, которые глубоко повлияли на отношение людей к своей религии. Контакт с греками во время Первой Пунической войны и большой опыт в политических вопросах начали вызывать у передовых римлян скептическое отношение к их примитивной мифологии. Например, в той прошлой войне консул 131 года Клавдий выбросил священную птицу в море, когда они не оказали должной помощи. В 217 году Фламиний полностью проигнорировал покровительство, и Марцелл, которого стали называть "Мечом Рима" за его мужество и настойчивость, взял за обычай ездить в своих носилках с опущенными шторами, чтобы избежать необходимости обращать внимание на дурные предзнаменования. Но эта тенденция в целом была пресечена по мере продолжения войны. Когда смерть вторгается в каждый дом, а враг-победитель стоит у ворот, у мужчин не хватает терпения выслушивать скептические домыслы. Чтобы успокоить страхи суеверных людей и доказать, что они ничем не рискуют, государственные чиновники теперь со скрупулезной тщательностью соблюдали все возможные обряды. После поражений при Требии и Тразименском озере понтифекс тщательно принимал к сведению каждое дурное предзнаменование, о котором сообщалось из любых источников, и приводил проверенные временем объяснения, независимо от того, принимал ли он их всерьез. Люди должны быть успокоены. После Канн, конечно, суеверный террор вспыхнул снова. Население, естественно, предположило, что был оскорблен какой-то бог, и снова священники сделали все возможное, чтобы ясно показать, что ни один обряд не был

проигнорирован. Именно в это время жрецы сделали этрусского гарусника знакомой фигурой, и сивиллинский обряд проведения публичных банкетов (**лектистерния**) с изображениями богов в качестве гостей стал обычной чертой культа. Но даже этого было недостаточно, чтобы умиротворить население, практически все из которых потеряли близких родственников в той единственной ужасной битве. Этрусские и греческие прорицатели, которые всегда свободно разгуливали по Италии, внезапно стали популярными. В отчаянии страждущий народ прибегал ко всем странным и таинственным культам, которые только появлялись. Рим был склонен разрешить свободу вероисповедания, но здесь существовала опасность, которая могла развратить весь народ, и Сенат принял решительные меры. Претор приказал каждому принести на Форум все имеющиеся у него книги о религиозных чарах или пророчествах, не признанных государством, и сделать это к определенному дню, а также запретил богослужение в соответствии с иностранными **стр. 132** религиозными обрядами. Это было необычное вмешательство государства в "свободу совести", и мы видим, что это может оказаться опасным прецедентом, ведущим к религиозным преследованиям. Но Рим твердо верил в суверенитет государства и был абсолютно последователен в своих действиях. Вмешательство претора сразу же принесло свои плоды. Оно устранило опасную чуму и привело людей в чувство.

Само государство приняло один новый культ по политическим причинам. Сивиллинские оракулы, которые были привезены в Рим задолго до этого, содержали упоминания о **Кибеле** или **Великой Матери**, таинственной богине Фригии, земли древней Трои. Желая, несомненно, побудить людей думать о себе как о потомках Трои, мысль, которая могла бы пробудить самоуважение и надежду во время долгой войны, жрецы нашли Сивиллинский оракул, который можно было истолковать как приказ доставить Богиню из Фригии в Рим. В 205 году за ней послали и установили на Палатине. Однако, к разочарованию сената, богослужебные обряды носили оргиастический характер и казались опасными по своему характеру. Таким образом, были импортированы иностранные священники для соблюдения государственных обрядов, и римлянам в настоящее время было запрещено принимать в них участие. Этот опыт послужил наглядным уроком. Это было задолго до того, как Рим ввел другой неизвестный культ по предложению оракулов. Чтобы дать людям какое-то безвредное участие в богослужении, которое должно было соблюдаться должным образом, Сенат учредил ежегодные игры в честь Кибелы. Они назывались "Мегаленсия" и были выбраны в качестве особого сезона для представления комедий и трагедий. Результат всего опыта с религиозными нововведениями во время войны был отрицательным. Бедствие временно заставило людей более осторожно относиться к старым религиозным культам, но это также вынудило государственных чиновников по политическим соображениям ввести слишком много этрусских и греческих обрядов, которые позже показались людям оскорбительными и бессмысленными. Результатом стало то, что, хотя священники **р133** организовывали культы с большей строгостью, у скептицизма было больше оснований для критики, и после войны старая зараженная религия значила меньше, чем когда-либо. Вскоре соблюдение предзнаменований стало в значительной

степени вопросом партизанской политики, которую могла использовать любая партия, находящаяся у власти, для препятствования выборам и законодательству своих оппонентов.

Литература. Как ни странно, период войны был периодом большой литературной активности, особенно в создании комедий. Государство, несомненно, осознавало особую необходимость развлекать людей по праздникам в то время, когда было так много бедствий. Таким образом, сенат проголосовал за выделение преторам и эдилам средств для проведения публичных игр. Эти чиновники соорудили бы временную сцену у подножия Капитолийского холма, и тысячи людей собрались бы на склонах выше. С менеджером актерской труппы заключался контракт на представление необходимого количества пьес, и этот менеджер размещал свой заказ у драматургов, которые должны были подготовить пьесы вовремя, чтобы их можно было разучить до данного праздника. Невий, написавший "*Пунический бой*" и чья первая пьеса была представлена в 235 году, и Ливий Андроник, таким образом, были вовлечены в войну. По срочным заказам стил обычно переводил греческие пьесы, но Невий написал немало оригинальных пьес по греческим образцам. Из его пьес у нас есть только фрагменты, которые случайно были процитированы более поздними авторами и составителями словарей, но у нас есть названия более тридцати комедий и примерно шести трагедий. Они включают в себя две хроникальные пьесы, "*Ромул и Рем*" и "*Классидиум*", театрализованную пьесу, представляющую знаменитое сражение Марцелла с галльским вождем в битве 222 года до н.э.

Невий, к сожалению, очень любил сатиру и имел смелость высмеивать некоторых римских сановников в своих пьесах, особенно Метелла, который случайно стал консулом в 206 году. Хотя Рим обычно верил в свободу слова, цензурав военное время обычно бывает строгой. В результате Невий был заключен в тюрьму под влиянием p134Метелла (около 205 г.), а когда трибун освободил его, был отправлен в изгнание, где и умер вскоре после войны.

Плавт (процветал в 204-184 годах) стал плодовитым автором пьес еще до того, как Невия постигло несчастье. К счастью, у нас сохранилось двадцать его разухабистых комедий, полных безудержного веселья. "*Комедия ошибок*" Шекспира является адаптацией его *Менехми*, а "*Амфитрион*" Мольера снят по его *произведению "Амфитрион"*. О характере его комедии можно судить по этим адаптациям. Сейчас довольно удивительно думать о том, что подобные пьесы ставились в Риме в то время, когда государство боролось за свою жизнь.

Величайшим поэтом того периода является Энниус (239-169), который много лет служил в армии и начал ставить пьесы ближе к концу войны. Его самыми большими успехами на сцене были экранизации греческих трагедий, которые были созданы в течение первых двух десятилетий нового века, когда Рим с таким рвением вступил в коалицию, освободившую греков от македонского владычества. Действительно, энтузиазм в Риме по поводу этой сентиментальной политики, возможно, был в немалой степени обусловлен успехом Энния в перепродаже лучших произведений Еврипида и Софокла на римской сцене. Однако пьесы представляли собой нечто большее, чем поэтические переводы. Энний, хотя и использовал старые греческие

мифы, которые были так свежи для римской публики, основательно национализировал пьесы. Постоянно сравнивая фрагменты (это все, что у нас есть) с оригиналом, мы находим новые интерпретации, новую психологию, новые решения сюжетов. Вопросы этики и нравственности, например, основываются не столько на причудливых придирках, сколько на римских идеях социального порядка в семье и государстве. Однако его величайшим произведением был национальный эпос в восемнадцати книгах под названием "*Анналы*". На самом деле это была серия римских эпосов от истории Энея до его собственных дней, написанных довольно грубыми, но, тем не менее, энергичными гекзаметрами, которые раскрывают огромную поэтическую силу. Этот исторический эпос р135 раз и навсегда обрисовал характеры великих римских государственных деятелей героической эпохи, когда память о них была еще свежа, таких людей, как Аппий Клавдий, Курий Дентат, Деций Мус, Камилл, Фабий и Сципион. Эту книгу читали веками, и она многое сделала не только для того, чтобы привить молодежи любовь к высоким идеалам героических дней, но и для того, чтобы установить стандарт для более поздних поэтов, таких как Вергилий. И снова оригинал утерян, но у нас есть около 600 строк фрагментов, которые были сохранены в виде цитат таких эссеистов, как Цицерон.

Наконец, мы должны упомянуть первую историю Рима в прозе, которая была написана в конце века Фабием Пиктором, сенатором и государственным деятелем, связанным с Фабием Максимом. В начале своего повествования он сделал все, что мог, с жреческими записями, договорами и законами, хранящимися в храмах, а также с устными преданиями. В поисках более поздней истории он консультировался с престарелыми государственными деятелями, а также со своей собственной памятью и заметками. Как это ни странно, он написал эту историю по-гречески. Он страстно желал, чтобы культурные народы Греции, у которых была гораздо более древняя цивилизация, смогли прочитать историю замечательного возвышения Рима. Этот труд стал стандартным справочником всех внимательных историков и, похоже, заслужил высокое звание, которое он занимал. К нашему сожалению, сохранились лишь краткие цитаты из него.

Примечания автора:

¹ Первая колония Плацентия, по-видимому, находилась в двадцати милях к западу от современной Пьяченцы.

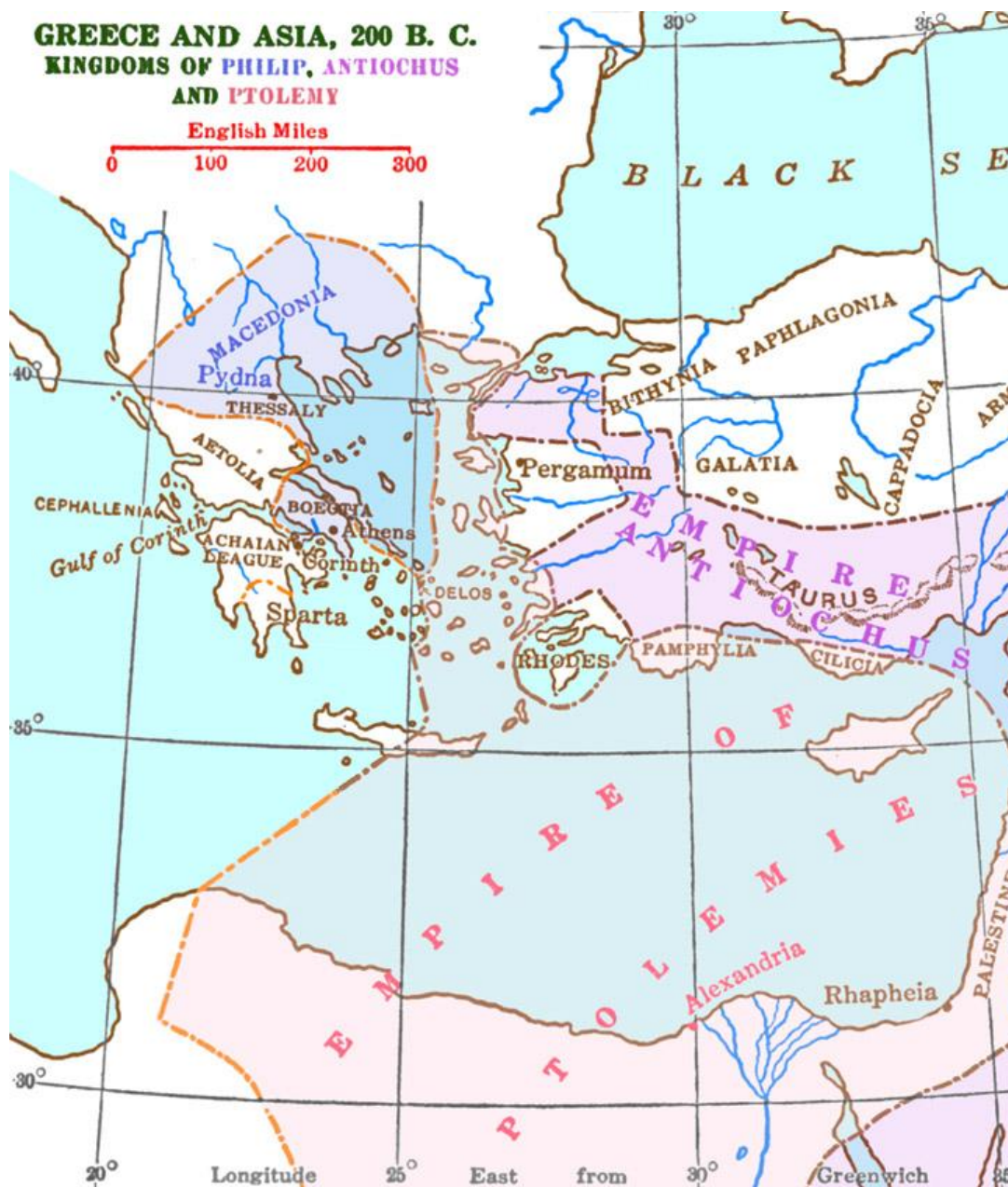
² Полибий III.77.

Глава VIII

Рим и Греция

Филипп V Македонский. Теперь Риму требовался отдых, а также время, чтобы организовать Испанию и договориться с цизальпинскими галлами за их участие в войне с Ганнибалом. Но еще до подписания договора с Карфагеном она получила мольбы о помощи от греков. Филипп V Македонский, нанесший удар по Риму после катастрофы при Каннах, и Антиох III, царь Сирии, называвший себя "Великим", заключили бандитский союз для раздела между собой земель Эгейского моря; они приступили к его осуществлению, и страдальцы обратились к Риму за помощью. Вкратце ситуация на Востоке выглядела следующим образом: обширные владения империи Александра в значительной степени распались на три царства: Македонское, империю Селевкидов (которая охватывала Сирию и внутреннюю Малую Азию) и царство Птолемеев (которое состояло из Египта и части малоазийского побережья). Цари Македонии были суверенами по всей Греции сразу после смерти Александра, но в течение третьего века потеряли контроль над значительной ее частью. Филипп V, однако, упорно боролся за восстановление прежней македонской власти над всей Грецией.

Теперь существовало несколько независимых греческих государств. Остров *Родос* был уважаемой республикой, народ которой желал мира и свободы в Эгейском море ради своей обширной торговли. Царство *Пергам*, которым правил Аттал I, было небольшим, но богатым и компактным государством в Малой Азии. *Афинская* республика была свободной всего одно поколение, практически не имела ресурсов или военной мощи, но благодаря своим писателям и ораторам оказала влияние на формирование **общественного мнения среди греков**. *Ахейская лига* двенадцати городов Пелопоннеса была независимой и могла эффективно сражаться, если ее должным образом возглавлять, но из-за ее громоздкости федеральное правительство было трудно подтолкнуть к решительным действиям. К сожалению, она была вынуждена подчиниться желаниям Филиппа, потому что он владел Коринфом, самым важным городом полуострова. *Этолийская лига* также была федеральным союзом. Ее жители считались довольно нецивилизованными, хотя и способными составить хорошую боевую силу.

*Греция и Азия, 200гг. до н.э.:
царства Филиппа, Антиоха и Птолемея*

[Увеличенная версия, полностью читаемая, открывается [здесь](#).]

В 203 году, когда Рим все еще был вовлечен в Пуническую войну, в 138 году Филипп и Антиох заключили секретное соглашение о разделе между собой всех владений Птолемея, за исключением владений в Египте. Антиох захватил Палестину, в то время как Филипп оккупировал греческие города и острова на границе с Малой Азией, некоторыми из которых правили Птолемеи, некоторые из которых теперь фактически были свободны. Египет, чей нынешний царь был всего лишь мальчиком, был совершенно беспомощен и умолял Рим о помощи. Этолия, разгневанная потерей Фессалии, поступила точно так же. Родос и Аттал, уже

находясь в состоянии войны, пытались помешать грабительским экспедициям Филиппа, отправили послов в Рим с той же просьбой, как только Рим освободился от соперничества с Карфагеном. Римляне совершенно устали от сражений, и когда сенаторы, выступавшие за оказание помощи грекам, вынесли это предложение на рассмотрение народного собрания, оно было отклонено.

Аргументы против войны включали не только такие практические соображения, как пустая казна и усталая нация, но и сильное нежелание отказываться от старой римской традиции, которая не допускала никаких войн, кроме тех, которые велись в целях самообороны или в защиту союзников. С некоторыми греческими государствами Рим подписал временные союзы "дружбы" во время Первой Македонской войны, но считалось, что такие союзы не предполагают взаимной помощи в будущем. Это явно противоречило римским обычаям и фетиальным правилам - вступать в войны без нападения или толковать договоры о дружбе как договоры о союзе.

С другой стороны, аргументов в пользу участия было много, хотя и трудно поддающихся определению. Во-первых, Филип был опасен и беспринципен. Он неспровоцированно нанес удар по Риму в 215 году, когда тот был "повержен", и теперь без всякой причины грабил беспомощные греческие республики. Такой правитель обычно считается выходцем за рамки международного общества, не заслуживающим благосклонного отношения к обычному обращению. Если Филипп останется безнаказанным, он, очевидно, воспользуется любой благоприятной возможностью, чтобы снова напасть на Рим. С точки зрения современной европейской **практики** Рим, несомненно, был более чем оправдан, помогая обуздать его.

Для начала этого предприятия были также очень веские сентиментальные причины. Римляне этого поколения начали изучать греческий, привезли в Рим большую часть лучшей греческой литературы, поставили в Риме множество греческих пьес, и многие римские вельможи прониклись большим энтузиазмом ко всему эллинскому. Такие люди, как Сципион и Квинций Фламинин, так восхищались греками, что хотели сделать все, что в их силах, чтобы помочь им в их бедственном положении. Волна настроений была в чем-то сравнима с энтузиазмом по отношению к Франции, столь широко распространенным в первые годы недавней великой войны. Возможно, в это чувство также входила доля эгоизма, поскольку такие люди, как Сципион, считали, что Рим достаточно долго считался нацией варваров и что теперь он должен занять свое место в мире культурных наций. Участие вместе с такими государствами, как Афины и Родос, в войне за освобождение греков показалось Сципиону хорошей политикой из-за международного престижа, который это принесло бы Риму и римлянам.

Мы не знаем, какие аргументы использовались, чтобы убедить людей. Нам не нужно предполагать, что все они были материального характера. Римское демократическое собрание, несомненно, могло бы приобрести идеалистическую привлекательность, как и другие народные собрания в древние и современные времена. Во всяком случае, в Афины было направлено посольство для встречи с делегатами Родоса и Пергама, которые уже были вовлечены в войну. Афины также

присоединились, и объединенные делегаты разработали план сотрудничества, который римляне согласились принять, если Филипп немедленно не откажется от своих злонамеренных завоеваний. Филипп отказался, и Рим объявил войну. Антиоху, конечно, пока разрешили идти своим путем.

Вторая Македонская война, 200 г.-196. Война сама по себе не была важной, но она чрезвычайно интересна как борьба нескольких союзных держав против агрессивной монархии, и еще более интересной является проблема международной p140дипломатии, которую она подняла, когда союзники попытались прийти к соглашению после окончания войны.

В 200 году Филипп начал с нападения на Афины. Аттал повел пергаменские и родосские войска против Филиппа, но мало чего добился. Римская армия из двух легионов нанесла удар на восток из Эпира, но была остановлена в горах. На второй год войны этолийская лига присоединилась к коалиции и проникла в Фессалию, но две другие силы все еще держались в узде. На третий год Рим избрал консулом Фламинина, хотя он не достиг установленного законом возраста для этой высокой должности. Но его огромный энтузиазм в отношении дела свободы Греции сделал его логичным кандидатом. Ему удалось провести римскую армию через горные перевалы Эпира и присоединиться к этолийцам. Это побудило Ахейскую лигу присоединиться к коалиции.

Теперь Филипп запросил условия мира, и все участники совещания собрались, чтобы выдвинуть свои требования. Рим ни о чем не просил, даже о возвращении иллирийского побережья, которое он был вынужден сдать в 205 году. Фламинин утверждал, что Рим вступил в войну за свободу Греции и что это все, о чем он просил. Другие союзники выдвинули многочисленные требования, и недели были потрачены на красноречие. Филипп, видя, что при таком количестве участников конференции невозможно добиться никакого прогресса, попросил, чтобы Фламинин взял на себя ответственность за союзников. Затем выяснился важный факт: поскольку римский консул не имел полной власти действовать от имени своего государства на мирной конференции, и поскольку только Сенат имел право устанавливать условия для Рима, вся мирная конференция должна была собираться в Риме всякий раз, когда Рим принимал участие в коалиции такого рода. Последствия этого положения римской конституции оказались практически безгранично важными для формирования внешней политики Рима. Это было похоже на то, как если бы Соединенные Штаты вступили в Лигу Наций, а затем обязали передавать каждое решение Лиги на рассмотрение Американского сената, потому что в соответствии с статьей 141 американской конституции Сенат наделен полномочиями по заключению договоров. Результаты такой ситуации очевидны. Если бы лига подала заявку, Сенат за короткое время практически контролировал бы лигу.

Такова была ситуация в Риме. Филипп действительно не сразу согласился с требованиями Сената, и совещание разошлось, но был выяснен ценный факт. Война, начатая греческой коалицией против Филиппа, закончилась тем, что Рим стал контролирующей державой в коалиции. Когда операции снова открылись, Родос отвел свои войска домой, чтобы отвоевать утраченные владения в Ликий, ахейцы

послали свой контингент на помощь Родосу, Аттал отступил, потому что у него были только военно-морские силы. Таким образом, Фламинин с помощью некоторых этолийцев и эпиротов завершил войну против Филиппа.

Летом 197 года Фламинин напал на Филиппа при Киноскефалах. Филипп все еще использовал жесткую македонскую фалангу, состоящую из шестнадцати человек в ряд, вооруженных длинными пиками, - построение, которое так успешно использовал Александр Македонский. Мобильный римский легион теперь впервые сокрушил его, втянув в неровную местность, где он не мог действовать сплошной массой. Римляне также научились при Заме свободно использовать свои тыловые манипуляции, бросать их поодиночке в слабые места или на фланги противника. Фаланга была разбита и обойдена с фланга, и Фламинин одержал легкую победу.

Освобождение греков. Теперь на условиях Сената был заключен мир, и Филипп был вынужден выдать всех греков за пределами Македонии Фламинину, который пообещал освободить их и организовать для них правительство. Таким образом, Фламинин стал арбитром во всех освобожденных городах. Это глубоко оскорбило этолийцев, которые все еще стремились распространить свою власть на Фессалию, и они распространили слух, что Рим планирует сохранить некоторые крепости и стать хозяином Греции вместо Филиппа.

Не обращая внимания на критику, Фламинин продолжил свою работу p142, реанимируя старые городские органы власти, пришедшие в упадок во время македонского правления. Фламинин временно удерживал несколько гарнизонов, поскольку никто не знал, вторгнется ли Антиох в Грецию, как он вторгся в азиатские города, освобожденные по договору. В Фессалии Фламинин организовал новые государства по плану, который сильно напоминает план современного "представительного правительства". Что он сделал, так это объединил несколько независимых городов-государств фессалийских округов в федерации. В каждой из этих федераций было первичное собрание, состоящее из всех граждан округа, владеющих собственностью, и своего рода представительный сенат, состоящий из делегатов от нескольких городов, а также ежегодная исполнительная власть, избираемая первичным собранием. Поскольку сенату был передан контроль над законодательством, это правительство содержит в себе основы того, что мы сейчас называем представительным правительством. Создавая его, Фламинин объединил идею федерального правительства, уже использовавшуюся в Беотии и Этолии, с аристократическими сенаторскими идеями Рима. Он заслуживает внимания как счастливый пример политической прозорливости.

Когда его работа была закончена и опасность со стороны Антиоха, казалось, еще не была серьезной, Фламинин появился на Истмийских играх, где собрались толпы со всей Греции, и зачитал это краткое воззвание: "Римский сенат и Тит Квинкий (Фламинин), проконсул и император, победив царя Филиппа и македонян в войне, объявляют следующие народы свободными, без гарнизона и дани, в полном соответствии со своими законами: коринфяне, фокейцы, локрийцы, эвбейцы, ахейцы". о фтиотидах, магнетианцах, фессалийцах и перрибианцах. Радость греков была безграничной, как рассказывает грек Полибий: "Когда герольд зачитал воззвание, раздался такой взрыв аплодисментов, что трудно передать это в

воображении. Когда наконец аплодисменты смолкли, никто не обратил на спортсменов никакого внимания, но все разговаривали сами с собой или друг с другом, и они казались людьми, лишившимися рассудка. Даже после того, как игры были p143окончены, в порыве своей радости они чуть не убили Фламинина, выказывая свою благодарность. Некоторые хотели посмотреть ему в лицо и назвать своим спасителем; другим не терпелось прикоснуться к его руке; большинство кидали в него гирлянды, пока вдвоем они чуть не раздавили его насмерть. То, что римляне и их лидер Фламинин сознательно пошли на неограниченные расходы и опасность с единственной целью освобождения Греции, действительно заслуживало их восхищения ". И греки вернулись домой и основали храмы

За Зевса, Рим, Тита и Добрую Волю Рима.

Нам не говорят, но мы можем предположить, что они называли свои улицы *Рим* и *Тит*, а через год или два восстановили старые названия.

Теперь Фламинин вывел свои гарнизоны и отплыл домой со своей армией. Греческие города-государства и лиги были свободны. Однако следует помнить, что их границы были определены договором, гарантированным Римским сенатом. Предположим, что какое-либо из этих государств взяло на себя обязательство изменить такие границы, будет ли в компетенции Рима охрана договора?

Война с Антиохом. Фламинин покинул Грецию вопреки совету Сципиона до того, как было достигнуто четкое соглашение с другим агрессором, Антиохом III, и он уехал преждевременно, чтобы убедить греков в том, что римляне были искренни в своих заявлениях, что они сражались ради сохранения свободы в Греции. Антиох, однако, фактически только что одержал дипломатическую победу над Фламинином. Ситуация была следующей. В 197 году, когда Рим оказал сильное давление на Филиппа, он вывел свои гарнизоны из греческих городов Малой Азии, отнятых им у Птолемея. По мирному договору он передал их Риму, который намеревался вернуть одни Птолемею, а другие освободить. Антиох p144 тем временем двинулся на север и захватил их под предлогом того, что они раньше принадлежали царству его предков. Фламинин приказал ему немедленно эвакуировать их. Антиох, проницательный и хорошо обученный восточной дипломатии, предвидел, что такой приказ последует, и подготовился к нему, отправив тайного посланника купить у Птолемея право собственности на эти владения. Теперь он заключил этот секретный договор с Птолемеем, и Фламинин обнаружил, что его перехитрили. Римлянин вряд ли мог больше претендовать на то, чтобы быть защитником Птолемея. И на этом дело могло бы закончиться, если бы Антиох, окрыленный своим успехом, не приступил к занятию фракийского побережья Балканского полуострова, которое сдавал Филипп.

В 193 году Антиох направил посольство в Рим, чтобы попытаться заставить Рим признать статус-кво и подписать договор о дружбе. Рим был готов согласиться с оккупацией Малой Азии со времен Птолемея, но не мог признать оккупацию территории в Европе. Посланники не имели инструкций что-либо уступать, и вопрос, к сожалению, остался открытым. Результат был катастрофическим.

Ганнибал теперь был с Антиохом, будучи изгнан из Карфагена партией мира (по слухам, по просьбе Рима), и ему не терпелось, чтобы Антиох поссорился с Римом. В довершение всего этолийцы, которым римляне не позволили оккупировать Фессалию, выдвигали обвинения против Рима и отправляли послов к Антиоху. Наконец, Набис, тиран Спарты, который был вынужден по договору вернуть Ахейскому союзу часть их территории, которую он оккупировал, начал обучать армию с целью ее повторного захвата.

Набис начал военные действия, захватив ахейские земли. Было ли делом Рима поддерживать урегулирование в Греции? Некоторые говорили, что она несет за это ответственность, поскольку подписала его; другие говорили, что она только пообещала освободить греков, но что теперь греки должны сами позаботиться о себе. Этолийцы думали, что увидели свою возможность вынудить Антиоха p145 вступить в борьбу, привести его в Грецию и таким образом вынудить Рим рискнуть на новую войну. Если бы Рим потерпел поражение, что казалось вероятным в противостоянии с великим царем, мирный договор Фламинина был бы нарушен, и Этолия смогла бы оккупировать Фессалию. Соответственно, Этолия захватила несколько опорных пунктов в Греции и предложила Антиоху принять полное командование. Ганнибал также призвал Антиоха продолжать, заверив, что Карфаген придет ему на помощь, если он будет действовать быстро. Но карфагенянин настоятельно советовал ему не идти через Грецию, а вторгнуться в Италию напрямую. Антиох решил нанести удар немедленно. Однако он счел разумным отправиться в Грецию и воспользоваться этолийской помощью, которая была готова, вместо того, чтобы ждать пунической помощи, которая могла потерпеть неудачу. Кроме того, Рим недавно разместил гарнизоны во всех южных портах Италии на случай возможного вторжения, и ему, возможно, не удастся высадить десант. Поэтому он отплыл в Грецию с наспех собранной армией (192 г. до н. э.).

Рим объявил войну и весной 191 года направил в Грецию армию численностью 20 000 человек. Они обнаружили Антиоха, укрепившегося в Фермопилах. В последовавшей борьбе Антиох, в конце концов, почти не получил помощи от хвастливых этолийцев и быстро потерпел поражение. Поэтому он отплыл в Малую Азию, чтобы собрать большую армию и поджидать врага за Геллеспонтом. В 190 году римским консулом, уполномоченным на выполнение этой великой задачи, был Луций Сципион; ему в качестве проконсула помогал его брат, знаменитый Сципион Африканский. Римский флот, которому теперь помогали Родос и Пергам, разгромил флот Антиоха, и царь предложил заключить мир на условиях, предложенных Римом в 193 году. Сципион, однако, отказался. В интересах Родоса и Пергама он потребовал, чтобы Антиох ушел на территорию, которую он удерживал до 194 года, то есть к югу от хребта Тавр, полностью покинув Анатолийский полуостров. Антиох, предпочитая сражаться, выстроил свою линию при Магнезии (190), где потерпел поражение. По условиям мира Антиох признал хребет Тавр северной границей своей p146 в 146 году, отдал свой флот и пообещал Риму военную контрибуцию в размере 10 000 талантов, подлежащую выплате через десять лет. В отличие от Карфагена, он смог сохранить свою независимость как суверен, но его

огромный престиж на Востоке исчез. Римские легионы показали, что восточное великолепие царства Селевкидов не было основано на непреходящей силе.

Снова Риму пришлось выступить арбитром в Греции, а также, впервые, в Малой Азии. Рим освободил несколько греческих городов Малой Азии, подарил некоторые Родосу и помог Пергаму усмирить энергичных галлов — или галатов, как их называли, — которые часто проявляли беззаконие. Теперь, хотя они и остались автономными, они были вынуждены признать протекторат Пергама. Этолийцы были вынуждены сдаться по своему усмотрению и стали союзниками Рима после выплаты контрибуции. Остров Кефалления, принадлежавший Этолии, был передан Риму.

Римские армии снова отправились домой, эвакуировав всю территорию, которую они оккупировали, за исключением одного острова, который лежал между Грецией и Италией. Очевидно, что Сенат все еще действовал в соответствии с политикой филэллинской знати, которая верила в греков, желала их свободы и желала, чтобы Рим присоединился к грекам во временных коалициях ради защиты республик от милитаристских монархий. Рим, конечно, узнал, что такое участие влечет за собой определенные обязательства по обеспечению соблюдения положений заключенного договора, но нет никаких указаний на то, что Рим до сих пор предполагал, что ему когда-либо будет необходимо определенно распространить свою власть за пределы Адриатического моря. Возможно, были люди, которые знали, что римляне были необычайно щепетильны в отношении договорных обязательств и что Сенату было бы очень трудно терпеливо сидеть, скрестив руки на груди, если бы какое-либо из двух или трех десятков независимых государств, образовавшихся сейчас в Эгейском море, попыталось изменить свои границы. Возможно, они также знали достаточно о греческой истории, чтобы понимать, что греки были вспыльчивыми. Но римляне по-прежнему судили о греках по недавно приобретенным знаниям об их замечательной литературе и искусстве. Людям, читавшим Гомера, Платона и Еврипида, было легко проникнуться чрезмерным оптимизмом по поводу способности такого народа позаботиться о себе. Мы не имеем права осуждать Сенат за то, что он допустил ошибку в сторону сентиментальности. В любом случае, если бы римляне проявили недоверие к грекам, сразу установив протекторат, результаты, безусловно, были бы ничуть не лучше.

Глава IX

Рост Восточного протектората

Изменение политики в отношении Греции. В течение двадцати лет, последовавших за битвой при Магнезии, в Риме постепенно нарастало отвращение к правлению сената и сильных аристократических семей, завоевавших всеобщее доверие во время Пунических войн. Те, кто помнил, что старая конституция 287 года до н.э. была основана на идее народного суверенитета, не могли не заметить, что Сенат теперь фактически перерос свои юридические права. Оно практически контролировало внешнюю политику. И даже когда собрание племени созывалось для принятия законодательного или административного акта, обычно это делал какой-нибудь трибун, действовавший по указке Сената.

Изменение внешней политики Рима под руководством лидера филэллинов возмутило немало наиболее практичных демократов типа Катона. Они указывали на то, что Рим тратил кровь и мощь на чувства без материальной отдачи. Рим пересек моря, чтобы сражаться за "друзей", и не получил за это ничего, кроме дружбы, а иногда даже и этого. В прежние времена Рим заключал ясную и недвусмысленную сделку, когда бы он ни сражался. В каждом конкретном случае существовал оборонительный союз, "*societas*", который требовал, чтобы обе стороны в альянсе были в равной степени обязаны, союзник защищал Рим в той же степени, в какой Рим защищал союзника. Почему, спрашивали они, от этой политики отказались? Если Рим сражался за Родос, почему Родос не должен быть обязан послать войска на помощь Риму в Испании и Галлии? Они требовали, чтобы все новые союзы в Греции и Азии были поставлены на ту же основу, что и *societas* Италии, чтобы эти союзы приносили какую-то реальную пользу. Мы p149не должны думать, что Катон был империалистом или что он действительно хотел расширить империю больше, чем Сципионы. На самом деле он предпочел бы вообще не пересекать Адриатику. Он не любил греков и боялся новых идей, которые пришли к нему в результате контакта с ними. Его точка зрения заключалась в том, что если Рим должен идти на Восток, то он должен идти с практическими целями, но лучше всего оставаться дома и предоставить древней цивилизации Греции самой заботиться о себе. Если бы он был жив до-наших дней, он бы предостерег нас от "запутывающих союзов за границей". Он выступал за "Рим превыше всего" и просил всех быть "стопроцентными" римлянами.^a

Представители этой партии также указывали на то, что экспансия неизбежно укрепляла сенат и старую аристократию, поскольку ассамблеи не могли управлять большой империей, особенно с такими размытыми договорами о дружбе, которые сейчас подписывались. Только сенаторы обладали досугом и знанием языков и истории, необходимыми для участия в сложной дипломатии востока. Это была еще одна причина, по которой, по их мнению, Риму следовало либо разорвать все связи с Востоком, либо, если это теперь было невозможно, вовлечь своих "друзей" на

востоке в определенные союзы старого итальянского типа, которые понимали ассамблеи.

Наконец, поведение генералов-сенаторов ни в коем случае не нравилось народу. Некоторые из них пришли в такой восторг от греков и их культуры, что оскорбили римлян. Они выучили греческий, приносили домой греческие книги, произведения искусства, греческие идеи и привычки жизни и даже греческих артистов эстрады и поваров. Были и более серьезные обвинения. Некоторые военачальники, особенно Манлий, совершивший набег на Галатию, захватили много добычи. Манлий фактически напал на теперь уже довольно эллинизированных кельтов Галатии таким же жестоким образом, как римляне в своих войнах мести напали на кельтов долины По — и с большей выгодой, поскольку эти восточные кельты были богаты. p150 Армия вернулась домой, нагруженная добычей и хорошо обученная восточным порокам. Обвинение Катона в том, что упадок римского пуританства начался с возвращением армии Манлия, впоследствии постоянно повторялось римскими моралистами. Итак, партия Катона сформулировала политику: убираться из Греции или подчинить ее римскому правлению и обычаям.

Внутренняя политика партии Катона. Это демократическое возрождение в Риме дало о себе знать и во внутренней политике. Это еще не проявилось в обширной программе восстановления идеи народного суверенитета. Это не было важным партийным лозунгом, пока Гракхи, следуя примеру Катона, не были вынуждены прибегнуть к крайним мерам. Партия Катона скорее пыталась унижить отдельных аристократов, которые, казалось, становились слишком могущественными, и постепенно вводить корректирующие меры. В 193 году Катон подал иск в суд против Терма, партизана Сципиона, за тираническое поведение по отношению к галлам во время своего командования на севере. Затем он напал на Ацилия Глабриона за чрезмерные расходы после битвы при Фермопилах, битвы, в которой Катон сражался младшим-офицером под командованием Глабриона. Затем Фульвий и Манлий предстали перед судом за предполагаемое нарушение законов при разграблении Амбракии и Галатии; и, наконец, Катон набрался смелости выдвинуть в сенате обвинения против Луция Сципиона и великого Африкана. Он настаивал на том, что Луций сохранил часть добычи для личного пользования, и потребовал изучить записи. Африкан, видевший, что нападение предназначалось ему, зная, что проконсулы наделяются полными полномочиями в течение срока своих полномочий и по закону не обязаны отчитываться о своих финансах, надменно порвал записи. Катон, понимая, что этим поступком Африкан поставил под угрозу свою популярность, теперь выдвинул смелое обвинение в том, что Африкан подкупил Антиоха, чтобы тот освободил его сына, который был взят в плен. Это зашло слишком далеко, и Африкан сослался на свой прошлый послужной список, который, несомненно, был чистым и был аннулирован ассамблеей. Но Луций был судим и освобожден только благодаря заступничеству p151 демократического трибуна. Принять освобождение из такого источника было равносильно признанию поражения, и великий Сципион ушел из общественной жизни. Катон победил. В 185 году он был назначен цензором вместе со своим другом Валерием Флакком в качестве коллеги. Он немедленно откопал все строгие законы о роскоши, которые

были приняты во время Пунической войны, и на основании их исключил из Сената нескольких влиятельных дворян по мелким обвинениям в ношении украшений или использовании серебряной посуды на столе.¹

Теперь демократическая партия смогла принять несколько мер, которые понравились народу и ослабили Сенат. Вольноотпущенники, которые, конечно, были склонны быть клиентами знати и голосовать в соответствии с их желаниями, снова были ограничены четырьмя городскими племенами. Был положен конец основанию "латинских колоний", потому что римским гражданам приходилось делиться ими с союзниками, и, более того, бедные граждане, получавшие в них наделы, должны были отказаться от своего гражданского корабля и принять статус "латинян". Мутина, Парма и Сатурния, хотя и не были морскими колониями, были заселены как гражданские колонии. В соответствии с той же эгоистичной политикой угождения населению союзникам отныне, как правило, доставалась лишь половина добычи, что и гражданам, 12 000 латинян, которые прибыли в Рим и каким-то образом попали в списки граждан, были вынуждены вернуться домой, и старой системе продвижения итальянских городов к более выгодному политическому положению пришел конец. Последний случай повышения статуса "полуграждан" до полноценного произошел в случае с Фунди, Формией и Арпином в 188 году, как раз перед тем, как Катон приобрел мощное влияние. Весьма вероятно, что если бы демократическая партия пришла к власти на несколько лет раньше, Рим, возможно, не воспользовался бы услугами таких людей, как Марий и Цицерон, оба родившихся в Арпинуме. Демократия не обязательно является синонимом либерализма.

p152 Катон. О Катоне следует сказать, что он был абсолютно честным пуританином и, хотя и в узком смысле, убежденным патриотом. Он был готов рискнуть всем, чем был, ради государства. Он не угождал населению ради голосов. Он следовал политике, которая нравилась старомодным мелким фермерам-, потому что он вырос как один из них и чувствовал то же, что и они. Трудность заключалась в том, что у него были только нравственные и государственные качества мелкого фермера. На своей ферме он, несомненно, честно продавал пшеницу и не скрывал недостатков в своем имуществе, когда торговал лошадьми, но он ничего не делал из сентиментальности. Он усердно работал, копил деньги и подкупал своих соседей, когда мог. Работать, копить и приобретать было его идеалами, бизнес есть бизнес, его движущим принципом. Он хотел, чтобы нации и правительства действовали так, как он.

Он сам обучал своего сына чтению, письму, некоторым видам математики для домашнего использования, сельскому хозяйству, военному искусству, спортивным играм и римской истории. Действительно, он написал историю простым языком для своего сына, когда не нашел подходящей. Мальчик, должно быть, насквозь пропитан римским духом, если не чем иным. Греческая литература, философия и искусство были ему ни к чему, хотя он тайно изучал греческий для практических целей. Он хотел, чтобы римляне продолжали жить как крестьяне, отрезанные от мира. Как цензор, он понимал свой долг "судьи морали" в самом широком смысле, изучая гардероб, меню и столовую посуду отдельных людей, чтобы увидеть, не нарушаются ли старые римские идеалы простой жизни. Он даже пытался

продолжить в новую эру действие определенных ограничений военного-времени на ношение украшений (закон Оппиана), которые были приняты, когда Риму нужно было сдать все золото и серебро в казну для чеканки монет. Однако в этом он потерпел неудачу.

Катона часто считают типичным древнеримцем. Последующие поколения его собственного народа считали его иначе. Они скорее смотрели на него как на благонамеренного и честного p153фанатика, который перенес идеалы предыдущего столетия в более поздний период. Он пришел в то время, когда аристократическая власть нуждалась в сокрушении, и поэтому, благодаря своей смелости и неоспоримой честности, он стал могущественным человеком. Но это было большим несчастьем, что восстание было сопряжено из-за его темперамента с такой узкой культурой, такой эгоистичной политикой по отношению к Италии и такими грубыми представлениями о международной политике. Если бы такой человек, как Тиберий или Гай Гракх, возглавил реформу в это время, а не пятьдесят лет спустя, Италию можно было бы завоевать дружбой, а не оскорблениями, Сенат можно было бы склонить к конструктивной аграрной программе, а преимущества греческой культуры можно было бы приветствовать, а не препятствовать им. Когда эти люди, наконец, приступили к своей работе, было уже слишком поздно проводить необходимые реформы без борьбы между различными группировками, которая в конечном итоге привела к гражданской войне.

Внешняя политика партии Катона. Теперь мы должны увидеть, как применение этой националистической политики повлияло на методы Рима в международной политике. Рим сдержал Филиппа и Антиоха, освободил второстепенные государства, определил их границы и ушел, предоставив их самим себе. Излишне говорить, что греческие государства, которые всегда были охвачены революциями, теперь не могли установить вечный мир. Что произошло бы, если бы римские соглашения не были соблюдены?

Вскоре между Спартой и Ахейским союзом возникла ссора из-за того, что последнему по римскому мирному договору была передана часть территории, ранее захваченной Спартой. Обе стороны фактически нарушили свои соглашения, и обе отправили послов в Рим, чтобы объяснить свои действия. Сенат отказался вмешиваться. Два года спустя лига снова превысила свои права, и снова обе стороны отправили послов в Рим. Хотя Сенат и не одобрил действия лиги, он все же надеялся остаться в стороне, и поэтому спор продолжился. Что еще хуже, македонский царь Филипп начал вторгаться в государства за пределами границ, определенных сенатом, и p154 пострадавшие, естественно, обратились к Риму. Филипп, возможно, слышал, что римским демократам, которые сейчас приходят к власти, не понравилась Греция. Вероятно, он думал, что Катон закроет глаза на восточные дела. Но Катон, хотя и не был ни настолько империалистом, чтобы хотеть получить провинции на востоке, ни настолько филэллинцем, чтобы заботиться о свободе Греции, был слишком большим патриотом, чтобы допустить нарушение римских договоров. Следовательно, более резкий тон в настоящее время становится очевидным в ответах, направленных греческим послам.

Это было в 185 году, в год правления Катона-цензора, Рим отправил трех посланников в Грецию для урегулирования споров, и у них, очевидно, был приказ дать обидчикам понять, что договоренности Рима нельзя игнорировать. Послы приказали Филиппу покинуть захваченную им территорию, и он сделал это с угрюмым видом, даже сжег некоторые города, прежде чем отступить. С этого времени Филипп начал готовить войска к новой войне. Те же послы отправились в Ахейский союз и попросили о некоторых реституциях в Спарте. Ахейцы ответили, что они не начинали ссору, что они суверенный народ и не могут подчиняться приказам римских посланников. Позже они обсудят ситуацию с Сенатом. Клавдий, один из послов, возразил, что Лиге следовало бы прислушаться к предложениям Сената, прежде чем она будет вынуждена подчиняться его приказам. Хотя мы не можем полностью винить Сенат за растущее нетерпение, мы должны согласиться, что такие формулировки могли бы только вызвать негодование среди народов Греции.

Нам нет необходимости следить за запутанными спорами, которые продолжались на протяжении двух десятилетий. Греческие государства и лиги становились все более и более раздраженными при мысли о том, что они обязаны придерживаться старого договора, и, следовательно, они были все более и более готовы отстаивать свое право поступать так, как им заблагорассудится. С другой стороны, Сенат все больше и больше уставал от делегаций и просьб о толковании спорных моментов договора. В греческих государствах начали возникать про-римские и анти-римские партии, одна из которых льстила **p155** сенату, другая противостояла ему. Обычно имущие классы, желавшие мира, **статус-кво**и близких отношений с Римом, открыто выступали за-римлян. Старые демократические фракции, испытывая к ним антипатию, заняли противоположную сторону. Они могли больше выиграть от революций и инстинктивно чувствовали, что Рим никогда не предпочтет ничего, кроме мира.

Около 180 года Сенат открыто принял политику принятия чьей-либо стороны в политике греческих государств и поддержки про--римских фракций, полагая, что таким образом его пожелания будут учтены без необходимости вооруженного вмешательства. Такая политика, однако, не был политически мудрым. Казалось, анти --римских фракций, но очередное доказательство того, что государства Эллады были не совсем бесплатно. Таким образом, римский сенат, хотя и пытался быть справедливым в своих решениях, только усилил свою непопулярность, отчасти из-за отсутствия сочувствия, отчасти потому, что руководство сильной державы всегда было и должно быть оскорбительным для слабых наций.

Третья Македонская война. В 179 году Филипп умер, и ему наследовал его сын Персей, молодой человек, который был столь же беспринципен, сколь и неосмотрителен. Его единственным хорошим качеством было то, что он был патриотом и всем сердцем стремился предотвратить вмешательство Рима в греческие дела. Он создал свою армию и заключил ряд прочных союзов. Он объявил о своей дружбе с антиримскими-демократами Греции и радушно принял их при своем дворе. Но он зашел слишком далеко, когда начал втягивать северные племена в тайный союз с Македонией, вопреки договору Филиппа. Сенат возразил ему,

попросив несколько греческих государств разорвать с ним отношения. Персей, теперь уже напуганный, отправил послов в Сенат, предлагая подчиниться на выгодных условиях. Сенат потребовал безоговорочного подчинения, на что он, конечно, ответил отказом.

Война началась в 171 году до н.э. Первые три консула, отправленных на фронт, были неэффективными генералами и, как и люди, которые их послали, не испытывали симпатий к грекам. Они **p156**потребовали контингентов нескольких греческих государств, как если бы эти государства были **обществами**, подобными итальянским союзникам. Таким образом, недоброжелательность усиливалась до тех пор, пока несколько государств фактически не оказали Персею тайную помощь. Только в 167 году, когда римской армией эффективно руководил Эмилий Павел, Персей был окончательно побежден. Он был взят в плен и отправлен в Рим, его имущество конфисковано, а архивы вывезены в Италию. К несчастью для греков, эти архивы доказали, что многие ведущие люди Греции тайно помогали королю против Рима. В результате Рим вынудил старые государства, такие как Родос, Пергам и Ахейскую лигу, выдать некоторых из вовлеченных в это людей в качестве заложников, отказаться от своей позиции "дружбы" и принять статус **socii**.

Этим актом Рим провозгласил себя сувереном в Греции и Малой Азии на всей территории, которую охватывали договоры 196 и 189 годов. На самом деле Рим не собирался ни управлять этой территорией, ни взимать с нее какую-либо дань, ни даже просить ее жителей о военной помощи, за исключением очень критических моментов. Однако она намеревалась положить конец распрям и облегчить себе поддержание мира, не прибегая к постоянным посольствам и вооруженному вмешательству. Именно Катон по-прежнему так не желал иметь никаких дел по ту сторону Адриатики, что настаивал на том, что македонцы должны управлять сами. "Мы не можем управлять этими людьми, мы должны дать им свободу управлять собой", - сказал он, и его политика была принята.

Македонские республики. Эмилиусу Пауллусу с комитетом из десяти человек было поручено разработать конституцию Македонии. Созданная им форма правления чрезвычайно интересна. Чтобы предотвратить объединенные действия против Рима, он разделил королевство на четыре республики. Чтобы защитить их от нашествий варваров, он разрешил северянину иметь армию; трое других были разоружены. Четыре штата были отделены друг от друга в социальном и коммерческом плане, чтобы предотвратить рост македонского союза, то есть брак между **p157**гражданами разных штатов был объявлен незаконным, и граждане одного штата не могли владеть собственностью в другом.

Политическая организация этих республик особенно интересна, поскольку она была основана на том, что Фламинин разработал для Фессалии после Второй Македонской войны. В каждой республике магистраты избирались первичным собранием, состоящим из всех людей, имевших определенные имущественные права; но администрация и законодательство находились в руках представительного сената, состоящего из сенаторов от нескольких городов, и этот сенат возглавлялся магистратом и контролировался им. Таким образом, эти македонские республики, по-видимому, были настоящими территориальными государствами очень

современного типа, управляемыми представительным правительством. Очень жаль, что эти правительства были свергнуты в течение двадцати лет в результате катастрофической революции. Они вполне могли бы донести идею представительного правления до современного мира, если бы прожили достаточно долго, чтобы оставить отчетливый послужной список достижений.

Эмилий Павел, к сожалению, испортил свой послужной список хорошего полководца, вторгшись в Эпир и обратив большую часть его населения в рабство, потому что оно атаковало римские армии в пользу Персея. Говорят, что за это деяние было продано 150 000 пленников. Очевидно, римский полководец лучшего типа все еще мог совершать поступки языческой жестокости.

Рим снова отступил с Востока, но на этот раз было ясно понято, что греческие государства утратили свой суверенитет. Не было создано ни одной провинции и не взималась дань. Греция и Малая Азия не были сведены к положению Сицилии, Сардинии и Испании. Скорее, эти государства были поставлены в положение таких греческих городов на юге Италии, как Неаполь и Региум. Их следовало оставить в покое до тех пор, пока они сохраняли мир и соблюдали свои договоры, и это было все.

Следует признать, что партия Катона в целом была умеренной. Ибо, когда другие, которые, как и он, не доверяли В Сенате он произнес энергичную речь, часть которой у нас сохранилась до сих пор, и это делает ему честь. Он справедливо настаивал на том, что такие родосцы поступили вполне естественно, опасаясь растущей мощи Рима и, следовательно, отдавая предпочтение противнику Рима, что сочувствие - это не то чувство, которое можно навязать, и что в лучшем случае целое государство не может быть привлечено к ответственности за вражду отдельных граждан. Величайшей ошибкой Сената было взятие в заложники множества выдающихся греков, чья лояльность Риму была поставлена под сомнение документами, захваченными во время войны. Дурное предчувствие, вызванное этим поступком, привело позже к новой вспышке.

Однако Риму не суждено было обрести мир на Востоке. Споры и междоусобицы продолжались, и посольства прибывали в Рим, как и прежде. Если бы Сенат проводил последовательную политику, серьезных неприятностей можно было бы избежать, но в Сенате было много единомышленников, и его политика менялась с переменным успехом различных партий. Катон часто был доминирующей силой, но не всегда. Он был настолько резок в своей критике, что Сенат часто восставал против его предложений. Конечно, помимо греческих, требовалось решить и другие политические вопросы, и грубые методы Сената в расправе с галлами и испанцами, как правило, приучали государственных деятелей жестко обращаться и с греками.

Северная Италия была усмирена с некоторой суровостью в течение пятидесяти лет после Замы. В Цизальпинской Галлии Рим достаточно сурово наказал инсубров за действия в Милане и бойев за действия в Бононии. У сеноманов, живущих к югу от Вероны, дела обстояли лучше из-за их верности Риму во время Пунической войны. Но из-за локальных вспышек и новых вторжений кельтских орд из-за Альп постоянные армии приходилось держать в долине По. Действительно, Полибий

сообщает нам, что в его времена кельтов осталось не так уж много, за исключением предгорий. Колонии были пересажены в Кремоне и Плацентии, [p159](#) новые колонии отправлены в Болонью, Мутину и Парму ниже по реке По, а также в Аквилею в верховьях Адриатического моря. Хотя остальная часть Транспаданской Галлии не была разделена, эмигранты со всей Италии приезжали в этот регион и находили себе пристанище. Действительно, эта долина была заселена в течение столетия знатными итальянцами, и именно потомки таких поселенцев сыграли важную роль в литературе и политике Рима во времена Цезаря и Августа. Два величайших римских поэта того времени, Катулл и Вергилий, были родом оттуда.

Лигурийские горы также должны были быть очищены или усмирены ради Цизальпинской Галлии, долины Арно и прибрежной дороги к новой провинции в Испании. После многочисленных нападений, которые не принесли амбициозным консулам ничего, кроме триумфа, Сенат принял решение о решительных мерах. Два племени лигурийцев, живших недалеко от побережья, были завоеваны и переселены на земли в южном Самнии (к северу от Беневента), которые были конфискованы в ходе последней самнитской войны. Там мы находим их потомков, живших и, по-видимому, процветавших как римские граждане во времена Траяна.

Испания была "покорена" Сципионом в 206 году после того, как ее покинул Гасдрубал. Иными словами, в то время Рим овладел пуническими фортами. На самом деле лишь немногие из многих воинственных испанских племен вступали в контакт со Сципионом. Рим, конечно, считал своим законным долгом установить свою власть над всем полуостровом, и после войны его проконсулы приступили к задаче завоевания племен на верность с помощью дипломатии и демонстрации силы. Прогресс был медленным. Племена предпочитали свободу, и некоторые из проконсулов были слишком амбициозны, некоторые - слишком суровы. Катон за год своего пребывания в Испании приобрел репутацию честного человека и успешно продвигался вперед. Однако некоторые из его преемников оказались более заинтересованными в добыче, чем в установлении мира. Тиберий Гракх старший славился своей добротой и справедливостью. Таким образом, хорошее управление чередовалось с плохим. На самом деле Испания не была [p160](#) полностью подчинена римскому правлению, пока Август не выполнил эту задачу. Во втором веке до н.э. провинция была школой подготовки к хитроумной дипломатии, безраздельному господству и "охоте за триумфом". Это доказало то, что неоднократно демонстрировала последующая история: аристократическая клика, подобная римскому сенату, не обеспечивает наилучшего управления варварскими провинциями. Администраторы слишком далеки по культуре от подобных тем, чтобы понимать их, и они слишком готовы потворствовать злоупотреблениям властью друг друга.

В *Карфагене*, как и следовало ожидать из мирного договора 201 года, ненависть к Риму продолжала жить. Однако долгое время землевладельческая знать, вернувшаяся к власти из-за неудачи Ганнибала, оставалась у руля и поддерживала хорошие отношения с Римом. В течение тридцати лет Карфаген процветал, не испытывая никаких серьезных трудностей. Контрибуция, которую она выплатила, действительно была невелика для столь богатого государства, и говорят, что ее

торговля за короткое время достигла прежних масштабов. Но Масинисса в конце концов вызвал неприятности, предъявив претензии, по-видимому, ложные, на часть Ливии, к югу от Карфагена. Согласно договору 201 года, Карфаген не мог сопротивляться с оружием в руках, но должен был подчиниться римскому арбитражу. Соответственно, она передала дело Риму, и в Риме партия Катона теперь оказалась у власти. Полибий уверяет нас, что Рим вынес несправедливый приговор Карфагену, вероятно, опасаясь, что он становится опасно сильным. Сципион Назика, всегда выступавший противником Катона, отдавал предпочтение Карфагену, считая, что Риму может быть только выгодно иметь сильного соперника. Тем не менее, со временем возникли другие споры, и Карфаген, как правило, подвергался унижениям на том единственном основании, что он становился угрозой, если верить Полибию. Очевидно, Катон открыто придерживался опасной точки зрения, что любое могущественное государство должно быть унижено до того, как оно станет слишком опасным; и ему каким-то образом удавалось заканчивать каждую p161речь, которую он произносил в сенате, жестоким приговором *Carthago delenda est*.

В 151 году Сенату был предложен желаемый предлог, поскольку военная партия Карфагена тогда пришла к власти и проголосовала за вооруженное сопротивление Масиниссе без разрешения Рима. Партия Катона добила своего, война была объявлена, и в 149 году сильная армия высадилась в Африке. Карфаген в ужасе предложил безоговорочную капитуляцию. Консул, разоружив карфагенян и взяв у них заложников, вынес приговор Риму: они должны были сдать свой город Риму и построить свой новый дом по крайней мере в десяти милях от моря. Они, естественно, отказались это сделать. Они закрыли свои ворота, направили все свои силы на изготовление оружия и защищали город в течение двух лет.

Неприятная задача по выполнению суровых приказов катонийского сената — сам Катон умер в 149 году — выпала на долю Сципиона. В 147 году юный сын Эмилия Павла, принятый в семью Сципионов и поэтому названный Корнелием Сципионом Эмилианом, был избран консулом на корабле до достижения совершеннолетия из-за своего военного мастерства и был отправлен штурмовать Карфаген и разрушить его. Задача была нелегкой, поскольку жители забаррикадировали улицы и в отчаянии сражались за каждый фут земли. Однако в 146 году цитадель была взята, а то, что осталось от города, сожжено. Полибий, греческий историк, стоял рядом с консулом и слышал, как тот не слишком радостно пророчествовал подобную участь Риму.

Было слышно, как Сципион Назика, который эффективно противостоял Катону, с презрением заметил по поводу безжалостной политики сената, что теперь больше нет наций, перед которыми Риму нужно либо бояться, либо краснеть. Территория Карфагена была превращена в провинцию под названием Африка, семь городов, таких как Утика, которые были дружественны Риму, стали автономными союзниками, свободными от дани, коренные ливийцы стали римскими данниками, в то время как земля, принадлежавшая карфагенским гражданам, стала римской общественной землей, которую можно было продавать или сдавать в аренду стр. 162по усмотрению цензоров. Большая часть была продана римским инвесторам, чтобы оплатить расходы на войну.²

Теперь мы возвращаемся в *Грецию*. Македонские республики, созданные Эмилием Павлом, жили лишь умеренно хорошо: народ привык к автократическим царям, и ему требовалось время, чтобы научиться искусству демократического правления. Партии, конечно, возникали; имущие классы, имевшие преобладающее влияние в новом правительстве, были вполне удовлетворены и сформировали группу, дружественную Риму, но население, которое ранее пользовалось благосклонностью и щедротами Персея, начало формировать анти--римскую партию.

Примерно через двадцать лет демократического правления самозванец по имени Андриск, ложно утверждавший, что он сын Персея, сбежал из тюрьмы и появился во Фракии, недалеко от Македонии. Люди там думали, что признали в нем сына Персея, и стекались под его знамена. В 149 году он вторгся в Македонию, обратившись к населению за поддержкой. Поскольку только у одной из четырех республик была армия, его успех был легким. Затем Рим послал Метелла с армией, чтобы изгнать его. Это было быстро сделано, и эксперимент с самоуправлением закончился. В 147 году Македония была объявлена римской провинцией, платящей дань, с постоянным римским губернатором.

Метелл был отправлен в Грецию, чтобы уладить дела *ахейского союза*, которые находились в полном замешательстве. Объявленная двадцатью годами ранее катоновская политика обращения с ахейской лигой как с **обществом**, которое должно придерживаться первоначального положения договора, не принесла мира. Патриотическая **партия**¹⁶³, безусловно, потеряла большинство своих лидеров, когда они были доставлены в Рим в качестве заложников. Но захват заложников сам по себе был жестоким актом, который поддерживал недовольство; и хотя Полибий, который был одним из них, жил в Риме в близких отношениях со Сципионами и оказал свое влияние на их возвращение, партия Сципионов теперь была слишком слаба, чтобы что-либо предпринять в их пользу. Когда, наконец, после семнадцати лет изгнания они вернулись, они только усилили антиримскую партию в Ахее.-

Теперь эта партия пришла к власти, и ее возглавил Диаус, горячий-патриот, который ошибочно принял примирительную тактику Рима последних лет за признак слабости и убедил себя, что, поскольку Рим ведет войны с Карфагеном и Македонией, он может восстановить независимость Ахеи. Таким образом, Диаус подтвердил старые притязания ахейцев на господство в Спарте и приговорил двадцать четырех спартанских сторонников-римлян к смертной казни.

Рим ответил, отправив послов в Коринф, столицу Ахейской лиги, объявив свободными от лиги те города, которые лига приобрела с помощью Рима. Жители Коринфа напали толпой на римских посланников - поступок такого рода, который Рим редко прощал. Диаус объявил войну Спарте; в свою очередь, Рим объявил войну лиге и приказал армии в Македонии взять Коринф. Муммий, ныне консул, разгромил ахейцев, взял Коринф и сравнял великолепный старый город с землей (146год до н. э.). Этот жестокий акт был объяснен возмущением нападением на послов Рима и наглядным уроком союзникам, которые отказались соблюдать условия своего союза. Греция не была превращена в провинцию и дань не взималась, но города Пелопоннеса были реорганизованы по аристократическим принципам и индивидуально преобразованы в **общества** Рима. Лигам разрешалось

продолжать существование только в религиозных и социальных целях. У Рима больше не было проблем с греками. Сто лет спустя, когда память об "освобождении **p164** греков" успела достаточно поблекнуть, Ахея также стала провинцией.

Этот эксперимент Рима по защите более слабых республик, растянувшийся на пятьдесят лет, является одним из самых интересных в истории политики. Вину за неудачу следует возложить частично на Рим, частично на Грецию, но, в конце концов, главным образом на огромную трудность задачи. Что касается греков, то они никогда не отличались сильным политическим чутьем. Их индивидуализм, любовь к личной свободе, оригинальность и высокоразвитое художественное чутье всегда вызывали у них нетерпение к сильному и упорядоченному правительству. Греческие государства никогда не были в состоянии эффективно объединиться, и они также не были в состоянии мирно урегулировать свои партийные разногласия, чтобы удержать их от перерастания в революции. Современный историк не связывает конец греческой производительности с вмешательством Рима, поскольку великий период в Греции подошел к концу задолго до того, как Рим вошел в страну. Истинную причину упадка Греции мы сейчас не знаем. Возможно, постоянные войны и революции уничтожили самых талантливых людей, или что политический беспорядок разрушил общество настолько, что люди не могли эффективно производить продукцию, или что появление низших классов в демократических странах пятого и четвертого веков со временем вытеснило лучшую кровь и смешало ее с таким количеством эгейцев, что греческая раса теперь превратилась в нечто менее прекрасное. Если Греция пережила свое величие, то в целом было выгодно, чтобы такое государство, как Рим, обладающее устойчивым политическим потенциалом, установило мир в Греции и спасло ее от восточных монархов и северных варваров до тех пор, пока ее великая культура не сможет проникнуть в Рим и таким образом быть сохраненной для будущих поколений.

Поначалу Рим, конечно, имел в виду как лучше. Это было очень яркое проявление политического идеализма, которое волновало сенат во времена Фламиния и Сципиона Африканского, и память об их великодушном поступке оказывала благотворное влияние время и снова на смягчение практической политики Рима. Серьезная трудность, однако, заключалась в том факте, что греки и римляне настолько сильно различались по темпераменту, что никогда не могли полностью отдать друг другу должное. Когда они познакомились, римляне настаивали на том, что греки непрактичны и нечестны. Греки приписывали римлянам слишком многое из своей собственной политической стратегии и называли их расчетливыми, когда им просто не хватало проницательности. Греки действительно находили римлян грубыми, некультурными, законническими и лишенными воображения. Одно из самых серьезных препятствий на пути к успеху эксперимента заключалось в том факте, что Рим был республикой, политика которой неизбежно менялась из года в год из-за ежегодной смены консулов. Республики всегда будут качаться, как маятник, от одной политики к другой, реагируя на влияния, которые преобладают во время выборов. Идеалистические настроения могут в любой момент уступить место практическим требованиям, когда придет время подсчитывать издержки прошлых администраций. Это одна из причин, почему республики должны довольствоваться

тем, что управляют сами, и очень медленно давать обещания другим. У них редко хватает сил сдержать обещания в том духе, в каком они были даны. Нам стоит только подумать о разнице в современных государствах между духом 1917 и 1920 годов, чтобы понять, что произошло в отношениях Рима с Грецией между 200 и 146 годами до н.э.

Примечания автора:

¹ Такие законы были приняты во время войны, чтобы привлечь золото и серебро в государственную казну.

² Некоторые историки предполагают, что разрушение Карфагена произошло из-за деловых кругов Рима, которые желали уничтожить соперника. Полибий, который жил в то время и обсуждает причины, ничего не говорит об экономических причинах. Он возлагает всю вину на страх Сената перед растущей политической властью Карфагена. Он, несомненно, прав. В то время римская политика не была коммерческой. После разрушения Карфагена Утике было позволено унаследовать африканскую торговлю. Рим вполне мог основать колонию морских портов в Африке, чтобы дать доступ римской торговле. То, что она позволила африканским торговцам унаследовать торговлю даже в ее собственной новой провинции, ясно показывает, что движущей силой этого жестокого акта была не экономика.

Примечание Тайера:

^a "Америка прежде всего" и "100% американец" были модными словечками изоляционистского движения в американской политике в то время, когда писал Тенни Фрэнк, и продолжали находить отклик в течение нескольких десятилетий. "Поощрять и увековечивать 100-процентный американизм" фигурирует, например, в Преамбуле к Уставу Американского легиона.

Глава X

Римское общество во времена Катона

В эти годы чудесного расширения, когда грозные монархи империи Александра склонялись перед римскими солдатами-учеными, простые римские сенаторы внезапно обнаружили, что достигли необычных высот ответственности и достоинства. Существует характерная история о том, как сенатор Попилий был послан приказать великолепному Антиоху воздержаться от нападения на Египет, и как, когда царь отказался отвечать, сенатор очертил своим посохом круг вокруг царя, сказав: "Дай мне свой ответ, прежде чем выйдешь за пределы этого круга". До такого сознания силы возвысились эти осажденные "варвары" запада. Но если мы понаблюдаем за ними в их повседневной жизни в Риме и изучим их образ жизни, мы обнаружим, что они все еще остаются на редкость простым фермерским народом. Более чем вероятно, что Попилиус жил в уродливом домишке из пяти или шести комнат, строении из-высушенных на солнце кирпичей, без пола, а только из утрамбованного песка, без тепла, кроме как от кухонного очага, без ванны, без украшений. Как говорит Гораций, люди жили в хижинах, дворцы строились только для богов.

Римский дом. План римского дома общего пользования в рассматриваемое время был очень простым. Центральный атриум был открыт небу посередине, чтобы впускать свет и выпускать дым; остальная часть была закрыта крышей. Вокруг него и в него вели четыре или пять комнат, которые не имели окон наружу, но получали свет из дверей, открывающихся в атриум. В задней части находился **таблинум**, где у мастера был свой кабинет и велась смета. Главными причинами формы римского дома были две. Древние города были обнесены стенами, и поэтому пространство внутри стен было дорогостоящим. Следовательно, требовалось, чтобы дома **p167** были расположены вплотную друг к другу и строились в центре городских кварталов, оставляя фасады улиц для магазинов и киосков. Жилые дома, таким образом, редко имели видимый внешний вид. Они открывались во внутренний атриум, а не на внешние веранды. Второй причиной было отсутствие оконного стекла в первые дни. Поскольку окна нельзя было пустить во внешние стены, свет и воздух должны были проникать под навес атриума-портика, чтобы не попадал дождь.

Храмы. Но у богов, как говорит Гораций, были дворцы. Храмы обладали некоторым величием, хотя и не особой красотой, потому что, к сожалению, в радиусе сотен миль от Рима нет ни одного красивого камня.^a Коренные породы в окрестностях Рима состоят из туфа и лавы, вулканических пород самого уродливого серо-коричневого цвета. Для стен храмов он использовался в виде блоков, а также дробился и использовался в бетоне. Но его воздействие было настолько неприятным, что его пришлось покрыть штукатуркой. Только в конце Республики римляне смогли позволить себе импортировать плиты из мрамора и гранита для

покрытия стен. Также и в прежние времена не было под рукой ни одного ценного камня для колонн, карнизов и статуй, какого не было в Афинах. Колонны были оштукатурены, а фронтоны и украшения крыши были сделаны из терракоты, искусно отформованной. Но, конечно, настоящей красоты и достоинства вряд ли можно было достичь в таких материалах.

Общественные здания. Различные консулы, особенно демократические, также начали украшать город зданиями для использования и удовольствия людей. Перед Пунической войной Фламиний построил цирк, где можно было проводить скачки. Общественный зал или базилика была возведена на форуме Катонем во время его правления цензором в 185 году, второй был заказан цензорами в 179 году, а третий - в 170 году. Это были просторные залы Форума, построенные из камня, которые служили зданиями суда и местами для размещения деловых киосков, особенно в ненастную погоду. Весьма вероятно, что эти так-называемые *базилики*, "царские дворцы", были смоделированы по образцу зданий, наблюдавшихся в Македонии, поскольку Катон, а также другие строители этих 168 сооружений принимали активное участие в войнах против Македонии и имели возможность наблюдать там. Следует отметить, что раннехристианская базилика приняла форму этих общественных зданий.

Контракт на строительство первого каменного моста был заключен в 179 году. Примерно в то же время цензоры начали вымощать улицы лавовыми блоками. Сначала этот очень твердый камень добывали примерно в сорока милях от города. В 144 году был построен великолепный акведук под названием *аква Марсия*, чтобы доставлять в город чистую холодную воду с Сабинских гор, расположенных на расстоянии около сорока миль. Два предыдущих акведука находились подназемным строительством и обслуживали только нижнюю часть города. Марсия проходила по высоким аркам над шестью милями низменности за пределами города и поэтому могла обслуживать даже вершину Капитолийского холма.¹ Это все еще свидетельствует о поразительной эффективности и заботе римлян об общественном здравоохранении, поскольку некоторые из прекрасных арок стоят и по сей день-.

Постоянных театров тогда еще не строили. Фактически комедии Плавта и Теренция, основанные на греческих образцах, показались римским цензорам чересчур свободными в своей утонченной морали. Они относились к ним так же, как английские пуритане относились к реставрационной драме, разыгранной при дворе короля Карла. Они позволили им продолжаться ради развлечения населения по праздникам, но не совсем хотели открыто одобрять их, строя для них постоянные театры.

Общественная жизнь. Суровые консерваторы того времени, такие люди, как Катон, горько жаловались на упадок старых обычаев и внедрение греческих манер в Риме, но когда мы изучаем их жалобы, нам вспоминаются сосуды гнева, которые отцы-пилигримы обычно выливали на слабости, которые сейчас кажутся достаточно невинными. **стр. 169** Несмотря на некоторые нововведения, преступления, по-видимому, было немного. Разводы происходили так редко, что один-единственный случай шокировал общество неделями. Казалось, приближался судный день, если сын дворянина проигрывал какое-то имущество в азартных играх. Такой цензор, как

Катон, все еще мог навлечь позор на сенатора за то, что тот положил на стол несколько серебряных тарелок. Следует сказать, что город, который с населением, возможно, в триста или четыреста тысяч человек мог бы жить так же хорошо, как Рим, без какой-либо полиции, вряд ли был коррумпирован до мозга костей.

Семейная жизнь, безусловно, становилась несколько свободнее, и общество инстинктивно понимало, что по мере усиления власти авторитет отца должен ослабевать. Следовательно, старый обряд **confarreatio**, который учредил **patria potestas**, должен был постепенно уступить место новому обряду, который был менее строгим и который предоставлял женщине привилегию владения собственностью и освобождения себя путем развода. Это не означало, как думал Катон, что семейная жизнь была порочной. Это просто было признаком того, что управление государством вышло за пределы примитивной стадии. **Закон о Воконии**, принятый в 169 году и запрещающий женщине наследовать имущество, также не был задуман как реакция против новой свободы в семье. Это было всего лишь звено в цепи законов, которые в некоторой степени консервативно предназначались для сохранения семейных владений вместе, поскольку позволяли сыну или приемному сыну свободно распоряжаться наследством, чтобы все семейное имущество могло принадлежать семье. Дочери по-прежнему могли приобрести предназначенные для них акции по частной договоренности.

Греческая и римская литература. В римскую литературу быстро внедрялись новые идеи. Энний выпустил несколько книг "**Сатурнов**", которые можно было бы назвать разнообразными эссе в прозе и стихах, и он без колебаний обсуждал философию и подвергал сомнению мифы. Его зять-, трагический поэт Пакувий, также любил привносить радикальные и скептические идеи в свои пьесы.

p170 Полибий, один из ахейских заложников, доставленных в Рим в 166 году, был не только историком, но и хорошо разбирался в философии стоиков, и он оказал влияние на руководство чтением греческого языка в кругу младшего Сципиона. Этот Сципион на самом деле был центром группы важных вельмож, которые читали и изучали философию стоиков. Он пригласил Панэция, ведущего философа этой школы, приехать из Греции и жить с ним, пока тот читал лекции в Риме. Стоицизм был философией, которая соответствовала пуританству и аскетической жизни прирожденного римлянина и сразу же начала влиять на жизнь и правовое мышление Рима.

В литературе драма по-прежнему занимала ведущее место, поскольку римлян еще не научили становиться нацией читателей. Трагедии Энния продолжали ставиться и после его смерти, и Пакувий, человек едва ли менее могущественный, пополнял запас трагедий. Добрых полдюжины авторов остроумных комедий обеспечивали веселье, необходимое на римских фестивалях. У нас есть названия более сотни комедий, снятых за эти полвека, но не сохранилось ничего, кроме шести пьес Теренция. Они были, пожалуй, лучшими с точки зрения литературных достоинств, но, по-видимому, были менее оригинальны, чем многие другие.

Римские истории в прозе становились все более популярными. История Рима была настолько полна чудесных событий, что художественная литература едва ли могла

быть более захватывающей, и теперь они были написаны на латыни. Сам Катон написал одну из семи книг, в которой, как и следовало ожидать, он резко и поименно оскорблял своих благородных противников, беспрестанно говорил о том, что он сделал, и щедро цитировал свои собственные речи. В это время также стали записываться и распространяться речи. Сражения в Сенате и на Форуме становились все более захватывающими из-за важности затрагиваемых политических вопросов. Послушать, как Катон метал свои молнии, приходили толпы, и письменные копии его речи пользовались спросом, чтобы получить удовольствие от перечитывания. Только Катон опубликовал около 150 из 171 них. Чтение этих книг дало мне образование как в политике, так и в стиле. Стиль Катона действительно был далек от отточенности. Он утверждал, что презирает стилистическую отделку. "Знай свою тему, и твои фразы позаботятся о себе сами" - таков был его девиз. Но его ум был острым, словарный запас точным, а его простые иллюстрации, взятые из повседневной жизни, удивительно уместными. Речи Катона были не хуже радикального еженедельника и выходили почти так же регулярно.

Римская экономическая система продолжала основываться главным образом на сельском хозяйстве. Капитал, конечно, в какой-то степени вкладывался в государственные контракты, но в Риме или поблизости по-прежнему было очень мало производства или торговли. Инструменты и приспособление, домашняя утварь и одежда, конечно, должны были быть изготовлены, и если мы примем во внимание, что такая посуда теперь обычно производилась в отдельных небольших мастерских, а не на фабриках, мы можем предположить, что ремесленников было довольно много. Рим, однако, ничего не производил на экспорт. У Катона в "Руководстве для фермеров" *по сельскому хозяйству*, написанном для его сына, есть параграф о том, где покупать инструменты и одежду.^b Здесь мы обнаруживаем, что Кампания, а не Рим, поставляла лучшую железную и бронзовую посуду. Именно греческое население Неаполитанского залива и капуанцы, изгнанные со своих ферм в 211 году, продолжали заниматься ремеслами в Кампании. Фактически, железная промышленность даже покидала Этрурию с притоком римских поселенцев, и руда, добываемая на Эльбе, которая раньше снабжала этрусскую промышленность, теперь отправлялась на юг, в Неаполитанский залив, для переработки в орудия труда. Римлянам всегда нравилось заниматься сельским хозяйством и не нравилась магазинная жизнь, и они продолжали это делать.

Ситуация в *торговле* была аналогичной. Римская республика по-прежнему ничего не делала для поощрения торговли. Остия, морской порт, снова приходил в упадок, потому что грузоотправители не желали туда приходить. Они не могли получать обратные грузы в Риме и Остии. Поэтому они начали использовать Путеолы и Неаполитанский залив в качестве своих главных итальянских портов захода, хотя это было в 140 милях от Рима, но там, по крайней мере, p172 было что купить. Товары, направлявшиеся в Рим, должны были проделать остаток пути каботажным транспортом или по виа Аппиа на мулах. Римский сенат настолько мало заботился о поощрении римлян в торговле, что, хотя он контролировал все Средиземноморье с помощью международных договоров, ни в одном договоре или законе не найдено ни одного пункта, который отдавал бы какое-либо предпочтение римскому купцу

или торговке. Все эти договоры настаивали на открытии портов как для Рима, так и для его союзников, и поскольку некоторые из его союзников были торговыми государствами, они не только выиграли, но и извлекли выгоду до такой степени, что сохранили свое прежнее положение ведущих торговцев в Средиземноморье. Когда в начале второго века Рим, опасаясь, что Антиох может вторгнуться в Италию, основал гражданские колонии в большинстве южных портов, в каждом случае было по 300 фермеров, получивших землю; они должны были действовать как гарнизоны и оказывать контролирующее политическое влияние в каждом портовом городе, чтобы не допустить проникновения врага. Однако именно коренные греки этих мест продолжали заниматься промышленностью и торговлей под защитой Рима.

То, что в ПUTEОЛАХ, которые имели самую глубокую и безопасную гавань в Италии и которые, как мы видели, на долгое время стали главным портом Рима, Рим разместил всего 300 землевладельцев, действительно является самым удивительным. Греки и кампанцы контролировали торговлю там, как и везде. Тысячи торговцев и бизнесменов, которые распространились из Италии на восток и запад — те, например, кого Митрадат нашел в Азии, те, кто отмечен на надписях на Делосе, который Рим объявил свободным портом в 167 году, те, кто упоминается в речах Веррина как занимающиеся торговлей в Испании и на Сицилии, — почти все южноитальянцы: греки, луканцы и кампанцы. Это объясняет, почему Рим недостаточно заботился о своей торговле, чтобы основать римский морской порт на месте Карфагена, но позволил союзному пуническому городу Утике получать прибыль от торговли римской провинции, почему Римская республика не содержала Остия в исправном состоянии, или не приняла ни одного закона в п. 173 характера защитного тарифа, или не заключила ни одного договора, предоставляющего преимущественные права ее собственным гражданам.²

Это презрение к торговле и промышленности в сочетании с приверженностью к земельной собственности, которое повсеместно проявлялось в обществах, где сильна древняя аристократия, в значительной степени упростило проблемы правительства. Ему не нужно было беспокоиться о тарифных сетках, протекционизме в противовес свободной торговле и борьбе между капиталом и рабочей силой - вопросах, которые отнимают так много энергии у современных правительств. Торговцы, банкиры и промышленники были совершенно вне поля зрения сенатора. Его беспокоили имперские проблемы, мир на десятках границ и деликатные отношения с сотней различных союзников и подданных.

The Equites и государственные контракты. Однако существовал класс бизнесменов, тесно связанный с политикой государства, класс, который брал государственные контракты и, следовательно, был в некотором роде частью государственной службы. После Второй Пунической войны, особенно после того, как были выплачены долги, когда испанские рудники начали приносить хорошую прибыль, когда арендованные общественные земли приносили ренту, Сицилия давала хорошую дань, а от Филиппа и Антиоха поступали военные контрибуции, в казне образовался избыток, который можно было использовать на общественные работы. Цензоры теперь допускают дорогостоящие контракты. Эмилианский путь был проложен от Ариминума до Плацентии, Кассианов путь проложен из Рима в долину По через

Этрурию, большая часть Рима была заасфальтирована, было построено несколько базилик, храмов, портиков и мостов. Поскольку администрация Рима менялась так часто, постоянное бюро общественных работ организовать не удалось; поэтому цензоры передали эти обязанности подрядчикам. Однако, поскольку лишь немногие люди обладали достаточным капиталом для заключения крупных контрактов, подрядчикам было разрешено создавать корпорации и накапливать капитал путем выпуска того, что мы могли бы назвать акциями 174 и stocks (то, что римское право еще не разрешало для целей частного бизнеса). Когда работа будет завершена, государство выплатит контрактную цену, прибыль будет распределена между акционерами, а компания распадется. Катонский период был очень процветающим для таких компаний, и римлян, у которых был какой-либо свободный капитал, поощряли инвестировать в их акции. Полибий уверяет нас, что все римляне любого уровня могли инвестировать таким образом. Поскольку бизнес велся за государственный счет, он считался выше уровня частного бизнеса, а на организаторов компаний смотрели как на солидный класс, достойный чести.

Позже эти компании поддались искушению заняться черным бизнесом по сбору провинциальных налогов-, и это принесло им дурную репутацию. Но в настоящее время сицилийская десятина собиралась местными жителями, в то время как испанская, африканская и македонская дань представляла собой фиксированные суммы, присылаемые их собственными правительствами. Во времена Катона компании, незагрязненные иностранным бизнесом, имели хорошую репутацию. Контракты, которые они заключали, были допущены цензурами, набранными из лучших государственных деятелей Рима, лишенных политического влияния, и поскольку работа выполнялась в Риме или поблизости, где каждый гражданин мог за ней наблюдать, работа была выполнена честно. Компании, построившие мосты Эмилианской и Фламиниевой дорог, проложившие дорожное покрытие Аппиевой дороги и возведшие каменную кладку Марцианского акведука, заслужили высочайшее уважение и получили его. Мы все еще можем судить о совершенстве их работ по значительным остаткам. Их не следует заставлять разделять осуждение рыцарских отрядов, которые столетие спустя запачкали свои руки нечистой политикой, чтобы контролировать использование провинциальной десятины на востоке.

Латифундия. Капитал, однако, вложенный в эти компании, в конце концов, составлял всего один или два процента от общего богатства Рима. Именно инвестиции в землю всегда и везде привлекали римлян в первую очередь. Сельское хозяйство, к сожалению, p175 имело тенденцию к накоплению крупных поместий, отчасти потому, что оно так склонно к этому. Во всех странах сообразительные фермеры, знающие наилучшие методы, склонны прогрессировать и накапливать несколько ферм, затем, экономя на "накладных расходах", они увеличивают свою прибыль за счет мелких собственников. Эта тенденция особенно очевидна, когда земля начинает истощаться, а специальные навыки, новые методы севооборота и внесения удобрений, а также внедрение новых культур требуют вложения определенного капитала. Накоплению еще больше способствовали в Риме обычаи наследования, которые своим происхождением были обязаны римской гордости за

семью. У римлян, конечно, не было закона о первородстве, подобного тому, который объединяет поместья в некоторых современных государствах, но они редко делили собственность по завещанию. Чтобы обеспечить его передачу в целости, они обычно указывали только ту долю его стоимости, которая должна быть у каждого ребенка, и это позволяло одному выкупить доли других при окончательном расчете и, таким образом, сохранить имущество в целости. Таким образом, поместья часто переходили из поколения в поколение нетронутыми или расширялись. Такой рост крупных хозяйств, естественно, влечет за собой уменьшение мелких.

Но самые серьезные трудности в Италии возникли как наследие Пунической войны. Обширные площади, которые тогда были опустошены, как мы наблюдали ранее, были сданы в аренду большими блоками любому, кто мог или хотел их занять. Бедные люди, однако, вряд ли могли бы инвестировать таким образом далеко от дома. Большинство участков нуждались в развитии или находились так далеко от рынка сбыта, а рабочей силы было так мало, что не было смысла пытаться выращивать на них овощи или зерно. Очевидным решением было купить скот и нескольких рабов для ухода за ним. Рабов можно было купить на греческом рынке, поскольку они прибывали с востока, или их распродавали греки, чьи финансы были в плохом состоянии. Со временем эти арендаторы потихоньку завладели другими незанятыми участками. Это противоречило [закону Лициния](#), который определял • [300югера](#) как максимальный надел любого [человека](#), но поскольку земля была незанята, а римляне верили в "разработку ресурсов", пока никто не возражал. Излишне говорить, что арендаторами часто были сенаторы, которые привыкли владеть землей, получали от этого свои доходы и не могли при желании инвестировать в торговлю. Таким образом, Сенат, который теперь управлял Италией, заинтересовался защитой системы. Земельный вопрос, таким образом, стал политическим вопросом.

Неудачу, которая произошла в результате, легко представить. Когда население Италии оправилось от войн, новое поколение обнаружило, что его возможности упущены. Земли, которые уже были заняты и обрабатывались наименее затратным способом. Несколько отважных молодых людей ворвались в систему, и мелкое фермерство в какой-то степени продолжалось. Но большинство мужчин перебралось в другое место. Некоторые отправились в город, чтобы посмотреть, что можно получить от государственных контрактов, — только для того, чтобы иногда попадать в беду, когда контракты не выдавались. Мы слышим о больших страданиях в Риме в течение столетия. Другие искали возможности за границей. Немало из них мигрировали в Цизальпинскую Галлию и нашли там землю, хотя для этого им пришлось пренебречь своим гражданским кораблем. Поэтому перепись населения показывает такие плохие результаты в этом столетии. В течение первых сорока лет после Второй Пунической войны наблюдался очень медленный прирост населения, но в течение следующих тридцати лет наблюдается сокращение. И это правда, несмотря на то, что серьезных сражений было немного, и что рабы постоянно освобождались и становились гражданами. Это было нездоровое состояние. Италия теперь не поддерживала выносливое старое итальянское потомство, ее работа переходила в руки рабов.

Сельское хозяйство. Методы ведения сельского хозяйства были в целом разумными. Справочник Катона по *сельскому хозяйству* сохранился, так что мы все еще можем оценить их. Такой хороший фермер, как Катон, изучал физические свойства почвы, чтобы определить, для какой культуры она лучше всего подходит, и он изучал потребности рынка, чтобы выращивать наиболее прибыльную продукцию. Он **p177** знал ценность севооборота и особенно настаивал на использовании бобовых растений в севообороте для обогащения почвы, хотя, конечно, не знал, что их ценность заключается в закреплении азота в корнях. Он также признал преимущество вспашки под зеленый урожай фасоли, а также ценность древесной золы и стойлового навоза. Он не совершал ошибки, пытаясь цепляться за методы "домашней экономии", поскольку понимал, что есть вещи, которые другие могли бы вырастить и изготовить дешевле, чем он. Поэтому он специализировался на нескольких наиболее прибыльных культурах с целью продажи продукта на лучшем рынке. То, что он не мог вырастить с пользой, он покупал. Другими словами, он был очень похож на современного фермера-капиталиста.

Хотя у него было большое поместье, он, конечно, не обрабатывал его с помощью большого количества машин, обслуживающих рабочую силу. Инструменты по-прежнему были в основном ручными. На самом деле Катон практиковал не-настоящее "экстенсивное земледелие", а скорее "интенсивное земледелие" в больших масштабах. Причины этого заключаются в том, что использование рабского труда препятствует изобретению трудосберегающих машин, потому что это очень дешево, а также в том, что большая часть земель итальянского полуострова слишком каменистая и неровная, чтобы можно было использовать громоздкие машины.

Одним из преимуществ плантационной системы было то, что при тщательном наблюдении со стороны умных людей земля обрабатывалась более продуктивно, чем невежественными крестьянами, другим было то, что посевы и, следовательно, запасы продовольствия были более разнообразными. Римлянам было полезно отвлечься от своей однообразной пищи, состоящей из злаков. Говядина, свинина и баранина, а также множество новых видов фруктов появились на столах состоятельных-людей, хотя бедняки, которым приходилось жить на заработную плату, сниженную из-за конкуренции рабов, конечно, не могли себе этого позволить. Но мы должны поспешить сказать, что, какие бы преимущества ни заключались в этой системе, они не перевешивали опасности, присущей постоянно растущей массе рабов, которые вытесняли более выносливую расу.

p178 *Рабство.* Рабство всегда существовало в Италии, но до Пунической войны в Риме или его окрестностях было относительно немного рабов. Люди были слишком бедны, чтобы покупать их на рынке, а Рим на заре Республики редко обращал пленников в рабство, потому что войны велись с близкородственными племенами. Из-за нехватки рабов в Риме обращались с удивительной добротой. Если у фермера был раб-латинянин или самнит, и он работал с ним ежедневно, он вряд ли мог быть с ним жесток. Раб ел вместе со своим хозяином и хозяйкой и принимал участие в семейном богослужении. Следовательно, римляне рано переняли обычай отпускать

таких рабов в качестве награды за несколько лет хорошей службы и делать их полноправными гражданами при освобождении.

Однако в катоновский период ситуация начала меняться. В то время многие рабы были пуническими и сирийскими пленниками, которых приходилось охранять и даже заковывать в цепи. Некоторые землевладельцы, жившие в Риме вдали от своих ферм, никогда не видели банды своих рабов и, следовательно, не испытывали к ним никаких личных чувств. За рабами наблюдали доверенные надсмотрщики, единственной обязанностью которых было выжимать из подчиненных как можно больше прибыльной работы. Жестокое обращение стало обычным явлением. Кроме того, стандартным учебником по плантационному земледелию с рабовладельческими бандами была карфагенская книга Магона, книга, в которой подробно рассказывалось о том, как обращаться с рабами. Пуническая практика не отличалась мягкостью в подобных вещах, и эти правила зашли слишком далеко, чтобы усугубить зло, скрытое в системе.

Однако в городе, где рабы вступали в контакт со своими хозяевами, старые обычаи, как правило, сохранялись, с рабами обращались по-доброму, и обычай освобождения практиковался очень свободно — на самом деле, слишком свободно для блага римской цивилизации. Ибо, какими бы достойными ни были эти люди — а многие греческие и сирийские рабы были умнее своих хозяев, — они едва ли могли как граждане питать такое же уважение к римским институтам p179 Одним из наиболее серьезных факторов грядущих изменений в римской морали и нравах было быстрое введение новых запасов снизу из-за чрезмерно щедрого предоставления Римом гражданских прав стольким рабам.

Примечания автора:

¹ Принцип, согласно которому вода стремится к своему уровню, был известен и время от времени применялся. Но поскольку железо было очень дорогим, было сочтено более экономичным поддерживать достаточный уровень воды на арках, чем использовать железо или делать цементные дымоходы подземлей, которые были бы способны выдержать вес желоба • длиной почти семь миль.

² Сборщики налогов имели тарифные льготы, но они, конечно же, находились на службе у государства.

Примечания Тайера:

^a Большое преувеличение: в аквасанта-Терме, всего в 75 милях (121 км) от Рима, есть очень крупные карьеры красивого и износостойкого травертина, например, и в других местах в этом районе. Профессор. Однако на аргумент Фрэнка это не влияет, поскольку эти карьеры находятся по другую сторону Апеннин; автомобильный транспорт был бы затруднен и намного дольше, даже при наличии хороших современных дорог.

^b Работа ведется на месте; абзац § 135.

Глава XI

Римская конституция

Римская конституция середины II века до н.э. была очень высоко оценена Полибием, который был греческим государственным деятелем с глубокими познаниями в политике. Что его особенно восхищало в нем, так это очевидное объединение сильной исполнительной власти (в лице консулов) с аристократическими и демократическими элементами, представленными административным сенатом и первичным законодательным собранием. Он считал, что различные элементы государства в римской форме правления очень благотворно контролировали и уравнивали друг друга. Интересно отметить, что шестая книга Полибия, содержащая этот анализ, оказала определенное влияние, главным образом через французских публицистов 18 века, на формирование Конституции Соединенных Штатов, особенно в том, что касалось теории "сдержек и противовесов" между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. Современный ученый считает, что Полибий преувеличил важность взаимной зависимости нескольких отделов. Полибий не знал, что большая часть полномочий Сената была приобретена путем постепенной узурпации во время войн и что они в любой день могли быть оспорены; и он переоценил достоинства антидемократических элементов, потому что вырос в Греции, где первичные собрания часто вносили хаос в работу правительств.

Даже сейчас несколько сложно описать конституцию 150 года до н.э., поскольку она не была написана и кодифицирована, как наша, а скорее, как в Англии, была продуктом законов и постепенно усвоенной практики, принятой в чрезвычайных ситуациях или навязанной одним элементом государства остальным исключительно силой влияния. Как и в Англии, прецеденты, молчаливо установленные в периоды стресса, вероятно, со временем стали считаться [п. 181](#) столь же авторитетными, как и практика, признанная законом, но мы также знаем, что такие прецеденты с большей готовностью подвергаются нападкам и дезавуируются, чем открыто принятые законы. Гракхи, например, сочли гораздо более легким аннулировать те полномочия Сената, которые были приняты на основании длинной серии прецедентов, чем те, которые были признаны законодательным актом.

При обсуждении этой конституции мы опишем ее так, как ее соблюдал Полибий, предполагая в настоящее время действительность давно установившейся обычной практики. Мы также рассмотрим это применительно к пяти фактическим ветвям власти: 1) избирательной, 2) исполнительной, 3) законодательной, 4) судебной и 5) административной, а не как это обычно делали римские авторы, во главе консулов, сената и народа, или как это более принято в Америке применительно к исполнительным, законодательным и судебным должностям.

Электорат. В Риме, как и в Америке, народ считался суверенным. В то время как в Америке этот суверенитет осуществляется *непосредственно при избрании*

должностных лиц, которые занимаются делами народа, но *косвенно* через своих представителей в *законодательстве*, народ в Риме выражал свою волю непосредственно в первичных собраниях как при *избрании*, так и при *законотворчестве*, за исключением тех случаев, когда они на некоторое время молча согласились с предоставлением Сенату частичных законодательных прав. В настоящее время нас интересует только *электорат*. В выборах могли принять участие все граждане мужского пола призывного возраста. Они голосовали группами по приходам поднятием рук, пока в 139 году н.э. не было введено тайное письменное голосование. Были проведены отдельные выборы для каждого из важных должностных лиц: цензоров (только раз в пять лет), консулов, преторов, эдилов, квесторов и трибунов. При выборах трибунов, квесторов и эдилов народ голосовал по округам (*tribus*) в *comitia tributa*, при этом все голоса округа имели равную ценность, в то время как большинство округов определяли исход выборов. Классификация избирателей в центуриатном собрании, избиравшем цензоров, консулов и преторов, была *стр. 182* более сложной. Здесь выборщики каждого прихода снова были разделены в зависимости от богатства на пять классов, а сами классы были разделены по возрасту на младших и старших. Центуриатное собрание было несколько демократизировано в третьем веке, так что оно больше не находилось под абсолютным контролем первого класса. Действительно, пять отдельных классов теперь имели равное количество голосов. Но собрание по-прежнему носило консервативный характер. Во-первых, высшие "классы", хотя и содержали, естественно, меньше людей, чем низшие, имели одинаковое количество голосов, а во-вторых, "классы" *seniores* (избиратели сорока-шести лет и старше) имели такое же количество голосов, что и "классы" *juniores*, хотя статистика смертности сообщает нам, что у таких классов не могло быть более половины избирателей. Таким образом, мы видим, что богатству и возрасту по-прежнему придавалось большое значение, и мы понимаем, почему эта ассамблея в целом продолжала отдавать предпочтение консервативным кандидатам и почему *новым хоминесам* было так трудно добиться высокого политического признания. Нам кажется странным, что, хотя население настолько боялось аристократических тенденций центуриатного собрания, что возражало против его деятельности в законодательном качестве, оно никогда всерьез не пыталось остановить его деятельность по избранию высших должностных лиц.

Исполнительными лицами в Риме были два консула, избираемых центуриатным собранием сроком на год. Они были -главнокомандующими армией и, по обычаю, от которого Рим жестоко страдал в различных войнах, принимали личное командование на поле боя, даже будучи совершенно лишенными военного опыта. Как высшие должностные лица, они были ответственны за сохранение порядка и надлежащее исполнение законов, и, согласно консервативной теории, которая иногда подвергалась сомнению либералами, они могли в любое время большой опасности взять на себя диктаторские полномочия посредством приказа Сената. Хотя им не было предоставлено прямое право вето в законодательстве, они имели некоторое влияние в законотворчестве, -поскольку только они могли созывать Сенат и центуриатные комиции. Однако в рассматриваемое время, *стр. 183*, все их

полномочия были сильно ограничены Сенатом, поскольку этот орган, состоящий из бывших-магистратов, занимающих свои места пожизненно, настаивал на том, чтобы руководители консультировались с ними по всем важным вопросам. По истечении срока полномочий каждому из них, согласно общепринятому обычаю, была выделена провинция, где, будучи как гражданскими, так и военными магистратами, они управляли с почти неограниченными полномочиями в течение года.

Законодательная власть в это время теоретически принадлежала первичным собраниям (как **центуриате**, так и **трибute**). На самом деле трибуны были настолько склонны препятствовать консервативному центуриатному собранию, что оно редко созывалось, за исключением выборов. В целях ускорения принятия законов для Сената стало обычным приглашать трибунов в Сенат для обсуждения необходимых мер, а когда законопроект, удовлетворяющий все стороны, был согласован, позволить трибунам представить его собранию племени.

Однако не следует думать, что даже это собрание созывалось за исключением случаев крайней необходимости. Люди были слишком заняты и разбросаны по разным местам, чтобы постоянно присутствовать на **comitium**. Появились два экспедиционных механизма для принятия обычных административных мер и совершенствования гражданского и уголовного кодексов. Во-первых, Сенату молчаливоразreshалось во время войн, когда постоянно требовались чрезвычайные меры, отдавать приказы о новых наборах войск, собирать деньги, направлять армии в опасные точки, следить за бюджетом, короче говоря, принимать практически все меры, которые имели отношение просто к администрации. Большинство из этих приобретенных функций Сенату все еще разрешалось выполнять до дня революции Гракхов. Во-вторых, обычные реформы гражданского и уголовного права были проведены преторами, которые председательствовали в судах. Фактически римское право было "создано судьями" даже в большей степени, чем в Америке. Разница лишь в следующем: в то время как в Америке толкование законов **стр. 184** обычно основывается на решениях судов по конкретным делам, толкование римских законов в значительной степени основывалось на общих указах преторов, которым было разрешено в течение срока их полномочий делать официальные заявления относительно того, какие правовые обычаи следует считать устаревшими, а какие новые практики следует применять судам.

Благодаря этим двум приемам собрания были избавлены от необходимости постоянно собираться для обсуждения вопросов, в которых они ничего не понимали. Во времена Катона собрания, как правило, созывались на законодательную сессию только для голосования по вопросам войны и мира, по актуальным конституционным реформам, по предоставлению гражданских прав и по апелляциям в случаях смертной казни.

Судебные функции в значительной степени выполнялись судами преторов. В 149 году Пизон принял закон, устанавливающий сферу деятельности каждого суда, чтобы преторы могли специализироваться — хорошее новшество (которое все чаще внедряется в современных государствах), поскольку преторы занимали свои должности всего год и не имели времени освоить большую сферу деятельности. Вскоре были созданы отдельные специальные суды для рассмотрения

обвинительных актов в плохом управлении провинциями, государственной измене, растрате, убийстве и т.д. Преторы в то время набирали присяжных из числа сенаторов - процедура, которая позволяла выносить разумные решения в большинстве случаев, но которая плохо срабатывала в случаях ненадлежащего управления провинциями, поскольку обвиняемый обязательно был одним из них. Как мы видели, суд был в значительной степени ответственен за развитие законодательства.

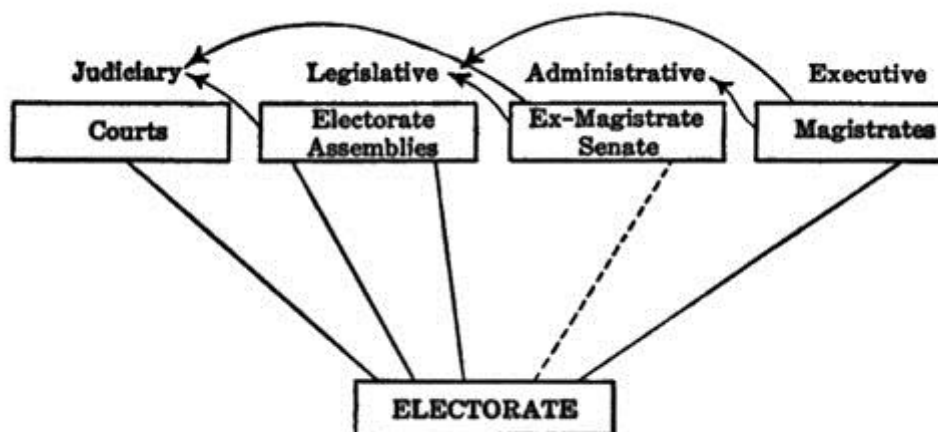
Поскольку теория народного правления всегда была сильна, трибуны продолжали выносить на рассмотрение ассамблеи политические дела, особенно об импичменте магистратов. Это была привилегия, которую народ не хотел делегировать судам, когда на карту было поставлено доброе имя Рима. Более того, по старому обычаю народ не спешил отказываться от права заслушивать обращения граждан по делам о жизни и смерти. В [p185](#) таких случаях собрания вмешивались в судебную систему. Наконец, Сенат, как мы увидим, вторгся в сферу деятельности судов в вопросах, которые касались вопросов сенатского управления.

Пятой функцией правительства является *администрирование*. Обычно это делегируется суверенным законодательным органом министерству или "королю в совете", хотя в Америке это разделяют президент (со своим кабинетом министров) и Конгресс. В Риме Сенат, ранее действовавший как королевский совет или кабинет консула, взял на себя большую часть этой работы, хотя, конечно, народное собрание часто заявляло о своем суверенном праве выполнять административные задачи. Гракх, например, научился использовать ассамблею для принятия административных законопроектов, совершенно игнорируя Сенат. Однако во время великих войн, как мы уже отмечали, и долгое время после этого Сенат осуществлял управление великой империей в той мере, в какой на цензоров, эдилов и про-магистратов не возлагались определенные задачи. Все сенаторы были магистратами и имели большой практический опыт. Следовательно, им можно доверить выполнение этой работы. Они допустили несколько ошибок и из "сенаторской вежливости" совершили правонарушения в пользу своих собственных членов в ущерб невинным подданным. Но так поступают все административные органы. В Риме, конечно, не было органа, который мог бы выполнить эту работу более мудро и щедро.

Узурпация Сенатом судебных и исполнительных функций, обреченная привести к катастрофическим ссорам, произошла именно таким образом. Во время Пунических войн и после них сенаторы исходили из того, что по всей Италии они имеют право изучать факты, касающиеся предполагаемых нарушений закона и порядка. Затем они предположили, что право рассматривать дела подразумевает право выносить приговор. Таким образом, они начали назначать специальные судебные комиссии с широкими полномочиями, и консулы, входящие в их число, выполняли приказы таких комиссий. Таким образом, они рассматривали некоторые дела по [p186](#) предполагаемой государственной измене. Опять же, они чувствовали, что если бы они могли судить консулов и приказывать им привести их решения в исполнение, они также могли бы уполномочить консула взять на себя всю полноту диктаторских полномочий в момент опасности, чтобы защитить государство. Такой приказ

получил название **senatus consultum ultimum**. Примером такого применения было поручение Цицерона Сенату во времена Катилины "следить за тем, чтобы государству не было причинено вреда". Эта практика впервые была серьезно поставлена под сомнение Гракхами.

Взаимосвязь функций в римской конституции может быть, хотя и неадекватно, изображена на диаграмме следующим образом:

Из этой диаграммы следует, что электорат, теоретически суверенный, лежал в основе системы. Он избирал преторов судов и магистратов исполнительной власти; он формировал законодательные собрания и косвенно (через выборы магистратов) определял состав Сената. Линии, обозначенные стрелкой, указывают на дублирование функций. Так, например, хотя суды преторов выполняли большую часть функций судебного департамента, ассамблеи всегда сохранялись, а Сенат приобретал определенные судебные полномочия. Точно так же, хотя собрания были главными законодательными органами, тем не менее председательствующие руководители приложили сильную руку к формированию законодательства, и Сенат взял на себя значительную долю не только в разработке законопроектов для собраний, но и в издании квазизаконодательных **консультаций** в области управления **p187**, признанных принадлежащими Сенату. Наконец, собрания (особенно во времена Гракхов) вторглись в административную сферу, которая обычно контролировалась Сенатом с помощью исполнительной власти.

Было бы совершенно неверно предполагать, что римляне намеренно формировали свою конституцию с целью достижения тех "сдержек и противовесов", которыми так восхищался Полибий. Дело в том, что всякий раз, когда Сенат был силен, он незаметно имел тенденцию к узурпации полномочий в каждом государственном департаменте, в то время как, с другой стороны, могущественные демократические лидеры время от времени пытались обуздать Сенат и расширить функции собрания племен, возглавляемого трибунами. Таким образом, дублирование функций было результатом пережитков и компромиссов, а не последовательного дизайна.

Также нельзя допустить, чтобы диаграмма привела к предположению, что римляне считали свою конституцию созданной для выполнения пяти различных функций правительства. Они лишь смутно и эпизодически осознавали распределение этих функций. Действительно, они обычно продумывали и формулировали конституционные меры со ссылкой на права и привилегии (1) магистратов, (2) Сената и (3) населения. Их устройство может быть схематизировано в соответствии с функциями только потому, что инстинкты римлян в отношении логического разделения были порой более точными, чем их фактическая формулировка.

Стабильность конституции и правительственный здравый смысл римлян подтверждаются почти беспрецедентным фактом: Рим прожил четыре столетия без гражданской войны или насильственной революции. Логически самое слабое место обозначено пунктирной линией. Эта ломаная линия указывает на то, что Сенат не был ответственен перед электоратом, поскольку его члены получили свои места в Сенате в силу выборных должностей магистратуры, а не путем прямых выборов в Сенат, и поскольку они занимали свои места пожизненно. Поскольку теперь Сенат приобрел обширные административные полномочия p188 в государстве, ясно, что электорат, считавший себя суверенным, может когда-нибудь оспорить позицию этого более чем полунезависимого органа.

Рим и провинции. Римская империя теперь состояла из Рима — римского века из тридцати пяти триб в центральной Италии - латинских городов и колоний, союзников в Италии, многочисленных союзных государств в Греции и Азии и, наконец, нескольких провинций, в которых проживали подданные разного ранга. Провинциями были Сицилия (приобретена в 241 году), Сардиния и Корсика (236), Ближняя Испания (организована в 197 году), Цизальпинская Галлия (практически, если не официально), Македония (основана в 146 году) и Африка (146). Условия сильно различались в разных провинциях.

Правительство *сицилии* было передано в руки пропреторов. Римскому претору после его пребывания в Риме продлевали его магистратуру на год, чтобы он мог служить губернатором в провинции. Во втором веке Сенат обычно посылал в эту провинцию отличных людей, и правительство тогда было в целом хорошим. К сожалению, пуническая система землевладельцев, основанная на рабовладельческой культуре сурового типа, продолжалась и при римском правлении, а упор, делаемый на выращивание зерновых культур системой десятины, привел к чрезмерно интенсивному земледелию, что, в свою очередь, усилило зло рабства, а также истощение почвы. Первое серьезное восстание рабов, с которым пришлось столкнуться римскому правительству, произошло в этой провинции, где римских землевладельцев было еще очень мало. Оно вспыхнуло в 134 году под предводительством сирийского религиозного мистика, который собрал под свои знамена 200 000 рабов, прежде чем потерпел поражение от Рупилия в 132 году.

Сардиния и Корсика были гористыми островами, населенными в основном древними остатками до-индоевропейской расы. Карфаген держал только торговые посты на своих побережьях, где велся товарообмен с местными жителями. Рим, конечно, никогда не был удовлетворен тем, что удерживал провинции таким простым способом. Сенат не заботился о торговле и считал своим долгом

установить организованные правительства **p189** на этих островах, чтобы можно было рассчитывать на мужественность провинции, которая примет участие в союзных контингентах римской армии. Таким образом, второе столетие дало множество примеров необразованных экспедиций в глубь страны с целью усмирения деревень туземцев, которым цивилизация была ни к чему.

В *Испании* действовали те же условия. Только юг и восток были в какой-то степени организованы, когда Рим захватил провинцию. Чтобы организовать все в целом, Сенат разделил Испанию на две провинции в 197 году до н.э. и приступил к долгой задаче умиротворения. После многих более или менее успешных попыток с оружием в руках Гракх старший, избрав тактику примирения, пришел к взаимопониманию с большинством племен и установил дань в размере половины десятины годовых продуктов в качестве доли Рима. Но многие испанские племена были против мира и взимали дань. Восстания были частыми, и несколько римских преторов, либо из-за отсутствия сочувствия к варварским обычаям, либо из-за продажности и стремления к военным завоеваниям, восприняли такие восстания как возможность для решительных репрессий. Такое положение дел привело, наконец, в 149 году к всеобщему восстанию многих племен под предводительством Вириата, лузитанского пастуха. Война затянулась без необходимости, потому что Сенат, долгое время недооценивавший ее важность, отправил на поле боя людей низшего звена. Некоторые трудности вызвала конституционная особенность, которую американцы в состоянии оценить. Неоднократно, когда консул на местах заключал мирный договор с испанским племенем, римский сенат, который претендовал на право передавать все договоры, был вынужден политическими врагами консула отклонить или пересмотреть его. Таким образом, испанцы, естественно, пришли к выводу, что римским генералам доверять нельзя. Они думали, что консулы, попав в беду, заключали мир с намерением отказаться от условий, как только прибудет подкрепление. Один типичный случай из многих стал известен в более поздней истории. В 137 году консул Гостилий Манцин потерпел сокрушительное поражение от нумантийцев и спас **в 190 году** свою армию, только подписав договор, предоставляющий Нуманции независимость. Сенат настаивал на том, что ни один консул не имел права заключать такой или любой другой договор. Они отвергли его и передали Манцина нумантинцам, которые, однако, были слишком горды, чтобы принять его. Затем война вспыхнула снова. Эта позорная ситуация продолжалась до тех пор, пока в 134 году Сципион Эмилиан не был отправлен в отставку с разрешением остаться до окончания войны. Это он сделал с экспедицией. Нумантия пала в 133 году, и лузитанское восстание подошло к концу. Во время и после этой войны многие римские солдаты осели в Испании, когда их военная служба закончилась, и благодаря им, хотя никаких колоний еще не было отправлено, большая часть Испании постепенно была романизирована. Во времена Августа латынь стала общепринятым языком на большей части полуострова.

Об организации *Цизальпинской Галлии* нам ничего не известно. Сенат, похоже, позволил тихому проникновению итальянцев для решения тамошних проблем. Итальянцы постепенно оккупировали большую часть страны и организовали

местные органы власти в обычном итальянском стиле. Мы не слышим, чтобы в Цизальпинской Галлии взималась дань.

Македония стала провинцией после подавления вторжения Андриска в 147 году. Проконсул содержал армию для защиты северной границы, где различные горные племена предоставляли возможности правителям, честолюбивым добиться "чести" триумфа. Дань здесь была фиксированной для каждой общины и оценивалась примерно в половину от прежнего королевского налога. Но Рим также получал доход от старых королевских рудников, которые государство передало в общественную собственность. Государственные корпорации добывали их по контракту, получая 50 процентов руды в обмен на работу шахт.

Ситуацию в *Африке* мы рассмотрели выше. Таковы были условия в провинциях. Подданным предоставлялись преимущества мира, даже когда они предпочитали **не иметь их; в целом требования государства были лишь немногим больше того, что требовалось для финансирования провинциальных правительств.....** p191В целом правители, хотя и не сочувствовали темпераменту варварских рас, которыми они управляли, были во втором столетии довольно эффективны. Но соблазнов, которые предлагала великая власть проконсула, недостаточно сдерживаемых из-за удаленности от какого-либо надзора, было много, и постепенно они привели к созданию дурных прецедентов. Губернаторам льстили и устраивали банкеты, и был установлен обычай, согласно которому они и их персонал должны по-королевски обеспечиваться провинциальными сообществами. К чему это привело, мы увидим позже. Новый суд Пизона, созданный в 149 году для защиты провинциалов, был учрежден с благими намерениями, но провинциалам было дорого выступать в Риме; и поскольку этот суд, как и остальные, состоял из сенаторов, которые, вероятно, были личными друзьями губернаторов, справедливый судебный процесс им не гарантировался. Именно по этой причине Гракх исключил сенаторов из состава присяжных в 123 году. Мы увидим, к каким результатам это привело.

Второй век до н.э. был периодом опасных политических экспериментов и быстрых изменений в социальных обычаях и религиозных верованиях. То, что ядро римского политического общества все еще было прочным, очевидно для тех, кто прочтет наблюдения, сделанные греческим историком Полибием. Мы можем процитировать некоторые отрывки из глав 53-7 его шестой книги:¹

"Всякий раз, когда умирает прославленный римлянин, во время его похорон тело со всеми его принадлежностями выносят на форум на Ростру, как там называется приподнятое возвышение, и иногда устанавливают на нем вертикально, чтобы оно было на виду, или, что реже, кладут на него. Затем, когда все люди стоят вокруг, его сын, если он достиг совершеннолетия и находится там, или, в противном случае, один из его родственников, поднимается на Трибуну и произносит **стр. 192** речь о добродетелях покойного и успешных подвигах, совершенных им при жизни. ... После погребения и совершения всех обычных церемоний они помещают изображение умершего на самом видном месте в его доме, над которым устанавливается деревянный навес или святилище. Это подобие состоит из маски, сделанной для изображения умершего с необычайной точностью как по форме, так

и по цвету. Эти подоби́я они демонстрируют на публичных жертвоприношениях, украшенные с особой тщательностью. И когда умирает какой-нибудь выдающийся член семьи, они несут эти маски на похороны, надевая их на мужчин, которые, по их мнению, максимально похожи на оригиналы ростом и другими личными особенностями. И эти заменители предполагают одежду в соответствии с рангом представленного лица: если он был консулом или претором, то тогу с пурпурными полосами; если цензором, то полностью пурпурную; если он также праздновал триумф или совершил какой-либо подвиг подобного рода, то тогу, расшитую золотом. ... Для молодого человека с благородными амбициями и добродетельными устремлениями не могло быть более вдохновляющего зрелища, чем это. Ибо можем ли мы представить себе, чтобы кто-нибудь остался равнодушным при виде всех собранных вместе подоби́й людей, заслуживших славу, всех, так сказать, живых и дышащих? Или что может быть более восхитительным зрелищем?

Помимо того, что выступающий над телом, подлежащим погребению, закончив панегирик этому конкретному человеку, переходит к другим, представители которых присутствуют, начиная с самых древних, и перечисляет успехи и свершения каждого. Благодаря этому славная память о храбрых людях постоянно обновляется; славе тех, кто совершил какой-либо благородный поступок, никогда не позволено умереть; и слава тех, кто сослужил хорошую службу своей стране, становится общеизвестной для множества и частью наследия потомков. Но главное преимущество церемонии заключается в том, что она вдохновляет молодых людей не бояться никаких усилий ради общего блага в надежде обрести славу, которая ожидает храбрецов. И то, что я говорю, подтверждается этим фактом. Многие римляне добровольно вызвались решить исход всего сражения одним боем; немало таких, кто сознательно принял верную смерть, некоторые во время войны, чтобы обеспечить безопасность остальных, некоторые в мирное время, чтобы сохранить безопасность государства. Были также случаи, когда люди, занимающие руководящие посты, предавали смерти своих собственных сыновей вопреки всем обычаям **p193**

Опять же, римские обычаи и принципы, касающиеся денежных операций, лучше, чем у карфагенян. С точки зрения последних, нет ничего постыдного в том, что ведет к наживе; для первых нет ничего более постыдного, чем получать взятки и извлекать прибыль ненадлежащим образом. Ибо они считают богатство, полученное в результате незаконных сделок, таким же предметом порицания, как справедливая прибыль из самого бесспорного источника - похвалой. Доказательством факта является следующее. Карфагеняне добиваются власти путем открытого подкупа, но у римлян наказание за это - смерть. Таким образом, при таком радикальном различии между наградами, предлагаемыми за добродетель у двух народов, естественно, что способы, принятые для их получения, также должны быть различными.

Греческих государственных деятелей, если им доверить хотя бы один талант, хотя бы они были защищены десятью чекистами, таким же количеством печатей и вдвое большим количеством свидетелей, все же нельзя заставить хранить веру; тогда как среди римлян, в их магистратурах и посольствах, люди распоряжаются большими

суммами денег и все же из чистого уважения к своей клятве сохраняют свою веру нетронутый. И, опять же, у других народов редко можно встретить человека, который не лезет в государственную казну и совершенно чист в таких вопросах; но среди римлян редко можно застать человека на месте совершения такого преступления".

Примечание автора:

¹ Перевод Шукбурга.

Примечание Тайера: несколько более свежий перевод Патона **также находится на сайте.**

Глава XII

Реформы Гракха

Общественные земли. Земельный вопрос все больше и больше выдвигался на передний план. Население города быстро росло, набираясь из числа обездоленных фермеров, которых капиталистические фермеры, нанимавшие рабов, загоняли к стене. Бедные люди знали, что государству принадлежало много земли, которую арендовали землевладельцы по низким ценам, и что часть этой земли даже принадлежала "скваттерам", чье право владения основывалось только на том факте, что они заняли землю, когда никто не позаботился о соблюдении лицинианских ограничений. Они помнили, что Фламиний менее ста лет назад инициировал распределение государственных земель в северной Италии, и они знали, что, если однажды будет предложен законопроект, они могут оказаться достаточно сильными, чтобы провести земельный-закон через ассамблею, потому что многие из них все еще были зарегистрированы и могли голосовать в стране своих предков **tribus**. Однако ассамблеи могли голосовать только по законопроектам, внесенным на их рассмотрение председательствующим должностным лицом, и Сенат в течение столетия мог с помощью вето дружественной трибуны добиваться передачи всех предложенных законопроектов в Сенат. Таким образом, очень радикальная мера, которая угрожала сократить имущество отдельных сенаторов, по-видимому, не имела возможности быть поставленной на голосование.

На стороне сенаторов были убедительные аргументы. Они могли бы сказать, что казначейству нужны деньги, предоставляемые арендной платой, что ассамблея молчаливо согласилась со старой земельной политикой, тем самым поощряя землевладельцев тратить деньги на улучшения, что земля была бесполезна, когда была занята, и теперь стоит иметь ее только благодаря улучшениям, произведенным владельцами. Наконец, **p195** было много таких, кто, подобно старому Фабию, считал плохой социальной политикой вознаграждать лень, как они это называли, раздавая новые земли за государственный счет тем, кто когда-то потерпел неудачу как фермер и вяло перебрался в город.

Несколько вдумчивых дворян, таких как Сципион Эмилиан, его ученый друг Лелий, понтифик Муций Сцевола и Тиберий Семпроний Гракх, которые беспристрастно рассматривали этот вопрос с социальной и политической точки зрения, выступали за распределение; и большинство из них призывали Сенат уступить и не допустить возникновения ожесточенной фракционной борьбы. Эти мудрецы выразили сожаление по поводу увеличения числа рабов, которое привело к сокращению числа самых надежных людей Рима - трудолюбивых, бережливых и сильных фермеров; и они призвали Сенат рассмотреть целесообразность увеличения числа фермеров для военных целей, потому что это был аргумент, который Сенат мог понять. Но в основе их радикальных аргументов, несомненно, лежали большие социальные идеалы. Все эти люди были знакомы со стоическими доктринами братства людей, и

они обсуждали эти доктрины с греческими философами Панэцием и Полибием, которые сейчас находились в Риме. У Гракхов действительно был наставник-философ-стоик Блоссий Кумский, которого предоставила им на попечение их мать Корнелия. Эти их греческие друзья, несомненно, рассказали им, как за столетие до этого философ-стоик убедил спартанского царя Клеомена установить общий раздел всех земель между гражданами Спарты. Подобные социалистические идеи витали в воздухе и заставляли вдумчивых римлян задуматься, не зашли ли их старые представления о святости прав собственности слишком далеко.

Предложение Тиберия Гракха. Тиберий Гракх стал трибуном в 133 году и попросил Сенат поддержать законопроект, распределяющий все общественные земли, удерживаемые вопреки законам Лициния, и разрешающий перераспределять их небольшими участками среди бедных. Он предложил возместить арендодателям произведенные улучшения. Сенат отказался. Затем он **на стр. 196** заявил, что будет полагаться на конституционное право собрания, приобретенное в 287 году до н.э., голосовать по этой мере без одобрения Сената. Многие сенаторы, считавшие, что конституции создаются в такой же степени на основе прецедента, как и законодательства, считали революционным пренебрежение нынешними обычаями в пользу очень старого и устаревшего закона. Так оно и было, но юридические власти по-сей день обычно соглашались с Гракхом в том, что суверенный народ должен иметь право отвергать прецеденты, а также законы, которые препятствуют осуществлению суверенной воли. Только суверен является окончательным судьей того, что является конституционным. Действительно, двенадцать таблиц 300-летней давности признавали, что законодательному собранию, принимавшему законы, не могли помешать даже сами кодексы двенадцати таблиц.

Соответственно, Гракх проигнорировал Сенат и вынес свой законопроект на рассмотрение собрания племени. Октавий, трибун, дружественный сенату, наложил на него вето. Затем Гракх, ко всеобщему удивлению, предложил законопроект об отстранении Октавия от должности. Это введение теории "отзыва", ныне знакомой в некоторых наших штатах, также, по мнению сенаторов, было революционным. Как может мировой судья, спрашивали они, бесстрашно выполнять свои обязанности, если его приходится "отзывать" по любой прихоти избирателей? Действительно, римляне всегда считали, что магистраты должны быть безупречны в течение срока своих полномочий, чтобы у них хватало смелости действовать убежденно. Но законопроект был принят, и следует сказать, что в той мере, в какой этот принцип применялся к трибунам, юридическое чутье Гракха было верным. Изначально предполагалось, что трибуны не будут обладать судебной властью, а лишь правом оказывать помощь людям, попавшим в беду. Только по этой причине их число было увеличено до десяти, чтобы они могли действовать в разных частях города одновременно. Когда они присвоили себе право накладывать вето на законодательные акты, они практически уничтожили свою собственную власть, потому что обычно можно было найти одного из десяти, кто благоволил Сенату и препятствовал волеизъявлению народа. Следовательно, единственным логичным ходом было сократить совет из десяти **p197** до одного, фактически или виртуально,

позволив народу решать, за какую трибуну голосовать. Только так суверенная воля могла осуществить свои желания.

Было высказано возражение, что Гракху следовало сначала принять законопроект, легализующий отзыв, а затем применять его. Это было бы более упорядоченно, но римляне часто меняли свои законы, устанавливая свои прецеденты напрямую, позволяя закону выводиться из самого акта. Таким образом, можно признать, что его поступок, хотя он и был революционным, был логичным и соответствовал здоровой теории о том, что собрание является суверенным и не должно быть заблокировано нелогичными наростами обычаев.

Таким образом, Октавий был смещен, а законопроект Гракха принят. В основном это была реконструкция закона Лициния, ограничивающего аренду государственной земли до • 500 **югер** на человека с добавлением половины суммы для каждого из двух сыновей. Похоже, что владения, которые не выходили за установленные законом рамки, должны были быть признаны собственностью владельца, но пункт, возмещающий владельцам убытки за улучшения на незаконно удерживаемых землях, теперь, по-видимому, был отменен. Закон также создал земельную комиссию из трех человек, наделенных полномочиями привлекать незаконные владения и передавать их новым поселенцам небольшими участками • около тридцати **югеров**.

Случилось так, что как раз в это время пришло известие, что царь Пергама Аттал III умер и по странной прихоти, которую трудно объяснить, оставил свое царство Риму. Поскольку Гракх нуждался в средствах для исполнения своего земельного закона и предвидел трудности с получением их от сената, он предложил собранию племени законопроект о передаче наследства Аттала и управлении им. Это снова было решительным вмешательством в управление сенатом, которое могло быть оправдано только строго юридическими, но, конечно, не практическими соображениями. Ассамблея не была приспособлена для административной работы в чужих странах. Но этот законопроект также был принят. Экипированная таким образом комиссия, членом которой был Гракх, приступила к работе и добилась значительных успехов. Поскольку **p198** следующая перепись показывает, что после многих лет сокращения число граждан увеличилось почти на 80 000, то есть почти на двадцать пять процентов, вероятно, что земельный надел примерно в такой степени увеличил число римлян, владеющих собственностью. Очевидно, что этого результата стоило достичь.

Смерть Тиберия Гракха. Поскольку Сенат продолжал свою обструктивную тактику, Гракх счел необходимым переизбраться на следующий срок, что было запрещено законом, учредившим трибуна. Он снова заявил, что народ суверенен и что его воля окончательна в подобных вопросах. Сенат был в негодовании, крича, что Гракх подрывает все гарантии конституции. Следует сказать, что Гракх неосмотрительно вносил свои конституционные изменения, и что Сенат поступил правильно, возражая. Отказ от законодательной власти Сената был необходим, когда Сенат потребовал абсолютного права вето; уменьшение полномочий трибуна препятствовать работе собрания было вполне логичным; но вторгаться в сферу управления, отведенную Сенату, было неразумно, а продлевать срок полномочий

трибуна на неопределенный срок, хотя это и возможно юридически, означало открывать дверь деспотизму. Многие сенаторы желали, чтобы Сенат объявил это государственной изменой и принял **ультиматум сенатского консультативного совета**, уполномочивающий консула вооружить власти и остановить выборы. Когда Сенат не смог прийти к согласию, многие бросились на Форум, чтобы помешать выборам под свою ответственность. За ними последовали орды клиентов, которые, несомненно, потеряли свои должности и собственность из-за земельных законов. Вспыхнул бунт, и Тиберий и многие из его последователей были убиты. Это было практически первое кровопролитие за долгую историю политической борьбы Рима. Мирный опыт прошлого был почти беспрецедентным в политической истории. Но этот день создал прецедент, которому еще не раз предстояло последовать и за который сенаторам более позднего времени пришлось дорого заплатить. Сенат сразу же выбрал людей из своей партии в качестве членов **p199** земельной комиссии, и, таким образом, ее работа была замедлена. Но она не осмелилась поставить под сомнение законность плебисцита. Наконец, Сенат, воспользовавшись судебной властью, которую он получил без принятия закона во время Пунических войн, назначил судебную комиссию для суда над "революционными" последователями Тиберия Гракха. Эта комиссия осудила многих по обвинению в государственной измене и казнила.

Азиатская провинция. Сенат также быстро восстановил свое право управления иностранными делами, взяв на себя управление наследием Аттала и превратив королевство в провинцию, которая называлась *Азия*. Сенат подчинился желаниям Аттала, предоставив греческим городам королевства автономию и иммунитет от уплаты дани. Королевские поместья были большими, и цензорам было приказано сдавать их в аренду за то, что они принесут; сельским районам, населенным восточными крестьянами смешанного происхождения, было приказано платить дань Риму, как в прошлом они платили дань королю. Но Сенат, с характерным нежеланием распространять власть Рима на беспокойные племена, отторг восточную Фригию, передав ее Митрадату Понтийскому, Ликаонию царю Каппадокии и предоставил памфилийским и писидийским племенам свободу плохо управлять собой. Мисия, Лидия и Кария были сохранены в составе провинции. К сожалению, это соглашение просуществовало недолго. Во-первых, претендент на трон, Аристоник, заявил права наследования, и его пришлось изгнать. Некоторые греческие города поддержали его и, соответственно, были покорены и внесены в список данников. А позже Гай Гракх, заявив, что собрание, а не Сенат теперь контролирует администрацию, аннулировал распоряжения Сената и принял меры, которые принесли бы Риму большую дань. Вскоре нам придется изучить его постановления. Здесь нас просто интересует создание в 133 году первой из римских провинций за Эгейским морем.

p200 *Классовая борьба продолжается.* Борьба дома продолжалась порывисто. В 129 году, после того как Сципион Эмилиан попытался добиться компромисса, допустив консулов в земельную комиссию для представления точки зрения сената, он был найден мертвым в своей постели. Нет никаких доказательств того, что он был убит, но **оптиматы**, как называла себя сенаторская партия, распространили обвинение в

том, что он был убит, и неприязнь между классами усилилась. Теперь партия Гракхов начала настаивать на даровании гражданского корабля всем итальянцам, что, несомненно, является предложением программы Тиберия Гракха. В пользу этой меры говорили не только соображения справедливости и мудрости, но и то, что она была направлена на то, чтобы заручиться поддержкой союзников в отношении земельного законодательства, которого они действительно были склонны опасаться, поскольку союзники также внесли свой вклад в незаконное заселение государственных земель. **Оптиматы** ответили на это предложение жестоким законом, изгоняющим всех иностранцев из Рима. Следует признать, что демократическая ассамблея была склонна проявлять либерализм только в вопросах, касающихся их собственной выгоды. Соответственно, когда в 125 году популярный консул Флакк предложил законопроект, предоставляющий избирательное право союзникам, он был отклонен, а одна латинская колония, Фрегеллы, у которой хватило смелости поднять вооруженное восстание в его поддержку, подверглась нападению и была уничтожена как мятежница.

Gaius Gracchus. Гай Гракх, брат Тиберия Гракха, баллотировался на трибунат в 124 году, когда ему было 30 лет. Он получил такое же гуманитарное образование в области греческой истории, философии и литературы, что и его брат, получил гораздо более широкую предварительную подготовку в области политики благодаря своему участию в работе своего брата и наблюдению за ней, и был блестящим оратором, безусловно, самым эффективным оратором своего времени. От природы эмоциональный, он на своем горьком опыте проникся глубокой ненавистью к упрямым сенаторам, ставшим причиной смерти его брата. Во фрагментах его речей мы находим оттенок мстительности, от которой его мать, более взрослая, уравновешенная и дальновидная, предостерегала его **р201**. Это не грех, который мы должны критиковать, если только это не повлияло на его суждения, поскольку римляне ожидали, что человек духа не простит тех, кто убил брата. Это мало повлияло на суть его программы. Его важные предложения были сделаны не из мотивов мести, а для того, чтобы исправить пороки римского общества и римской конституции. Он был одним из самых дальновидных и оригинальных великих реформаторов мира. Провал его реформ объясняется главным образом тем, что его уволили, когда работа была выполнена только наполовину. После его смерти его конституция была подобна наполовину возведенному зданию, которое никто не собирался достраивать. Оставшиеся таким образом стены были бесполезны и лишь добавились к общему обломку.

Плутарх и Аппиан, которые более двух столетий спустя дали единственный сохранившийся отчет о его деятельности, не потрудились расположить его деяния в хронологическом порядке. Поэтому мы не можем оценить ценность некоторых действий, ценность которых во многом зависит от того, что именно происходило до и после. Следующий порядок является попыткой быть хронологическим, но частично предположительным.

Плебисциты Гая Гракха. Одна из первых мер, введенных Гаем, была направлена на уничтожение узурпированной исполнительной и судебной власти Сената, с помощью которой он терроризировал друзей Тиберия после его смерти. Эта мера

подтвердила право граждан на апелляцию в ассамблею в случае вынесения смертного приговора и, таким образом, запретила сенаторские судебные комиссии. На основании этого Попий, консул, предложивший создать специальный суд в 132 году, был объявлен вне закона. Гай также очень рано принял закон о зерне (*lex frumentaria*), предписывающий государству продавать зерно по очень низкой цене всем бедным гражданам. Эта мера подверглась критике как простой подкуп населения за голоса избирателей, и, конечно, это привело к пауперизации в разорительных масштабах. Возможно, Гракх провел этот плебисцит с целью удержать бедных избирателей в городе на своих выборах и собраниях ассамблеи, поскольку Тиберий обнаружил, что бедным крестьянам приходится Но также может быть и так, что он заботился о страждущих до тех пор, пока его планы колонизации и масштабные планы общественной работы не будут реализованы достаточно успешно, чтобы заботиться о бедных более совершенными методами. Недавний опыт доказал, что наиболее консервативные штаты будут принимать законы о хлебе во времена большой опасности, чтобы население оставалось довольным в период напряжения; но это грубый государственный деятель-продолжать такую расточительность по партийным соображениям, когда напряжение спадает. Более того, об идее государственной благотворительности много говорили, особенно в Греции, где в третьем веке производственные возможности общества сокращались. И если Гракх был обращен к таким гуманитарным идеям своим наставником-философом, то соблазн применить их в Риме был велик, поскольку зернохранилища в Риме были полны сицилийской пшеницы, которая принадлежала народу. Почему люди должны голодать, когда им нужно было всего лишь проголосовать за открытие собственных складов? Во всяком случае, Гай хорошо понимал, что если ему удастся принять все свои меры, то вскоре в Риме останется мало неимущих, нуждающихся в государственной благотворительности. Разрушительные результаты этого закона должны быть возложены на плечи тех, кто препятствовал окончательным реформам, а затем продолжал подкупать разочарованное население, еще больше снижая цену. Гракх также восстановил в силе земельный-закон своего брата, отстранив консула от комиссии и предоставив ему все полномочия решать вопросы, касающиеся владельцакорабля. Таким образом, работа по распределению была снова запущена. Противодействие союзников было нейтрализовано обещанием, что он в ближайшее время постарается обеспечить им лучший статус.

Тем временем он держал ассамблею под контролем, пока принимал несколько административных мер. Требовались зернохранилища, и особенно важно было проложить и заасфальтировать дороги. Для процветания поселенцев необходимо облегчить сообщение между недавно заселенными землями и их соответствующими рынками сбыта. И во всех этих законопроектах ассамблея p203игнорировала цензоров, в обязанности которых входило предлагать общественные работы, и Сенат, который претендовал на право контролировать бюджет. Ассамблея поручила эту работу различным комиссиям и советам, возглавляемым самим Гаем Гракхом, и Плутарх рисует трибуна как своего рода коммерческого директора всей корпорации,

который составляет планы, составляет заказы на материалы, сдает контракты и контролирует работу.

Десятина Азии. Чтобы увеличить доходы государства для оплаты такой работы, он изучил источники дохода и обнаружил, что при только что введенной в действие сенаторской администрации новая провинция Азия не давала того, что должна была. Поэтому он заставил ассамблею отклонить решение Сената и принять новое. Восточная Фригия была отбита у Митридата по обвинению в том, что дар был вызван взятками царя некоторым сенаторам, - обвинению, для которого у нас нет убедительных доказательств. Азиатская дань также была наложена на несколько вольных городов. Мы не знаем, каким образом это пренебрежение условиями наследства выглядело оправданным. Но самым большим изменением стало введение контрактной системы сбора десятины вместо системы фиксированных взносов общины Атталидов. Государственным компаниям в Риме было предложено принять участие в аукционе, внести наличные деньги за весь контракт в Риме, а затем собрать с общин одну-десятую часть годовой продукции каждого фермера. Это закон Гракха, который подвергся наиболее суровой критике. Прошло незадолго до того, как компании начали собирать больше, чем им причиталось, и ссужать деньги под ростовщические проценты сообществам, у которых не было наличных денег. На "мытарей", то есть, сборщиков налогов, стали смотреть, и это было справедливо, как на провинциальных пиявок. Однако древние авторы не обвиняют Гракха в том, что он предвидел это зло и намеревался предать провинциалов в руки недобросовестных римских бизнесменов. Его забота о союзниках и провинциалах, похоже, была **искренней**. p204. Закон был ошибкой, но Гай, вероятно, был бы первым, кто исправил бы ошибку, как только появилось зло, если бы он дожил до того, чтобы наблюдать за ним.

На первый взгляд новое устройство показалось хорошим как Риму, так и жителям провинций. Общинам было трудно выплачивать даже небольшую денежную дань в годы засухи, которые были частыми в Азии. В их климате было бы актом милосердия требовать процент от урожая, а не фиксированную сумму, которую было трудно найти в неурожайные годы. И Рим выиграет, поскольку компании будут предлагать цену наличными, так что казначейство будет знать, на что рассчитывать. Предвидеть зло вымогательства было нелегко. Компании выполняли множество государственных контрактов при его жизни и даже под его руководством, и они честно выполняли отличную работу. Почему им нельзя доверять работу за границей? И если возникнут какие-либо злоупотребления, делом проконсула будет жаловаться и защищать интересы общин. Настоящее зло возникло позже, когда система распространилась по всему Востоку. Затем компании стали настолько могущественными, что приобрели сильное политическое влияние, которому проконсулы боялись противостоять. Гай не мог ни желать, ни предвидеть этого. Его закон был призван помочь как общинам, так и Риму, и он был разработан на основе веры, которую он приобрел в государственных корпорациях благодаря своим отношениям с ними. Главное возражение Сената против его меры было основано не на желании помочь жителям провинции, а на том факте, что закон распространял политическое признание на класс богатых людей, которым

дворянство обычно пренебрегало, и что, хотя это была административная мера, она была представлена не Сенату, а ассамблее.

Второй срок правления Кая Гракха. Его программа не была завершена, и он баллотировался на переизбрание - право, которое было предоставлено трибунам по закону после смерти Тиберия. Он победил, но вместе с ним среди его коллег был по крайней мере один враг, месть Ливиус Друзас. Теперь появились два закона [p205](#), которые были призваны исправить злоупотребления сенаторов. До сих пор Сенат ежегодно передавал провинции консулам и преторам, выбирая для консулов наиболее важные из них. Гракх заметил, что Сенат склонен выбирать провинции, не имеющие значения для консулов народной партии. Поэтому он принял закон, предписывающий сенату назначать консульские провинции до выборов. Тогда было бы менее вероятно, что выбор будет сделан в соответствии с партийной линией. Второй закон предписывал, чтобы присяжные-всех судов избирались из официального списка [equites](#), а не из списка сенаторов. [Всадники](#) были 1800 мужчинами из более богатого класса, которые были выбраны цензурой как достойные лошади за государственный счет для службы в кавалерии и офицерском корпусе. Этот институт сохранился с тех времен, когда богатых мужчин отбирали в кавалерию из-за стоимости снаряжения; сейчас они не обязательно служили так, но это различие было сохранено для того, чтобы награждать имущественных людей, которые участвовали в государственных контрактах. Выбор Гракхом этих людей в качестве присяжных был им приятен, поскольку признавал в них квази-дворянство, способное служить, которое до сих пор считалось подходящим только для сенаторов. Как люди, искушенные в бизнесе, они, несомненно, были способными присяжными-, особенно в гражданских делах. Однако особая причина их избрания заключалась в том, чтобы отстранить сенаторов от рассмотрения дел в провинциях, где они проявили пристрастие к проконсулам. Вскоре Рим узнал, что рыцари добьются немногим большего, чем сенаторы, в этом беспокойном суде, хотя этот факт вряд ли можно было предвидеть до сих пор. Трудность оказалась в том, что рыцари, которые часто заключали налоговые контракты после времен Гракхов, должны были находиться в узде у проконсулов, и они нашли в этом суде метод нанесения ударов по тем проконсулам, которые были склонны быть суровыми к вымогателям-сборщикам налогов. Таким образом, закон спас Рим от одного зла только для того, чтобы подвергнуть его другому злу, которое в конце концов оказалось ничуть не лучше. В настоящее время, однако, люди заметили только, что этот закон [p206](#) получил покровительство сената и выделил рыцарей в отдельный класс в государстве.

Колонии. Следующая мера - одна из лучших иллюстраций широты симпатий и дальновидности реформатора. Он предложил создать три колонии совершенно нового порядка. Одну из них предполагалось основать на месте Карфагена, хотя он был проклят и восстановление его было запрещено. Земельные участки должны были быть необычайно большими не только потому, что у римлян должны были быть дополнительные стимулы заходить так далеко, но и потому, что только капиталистическое земледелие могло преуспеть на земле, которая требовала орошения, как это было в Африке. Другая колония была отправлена в Тарент с

целью обеспечить хороший рынок сбыта для фермеров, поселенных в южной Италии Тиберием Гракхом, и возродить торговлю этого старого торгового города; и, наконец, третья колония была размещена в Сциллаце, где начиналась древняя волоковая дорога через "подъем" Италии, когда греческая торговля была в расцвете. Казалось бы, трейдеры все еще боялись "Сциллы и Харибды".

Здесь были схемы экономического развития, которые увеличили бы ресурсы империи. Сенат никогда не заботился о таких вещах. Его оппозиция была необычайно ожесточенной, возможно, из-за патерналистского характера предложения, но, возможно, также из-за того, что он увидел шанс нанести удар по *tribune*, отказавшись от мер, которые не могли сильно заинтересовать городских избирателей. Меры действительно были приняты, но Сенат воспользовался случаем, чтобы превзойти цену Гракха за народную благосклонность и принизить его план, заставив Ливия Друзаса предложить основать двенадцать земельных колоний для бедных в Италии. Этот трюк удался, хотя Сенат и не собирался выполнять свое обещание.

Прежде чем Гракх отправился насаждать свои колонии, он предложил выполнить свои обещания итальянцам. Законопроект обещал всем латиноамериканцам полноправное гражданство (включая тридцать "латинских" колоний) и латинские права всем остальным итальянцам. Это было в духе великих государственных деятелей четвертого века. По всей справедливости и в собственных интересах Рима, это должно было **быть выполнено** p207. Жители тридцати пяти округов представляли интересы всей Италии не больше, чем "прогнившие районы" представляли Англию до 1832 года. Но как эти районы выступили против Закона о реформе того года, так и люди в Риме выступили против Гракха. Их лидеры сказали им, что они не смогут принять выбранные ими законы о земле и зерне, если распространят избирательное право на итальянцев, своих давних-врагов. Один историк недавно сказал, что никогда не было известно, чтобы демократия отказывалась от какой-либо своей власти, пока ее не вынудят сделать это. Долг Италии был подняться сейчас и потребовать гражданского корабля. Гракх был слишком оптимистичен, ожидая, что ассамблея будет столь же щедра в жертвованиях, как и в приеме.

Мало того, что эта мера потерпела неудачу, но и сам Гракх потерял расположение своих избирателей и не смог переизбраться. Заключительная сцена была жалкой. В 121 году, после второго трибуната Гая, Сенат предложил свергнуть колонию в Карфагене. Люди были в **комитете**, собирающемся проголосовать по этой мере. Гракх, очевидно, совершил тактическую ошибку, призвав массы отвлечься от речи трибуна, чтобы послушать его в защиту своей колонии. Это было незаконно, и его противники выдвинули большую часть обвинений. В ходе последовавших беспорядков был убит сторонник Сената. Сенат, полагая или предполагая, что население находится в открытом восстании, принял **ультиматум о консультациях** сената, который, по их мнению, наделял консула диктаторскими полномочиями. Посланец консула призвал Гракха сдаться, но Гракх отказался признать законность **senatus consultum**. Затем консул послал своего телохранителя и отряд критян атаковать толпу. Они не дали пощады, и Гракх в отчаянии покончил жизнь

самоубийством. Говорят, что двести шестьдесят человек пали при обвинении, и многие другие были приговорены к смертной казни сенаторской комиссией, назначенной для вынесения приговора виновным в "мятеже".

Результаты усилий Гракхов. Работа Гракха не была полностью отменена, хотя она была оставлена на том этапе, когда от нее было мало пользы и много вреда. В тот самый год, когда умер Гракх, его земельные наделы стали доступны для продажи, что, вероятно, было хорошим шагом. Неотчуждаемая аренда непривлекательна, и от нее всегда будут отказываться, когда она окажется нерентабельной. Возможно, Гракх хотел только удержать поселенцев на их участках до тех пор, пока они не почувствуют разочарования, как это обычно пытались сделать американские законы о поселениях. В 118 году дальнейшее распределение было запрещено, а комиссия упразднена. Наконец, в 111 году участки были объявлены полностью частной собственностью и не облагались арендной платой. Старые посягательства крупных землевладельцев, несомненно, начались, как только был принят этот законопроект. Тем не менее, за это время было заселено много земель, и многие бедняки были вывезены из Рима. То, что было достигнуто в отношении земель, было исключительно преимуществом.

Однако атака на узурпацию Сенатом судебной и исполнительной власти провалилась. Сам Гракх умер по решению **верховного консультативного совета**, и, чтобы доказать свое конституционное право в этом вопросе, сенаторы представили консула Опимия на суд ассамблеи и, к удовлетворению ассамблеи, доказали, что Сенат действовал законно. Собрание оправдало Опимия и заменило Попилия, тем самым отменив закон Гракхов об апелляции. Именно на этот прецедент опирался Цицерон, когда шестьдесят лет спустя во время заговора катилинариев признал законность **окончательного консультативного совета**.

Чтобы оценить работу Гракха, мы должны рассмотреть его план в целом, а не тот фрагмент, который остался после крушения. Гракх был знаком с греческими конституциями и, по-видимому, находился под влиянием примера Перикла и его умелого использования первичного собрания Греции. На данный момент мы имеем, пожалуй, первое практическое планирование конституции, основанное на сравнительной политике. Но Гракх ни в коем случае не был подражателем, он намеревался создать последовательную римскую конституцию для здоровых римских граждан. Он цеплялся за идею, что электорат является законным сувереном. Он, очевидно, **p209**увидел, что за это должны отвечать все органы государственной власти. Конституция, какой он ее нашел, была вполне последовательной в отношении выборных, исполнительных, законодательных и судебных функций, за исключением неоправданного вмешательства то тут, то там со стороны Сената. Большая непоследовательность заключалась в том факте, что могущественный Сенат, казалось, управлял делами значительной части государства, не будучи непосредственно подотчетным суверенному народу, что он препятствовал осуществлению суверенной воли в законодательстве и начал вмешиваться в судебные и исполнительные дела. Вот почему Гракх нанес удар по Сенату. Он хотел лишить Сенат всех независимых функций, за исключением частичного управления Италией и провинциями, и в этой последней области он должен был получать

приказы от ассамблеи. Отныне не должно было быть ни последних указов, ни судебных комиссий сената, ни препятствования принятию законов, ни оказания личного влияния в судах. Логически он был совершенно прав. Но разве Сенат не был прав, говоря, что у толпы не было ни опыта, ни мудрости для изучения латыни, управления провинциями и принятия решений, когда необходимо военное положение? Мы должны согласиться, что при существующем положении вещей заявление сенатора было правильным. Но Гракх не предполагал, что римская толпа из тридцати пяти подопечных будет продолжать править миром. Он разработал законопроект, который должен был сделать сувереном весь итальянский народ, и который, несомненно, стал бы органом, на который правительство могло бы спокойно опереться — если бы был сделан еще один шаг.

Чтобы обеспечить эффективное волеизъявление народа, столь широко разбросанного по стране, необходимо было бы либо сделать возможным голосование во многих центрах, либо принять представительную систему правления. Теперь нам не сообщают, каким образом Гракх ожидал, что вся Италия примет участие в законотворчестве и выборах: он умер до того, как его итальянский закон был принят. Но было бы несправедливо по отношению к изобретательности этого человека предполагать, что у него не было в голове адекватной схемы, тем более что методы представительного правления были тогда хорошо известны в Риме. **стр. 210** Отец Гракхов был близким знакомым Эмилия Павла, который учредил правительство македонских республик на представительной основе; и греческие ученые, Полибий и Блоссий, могли бы рассказать молодому реформатору, как этот принцип применялся в греческих лигах. Можно только предположить, что он предпринял бы очевидный последний шаг для завершения своих конституционных реформ таким образом, чтобы сделать свою демократию последовательной и практически осуществимой. Этот последний шаг вполне мог спасти Рим.

Однако Сенат вряд ли можно обвинять в попытке спасти себя и гегемонию Рима. Рим организовал Италию и весь мир, почему Рим не может управлять ими? Зачем признаваться в неспособности и призывать Италию к выполнению этой задачи? Но если Рим должен был править, очевидно, что ассамблея была непригодна. Он не мог обсуждать меры, не мог управлять провинциями, ему даже нельзя было доверить судить, когда требовалось военное положение. Если мы согласимся с первыми ограничениями Сената, его аргумент справедлив. Поскольку Гракху не удалось расширить суверенный орган и создать из него эффективное правительственное учреждение, Сенату в настоящее время оставалось только одно - настаивать на предоставлении консультативных прав по всем функциям правительства. Роковым несчастьем Рима было то, что Италии и населению не хватило мудрости и мужества помочь Гракху довести до логического конца его замечательную программу. Когда мы видим, что наша собственная конституция не смогла измениться ни в одной существенной детали с помощью законодательных поправок, в то время как каждая существенная часть ее механизма была вынуждена измениться в соответствии с обычаями, мы понимаем, насколько почти невыполнимой была задача Гракха, и мы менее склонны винить народ в недостатке либеральности, а Сенат - в его упрямой

зависимости от собственных данных. К сожалению, Сенат извлек из своей победы только гордость; но борьба сформулировала проблему настолько ясно, что классовая война наверняка возобновилась. Когда это произошло, эгоистичный военный правитель воспользовался соревнованием и победил обоих соперников.

Глава XIII

Сенат, рыцари и Марий

В течение многих лет после смерти Гракха все классы, казалось, были ошеломлены тем, что произошло. Это было шокирующее открытие, что Рим, до сих пор способный хладнокровно рассуждать перед столкновением страстей, теперь действовал как любая восточная мафия. Вражда между фракциями накалялась, но страх перед крайними мерами, которые привели бы к новой вспышке кровавых беспорядков, поддерживал обе стороны в готовности к компромиссу. Земельные законы были изменены, как мы видели, Сенат не пытался отменить все остальное, что было сделано, и трибуны пока позволили Сенату восстановить свое верховенство в управлении. Однако Сенат знал, что его претензии на корабль-лидер были оспорены прецедентами, которые никогда не будут забыты. Пока существовала Республика, едва ли существовала мера важности, которая не обсуждалась бы с точки зрения вопроса, поднятого Гракхом: был ли народ сувереном или аристократический сенат занял доминирующее положение в правительстве?

Нарбоннская Галлия. За годы мира, последовавшие за 121 годом, Рим постепенно отстроил провинцию в южной Галлии, которая служила воротами в Испанию по суше. В этом деле обе стороны в целом были довольно хорошо согласны. Еще в 153 году Рим помог Марселю — в обмен на многие прошлые услуги — усмирить беспокойных варваров, которые жили в горах у него в тылу и были соучастниками подписания договора, устанавливавшего там суверенитет массилиотов и ограничивавшего виноделие в пользу массилиотской торговли. В 125 году Рим снова пришел на помощь Марселю, на этот раз от набегов аллоброгов и арвернов, и работа по умиротворению, санкционированная сенатом [p212](#), продолжалась в течение карьеры Гая и, несомненно, с его одобрения. Марсель и Рим действовали сообща, понимая, что Рим должен получить полосу завоеванной территории к северу от Марселя для дороги в Испанию. Марсель не заботился о сухопутной империи и желал только мира для торговли. Римская провинция заперла бы ее, но тем самым также обеспечила бы ее защиту, а римская дорога была бы явным преимуществом для ее торговцев. Сенат был заинтересован в обеспечении безопасного военного маршрута в испанскую провинцию, в то время как Гракх имел достаточно широкие взгляды, чтобы оценить его аргументы, а также, возможно, увидеть, что римская торговля, в которую он верил больше, чем Сенат, могла вскоре извлечь некоторую выгоду из строительства дороги. В 121 году Домиций и в 120 году Фабий разгромили Аллоброгов и Арвернов. Они захватили очень малую часть завоеванной территории, но освободили галльские племена в тылу арвернов и заключили договор о дружбе с эдуями. Война завоевала уважение галльских племен к Риму и ее другу Марселю. Провинция Нарбонна была раскинута вдоль побережья, дорога Домициана была построена и заасфальтирована до самой Роны, Толоза стала пограничным постом, а в 118 году была заселена римская колония Нарбо. Эта

колония была основана на идее Гракхов о том, что Рим должен принять участие в торговле Средиземноморья, и это было решено комиссией под руководством Лициния Красса, рыцаря, который представлял новые деловые интересы в народной фракции. Таким образом, его основание является верным показателем растущего влияния деловых кругов в государстве и более готового согласия Сената с их программой, чем это было продемонстрировано этим органом в отношении Карфагена.

Югуртинская война. Однако неприятности с Югуртой в Нумидии снова разожгли партийную рознь до опасной степени. Сын Масиниссы умер в 118 году и по глупости оставил свое царство трем наследникам: двум сыновьям, Адхербалу и Хиемпсалу, и незаконнорожденному племяннику, Югурте. Югурта был энергичным варваром, амбициозным, популярным, очень умелым лидером людей, но не слишком щепетильным. Он командовал отрядом нумидийской конницы в Нуманции, и Сципион Эмилиан и многие влиятельные молодые римляне прониклись к нему симпатией за его безрассудную храбрость. Теперь он думал, что может положиться на дружбу таких людей и завоевать себе Нумидийское королевство. История этой войны очень драматично рассказана Саллюстом, другом Юлия Цезаря, но поскольку Саллюстий выбрал эту тему, потому что это дало ему возможность критиковать правительство сенаторов и оправдывать народное управление провинциями — тема, вызывавшая большой интерес в его время, — мы чувствуем, что должны смягчить светотень его картины. Война вызвала бурную дискуссию, горькие тирады сенаторов и трибунов, которые, конечно же, были опубликованы. Такие речи, которыми свободно пользовался Саллюстий, были столь же достоверны для исторических целей, как и резкие пристрастные речи и передовицы в-наши дни. Многое было произнесено в пылу страсти, на основе циркулирующих слухов, которые более практичный и беспристрастный историк не решился бы повторить. Факты, по-видимому, таковы: Югурта и Хиемпсал сначала поссорились. Хиемпсал был убит, вероятно, по приказу Югурты. Адхербал так и подумал и затеял ссору. Потерпев поражение, он бежал в Рим. Сенат не был заинтересован в королевстве, но, чувствуя, что в его протекторате должен быть установлен мир, он направил комиссию для арбитража. Эта комиссия разделила королевство между Югуртой и Адхербалом. Снова вспыхнула война, Югурта загнал своего двоюродного брата в Цирту (Константин) и осадил его там (113). Снова Рим направил комиссию для установления мира; но комиссия была отложена обещаниями. Саллюстий говорит, что его подкупили. Это, безусловно, было выдвинуто римскими трибунами. Справедливо ли это обвинение — совсем другой вопрос. Естественно, Сенат не хотел вмешиваться с оружием в руках в это автономное королевство; более того, теперь он был обеспокоен угрозой вторжения кимбров на север и не хотел посылать войска в Африку; наконец, Сенат знал, что Югурта был сильным правителем, в котором нуждался такой варварский народ, как нумидийцы. Дискуссия, должно быть, звучала как некоторые недавние споры о предлагаемом признании энергичных президентов в Мексике, захвативших власть силой оружия. В 112 году пала Цирта, Адхербал был убит, город разграблен, и многие римские торговцы из провинции Африка были убиты в схватке. Теперь

Сенату пришлось действовать энергично, особенно после того, как римские трибуны начали обсуждать это дело в качестве наглядного урока сенаторской администрации. В 111 году под командованием Кальпурния Бестии была отправлена армия. Но его армия была небольшой, поскольку Сенат должен был иметь в виду кимвров. На самом деле Кальпурний, похоже, получил приказ делать только то, что было необходимо для спасения репутации Рима, и как можно скорее заключить мир. Что он и сделал. Но трибуны утверждали, что Сенат позорит Рим, заключая какой-либо мир с Югуртой. Меммий, один из них, поднял этот вопрос на собрании и обвинил, что руководители сената, должно быть, были подкуплены. Он предложил и принял законопроект, согласно которому Югурта должен быть вызван в Рим под подписку о невыезде для дачи показаний при расследовании обвинений во взяточничестве. Пришел Югурта, и собрание приступило к забавному суду над Сенатом через голову варварского принца. Когда ему было приказано выступить, другой трибун наложил вето. Столкнувшись с таким препятствием, враги Югурты побудили Масиву, двоюродного брата Югурты, находившегося тогда в Риме, заявить права на трон Нумидии. Югурта, не колеблясь, приказал убить нового претендента. Теперь, конечно, Сенат должен был действовать. Он приказал Югурте покинуть Италию и объявил ему войну. В 110 году был послан консул Альбин, и, не обладая большим военным мастерством, он потерпел поражение от превосходно обученной кавалерии Югурты. Собрание снова подняло шум и, действуя в соответствии с маммийским плебисцитом, учредило специальный суд для суда над виновными. Два последних консула, командовавших в Африке, Кальпурний и Альбин, были "признаны виновными" по обвинению в получении взяток и объявлены вне закона. Цецилий Метелл, лучший полководец p215, принял командование в 109 году. Он привел с собой двух опытных военных : Мариуса, энергичного демократа, и Рутилия Руфа. С армией, обученной этими людьми, он продвигался осторожно и добился нескольких незначительных успехов, но Югурта, воспользовавшись преимуществами своей мобильной кавалерии и пустыни, затянул состязание в партизанской войне. Население Рима утверждало, что ни в ком из знати нельзя найти ни эффективности, ни честности, и когда Марий прибыл из Африки незадолго до выборов и представил себя в качестве кандидата, пообещав, что закончит войну за один год, он был избран, несмотря на противодействие Сената. Действительно, ассамблея осмелилась вернуться к прецеденту Гракхов, взяла управление войной в свои руки и, пренебрегая правом сената тянуть жребий, просто назначила Мария на этот пост.

Марий в качестве консула. Этот странный человек пока не совершил ничего примечательного, чтобы привлечь к себе внимание. Сын землевладельца и рыцаря Арпинума, он бросил сельское хозяйство и занялся активным бизнесом с государственными подрядчиками. Когда молодой человек служил в армии, он показал себя хорошим кавалерийским офицером в Нумантии. Он не боялся работы и учебы, и ему нравилось, когда все делалось тщательно. На самом деле его успех во многом зависел от его способности усердно работать и хорошо выполнять свою работу, используя две или три отличные возможности, которые предоставлял шанс. Вряд ли дело было в блестящих умственных способностях или понимании

государственного деятеля корабля. Будучи трибуном в 119 году, он продемонстрировал свою дружбу к населению в ходе некоторых реформ избирательного бюллетеня, но повиновался своему деловому чутью, а не искушению демагогии, когда выступал против увеличения доли кукурузы. Равнодушный претор в 115 году, он стал пропретором Дальней Испании в 114 году, где приобрел еще некоторый военный опыт в подавлении разбоев. У него не было очень тонкого чувства приличия, иначе он не стал бы агитировать за пост консула, нападая на Метелла, от щедрости которого он p216 Его моральный стержень никогда не был достаточно надежным, когда на карту было поставлено положение.

Волонтерская система. В 107 году он принял командование, за которое его проголосовал народ, и должен был произвести обычный набор войск для усиления армии. То, что он сделал, было не на шутку удивительно. Его не заботил обычный принудительный сбор, но он призвал добровольцев и записал всех, кто казался физически здоровым. До сих пор в Риме каждый молодой гражданин, обладавший собственностью, должен был занять свою очередь, и хотя практика исключения неимущих не соблюдалась твердо, предполагалось, что все граждане должны разделять бремя армейской службы и что те, у кого была собственность, логично были защитниками государства. Причина, по которой Мариус призывал добровольцев, возможно, заключалась в том, что призыв на военную службу привел к тому, что многие мужчины не желали этого, и что с распространением латифундий и рабовладельческого хозяйства набирать армию старого типа становилось все труднее. На самом деле, поскольку армия уже находится в Африке, а на севере требуется много войск, ему, возможно, придется тратить время, ожидая, пока механизм призыва придет в порядок.

Однако его смена была судьбоносной для такого города-государства, как Рим, где центральное правительство могло быть легко сокрушено армией добровольцев, которые, по-видимому, мало интересовались собственностью или благосостоянием государства. Отныне солдаты, очевидно, будут сражаться за то, что было обещано генералом, а не за свои дома и свое государство, и, будучи в значительной степени недовольным пролетариатом, их лояльность будет привязана к тому, кто дает обещания, а не к государству. Марий был первым римским консулом, который награждал солдат землей. Очевидно, его призыв к добровольцам заключал в себе некое обещание большего, чем солдатское жалованье. Рим, возможно, не понял значения этого изменения, и Марий, вероятно, не видел всего подтекста, но именно эта "реформа" армии сделала возможным милитаризм в Риме.

Окончание югуртинской войны. Марий быстро привел p217эту новую армию добровольцев в хорошее состояние и, будучи искусным в военной тактике, вскоре превзошел в маневрах Югурту, который бежал к своему другу, королю Мавритании Бокху. Марий послал своего молодого квестора Суллу в Бокх, чтобы потребовать сдачи Югурты. Этому умному молодому дворянину с помощью угроз и обещаний удалось добиться, и Мариус смог вернуться с триумфом, чтобы показать, что его предвыборные обещания были выполнены. Сулла, который считал, что его собственная роль в окончательном успехе была недооценена, отложил свое недовольство на более поздний день. Сенат распорядился Нумидией в старой

консервативной манере. Бокх получил часть в качестве награды за сдачу Югурты. Основная часть была передана двоюродному брату Югурты для правления, а часть рядом с римской провинцией Африка была присоединена к провинции.

Кимвры и германцы. Марий был переизбран консулом вопреки закону и отправлен собранием на Север, чтобы возместить весьма позорные потери, которые сенаторские военачальники понесли от рук вторгшихся варваров. Мы должны вернуться на несколько лет назад, чтобы уловить нити этой истории. Именно в 113 году римляне впервые услышали о кимврах, еще одной из тех ужасных орд, которые пришли с плодородного севера в поисках южного дома. Очевидно, это было тевтонское племя из Балтийского региона. Спускаясь через Норик (современная Австрия), они попытались проникнуть в долину По с востока. Здесь римская армия двинулась им навстречу, и, несмотря на поражение, она проявила себя так хорошо, что кимвры повернули назад. Два года спустя кимвры вторглись в Галлию, безуспешно пытаясь вынудить кельтские племена освободить для них место. Позже, в 109 году, они послали запрос в Рим о землях в провинции или в Италии и, конечно же, получили отказ, после чего напали на небольшой отряд римского консула на Роне и разгромили его. И снова они сочли разумным повернуть назад. В 107 году они вернулись, усиленные тевтонами и тигуринами. Толоса была взята, и Кассий Лонгин, шедший ей на выручку, попал в засаду и потерпел сокрушительное поражение. Провинция Нарбонна была захвачена. Следующий консул Сервилий, которого население ненавидело за его попытку вернуть сенаторам придворные коллегии, очистил провинцию и отвоевал Толосу, но когда в 105 году его попросили сотрудничать со следующим консулом, популярным лидером Манлием, политические распри подорвали хорошую армию в 80 000 человек, которая пала жертвой врага в позорной битве при Оранже (Араузио).

Марий к этому времени вернулся из Нумидии и поспешил на фронт. Враг снова повернул назад, на этот раз попытать счастья в Испании. Таким образом, Марию было предоставлено время для создания хорошей армии. Теперь он предпринял некоторые новые изменения в армии, пригласив наемных всадников, лучников и пращников из числа принцев-клиентов, и особенно из Лигурии, Крита и Балеарских островов. Такие контингенты отныне составляли регулярную часть римской армии. С помощью легковооруженных войск он мог укрепить римский и итальянский легионы, которые, состоявшие в основном из добровольцев, казались, возможно, менее надежными, чем раньше. Манипула действительно была сохранена, но пять манипул были объединены в сплоченную когорту из 600 человек, и десять из них теперь составляли легион. Марий считал разумным не следовать за врагом в Испанию, а дожидаться его возвращения. Время было потрачено на бурение и прокладку нового торгового канала в устье Роны, что было полезно не только для снабжения его армии из дома и поддержания людей в форме, но и для активной торговли Рима и Марселя, которая сейчас развивается в этой провинции. Мариус смотрел на все это глазами опытного делового человека.

Враг вернулся только в конце 103 года, когда Марий был переизбран на свой четвертый пост консула. Даже Сенат теперь был готов нарушить закон, чтобы избежать ответственности в случае такой большой опасности. По возвращении орды

разделились, кимвры предпочли вернуться по [p219](#) через Швейцарию, чтобы попробовать северо-восточный вход в Италию. Германцы и амброны попытались пройти прямой дорогой мимо Мариа. Он нанес им удар у Акве Секстии, над Марселем, и полностью уничтожил их. В битве такого характера не было и мысли о капитуляции. С варварами были их женщины и дети, и они не просили условий, которые, вероятно, предали бы их в рабство. Марий, который теперь был консулом на пятый срок, вернулся в По, чтобы помочь Катулу, который не смог предотвратить вторжение кимвров. В 101 году два генерала встретились в Верчеллах, недалеко от Турина, и разгромили эту массу так же решительно, как и тевтонов; 120 000 были убиты, а 60 000 взяты в плен и проданы в рабство, главным образом в качестве сельскохозяйственных рабов в итальянских латифундиях. Мы не удивлены, узнав, что двадцать пять лет спустя эти рабы составляли костяк армии рабов Спартака. Отныне Риму в течение 500 лет не приходилось останавливать "народные гуляния" масс в Италии. Юлий Цезарь перенес границу империи по Рейну, когда встретился с Ариовистом в 58 году.

Капиталисты в политике. Еще до окончания войн в Африке и на Севере римляне обнаружили, что новая политическая группа, созданная законодательством Гракхов, становится очень влиятельной. В былые времена "новые" богатые и влиятельные люди рано или поздно пробивались в Сенат. Теперь, когда Гракх предоставил конным капиталистам определенные отличительные должности, привилегии и знаки отличия, они были склонны объединяться в отдельную группу и постепенно развивать [корпоративный дух](#) для своей группы, которая обещала создать постоянную третью партию. И, более того, прибыль от сбора налогов в Азии, а также связанных с ними банковских и торговых предприятий обещала быстро увеличить группу. Ожесточенная фракционная борьба в Риме, приведшая к "Социальной" или "марсианской" войне, была в значительной степени вызвана антагонизмом между сенатом и рыцарями, которые оба постоянно пытались завоевать расположение [p220](#) народа, который, конечно же, контролировал выборные и законотворческие- собрания.

Одним из первых результатов капиталистической власти стало требование подавления пиратства в открытом море ради защиты торговли. Торговый статус Родоса и Пергама до недавнего времени эффективно контролировал восточные моря. Но теперь Пергам принадлежал Риму, и Родос, хотя и по-прежнему обладал флотом, не видел необходимости тратить свои сокровища на политику в отношении морей, которые стали в значительной степени принадлежать римлянам. Более того, Рим совершил ошибку, предоставив независимость южным частям Пергамского царства, жители которого совершенно не привыкли к автономии. В результате многие жители Киликии и Памфилии занялись разбоем и морскими-кочевками; а поскольку римский сенат слишком мало заботился о торговле, чтобы выделять деньги на военно-морской флот, неприятности вскоре достигли огромных размеров. Пираты извлекали особую выгоду из захвата пассажиров, которых они продавали в рабство, а в настоящее время совершали набеги на прибрежные города востока в поисках человеческой добычи. Они даже организовывали экспедиции по похищению людей, совершавшие набеги на внутренние княжества Малой Азии.

Наконец, в 103 году, когда рыцари были особенно могущественны в правительстве Рима, Сенат был вынужден принять меры. Антоний, претор, был отправлен с флотом, большая часть которого была отобрана у греческих военно—морских союзников, для очистки морей. Вскоре ему это удалось, и, чтобы сделать работу постоянной, он официально завладел киликийским побережьем, где проживало большинство преступников, и преобразовал его в новую провинцию. К сожалению, Рим тогда не мог позволить себе послать постоянную армию для зачистки и патрулирования горных районов провинции, так что Помпею пришлось выполнять эту работу много лет спустя.

Война рабов на Сицилии. Косвенно эта попытка выполнить свой долг привела к серьезным неприятностям в провинции Сицилия. Случилось так, что многие из людей, захваченных пиратами и проданных в качестве рабов, были куплены греческими владельцами плантаций Сицилии, чтобы компенсировать потери, понесенные в ходе недавнего восстания рабов. В 104 году сенат приказал римскому губернатору расследовать претензии на свободу, которые предъявляли многие рабы, и освободить тех, кто мог обосновать свои претензии. Когда вскоре рабовладельческое население услышало, что более 800 человек были освобождены, возникло сильное волнение. Все требовали слушания. Проконсул, видя опасность, которой он подвергся, отложил расследование, но теперь было уже слишком поздно. Рабы повсюду отрывались от своих хозяев и собирались в группы, чтобы бороться за свободу. Многие тысячи людей собрались в центральной Сицилии и избрали царем Трифона, другая группа на восточной Сицилии выбрала Афиниона. Армия Трифона атаковала и разгромила наспех собранный легион проконсула, и с численностью, которая вскоре выросла до 40 000 человек, маршировала взад и вперед, освобождая рабов, грабя и сжигая. Лукулл, правитель 103 года, разгромил орду, но не смог взять штурмом крепость повстанцев в Триокале. Позже за это его судили в Риме по нелепому обвинению в получении взяток и изгнали. Сервилий, правитель 102 года, преуспел не лучше, вероятно, потому, что Рим тогда не осмелился отозвать войска с Севера для его поддержки. В 101 году новый наместник Аквиллий, наконец, победил рабов, но потребовалось еще два года, чтобы полностью восстановить мир. Сицилия представляла собой тогда печальное зрелище. К сожалению, опыт греческих землевладельцев с большими плантациями, на которых работали рабы, на Сицилии не был принят близко к сердцу римскими фермерами в Италии. Только поколение спустя аналогичное восстание пришлось пережить в Италии с аналогичными результатами.

Рыцари против сената. — Появление эквестрийских капиталистов как мощной политической группы оказало еще более заметное влияние на внутреннюю политику. Действительно, это полностью изменило характер фракционной борьбы. Гракх использовал рыцарей для усиления народной партии в своей битве с Сенатом. Теперь рыцари часто предпринимали наступление на Сенат, и население, которому принадлежали голоса, соблазнялось то одной, то другой стороной участвовать в борьбе, которая велась у них над головами. Поначалу конкурс был сосредоточен в основном на составе жюри. Рыцари вскоре обнаружили, что, когда римский губернатор держит в узде их агентов, занятых сбором налогов в Азии,

этого крупного чиновника можно обезвредить угрозами судебного преследования перед рыцарским судом присяжных. А вражда между сенаторами и рыцарями была такова, что представители обеих сторон порой оказывались виновны в возбуждении судебных разбирательств по весьма надуманным обвинениям. Мы слишком хорошо знаем по опыту, как на современных городских выборах кандидатам могут быть предъявлены обвинения в неожиданных проступках непосредственно перед днем выборов. Сенаторы особенно хотели вырвать это оружие из рук рыцарей. Соответственно, в 106 году Сервилий Цепион предложил собранию законопроект, допускающий сенаторов в состав жюри присяжных. Чтобы заручиться всенародным голосованием, он и его друзья утверждали, что мера на самом деле была демократической, что истинными друзьями народа, в конце концов, был Сенат, и что рыцари превратились в силу в государстве, которая угрожала отменить конституцию и установить продажный политический диктаторский корабль. Этот аргумент возымел действие, и закон был принят. К несчастью для своего дела, Сервилий Цепион вскоре после этого совершил грубую ошибку, вызвав тем самым отвращение в народе к его закону. Как мы видели, будучи проконсулом в Галлии, он упрямо отказывался помогать своему начальнику, популярному консулу Манлию, когда последний подвергся нападению кимвров, в результате чего римские войска потерпели позорное поражение. В следующем 104 году рыцари воспользовались случаем, когда весь Рим был взбудоражен горем и яростью, и отстранили Сервилия от командования и от Сената; затем, прибегнув к услугам демагога Главция, они добились отмены закона Сервилия и снова восстановили в правах коллегии присяжных.

p223 *Переворот Главция и Сатурнина.* Эта борьба выдвинула Главция и столь же беспринципного трибуна Сатурнина на видное место, и им двоим пришла в голову идея использовать коалицию рыцарей и народа в попытке контролировать правительство, как это сделал Гай Гракх. Они удерживали рыцарей из-за их антипатии к Сенату, они предлагали усилить свое влияние на население с помощью щедрых хлебных законов и снискать расположение Мария — сейчас на севере — и его ветеранов, предоставив премии, которые, по предположению Мария, он намеревался обеспечить своим добровольцам после войны. Соответственно, в 103 году они предложили провести плебисцит, снизивший цену на государственное зерно со умеренной гракхской цифры в двадцать пять центов за бушель до чисто номинальной цены около четырех центов, и второй плебисцит, предусматривающий выделение определенных африканских земель для распределения — предположительно, солдатам, служившим под командованием Мария в Нумидии. Сенаторы — у которых были некоторые сомнения по поводу состояния казначейства, энергично выступали против законов. Они издали указ о том, что Сенат рассматривает законопроекты, противоречащие интересам государства, и они нашли трибунов, которые наложили вето. Но Сатурнин, возродив теорию Гракхов о том, что собрание представляет суверенную волю Рима, поставил меры на голосование и добился их принятия. Рим снова был чистой демократией по крайней мере на два года.

В 101 году Марий вернулся в Рим великим народным героем после окончательного разгрома кимвров и тевтонов. Он был избран консулом в шестой раз, несмотря на все конституционные запреты на переизбрание на этот высокий пост. Этому переизбранию не было оправдания военными обстоятельствами, и его друзья утверждали, что он пытался избежать его. Причина, по которой он не отказался окончательно, заключалась, возможно, в его желании добиться того, чтобы его солдаты получили обещанную награду — следствие его метода набора добровольцев. Однако он не был лидером людей в политических состязаниях и не обладал государственным видением. Привыкли к работе с людьми, кроме как военным путем, громоздкие слова, p224медленные мысли, неопытного в политических маневров, он вскоре был обсмеян политиков, кто остался дома, обучение игры на форуме время он защищал Рим границ. Главкия и Сатурнин, предложив осуществить его программу, использовали свое видимое влияние на популярного героя в своих собственных целях.

В законодательстве 100 года Сатурнин играл ведущую роль, потому что он был трибуном и мог созывать народное собрание, но вполне вероятно, что претор Главкия был движущей силой. По-видимому, несколько мер были незаконно объединены в единый законопроект (*lex satura*). Одним из них был закон о величестве, который подтверждал полный суверенитет населения, его цель состояла в том, чтобы опровергнуть утверждение Сената о том, что этот орган имел право объявлять плебисциты недействительными по техническим причинам, как это было сделано в 103 году. Другие законопроекты выделяли земли в Галлии для раздачи ветеранам, а также разрешали основание колоний. Наконец, был пункт, который, кажется, был использован сейчас впервые, осуждающий любого сенатора или магистрата, отказавшегося принести присягу в том, что он будет поддерживать закон. Этот пункт наносил удар по самой основе либерального правительства, и даже Марий сначала отказался принести присягу, посоветовав Сенату также отказаться. Но демократическая коалиция была слишком хорошо организована, чтобы распасться. Когда настал назначенный день, Марий сдался, и вместе с ним сдались все остальные, кроме Метелла, который снискал бессмертную славу, выбрав изгнание. Сенаторы обвинили Мария в том, что он просто притворился отказавшимся, чтобы склонить своего врага Метелла к поведению, которое привело бы к его изгнанию. Однако более вероятно, что Марий неправильно рассчитал свое влияние на свою партию и что, когда он обнаружил, что его препятствия бесполезны, он слабо уступил, чтобы сохранить ту небольшую власть, которая у него оставалась.

Кризис в борьбе, наконец, наступил во время выборов. Сатурнин снова баллотировался на пост трибуна и был избран. Главкия обозначала корабль консула. Всадники, теперь напуганные революционной тактикой мужчин, были склонны голосовать за Меммия, более умеренного демократа. p225 Во время голосования сторонники двух кандидатов подняли беспорядки, и Меммий был найден мертвым на Форуме. Это было уже слишком. Сенат собрался наспех и принял устрашающий закон *senatus consultum ultimum*, который объявлял военное положение и наделял консулов диктаторскими полномочиями. Мариус колебался, так как знал, что его

практически призывают отдать приказ о казни его бывших соратников. Однако его солдатский инстинкт убедил его, что пришло время для вмешательства исполнительной власти, если мы хотим добиться уважения к правительству. Сотни граждан были вызваны — поскольку в Риме не было постоянной полиции — принять оружие из общественного арсенала и окружить беззаконных элементов, поддерживающих двух демагогов на Форуме. Сатурнин и Главция были загнаны в Капитолий, а затем Марий убедил их укрыться в здании сената, где консул надеялся удерживать их до тех пор, пока не будет восстановлен порядок. Но его приказам больше не подчинялись. Вооруженные депутаты ворвались в здание сената - процедура, в которой, как говорили, участвовали даже сенаторы и рыцари, - и Главкия, Сатурнин и несколько его сторонников были убиты на месте. Сенат санкционировал этот акт, наградив раба гражданским кораблем при доказательстве того, что он нанес смертельный удар Сатурнину. Марий закончил свой срок полномочий как мог, а затем отправился на Восток, чтобы взять длительный отпуск, его не любили в народе за то, что он покинул свою партию, Сенат презирал его за нерешительность и политическую неспособность.

В течение десяти лет в стране и за рубежом царил мир, в то время как сенат продолжал укреплять свои позиции в правительстве. Консервативные консулы 98 года добились одобрения закона, запрещающего предлагать "сводные законопроекты" — излюбленный прием демагогов, формирующих "блоки", — а также подтвердили старое правило, согласно которому все законопроекты должны быть вывешены за три рыночных дня до голосования. Это был **p226lex Caecilia-Didia**, которым более поздние трибуны часто пренебрегали. Консулы 95 года Л. Лициний Красс и К. Муций Сцевола предприняли попытку остановить узурпацию гражданского корабля со стороны итальянцев. Их закон, знаменитый **закон Лицинии-Муции**, учредил специальный суд для выявления иностранцев, которые незаконно внесли свои имена в списки граждан, и отправки их в соответствующие общины. Весьма вероятно, что отчасти это было сделано для того, чтобы ослабить неуправляемый элемент на собраниях. Последствия закона были далеко-идущими, поскольку изгнанные преступники вернулись домой, чтобы возглавить агитацию за всеобщее избирательное право в Италии. В том же году ведущие сенаторы воспользовались недавно принятым демократическим **законом о величестве**, чтобы наказать Норбана, который сыграл важную роль в возвращении коллегий присяжных рыцарям в 104 году. Рыцари два года спустя ответили, сфабриковав ложные обвинения в неправильном управлении против Рутилия Руфа, который, будучи **легатом** Сцевола в Азии, сделал все возможное, чтобы обеспечить справедливость для жителей провинций против притеснения сборщиков налогов. Присяжные капиталистов в данном случае проголосовали за чистую монету и изгнали одного из благороднейших римлян того времени. Таким образом, рыцари и сенаторы своими мелкими ссорами разрушили союз, который, к счастью, создали для них бедствия 100 года.

Законодательство Друзаса. В 91 году М. Ливий Друзас, трибун и сын того Друза, который сверг власть Гая Гракха, наконец, попытался, воспользовавшись непопулярностью капиталистических судов, вернуть сенаторам полномочия

присяжных заседателей. Он, конечно, знал, что борьба за его законопроект будет ожесточенной. Поэтому он обязался привлечь на свою сторону голосующее население с помощью подач в виде хлебных законов и колониальных распределений, а также ослабить оппозицию капиталистов, предусмотрев прямой допуск 300 рыцарей в Сенат. Эта последняя мера, по его утверждению, все равно даст рыцарям половину мест в жюри присяжных. Компромисс, однако, понравился немногим. **стр. 227** Сенат счел возможным провести судебный закон без уступок: рыцари были достаточно проницательны, чтобы увидеть, что 300 избранных вскоре объединят свои состояния с дворянами и что через несколько лет всаднический орден практически не будет представлен в судах. В результате влиятельная группа в Сенате и большая группа рыцарей, представленная, как оказалось, консулом Филиппом, выступили против законопроекта с такой силой, что его не могли вынести на голосование в течение многих месяцев. Они смогли произвести впечатление на население, повторив обвинение (которое оказалось правдой) в том, что Друзас тайно пообещал итальянцам свою сердечную поддержку в их борьбе за гражданский корабль. На самом деле Филипп прочитал копию предполагаемой клятвы, данной, по его словам, многими тайными клубами итальянцев, которые обязались поддерживать все меры Друзаса, даже революционными средствами.

Друзас, год пребывания которого в должности подходил к концу, предлагал больше стимулов для народного голосования. Помимо всего прочего, он пообещал раздуть и удешевить деньги, выпустив большое количество фиатной валюты в виде посеребренных монет, с помощью которых можно покрыть расходы, связанные с хлебными законами. Весьма вероятно, что валюта Рима была слишком жесткой и что она нуждалась в некотором расширении, но помимо того факта, что во внешней торговле все монеты взвешивались и, следовательно, были бесполезны, если не были честными, у Рима не было удобного способа обменять фиатные деньги, поскольку не было налога для граждан. Это был необдуманный- эксперимент, и его попробовали провести еще раз только во времена Республики.

С помощью таких популярных мер Друз, наконец, добился положительного голосования ассамблеи, но к тому времени он включил в свой законопроект столько всего, что было неприятно как сенату, так и капиталистам, что Сенат счел безопасным объявить его закон незаконным по техническим причинам, и он не вступил в силу.

Друзас, ничуть не обескураженный, представил свой законопроект о предоставлении избирательных прав всем итальянцам, как он и обещал сделать **p228**. Очень сомнительно, что эта превосходная мера могла бы быть принята, если бы ее вынесли на голосование. Народ Рима осознал свою власть и вряд ли был готов делиться ею с массой людей, которые могли бы превзойти их в таких мерах, как хлебные законы. Римские рыцари не имели ни малейшего желания делиться своим контролем над судами и привилегиями в корпорациях, собирающих налоги, с итальянскими капиталистами.- Сенаторские семьи сформировали тесный и небольшой орган, который при существующей системе обычно мог обеспечить своим членам высокие государственные посты. Они не были склонны приглашать дворянство итальянских муниципалитетов для участия в этих должностях. И все же

аргумент в пользу предоставления избирательных прав был настолько разумным, что многие сенаторы поддержали Друза в данном случае. Они знали, что, хотя итальянские союзники теперь обеспечивали более половины римских армий, они не получили ни одного из высоких государственных постов, не участвовали в определении политики Рима и получили очень мало государственных земель, доставшихся государству в результате завоеваний. Они также знали, что римские генералы и чиновники часто оскорбляли солдат союзников и гражданских лиц, которые, конечно, не имели права подавать апелляцию в народное собрание, и что в судебных разбирательствах между римлянами и союзниками дела рассматривались римскими судьями. Наконец, с тех пор, как Фрегелла была репрессирована за свое восстание, чувство недовольства усилилось по всей Италии, и некоторые сенаторы были достаточно благоразумны, чтобы понимать, что может начаться гражданская война, если не будет восстановлено правосудие. Однако, прежде чем законопроект был внесен на рассмотрение, Друзас был убит неизвестным убийцей, и никто не осмелился продолжить его дело.

Глава XIV

"Социальные" и гражданские войны

Социальная война, 90-89 до н.э. Известие о смерти Друза вызвало ужас по всей Италии. Союзники считали, что их последняя возможность заполнить гражданский корабль мирными методами упущена. Клубы, созданные по всей Италии для моральной поддержки Друза, начали обсуждать революционные средства, и немало таких, кто собрал оружие и начал тайно проводить учения. Сенат, услышав слухи об этой деятельности, разослал чиновников по разным городам, чтобы успокоить народ. Один из них, Сервилий, назначенный в район Пицена, так разгневал жителей Аскулума своей бестактностью, что они убили его, а вместе с ним и всех римлян в городе. За известием об этом событии последовало всеобщее восстание, и Рим столкнулся со своей первой великой революцией.

Однако не вся Италия взялась за оружие. Сабиняне, эквийцы и кампанцы были гражданами и поэтому оставались верными Риму. В латинских колониях было много граждан из-за старого положения, согласно которому магистраты таких колоний были *ipso facto* наделены избирательными правами. Следовательно, колонии также оставались лояльными. Кроме того, большинство греческих городов, от Неаполя до Тарента, настолько свободно пользовались торговыми договорами Рима, что оставались дружественными. Восстали восемь племен, использовавших осканские и сабеллийские диалекты: марси, паэлиньи, марручини, френтани, самниты и луканцы, а также остатки вестини и пичентес, которые не были включены в состав римского государства. Следует отметить, что этруски, принадлежавшие к другой расе, и умбрийцы, говорившие на другом итальянском диалекте, не присоединились к первому **восстанию** в 230 году. Языковые барьеры уже тогда определяли границы национальных симпатий.

Новое государство, образованное союзниками, называлось Италия, и Корфиниум, переименованный в Италикум, стал его столицей. Государство приняло консервативную римскую систему с двумя исполнительными консулами, двенадцатью преторами и сенатом из 500 членов, но на этом сходство заканчивается. Из-за своего положения город-государство, подобное Риму, было невозможно в Италии. Территориальное государство, в котором восемь племен составляли федерацию, было необходимо в силу присущих ему условий. И хотя наша информация скудна,¹ мы должны предположить, что правительство не остановилось на первичном собрании, поскольку такая договоренность передала бы контроль в руки людей, которые жили в столице и недалеко от нее. Казалось бы, 500 сенаторов каким-то образом были представителями нескольких племен и что они не только издавали законы, но и выбирали магистратов. Другими словами, Италия, по-видимому, щедро использовала принцип представительного правления в том виде, в каком он был разработан Фламинином и Павлом в Фессалии и Македонии в предыдущем столетии.

К. Помпедий Силон, марсианин, и К. Папий Мутил, самнит, были избраны консулами. Оба были опытными генералами, служившими в союзных войсках римской армии. Многие из преторов также командовали войсками при римских консулах. Весной 90 года до н.э. итальянцы, собравшие более ста тысяч отборных воинов, двинулись на запад двумя основными подразделениями: Помпедий - прямо на Рим, чтобы отрезать Этрурию и Умбрию, Папий - в Кампанию, чтобы отрезать южную Италию. Часть Северной дивизии нанесла поражение римскому консулу П. Рутилию Люпу, который пал в бою. Марий, однако, командовавший отдельной римской дивизией, не позволил **p231** наступающему врагу достичь Латийской равнины. На Юге Папий, которому противостоял римский консул Л. Юлий Цезарь, достиг своей первой цели, прорвавшись через Кампанию и захватив Нолу и Салернум на море. Такие бедствия Рима образумили Сенат, и консул Юлий Цезарь, который понял, что и Север, и Юг могут быть вынуждены присоединиться к врагу, если будут полностью отрезаны от Рима, предложил и провел в жизнь законопроект (**lex Julia**, 90г. до н.э.), предоставляющий гражданство союзникам, которые все еще были верны Риму, и тем, кто немедленно сложит оружие. Это был поворотный момент войны, поскольку многие города сразу же приняли это предложение.

Соответственно, в 89 году успех был на стороне Рима. Кн. Помпей Страбон, отец Помпея Великого, был назначен в северо-центральную армию и вскоре перенес войну в страну противника, захватив Аскулум и вторгшись в земли Марсов. Именно во время службы в этой армии восемнадцатилетним юношей Цицерон впервые встретился с молодым Помпеем. Именно там он научился уважать юношу гораздо более высокого военного звания, чем его собственное, с почтением, которое, к сожалению, сохранилось у него по простой привычке еще долгое время после того, как Помпей перестал его заслуживать.

На Юге, после смерти второго консула Рима, Сулле было поручено главное командование, и в течение года ему удалось не только очистить большую часть Кампании, но и разгромить Папия и вторгнуться в Самний. И теперь Сенат, чтобы быстро закончить войну, предложил через **lex Plautia—Papiria** гражданство всем союзникам в Италии, которые регистрируются у римского претора в течение шестидесяти дней. Эта мера привела к быстрому прекращению организованной оппозиции, и консул Помпей мудро ввел дополнительный закон, который давал гражданство латинским колониям Цизальпинской Галлии и латинские права всем остальным жителям этого региона. Возможно, это был тот случай, **p232**, когда отец Вергилия, живший тогда в Кремоне, стал римским гражданином.

Беспорядки Сульпиция. Итальянцы, которые зарегистрировались — многие пренебрегли этим, — теперь были равны римлянам в армии и в судах, и это было то, чего они больше всего желали, но, как они вскоре обнаружили, их голоса не имели полной ценности по той причине, что новые муниципалитеты были распределены только по восьми, а не по тридцати пяти округам. Мы можем полагать, что это коварное назначение было придумано Сенатом, чтобы помешать амбициозным политикам подыгрывать новым избирателям, поскольку даже во время войны ходили слухи, что некоторые генералы демократических взглядов, такие как Марий, были снисходительны к врагу с намерением завоевать их дружбу для политических

целей. Как показывает продолжение, это сведение к минимуму результатов голосования не только вызвало отвращение у союзников и побудило некоторых из них продолжать восстание, но и дало демократическим политикам Рима программу, в соответствии с которой они обратились за вооруженной поддержкой в последовавших гражданских войнах.

Война поставила в тупик сенаторскую партию, партию действия и "патриотизма". В 88 году Сулла и Помпей Руф, два стойких аристократа, были без труда избраны консулами. Сулла был особенно желанен из-за его военных успехов, поскольку Митрадат, поощрявший римских мятежников, теперь был на грани вторжения в римскую провинцию Азия. По очевидной удаче Сулла, когда был брошен жребий, обнаружил, что ему поручено встретиться с Митрадатом.

Затем в Риме вспыхнула неприличная фракционная драка. Сульпиций Руф, трибун, который до сих пор был лоялен Сенату, оратор замечательной силы, предложил законопроект о распределении новых граждан, а также вольноотпущенников по всем тридцати пяти округам, предоставив им, таким образом, обычные гражданские права. Нет никаких оснований предполагать, что он не был полностью искренен, пытаясь исправить причиненное зло, хотя следует признать, что было бы лучше, если бы он подождал. В любом случае, Сульпиций не обладал достаточной мудростью и самообладанием, чтобы руководить столь опасной программой. Город и вся Италия были охвачены сильным волнением. Трудно понять, как Сульпиций рассчитывал получить за свой законопроект голоса восемнадцати триб, необходимые для получения большинства. Он мог бы разумно рассчитывать на двенадцать, то есть на четыре городских округа, которые вольноотпущенники могли легко контролировать, и на восемь, в которых уже проголосовали новые граждане. Возможно, на некоторые сельские племена, такие как квирина, велина и аниенсис, рассчитывали из-за их ранних связей с сабинянами. Но он не добился никакого прогресса, пока не заключил соглашение с Мариусом, который все еще был достаточно популярен среди ветеранов, чтобы на что-то рассчитывать в день выборов. Мариус не обладал даром стареть изящно. Многочисленные оскорбления, которыми его осыпали сенаторы на протяжении более десяти лет, сделали его ожесточенным и мстительным. Он чувствовал, что, поскольку он неоднократно спасал Рим, ему следовало бы поручить командование на Востоке. Он не мог вынести, что это положение досталось человеку, который ему больше всего не нравился. Соответственно, он предложил использовать свое влияние в пользу нового законопроекта, если Сульпиций добавит пункт о назначении его вместо Суллы командующим войсками на Востоке. Предложение было революционным; ибо, хотя собрание не раз судило и смещало генералов, выбранных сенаторским жребием, и однажды даже отменило регулярное распределение полномочий в пользу Мария, оно никогда прежде не смещало регулярно избираемого и назначаемого консула без предъявления обвинений и по политическим причинам и не выбирало вместо него другого. Среди великой неразберихи, в которой тысячи вольноотпущенников действовали как головорезы на выборах, закон Сульпиция был принят. Нам следует особо отметить появление здесь класса вольноотпущенников, поскольку их участие знаменует собой эпоху в римской политике. Эти

бывшие-рабы, в основном восточного происхождения, были теперь очень многочисленны в Риме. Они были не такого темперамента, как люди, которые в течение сотен лет создавали римскую конституцию. Они принадлежали к расам, которые никогда не были способны [p234](#) создать самоуправляющиеся республики у себя дома, и они никогда не учились искусству самоуправления на Западе. По мере того как их число в Риме увеличивалось, государство приближалось к необходимости автократии.

Sulla's coup d'état. Сулла ответил на незаконный поступок Сульпиция актом столь же революционным. Он двинулся на Рим, силой захватил власть и изгнал Сульпиция и Мария. Сенат по его просьбе объявил этих двоих и еще десять человек вне закона. Марий чудом спасся в Африке, но Сульпиций встретил свою смерть от рук раба. То, что Сулла смог таким образом побудить свою армию войти и овладеть Римом, который никогда прежде не был оккупирован римским оружием, было в значительной степени связано с тем фактом, что римские армии теперь в значительной степени состояли из добровольцев из городского класса "хлебной очереди", и эти люди в немалой степени были вольноотпущенниками. Историческая традиция интересовала их очень мало. Что касается Суллы, его инстинкт, согласно которому долгом консула было подавить революцию конституционной властью, не был ошибочным. Но легкость, с которой он мог использовать растрепанную армию как инструмент в своих собственных руках, не прибегая к конституционным средствам правовой защиты, побудила его прибегнуть к непростительным сокращениям. Этим поступком он продемонстрировал ранее не осознававшийся факт, что в городе-государстве Риме, где жизнь правительства протекала в стенах одного города, любой беспринципный генерал, командовавший армией, лояльной только ему одному, мог по желанию сделать себя автократом Рима. Странно, но именно аристократический лидер, предположительно преданный уравновешенному правительству, первым раскрыл этот опасный факт. Отныне демагогам было суждено воспользоваться этим открытием, открытием, которое в конечном итоге указало путь к диктаторскому кораблю Цезаря и Империи.

Сулла действительно не взял на себя диктаторские полномочия в то время. Он предложил отменить законы Сульпиция, и народ волей-неволей подчинился ему. Затем он предложил закон [p235](#), который запрещал трибунам вносить законопроекты в собрание без одобрения сената, и римляне были настолько поражены, что вынесли даже этот смертный приговор народному суверенитету. Но когда он рекомендовал своих кандидатов на пост консула, народ, уставший от диктатора, отверг их, избрав вместо них Л. Корнелия Цинну, открытого радикала, и К. Октавия, нерешительного сторонника сената. Сулла понимал, что его партия падет, как только он со своей армией отправится на восток, но в нем все еще оставалось достаточно уважения к старым римским традициям, чтобы отдать предпочтение поставленной задаче. Уже поступали отчаянные сообщения об ужасных опустошениях, которые Митридат сеял в Азии, и Сулла поспешил уехать через Брундизий.

Возвращение Мария. Не успел Сулла отплыть, как Цинна вновь ввел закон Сульпиция, уравнивший право голоса вольноотпущенников и италиков с правом

голоса старых граждан, распределив их регистрацию по всем округам. Цинна также призвал вольноотпущенников выйти на Форум. Сенат, теперь ободренный примером Суллы, вооружил дружественные отряды и изгнал Цинну из города как мятежника. Возможно, он ожидал и желал такого поступка, поскольку это разрекламировало его на всю Италию как защитника новых граждан. В 87 году он вместе с Мариусом, который к тому времени вернулся, призвал всех итальянцев на свою поддержку. Большие группы, особенно самнитов, отреагировали, и вся старая ненависть времен Социальной войны вспыхнула снова. Пока Цинна осаждал Рим, Марий штурмом взял Остию, римский морской порт, перекрыв все поставки зерна. Город был вынужден сдаться из-за нехватки продовольствия. Мариус, выросший жестоким в военной жизни, ожесточенный многими годами пренебрежения, а теперь обезумевший от года жизни преследуемого преступника, организовал банду рабов и с ними отомстил, как буйствующий безумец. Ему стоило только указать пальцем на дворян, которых он ненавидел, и убийцы расправлялись с ними. Великий оратор М. Антоний, уважаемый всеми римлянами, К. Катулл, с. 236, с которым Марий одержал победу над кимврами, и консул Октавий были лишь самыми выдающимися из сотен павших в той жестокой резне. Оставшиеся в живых сенаторы были вынуждены отменить законы Суллы и объявить Суллу врагом общества. Цинна и Марий назначили себя консулами на следующий год (86). Таким образом, на семьдесят первом году жизни Марий стал консулом в седьмой раз. К счастью для Рима, он заболел через несколько дней после вступления в должность и трагически завершил свою карьеру. Цинна, однако, продолжал управлять Римом в качестве консула, пока не умер два года спустя.

Война Суллы с Митрадатом. Теперь мы должны следовать за Суллой на восток в его попытке наказать Митрадата. Если читатель обратится к карте эллинистической Малой Азии, он обнаружит там запутанное нагромождение государств и княжеств, которые когда-то были собственностью Персидской империи. Народы были всех рас. Греческие города располагались вдоль Эгейского и Черного морей. В римской провинции Азия проживали смешанные народы, которые были частично индоевропейскими фригийцами, частично потомками семитских, персидских, туранских и более древних племен. За римской провинцией лежала Галатия, анклав кельтов; еще дальше находился Понт на Черном море, независимое государство, которым правил Митридат, а к югу от него - Каппадокия, королевство, "защищенное" Римом. Население этих государств также, по-видимому, представляло собой высокую гибридизацию персидского, хеттского, армянского и других народов. К востоку от всего этого лежала Армения, населенная в основном предками современных армян. Говорят, что Митрадат в свое время правил народами, говорящими на двадцати-одном различных языках.

Этот замечательный царь, которого обычно называют "Великим", взшел на трон Понта в 120 году до н.э. в возрасте двенадцати лет. Блестящий и дерзкий, хотя и не всегда благоразумный, чрезмерно амбициозный, поочередно жестокий и великодушный, он в преувеличенной форме проявляет качества, общие для многих восточных автократов. Однажды прочно утвердившись p237 на своем троне, он начал свою карьеру с расширения своего царства до границ Армении, а затем

вторгся в южную Россию, где скифские крестьяне-зерноводы процветали под влиянием старых греческих колоний, граничивших с Крымом (Херсонес Таврический). Эта земля обеспечивала его наемниками, а также зерном. Затаив обиду на Рим, который сначала отдал его отцу область Фригия, а затем (по совету Гая Гракха) вернул ее обратно, он решил расширить свое государство на запад. В 93 году Риму пришлось противостоять его попытке захватить Каппадокию, и снова в 90 году его вторжению в Вифинию, а также в Каппадокию. Но в 88 году, когда Рим серьезно пострадал в Социальной войне, он воспользовался возможностью (предоставленной агрессией вифинского царя) осуществить свои замыслы. Повторно-захватив Вифинию и пробежав через Галатию, он напал на римскую провинцию Азия, где многие местные жители приветствовали его как освободителя от хищных сборщиков налогов, и той зимой в ходе всеобщей резни, тщательно спланированной, он уничтожил всех римлян и италиков числом до 80 000 человек за один день. Не следует предполагать, что многие римляне на самом деле мигрировали в Азию. На самом деле большинство убитых были южноитальянскими и кампанскими греками, которые долгое время вели судоходство, торговлю и банковское дело между Востоком и Западом и которые из-за своей обширной подготовки в таких вопросах и знания нескольких языков работали мытарем и торговцами в римских налоговых фирмах. Большинство из них были римскими "гражданами" лишь потенциально, в силу закона Юлия, принятого двумя годами ранее. Но резня легла страшным пятном на доброе имя Рима, который так явно не смог защитить свою провинцию. А Сулла в то время едва покинул Италию, направляясь на восток.

Тем временем даже Афины, напуганные, по-видимому, падением близлежащего Делоса, выступили в пользу Митрадата, и последний послал своего полководца Архелая в Грецию с большой армией, чтобы установить понтийский протекторат, если это возможно p238 вплоть до Адриатического моря. Соответственно, Сулле пришлось очистить Грецию от врагов, прежде чем он смог отправиться в Азию. Афины были осаждены, но взяты только в 86 году после нескольких месяцев упорного труда. Народ немало пострадал от грабежей, но Сулла достаточно уважал грамоту, чтобы спасти город ради его прошлого и восстановить его независимость. Затем Сулла встретился с Архелаем при Херонее, разбил армию, в пять раз превосходившую его собственную, и вскоре одолел новую армию, посланную Митрадатом на помощь первой. Тем временем Митрадат подвергся прямому нападению в Азии со стороны римской армии, которую марианцы послали против него, когда отозвали командование Суллы. Митридат предложил Сулле разумные условия мира, но последний, опасаясь предательства со стороны царя, отправился в Азию, чтобы убедиться в безопасности соглашения. Там, в личной беседе, царь отказался от своих завоеваний в Азии, предложил контрибуцию в размере 3000 талантов, отказался от своего флота и согласился отныне ограничиваться пределами своего собственного королевства. Теперь Сулла потребовал от азиатских городов огромной контрибуции в размере 20 000 талантов за их предполагаемое участие в набегах царя и призвал марианские войска покинуть своего полководца и присягнуть ему на верность, что они быстро сделали. Наконец, в 84 году, оставив

легата с двумя легионами во главе провинции, он отправился в Рим, чтобы наказать партию Мариана, удовлетворить свою собственную жажду мести и восстановить сенаторское правление.

Возвращение Суллы и гражданская война. В Риме консулы Цинна и Карбон готовили силы для борьбы с неизбежным, поскольку Сулла научил Рим, что в будущем партийные распри будут разрешаться мечом. Казалось, они вот-вот преуспеют. Новые граждане ненавидели Суллу и, полагая, что их будущий статус зависит от успеха марианцев, добровольно завербовались в армию. Даже когда Сулла дал слово, что больше не будет поднимать вопрос о голосовании, и Сенат, вероятно, по совету Суллы, официально признал марианское распределение избирателей, новые граждане p239заподозрили Суллу в предательстве. Многие сенаторы и капиталисты, которые тянули время с демократами, также опасались возвращения Суллы и ради политики поддерживали партию Мариана. Они заключили мир с нынешним правительством, и им было разрешено сохранить свои должности и собственность. Сулла, известный своей мстительностью и своеволием, мог не только провозгласить себя правительством, но и наказать их как отступников. Таковы были опасения, которые в 85 и 84 годах обещали сплотить силы Италии для успешного противостояния Сулле. Если бы у демократической партии был хоть один хороший полководец, она вполне могла бы победить, и ее успех, несомненно, был бы менее катастрофическим, чем победа Суллы.

Пока Сулла завершал свою работу на Востоке, Сенат, чтобы по возможности предотвратить войну, написал ему письмо, призывающее к мирному компромиссу; но Сулла высокомерно ответил, что он и его армия будут выдвигать свои условия, когда им будет удобно. Тем временем Цинна был убит во время беспорядков, и демократическая партия начала распадаться. Новые консулы, выходцы из старинных семей, Сципион и Юний, но противники Суллы, оказались людьми маломощными и влиятельными. Сулла, вскоре после высадки в Италии, разгромил силы одного и одержал победу над армией другого с помощью подкупов, угроз и хитроумных уловок. Несколько командиров отрядов, среди них Помпей, которому тогда было двадцать-двадцать лет, перешли на сторону Суллы и предложили свои услуги. "Лис" щедро льстил им. Несмотря на свой юный возраст, Помпей получил титул "Великий", который с характерным для него отсутствием какого-либо чувства юмора он принял и лелеял до конца бурной жизни. Двинувшись на север, Сулла разгромил марианцев недалеко от Рима и запер остатки в Пренесте, но не раньше, чем его влиятельные друзья в городе были убиты. Затем он с оружием в руках вступил в Рим и захватил бразды правления.

Однако Италия еще не была умиротворена. Сильные силы p240новых граждан все еще были при оружии, особенно в Этрурии и Самнии. Сулла прошел маршем через Этрурию, безжалостно атакуя глупо руководимые отряды марианцев. Таким образом, у самнитов было время прийти в себя, и, за неимением римского полководца, они собрались численностью до 80 000 человек под знаменем местного вождя Понтия. В безнадежном последнем набеге на ненавистный город банда бросилась вперед. Битва велась весь день и до полуночи за воротами Коллайна. Сулла победил, но с тяжелыми потерями в людях: по 50 000 человек, как говорят,

пало с каждой стороны, и Сулла приказал перебить своих пленников. Самнитский народ теперь представлял собой незначительный остаток. Сулла объявил себя диктатором и начал свою работу с объявления наград за смерть тех, кто выступал против него. В этих списках запрещенных, как говорят, фигурировали имена 4700 человек, из которых очень многие были всадниками и немало сенаторов. Большинство из них погибло от рук рабов и вольноотпущенников, убитых ради кровавых денег, предложенных за их убийство.

За десять лет периодических гражданских войн погибло по меньшей мере полмиллиона трудоспособных римлян и итальянцев. Если мы можем доверять данным переписи, это была примерно одна-треть всех, кто мог носить оружие.

Революционные тенденции. Это десятилетие гражданских войн положило начало смертельной борьбе, которая положила конец демократии в древнем мире. Что же случилось с римлянами, что они утратили способность к самоконтролю? Веками они переходили от одного политического кризиса к другому со спокойной рассудительностью, они улаживали свои разногласия в духе справедливого примирения, они всегда обращались к разуму, прежде чем прибегнуть к мечу. Было бы трудно найти в истории какого-либо государства подобный список бескровных революций. С гражданской войной этот дух компромисса, похоже, исчез, и меч обнажался при каждой провокации. Народы могли бы извлечь пользу из p241этого урока, если бы было возможно определить причины этой перемены в Риме. К сожалению, не существует науки, которая могла бы безошибочно диагностировать болезни правительств и социальных групп. В лучшем случае мы можем только указать на сопутствующее зло, которое, по-видимому, действовало.

К числу наиболее важных из них следует отнести чрезмерную экспансию Рима. Самоуправляющаяся часть государства составляла едва ли один процент от общего числа. Этот правящий элемент в центре становился властным и властолюбивым, забыв о старых привычках справедливого судопроизводства. Обнаруживалось также, что подвластный народ можно было эксплуатировать в финансовом отношении как прямо, так и косвенно. Представители знати начали делать провинциальные команды прибыльными, коммерческие классы разбогатели за счет государственного финансирования и частных предприятий в провинциях, а бедняки ожидали дешевого хлеба из провинциальных доходов. Рим превращался в паразитическое государство, ибо, к сожалению, демократия из всех правительств наименее способна сохранять беспристрастность в управлении подвластными народами: каждый элемент демократии имеет право требовать и получать свою долю прибылей от доминиона. В Риме в первую очередь существование большой подчиненной империи приносило экономические соображения в политику, приучая людей голосовать с оглядкой на карманную книжку и думать о более эффективных средствах, когда голосов было недостаточно.

Кроме того, существование огромной империи требовало содержания больших армий, а армии, как мы видели, были, очевидно, инструментами, готовыми к использованию недобросовестными политиками.

Изменение морального тона в Риме, еще один важный фактор, проследить и оценить сложнее. Греческой философией усердно занимались в течение столетия, и со времен Аристотеля эта философия стала довольно скептической и негативной. Римляне находили во многих популярных книгах подробные аргументы против окончательности утверждений о праве и справедливости. Люди, подобные Сулле, вероятно, **отрицали значимость всех правил долга и откровенно следовали своим собственным желаниям и диктату целесообразности**.стр. 242.

Постоянное накопление семейного состояния также имело пагубные последствия. Во всяком случае, очевидно, что во многих аристократических семьях молодежь, воспитанную в верности, способную удовлетворить любую свою прихоть, никогда не учили сдерживать свои желания и учиться самоконтролю. На политической арене такие люди вырастают эгоистичными, властными и нетерпимыми к ограничениям законов и конституционных форм.

Не последним по важности в списке изменяющих факторов является постепенное изменение расовой принадлежности в Риме. Древний род Италии страшно пострадал в Пунических войнах, в экспансионистских кампаниях на Востоке и Западе, а также в Социальной войне. Римские граждане также следовали путем завоеваний, отправляясь в колонии Гракхов или в провинциальные предприятия по собственной воле, когда система плантаций делала жизнь дома ненадежной. Как мы уже отмечали, их места заняли орды рабов, которые воспитали новую расу вольноотпущенников и, следовательно, граждан. Могли ли эти люди, в основном из легковозбудимых восточных рас, стать настоящими гражданами римской республики? Какими бы острыми и проницательными они ни были, опыт рабства преподавал им уроки личной хитрости, а не политической мудрости. О римской конституции, **mos majorum**, они знали мало, да и заботились еще меньше. Эти господствующие традиции — что автократ никогда не должен восседать на троне в Риме, что люди охотно умирают за свободу, что Рим никогда не признает поражения — были для них бессмысленны. Могли ли они быть латинизированы со временем, мы не можем сказать; мы пока слишком мало знаем о стойкости расовых черт, чтобы строить прибыльные предположения, но весьма вероятно, что существовала жизненно важная и неискоренимая разница в темпераментах между разносторонним, холеричным, суеверным, мистическим и раболепствующим азиатом и тугодумом, сдержанным, рационалистичным и свободолюбивым римлянином, и что **mos majorum**, созданный веками римлянами, не мог быть ни понят, **стр. 243**, ни уважаем новым поколением, пришедшим на смену старому. Не случайно гражданская война началась с требования предоставить вольноотпущенникам полное избирательное право во всех приходах. После принятия конституции Суллы будущие вольноотпущенники снова были на некоторое время ограничены четырьмя округами, но массы, освобожденные Сульпицием и Цинной, впоследствии не могли быть загнаны обратно, и потомки этих людей отныне ничем не отличались от сыновей римских граждан. Одним словом, казалось бы, что худшей болезнью Республики была болезнь, которая опустошила расу, построившую Республику, и которая освободила место народам, которые по темпераменту были неспособны к республиканскому правлению.

Конституция Суллы. Сулла сам был избран диктатором центуриатным собранием в 82 году, и новая должность недвусмысленно наделила его полномочиями переписывать конституцию. Его работы о том, что Конституция раскрывает блестящий ум утратил способность здравомыслящего государственного деятеля-корабль реакционными предрассудками; но его первые предложения показывают, что по крайней мере он не собирался сделать себе постоянный самодержца. Целью его законодательства было установление последовательно консервативной республики, передача законодательной власти сенату и центуриатному собранию там, где это было два столетия назад, и сокращение трибуната и **трибутных комиций** до незначительных позиций, которые они занимали в самом начале, почти четырьмя столетиями ранее.

Состав *сената* был увеличен до 600 человек, у цензоров было отобрано право выбора, а прием в орган стал автоматическим путем избрания на корабль квесторов. Сенату было предоставлено право принимать или отклонять все законопроекты до того, как они были предложены центуриатным комициям. Обязанности присяжных были изъяты у **всадников** и полностью переданы членам Сената.

The *Магистраты* должны были в будущем стать квесторами (2), эдилами (4), преторы (8) и консулы (2), а также кандидаты должны были претендовать на эти должности только в указанном порядке, **p244**согласно старому **закону об анналах**, который недавно был проигнорирован. Консулы не могли баллотироваться на переизбрание в течение десяти лет. Были организованы новые суды для рассмотрения особых категорий дел. Теперь таких **вечных квестионес** было шесть, не считая обычных городских судов и судов peregrinorum. В эти суды преторы года назначались по жребию. Трибуны потеряли всякую инициативу в законотворчестве и наложении вето, и им было запрещено занимать какие-либо должности после того, как трибун покинул свой пост. Сулла желал отстранить честолюбивых людей от должности из опасения, что они могут попытаться реанимировать **трибутные комиции**.

The *центуриатное собрание*, организованное на основе богатства, было возвращено к жизни и превратилось в регулярный законодательный орган, но поскольку этот орган возглавлялся консулами, его редко привлекали к действиям, за исключением мер, одобренных сенатом. **Трибутные комиссии** использовались только для выборов плебейских магистратов.

Эта конституция была более последовательной, чем любая из когда-либо существовавших в Риме до или после, но она безнадежно устарела. Народ, однажды принявший доктрину народного суверенитета, не подчинится олигархическому правлению иначе, как по принуждению. И, унизив как орден всадников, так и народ, это вызвало противодействие, которое неизбежно должно было привести к расправе. Конституция была обречена с самого начала. Однако некоторые из его лучших моментов долгое время оставались нетронутыми: регулирование деятельности провинциальных командований, нескольких судов и состава Сената.

Суровое обращение Суллы с Италией было еще менее мудрым, чем его законодательство. Хотя он не убрал "новых граждан" с их места в 35 племенах, он

полностью отобрал избирательное право у многих городов Этрурии и Самния, которые выступали против него. И не только это, но он конфисковал земли многих из таких городов и раздал их своим солдатам. Этот беспрецедентный акт жестокости взбудоражил весь экономический механизм Италии, поскольку вытеснил хороших производителей нетерпеливыми авантюристами и создал недовольную орду **бездомных крестьян, готовых восстать по любому призыву**.. Вскоре мы обнаружим, что позже Катилина набрал множество рекрутов как из числа обездоленных, так и из рядов неудачливых колонистов армии Суллы.

Провинция Азия , с другой стороны , получила некоторую компенсацию за его жестокие требования 84. Он изменил систему налогообложения, установив сумму, причитающуюся с каждой общины, и разрешив общинам выплачивать эти суммы напрямую, без дорогостоящего вмешательства грабительских римских корпораций.

В 79 году его план был завершен и принят; затем, к удивлению Рима, он сложил с себя полномочия диктатора и удалился к частной жизни недалеко от Неаполя. Вероятно, какой-то остаток уважения к Риму, о котором он читал в "истории", был причиной этого неожиданного акта самоотречения. Однако он не совсем воздерживался от выражения своего мнения своим послушным слугам, занимавшим руководящие посты в Риме; он хорошо знал, что его старые ветераны, имущество которых перешло к нему, прислушаются к любому призыву поддержать его выраженную волю, и что 10 000 рабов запрещенных граждан, которых он освободил, понимали, что их свобода зависит от уважения, с которым относились к действиям их покровителя. У него было достаточно глубоко заинтересованных защитников, чтобы иметь возможность наслаждаться оставшейся частью своей жизни в безопасности. Однако его дни были сочтены. Апоплексический удар, вызванный приступом страсти, свел его с ума среди множества вздохов облегчения в 78 году, в возрасте шестидесяти лет. На его памятнике была сделана надпись, которую он сам сочинил. В нем чувствуется истинный дух мелкого политика: "Ни один друг никогда не делал мне добра, и ни один враг не причинял зла, не получив за это сполна".

Какое облегчение перейти от Суллы к трем молодым людям с более здравым характером, которым суждено было прославиться, и все они сделали свою карьеру во многом благодаря тому отношению, которое они сейчас, в ранней юности, приняли к Сулле и его деяниям. Это Помпей и Цицерон, которым было двадцать-два, когда Сулла **в 246 году**вернулся с Востока, и Юлий Цезарь, который был примерно на четыре года моложе. Помпей достиг высокого положения сначала тем, что собрал армию солдат, служивших под началом его отца, и вместе с ними поступил на службу к победителю. Последний, сочтя его чрезвычайно умелым солдатом, нанял его для зачистки Италии, а затем отправил умирять марианские войска, которые набирали армию на Сицилии и в Африке. В обоих местах юноша проявил себя умелым и чистоплотным, хотя и излишне суровым. В 80 году Сулла позволил ему одержать победу, хотя он не занимал государственного поста и ему было всего двадцать пять лет. Такого раньше никогда не случалось. Уже тогда было очевидно, что Помпей - человек, с которым нужно считаться.

Цицерон был молодым человеком с другим характером. Пока Помпей командовал легионами, Цицерон готовился к общественной карьере на Форуме, читал философию, а в свободные минуты писал стихи. Гражданские войны и проскрипции Суллы пробудили в нем отвращение к кровопролитию, которое с тех пор всегда ослабляло его волю во времена великих кризисов. Когда Сулла все еще находился у власти в 80 году, он был первым, кто предложил свои услуги в суде для защиты молодого человека Росция, которому угрожала смерть от рук беспринципных фаворитов Суллы. Речь, дошедшая до нас, была столь же блестящей, сколь и смелой, и она прославила его. Молодой оратор выиграл свое дело, но счел необходимым покинуть Рим до смерти Суллы.

Цезарь также, хотя и был моложе, привлек внимание Суллы и его неудовольствие. Этот молодой политик вызывал подозрения у аристократической партии, потому что он был родственником Мария и решил подчеркнуть свои связи с демократической партией, взяв в жены дочь Цинны. Сулла, решив, что молодого человека стоит сохранить для своей партии, приказал ему развестись с Корнелией, что, однако, Цезарь отказался сделать. Только благодаря настойчивому вмешательству влиятельных друзей его имя было вычеркнуто из проскрипционных списков. Но Сулла продолжал наблюдать за p247 молодым человеком, в котором, по его словам, "было много от Мария", и Цезарь мудро удалился, чтобы занять должность в армии, сражавшейся в Азии. Из этих трех людей, выросших во времена великой власти Суллы, Помпей больше всего пользовался благосклонностью повелителя, отвергая его методы; Цицерон, испытывающий отвращение к жестокости диктатора и пренебрежению к закону и справедливости, превратил всю свою карьеру в протест против всего, что олицетворял Сулла; в то время как Цезарь, которому больше всего угрожал "старый лис", был тем, кто в конце концов взял на вооружение пример Суллы и, наконец, установил автократию в Риме.

Примечание автора:

¹ Наши источники об этом важном периоде фрагментарны. Доказательства принятого здесь вывода обсуждаются в *"Классической филологии"*, 1919, стр. 547.

Глава XV

От Суллы к Катилине

Сулла едва успел умереть, когда Эмилий Лепид, консул 78 года, предложил отменить все его законы. Другой консул, Катул, стойкий сторонник сената, успешно воспротивился этой мере, но Лепид был настроен решительно и в течение следующего года пытался подавить восстание силой. У него было ядро проконсуловской армии, он легко нашел много добровольных добровольцев в Этрурии среди крестьян, разоренных Суллой; рыцари, хотя и уменьшенные численностью и подорванные влиянием и ресурсами Суллы, оказывали посильную поддержку, и немало знати, отстраненной от должности внутренней кликой Суллы, были готовы приветствовать перемены. Помимо этих пристрастных и личных мотивов, многие считали конституцию Суллы опасно реакционной и ее следует немедленно отменить ради блага Рима. Лепид действительно двинул свою армию на Рим, но Катулу помог практичный полководец Помпей — корабль и разгромил силы повстанцев. Лепид бежал на Сардинию, где вскоре умер; но большое количество его сторонников укрылось в Испании, где Серторий, бывший офицер Мария, уже собрал большие силы изгнанных марианцев и с помощью местных жителей, дружбу которых он быстро завоевал, взял большую часть Испании под свой контроль.

Следующей серьезной проблемой для Сената фактически стало возвращение Испании. Сулла выбрал для этой задачи Метелла, но ему не удалось добиться никакого прогресса. Помпей желал получить командование, но передача империи над провинцией тому, кто никогда не занимал магистратуры, считалась неконституционной. Некоторые действительно опасались, что Помпей извлечет слишком много опасных уроков из своих связей с Суллой и, вероятно, вернется с успешной войны, чтобы потребовать от диктатора отставки, как это сделал Сулла. Успех Сертория, однако, был таков, что Сенат уступил и, нарушая все прецеденты, сделал молодого человека "проконсулом" Испании. Его задача была отнюдь не легкой, поскольку Серторий был не только отличным солдатом, но и пользовался огромной популярностью у местных жителей. Только после того, как Серторий был убит соперничающим офицером Перперной в 72 году, Помпею удалось выиграть решающее сражение.

Спартак. Тем временем среди рабов близ Неаполя вспыхнуло страшное восстание. Во всей южной Италии были обширные ранчо и плантации, на которых работали рабы, а в районе Капуи было много отраслей промышленности, особенно металлургических и бронзовых, где работали мускулистые рабы. Для тяжелой работы на фермах и фабриках использовались военнопленные из варварских стран, поскольку они были слишком неуклюжи для домашних обязанностей. Например, Цезарь случайно заметил своей армии в Галлии, что кимвры и германцы, взятые Марием в плен, были особенно замешаны в этом восстании. Однако главарем был фракийский бандит Спартак, который был взят в плен римской армией и сейчас

проходил обучение в гладиаторской школе в Капуе. Он бежал со многими своими соратниками (в 73 году), укрепился в кратере Везувия, который тогда еще не был активным, и призвал всех рабов к себе на помощь. Когда у него был достаточно большой отряд, он двинулся на юг, собирая другие, пока у него не было силы в 100 000 человек. Римляне не сразу осознали масштабы злодеяния и послали против него недостаточные силы. Оба консула 72 года потерпели поражение. Затем, в 71 году, Сенат отправил Лициния Красса, имевшего военный опыт при Сулле. С шестью легионами он последовал за Спартаксом в Луканию, где в отчаянной битве нанес орде сокрушительное поражение. Около пяти тысяч бежали. Они попытались вернуться в свои северные дома, **p250**но столкнулись с Помпеем, который в то время возвращался из Испании, и были изрублены на куски.

Конец Сулланской конституции. Осенью 71 года Помпей и Красс, оба вернувшиеся домой с победоносными армиями, объявили себя кандидатами на постконсула, и при этом проигнорировали **летопись** Суллы, несмотря на то, что оба были протеже Суллы. Помпей, которому сейчас 35 лет, не занимал государственной должности, в то время как Красс был претором и, следовательно, по закону на два года отстал от должности консула. Более того, эти двое были непримиримыми личными врагами. Правительство решительно выступало против обоих, но не осмеливалось доводить оппозицию до крайности, поскольку сулланских учеников с армиями очень боялись. Однако ни один из них не хотел применять силу. Во всяком случае, Помпей, хотя у него и не было определенной политической платформы и он не знал традиций и не уважал их, верил в юридические формы и желал завоевать доброе имя. Этих двоих свели общие друзья и посоветовали вести агитацию на платформе, которая с наибольшей вероятностью наберет большинство голосов. Платформы мало что значили для обоих; они, конечно, считались сулланцами, но если сулланская конституция стала непопулярной, им показалось разумным объявить себя антисулланцами, что они и сделали. Народ желал возвращения той свободы слова и права инициировать законодательство, которые последуют после возвращения трибунам всей полноты полномочий. Они также хотели снова иметь цензоров, хотя бы для того, чтобы очистить Сенат от склонных к ожирению реакционеров. Кроме того, многие новые граждане, проживающие сейчас в Риме, никогда не были официально зарегистрированы в течение столетий существования **центуриатской комиции**. Их статус был неопределенным, и лучше всего его могли установить цензоры. Рыцари также оправлялись от ужасного обращения и просили вернуть им старые привилегии Гракхов. И в этом их фактически поддерживали несколько сенаторов, которые, к своему огорчению, узнали, что коллегии присяжных заседателей сената так часто голосовали в соответствии со своими пристрастиями, что губернаторы провинций чувствовали себя в безопасности, грабя подданных, которых они должны были **защищать**. В это самое время в Рим доходили удивительные слухи о том, как Веррес, пропретор Сицилии, незаконно вымогал крупные суммы под видом военных поставок, о том, как он покупал зерно для городских зернохранилищ по ценам, установленным намного ниже тех, которые он получал из казны, и как он даже заставлял жителей провинции продавать ему

произведения искусства по номинальным ценам, наводя на них страх намеками на судебное преследование.

Помпей и Красс объявили, что они восстановят в основном демократические институты, и по этой программе они были избраны. Когда они приступили к выполнению своих обещаний, им немало помог Цицерон, который предпринял судебное преследование Верреса и в своих речах разоблачал преступления провинциального правления, ставшие возможными благодаря пристрастности судов сената. Цезарь также принимал активное участие в поддержке Помпея. В серии законов, принятых в 70 году, трибунам были восстановлены их прежние полномочия, трибунское собрание было освобождено от вмешательства сената и консулов, присяжные были реформированы и состояли из трех классов: сенаторов, рыцарей и **tribuni aerarii** (местные чиновники приходов, имевшие рыцарскую перепись без звания). Таким образом, правительство вернулось к громоздкому механизму сдержек и противовесов, который оставили ему Гракхи. Какая упущенная возможность! Сулла, по крайней мере, устранил противоречия и, каким бы реакционером он ни был, оставил машину, которая могла работать. Он, по крайней мере, возлагал всю тяжесть ответственности на олигархический элемент, и если это не удавалось, люди знали, на ком лежит вина. Но Помпей ничего не смыслил в законах и конституциях; он просто дал людям в качестве сделки то, о чем они просили, а они едва ли были достаточно умны, чтобы просить что-либо, кроме того, чем они когда-то обладали. Можно представить себе либерального и умного государственного деятеля, объединившего две ассамблеи в одну, сократившего число десяти трибун до одной, повысившего возрастной ценз примерно на десять лет и **p252**, наконец, внедрив какое-то устройство для письменного голосования по всей Италии, чтобы все избиратели могли разумно участвовать. Но Помпей, с ранней юности состоявший на военной службе, был неспособен на подобные реформы, и, следует опасаться, что другие политики предпочли сложный механизм, которым они лучше всего умели манипулировать. Цезарь, должно быть, был достаточно умен, чтобы найти лучший способ, но Цезарь был чрезвычайно честолюбив, и если он еще не изучил все возможности, то, по крайней мере, вскоре научился использовать все недостатки этого устройства в ущерб своим противникам и как использовать восстановленный трибунал для обеспечения военного командования, которое по примеру Суллы могло рано или поздно возвести его в седло автократа.

Великая Митридатова война. Тем временем в Азии снова бушевала война. В 75 году царь Вифинии Никомед III умер и, подобно Атталу Пергамскому и Птолемею Киренскому, завещал свое царство римскому народу. Что побудило его сделать это, трудно сказать. Вероятно, он понимал, что Митридат попытается захватить его, как уже однажды сделал, и что только Рим был достаточно силен, чтобы предотвратить это. И если он испытывал хоть какое-то искреннее уважение к своему народу, то, несомненно, учитывал тот факт, что римская оккупация, как правило, приводила к прекращению войн и стабильному правительству. Митридат действительно сразу вторгся в Вифинию, и он сделал это с немалой надеждой на успех, поскольку тщательно обучил великолепную армию в 120 000 человек и построил новый флот.

Чтобы укрепить свои позиции, он отправил послов в Испанию для заключения договора с Серторием с целью совместных действий. Он предложил Серторию корабли и деньги, в то время как Серторий, как и любой современный дипломат, подписывающий "секретные договоры", предложил Митрадату несколько городов и племен в Азии, которые не принадлежали ему. В 74 году Рим отправил обоих консулов в Азию с большими силами. Митрадат победил одного из них, Аврелия Котту, но когда он двинулся на Кизик, его осадил другой, Л. Лициний Лукулл, и он был вынужден отступить. Лукулл следовал за ним p253медленно и упорно в течение двух лет, отбивая один отряд за другим, пока царю, совершенно обездоленному, не пришлось бежать в Армению.

Теперь Лукулл вернулся в Азию, чтобы исправить обнаруженные там злоупотребления. Бедствие, вызванное непростительным вымогательством Суллой 20 000 талантов в качестве "контрибуции", привело за прошедшие четырнадцать лет к всеобщему банкротству. Общинам, конечно, приходилось занимать эти деньги, а поскольку города, подверженные капризам Митрадата, нелегко добывали деньги, процентная ставка, как правило, была очень высокой. Ростовщиками, дававшими займы, были в основном банкиры греческих городов на побережье, сирийцы и греки из Южной Италии. Но римские корпорации,-собирающие налоги, также внесли свой вклад, так что Сулла, должно быть, наслаждался замешательством этих компаний, когда вскоре после этого лишил их налоговых-контрактов. Лукулл обнаружил, что долги теперь достигли 120 000 талантов. Как и все римляне, Лукулл верил в священные права собственности, тем не менее у него хватало совести понимать, что римская провинция должна быть защищена от удушения насмерть. Поэтому он объявил процентные ставки непомерными, аннулировал две-третьи долгов и постановил, что остаток выплачивается четырьмя ежегодными платежами без дополнительных процентов. Его радикальное решение сработало как по волшебству, и нам говорят, что общины освободились от долгов за четыре года. Но Лукулл теперь не был так популярен среди римских банкиров, как среди жителей Азии. Конные корпорации Рима приступили к его отзыву, и не может быть никаких сомнений в том, что одним из сильных факторов успеха Помпея над сенатом в 70 году была эта ожесточенная решимость рыцарей избавиться от Лукулла и ослабить сенат, который держал его во главе.

В 69 году Лукулл вернулся к борьбе, поскольку Митрадат заручился поддержкой Тиграна Армянского и собрал еще одну армию. Лукулл выиграл битву при Тигранокерте, не сумев, однако, p254добиться каких-либо уступок. На самом деле, он, кажется, выдвинул необоснованные требования. Снова в 68 году он победил двух царей при Артаксате, но его солдаты не смогли добиться успеха. Они думали, что он избегал разумных условий, чтобы продлить свое командование, и в таком отношении их поощряли тайные эмиссары, посланные его врагами в Риме. В 67 году, пока Лукулл задерживался в Месопотамии, двое из его помощников, удерживавших Понт, потерпели поражение, так что единственное, что до сих пор определенно выигрывалось, было снова потеряно. Из-за недовольства в своей собственной армии Лукулл не осмелился преследовать царя дальше. Известия об этой ситуации было достаточно, чтобы заставить его врагов в Риме действовать.

Коалиция Помпея теперь была у власти, и Лукулл был отозван. Это было к лучшему. Чрезмерная любовь к власти и "славе", порок, присущий слишком многим римлянам, вскружили ему голову. Он мог бы получить справедливые условия в 72 году, если бы не пожелал "расширить римскую империю" и одержать великолепный триумф. Как бы то ни было, Рим в конце концов не был ему благодарен. Он отправил домой орды восточных пленников, которые были куплены для личной прислуги богатых набобов. Дети этих пленников стали будущими гражданами имперского города. Это те люди, которые первыми принесли на запад восточные мистические религии и множество пороков. Что касается Лукулла, то, поскольку доля военачальника в добыче всегда была щедрой, он мог жить в элегантности и роскоши до конца своих дней. И все же для современных интересов, а не для поведения Лукулла важно, что его слава у большинства читателей ассоциируется с выражением "лукулловы банкеты", а не со спасением и организацией провинции.

Помпей и пираты. Помпей, который в целом пользовался благосклонностью деловых людей как преемник Лукулла, теперь был занят очисткой моря от пиратов. Во время "социальных" и гражданских войн восточные пираты стали почти непобедимыми на всех морях. Серторий и Митрадат поощряли их, потому что они препятствовали **коммуникациям** Рима. У нас также есть некоторые свидетельства того, что немало италиков, лишившихся собственности в результате жестокой колонизации солдат Суллой, занялись разбоем на морях. Таковы, например, были "римские граждане", которых Цицерон обвинил в незаконной казни Верреса. Только красная-лента и консерватизм так долго удерживали Сенат от того, чтобы стереть этот позор. Консервативная знать не решалась передать одному человеку даже временное полное командование всеми морями и, как следствие, прибрежными районами, находящимися в ведении дюжины других командований; и они колебались тем более, что Помпей, покинувший их, был логичным кандидатом на такую должность. Но теперь трибунал был восстановлен, и трибун Габиний действовал, не посоветовавшись с сенатом. Помпей был избран командующим, быстро собрал флот из 200 кораблей и, начав с западной оконечности Средиземного моря, очистил море до тех пор, пока не поймал в свои сети всех пиратов на восточной оконечности. Там он одним сражением покончил с их флотом и с поразительной щедростью расселил пленников по маленьким сельским колониям. Именно одного из таких фермеров-пиратов позже описывает Вергилий в своих "Георгиках" за работой в своем образцовом цветнике близ Тарента.

Помпей на Востоке. Пока Помпей был занят этой задачей, другой трибун, Манилий, работая в интересах Помпея и капиталистов, предложил, чтобы Помпей возглавил войну против Митрадата с полным командованием на Востоке на неопределенный срок и с полной властью выдвигать любые условия, которые он сочтет подходящими, со всеми заинтересованными государствами и нациями. Цицерон был главным оратором в поддержку законопроекта, и его речь (*Pro Lege Manilia*) дает четкое представление о связанных с этим политических и экономических факторах. Сенат также выступал против этого, отчасти потому, что это давало чрезвычайные полномочия одному человеку, отчасти потому, что Сенат считал, что он один должен контролировать иностранные дела, как это было во времена великих войн.

Население, с другой стороны, устало от долгой войны и желало ее завершения; они также хотели почтить память Помпея, который восстановил трибунское законодательство, и они хотели создать еще один прецедент в поддержку теории народного суверенитета, приняв эту меру на собрании племени. Капиталисты были, однако, наиболее серьезно обеспокоены, поскольку Помпей был в состоянии открыть несколько новых провинций, и его можно было побудить ввести в них старую контрактную систему-сбора налогов, которая ранее оказалась столь прибыльной для конноспортивных корпораций. Следовательно, перед нами поразительный пример того, как деловые круги всю работу в интересах территориальной экспансии. Возможно, это первый наглядный пример подобного в истории Рима. Командование было передано Помпею всенародным голосованием.

На самом деле военная задача Помпея не была сложной, поскольку мужество и престиж его врага уже серьезно пострадали. Как только его уведомили о принятии манилианского закона, Помпей послал свой флот блокировать все понтийские гавани, выступил против Митрадата и разгромил его. Митридат бежал за пределы Кавказа в греко-скифские поселения у Азовского моря (**Палус Меотис**), планируя собрать там новые силы для вторжения в Италию. Помпей принял подчинение Тиграна Армянского и утвердил его на троне, но лишил его Сирии, которой он недавно овладел.

В 64 и 63 годах Помпей организовал Сирию как новую римскую провинцию. Палестина, которая ранее принадлежала Сирии, но стала практически независимой при Маккавеях, в то время страдала от вооруженного конфликта между двумя царствующими жрецами. Помпей, желая включить Палестину в состав провинции, воспользовался гражданской войной, поддержал дело Гиркана, который, казалось, отвечал его интересам, и после трехмесячной осады взял Иерусалим, где возвел на престол своего сторонника. Нация была инкорпорирована как автономное, но платящее дань королевство под защитой провинции Сирия. К городу относились с большим вниманием, но жители Именно потому, что они помнили это оскорбление, евреи позже помогли Цезарю в его войне с Помпеем.

Находясь в Палестине, Помпей получил известие, что Митрадат, не сумевший собрать армию вторжения на крайнем Севере, покончил с собой. Теперь Помпей посвятил год полной реорганизации Азии. Вифиния и Понт стали провинцией, "Азия" осталась такой, какой она была, Киликия была расширена. Таким образом, у Рима теперь было четыре провинции на Востоке: Азия, Вифиния, Киликия и Сирия. Галатия, Каппадокия и различные небольшие храмовые государства были превращены в буферные королевства-клиенты. Армения была преобразована в дружественное королевство, и Фарнаку, сыну Митрадата, было разрешено править в Крыму. Помпей также организовал внутренние дела этих провинций, дойдя до того, что основал тридцать девять новых городов, которые должны были действовать как центры местного самоуправления в сельских округах. Вернувшись домой, он мог похвастаться, что государственные доходы Рима выросли почти вдвое. Приятно добавить, что, хотя рыцарским отрядам была предоставлена доля в сборе налогов-, поселение Помпея сохранило многие черты реформ Суллы. Надзорная власть

проконсулов была усилена, и умышленный грабеж мытарей разрешался гораздо реже, чем это было при поселении гракхов в "Азии".

Будет видно, что Помпей мало что сделал для изменения римской *политики невмешательства* в управление провинциями. Он "латинизировался" не больше, чем его предшественники. Действительно, скорее можно сказать, что он продолжил политику эллинизации Александра, поскольку, когда в сельских округах он основал города, чтобы облегчить управление, он тем самым сформировал центры греческой культуры, поскольку греческий был языком общения и торговли в этом регионе. В таких городах возникали школы, театры и библиотеки, но никто ни на мгновение не задумывался о том, чтобы навязывать им латинский язык, и меньше всего римляне. p258 Даже проконсулы, посланные на Восток, переводили на греческий язык те государственные указы, которые они издавали.

В дела местных органов власти Помпей вообще не вмешивался, если только его к этому не призывали. Города, а их было около пятисот только в Азии, были в целом демократичными, городское собрание было-законодательным органом, а не курией из ста отцов города, как в итальянских муниципалитетах. За исключением тех случаев, когда его попросили разработать новую хартию, он позволил этой демократической системе устоять. Однако, когда он основывал или перестраивал город, он был склонен придерживаться более олигархического итальянского плана, поскольку, как и все римляне с высоким положением, он инстинктивно верил в устойчивое влияние собственности и в высшую мудрость тех, у кого была собственность. Таким образом, в целом Помпей старался как можно меньше нарушать существующие обычаи. Города продолжали вести свои собственные дела, а местные суды, как и прежде, разрешали споры без ссылки на римское право. Все, что должен был делать римский губернатор, - это следить за тем, чтобы царили закон и порядок, чтобы десятина, причитающаяся Риму, не задерживалась, чтобы границы были защищены и чтобы те римские граждане, которые случайно оказались в провинции, в случае спора имели доступ к нему для толкования в соответствии с принципами римского права.

Радикализм в демократической партии. Пока Помпей присоединял обширные владения к римской империи, город пережил кризис, который мог бы легко закончиться еще одной разрушительной гражданской войной, если бы не бдительность Цицерона. Принципы, о которых шла речь, не имели большого значения, но этот инцидент заслуживает изучения как иллюстрация того, как может вести себя нация, когда она потеряла уверенность в себе, когда ее моральный дух подорван, когда, осознав свою ошибку, она пребывает в страхе совершить новые промахи, и когда каждый человек начинает нервно обеспечивать себя на случай надвигающегося краха. Не стоит воспринимать программу реформ Катилины слишком серьезно. Это было основано не на тщательном изучении p259 социальных условий, а скорее на сиюминутных желаниях нескольких недобросовестных политиков. За спиной Катилины, подталкивая его к безрассудным действиям, стояли такие амбициозные личности, как Цезарь и Красс. Но даже эти люди не представляли подлинно народных потребностей, поскольку их поведение происходило из индивидуальных желаний, которые были симптомами более

глубокой болезни. Болезнь, поразившая Рим, была паразитизмом, вызванным чрезмерными завоеваниями. Правящие классы хотели управлять тем, что они завоевали, капиталистические классы хотели эксплуатировать это для получения прибыли, население хотело получить свою старую привилегию получать из этого бесплатное зерно. Политика означала для всех них контроль над властью для удовлетворения этих потребностей. Поскольку Сулла прекратил раздачу бесплатного зерна, когда ликвидировал трибунат, население инстинктивно чувствовало, что должно держать Суллу на расстоянии. Поскольку он отменил право эксплуатировать провинциалов, всадники почувствовали, что в будущем им следует остерегаться господства сенаторов. Наконец, поскольку население оказало Помпею то почетное звание, которое могло бы быть у сенатора, сенат продолжал не доверять народному суверенитету. Особый страх, который теперь нервировал все партии, заключался в том, что Помпей вернет диктатора таким же образом, как это сделал Сулла. Сенаторы боялись его как политического диктатора, который мог почувствовать себя призванным вознаградить население ослаблением сената; амбициозные лидеры населения, такие как Цезарь и Красс, опасались, что Помпей займет столь значительную роль в государстве, что сделает их совершенно ненужными. В те дни призраки Суллы и Мария восстали, чтобы расшатать нервы римским лидерам. Стало очевидно, что память о политических преступлениях может оказывать более пагубное воздействие, чем даже преступник за всю свою жизнь.

В течение 66-64 годов в политических штабах царил постоянный волнение. Сторонники сената считали, что их теории правления был нанесен очень опасный удар принятием законов Габиния и Манилия. Такие люди, как Катулл, Лукуллы и Гортензий, проявляли активность p260 на выборах и собраниях, чтобы сохранить ту власть, которая еще оставалась. Класс всадников все еще был склонен продолжать свою коалицию с населением ввиду того факта, что Помпей, их защитник, казалось, был склонен оставаться демократическим лидером. Но время от времени они обижались на популистские предложения, которые были готовы предложить сторонники демократии. Постоянные предвыборные обещания дешевого зерна, законов о банкротстве, колонизации общественных земель вызывали отвращение у людей с ограниченной ответственностью. Было совсем не ясно, сможет ли Помпей сохранить контроль над партией. Вряд ли он был достаточно демагогичен для этого. Следовательно, многие рыцари начали заигрывать с сенаторской партией. Население, которое составляло большинство голосов демократической партии, было неопределенной величиной. Новые граждане отдаленных регионов Италии по-прежнему были склонны отдавать предпочтение народной партии, потому что именно группа Мариан выступала за их предоставление избирательных прав. Но инстинктивно они были более консервативны, чем городское население. Крестьяне-фермеры обычно не соглашались с городским пролетариатом в экономических вопросах. Более того, сулланские солдаты, которые были посажены в колониях тут и там, обеспечили голосование в сельской местности, которое было явно антидемократическим, поскольку у них были основания опасаться, что победа марианских лидеров может привести к принятию закона, возвращающего их земли

первоначальным владельцам. Следовательно, это были не те результаты, которые могло бы дать полное голосование всех граждан.

Что усилило неопределенность на этот счет, так это тот факт, что итальянским избирателям было так трудно добраться до Рима. Люди, живущие в двухстах или трехстах милях отсюда, которые едва могли позволить себе тратить время, могли быть вызваны партийными лидерами десять или двенадцать раз в год на ассамблею, потому что был предложен какой-нибудь важный законопроект. Если бы они взяли неделю отпуска, чтобы совершить путешествие верхом, они могли бы прибыть вовремя и обнаружить, что какой-нибудь трибун или авгур ходатайствовал отложить действие, что еще неделя может быть потрачена p261 на борьбу по техническим вопросам, и даже тогда, возможно, голосование не состоялось бы. После нескольких таких опытов более отдаленные избиратели потеряли всякий интерес к избирательному округу. И поэтому, за исключением случаев, когда речь шла о законопроектах, затрагивающих их непосредственные интересы, они обычно оставляли политику тем, кто находится в Риме или поблизости от него. И они были, под действием кукурузных законов, как раз наименее приспособлены для решения подобных вопросов. Это правда, что Сулла ограничил число избирателей-вольноотпущенников четырьмя городскими племенами, но его закон, похоже, не применялся *постфактум*. Другими словами, орда городских вольноотпущенников, которая была распределена по тридцати пяти племенам в соответствии с законодательством Сульпиция и Цинны, оставалась рассеянной, и вполне вероятно, что их сыновья теперь контролировали и многие сельские племена.

Л. Сергий Катилина был патрицием с небольшим достатком, усвоившим все худшие политические уловки, которым мог научить Сулла. Он без колебаний использовал свое влияние на Суллу, чтобы получить финансовую выгоду от проскрипций и даже настаивать на обнародовании имен людей, которые ему не нравились. После того, как политический сдвиг Помпея привел демократов к власти, он предпочел баллотироваться на пост президента как демократ. В 66 году он вернулся с пропреторского корабля в Африке, чтобы баллотироваться на пост консула корабля, но был привлечен к суду по обвинению в вымогательстве прежде, чем смог указать свое имя. Так получилось, что были избраны два популярных демагога, но бдительный сенат добился того, что обоих осудили за коррупционную практику выборов и на их место избрали их собственных людей, Аврелия и Манлия. Саллюстием, который дал историю этих дней, нам сообщили, что группа из пламенных демократов во главе с Катилина планировал восстановить двое мужчин, имея Аврелий и Manlius убили и что они не только из-за несчастного случая, но этого так-называемого "первого заговора" сомневался, теперь на доказательства, предоставленные одним из речи Цицерона.

В 65 году Красс, будучи цензором, поднял новые партийные вопросы, предложив Риму завладеть Египтом как провинцией. Были римляне, приехавшие из Египта, утверждавшие стр. 262, что Птолемей Авлет, правящий царь, не был законным наследником, что на самом деле бывший царь завещал свое царство Риму в завещании, которое было аннулировано. Сенат, который давно видел, что римская империя слишком велика, выступил против этой меры. Действительно, Красс,

похоже, настаивал на этом проекте только по просьбе Цезаря, и Цезарь, похоже, спланировал его для того, чтобы занять сильную военную позицию в Египте, где он мог бы стать независимым от Помпея. Таковы были силы, действовавшие в те дни напряженного ожидания будущего. Законопроект был успешно заблокирован Катуллом, но он послужил тому, чтобы показать позицию некоторых партийных лидеров.

Цицерон консул. В 64 году Катилина снова баллотировался в консулы, его поддерживали как Цезарь, так и Красс, и его программа была очень радикальной. Не следует предполагать, что эти двое мужчин действительно желали списания долгов, которое Катилина обещал в случае избрания. Но Помпей, казалось, собирался вернуться домой, и они хотели твердо держать правительство в демократических руках, когда он прибудет, и, если возможно, обеспечить себе сильное командование. Ни один из них не имел права претендовать на пост консула, поэтому лучшим решением было поддержать человека, который сыграл бы им на руку. Предвыборные обещания, конечно, выполнять не обязательно. Другим кандидатом был Цицерон, но он был "новым человеком", и сенаторские семьи обычно использовали свое влияние против таких людей, поскольку они не желали расширения своей собственной исключительной группы. Но по мере того, как агитация становилась все более захватывающей, Катилина терял рассудительность и все более и более расточал обещания низшим классам, даже намекая на вооруженный переворот. Результат был катастрофическим для его дела; сенат и всадники использовали все свое влияние, чтобы помочь Цицерону, который был избран. К несчастью, ему приходилось терпеть в качестве коллеги никчемного патриция Антония, который благоволил Катилине.

Год был бурным, поскольку Цезарь и Красс, несмотря на поражение при Катилине, попытались укрепить свои позиции против возвращения Помпея. И у Цицерона был недостаток p263 в таких состязаниях, заключающийся в том, что он отказывался использовать низкие уловки. Однако он мог говорить так, как ни один римлянин никогда не говорил ни до, ни после, и выступал против каждого демагогического предложения с таким красноречием, что народ фактически отказался по совету Цицерона от даров земли, которые предлагали им Цезарь и Красс. Законопроект, о котором идет речь, был внесен трибуном Руллом в интересах Цезаря. Он предусматривал распределение всех государственных земель, которыми Рим владел в Италии, и покупку большего количества, сколько могло потребоваться, путем присвоения для этой цели всей добычи, которую Помпей привозил домой, а также обширной собственности, которую Помпей приобрел для государства путем конфискации царских поместий и доменов Понта, Вифинии, Сирии и других мест. Он передал в руки комиссии из десяти человек, избираемой племенами, обширные полномочия по определению владельца земель, которые будут использоваться, по продаже, скупке и распределению имеющихся земель по желанию, а также по организации любых вооруженных сил, которые могли потребоваться для проведения захватов. Последний пункт, как указал Цицерон, выглядел очень похоже на то, что кто-то намеревался вторгнуться в Египет. Какая великолепная возможность представилась населению, чтобы свить себе гнезда, а землевладельцам

- продать недвижимость на растущем рынке! Законопроект подрывал все разумные экономические, социальные и правительственные принципы, и Цицерон оказался в трудном положении, когда ему пришлось встретиться лицом к лицу с народом и убедить его не позволять себе роскошь за счет государства. Правительство вряд ли могло оставаться финансово устойчивым, если бы бюджет, принятый Сенатом, игнорировался, а люди сами выбирали бы премии из казны по любой прихоти. Колонизация могла бы принести некоторую пользу в осушении городских простоев, но какую социальную выгоду можно было бы извлечь из изгнания тех, кто арендовал и обрабатывал государственные земли, и возведения на их месте неработающих-колодцев? Выселенные арендаторы всего лишь переедут в город и создадут новую праздную группу, от которой избавится следующий демагог. Наконец, какое представление **p264** о правах собственности, гражданском праве и достоинстве судов мог иметь человек, предложивший разрешить комиссии оспаривать все права собственности по всей Италии? Цицерон, конечно, затрагивал эти вопросы, но он слишком хорошо знал, что здравые аргументы не смогут окончательно заблокировать законопроект. Он подчеркнул то, что, как он знал, будет иметь значение: что Цезарь (он не назвал его имени) просто работал в своих собственных интересах, и что, когда он получит власть над армией и Египтом, он, вероятно, будет с меньшим энтузиазмом относиться ко всему остальному; что Помпей не вынесет, если плоды его труда будут разбросаны без учета, и, наконец, что наделы в дебрях Италии только лишат получателей легкого заработка в городе с его раздачей зерна, играми и приятной жизнью. Он знал, что только такие аргументы могут что-то сказать, и использовал все свое блестящее мастерство, чтобы нарисовать для их тупого воображения ужасную картину возможных последствий законопроекта Руллуса. Эффект от его четырех выступлений был таков, что законопроект был отозван.

Цезарю помешали, и его престиж немало пострадал. Чтобы восстановить свою власть над населением, он планировал назначить себя **верховным понтификом**, занимающим очень почетную должность, которая несла с собой большое политическое влияние. Соответственно, был предложен законопроект о том, чтобы понтифик, как и до правления Суллы, избирался народом.¹ Это, естественно, удалось, и Цезарю не составило труда победить на выборах. Затем он предложил новую меру, намереваясь предстать перед народом в качестве поборника узурпации Сената. Он потребовал, чтобы некоего Рабирия судили за убийство Сатурнина, демагога 37-летней давности. Цель судебного разбирательства состояла просто в том, чтобы таким образом косвенно заставить суды признать незаконным принятие **ультиматумасената****p265** Сенатом. Следует помнить, что Тиберий Гракх принял закон, запрещающий сенату объявлять военное положение подобным образом, и когда, тем не менее, Сенат сделал это после его смерти, Гай Гракх снова принял такой закон. Сенат, однако, отстоял свое право сделать это в случае с Гаем, и непостоянный народ путем голосования оправдал консула Опимия, который подчинился указу. Позже, во время мятежей Сатурнина, Марий принял такое решение **консультативного сената** и действовал в соответствии с ним. Таким образом, его регулярность была кредо Сената. Цезарь, чтобы завоевать

популярность, хотел теперь доказать, что это незаконно, и также вероятно, что он предвидел беспорядки на следующих выборах, когда Катилина должен был стать кандидатом, и что он намеревался народным решением предотвратить вооруженное вмешательство Сената. Он не осмелился предстать перед обычным судом сенаторов и всадников, который, вероятно, оправдал бы его, поэтому он восстановил старый суд, на решение которого можно было подать апелляцию и, вероятно, она была бы подана народу. Это был очень хитрый ход, и он сработал. Рабирий подал апелляцию, и Цицерону снова пришлось отстаивать это дело в интересах Сената. Он использовал всю силу своего остроумия, чтобы высмеять это дело, и все свои способности убеждения, чтобы разжалобить толпу, но исполнительная власть Сената была непопулярна, и он, казалось, был на грани провала. Затем какой-то умный сенатор откопал антикварный прием, столь же архаичный, как судебная процедура, к которой прибегал Цезарь; он поднял над фортom на холме Яникулан старый флаг, который раньше служил сигналом о приближении врага. На этом дела на сегодня закончились. Цезарь, по крайней мере, обладал живым чувством юмора и признал поражение, отозвав свой иск. Не успел закончиться год, как Сенат еще раз принял **окончательный совет** и, благодаря неудаче Цезаря в деле Рабирия, он имел право заявить, что прецедент был в его пользу.

Теперь приближались выборы, и средства предвыборной агитации были доведены до крайности. Цицерон принял закон **p266** против коррупции (**de Ambitu**), чтобы предотвратить такие коварные формы взяточничества, как распределение бесплатных мест на играх и назначение банкетов руководителям приходом, но это не имело большого эффекта. Катилина становился все более щедрым на обещания возврата долгов, рассчитывая на тот факт, что в крупном сельскохозяйственном государстве очень многие владельцы собственности склонны в той или иной степени быть в долгах. Манлий, его наместник, был занят сбором голосов в сельской местности Этрурии, повторяя подобные обещания. Цезарь и Красс все еще поддерживали его, хотя и менее горячо, чем раньше. Они все еще верили, что смогут справиться с ним лучше, чем с любым другим кандидатом. Сульпиций Руф также был кандидатом, но, хотя он был величайшим юристом того времени, одним из тех, кто внес наибольший вклад в римское право, реальной поддержки у него было мало. Он не опустилсЯ бы до агитации, и лучшие элементы сочли благоразумным отдать все свои голоса двум посредственным, но надежным дворянам, Силену и Мурене, чтобы победить Кая. И снова Катилине не удалось.

Заговор Кая. Катилине дал волю ярости, поскольку был перегружен долгами, накопившимися из-за чрезмерных расходов на выборах. Он собрал своих близких друзей, исключая Цезаря и Красса, которые, конечно, не стали бы впадать в крайности, и планировал силой захватить бразды правления. Манлий вернулся в Этрурию и тайно собрал группу недовольных в холмах за Флоренцией: как сулланских колонистов, потерпев неудачу в сельском хозяйстве, так и марианцев, изгнанных Суллой. Цицерон, который был проинформирован об этих вещах детективами на службе правительства, созвал заседание Сената 21 октября и заявил о своем убеждении, что вспышка будет 28-го. Сенат не был полностью убежден, но принял **ультиматум о консультациях** сената, наделяющий правительство

диктаторскими полномочиями. Таким образом, 28-е число прошло спокойно, но неделю спустя у Кая созрели планы. Цицерон должен был быть убит, в разных местах города должны были быть устроены пожары, и в суматохе Катилина и его войска должны были захватить [р267](#)бразды правления. Цицерон, узнав об этом, созвал сенат восьмого ноября, и Катилина, конечно, явился. Консул оказался в затруднительном положении. У него не было письменных доказательств, которые он мог бы предъявить скептикам; его прежнее пророчество не сбылось, поскольку он обнародовал факты; он не мог арестовать Катилину и судить его на основании устных показаний, представленных детективами. Он должен вынудить Катилину к открытому действию. Он решил предстать перед Катилиной в сенате с откровенным раскрытием того, что он знал, не раскрывая тот факт, что у него не было полезных доказательств. Мы можем прочесть его потрясающее обвинение в первой речи катилинарианца. По сути, это был "блеф", но он удался. Катилина, совершенно выбитый из колеи, бежал из города и присоединился к повстанческим силам Манлия, тем самым открыто взяв на себя обязательства. Пока все было хорошо, государственные силы разберутся с Катилиной и силами открытого восстания, но Цицерон знал, что у Катилины были способные помощники в городе, которые, вероятно, осуществят первоначальный план восстания в городе, когда приблизится армия повстанцев. Поэтому он выжидал и снова держал заговорщиков под пристальным наблюдением. Наконец, третьего декабря он добыл необходимые доказательства: заговорщики подменили галльских послов, находившихся тогда в Риме, и поставили их подписи под предательскими письмами. 5 декабря Цицерон вскрыл эти письма в сенате и спросил сенат, что следует сделать с виновными. Интерес к этому делу был велик, поскольку каждый присутствующий сенатор знал, что демократическая партия, если вернется к власти, объявит голосование сенаторов за смертную казнь неконституционным и накажет тех, кто несет ответственность за игнорирование старого права на [провокацию](#), если заговорщики будут казнены.

Силен, избранный консул, сразу же предложил казнить пленников, и сенаторы постарше один за другим соглашались, пока не заговорил Цезарь. Он не подвергал сомнению доказательства и не преуменьшал значение преступления; он даже согласился с правом Сената судить заключенных. Он лишь усомнился в конституционности [статьи 268](#) смертного приговора с точки зрения порцианских и семпронианских законов. Предложение Цезаря состояло в том, чтобы виновные были пожизненно заключены в тюрьму, а их имущество конфисковано. Речь, подытоженная Саллюстием, какой бы учтивой и достойной она ни была, произвела сенсацию. Это было уведомление от лидера оппозиции о том, что консул, вероятно, будет привлечен к ответственности за акцию того дня. Сенаторы начали колебаться и изменять свои заявления, некоторые направились к председательствующему, призывая к осторожности. Именно тогда Цицерон встал и выступил с бесстрастной речью четвертого катилинарианца, призвав сенат не пугаться намеков, заверив их, что консул знает, что делает, и что, каким бы ни было решение, он возьмет на себя всю ответственность за постановку вопроса. Успокоенный этой речью, Сенат продолжил обсуждение, и Катон вновь внес предложение Силена о смертной казни.

Цицерон внес это предложение, и оно было поддержано решающим голосованием. Виновные были повешены в тюрьме в тот же день.

Полное рассмотрение законности процедуры потребовало бы обзора римской конституционной истории, рассмотрение вопроса о ее целесообразности потребовало бы глубокого изучения римского общества. По строго юридическим соображениям Цицерон имел право использовать весь механизм военного положения для спасения государства. Учитывая тот факт, что народ принял решение в пользу Опиimia в 121 году, не смог оспорить акт Мария в 100 году и согласился, когда Карбон потребовал "последнего указа" в 83 году, толкование Сенатом своих прав было правильным и будет оставаться таким до тех пор, пока народ снова не выскажется по этому вопросу. Цицерон также твердо стоял на своем, когда просил Сенат проголосовать по этой мере, поскольку судебные полномочия сената издавна рассматривались как сопутствующие их полномочиям принимать последний указ. Военное положение подразумевает суд под председательством исполнительной власти, который действует помимо гражданских судов, и по древней практике судом консула был Сенат или судебная комиссия, уполномоченная Сенатом. **стр. 269** Цицерон, однако, великодушно отказался рассматривать это как судебное разбирательство. Он взял на себя всю ответственность, действуя в соответствии с полномочиями, предоставленными консулу "последним указом", и дал Сенату понять, что рассматривает их голосование всего лишь как совет.

По второму вопросу, о целесообразности, мы снова должны определиться с Цицероном. Если бы предложение Цезаря было принято, мятежники почувствовали бы, что правительство отвергнуто и запугано; они действовали бы энергично, зная, что в случае победы виновные будут немедленно освобождены собранием. Казнь разбила повстанцев, многие сразу отступили, и у Катилины в конце концов оказалась очень маленькая армия. Решительные действия здесь, безусловно, спасли жизни тысяч людей и, вероятно, были главным фактором в спасении правительства. Цицерон, конечно, мог бы привлечь виновных к ответственности в обычном преторском суде **de vi** или **de majestate**. Но эти суды были вынуждены разрешить осужденному преступнику выбрать изгнание вместо смертной казни, и, по-видимому, эти повстанцы не остались бы в изгнании, когда вспыхнуло восстание. Они просто присоединились бы к Катилине и усилили его армию. Таким образом, Цицерон, хотя и был сурово наказан несколько лет спустя и подвергся резкой критике со стороны современных авторов, по-видимому, действовал с благоразумием, с полным знанием соответствующих принципов и с поразительной смелостью.

Узнав о смерти своих друзей, Катилина попытался отступить в сторону Галлии, поскольку его армия начала сокращаться. Однако его тыл был уже блокирован. В январе он столкнулся с армией, которую Цицерон послал против него. С ним остались только самые решительные, и большая их часть пала на поле боя. Катилину нашли мертвым в первых рядах павших.

Сентиментальные литераторы были склонны изображать Катилину храбрым защитником угнетенных, раздавленным правительством, которое ставило права собственности выше гуманных соображений. Так получилось, что в "Катилине"

Саллюстия, **стр. 270**, мы имеем подлинные заявления как Катилины, так и Манлия, в которых излагаются их наиболее важные жалобы. Книга Манлия (глава 33) обращается к нам как искренний крик о помощи несчастным, когда в ней говорится о тех, кто потерял свою свободу, а также свое имущество. Но было бы неверно предполагать, что люди в Этрурии, собравшиеся вокруг Манлия, представляли нормальных италиков, страдающих от обычного хода судебных решений обычных преторианских судов. Они скорее пострадали от последствий Марианской и Сулланской революций, а раны войны обычно остаются слишком глубокими для любых средств, которые правительства находят доступными. Марианские владельцы были не только изгнаны Суллой, но и лишены статуса граждано статуса "латинян", а сулланские солдаты, получившие земли марианцев, в значительной степени залезли в долги, чтобы обустроить свои фермы, или оказались некомпетентными фермерами. Таким образом, в Этрурии царило большое бедствие, но не по вине восстановленного правительства. Возобновление рассмотрения вопроса о владельцекорабля привело бы к новой гражданской войне. А объявление об отказе от долгов в Этрурии вызвало бы общий финансовый кризис, который привел бы к повсеместному росту бедности.

Письмо Катилины (адресованное Катулу при его отъезде), с другой стороны, не обнаруживает даже искреннего сочувствия к несчастному. Она просто наполнена личным ядом, вызванным его неспособностью занять прибыльную должность для себя. Ничто не могло лучше показать порочность этого человека, чем бессознательное откровение его собственного заявления: "Взбешенный оскорблениями и увечьями, обрушившимися на меня, поскольку я был лишен награды за свои труды и не смог получить достойную должность, я, по своему обыкновению, встал на защиту несчастных не потому, что не мог оплатить свои долги из своего собственного имущества но потому, что я видел недостойных людей, удостоенных высоких должностей, и оказался отрезанным от мира необоснованными подозрениями". **стр. 271** Другими словами, он стал "реформатором", потому что **novus homo** получил на выборах должности, которых он, патриций, не мог достичь. Можно только заключить, что в гражданском сообществе все еще было много здравого смысла, который отверг блестящие обещания Катилины.

Примечание автора:

¹ Для этих выборов семнадцать колен были назначены по жребию, исходя из теории, что божественная воля могла сыграть свою роль в использовании жребия. Цезарь, конечно, осознавал тот факт, что он мог бы получить контроль над семнадцатью подопечными с меньшими усилиями и затратами, чем над тридцатью пятью.

Глава XVI

Первый "Триумвират"

Мелкая политика. Следующий год был годом ожидания страшного возвращения Помпея. Ближе к концу года Помпей высадился в Италии, и ничего не произошло. Фактически, он сразу же распустил армию, чтобы развеять все опасения. Осенью 61-го он отпраздновал свой триумф. Огромные "поплавки" демонстрировали его добычу, а знамена с надписями провозглашали его деяния, заявляя, что он покорил четырнадцать наций, захватил тысячу фортов, 900 городов и 800 кораблей, что он вернул казне 20 000 талантов и увеличил годовой доход на 35 миллионов сестерциев. На следующий день после триумфа начался период его упадка, ибо теперь ему предстояло ввязаться в политические баталии с людьми, которые легко превосходили его в общих чертах. Он сразу же попросил Сенат принять его отчеты, подтвердить его расположение и поселения в Азии, а также предоставить его испытанным ветеранам "бонус" в виде земли. Сенат, помня об отступничестве Помпея в 70 году и подстрекаемый Лукуллом, решил заставить его немного подождать. Теперь, когда он распустил свою армию, он казался менее грозным. Цицерон, надевшийся сохранить два высших сословия в хороших отношениях (его **concordia ordinum**, которую он так часто упоминает) и желавший также спасти великого Помпея для своей коалиции, был близок к примирению Помпея и сената, когда Красс, действуя от своего имени и от имени Цезаря — ныне пропретора Испании — так искусно разыграл политическую игру, что **конкордия** распалась в мелких ссорах, и Помпей остался в одиночестве, без партии и друзей. Красс сначала призвал конные компании потребовать от Сената крупную компенсацию на том основании, что они понесли большие потери в сборе налогов из-за неурожая. Такие просьбы были регулярными, **p273**но Красс запросил невыполнимую сумму, зная, что Сенат чувствует себя достаточно сильным, чтобы отказать. Это, несмотря на настойчивые усилия Цицерона урегулировать конфликт, привело к открытой ссоре. Тем временем Красс призвал рыцарей стоять на своем, намекнув, что Цезарь по возвращении удовлетворит их. Так **конкордия** распалась. Красс был способен на еще более мелкие уловки. Чтобы проиллюстрировать это, когда Помпей впервые после своего возвращения вошел в Сенат, ожидая оваций, Красс удивил всех, поднявшись и произнеся речь, в которой, полностью игнорируя Помпея, он превозносил администрацию Цицерона до небес. Цицерон, попавший в ловушку, встал и, не обращая внимания на Помпея, пространно рассказал о себе. Помпей с отвращением покинул дом, и зарождающаяся близость между Помпеем и Цицероном переросла в недружелюбные подозрения. Таковы были мелкие инциденты, из-за которых партии распались под умелым управлением Красса до тех пор, пока Цезарь не вернется и не найдет все готовым для своего руководства.

За год своего пребывания в Испании Цезарь не отличился преданностью долгу на посту правителя. Он искал повода для войн с еще не покоренными племенами. Вероятно, он был больше всего заинтересован в приобретении военного опыта;

возможно, он также рассчитывал восстановить свое истощенное состояние за счет продажи добычи. По крайней мере, он вернулся более богатым человеком. Во время своего путешествия через нижнюю Галлию в Испанию он сделал несколько наблюдений, которые подтолкнули его богатое воображение к представлению о больших возможностях для его собственного будущего. Он вернулся в 60-м году как раз к выборам, участвовал в предвыборной агитации на пост консулакорабля и с легкостью победил. Всадники подозревали его во время заговора Катилины, но предложения Красса, который всегда был близок с ними, привлекли многих. Во всяком случае, они отказались голосовать за кандидатов, получивших одобрение Сената. Население восхищалось безрассудной храбростью молодого патриция, который всегда был готов дерзить Сенату. При такой поддержке его избрание далось легко.

Политическая коалиция Цезаря. Добиться того, чего он желал p274далее, такого важного командования, какое занимал Помпей, могло быть сложнее. Проведение законов требовало преодоления объединенной силы противников, объединенных в своей оппозиции, в то время как победа на выборах означала лишь победу над противниками, которые расходились в стороны. Поэтому он сделал предложение самым могущественным людям, убеждая их объединиться в единых действиях. Он пообещал рыцарям возврат денег по контракту, которые они напрасно просили. Красс, конечно же, был их представителем. Помпею он пообещал солдатские премии, хотя и в форме общего колониального закона, который также привлек бы добрую волю населения; и он пообещал ему также подтверждение его действий и указов. Цезарь также обратился к Цицерону с предварительными предложениями, пообещав ему, что, если он получит его поддержку, он будет регулярно действовать через Сенат и не предложит ничего оскорбительного для Цицерона. Красс и Помпей приняли предложения. Цицерон этого не сделал. Он слишком хорошо знал, что любое тайное соглашение между такими могущественными людьми подрывает свободу, и что вскоре его загонят в какое-нибудь щекотливое положение, где он потеряет свою независимость или где, если он попытается воспрепятствовать, его разоблачат и вышвырнут с уничтожением его чести и влияния. Таким образом, тайное соглашение, получившее название "первого триумvirата", было заключено без участия Цицерона. Красс и Помпей, которые со времен Суллы ненавидели друг друга, договорились ради блага политики максимально использовать присутствие друг друга. Излишне говорить, что Цезарь, который знал, как работать с обоими, легче руководил ими из-за их враждебности друг к другу.

Корабль "Консул Цезаря". Первого января 59 года до н.э. Цезарь вступил в должность вместе со своим коллегой Бибулом, упрямым, но медлительным консерватором. Его тайные обещания и его собственные планы повлекли за собой большую законодательную программу на этот год. Используя поддержку Помпея и Красса и прилагая все усилия, чтобы вернуть дружбу Цицерона, который всегда был готов проявить благоразумие, он надеялся, что сможет использовать p275конституционные формы и добиться принятия его предложений Сенатом до того, как они будут предложены собранию. В качестве предварительной меры он распорядился хранить и публиковать протоколы заседаний Сената и ассамблеи. До

сих пор в протоколы вносились только завершённые дела. Поскольку заседания Сената были закрыты для публики, никто ничего не узнал ни о предложениях, которые были утеряны, ни о характере дебатов. Сенаторы действительно не были избранными представителями народа и не видели причин, по которым их слова должны подвергаться всеобщему контролю. Приказ Цезаря немало разозлил их, поскольку они чувствовали, что каждое сказанное слово теперь будет раскрыто и что намерение Цезаря состояло всего лишь в том, чтобы заставить их одобрить популистские меры.

Первым законопроектом Цезаря о реформе была пересмотренная версия аграрного закона Рулана, составленная таким образом, чтобы комиссия могла отдавать предпочтение солдатам Помпея при распределении земель. Это все еще было экономически необоснованно, поскольку увековечивало практику выселения желанных арендаторов в пользу недостойных и опасный обычай платить солдатам в виде бонусов вместо адекватных стипендий, но полномочия уполномоченных были разумно ограничены, и законопроект не содержал туманных возможностей для крупного командования для Цезаря. Сенат, однако, и слышать об этом не захотел, и Бибул использовал всю власть консула, чтобы воспрепятствовать его принятию. Цезарь даже не смог добиться голосования по этой мере в сенате, хотя Помпей и Красс открыто выступили в ее поддержку. Затем Цезарь заявил, что он полностью принимает демократическое толкование конституции, игнорирует Сенат и действует исключительно через народное собрание. Когда законопроект был предложен ассамблее, Сенат заручился услугами трибуна, чтобы наложить на него вето, и пригрозил, что, если вето будет проигнорировано, Сенат примет "последний указ" и призовет правительство подавить революцию силой. В ответ Цезарь призвал к разговору Помпея. Великий полководец торжественно поднялся и заявил, что он готов p276 встретить силу силой. Это устрашающее высказывание могло означать только то, что Помпей призовет своих ветеранов и что результатом станет гражданская война. Сенат был напуган. Когда Бибул и его трибун наложили вето, Цезарь приказал отправить их в тюрьму, и голосование было проведено. Большинство лидеров сената зачитали в ходе этой процедуры смертный приговор Республике и ушли из Рима. Цицерон, который тщетно добивался мирного компромисса, также ушел. И "триумвиры" продолжали претворять в жизнь остальную часть своей программы, в то время как Бибул усердно прибегал к бесполезной форме объявления каждого законопроекта по очереди недействительным. Менее чем через десять лет после этого события Цезарь перешел Рубикон под предлогом защиты права вето трибуна.

Теперь ассамблея быстро удовлетворила просьбы Цезаря подтвердить действия Помпея в Азии и выплатить конным ротам треть суммы их контракта двухлетней давности. Никогда прежде подобные административные меры не принимались ни одним органом, кроме Сената. Тогда Цезарь также нашел возможность получить свою награду в виде желаемой провинции. Метелл Целер, проконсул Цизальпинской Галлии, умер в феврале. Эта провинция представляла огромную ценность для такого человека, как Цезарь, который знал ее возможности, и он попросил ассамблею назначить его на эту должность сроком на пять лет. Просьба

казалась чрезвычайно скромной, поскольку ожидалось, что Цезарь скорее возжелает занять положение на знаменитом Востоке, который был полон богатых городов, которые можно было эксплуатировать. Цизальпинская Галлия была в основном заселена мирными итальянскими фермерами, которыми вряд ли можно было управлять прибыльным способом. Но Цезарь путешествовал по Дальней Галлии с наблюдательным взглядом. Он знал, что это откроет огромные военные возможности, поскольку эдуанские посланники сообщили ему, что гельветы готовятся мигрировать на запад и что германец Ариовист ведет орды своих соотечественников в Галлию. Сенат, достаточно обрадованный p277 тем, что Цезарь обеспокоен такими пограничными проблемами среди варваров, добавил к его заданию Трансальпийскую Галлию с дополнительным легионом на случай, если граница будет нуждаться в защите. Возможно, они рассудили, что сохранят некоторое влияние на его действия, если он примет от них часть провинции.

Позже весной Цезарь внес новый аграрный законопроект, в котором предлагалось раздать плодородные общественные земли Кампании примерно двадцати тысячам колонистов, причем получателями должны были стать семьи, в которых было по крайней мере трое детей. Вполне вероятно, что комиссия нашла меньше земли для продажи, чем ожидала, поскольку большая часть имеющихся земель была использована для удовлетворения потребностей солдат Помпея. Против новой меры особенно возражали те, кто заботился о доходах, причитающихся казне, но не исключено, что Цезарь предпочитал видеть правительство в затруднительном финансовом положении. Законопроект, конечно, был быстро принят народом.

Выплатив свои политические долги и завоевав желанную провинцию, Цезарь строил планы на будущее, и то, что его планы были обширными, явствует из того факта, что, как любой восточный автократ, он заключил ряд семейных союзов на политической основе. Свою собственную очаровательную дочь Юлию он обручил с Помпеем. За два года до этого он развелся со своей женой, объяснив это тем, что "жена Цезаря должна быть вне подозрений", и теперь женился на Кальпурнии, дочери Пизона, который был выбран его преемником на посту консула. Это можно назвать началом "династических браков" в Риме. Следует признать, что оба брака были тем, что романисты привыкли называть "счастливыми".

Но предстояло принять еще одно важное решение. Цезарь не чувствовал себя в полной безопасности, оставляя Катона и Цицерона в Риме. Катон был неуправляемым и неумолимым и мог однажды воспользоваться каким-нибудь несчастным случаем, чтобы стать популярным. Цезарь решил отправить его с миссией за границу, которая на какое-то время отвлекла бы его. Цицерон p278 был сломлен духом и вряд ли возглавил бы восстание, но Цицерон все еще был глубоко проникнут странным мальчишеским уважением к Помпею и никогда не переставал надеяться, что однажды тот сможет спасти своего бывшего-героя от его нынешних связей. А поскольку Помпей был довольно эмоционален и порывисто реагировал на взывания к его чувству чести, существовала опасность, что Цицерон может добиться успеха.

Существовало простое средство, если бы Цезарь снизошел до его применения. Он знал, что население охотно изгнало бы Цицерона в качестве примера за то, что он три года назад действовал в соответствии с ненавистным "последним указом". В

Риме был злейший враг Цицерона, отчаянный политик по имени Клодий, который ненавидел Цицерона за то, что оратор представил против него порочащие улики на недавнем судебном процессе. Клодий желал стать демократическим лидером и с этой целью стремился стать трибуном корабля. Ни для кого не было секретом, что его первым поступком в качестве трибуна будет месть Цицерону. Единственным препятствием на его пути было то, что, как патриций, Клодий сначала должен был убедить куриатное собрание разрешить его усыновление в какую-нибудь плебейскую семью, и этого Цезарь, опасаясь безрассудного поведения этого человека, до сих пор не допускал как **верховный понтифик**. Однако однажды, после того как Цицерон открыто и яростно высказался против "триумвиров", Цезарь потерял терпение и помог Клодию в обряде усыновления. Этот шаг Цезаря был рассчитан на то, чтобы остановить дальнейшую критику, но он снова сделал предложение Цицерону, предложив ему место в своем штате. Цицерон отказался продать свою свободу. Затем Цезарь позволил Клодию выставить свою кандидатуру на пост трибуна корабля и, решив, что оратор теперь достаточно запуган, сделал новое предложение. Цицерон снова отказался. Тогда Клодию было позволено исполнить свою волю. Таковы были методы Цезаря.

Во всех действиях Цезаря во время правления консула есть свидетельства замечательной власти над населением, необычайной ловкости в манипулировании людьми и партиями, бесконечной храбрости и блестящей политической тактики, но *for one law there appears very little promise of the splendid statesman*". Единственным исключением был закон об улучшении управления провинциями - мера, достойная лучших традиций республиканского Рима. От этого **lex Julia repetundarum** нас осталось лишь несколько отрывков, но они, по крайней мере, раскрывают его неизменную тщательность. Закон, состоящий из более чем ста подзаголовков, был направлен на защиту граждан, подданных и союзников от всех возможных злоупотреблений, практикуемых римскими промагистратами. Он сильно ограничивал сборы, которые можно было собирать на армейские припасы, и наказывал губернатора за принятие подарков. Он точно определял обязанности губернатора, запрещая ему вести дипломатические дела с иностранными государствами, вести войну или пересекать границы своей провинции без особого приказа. Он также предписывал губернатору хранить и сдавать на хранение три копии своих официальных документов для общественного ознакомления, две в провинциальных городах и одну в Риме. Здесь обнаруживается та научная и юридическая тенденция, которую Рим позже стал искать у Цезаря. Какой блестящий план правления он мог бы разработать во время своего консульства, пока тратил время на сведение политических счетов! Как бы то ни было, он уехал в свою провинцию, которую ненавидели и боялись все сторонники республиканских институтов, сразу нарушив несколько пунктов своего собственного провинциального кодекса.

Однако перед отъездом Цезаря горячий-Клодий стал трибуном и предпринял некоторые демагогические меры, которые, как обычно предполагалось, получили если не искреннее одобрение Цезаря, то хотя бы его одобрение. Клубы (**коллегий**), который изначально формировался как погребальных-обществ помощи, социальных

рабочих клубов и т. п., которые были отменены законом в 64 потому что они пришли для использования и злоупотребления со стороны политиков, было снова разрешено. Клодий знал, как использовать их с пользой, как показывает продолжение. Несколько бочонков вина, отправленных в каждую "ложу" с его поздравлениями за неделю или две до выборов, помогли привлечь желаемое количество голосов. Клодий p280 также имел наглость предложить и принять законопроект, предусматривающий, что зерно, до сих пор распространявшееся по низкой цене, отныне должно быть абсолютно бесплатным. Говорят, что только эта мера обошлась государству в 20 процентов его доходов. Цезарь не может полностью отделаться от подозрений в том, что он желал опустошения казны. Во всяком случае, позже, когда он перешел Рубикон, ему немало пошло на пользу то, что Сенат оказался в тяжелом финансовом положении.

Цицерон изгнан. Шел март 58-го года, и Цезарь был нужен в своей провинции, ибо, как он знал, гельветы должны были выступить 28-го. Но Цицерон все еще был на свободе и отказался, чтобы его заставили замолчать взяткой. Итак, Цезарь уступил Клодию дорогу. Трибун предложил законопроект, объявляющий вне закона "любого, кто предал смерти римского гражданина без суда". Закон, как всем было известно, касался Цицерона. Сенаторам не было смысла настаивать на том, что действия Цицерона по казни заговорщиков были полностью конституционными. Толкование закона Сенатом просто не было принято населением, и Цезарь, когда его спросили, ответил, что сейчас он придерживается тех же взглядов, что и в 63 году. Цицерон обратился к Помпею, который ранее дал обещание, что не пострадает за деяние 63 года. Но Помпей внезапно обнаружил, что его власть полностью исчезла, утраченная из-за коалиции с Цезарем. Цицерону ничего не оставалось, как покинуть спасенный им город. Когда он уехал, новый плебисцит объявил изгнание законным; имущество Цицерона было конфисковано, а толпа Клодиана принялась за дело и разрушила дом изгнанника на Палатине. Положение Цезаря теперь казалось безопасным, и он немедленно отправился в свою провинцию.

Цезарь в Галлии. Пока Цезарь спешил со своими последними приготовлениями в Риме, гельветы паковали свой багаж и готовились к переселению в западную Галлию. Чтобы избежать опасности быть порезанными галлами во время прохождения по узкому проходу между Роной и горами Юра, они планировали пересечь Рону в Женеве и p281 пройти первые тридцать миль пути внутри римской провинции. Цезарь знал все это, и он также знал, что Рим не имел привычки позволять армиям использовать свои провинции в качестве кратчайшего пути для своих вторжений. Он, вероятно, мог бы остановить движение коротким приказом. Вместо этого он промолчал и приказал своим четырем легионам идти навстречу опасности. Когда, наконец, был издан указ об изгнании Цицерона, он тоже отправился в путь сам, преодолев • около 700 миль за восемь дней - утомительная поездка для того, кто провел прошлый год на Форуме. Когда гельветы попытались переправиться перед лицом его армии, он, конечно, перекрыл броды и в то же время получил столь желанный предлог для преследования племен, которые, таким образом, совершили открытый акт войны. И снова он, вероятно, мог бы захватить перевал и воспрепятствовать отходу врага, но он подождал, пока они пройдут в

Галлию и опустошат поля эдуев, которые задолго до этого были признаны "друзьями" Рима. Теперь на основании решения **консультативного сената** за два года до этого он имел право "защищать эдуев, друзей и братьев Рима". В своих "Комментариях" он добавляет разумное соображение о том, что миграция такой орды в Аквитанию неизбежно поставила бы под угрозу безопасность отдаленных регионов Нарбонской Галлии и испанской провинции. Соответственно, он последовал за переселенцами далеко вглубь Галлии, втянул их в сражение на позиции, которую сам выбрал, и полностью разгромил их. Он отослал остатки войск домой, чтобы германцы не заполнили освобожденную страну и не стали угрозой для провинции. Таким образом, Цезарь оказался в Галлии, где и желал быть.

Теперь некоторые эдуанские вожди обратились к нему с просьбой помочь им и секвани против Ариовиста и его германцев, которые несколькими годами ранее перешли Рейн по приглашению секвани. Цезарь внимательно выслушал историю, которую он уже хорошо знал. Фактически, за год до этого, когда он был консулом, Сенат принял депутацию от **p282**Ариовиста и признал его "другом". Теперь Цезарь ответил эдуанам — это было неофициальное обращение людей, которые не представляли правящую партию в племени, — что он прислушается к их просьбе. В своих *Комментариях* он снова осторожно сообщает римлянам, что он основывал это действие на **консультативном сенате**, уполномочивающем губернатора провинции защищать эдуев. Поэтому он отправил послов к Ариовисту с просьбой о встрече. Последний отказался признать римлян как обладающих какой-либо юрисдикцией в регионе. Недалеко от Страсбурга произошло сражение, немцы потерпели безнадежное поражение, и многие пленные были взяты и проданы в рабство. Лишь небольшая часть спаслась за Рейном.

Цезарь не вернулся в провинцию, а расквартировал своих солдат на зиму на территории секванов. Он, конечно, имел на это право, поскольку, изгнав Ариовиста, установил римский суверенитет над завоеванным таким образом регионом. Но этот поступок, казалось, доказывал, что Цезарь намеревался остаться в Галлии навсегда, ибо, если он пришел просто помочь эдуям, оставаться не имело смысла. Таков, по крайней мере, был вывод, к которому пришли белги, и это, без сомнения, был вывод, к которому Цезарь надеялся, что они придут. Соответственно, белги объединились зимой, чтобы изгнать его, и когда ремы (*ср.* современный Реймс) в страхе — поскольку они были ближе всех к цезарю — отказались действовать вместе с остальными и объединились с Цезарем, белги напали на них, так что у Цезаря был под рукой законный предлог для наступления. Перехитрив врага, послав отряд эдуев к ним в тыл, он пересек Эну и вынудил силы племен рассредоточиться для защиты каждого на своей территории. Затем, в ходе дерзкой летней кампании, он направился к Ла-Маншу, последовательно подчинив суэссьонов (современный Суассон), белловачи (Бове), амбиани (Амьен), нервии, сильное племя к северу от Арденн, заявлявшее о германском происхождении, атуатучи, которые, как сообщается, являются потомками **p283** кимвров, и атребатов (Артуа). В результате этой поразительной кампании большинство племен Галлии и Аквитании, которым еще даже не угрожала опасность, прислали послов с предложением подчиниться диктату Цезаря. Таким образом, в ходе хорошо спланированного наступления,

каждый шаг которого он мог правдоподобно объяснить Риму, он в течение двух лет заставил всю Галлию признать суверенитет Рима. Смело взяв курс на север вдоль Рейна, он смог сэкономить годы работы и много кровопролития. Конечно, задача была еще не завершена — и он это хорошо знал, — но, действуя в тыл Галлии и призывая к покорности без прямого нападения на центральные племена, он получил величайшее стратегическое преимущество, поскольку мог рассматривать любое будущее восстание как восстание против запрошенного протектората.

Можно без колебаний сказать, что это завоевание Галлии было одним из самых блестяще спланированных и осуществленных военных подвигов в истории Рима, а также что по своим последствиям для Рима и более поздней истории оно было одним из самых важных. Поскольку территориальная экспансия Рима практически прекратилась со смертью Цезаря, маловероятно, что Галлия была бы романизирована, если бы это не было сделано в это время. Перенос границы с Альп на Рейн и обладание провинцией с многомиллионным населением Запада, принадлежащим к очень выносливой расе, которая была подвержена цивилизирующему влиянию Рима и могла служить в армии, заниматься торговлей и даже пополнять запасы Италии, были преимуществами, значение которых становится полностью очевидным только тогда, когда читаешь историю борьбы Рима за выживание на протяжении веков существования Империи.

Осознавал ли Цезарь важность своего поступка? Действительно ли он планировал его вообще, и если да, то с какой целью? Можно тщетно изучать его *Комментарии* в поисках прямого ответа на подобные вопросы, поскольку этот отчет, совершенно не похожий на множество апологетических военных книг, написанных генералами p284после "Великой войны", является образцом объективности и самоограничения. И все же трудно избежать вывода, что у Цезаря с самого начала был план. Его выбор Галлии сразу доказывает, что он ценил Запад в то время, когда римляне обычно обращали свои взоры к знаменитым народам Востока. То, что он сначала позволил гелльветам бежать, его вмешательство в дела Ариовиста, его размещение своих первых зимних квартир так далеко на севере, что это возбудило волнение белгов, — все указывает на то, что он намеревался подчинить Галлию и что это был хорошо продуманный план, которому он следовал, предприняв смелый курс близ Рейна в тыл Галлии. Также важно, что он провозгласил себя защитником и другом галлов, и что подлый корпус, который служил его цели по наведению ужаса на варваров, был в основном группой германских племен. Таким образом, он смог пощадить людей, которых намеревался включить в провинцию. В кампаниях первых двух лет нет записей о том, что какие-либо галльские пленники были проданы в рабство, если действительно верно утверждение Цезаря о том, что атуатуки были кимбрийского происхождения. Таким образом, Цезарь, по-видимому, выбрал Галлию с определенной целью и тщательно спланировал курс, которому следовал. Если это правда, мы должны также добавить, что кампания Цезаря была явным примером преднамеренного империализма, возможно, первым несомненным примером подобного рода в истории Римской республики. Нет необходимости спрашивать, было ли это оправдано с современной точки зрения. Более уместен вопрос о том, одобряло ли римское общественное мнение такой курс. Сам Цезарь, если

внимательно изучить его *Комментарии*, обнаруживает тот факт, что он прилагал огромные усилия, чтобы объяснить каждое продвижение как юридически оправданное. В каждом случае он, по-видимому, доказывает, что он либо защищался, либо действовал в соответствии с каким-то **senatus consultum**. Можно, однако, усомниться в том, что он воспользовался этим доводом, чтобы удовлетворить свою собственную совесть или даже обычное моральное чувство римлянина своего времени. Возможно, он частично соответствовал идее, которая Мы можем, однако, предположить, что больше всего его тяготило желание не слишком открыто нарушать правила, которые он изложил в своем **lex repetundarum**, и, во-вторых, не возбуждать в Сенате ненужных подозрений в том, что он ведет ненужную войну ради собственного возвышения. Последнее было особенно необходимо, поскольку Сенат вряд ли мог забыть, что однажды он предложил Помпею ввести вооруженные силы на Форум для помощи в принятии его законов. В тот день его достаточно предупредили о том, что вооруженные силы в руках Цезаря опасны для свободы. Цезарь хорошо понимал, что, если Сенат начнет слишком опасаться его, он начнет заигрывать с Помпеем и, возможно, распадет "триумвират". А еще Помпей был опытным солдатом.

Утверждалось, что завоевание Цезарем Галлии на самом деле было тщательно спланированными военными учениями, в ходе которых недобросовестный политик сознательно готовил армию для свержения своего правительства. Такая точка зрения не совсем справедлива по отношению к Цезарю, хотя, возможно, было бы справедливо рассматривать кампанию в ее начале как случайную для его собственных амбиций. Цезарем не всегда двигал единый импульс. Он был человеком с такими обширными дарованиями, что не сразу осознал все свои возможности. В юности, из-за партийных связей не имея возможности начать нормальную карьеру ответственного сотрудника правительства, он был соблазнен своими умственными и социальными способностями к поверхностной жизни удовольствий, которая действительно развила его знания о человеческой природе, но в остальном замедлила его моральный рост. Когда он смог заняться политикой, он сильно отставал от таких людей, как Помпей и Цицерон, и, чтобы обогнать своих предшественников, поддавался искушению использовать свои обаятельные способности в беспринципных предприятиях и предложениях. Моральный тон в политике был низким, и большинство его конкурентов использовали политическую власть в материальных целях. Красс, игравший в эту игру с ресурсами "закулисной политики" и полным кошельком, **p286** был нездоровым наставником, который предупредил его, что в нынешних условиях в безопасности находится только тот, у кого есть средства командовать армией. В такие времена люди волей-неволей становятся индивидуалистами. Не может быть никаких сомнений в том, что Цезарь получил командование в Галлии не ради выгоды, которую получил бы Рим от приобретения провинции, а ради власти, которой Цезарь достиг бы, удерживая и умело используя боеспособную армию на расстоянии удара от Рима. Но также кажется правдой, что Галлия была школой подготовки для Цезаря, что именно там он научился познавать себя, свою способность к проницательному пониманию, свое верное восприятие, свои здравые суждения и быстрый интеллект, и именно там у

него также было время и досуг, чтобы размышлять над вопросами управления и важностью великого государства, ответственным лидером которого он собирался стать. Внимательному исследователю совершенно ясно, что после того, как Цезарь обзавелся армией, с помощью которой он мог стать хозяином Рима, его первой мыслью стал долг перед Римом, по крайней мере, в той мере, в какой это его серьезно не беспокоило. Когда его первый срок полномочий подходил к концу, он остался в Галлии, потому что увидел, что его присутствие требуется дольше, и когда, наконец, его работа была завершена, он предпринял серьезные, если не вполне достаточные, усилия, чтобы предотвратить гражданскую войну, которая, вероятно, возвела бы его на пост диктатора. Галльская война стала поворотным моментом в его многолетнем самообразовании.

Во время отсутствия Цезаря Рим пребывал в постоянном смятении из-за междоусобиц. Старые лидеры Сената отказались проявлять какой-либо интерес к правительству, которое практически исключило Сенат из конституции. Помпей по-прежнему считался "Великим Человеком", с которым все должны были советоваться, но, будучи туподумом и красноречив, несведущим в гражданских процедурах, незнакомым с людьми, кроме как в качестве послушных солдат, несимпатичным в личных контактах и напыщенным, он мог только беспомощно топтаться на месте. Люди разделились на фракции. Некоторые, понимая, что Цезарь был p287 властью в правительстве, ничего не стали бы предпринимать, пока гонец не отправится в Галлию и не привезет оттуда решение Цезаря. Клодий, который поддерживал хорошее настроение в клубах рабочих и вольноотпущенников с помощью бочонков вина, заполнял ими собрания и выборы, чтобы проголосовать против любой меры, в которой сенаторы проявляли интерес. Милон, чтобы противостоять ему, создал собственные клубы, в которых он пил вино и ужинал, чтобы они компенсировали голоса избирателей, контролируемых Клодием. На избирательных участках пролилась кровь по вопросу о возвращении Цицерона. Помпей, мучимый угрызениями совести из-за предательства чрезмерно преданного друга, попросил разрешения Цезаря отозвать оратора, и Цезарь, взяв у брата Цицерона пролегоменон, который оратор не должен был оскорблять снова, дал свое согласие. Клодий приложил все усилия с помощью своих подопечных хилеров, чтобы предотвратить возвращение Цицерона, но более здравомыслящие избиратели со всей Италии пришли и спасли положение. Цицерон был отозван, но прецедент беспорядков в комитиуме только омрачил будущие перспективы.

Другой, более серьезный раскол произошел из-за египетского дела. Никчемный король был изгнан своими подданными и прибыл в Рим просить военной помощи, с помощью которой можно было бы вернуться на трон. Говорят, что он заплатил крупную сумму авансом Помпею и Цезарю, предположительно для покрытия предстоящих расходов. Очевидно, настало время завладеть Египтом как провинцией, как предлагал Цезарь в 65 году. Но никто не хотел больше провинций. Важным вопросом был выбор полководца, который должен был заставить Египет вернуть своего царя. Помпей не мог понять, почему весь Рим не указал на него как на очевидный выбор. Причины заключались в том, что Цезарь предпочитал не видеть, чтобы Помпей занимал такое сильное положение, и что Красс, который не

любил Помпея, задействовал своих агентов, чтобы предотвратить это. Это обеспечило в год поскандалить, в котором триумвират чуть не сломал, за это [р288](#)удалившимся Помпея с Цезарем и довел его до грани ищет утешения среди сенаторов.

Теперь Цицерон вернулся и, рассчитывая на возможный разрыв между ними и на свое собственное очевидное восстановление влияния, однажды весной 56 года набрался смелости объявить в сенате, что в определенный день предложит отменить последний колониальный закон Цезаря. Обо всем этом, конечно, в спешном порядке докладывали Цезарю, который в перерывах между кампаниями находился в Цизальпинской Галлии и, так сказать, держал ухо востро у телефона. Понимая, что кризис близок, он вызвал Помпея, Красса и большинство влиятельных людей государства, исключая Цицерона, на совещание в Лукку. Там он умиротворил враждующие элементы и выторговал новый союз. За два года своего пребывания в Галлии он добился формального подчинения всех племен, но фактическое умиротворение, чтобы стать постоянным, потребовало бы большего, чем два оставшихся года его правления. Следовательно, он был готов продлить старый договор: у него должен был быть дополнительный пятилетний срок полномочий, Помпей и Красс должны были иметь совместное консульство в 55 году, а затем и провинциальные полномочия, такие же длительные, как у него самого. Помпей выбрал Испанию в качестве своей территории, а Красс выбрал Сирию, понимая, что у него может быть большая армия, с которой он сможет снискать военную славу, отвоевав Месопотамию у парфян. Наконец, Помпею пришлось заткнуть рот Цицерону, напомнив ему, что его брат сдержит свое обещание. Помпей проинформировал Цицерона о том, чего от него ожидают. Оратор принял удар на себя, как и подобало, воздержался от предложения, которым угрожал, и в полной мере поддержал просьбу Цезаря о продлении полномочий проконсула. Но он был сломленным человеком и, за исключением очень редких появлений на Форуме, с этого момента и до смерти Цезаря посвящал большую часть своей энергии писательству в уединении.

Консулатный корабль Помпея и Красса мало чем прославился, за исключением продолжающегося роста беспорядков и открытого подкупа на выборах. Они выполнили единственное, [р289](#)необходимое для всех троих, приняв закон Требониана, который распределял согласованные должности. В 54 году Помпей должен был отправиться в Испанию, но нашел какой-то предлог, чтобы передать свое командование двум способным лейтенантам, пока он "откладывал" свой отъезд. Красс сразу же отплыл на Восток и в том же году пересек Евфрат. Затем, отступив на зимние квартиры, он снова двинулся в Месопотамию в 53 году с семьей легионами. Арабские стражники отвели его в пустыню и сообщили парфянам, где его найти. Там быстроногая парфянская кавалерия несколько дней играла с его тяжелыми легионами. Его сын, который был с Цезарем в Галлии, пал в битве. Красса заманили на собеседование и предательски убили. Очень немногим римлянам удалось спастись из этого позорного предприятия; десять тысяч были взяты в плен, 20 000 убитых были разбросаны по дороге отступления из Карр.

Цезарь тем временем продолжал свои кампании в Галлии. Лето 56-го года он посвятил покорению бретонских венетов и расчистке поросшего лесом побережья до самого Кале. Быстро созданный флот под командованием Децима Брута сослужил здесь замечательную службу, став иллюстрацией разносторонности инженеров и солдат Цезаря. В 55 году он в спешном порядке за десять дней построил мост через Рейн, чтобы продемонстрировать немцам, что широкая и глубокая река не является препятствием для его армии, если ему представится случай сразиться с ними. Затем, перейдя реку, он преподал им наглядный урок римского военного дела, перешел на другую сторону и срубил мост. Точно так же он провел поспешную демонстрацию в Британии, откуда, как он обнаружил, галлы были склонны набирать рекрутов. Это были романтические подвиги, которые нравились всем римлянам, и, получив сообщения о них, Сенат — тогда еще довольно послушный — постановил объявить двадцатидневный день благодарения. В 54 году, в год отъезда Красса на Восток, Цезарь снова вторгся в Британию, поскольку Галлия, казалось, сохраняла спокойствие. На этот раз он взимал дань с племен до Темзы и за ее пределами. Зимой он расквартировал **p290** свои несколько легионов отдельно друг от друга из-за трудностей с добычей продовольствия. Нервии и эбуроны подняли восстание, и им почти удалось застать врасплох разрозненные силы. Цезарь понес тяжелые потери, и ему пришлось потратить большую часть следующего лета на подавление восстания.

К 52 году Цезарь полностью продемонстрировал всем племенам, что будет означать **римский мир**. Хотя это подразумевало автономию внутри племени, если только племя не было упорно враждебным, это явно означало также отказ от свободы передвижения, набегов и войн любого рода, отказ от привилегии подчинять соседние племена и жить за счет их труда, и это означало, в частности, выплату ежегодной дани Риму. Именно для того, чтобы научить галлов этим фактам, Цезарь оставался даже в те годы, когда Галлия казалась полностью умиротворенной. Урок был отнюдь не приятным, и наконец в 52 году пришло время, когда недовольство нашло отклик во многих кругах, особенно на юге и в центре, где местные жители еще непосредственно не пострадали в сражениях. Верцингеторикс, дворянин из великого племени арвернов (Овернь), возглавил восстание. Галлы смело сжигали свои города в попытке уморить врага голодом и вели успешную войну в течение нескольких месяцев. Наконец, поскольку Цезарь не хотел попадать в ловушку, Верцингеторикс овладел сильным городом Алезия с 80 000 человек, и когда Цезарь со своими десятью легионами осадил его там, он призвал все внешние силы, в свою очередь, окружить Цезаря. Говорят, что внешняя армия насчитывала более 250 000 человек. Стойкость римского солдата, верность его людей цезарю, находчивость-офицеров Цезаря были в полной мере доказаны в этом двойном сражении. Внешняя армия была рассеяна, и Верцингеторикс сдался. Работа восьмого и девятого лета завершила задачу по уничтожению самых упорных повстанцев. Однако Цезарь остался ждать окончания срока своих полномочий, занятый, как мы увидим, ожесточенной полемикой с Помпеем и сенатом.

p291 Тем временем в Риме правительство скатывалось к анархии. Каждый из триумвиров свободно использовал влияние, деньги и назначаемые должности на

всех выборах, чтобы иметь как можно больше личных приспешников на высоких постах, и Сенат делал не меньше, хулиганские подопечные Клодия и Милон обеспечивали сильное оружие и голоса, Милон обычно выступал за Сенат, Клодий - за триумвиров или за своих собственных кандидатов. Помпей продолжал откладывать свой отъезд в Испанию. Он так долго наслаждался положением "первого человека", **принцепса**, в государстве, что даже сейчас, когда реальное влияние ускользало из его рук, он предпочитал тень принципата в Риме — и его льстецы делали вид, что это достаточно реально, — честной работе в провинции. Кажется, у него перед глазами был пример великого Сципиона, который в течение десяти лет после Пунической войны ходил по улицам Рима своим некоронованным королем. На самом деле Цицерон в эти дни писал "*О Республике*", в котором он поразительно изобразил благотворную роль, которую неофициальный **принцепс** или **ректор** мог бы сыграть в стабилизации нестабильной демократии. Возможно, Цицерон имел в виду работу, которую Помпей мог бы выполнить на этом посту. Вполне вероятно, что Помпей обсуждал эти вещи с Цицероном, и что его представление о своем положении было в его собственных глазах облагорожено этой картиной.

Помпей определенно отдалялся от Цезаря, репутация которого росла с каждым поразительным сообщением с Севера. Красс теперь ушел, так что двое оставшихся могли подозревать только друг друга. Кроме того, Юлия, которая была преданной женой и оказывала сильное влияние на своего мужа, умерла в 54 году, и Помпей вскоре после этого женился на Корнелии, дочери видного сенатора. Подозрения Цезаря серьезно проснулись в конце 53 года, когда Помпей ничего не сделал, чтобы остановить предвыборные беспорядки, которые пресекали все попытки избрать консулов на 52 год, и, наконец, заключил одобренное сенатом соглашение о том, что он должен быть назначен единственным консулом **p292**, чтобы подавить беспорядки. Действительно, беззаконие зашло так далеко, что Милон и Клодий встретились в затяжном сражении на Аппиевой дороге и сражались до тех пор, пока Клодий не был убит. Помпей наслаждался достойной должностью "единоличного консула" и проделал много хорошей работы по восстановлению закона и порядка, но, увлеченный своей новой честью и предложениями сенаторов, которые увидели возможность подорвать власть Цезаря с помощью Помпея, он был вынужден предложить или разрешить принятие ряда мер, несовместимых с его прошлыми обещаниями Цезарю. Так наступил перелом, который всего два года спустя вылился в гражданскую войну.

Глава XVII

Гражданская война

Спор между Цезарем и Помпеем. Роковая ссора между Помпеем и Цезарем возникла из длинной серии разногласий. При возобновлении триумvirата в 55 году Цезарю было предоставлено законное продление его полномочий на пять лет, то есть формально до марта 49 года. Однако подразумевалось, что он обязательно будет занимать этот пост до января 48 года, поскольку его преемником, естественно, будет бывший-консул, который будет освобожден от должности в Риме в феврале, а не в марте. Поскольку Цезарь, как и все промагистраты, оставался на своем посту до прибытия своего преемника, датой наследования мог быть только январь 48 года. В то время никто не рассматривал никакой другой возможности. Более того, Помпей пообещал Цезарю, что в подходящий момент предложит закон, освобождающий Цезаря от необходимости лично агитировать за пост консула на корабле, чтобы по возвращении он мог сразу же занять место нового консула на корабле. Это было незаконно, но, в конце концов, небольшое нарушение по сравнению с теми беззакониями, которые оба совершили в 59 году. Для Цезаря это обещание было чрезвычайно важно, поскольку, войди он в город для агитации в 49 году, он тем самым стал бы частным лицом и подлежал суду; и Катон уведомил, что при первой возможности привлечет Цезаря к суду за государственную измену. Помпей действительно сдержал свое обещание и добился освобождения Цезаря от должности путем плебисцита.

Однако, когда Помпей стал единоличным консулом в 52 году и примирился с сенатом, он и его новые друзья начали разрабатывать планы по переводу Цезаря на положение частного лица до даты его вероятного назначения на пост консула, и они могли сделать это лучше, потому что Цезарь теперь был настолько занят Верцингеториксом, что у него не было времени p294следить за каждым политическим движением в Риме. Партия Помпея нашла правдоподобный выход из положения. Настаивая на том, что корабли проконсулов используются для выплаты политических долгов, они предложили остановить это зло, избрав на должности промагистралей только тех лиц, которые занимали должность магистратуры полных пять лет назад. Истинной целью этой меры было, конечно, дать возможность найти какого-нибудь бывшего консула на место Цезаря в тот самый день, когда истек его официальный срок полномочий, и таким образом вернуть Цезаря к частной жизни на девять месяцев. Это, конечно, также лишило бы Цезаря в 48 году нового корабля-проконсула на пять лет, даже если бы он дошел до корабля консула в 48. Друзья Цезаря в городе не поняли смысла этого законопроекта вовремя, чтобы остановить его принятие. Затем Помпей принял законопроект, запрещающий заочную агитацию на корабле *консулов*. Когда его спросили, насколько это согласуется с его обещаниями Цезарю в предыдущем законопроекте об освобождении, он уклончиво ответил, что, по его мнению, конкретное исключение, вероятно, было действительным, несмотря на общий запрет, принятый позже.

Цезарь, теперь насторожившийся, понял, что единственным законным средством, которым он мог предотвратить катастрофу для себя, было воспользоваться услугами какого-нибудь трибуна, чтобы наложить вето на назначение преемника до дня своего возвращения, и таким способом решение жизненно важного вопроса было отложено до конца 50 года. Тем временем он предложил через своих представителей уйти в отставку, если Помпей сделает то же самое, предложение, к которому Сенат не осмелился прислушаться. Помпей не мог соперничать с Цезарем в борьбе на выборах. Его престиж полностью зависел от его предполагаемого превосходства как солдата. Хотя в настоящее время у него не было большой армии, он отозвал из армии Цезаря легион, ранее предоставленный ему в аренду, к которому Сенат добавил еще один из Галлии под предлогом того, что для вторжения парфян в Сирию требуются войска. И у него также были сильные легионы в Испании, которые, предположительно, могли напасть на Цезаря с тыла.

В ноябре спор достиг апогея. Сенат по предложению консула проголосовал за предварительный законопроект о том, что преемник должен быть отправлен в Галлию до марта 1. Трибун, находившийся на жалованье у Цезаря, указал, что это может означать гражданскую p295 Напуганный сенат подавляющим большинством принял это предложение — оно, конечно, не имело обязательной силы, поскольку консультативный сенат вряд ли мог отменить результаты плебисцита, на котором были отданы соответствующие приказы. Однако это показало, что сторонники Помпея уступают. Соответственно, консул по собственной инициативе претенциозно вручил Помпею меч, поручив ему защищать государство. По-видимому, это был просто жест, не имеющий юридической силы, но он произвел впечатление на людей, которые сочли этот поступок значительным; и Помпей, видя, что он должен действовать немедленно или проиграть, принял командование и приказал собрать войска по всей Италии. Существуют также археологические свидетельства того, что каменщикам в то время поручали работу по укреплению слабых мест римских укреплений.^a

Первого января 49 года, когда новые консулы вступили в должность, вопрос должен был быть решен окончательно, как всем было известно. Выслушав новое предложение Цезаря о том, что он уступит все, кроме двух легионов, если сможет заочнобаллотироваться на пост консула *корабля* Сенат проголосовал за то, чтобы Цезарь ушел в отставку первого июля или был объявлен врагом общества. Марк Антоний, тогдашний трибун, действуя от имени Цезаря, немедленно наложил вето на эту меру. В течение нескольких дней "друзья мира" пытались выйти из тупика, призывая каждого или обоих уступить. Цицерону почти удалось убедить Помпея выступить за компромисс, но сенаторы-консерваторы отвергли его совет, и седьмого числа Сенат принял "последний указ", который игнорировал вето трибуна и передал правительство в руки вооруженных сил. Трибуны отбыли той же ночью и достигли Ариминума через три дня. Цезарь уже выступил из Равенны накануне вечером со своим собственным легионом, перешел Рубикон и теперь встречался с трибунами на итальянской земле.

Было бы мало смысла пытаться распределить p296 вину в этой ссоре. И Цезарь, и Помпей заботились главным образом о себе, готовые рисковать кровью невинных

ради личной выгоды. И когда такие люди, как Цицерон, не решались принять чью-либо сторону, мы можем только быть благодарны за то, что все еще находились римляне, которые испытывали отвращение к безрассудному эгоизму обоих соперников. Помпей, возможно, завоевал больше симпатий историков, но это, вероятно, потому, что вину с его стороны разделял и Сенат. Его два соглашения с Цезарем в 60-м и 56-м годах о отмене конституции ради взаимной выгоды сделали его таким же виновным, как и Цезаря. Это также не снимает с него вины за то, что он внезапно стал чувствителен к требованиям конституции, когда, наконец, обеспечил свое собственное будущее прежде, чем Цезарь смог сделать то же самое. Следует также добавить, что, учитывая обещания, данные ему Помпеем в 56 году, предложения Цезаря в 50 и 49 годах были настолько разумными, что с него должно быть снято обвинение в маневрировании для войны на корабле диктатора. Он намеревался остаться в живых и обладать огромной властью до конца своей жизни, и он был готов проливать кровь других людей ради этого, но нет никаких доказательств того, что, затеяв ссору, он стремился к чему-то большему.

Победы Цезаря. Помпей надеялся удержать Рим и разрешить конфликт в Италии, но Цезарь, хотя с ним был всего один легион, сразу же бросился вперед, зная, что Италия обвиняет в войне Сенат и что если он прибудет достаточно быстро, то сможет набрать большую часть рекрутов, набираемых для Помпея. Когда Помпей увидел, что происходит, он повел два своих легиона на юг: побывав недавно с Цезарем, они не были полностью надежны. Большая часть Сената отправилась с ним. Он едва успел отплыть из Брундизия в Грецию, как появился Цезарь.

Цезарь, однако, не мог следовать за Помпеем на восток. Ей потребуется время, чтобы строить транспорты, а между тем Помпей, имя которого состоялась в большом уважении в [р297](#)Востоке, соберут большие силы и взять на себя ответственность провинциальных армий в восточных провинциях. Поэтому Цезарь решил запустить механизм благоприятствующего правительства в Риме, обезопасить зерновые провинции на Западе, которые Помпей пытался удержать в надежде уморить Италию голодом, задействовать все верфи Италии для строительства флота и, подобрав по пути свои галльские легионы, отправиться в Испанию, чтобы уничтожить ветеранов Помпея в своем тылу. Он с готовностью захватил все итальянские порты, но Массилия (Марсель), находящаяся под влиянием проконсула Домиция, отказалась поддержать его дело. Поскольку этот греческий порт мог легко принять гарнизон Помпея и перекрыть коммуникации между Италией и Испанией в его отсутствие, он оставил часть своей армии под командованием Децима Брута, чтобы уменьшить ее численность, а сам отправился в Испанию. Здесь лейтенанты Помпея Петрей, Афраний и Теренций Варрон, великий ученый, командовали семью легионами. В ходе 40-дневной кампании, в ходе которой Цезарь шел на самый опасный риск ради экономии времени, он победил их. Он отпустил пленных офицеров, что было его необычно великодушным обычаем, и принял услуги большинства солдат своей собственной армии. Затем, вернувшись, он оставался в Массилии до тех пор, пока она не была взята штурмом, двинулся маршем на Рим и, приняв на несколько дней корабль диктатора, избрал себя и своего друга Сервилия Исаврика консулами на следующий год.

Будучи консулом, он принял закон, предоставляющий транспаданцам гражданство-корабля, за что они отблагодарили его, щедро завербовав на службу в его армию. Он также попытался восстановить деловой кредит и стимулировать денежное обращение, объявив мораторий, введя в действие либеральное правило о банкротстве и разрешив ограниченное погашение долгов, обязав суды предоставить должникам привилегию вычитать уже выплаченные проценты из основной суммы долга. Общее отречение, на котором настаивали многие присоединившиеся к нему банкроты, он отказался рассматривать.

Теперь он отправился в Грецию с семьей легионами, но, имея **p298**транспортов только для половины из них, ему пришлось разделить свои силы. Адмирал Помпея, который обстреливал восточные гавани в поисках кораблей, патрулировал Отрантовский пролив днем и ночью. Цезарь, однако, ускользнул со своей первой дивизией. С этой частью он бросился в Диррахий, чтобы захватить припасы Помпея, но был опередлен Помпеем, который в это время возвращался со своих фессалийских вербовочных баз. Теперь Цезарю грозила опасность потерпеть поражение, поскольку Антонию до сих пор не удавалось провести остатки своей армии через патруль Помпея. Действительно, однажды штормовой ночью Цезарь вышел в море на маленькой лодке, чтобы лично переправить их, но ему тоже не удалось переправиться из-за открытого моря. Когда, наконец, появился Антоний, Цезарь предпринял осаду армии Помпея в Диррахии. Задача оказалась невыполнимой из-за протяженности стен, которые необходимо было перекрыть. Цезаря действительно критиковали за то, что он таким образом навлек на себя неудачу, но следует помнить, что его инженеры выросли в экспертов по рытью траншей и возведению баррикад во время осад Герговии и Алезии. У него, несомненно, были основания верить в эту попытку. Помпей в конце концов прорвался через свои обходные пути, и Цезарь, испытывая нехватку припасов, поскольку он не контролировал море, отступил на равнины Фессалии.

Фарсалия. Намерение Помпея состояло в том, чтобы избегать сражения до тех пор, пока его войска не окрепнут и пока армия Цезаря не начнет испытывать нехватку продовольствия. Но консулам и сенаторам не терпелось вернуться в Рим и разделить добычу. Помпей, формально принявший положение послушного слуги правительства, которое он нес в своей свите, уступил их требованиям и вопреки здравому смыслу предложил сражение при Фарсалии. На самом деле у него была армия примерно в два раза больше, чем у Цезаря, с значительно превосходящей силой кавалерии, но по отдельности его солдаты не могли сравниться с закаленными ветеранами, которые в течение десяти лет при Цезаре побеждали огромные армии варваров. Главным образом вопрос заключался в том, сможет ли Цезарь отразить первую **p299**атаку крупных кавалерийских сил Помпея, которые, естественно, попытаются обойти его с флангов и окружить тыл. Он успешно добился этого, умело расположив попавшие в засаду когорты в критических точках за линией фронта. Когда таким образом была отражена атака кавалерии, остальное было нетрудно. Армия Помпея была полностью разгромлена. Полководец сбежал с поля боя и сел на корабль, отплывающий в Египет, где надеялся, что молодой Птолемей проявит к нему доброту за его участие в восстановлении отца царя на троне

несколько лет назад. Однако, когда Помпей прибыл, Птолемей случайно расположился лагерем со своей армией недалеко от побережья, фактически намереваясь атаковать силы своей сестры и соправительницы- Клеопатры. Советники царя, опасаясь, что римские контингенты египетской армии (войска, отправленные на помощь царю в 56 году) поддержат дело Помпея и таким образом втянут Египет в войну, посоветовали, что самым безопасным способом было бы избавиться от Помпея и приветствовать победителя. Соответственно, Помпея пригласили в небольшую лодку и предательски убили, когда он собирался сойти на берег. Сообщается, что позже Цезарь приказал казнить убийц.

Цезарь в Александрии. Поскольку Египет, возможно, мог стать оплотом его врагов, Цезарь решил, если возможно, отправиться в Египет и установить мир между Птолемеем и Клеопатрой и привлечь их к своему делу. Их отец действительно постановил, что править должны оба, но государственные министры и армия отказались признать Клеопатру. Разгневанные вмешательством Цезаря, они внезапно напали на него, и, если бы не его присутствие духа, они могли бы решить его судьбу. Однако Цезарь, заблокированный в центре Александрии, стойко отражал все атаки, пока его офицеры не прочесали Палестину и Сирию в поисках спасательных сил. Только в марте 47-го он почувствовал облегчение. Поскольку царь погиб в этой борьбе, Цезарь посадил Клеопатру на трон и, как говорят, остался на два или три месяца, чтобы посвятить ее в исполнение обременительных обязанностей царицы, поскольку она была очень молода и неопытна — и очень красива.

Осада Цезаря в Александрии, которая едва не привела к его гибели, побудила его врагов собрать свои силы. Многие сенаторы, последовав примеру Катона и Сципиона, отправились в Африку, где нумидийский царь, как было известно, был дружелюбен к Сенату. Фарнак, сын Митрадата, также отказался подчиниться новому делу и разгромил римскую армию. Дома также было много недовольства. На самом деле вспыльчивый Целлий, которого Цезарь оставил претором, очевидно, чтобы угодить радикальным элементам, самовольно объявил новый мораторий, и при его дворе рассматривались всевозможные просьбы об отмене арендной платы и долгов. Он должен был быть свергнут Марком Антонием, конюшим Цезаря, и теперь Долабелла, трибун, предпринимал аналогичные усилия с помощью сумасбродного законодательства. Цезарь сначала повернул на Восток, быстрым маршем переправился через Понт и летом 47 года положил конец войскам Фарнака при Зеле. Именно с этого поля боя он отправил домой театральную, но знаменитую депешу: **Вени, види, вичи.**

Цезарь в Риме. Вернувшись в Рим, он снова укрепил авторитет, отрекшись от радикальных элементов. В начале зимы он приказал своим войскам отправляться в Африку. Однако легионы, расквартированные в Кампании, взбунтовались, когда им приказали отправляться, двинулись на Рим и потребовали выплаты задолженности по жалованью и увольнения. Знаменитый десятый легион, который был его любимым в Галлии, по-видимому, возглавил это движение. Стремительная отвага Цезаря в этом случае произвела большое впечатление на римлян и, без сомнения, свидетельствовала о быстрой и проницательной рассудительности, сыгравшей столь

большую роль в его успехе. Несмотря на угрозу личной расправы, он отправился в лагерь, встретился лицом к лицу с солдатами и несколькими резкими замечаниями, мудро относящимися к прошлым успехам и будущим триумфам, оправдал их. Через мгновение они уже стояли на коленях, умоляя, чтобы их забрали обратно.

р301 На выборах, которые, конечно же, он контролировал, Цезарь снова принял должность консулавместе с Лепидом, своим добровольным инструментом, но он также сохранил за собой должность диктатора. Были распределены губернаторства, и в духе примирения он выбрал Марка Юния Брута, служившего в армии Помпея, на Цизальпинскую Галлию, один из самых важных постов, имевшихся в его распоряжении. Этот Брут носил имя, прославившееся за пять веков римской истории упрямой любовью к свободе, и хотя он подчинился Цезарю после битвы при Фарсалии, у нас нет оснований думать, что он любил Цезаря или прилагал какие-либо усилия, чтобы завоевать расположение диктатора. Скорее всего, Цезарь разыскал Брута. В его окружении было слишком много банкротов и выскочек и слишком мало людей, заслуживающих доверия и уважения. Брут также состоял в кровном родстве или браке с большим количеством знатных семей Рима, Юни, Ливии, Порции, Сервилии, Гортензии и другими, и, очевидно, был бы большим ценностью. Нет особых оснований для критики, которой историки обрушились на молодого человека из-за того, что он принял должность от Цезаря. Когда Брут занял пост губернаторакорабля, Цезарь еще не объявил о своем намерении установить автократию. Брут получил свой пост с помощью законных каналов назначения, и поскольку провинциями должны управлять самые лучшие люди, Брут только служил своему государству, соглашаясь.

Битва при Тапсе. За шестнадцать месяцев, прошедших после Фарсалии, республиканские силы, собиравшиеся в провинции Африка, очень окрепли. Нумидийский царь Джуба предоставил большую армию и особенно сильную кавалерию, привыкшую сражаться в раскаленных песках Юга. Имена Сципиона и Катона привлекали сторонников республиканцев со всех сторон, и к их услугам были опытные генералы Лабиен, Афраний и Петрей. Цезарь провел первые три месяца 46 года, удерживая свои позиции на узком побережье Африки, пока не 6 апреля он атаковал войска Сципиона на поле Тапса и снова одержал решающую победу. Из предводителей спасся только Лабиен. Катон бежал с несколькими другими в город Утика, где посоветовал горожанам сдаться Цезарю. Затем он удалился в свою комнату и покончил с собой. Возможно, именно этот акт мученичества в большей степени, чем все подвиги его жизни, сделал его жизненно важной силой в истории Рима, поскольку, хотя он был человеком бесспорной честности и неукротимого мужества, ему не хватало как привлекательных человеческих черт, так и дальновидной мудрости, которые делают его эффективным лидером людей. Способ его смерти с чувством затронул те добродетели, которые при его жизни делали его личность несколько отталкивающей. С тех пор, пока существовал Рим, его имя вызывало большое вдохновение.

Правительство Цезаря. Теперь война, казалось, закончилась, поскольку никто не ожидал, что слабоумные сыновья Помпея, скрывающиеся в Испании, могут причинить какие-либо реальные неприятности. Все взгляды были устремлены на

Цезаря, с тревогой ожидавшего признаков определенной политики. Некоторые осмеливались надеяться на возвращение к конституционным формам, но тщетно. Многие опасались, что Цезарь, теперь, когда вся власть была в его руках, отомстит в виде проскрипции, как это сделали Марий, его дядя, и Сулла. Этого он не сделал. Фактически он открыто заявил, что ему нечего наказывать и что он не сделает разницы между помпеянцами и цезарианцами. В письме, которое он написал в начале войны, он объявил об этой политике некоторым своим друзьям, хотя в выражениях, которые, кажется, выдают только расчетливого политика. Суть письма такова: "Поскольку большинству завоевателей не удалось удержать власть, потому что они избегали сочувствия жестокостью, я попытаюсь добиться прочной власти с помощью политики милосердия". Однако, возможно, это письмо скорее отражает настроение получателей, чем действительные мотивы автора. В целом Цезарь был щедрой натурой, и справедливо будет сказать, что полезные инстинкты играли в его поведении большую **роль, чем расчет.** **p303** Тем не менее, некоторые пострадали. Права наследников не всегда тщательно учитывались, когда имущество павших республиканцев выставлялось на публичные торги. Его ближайшие советники и близкие люди были в значительной степени недалекими льстецами, так что люди противоположной стороны редко удостоивались благосклонного слушания. Цицерон единственный из старых помпеянцев имел мужество взять на себя неприятную задачу смиренно умолять его сохранить жизнь и восстановить забытых республиканцев в изгнании. И эти речи произносятся тоном уважения, доказывающим, что свобода устарела. В свободном государстве такие речи не возымели бы никакого эффекта. Здесь они достигли своей цели.

За те семь месяцев, что Цезарь оставался в Риме в 46 году (с июля по декабрь, с двумя промежуточными месяцами), он выполнил огромный объем работы. Конечно, сначала должен был состояться великолепный триумф, поскольку он еще не праздновал свои победы даже над галлами, а римляне настолько избавились от необходимости участвовать в войнах — старая галльская армия принимала на себя основную тяжесть всех сражений, — что им требовалась наглядная демонстрация достигнутых результатов, если они хотели понять последствия. Четыре дня были отведены для четырех отдельных триумфов: над Галлией, Египтом (о Помпее ничего нельзя было сказать), Понтом и Африкой (врагом официально была названа Джуба, а не Катон). Были организованы великолепные игры, каждый солдат получил около 1000 долларов, а всем гражданам были розданы денежные пожертвования и еда для покрытия расходов, связанных с сезоном отпусков. Так начались усилия по популяризации автократии. На самой впечатляющей церемонии Цезарь посвятил храм Венере Генетрикс, для которой лучшим художником того времени была изготовлена очень красивая статуя богини, созданная по указу эдикта. Имя, конечно, подразумевало, что Цезарь принадлежал к божественной расе, что было достаточно распространенным хвастовством в азиатских монархиях. Римский народ воспринял это как приятную прихоть и ушел. Они были обречены очень скоро **p304** узнать, что этот поступок был полон глубочайшего значения.

В законодательстве этого года Цезарь был наиболее серьезно озабочен ремонтом правительственного механизма и приведением его в устойчивое действие. Средства

его не слишком заботили, хотя в целом он использовал Сенат и Ассамблею в их признанных функциях. Будучи консулом, он часто предлагал сенату административные меры, но сначала наполнил Сенат своими сторонниками, чтобы добиться благоприятного решения. Все меры, предложенные в Сенате или Ассамблее — он использовал либо то, либо другое, как лучше всего соответствовало его целям, — были разработаны заранее под его наблюдением. Законопроекты, которые он одобрил, не обсуждались и на них не накладывалось вето. Они неизменно принимались, и никто не осмеливался предлагать законопроекты без его одобрения. Многие дела делались еще быстрее по приказу диктатора (теперь он занимал этот пост на десять лет) или благодаря свободному использованию своих полномочий бессменного цензора. Можно упомянуть некоторые из наиболее важных мер, которые, по-видимому, относятся к этому периоду, чтобы мы могли отметить тенденцию государственного деятеля Цезаря.

Сначала он призвал лучшего астронома того времени, греческого ученого из Александрии, и вместе с ним реформировал римский календарь. Старый 355-дневный год, который требовал дополнительного месяца каждый второй год, был заменен календарем из 365 дней с високосным годом каждый четвертый год. Этот календарь, с небольшой правкой, внесенной папой Григорием XIII в 1582 году нашей эры, конечно, все еще используется. Чтобы адаптировать старую систему к новой, необходимо было вставить 67 дней между ноябрем и декабрем.

Большая мудрость проявилась в том, как Цезарь заботился об уволенных солдатах. Они не были похожи на ветеранов Суллы, которых колонизировали группами, чтобы позже превратиться в буйные массы, но были разбросаны повсюду, где были найдены свободные участки. С безработной городской толпой также разобрались. Клубы, которые часто использовались p305 Клодием в политических целях, были упразднены, за исключением добросовестных промышленных коллегий, которые имели давние уставы. Была назначена комиссия для сокращения менее чем вдвое огромного числа (320 000) тех, кто получал бесплатное зерно. Каждое заявление тщательно изучалось, и государственная помощь предоставлялась только в соответствии с разумными принципами. Позже мы увидим, что Цезарь колонизировал в чужих краях огромные массы этой городской бедноты.

Законы о роскоши также были необходимы для того, чтобы напомнить бездумным расточителям, что, когда финансы находятся в критическом состоянии, деньги необходимо направлять в законный бизнес и инвестиции, подавляя роскошную жизнь. У Цезаря были рыночные инспекторы для контроля цен и количества, которое можно было приобрести на определенные редкие товары, и он назначил конкретную сумму, которая, по его мнению, была разумной для ежемесячного счета за стол. Карточки на хлеб и мясо, которые в последнее время так широко вводятся в европейских странах, восходят к очень древнему прецеденту. Он также вновь ввел 5-процентные налоги на импорт в Италию, которые были отменены в 60 г. до н.э. Это несколько помогло сократить импорт, а также возложило на итальянцев небольшую часть государственных расходов, от которых они слишком легко избавлялись.

Он также всерьез озаботился вопросом о том, как воспитать лучшего гражданина. Рабы в опасной степени были основой, из которой выросло римское население. Они были практически единственными иммигрантами, поскольку их можно было купить и привезти для удовлетворения любой новой потребности. На самом деле он не пытался ограничить вольную, хотя в настоящее время отправил огромные орды вольноотпущенников в колонии, но он установил правило, согласно которому скотоводы — которые, конечно, широко использовали рабский труд — должны нанимать по крайней мере одного свободного гражданина на каждых двух рабов. Это могло бы послужить началом реформы. И он открыл дверь для более здоровой иммиграции, предоставив p306гражданство практикующим врачам и всем преподавателям гуманитарных наук. Его наиболее важной мерой по улучшению статуса римских граждан по всей Италии был его муниципальный закон, который предусматривал типовой устав для всех муниципалитетов. Такая модель была нужна давно, поскольку за социальными войнами, которые номинально дали всем итальянцам право на гражданство, последовали гражданские войны и несимпатичный *режим* Суллы, в результате чего итальянцы не получили помощи от Рима в создании местных органов власти, когда их племенные организации распались. Типовой устав Цезаря, который мы частично сохранили в виде неровной надписи, использовал консервативный принцип, уже вошедший в моду в старых римских муниципалитетах, согласно которому городской совет из ста бывших-магистратов использовался в качестве декурионов, в руках которых находилась власть принимать все городские постановления. Демократ, хотя он и называл себя цезарем, не считал уместным использовать общее городское собрание для этой цели. Исполнительная и судебная власть осуществлялась советом из четырех человек, избираемых ежегодно, при этом выборная власть оставалась за всем демократическим собранием граждан. Разделение полномочий было установлено очень четко, и были тщательно продуманы меры по мощению улиц, по охране здоровья, противопожарной защите и тому подобное. Это хартия, по которой муниципалитеты все еще могли бы успешно управлять сами собой.

Такова была работа, проделанная Цезарем за несколько месяцев планирования испанской кампании. Великой проблемы собственной конституции Рима он не касался напрямую. Что бы он ни намеревался в конечном итоге с этим сделать, ему было бы лучше сделать это после того, как он приучит Сенат к разоблачению его беспомощности. Еще не пришло время раскрывать свои окончательные намерения. Но в ограниченной проблеме, которую он теперь решил принять, в каждой детали виден результат острого наблюдения, беспристрастного суждения и стремления ученого получить относящиеся к делу факты. p307Он в значительной степени обладал тем аналитическим умом, который проявляется почти на каждой странице римского свода законов; которым обладали Гракхи, но притупили сентиментальные порывы; которым также обладал Сулла, хотя он позволял духу мести исказить цель каждого разработанного им закона.

Цезарь в Испании. Тем временем Лабийен и двое сыновей Помпея собирали остатки сил Помпея и Сертория в Испании и добавили большие отряды испанских наемников, чтобы подготовиться к последней битве. Цезарь отправил армию осенью

46 года и в конце года намеревался присоединиться к ней. Для способности этого человека к концентрации характерно то, что в этом путешествии он отбросил государственные заботы и мысли о войне до такой степени, что сочинил длинную поэму о путешествии под названием "Итэр", грамматический трактат и критику Катона (*Антикатона*) в ответ на хвалебный "Катон", который Цицерон только что опубликовал. В марте (45 г.) противоборствующие силы встретились при Мунде в Испании, и Цезарь выиграл свою последнюю битву. Он оставался там в течение нескольких месяцев, наказывая непокорные племена, награждая лояльных даром полноправного гражданского корабля или "латинских" прав и в целом укрепляя римские интересы в провинции. На обратном пути он уделял много внимания Октавиусу, своему внучатому племяннику, умному и привлекательному юноше семнадцати лет. Как только он прибыл в Рим, он составил новое завещание, в котором — очевидно, не ставя в известность Октавия — сделал его своим сыном и наследником.

Положение Цезаря в государстве. Получив известие о Мунде, Сенат принял серию указов, значительно увеличивающих полномочия и почести Цезаря. Пятьдесят - День благодарения был объявлен в месяц Quinctilis был переименован в Юлий (Восточная царей имел такие почести), название *Pater patriae* дана была ему, и его портрет был появляться на римских монетах — один зловещий обычай переняли от восточных царей.

Его могущество стало высшим благодаря дару всей судебной власти. Сначала его избрали консулом на десять 308 лет, но он отказался. Не в его правилах было придавать достоинство старым республиканским кабинетам. Сенат понял намек и назначил его пожизненным диктатором, добавив должность пожизненного проконсула (в силу которой он сохранял верховное командование всеми армиями), полную цензорскую власть под названием "*praefectus morum*" (что давало ему контроль над всеми списками сенаторов, рыцарей и граждан) и бессрочное *intercessio* или *Tribunicia potestas* (посредством чего он мог предотвращать любые попытки независимого законодательства). Теперь он был автократом не только номинально, и то, что он принял эти полномочия после отказа от десятилетнего-консульства, является достаточным доказательством того, что он предложил эти должности через своих агентов и что он не был обременен ими против его воли раболепствующим сенатом, как утверждали его апологеты после его смерти. Нам также не нужно винить его. В Риме еще предстояло сделать бесчисленное множество дел для исправления древних злоупотреблений, и Цезарь откровенно присвоил себе полномочия, которые позволили бы сделать это быстро и без утомительного противодействия. Его принятие автократической власти не обязательно указывало на форму правления, которую он намеревался в конечном итоге разработать. Сулла, например, использовал автократические полномочия для восстановления правления сенаторов.

Был еще ряд почестей, которые Цезарь принял — и, мы должны заключить, пригласил, — которые были еще более значимыми для намеченного им курса, почестей, которые указывали на желание возвыситься над обычными людьми до положения божества. И он уже предложил этот курс, когда изобрел новую богиню

Венеру—Генетрикс - Венеру, прародительницу рода Юлиев. Конечно, не без предложений агентов Цезаря Сенат проголосовал за то, чтобы статую Цезаря несли среди статуй божеств в величественной процессии на играх, чтобы ее также поместили в храме Квирина (обожествленного Ромула), где бюст простого человека не имел права появляться, и, наконец, чтобы у его дворца на Палатине был фронтон, подобный тому, что **стр. 309** есть в храмах, что наводит всех прохожих-на мысль, что его обитатель был богом. Именно его принятие этих не-римских почестей — нет, убежденность в том, что он сам напросился на эти почести, — больше всего возмутило старых патриотов. Это те вещи, о которых Цицерон упоминает в своих осторожных письмах близким друзьям в глубокой ярости, а не о диктаторе корабль и другие знаки отличия автократии. Неужели Цезарь сошел с ума? Потерял ли он понимание того, что предстоит вынести римлянам? Был ли он слишком опьянен властью, чтобы оставаться человеком среди людей? Это была проблема, которую бесконечно обсуждали исследователи характера Цезаря. Одна группа историков объяснила его поведение потерей самоконтроля, связанной с участвовавшими приступами эпилепсии; другая настаивала на том, что почести были оказаны злонамеренно с целью подорвать популярность Цезаря.

Недавно было предложено третье объяснение, более соответствующее всем имеющимся фактам. Вкратце, это то, что Цезарь, подобно Александру Македонскому, заметив, что у всех восточных народов автократия преуспевала только там, где правитель основывал свою власть на теории божественных прав, сознательно решил постепенно приучить римский народ признавать сверхчеловеческий характер своего правителя. В Персии, как и в Египте, царь был больше, чем человеком. Он был потомком богов, выразителем богов или сам был божеством, высказывания которого нельзя было опровергнуть. Александр, понимая тот факт, что его реформам и великим планам по объединению Греции со всех сторон препятствовали договоры, законы и конституции, и что он мог бы преодолеть их, только если бы смог приучить греков к мысли, что его указы, исходящие из сверхчеловеческого источника, являются окончательными, намеренно распространил историю о своем происхождении от Зевса Аммона. Юлий Цезарь, который внимательно следил за карьерой Александра, знавший азиатские и египетские обычаи по личному наблюдению, по-видимому, придерживался аналогичной политики. Он знал, что римлян, привыкших за пять столетий к демократии, **р310** нелегко будет приучить к автократии, что Сенат некоторое время будет оставаться подчиненным, поскольку в нем были его сторонники, но что и они вырастут до достоинства своей должности, впитают дух независимости и восстания. Хотя он принижал значение корабля консула, назначая на короткие сроки слабых людей, могли произойти несчастные случаи; какой-нибудь чиновник мог однажды заявить о своей независимости и поднять восстание. План Цезаря, трудный для понимания в свете современных обычаев, в конце концов, был очень разумным в обществе того времени. Рим был полон выходцев с Востока, которые привыкли к теории божественной власти. Толпа, по крайней мере, с готовностью приняла бы эту идею и была бы еще более предана правителю в связи с его возвышением. Многие сенаторы, также владевшие провинциями на востоке, помнили, как жители Востока

предпочитали преклоняться перед ними как перед полубожественными существами. Они уже были наполовину приучены принимать эту идею. И план Цезаря состоял в том, чтобы претворяться в жизнь постепенно и с должной осторожностью. Сначала он намеревался провозгласить **короля** не над Италией, а над провинциями. Был найден оракул, который, казалось, провозглашал, что только **царь** может завоевать Парфию. Он пробудет на Востоке несколько лет, завоевывая и организуя империю вплоть до Персии. Вероятно, он разместит свою штаб-квартиру в Александрии или в Трое, которая, по слухам, должна была быть восстановлена. В таком центре он в течение нескольких лет созывал бы свой Сенат, и в таком центре в обстановке, полностью восточной, даже сенаторы со временем привыкли бы к пышности королевского двора восточного типа. Таков, по-видимому, был план Цезаря.

Если мы допустим, что огромной римской империей больше не могли править сенаторские клики и сбитое с толку собрание, мы также должны признать, что Цезарь был прав, предполагая, что наиболее разумным и очевидным экспериментом — хотя и не единственным возможным — была централизация имперского и городского управления в руках одного человека. И ввиду того, что **p311** что старое правление Римом было согласно традиции выборным, система, которая провоцировала гражданскую войну, мы также должны признать, что наследственная автократия хорошо известного эллинистического типа была очевидным выбором. Таким образом, учитывая трудности установления **regnum** над народами Запада, привыкшими к демократии, мы можем, наконец, признать, что было разумно попытаться привить религиозные чувства автократическому институту, что, по крайней мере, примирило бы разношерстное население с этой идеей. Существовала большая опасность, что римская знать сочтет эту идею отвратительной, но Цезарь уже столько лет отсутствовал в Риме во главе армий, что его присутствие больше не было привычным. Он вполне мог бы преуспеть в навязывании им своего плана, и если бы ему это удалось в течение нескольких лет, опасность постепенно уменьшилась бы. Во всяком случае, его план, по-видимому, был тщательно продуман, и то, что он был так близок к успеху, является доказательством того, что он хорошо понимал требования общества того времени. Конечно, мы знаем, что это провалилось и что его наследник, некоторое время поразмышляв над этой идеей, отверг ее, но в конечном итоге был принят план Цезаря, и только несколько лет назад современные западные нации смогли путем изнурительной войны избавиться от последних остатков восточного представления о том, что короли правят **Dei gratia**.

Планы Цезаря. В 44 году Цезарь намеревался отправиться на Восток в длительную кампанию, и перед отъездом он наметил большое количество проектов, которые должны были быть осуществлены в его отсутствие. Лишь немногие из них были доведены до завершения его преемником, унаследовавшим разграбленную казну, но программа интересна тем, что раскрывает характер строителя империи.

В качестве основы для научного налогообложения и колонизации во всех провинциях он задумал грандиозную программу проведения полного обследования

и переписи населения по всей империи. До сих пор принимались во внимание только граждане. По мнению Цезаря, приближался день, когда римляне и италийцы не должны были иметь никаких преимуществ перед галлами, греками и азиатами. **р312**общества. Он превращал империю в плавильный котел. Галлы и испанцы, даже сыновья бывших-рабов, были возведены им в сенат. Целые города недавно покоренных племен были обращены в рим по его приказу. Напротив, колонии ветеранов были основаны в Нарбо и Арле в Галлии, а колония предлагалась для Лиона. Эти города Прованса превратили долину Роны в новую Италию. Испания получила колонии римлян, испанцев и легионеров в Кордове, Севилье, Таррагоне, Новом Карфагене и Урсо. Последнее название получило в основном вольноотпущенников из Рима, для которых Цезарь разработал план правления, который существует до сих пор. С этой колонизации начинается быстрая романизация Испании. Большие группы граждан, в основном вольноотпущенников, также были отправлены восстанавливать Карфаген, долгое время находившийся в запустении, Коринф, столь жестоко разрушенный сенатом в 146 году, Синопу и Гераклею, расположенные далеко на берегу Черного моря. Когда-то это были важные торговые города, поэтому Цезарь выбрал для них вольноотпущенников, которые больше рассчитывали стать успешными торговцами, чем фермерами. Он даже обследовал Коринфский перешеек с намерением прорубить канал из Эгейского моря в Коринфский залив, где разместил колонию. Одним словом, империя должна была быть объединена, а подданные как можно скорее уравнены с италийцами; и в качестве подтверждения своей искренности он отменил несправедливую контрактную систему-взимания налогов при сборе регулярной десятины и значительно снизил все поборы. До такой степени он был готов учитывать удобство подданных, что евреи были освобождены от уплаты дани за годы Творческого отпуска, когда по старому глупому обычаю они оставались непродуктивными.

Были также разработаны либеральные планы по улучшению и благоустройству Рима и Италии. Рим был иметь-к-дате бухта с волнорезами, углубил канал и доки в Остии, и канал был обеспечить дешевые баржи **р313**движения для всех Лацио от Tarracina вдоль береговой линии к Тибру. Помптинские болота и озеро Фучинус должны были быть осушены, а большие площади хорошей земли предоставлены для ведения сельского хозяйства — проекты, которые в девятнадцатом веке осуществлялись с огромными затратами. В Риме Марсово поле должно было быть отведено под строительные площадки, новый кампус планировался дальше на северо-запад, и чтобы освободить для этого место, Тибр предполагалось перебросить к подножию Ватиканских холмов. Были также составлены планы строительства новых правительственных зданий, театра на склоне Капитолия и большой публичной библиотеки. Наконец, мы должны упомянуть проект Цезаря по составлению сборника законов и эдиктов, для которого был выбран известный юрист. Смерть Цезаря положила конец и этому начинанию, и работа была поручена гораздо менее компетентным юристам Юстиниана. Когда кто-то видит, что Рим потерял в социальном и экономическом развитии из-за смерти Цезаря, нельзя не сожалеть о том, что автократия в этот раз не имела возможности доказать свою

эффективность. Человек с такими широкими симпатиями, острым видением, смелым воображением и энергией больше не должен был попасть в Рим.

Примечание Тайера:

^a догадка автора, подробно изложенная в его статье "Заметки на сербской стене" (АДЖА22:175-188).

Глава XVIII

Внутренние условия

Мы проследили за внешней и политической историей Рима на протяжении столетия кризисов. Пришло время остановиться и сделать краткий обзор менее навязчивой деятельности народа.

Образование. Римская республика долгое время не решалась брать на себя какое-либо бремя, помимо бремени управления. Экономическое и социальное обеспечение считалось заботой отдельного человека. В целом представляется верным, что патерналистские автократы - это те, кто в наибольшей степени расширил функции правительства. Римская семья всегда заботилась об образовании детей и продолжала в значительной степени заниматься этим в этот период. Однако число частных школ быстро увеличивалось. Когда мальчики осваивали азы чтения, письма и арифметики, их родители обычно отправляли их к учителю (**грамматику**), который обучал их греческому языку и читал вместе с ними Гомера и греческих драматургов, тренируя, объясняя и читая лекции. Стихи Энния, Ливия и Луцилия точно так же стали латинскими учебниками, используемыми для изучения. После этого, если ученик желал дальнейшего руководства общим чтением, он мог отправиться в Афины, на Родос или в Неаполь и посещать лекции нескольких мастеров, одни из которых преподавали философию, другие - литературу и правила композиции. Однако большинство римских мальчиков из хороших семей помнили о возможности сделать государственную карьеру. Поэтому они совместили лекции по композиции и "риторике" с фактическим посещением какого-нибудь выдающегося друга семьи, который занимался юридической практикой и выступал на Форуме.

"Риторическая" подготовка была точной и обширной. Ученики изучали образцы ораторской прозы **р315**на греческом и латыни, анализировали недостатки и достоинства каждого из них, пытались постичь правила композиции вплоть до знания, например, около шестидесяти фигур речи и применимости каждого из них. Посещение какого-то человека, действительно участвовавшего в Форуме, принесло знания как о содержании, так и о форме. Он даже выполнял функции курса права с использованием того, что можно назвать прикладной "системой рассмотрения дел". Иными словами, молодой ученик мог помочь в составлении дела, мог делать заметки в суде о манерах и методах своего наставника и оппонента, а также мог получать комментарии своего наставника по всем этапам рассмотрения дела. Поэтому он также присутствовал на Форуме, когда произносились политические речи, впитывая секреты психологии толпы, одновременно наблюдая за стилем выступления оратора. Именно таким образом великие государственные деятели Рима обучались своей работе. Поскольку, кроме того, молодой человек не мог занять куркульную должность до достижения им по крайней мере тридцати лет, его годы общего обучения (если только он не пошел на службу в армию) могли продолжаться, по крайней мере, отрывочно, в течение длительного времени. Во

времена Цицерона большинство молодых людей из хороших семей были хорошо начитаны в греческой литературе и философии.

Философия. Философские дискуссии того периода были уже не очень плодотворными, поскольку философия как бы загнала себя в тупик.-de-sac. Блестящие греческие мыслители несколькими столетиями ранее намеревались следовать мыслительному процессу, куда бы он ни вел, и на данный момент казалось, что он ведет к бесконечным возможностям. Какое-то время казалось, что интеллект способен объяснить тайны вселенной, природу Бога и состав материи. Способность, которая могла выявлять гармонии в числах, выявленные геометрией, которая могла организовывать общество в государства и которая могла усилием воображения порождать атомные теории, казалась способной на все. И поскольку поведение разума казалось гораздо более интересным, чем мертвая материя, философы предпочли рационализировать, а не p316экспериментировать. Вот почему философия так быстро взлетела в метафизику и так долго не решалась проводить тщательные исследования простой физической природы. Очевидно, что сначала следовало опробовать величайшую и наиболее многообещающую область, и потребовалось несколько столетий, чтобы объяснить ее и обнаружить, что для достижения прогресса человек должен терпеливо приступить к более скромной задаче получения данных в результате тщательного изучения физического мира. К тому времени, когда философия пришла в Рим, первый великий период восторженных открытий закончился. Метафизика обнаружила свои недостатки. Скептики обнаружили, что воображение не является надежным проводником к истине, и что даже органы чувств человека, с помощью которых он пытался получить достоверные данные, по-видимому, не были полностью надежными. Затем наступил период депрессии и сомнений. Преемники Аристотеля смиренно признавали, что великие факты вселенной, вероятно, недостижимы и что философии, возможно, следует заняться более скромной задачей определения социальных и политических обязанностей человека. Таким образом, во времена Цицерона преподаватели философии, в основном стоики и эпикурейцы, в тот момент занимались в основном вопросами поведения, то есть этикой. Вина в этом не лежала ни на греках, ни на римлянах. Это просто естественная реакция, которая всегда возникает на определенном этапе мышления, поскольку она снова вернулась после столетия восторженной посткантовской метафизики, закончившегося возвратом к стоическому "прагматизму".

Стоицизм все еще оставался популярным в Риме. Люди с сильным характером, унаследовавшие семейные традиции и темперамент несентиментального пуританства, как это было у очень многих римских дворян, находили естественную привлекательность в твердом призыве к долгу и в поощрении политической активности. Его пантеистическую метафизику приходилось принимать на веру, а вера обычно не вызвала к практической логике римлян, но, похоже, пантеизм оправдывался собственным политическим опытом Рима, быстрым созданием мировой империи. Поскольку конечная причина была p317, по общему признанию, непостижимой вещью, к стоической метафизике можно было, по крайней мере, относиться терпимо — и пренебрегать ею. Мы не находим, чтобы философия

оказала большое положительное влияние. На интеллектуальный прогресс это влияние было в целом банальным, поскольку имело тенденцию удовлетворять пытливый ум человека пустыми фразами, препятствовать философским и научным исследованиям, настаивать на том, что мышление человека должно быть полностью направлено на этические цели и что любая наука, которая не имеет прямого отношения к поведению человека по отношению к своим собратьям, совершенно бесполезна. И философия, как и наука, преследующая только практические цели, вскоре приходит в упадок по своей сути.

Эпикурейство становилось все более популярным в период правления Цезаря. Стоики высмеивали его из-за того, что они называли его аморальным подтекстом, поскольку оно откровенно принимало гедонизм. Это, однако, был этап, которым ранние римские приверженцы эпикурейства, такие как Лукреций и Вергилий, не интересовались. На самом деле к этой школе принадлежат самые возвышенные учителя этики Рима. Что особенно привлекало их, так это атомная теория и теория эволюции, которые, какими бы неполными они ни были, позволили римлянам-рационалистам порвать с грубой и уже презируемой мифологией, а также с априорным мистицизмом тех решений, которые предлагал им стоицизм. Римляне к этому времени прошли через несколько столетий поразительного опыта в решении крупных государственных проблем, в законотворчестве, в запутанной логике судов. Им стала нравиться осязаемая точка зрения на логику, основанная на здравом смысле. Космология, основанная на столкновении атомов, казалась им гораздо более разумной, чем трансцендентальные гипотезы. Эта теория также облагораживала интеллектуальную деятельность. Она признавала, что поиск универсальных причин стоил того, даже если это не имело отношения к поведению. И люди, наделенные инстинктом поиска, чувствовали облегчение от философии, которая учитывала этот инстинкт. К сожалению, у римлян еще не было времени разработать инструменты и методы научного p318исследования — скептицизм по отношению к метафизическим методам едва успел сделать свое дело, — но они искали новый путь. Когда Лукреций выдвигал теории о неразрушимости материи и постоянстве связей между причиной и следствием, он, конечно, не изобретал лабораторных методов для проверки этих теорий, но он использовал природу как лабораторию, очень внимательно наблюдал за тем, как работает природа, и основывал свои выводы на таких наблюдениях. Это было началом индуктивного научного метода; и благодаря такой предварительной работе современные лаборатории нашли ясный путь для продолжения исследований с использованием прямой экспериментальной работы. Если бы у эпикурейства были равные шансы против имперской оппозиции, которая была вызвана этическими соображениями, и против мистицизма, который возник с первоначальной иммиграцией, оно вполне могло бы приблизить день научных исследований, продолжив восторженную пропаганду таких молодых людей, как Лукреций и Вергилий.

Этика и нравственность. Для современного студента, с детства приученного основывать свое поведение на авторитетной системе поведения, всегда возникает любопытный вопрос, что цивилизованные люди принимали за стандарт своего поведения до того, как христианство навязало свои предписания. Он задается

вопросом, как получилось, что такие люди, как Катон и Цицерон, Вергилий и Гораций, даже сейчас могут считаться образцовыми в любом современном обществе. В конце концов, они не готовились каждый седьмой день к моральным рассуждениям, чтобы поддерживать свои стандарты поведения в течение недели. Мы не находим ответа на этот вопрос в римской религии, поскольку ранняя религия, которая проявляла тенденцию — не очень сильную — приобретать этическое значение, давным-давно была вытеснена греческой мифологией, которая, несмотря на свою красоту, была настолько языческой, насколько это могло сделать буйное воображение. Действительно, римляне предпочли морализировать греческим богам. Серьезного ответа мы не находим и в философии. Эпикурейский догмат, гласивший, что только хорошо упорядоченная жизнь ведет [р319](#)к истинному счастью, не вызывал принуждения, поскольку молодой человек был волен предпочесть сиюминутное удовольствие конечному счастью, если он хотел пойти на риск. Стоический аргумент был слишком изопращенным, чтобы быть вполне убедительным. Он действительно пытался найти универсальную санкцию для хорошего поведения, утверждая, что необходимо следовать законам природы и что, поскольку то, что было особенно естественным для человека, было его разумом, он должен всегда консультироваться со своим разумом. Естественно, за этим следовало хорошее поведение. Но молодому человеку легко мог прийти в голову вопрос, не являются ли инстинкты столь же естественными, как разум. И если он решил, что это так, то его философия не опиралась ни на авторитет, ни на страх перед последствиями в стоической Нирване коллективного выживания душ, которые удерживали бы его от следования естественным импульсам, которые его разум мог не одобрить.

Тем не менее стандартный перечень добродетелей, подчеркиваемых римлянами, хотя и не совсем совпадает с христианской доктриной, отличается не столько содержанием, сколько смещением акцентов. Римляне обладали обостренным чувством справедливости, которое, по крайней мере до времен гражданских войн, проявлялось в честных сделках. Это породило либеральный дух в политике, который обеспечил успех итальянской федерации, поскольку слову Рима можно было доверять, и это чувство справедливости было тем элементом римского права, который приспособил его к использованию всеми судами во всех странах. Полибий особо отмечал, что в контрактах на клятву римлянина можно было положиться, в отличие от клятвы греков.

У римлян также было сильное чувство товарищества по кораблю, основанное, по-видимому, на социальном инстинкте, унаследованном издревле. В прошлом не было такого великого государства, граждане которого ценили бы индивидуальность выше сплоченности. Несомненно, именно этот инстинкт заставлял римлян придавать такое большое значение социальным группам, государству и семье. Ради государства и семьи они всегда предполагали, что должны рисковать всем. В частной жизни это качество проявлялось в щедром распределении частной собственности посредством [р320](#)подарков и завещаний достойным людям и в возведении зданий для общественного пользования.

Физическая храбрость также оценивалась высоко, что было необходимо в государстве, столь зависящем от военного успеха. На протяжении веков армия была

организована по системе, которая посылала самых благородных и богатых людей в первые ряды армии. Даже во времена Цицерона мы слышим о сильном социальном давлении, оказываемом для поддержания уважения к доблести. Когда, например, Скавр не удалось остановить вторжение варваров в северную Италию, его отец отказался допустить его к себе, и молодой человек в отчаянии покончил с собой.

С другой стороны, кротость и смирение не особенно ценились. Рим слишком долго был правящей расой, и гордость за записи предков слишком сильно поощрялась в молодежи, чтобы римляне могли с терпением относиться к качествам, обычно желаемым для рабов и подданных. Действительно, было мало факторов, столь влияющих на моральное воспитание римской молодежи из хороших семей, как гордость за происхождение. Какое более эффективное средство воспитания могла придумать мать для своего сына, чем провести его по длинной галерее **представлений** предков, напоминая отрывки из "Энния и Фабия", в которых рассказывалось о деяниях каждого, и, наконец, указывая на нишу, ожидающую его бюста, если он окажется достойным курульного кресла. Несколько подобных уроков было достаточно, чтобы вдохновить молодого дворянина посвятить жизнь серьезным усилиям ради того, что римляне называли **gloria**. Слава предков была с ним так постоянно, что "Gloria" стала почти самоцелью, как ясно показывает Цицерон в великолепном периоде своей *Pro Archia*. Эта движущая сила долгое время твердо придерживала дворянство высоких стандартов действий, а высокие стандарты в ведущих классах служили прекрасным примером для тех, кто брал с них пример.

Очевидно, однако, что в возвышении **Глории** до положения, которого она не заслуживала, была опасность. В нервные дни последнего столетия Республики достоинство курульных должностей и триумфы представляли собой слишком большое искушение, **p321**и люди начали выбирать незаконные пути сокращения путем расточительного расходования средств на выборах и "погони за триумфом" в провинциях, так что то, что вело к добродетели, теперь привело к пороку. Это также делало правящий класс властным и жестоким в отношениях с подданными.

Наконец, мы обнаруживаем, что в Риме целомудрию уделялось меньше внимания, чем таким качествам, как самообладание и умеренность. Когда-то социальное зло в достаточной степени контролировалось природной умеренностью, присущей латинскому роду, и здоровыми семейными традициями. Когда город был маленьким, все семьи правящих классов знали друг друга, и развод считался позором, которого трудно было избежать. Прочные традиции имели непреодолимую силу в такой жизни. Однако во времена Цицерона строгие семейные обычаи уступали место отчасти потому, что гражданские войны имели тенденцию разрушать семьи, так что старые союзы разрывались и заключались новые, отчасти потому, что брак с патриархальных времен основывался просто на семейных контрактах, а не на религиозной или юридической санкции, и было обнаружено, что когда патриархальные обычаи отступали, или когда родители, заключившие контракты, умирали или принимали противоположные стороны в гражданской войне, не оставалось никакой внешней обязывающей силы. Мы должны также добавить, что разрушение-прочных семейных традиций сопровождалось

увеличением богатства в результате эксплуатации обширной империи. Избалованные дети, выросшие в непринужденной обстановке, ошибочно принимали капризы за необходимость и теряли способность к самоконтролю. Раздражительность и забота о себе не способствуют укреплению общества или семьи. Тот, кто читает письма Цицерона, находит множество доказательств того, что "отсутствие сочувствия" стало рассматриваться как достаточная причина для развода.

Таковы были тенденции в нравственном воспитании в Риме. Анализ, по-видимому, указывает на то, что бремя поддержания поведения на респектабельном уровне не лежало ни на религии, ни на какой-либо далеко-идущей философии. Пуританские инстинкты, унаследованные p322от испытанных предков, имели большое значение, родительское обучение правилам приличия, которые привели бы к жизни в уважении и чести, и обычное давление, которое общество оказывает на тех, кто не желает подчиняться социальному кодексу — на них обычно полагались, чтобы сделать все остальное. Но мы также видели, что уже пришло время, когда этих вещей стало недостаточно.

"Общественная жизнь". Несмотря на то, что женщины всегда пользовались большим уважением в Риме, они не стали самостоятельным элементом общественного общения вплоть до поздней Республики. Мужчины правящих классов вели серьезную и насыщенную политическую жизнь. Они были слишком обременены государственными заботами, чтобы проявлять какой-либо интерес к веселой жизни и легким разговорам. В цicerоновский период в Риме впервые появляется то, что воскресные газеты называют "обществом", что, конечно, проявилось задолго до этого в придворных кругах Востока, где были праздные принцессы, которых нужно было развлекать. Сервилия, мать Марка Брута, была женщиной остроумной и обладавшей присутствием духа, широкой начитанностью и — что привлекало римлян — острым пониманием политики. Возможно, не будет ошибкой сказать о ее "салоне", где можно было встретить таких блестящих мужчин, как Цезарь. Клодия, жена Метелла, сестра печально известного политика Клодия, была еще одной женщиной, которая держала дом открытым. Группа молодых радикалов слонялась вокруг ее роскошного дома на Палатине, ее садов у реки и летнего домика на берегу Неаполитанского залива. Она тоже увлекалась политикой, используя кокетство в качестве подкупа за голоса избирателей, но ее остроумие и блестящая беседа привлекали и литераторов. Наконец, мы можем упомянуть Семпронию, мать Децима Брута, возможно, дочь Гая Гракха, в доме которой познакомились безрассудные молодые аристократы, поддерживавшие Катилину из дерзости. Саллюстий, когда состарился и стал раздражительным, отзывался о ней с суровым неодобрением: "Она знала греческую и латинскую литературу и танцевала лучше, чем следовало бы женщине с хорошей репутацией p323 Он уверяет нас, что иногда она отказывалась платить свои долги. "Но ее остроумие было выше всяких придилок, она могла писать стихи, вызывать смех, говорить с достоинством, а также кокетничать. Действительно, она была женщиной большого ума и обаяния". Саллюстию, возможно, было трудно быть справедливым к матери того, кто считался лидером заговора против Цезаря. Во всяком случае, эти трое могут быть упомянуты

как важные социальные перемены, которые становятся заметными в эпоху Августа, когда знать, освобожденная от напряженных политических забот, начала развлекаться на различных общественных мероприятиях, чтобы спастись от скуки.

В цicerоновский период важные государственные деятели все еще были склонны вести образ жизни, во многом определяемый их серьезными заботами, и удовлетворять свои желания иметь спутника жизни в ходе выполнения своих повседневных обязанностей. Утром, а римляне вставали рано, они обсуждали личные проблемы со своими многочисленными клиентами, оказывая помощь и совет. Утро часто проводилось на заседаниях Сената, в политических дискуссиях с коллегами-сенаторами и в переписке. Во второй половине дня у них всегда должно быть время потренироваться со своими товарищами за игрой в теннис или гандбол и поплавать в "банных". В этих заведениях также имелись комнаты отдыха, где можно было встретиться с друзьями. Ужин, который был единственным важным приемом пищи за день, обычно был временем встречи семьи и близких гостей. Часто это была изысканная трапеза, во время которой декламация, танцы или пение обученных рабов заполняли промежуток между многими блюдами. Вечер был коротким для мужчин, которые должны были вставать с восходом солнца.

Люди, занимавшиеся торговлей и банковским делом, очень редко вступали в эту жизнь, поскольку политическая аристократия очень ревниво относилась к своему собственному социальному статусу. Мы можем предположить, что представители коммерческих кругов копировали моду своих начальников, но нам не сообщают, какой была их жизнь p324

Литература. Как это ни странно, в этот смутный век появилась литература, которая в своих лучших проявлениях, кажется, совершенно не замечала ужасов войны, и это тоже несмотря на тот факт, что писатели принимали участие в деятельности государства. Есть одна очень интересная группа писателей — тот самый круг, который гудел о блистательном присутствии Клодии, — которые во время первого триумвирата помогали Цицерону, высмеивая Цезаря и Помпея, а позже были привлечены материальными средствами или просто благодаря его личному обаянию сражаться за Цезаря в серии состязаний в стихах и прозаических памфлетах. Мы слышали много стихов Катуллы, Кальвы, Корнифиция и других, но только те из них, что принадлежат Катулле, пережили скучный суд цензуры темных веков.

Катулл стал поэтом, когда встретил Клодию и влюбился в нее. Стихи, которые преследовали ее, умоляющие, увлекающие, упрекающие, исполненные страстной преданности или ревнивой ярости и отчаяния, звучат музыкой, которая кажется чуждой латинскому языку. Искренность и интенсивность неотразимы, естественность и легкость выражения, а также плавный поток стихов поражают того, кто читал прозу того времени. Это как если бы кто-то внезапно перешел от Баха к песне Шумана. Он написал много других второстепенных стихотворений, которые демонстрируют ту же прямооту подлинного искусства, стихи о великодушной дружбе, сатирические анекдоты и особенно язвительные эпиграммы, брошенные в адрес великого цезаря. К сожалению, жизнь Катулла была очень короткой: кажется, он посвятил писательству менее пяти лет, и последнюю часть этого короткого периода он посвятил сочинению стихотворных сказаний (эпиллий)

в преобладавшем тогда александрийском стиле. Они интересны как исследования нового романтизма, который пытался отойти от формальных правил искусства и экспериментировал с темами чувств и эмоциональных переживаний. Но они оторвали поэта от него самого и p325от его идиомы. Именно благодаря группе самых ранних стихотворений он жил и будет жить до тех пор, пока читаются стихи.

Lucretius. Катулл умер в 54 году до н.э., как раз в то время, когда "триумвират" начал распадаться. В том же году Цицерон редактировал посмертные труды Лукреция, который умер годом ранее. Великая поэма о природе (*De Rerum Natura*) излагает в гекзаметрических стихах важные доктрины эпикурейской философии. Здесь поэт пытается объяснить атомарную природу материи, материальный состав души, природу психических процессов, эволюцию планетной системы и более позднюю эволюцию социальных институтов. По своему предмету Лукреций является ортодоксальным последователем Эпикура, так что его книгу можно смело использовать в качестве руководства к учителю. Однако что привлекло в нем читателей, так это не столько его точное изложение материалистической философии, сколько его дух и искусство. Его великий дар - визуализирующее воображение, которое заставляет его историю эволюции мелькать перед глазами в виде серии ярких картин. Его личная привлекательность, возможно, больше всего заключается в пылом энтузиазме, с которым он провозглашает свою доктрину. Вы чувствуете, что он нашел что-то в истории эволюции, что вырвало его из унылого и глупого существования и наполнило вселенную смыслом и поэтической красотой. Он хочет, чтобы весь мир пошел с ним и увидел то, что видит он. Наконец, у него есть инстинкт истинного художника - писать с абсолютной прямоотой и искренностью. Материализм называют прозаической философией. Никто бы никогда этого не предположил, читая Лукреция. Для него значение имели жизненная сила и энергия атома, и, следуя за этой атомной энергией через пульсирующую природу к человеку, он преодолел пропасть между природой и человеком. Его проэмия была, пожалуй, первым адекватным романтическим обращением к природе в литературе.

Прозаики. Этот период также стал свидетелем большого прогресса в прозаической литературе. Ожесточенная борьба партий вызвала к жизни автобиографии и истории с определенной целью, p326поскольку государственные деятели чувствовали необходимость оправдать свой образ действий. Благородный Рутилий Руф, изгнанный по наущению рыцарей, Эмилий Скавр, возглавлявший сенат во времена Мария, старый патриций Лутаций Катул, сражавшийся с кимврами вместе с Марием и потерявший честь, которую, по его мнению, заслуживал, потому что Марий был популярным героем, даже Сулла, хотя он казался таким невосприимчивым к критике, и Лукулл, которого отозвали с Востока, чтобы уступить место Помпею, - все они написали автобиографии, которые на самом деле были партийными политическими брошюры. Во времена Суллы Клавдий Квадригарий, Валерий Антиас и Корнелий Сисенна написали очень объемистые римские истории для широкой читающей публики, поскольку политические распри теперь распространились по всей Италии и вызвали большой интерес к истории удивительного роста Рима. Эти люди писали с уклоном в пользу аристократии;

следовательно, блестящий писатель, который также был демократическим лидером, К. Лициний Мацер, написал эту историю с особым упором на конституционный прогресс плебейского элемента. Все эти писатели рассматривали историю как предмет литературной обработки и прежде всего стремились сделать свои книги увлекательными, что свидетельствует о том, что образование в настоящее время стало довольно общим, если не очень основательным. Еще до смерти Цицерона установилась новая тенденция, отражающая интерес к более основательным исследованиям и большее внимание к точности в специальных областях антикварных знаний, тенденция, обнаруживаемая по-прежнему в исторических трудах, написанных для университетских людей, а не для масс. В частности, Теренций Варрон, которого Цезарь выбрал для организации первой публичной библиотеки, Туберон и другие написали объемистые трактаты о развитии права и конституции, о религиозных институтах, об истории литературы, лингвистической истории, истории философии и о многом другом. Все упомянутые нами прозаические произведения и десятки других были утрачены, но у нас есть результаты некоторых из их исследований в исторических трудах Ливия, [р327](#)биографиях Плутарха, антикварных книгах Плиния и в других местах.

К счастью, труды Цицерона в какой-то степени сохранились. Государственный деятель, лучший представитель римской культуры, был практически вытеснен Цезарем из активной политической жизни и, как мы видели, вновь занял руководящую роль лишь через несколько месяцев после смерти Цезаря. В течение двенадцати лет он посвятил себя метафизике, этике, политической философии и обсуждению римской прозаической литературы и стиля. Его философским работам (*De Officiis*, *De Finibus* и т.д.), которые являются работами хорошо информированного любителя, римляне, не умевшие читать по-гречески, обязаны своими первыми адекватными обсуждениями философских систем, которые были тогда в моде; и мы обязаны им большей частью наших знаний о более поздних философах, чьи работы утрачены, а также значительной частью нашего философского словаря. Великий труд Цицерона о государстве, "*О республике*", сохранился в виде разбитого палимпсеста, который можно прочитать лишь краткими отрывками. Однако у нас достаточно сведений о нем, чтобы обнаружить, что оно оказало немалое влияние на формирование конституции, которую позже принял Август. Большинство его стилистических рассуждений (*Об Ораторе*, *Бруте*, *Ораторе* и т.д.) сохранились, и они фактически сформировали благодаря последующим поколениям учебников по "Композиции и риторике", унаследовавших его правила, основу учебного пособия по композиции почти до наших дней. Лучшие образцы латинского ораторского искусства также дошли до нас от Цицерона в сохранившихся пятидесяти восьми его речах.

В то время как Гортензий обучался искусному и витиеватому стилю, подходящему для сенаторских присяжных времен Суллы, а Цезарь, чьей любимой аудиторией было плебейское собрание, учился быть кратким, прямым и язвительным, Цицерон практиковался в искусстве быть одновременно ясным и артистичным. Он считал, что речь должна во что бы то ни стало достигать своей цели, но он отказывался игнорировать требования культурной части своей аудитории, которая могла оценить

p328звучную латынь. И он был человеком с такими богатыми дарованиями, что, казалось, был способен придать своим фразам любой возможный эффект. Его обширные исследования позволили ему овладеть обширным словарным запасом, которым он мог пользоваться с точностью; чувствительная натура и чуткое воображение позволяли ему мгновенно улавливать каждое настроение своей аудитории. Его богатый опыт в политике, бизнесе и литературе позволил ему чувствовать себя как дома при дворе, в Сенате или перед ассамблеей. Очень острый ум, сильная память, живое воображение, дар эпиграмматических и едких фраз позволяли ему особенно часто сталкиваться с непредвиденными обстоятельствами в Сенате и при дворе. Удивительно тонкий слух к полной мелодичности латинской речи побудил его отдавать предпочтение тем массивным и величественным периодам, которым никогда не было равных по достоинству, но он знал, когда использовать этот стиль, а когда избегать его. К сожалению, падение Республики уничтожило, еще до его смерти, аудиторию, которая могла оценить его стиль. Дебаты в сенате — за исключением краткого возобновления в 43 году — закончились, когда Цезарь перешел Рубикон. После этого вид обнаженного меча научил мужчин говорить коротко и дело с концом. Резкий и простой аттический стиль Цезаря был перенят Кальвом и даже Брутом, а следующему поколению Цицерон был ни к чему. Его речи остались великолепным свидетельством того, как когда-то говорила аристократия Имперской республики. Маловероятно, что какая-либо демократия будущего вернется к этой модели.

Наконец, переписка Цицерона заслуживает хотя бы мимолетного упоминания. У нас есть 864 его письма, примерно-половина из тех, что были первоначально опубликованы его друзьями после его смерти. Написанные всем великим людям своего времени, Цезарю, Помпею, Бруту, различным консулам, генералам и губернаторам, его близким друзьям и даже его рабам, они дают нам незаменимую картину того времени. Ни в один другой период истории студент не зависел так **p329** постоянно в поисках точной информации от пачки личной корреспонденции.

Искусство. В это время мало что можно сказать об изобразительном искусстве Рима. Скульптура и живопись, в отличие от литературы, универсальны по способам самовыражения, и лучшие работы того времени легче всего было приобрести, пригласив известных художников из греческих городов, где люди теперь были слишком бедны, чтобы содержать их. На самом деле, многие греческие художники мигрировали из пришедших в упадок дворов Александрии и Сирии в Рим и Неаполь, где они работали и получали заказы от богатых римлян, которые сейчас украшали свои новые виллы на берегу Неаполитанского залива. До сих пор существует множество довольно хороших бюстов римлян, Цезаря, Цицерона и немало неназванных личностей, заслуживающих внимания, но большинство из них, вероятно, были сделаны импортными скульпторами. Для своей обширной строительной программы в Риме Цезарь пригласил афинского архитектора. Греция по-прежнему оставалась, так сказать, Школой изящных искусств для Запада.

Об *экономических и социальных условиях* мы поговорим подробно позже. Здесь будет достаточно нескольких общих слов. Римляне по-прежнему черпали свое богатство в основном из итальянских ферм и ранчо, которыми управляли в больших

масштабах. Однако восстание Спартака указало на опасность использования слишком большого количества рабов. Следовательно, заметна тенденция чаще, чем раньше, прибегать к фермерству-арендатору, и не только свободным крестьянам предлагалось арендовать землю за долю от произведенной продукции, но и доверенным рабам также предлагалось брать доли и откладывать достаточно, чтобы выкупить свою свободу. Эта система поощряла промышленность, и Италия, похоже, при ней повысила производительность. Она также уделяла больше внимания садоводству, поскольку мелкому фермеру требовался более широкий ассортимент продукции, чем специализированному владельцу плантации. Варрон упоминает, что Италия снова приобретала вид сада. Чтобы поощрить то же тенденция РедуКинг доля рабов на ранчо, Цезарь перешел [p330](#) закона, как мы видели, требуя каждый третий трудящийся в службу травоядные быть свободным гражданином.

Капитал, когда имелся какой-либо избыток, по-прежнему был склонен вкладываться в сельскохозяйственные угодья и недвижимость, а не в промышленность и торговлю. Рыцарские компании, участвующие в государственных контрактах, по-прежнему накапливали и использовали большие суммы в государственных контрактах, но политика время от времени вносила хаос в эти корпорации. Они разбогатели и стали могущественными примерно через тридцать лет после смерти Гая Гракха, затем, поскольку они начали вмешиваться в политику и злоупотреблять своим контролем над судами, вынуждая губернаторов предоставлять им возможности эксплуатировать жителей провинций, Сулла лишил их привилегий в судах, а также более крупных контрактов, а Лукулл сократил их средства, уменьшив кредиты. Они все еще были достаточно сильны, чтобы помочь Помпею получить его командование, но им больше никогда не позволили вернуть себе прежний контроль над провинциями. Во времена Цезаря они зарабатывали деньги, контролируя портовые и пастбищные сборы, и, занимаясь этой работой, они также вступали в банковские и коммерческие отношения с восточными городами для получения случайной прибыли. Наконец, незадолго до своей смерти Цезарь ввел ограничения, которые значительно сократили и эти прибыли. Следовательно, их риски были велики, и они понесли большие убытки. Что оставалось на закате Республики, так это то, что римские бизнесмены познакомились с восточными провинциями, наладили обширный бизнес, ссужая деньги полуобанкротившимся городам под высокие проценты, скупили много земель в провинциях у людей, испытывающих финансовые трудности, и получили гораздо больше по закладным, которые не могли быть погашены. Рыцари также участвовали в зарубежных предприятиях по торговле недвижимостью в качестве агентов или партнеров римских сенаторов, которые не желали открыто участвовать в подобных сделках. В результате обширные владения на Востоке теперь принадлежали римлянам, которые черпали свои доходы из этого источника.

Коммерция. Римляне еще не проникли в коммерцию в [p331](#) значительной степени, за исключением перевозки и продажи продуктов, собранных в качестве дани, но этот вид деятельности служил входным клином. Большинство кораблей по-прежнему принадлежали азиатским, сирийским, греческим и южно-итальянским фирмам и частным лицам. В *промышленность* римляне тоже не спешили входить.

Производственные центры Италии, где промышленность развивалась в больших масштабах, находились в Кампании, в Неаполе и его окрестностях, а также в Этрурии. Фабрики, о которых мы поговорим позже, по-прежнему находились в руках людей не римского происхождения. Эти условия объясняют тот факт, что Сенат еще не интересовался финансовым законодательством. Даже Цезарь, который с большой симпатией относился к деловым людям и понимал, как ни один римский государственный деятель до него, потребности бизнеса, перед своей смертью мало что сделал, чтобы показать, насколько остра проблема. Колонизация Коринфа, Карфагена и Синопы, план рытья каналов в Коринфе и Лациуме - вот, однако, несколько доказательств его интереса. Итальянский закон о тарифах, вероятно, не был задуман для защиты промышленности, поскольку пошлина вряд ли была достаточно высокой, чтобы служить этой цели. Наш вывод состоит не в том, что симпатии Цезаря были узкими, а скорее в том, что инвестиции Рима по-прежнему были в значительной степени аграрными, и в Риме пока не было большого спроса на законодательство в интересах промышленности.

Глава XIX

От самодержавия к Двоевластию

Смерть Цезаря. Для греков и римлян не было ничего шокирующего в мысли об убийстве тиранов. Предполагалось, что иначе республики не смогли бы выжить. Национальная песня Афин, которую знали все римляне, была гимном в честь Гармодия и Аристоклитона, а также двух самых выдающихся семей Рима, Юни и Сервилиев, прославившихся подавлением "тиранов". Марк Брут считался последним отпрыском обеих этих семей, и еще во времена первого "триумvirата" ходили слухи, что он принадлежал к группе молодых дворян, которые рассматривали возможность устранить и Помпея, и Цезаря с помощью кинжала. Слух, по-видимому, был беспочвенным, но он раскрывает отношение римлян к этому вопросу. Преданность республике и свободе была почти религией среди старых семей, продолжавших древние традиции. Если бы люди из таких семей были полностью убеждены, что Цезарь не восстановит Республику и что он намеревался передать автократию своему наследнику, тем самым сделав ее постоянной, они сочли бы своим священным долгом свергнуть его силой, а колебания только уличили бы их в трусости.

Цезарь был слишком проницателен, чтобы объявить о своих планах, поскольку прекрасно понимал настроения Рима. После великого триумфа в 46 году, который заставил пожилых сенаторов почти потерять надежду, Цезарь демонстративно отозвал нескольких своих самых непримиримых противников, тем самым снова завоевав уважение на сезон. Цицерон на данный момент был настолько оптимистичен, что в речи в Сенате предположил, что близится время, когда можно будет ожидать восстановления Республики. Но в 45 году деяния Цезаря одно за другим выявили постоянную тенденцию к автократии. Его принятие божественных почестей могло означать для римлян, знавших восточные королевства, только одно. Услышав о статуе Цезаря, установленной в храме Квирина, Цицерон впервые произнес роковое слово. Он мог только желать смерти тирану. Затем Цезарь начал готовить войска для парфянской экспедиции, и ходили слухи, что перед своим отъездом он должен быть объявлен **царем**, по крайней мере, на Востоке. Значение этой парфянской экспедиции не было утрачено. Для нее не было никакой реальной провокации, если только Цезарь не решил найти ее в желании наказать врага за старый позор при Каррах. Сбор шестнадцати легионов мог означать только обширный план военного завоевания и агрессивный империализм, который возвысил бы Цезаря до положения Александра на востоке и навсегда сделал бы невозможной сенаторскую республику. Цезарь говорил также о расширении границ Македонии и Фракии до Дуная и галльской границы вглубь Германии. Сенат хорошо знал, что империя была слишком велика для старой конституции. Такой дальновидный человек, как Цезарь, не мог планировать такую экспансию, если бы у него не было твердой решимости установить автократию.

О том, как возник заговор, нам не рассказывают, поскольку заговорщики, естественно, хранили молчание, как и поклялись. Более того, историки поздней империи, написавшие наиболее полно, были склонны искажать факты, поскольку при императорах тираноубийство стало тягчайшим из преступлений. Такие люди, как Брут, которых уважали за другие их добродетели, затем были представлены вовлеченными в это деяние против их воли. Наиболее важным фактом является то, что, помимо Кассия, наиболее выдающимися участниками заговора были два юния и два Сервилия. На этих людей влияли главным образом семейные традиции и чувство долга перед Республикой. В том, что некоторые заговорщики действовали из других побуждений, **p334**мы вряд ли можем сомневаться. Молодые люди, которые рассчитывали сделать карьеру в политике на постоянной основе, не могли вполне покладисто относиться к абсолютному контролю над всеми выборами со стороны одного человека. Другие оказались отодвинутыми в сторону ради людей, которые были более подчинены хозяину. Но заговорщики не могли позволить себе тщательно исследовать мотивы. Естественно, они призвали на помощь всех, кто, как они обнаружили, был недоволен режимом Цезаря, и около шестидесяти человек присоединились к заговору. Руководили ими Брут и его шурин, К. Кассий Лонгин, оба преторы 44 года, и Децим Брут, родственник обоих.-

План совершить это на февральских выборах провалился, но на заседании Сената в Мартовские иды 44 года, созванном, как говорят, для провозглашения цезаря **царем** незадолго до его отъезда в Парфию, была предоставлена последняя возможность. Тиллий Кимбер был выбран для представления плана возвращения своего брата из ссылки, сенаторы-заговорщики подошли к Цезарю, как бы желая дополнить свои мольбы, по сигналу они выхватили кинжалы и сразили его.

Амбиции Антония. Город был полон ветеранов Цезаря, одни хотели получить земельные наделы, другие просто попрощаться со своим героем. Их гнев возрос, и Марк Антоний, старший из консулов, оказался достаточно сообразительным, чтобы воспользоваться ситуацией. Когда он увидел, что заговорщики были встречены шипением на Форуме и были вынуждены в целях безопасности удалиться на Капитолий, он решил, что, возможно, удастся занять место Цезаря. Он немедленно захватил бумаги Цезаря и наличные деньги, огромную сумму, заключил соглашение с Лепидом, конюшим Цезаря, который командовал солдатами в городе, и ждал развития событий. С обеих сторон собралось множество партизан, так что ни одна из них не осмеливалась перейти в наступление. Наконец, получив бразды правления в свои руки, Антоний предложил созвать заседание **p335** сената и согласиться с указом об амнистии для "освободителей", если Сенат, в свою очередь, признает законность действий Цезаря и обеспечит ему почетные похороны. Эта договоренность была принята. Однако на похоронах, которые состоялись несколько дней спустя, Антоний зачитал завещание Цезаря толпе на Форуме, раскрыв тот факт, что их герой подарил им свои сады и оставил сумму в 300 сестерциев каждому человеку. Затем в волнующей речи он рассказал о подвигах Цезаря, описал убийство и продемонстрировал изуродованное тело, приведя толпу в такую ярость, что они бросились со всем оружием, какое смогли схватить, чтобы найти виновного. Заговорщики поспешили покинуть город, и Антоний беспрепятственно осуществлял

свои планы по укреплению своего контроля. Казалось, на его пути стояли только две серьезные трудности. Децим Брут был назначен в Цизальпинскую Галлию губернатором и теперь отправлялся вступать во владение. Если бы Антоний осмелился объявить себя диктатором, Децим, конечно, выступил бы со своей армией. Поэтому Антоний решил придерживаться более терпеливого курса. В июне он убедил народ избрать его губернатором Цизальпинской Галлии на следующий год и, опасаясь, что Децим может не отказаться от этого, он также попросил их назначить его командующим четырьмя легионами, которые были расквартированы за Адриатикой в рамках подготовки к парфянской войне. Освободители восприняли это как означающее, что Антоний готовился перейти Рубикон в удобное для него время в будущем. Марк Брут отплыл во Францию, где у него было много друзей, а Кассий отправился в Сирию, где когда-то командовал легионами, расквартированными в Антиохии. Их план состоял в том, чтобы выждать время, и если Антоний нападет на их товарища в Галлии до истечения срока его полномочий, они будут размещены там, где у них будет больше шансов собрать силы.

Однако внучатый племянник и наследник Цезаря, Октавиан, или, как его стали называть после усыновления, К. Юлий Цезарь, встал на пути Антония p336.¹ Этот восемнадцатилетний юноша находился рядом с восточными легионами в Аполлонии, изучая риторику и философию со своими наставниками в ожидании прибытия Цезаря. Это был тихий и внешне скромный молодой человек, о существовании которого освободители не беспокоились. Они, вероятно, не знали, что он должен был стать наследником Цезаря. Антоний знал его лучше и знал также, что он мог бы стать политической силой, если бы ему посчастливилось понравиться ветеранам Цезаря. Но Антоний на похоронах проявил себя другом ветеранов и, как он думал, лишил Октавиана возможности причинять вред, конфисковав наличные деньги Цезаря от имени государственной казны, ключи от которой хранились у него. Казалось вполне возможным внушить молодому человеку благоговейный трепет. Когда Октавиан услышал о смерти Цезаря, он немедленно отправился в Рим, чтобы предъявить права на свое наследство, остановившись по пути в Кумах, чтобы повидаться с Цицероном, который, как сенатор, непричастный к убийству, мог оказаться удобным другом. Когда Антоний отказался отдать сокровища Цезаря, Октавиан продал свое собственное имущество и недвижимое имущество Цезаря, выплатив пожертвования, требуемые завещанием, и этот поступок, естественно, сделал его очень популярным. Когда Антоний послал за четырьмя легионами за Адриатикой, Октавиану, который хорошо знал офицеров, удалось, пообещав щедрое вознаграждение, побудить два легиона взбунтоваться и отойти на укрепленные позиции в ожидании его командования. Таким образом он надеялся заставить Антония признать его наследником Цезаря. Эти дерзкие, если не сказать почти предательские действия Октавиана вызвали одобрение Цицерона, который видел в молодом человеке единственный шанс удержать Антония от власти диктатора.

Цицерон как глава сената. В конце года Антоний выступил в Галлию с двумя легионами, которые оставались верными ему в 337 году, и потребовал, чтобы Децим Брут немедленно передал ему свою провинцию, хотя она, по-видимому, была

предоставлена ему цезарем до первого марта. Брут отказался, и Антоний предпринял осаду его в Мутине. Теперь в государстве снова царили беспорядки. Марк Брут, который, по-видимому, посещал философские лекции в Афинах, призвал офицеров македонских легионов предоставить себя в его распоряжение, что они и сделали. Кассий издал аналогичный указ в Сирии с таким же успехом. Цицерон, их друг, хотя и не занимал никакой должности, приехал в Рим и занял руководящий пост в сенате, хотя и был стар и выбит из колеи. Но его присутствие было необходимо, потому что два молодых консула того года, Гиртий и Панса, оба бывшие офицеры Цезаря и друзья Антония, не были слишком надежными. Только постоянное влияние Цицерона могло удержать их верными Сенату. Об удивительной энергии старого оратора, который планировал, уговаривал и умолял о лояльной поддержке, свидетельствуют четырнадцать *филиппик*, произнесенных в этом году, и множество полуофициальных писем, в которых он убеждал многих равнодушных губернаторов различных провинций выступить в пользу Республики и против Антония. Поскольку у Сената не было армии, с которой можно было бы помочь Дециму против Антония, а усилия Гирция и Пансы по созданию новой армии не увенчались большим успехом, Цицерон добился, чтобы Сенат наделил Октавиана преторианскими полномочиями и признал его командующим двумя легионами, которые он переманил у Антония. Брут и Кассий собирали значительные силы, но не могли продвинуться на Запад, пока не очистили провинцию Азия, которую удерживал сторонник Антония Долабелла. Более того, было сочтено нецелесообразным их появление, поскольку их присутствие охладило бы пыл ветеранов Цезаря, которые составляли большую часть новобранцев и армии Октавиана.

В апреле 43 года между Антонием и сенаторскими войсками произошла нерешительная битва, в ходе которой Панса был смертельно ранен. Несколько дней спустя при Мутине было принято решение в пользу p338сената, но в этой битве Гиртий пал. Результат был катастрофическим. Октавиан, который охотно предоставил свои силы Гиртию и Пансе, отказался сотрудничать с Децимом Брутом, который был одним из убийц Цезаря, и Антонию, соответственно, удалось бежать с большим отрядом. Он бежал в Трансальпийскую Галлию, где его старый друг Лепид командовал крупными войсками, и был принят.

Триумвират. Сенат передал командование сенаторскими войсками в Галлии Дециму Бруту. Октавиан, опасаясь, что сенат, который, естественно, симпатизировал Бруту и Кассию, просто отстранит его от должности, обратился к своим солдатам с просьбой поддержать его позицию, и, хотя ему еще не исполнилось двадцати лет, направил в Сенат требование, чтобы ему был предоставлен консульский корабль. Сенат отказался и вызвал Брута и Кассия домой. Но у Октавиана было преимущество в том, что он был ближе; он двинулся на Рим со своими легионами, тем временем пригласив Антония и Лепида выступить с ним заодно. Сенат волей-неволей уступил; он был избран консулом вместе со своим двоюродным братом Педием и немедленно предложил закон, объявляющий всех убийц Цезаря вне закона. Но опасности еще не миновали. Антоний и Лепид, которые тем временем рассеяли силы Децима Брута, вступали в Италию с 17 легионами. Следовательно, Октавиан

еще не был уверен в своей добыче. Все трое встретились на маленьком речном островке близ Болоньи, и после долгих переговоров — поскольку Антоний был склонен смотреть на Октавиана как на юного выскочку — они пришли к соглашению. Они согласились, что должны быть "триумвирами для урегулирования дел содружества" (**Triumviri Reipublicae constituendae**) сроком на пять лет, Антоний и Октавиан должны были вести войну против Брута и Кассия, Антоний должен был командовать Цизальпинской и Трансальпийской Галлией, Октавиан - Сицилией и Африкой, в то время как Лепид должен был управлять Испанией и присматривать за Италией в отсутствие двух других. Разделение показывает, что дела Октавиана шли плохо. Мужчины постарше, очевидно, давали ему наименьшую из **возможных порций** р339, и то только потому, что он пользовался благосклонностью ветеранов Цезаря.

То, что последовало за этим поселением, было одним из самых жестоких деяний в истории Рима. Как Октавиан требовал объявить заговорщиков вне закона, так и двое других требовали смерти своих врагов. Однако уместно отметить, что, хотя римский моральный кодекс признал бы разумным желание Октавиана отомстить за смерть своего дяди, никто не счел бы законным решение вынести смертный приговор просто за политическую вражду. К сожалению, потребность в деньгах пересилила все разумные доводы. Три полководца собрали свои легионы только с помощью щедрых обещаний денег, и поскольку весь Восток был в руках республиканцев, а римская казна была пуста, они знали, что должны немедленно получить средства путем конфискации, иначе их солдаты дезертируют от них. Соответственно, они составили проскрипционный список из 300 сенаторов и 2000 всадников, принимая во внимание не только враждебные действия и слова, но и богатство каждого. Они делали вид, что история доказала в случае Суллы и Цезаря соответственно, что жестокость и твердость предлагают более безопасную политику, чем милосердие. Ужас, царивший в городе в ноябре и декабре, когда были вывешены списки, был неопишем. Солдаты выслеживали отмеченных лиц, отрезали им головы и приводили их, получая золото за каждую голову. Даже рабы были вознаграждены за предательство своих хозяев.

Среди прочих Цицерон пал жертвой мстительной ненависти Антония. Оказавшись среди запрещенных, он бежал из города и, наняв лодку, сам поплыл вдоль побережья Италии; но у него не хватило духу обратиться к Бруту, который несправедливо обвинил его в том, что он совершил первоначальную ошибку, приняв услуги Октавиана. Решив, что его полезность исчерпана, он вернулся и отправился на свою виллу в Формии. Когда пришли убийцы, его слуги положили его на носилки и попытались спасти, но их настиг р340. Чтобы спасти своих слуг, он запретил им сопротивляться и сдался сам. Антоний, к ужасу Рима, приказал прибить голову Цицерона к Ростре.

Ответственность за эту политику террора обычно возлагалась на Марка Антония, и, без сомнения, справедливо. Он представлял собой странное сочетание хладнокровной деловитости, сентиментальности, которая проявлялась во убедительных речах перед людьми, и неуправляемой бури страстей. Редко такие превосходные природные качества портятся из-за несоблюдения дисциплины.

Антонию в то время было тридцать девять лет. Лепиду было сорок-шесть - самому старшему из троих, — но он никогда не был человеком решительным, его выдвинул Цезарь, потому что, хотя он и представлял очень древний род, он был готов служить хозяину в любом деле. Антоний нанял его в настоящее время из-за провинциальной армии, которая у него была. Октавиан, это трудно оценить. Маловероятно, что он относился к этим поступкам снисходительно — остальная часть его жизни обнаруживает очень мало следов жестокого нрава. Он был проницателен, расчетлив и честолюбив; и его жизнь в те впечатлительные годы, когда он был так близок к своему властному дяде, не дала ему возможности вступить в нормальные человеческие отношения. Он вырос, приняв веру, которой научила его карьера Цезаря, что сильный человек, сверхчеловек, берет все, что может и чего желает, и, глубоко веря в свою способность достичь того же, чего достиг Цезарь, он предполагал, что может стать наследником Цезаря как во власти, так и в собственности, если только будет мудро прокладывать свой путь. На конференции в Болонье старшие попытались оттолкнуть его в сторону. Он был так молод, что это казалось возможным. Он решил, что не хочет, чтобы его топтали под ногами, и благодаря верности старых солдат Цезаря, привыкших к личной преданности, смог удержаться на своем месте, хотя оно и было низшим. Но он едва ли был в состоянии противостоять политике жестокости, на которой настаивал Антоний, и, не имея морального мужества пожертвовать своим будущим ради принципа, он смирился с ужасными деяниями, [р341](#)и приготовился выжидать своего часа. То, что он не рискнул всем, чтобы спасти жизнь Цицерона, который поручился за него, является самым большим пятном на его карьере.

Битва при Филиппах. Следующей задачей триумвиров было подчинить Брута и Кассия. Брут теперь командовал пятью легионами в Македонии. Кассий находился в Сирии, собрав силы почти в двенадцать легионов из гарнизонов восточных провинций. Поскольку Долабелла, партнер Антония, удерживал провинцию Азия между Брутом и Кассием, им показалось разумным остаться на востоке и очистить эту провинцию, прежде чем двинуться на запад, тем более что Цицерон тогда, казалось, держал войну с Антонием в своих руках. Кассий осаждал Долабеллу летом 43 года, а Брут осенью двинулся во Фракию, чтобы убедиться, что сухопутная дорога между ними проходима. Тем временем внезапный переворот Октавиана изменил положение вещей дома. Триумвират был сформирован очень быстро, и он контролировал огромные силы, с которыми невозможно было встретиться в Италии с неорганизованной армией. Таким образом, Брут и Кассий провели зиму 43 года, покоряя Родос и Ликию, которые поддерживали дело триумвиров. Недружественные племена и города, оставленные у них в тылу, могли создавать большие проблемы, предоставляя врагу корабли, провизию и места для высадки. Они также требовали огромные суммы от городов Азии, чтобы платить своим войскам. Эти поборы рассматривались как принудительные займы, санкционированные сенатом, и предполагалось, что они будут возвращены позже. Поскольку республиканцы в конечном счете проиграли, а триумвиры, естественно, не стали возвращать эти займы — фактически они потребовали компенсации за помощь, оказанную "повстанцам", — жители провинций очень сильно пострадали в

ходе войны. Летом 42 года две республиканские армии выступили на запад для финального сражения и встретились с войсками Антония и Октавиана при Филиппах в северной Македонии, чуть выше современной Кавалы. Республиканцы, владевшие морем, хотели отложить сражение, но фракийские и азиатские вспомогательные силы [р342](#)оказались непреклонными, и Брут призвал поторопиться. В первом сражении правый фланг Брутусацаря Октавиана одержал легкую победу, но Кассий на левом фланге сдался перед превосходящей атакой Антония и, считая день проигранным, предал себя смерти. Три недели спустя произошла решающая битва; Брут, полностью разбитый, пал от своего меча, а его уцелевшие офицеры сдали свои войска триумвирам.

Возможно, и к лучшему, что все так закончилось. Брут и Кассий, если бы они победили, несомненно, попытались бы восстановить старую изношенную конституцию города-государства, поскольку они оба были преданы консервативной аристократии. Сенат, лишенный из-за запрета всех своих ведущих деятелей, был бы более непригоден, чем когда-либо, и сомнительно, что Брут все еще не был слишком большим идеалистом и мечтателем, чтобы применять суровые меры, в которых нуждалось римское правительство. В эпоху более высоких политических стандартов Брут мог бы стать выдающимся лидером. Он обладал всем престижем могущественных семейных связей, его честность и моральное мужество² придавали большой вес его слову среди друзей, он также проявил себя как администратор в Галлии и как полководец при Филиппах. Его решения и суждения в критический период 43-го-года оказываются обоснованными, если их правильно понимать. То, что он не был готов справиться с коварством и амбициями Энтони сразу после Мартовских Идов, является, возможно, его единственной серьезной ошибкой, но этот просчет был почти неизбежен для человека, который не имел возможности представить себе коварные пути негодяя. Его нынешняя неудача была в основном вызвана тем фактом, что он потерял связь с людьми, с которыми ему приходилось иметь дело, потерял ее из-за неспособности опуститься до их уровня, чтобы понять их. Октавиан, видевший только гражданскую войну, кровопролитие и обман, полностью понимал игру, в которую играли, и сам не был лишен возможности участвовать [р343](#) в этой игре из-за слишком строгой совести. К счастью, вскоре он избавился от Антония и смог в полной мере справиться со своей задачей.

После Филиппов было согласовано новое разделение провинций. Лепида отправили в Африку, чтобы он не путался под ногами. Октавиан взял на себя управление Италией с неприятной задачей найти землю для 170 000 солдат. Антоний выбрал Восток, где ответственность была бы легкой, где он был бы вдали от семей сенаторов и рыцарей, которых он убил, и где было множество возможностей удовлетворить свою экстравагантную любовь к удовольствиям. Он также пообещал потребовать денег, на которые Октавиан мог бы приобрести земли, но очень малая их часть так и не дошла до Рима. Октавиан приступил к выполнению своей задачи немедленно и с холодной прямоотой. Шестнадцать городов, выбранных триумвирами как враждебные их делу, потеряли свои земли, которые были отданы уволенным солдатам. Страдания изгнанных, среди которых были трое молодых людей, которым суждено было стать величайшими поэтами того времени, Вергилий, Гораций и

Проперций, были пронзительно описаны в первой *эклоге* Вергилия. Бедные жертвы бежали в города в поисках работы, где вся работа уже была в руках рабов, или они перебирались в Рим, чтобы выпросить у общественных яслей достаточно зерна, чтобы сохранить тело и душу вместе, или, как описывает их Вергилий, они мигрировали в новые земли, Африку или Британию, чтобы начать жизнь заново.

Что еще хуже, консул Луций Антоний, брат Марка Антония, и Фульвия, жена Марка Антония, воспользовались неразберихой и сыграли на страданиях изгнанных, притворившись, что Октавиан совершил поступок вопреки воле Марка Антония. Похоже, они надеялись на возможность сокрушить Октавиана и вернуть Марка Антония в качестве диктатора Рима. Их истинные мотивы трудно определить из-за путаницы обвинений, выдвигаемых историками, некоторые заходят так далеко, что утверждают, что это дело было всего лишь уловкой Фульвии, чтобы увести Антония на запад, подальше от влияния Клеопатры. Как бы то ни было, Луций Антоний собрал армию из р344недовольных и захватил Рим, но был изгнан генералом Октавиана Агриппой. В конце концов он был осажден в Перусии (Перудже) зимой 41-40 года и вынужден был сдаться.

Антоний тем временем прошел маршем по Азии, требуя контрибуции с городов, которые помогали Бруту и Кассию, и начал свои пирушки с Клеопатрой, так ярко инсценированные шекспировским пересказом Плутарха. Он оставался в Египте, пока парфяне наводняли его провинцию Сирию и пока его жена и брат были осаждены в Перусии. Наконец он вострепнулся. Отправив Вентидия, доверенного лейтенанта, против парфян, он собрал большой флот и отплыл в Италию, прибыв туда только после падения Перузии и смерти своей жены. Новая гражданская война между Октавианом и Антонием казалась неизбежной, но вмешались общие друзья, и между ними был заключен мир (Брундизийский мир, 40 г. до н.э.). Пакт был скреплен женитьбой Антония на Октавии, сестре Октавиана, и Вергилий отпраздновал благоприятный мир, написав четвертую *эклогу*. В течение трех лет Антоний жил в Афинах с Октавией и руководил делами своих провинций с похвальным вниманием к исполнению долга, в то время как его легат Вентидий в двух последовательных кампаниях отбросил вторгшихся парфян.

Война с Секстом Помпеем. Октавиан, с другой стороны, был постоянно занят морской войной с Секстом Помпеем, который все еще контролировал Сицилию и отказывался разрешать отправку зерна в Рим. В 38 году Октавиан потерял весь свой флот — большую часть в результате поражения от рук Помпея, а остаток — во время шторма. Затем он решил построить большую военно-морскую базу, где ему было бы удобно создавать флот, а также защищать его от штормов и внезапных нападений. Для этой цели он выбрал красивое кратерное озеро Авернус — знаменитое описание Вергилия изображает его таким, каким он видел его до этого превращения, — соединил его с морем посредством канала и покрыл его берега доками и р345пирсами. После возобновления триумvirата еще на пять лет, в 37 году, он снова отправился в путь с 300 кораблями в 36 году, чтобы положить конец войне с Помпеем. После очередной катастрофы во время шторма, в результате которой Октавиан чуть не погиб, решающая сентябрьская битва при Наулохе вынудила Помпея бежать в Азию, где он был предан смерти офицерами Антония. Эта битва

также знаменует конец участия Лепида в триумvirате, поскольку он воспользовался возможностью попытаться завладеть эвакуированным островом, был перехвачен Октавианом и отправлен в Рим жить как частное лицо. Октавиан тем временем продолжал свою работу. Его устойчивое и беспристрастное правление в Италии снискало ему доверие всех слоев общества. Он поощрял таланты везде, где мог их найти, оказывал помощь молодым поэтам, таким как Вергилий и Гораций, следил за дворами, порицая распушенность и поощряя трудолюбие; и он лично повел армию на усмирение границ, все еще нарушенных в Далмации и Паннонии.

Война с Антонием и Клеопатрой. Антоний, однако, снова встал на путь зла после возобновления триумvirата. Октавия в это время вернулась в Рим, а Антоний немедленно отправился ко двору Клеопатры. Новое вторжение парфян в 36 году привело его только к позорному поражению. Он вернулся к Клеопатре, чтобы забыть свой позор. Теперь он начал принимать положение восточного царственного божества и изображать из себя мужа Клеопатры. Царице он фактически передал римские владения Финикию, Кипр и большую часть Киликии под предлогом того, что они когда-то принадлежали Птолемеям, и в конце концов зашел так далеко, что даровал титул царя двум сыновьям, которых родила ему Клеопатра, выделив в своем завещании некоторые римские провинции в их собственность. Это, конечно, было предательством, и факты были раскрыты в Риме людьми, которые с отвращением покинули Антония. Завещание Антония было вскрыто, и изобличающие факты стали известны по приказу Октавиана. Поскольку срок полномочий триумvirата подошел к концу в 32 году, Сенат довел дело до кризиса в этом р346 году, объявив войну Клеопатре, цель которой состояла не только в том, чтобы избежать возникновения гражданской войны, но и в том, чтобы заложить основу для аннексии Египта, чтобы соблазны этого опасного царства снова не отвлекли римлянина от его долга. Противоборствующие силы встретились в Актиуме в 31. Октавиан командовал сухопутными войсками, в то время как Агриппа командовал военно-морским флотом. Победа была одержана легко, поскольку Клеопатра, видя, что ее шансы на успех невелики, приказала своим шестидесяти кораблям бежать, как только началось состязание. Антоний поспешно последовал за ней. После нескольких месяцев, проведенных в восточных городах, Октавиан вторгся в Александрию. Антоний, получив ложное сообщение о смерти Клеопатры — очевидно, отправленное ею для того, чтобы избавиться от него, — покончил с собой. Она надеялась найти Октавиана таким же поддающимся ее чарам, каким она нашла Цезаря и Антония, но беседа с ним убедила ее в своей ошибке, и, услышав, что ей отводится роль плененной царицы в его триумфальном шествии, она покончила с собой.

Октавиан взял на себя управление египетским королевством, и контроль там был почти эквивалентен владению кораблем, поскольку фараоны и следовавшие за ними Птолемеи заявляли права личного владельца корабля на все земли, орошаемые их ирригационной системой. У него не было намерения оставлять эту богатую страну открытой для любого возможного соперника, поскольку ее богатство и положение были таковы, что она могла содержать очень большие силы. Поэтому он назначил своего личного представителя, поэта Корнелия Галла, префектом для

управления им и управления его обширными государственными монополиями. Он получил в свои руки огромные ежегодные доходы, которые использовал везде, где считал нужным, с максимальной пользой для римской казны. Он потратил несколько месяцев на организацию Египта и его деловых учреждений, даже распорядившись усовершенствовать ирригационную систему. Затем, совершив инспекционную поездку по восточным провинциям, он вернулся домой, чтобы отпраздновать свой тройной триумф осенью 29 года, оказав такие особые почести своему юному племяннику Марцеллу (его единственным ребенком была дочь, [р347](#)Юлия), что люди пришли к выводу, что мальчик предназначен ему в наследники.

Положение Октавиана в государстве. Власть Октавиана в это время не опиралась на конституционную основу, поскольку второй период триумvirата подошел к концу в том же году 32. Но он исходил из шаткой позиции консула-корабля, на который он ежегодно переизбирался, и из престижа, который давали ему его победы и фактический контроль над армиями. Все знали, что Сенат был готов предоставить ему любую должность, которую он пожелает, и даже божественные почести, ранее оказанные Цезарю, поскольку после Акции Сенат проголосовал за то, чтобы при публичных возлияниях богам также упоминалось имя Октавиана. Октавиан не отказался от этой чести и не высказал своего мнения по этому поводу. В настоящее время Октавиан спокойно и мудро держался при себе, ожидая, пока не будут завершены его планы по созданию практически осуществимой конституции. Он приступил к восстановлению храмов и общественных зданий, которые были заброшены во время войн; великий храм Аполлона с его публичной библиотекой был освящен в 28 году. Но он раскрыл направление своих мыслей, когда, используя свои цензурные полномочия, сократил Сенат на 200 недостойных членов и оказал ему честь, попросив избрать его на старую республиканскую должность [принцепса сената](#). Оставшиеся в живых члены Сената увидели во всем этом уважение к старым институтам, сильно отличающееся от антагонистического отношения Юлия Цезаря.

Наконец, 13 января 27 года Октавиан предстал перед Сенатом и заявил, что желает восстановления Республики и что, сохраняя должность консула, на которую он только что был избран в седьмой раз, он отказывается от своего командования всеми провинциями, включая армии и доходы провинций, а также от всех привилегий и полномочий, не согласующихся с должностью консула-республиканца [р348](#). Сенат немедленно признал за ним проконсуловские полномочия и контроль над провинциями, где, по-видимому, все еще существовала необходимость в вооруженном вмешательстве, а именно в Сирии (граничащей с Парфией), Галлии, верхней Испании и Египте (где префект подавлял нубийских захватчиков). Затем он присвоил ему титул и имя [Август](#) (почитаемый) и в его честь изменил название месяца Секстилис на Август, которое он с тех пор носит. Это, конечно, придало бы слову особый оттенок, поскольку все другие месяцы, носившие особые названия, имели божественные наименования. Эти почести Август, как его отныне называли, принял с благодарностью. Он отказался от всей неконституционной власти, он самым обычным образом вернул себе командование самыми важными армиями

Рима, и, конечно, с их помощью он мог стать в Риме кем угодно, кого бы ни выбрал. Ему было тогда тридцать пять лет.

Этот акт самоотречения обсуждался бесконечно. Играл ли Август хорошо продуманную роль? Договорился ли он со своими ближайшими советниками, Мecenатом и Агриппой, о том, какие должности ему следует занять, если он отдаст себя на милость сената? Действительно ли он стремился к восстановлению Республики, или его заставили замолчать критику, перейдя от внеконституционной к правовой основе? На эти вопросы сейчас нельзя дать однозначного ответа. Август, несомненно, знал, что Сенат, в котором осталось очень мало представителей республиканской знати и который за двадцать лет привык к повиновению, определенно не согласится на полную независимость. Сенат вряд ли осмелился бы предложить это, если бы это доказывало, что Август просто проверял их лояльность. С другой стороны, определенные факты ясно показывают, что Август определенно отвернулся от самодержавия Цезаря, что он хотел, чтобы Сенат стал ответственным органом и разделил бремя правления. Например, его возвышение в Сенате в предыдущем году, его отбор лучших людей на пост консула, его **отмена** в 349 году введенного Цезарем обычая предоставлять пост консула всего на несколько месяцев, его последовательный отказ от неоспоримого обожествления, его умеренность в принятии просто проконсульской власти, когда он мог бы пожизненно занимать пост диктатора, и, наконец, его немедленный отъезд из Рима почти на три года, предоставив Сенату все возможности доказать свою дееспособность, — все это убедительно говорит о том, что в пользу теории о том, что Август был искренен в своем предложении. Даже если он заранее договорился со своими советниками о том, что проконсуловская власть в некоторых провинциях должна быть возвращена ему, его нельзя обвинить в двуличии. Такая договоренность давала Сенату возможность управлять внутренними делами и несколькими менее опасными провинциями, таким образом, выполняя свои обязанности, не будучи настолько перегруженными, чтобы впасть в немедленную катастрофу. И это давало людям утешение в мысли, что частичный провал со стороны Сената не приведет к гражданской войне. Желал Август на самом деле "восстановления Республики" или нет, он явно не собирался следовать примеру Юлия Цезаря, он, безусловно, предложил старому республиканскому правительству принять значительную долю в новом режиме и дал ему возможность доказать свою дееспособность.

Вскоре после этого Август отправился на запад с армией. В то время считалось, что, помимо умирения некоторых восставших племен в Галлии и окончательного подчинения непокорных племен Испании, он мог бы также вновь-вторгнуться в Британию, которая разорвала все связи с Римом. Срочный вызов поступил из Испании, где римский **легат** обнаружил, что кантабрийцы вне его власти. Партизанская война в Пиренеях оказалась утомительным занятием, и Август очень скоро заболел. В течение двух лет он лежал больной в Таррако, руководя кампаниями через своего **легата** и проводя перепись населения и реорганизацию Галлии. Тем временем Мecenат, занимавший полуофициальную должность префекта, держал его в курсе дел в Риме, а его друг Агриппа, человек с большим

практическим опытом, удовлетворял людей [р350](#), руководя программой императорского строительства, возводя Пантеон и сложные "бани" и игровые площадки, названные в его честь.

Двоевластие. Август вернулся в 24 году, прекрасно понимая, что Сенат бесполезно использовал свою возможность. Он никогда не принимал никаких решений, предварительно не выяснив его волю, и всякий раз, когда он посылал предложения о действиях сенатора, Сенат отвечал, что его слово должно быть законом без каких-либо действий со стороны Сената. Его отсутствие даже не послужило предохранительным клапаном, поскольку в 23 году Мурены его коллега по кораблю консулов, шурин-Мецената, сговорился с несколькими друзьями убрать Августа с дороги. По-видимому, по этим причинам Август теперь договорился с Сенатом о новом разделении полномочий. Примерно в середине того же года он подал в отставку с поста консула (который он не занимал в течение восемнадцати лет) и принял вместо него пожизненную [трибуну потестас](#), должность более скромного ранга, но с более широкими возможностями. Отныне он контролировал приграничные провинции, в которых находилась постоянная армия, по праву проконсула империи, дара Сената, и он контролировал законодательную власть и право вето через [tribunicia potestas](#), дар народа. Таким образом, он мог позволить себе обойтись без консульского учреждения, которое формально наделяло исполнительной властью только в Риме и Италии. При таком устройстве древние формы республики, возможно, пользовались еще большим уважением, чем прежде, в то время как полномочия Августа были признаны высшими в двух жизненно важных департаментах правительства. Этим актом Август фактически уведомил Рим, что он будет пожизненно удерживать бразды правления, но по-прежнему приглашает Сенат принять достойное участие в управлении страной. Созданное таким образом правительство было справедливо названо *Двоевластием*, и именно на этой основе правительство просуществовало, по крайней мере по форме, следующие триста лет. С этого времени (23г. до н.э.) надписи на общественных зданиях показывают, что Август датировал новую эру, указывая в каждом числе [351](#) лет, в течение которых он занимал должность [верховного трибуна](#). Таким образом, надписи Августа, сделанные в 10 г.до н. э., все несут (примерно после 1 июля) надпись "[Trib. Pot. XIII.](#)" И в большинстве современных историй стало обычным начинать рассказ о Римской империи с 23 годадо н.э. Следует признать, однако, что изменение было произведено так незаметно, что очень немногие люди в Риме сочли это событие эпохальным; и люди в целом были совершенно не в курсе, что в то время произошло что-либо, заслуживающее внимания. Поэтому будет только справедливо по отношению к духу истории продолжить рассказ этой главы о другом событии, которое произвело на Рим впечатление эпохального, хотя впоследствии оказалось, что оно не имело большого политического значения.

Правление Августа. 23 год принес Риму большое горе из-за смерти горячо любимого Марцелла, сына Октавии, на которого люди начали смотреть как на вероятного наследника Августа. Те, кто читал шестую книгу "*Энеиды*" Вергилия, знают, какую потерю понесло государство в результате этой смерти. В следующем году Август снова отправился в турне по провинциям, отправившись сначала на

Сицилию, чтобы посмотреть, что можно сделать для снабжения Рима продовольствием, поскольку урожаи теперь были постоянно плохими, а цены на зерно высокими. Очевидно, солдаты, расселенные триумвирами на лучших землях Италии, не преуспели как фермеры. И Сицилия не улучшилась под властью дегенеративного сына Помпея. Из Сицилии он двинулся на Восток, очевидно, его главной целью было устроить демонстрацию против парфян, которые давным-давно пообещали под угрозой войны вернуть знамена, захваченные у незадачливого Красса тридцать лет назад. Это совершенно противоречило римским традициям, что любому иностранцу должно быть позволено выставлять напоказ трофеи, захваченные у римской армии. Теперь новые угрозы увенчались успехом, и Август смог вернуться в 19 году, принеся с собой спасенные стандарты. Тем временем он с помощью мудрой дипломатии урегулировал споры во многих из **p352**государств-клиентов, тем самым избежав разрушительных войн, которые республиканские правители слишком часто развязывали ради добычи и триумфов. На самом деле жители провинций уже начинали понимать, что независимо от того, нравится Риму иметь монарха или нет, они, по крайней мере, дожили до дня лучших правительств.

По возвращении Август в полной мере использовал свою **трибунскую власть**, предложив ряд реформаторских законов, особенно касающихся улучшения социальных и семейных институтов. Он был глубоко обеспокоен количеством разводов, свидетельствами того, что мы привыкли называть "расовым самоубийством", нежеланием мужчин и женщин брать на себя бремя семейной жизни и воспитания детей. Главной причиной такого состояния, вероятно, был общий пессимизм и изменение отношения к гражданским обязанностям, которые произошли во время проскрипций и ужасов гражданских войн. Люди начали подозревать, что вряд ли их долг - растить большие семьи только для того, чтобы видеть, как они разрушаются в гражданской войне; а неопределенность в отношении жизни и собственности делала очень проблематичным вопрос о том, смогут ли выжить дети следующего поколения. Как мы уже упоминали, правовой статус семьи в Риме также имел некоторое отношение к этой проблеме. Римляне не могли подходить к таким социальным проблемам в современном духе, поскольку эволюция их семейных институтов была совершенно иной. Мы по-прежнему рассматриваем семью в значительной степени с точки зрения церкви, которая предписала брак как религиозный долг и запретила развод, и каноническое право оказало в этом вопросе сильное влияние на гражданское право. В Риме брак был заключен под опекой патриархата, о котором государству не нужно было беспокоиться, за исключением решения вопросов наследования и законного гражданства. И теперь, когда патриархальное правление ослабевало на фоне общего роста национального законодательства, семья, все еще не защищенная законом, оказалась как бы повисшей в воздухе. Конечно, что-то нужно было делать, но Август, который видел необходимость, все еще находился под слишком сильным влиянием **p353**римской традиции, чтобы думать о возможности (если это действительно была возможность) поставить этот институт полностью под гражданский контроль. Он сделал то, что казалось наиболее разумным, попытавшись в качестве первого эксперимента ввести наказания для тех, кто не

решался вступать в брак, и предоставив особые привилегии тем, кто заводил семьи. Он не хотел, чтобы гражданские власти оформляли брак или указывали, когда следует отказать в разводе. Насколько нам известно, в его законе было несколько этих положений. Привилегии наследования и право посещать государственные мероприятия были ограничены для тех, кто не вступал в брак по достижении определенного возраста, для женатых лиц, у которых не было детей, и для вдов, которые не вступали в повторный брак в течение года. С другой стороны, матери троих детей получили имущественные права мужчин и были освобождены от **потестас** своих мужей и опекунов. И более того, для того, чтобы пригласить состоятельных женщин выйти замуж, были добавлены пункты, гарантирующие им защиту их приданого. Был также несколько неожиданный пункт, признающий гражданский статус детей, рожденных от союза граждан и бывших-рабов (за исключением случаев, связанных с сенаторами). Август, по-видимому, не боялся "смешения рас". Наконец, были введены суровые наказания за супружескую неверность. Чтобы смягчить критику, вызванную законом, была дана трехлетняя отсрочка, прежде чем он вступит в силу. Мы видим, что это во многом соответствует новым экспериментам, которые были опробованы в некоторых европейских странах после Первой Мировой войны.

Помимо этих законов **de maritandis ordinibus**, многими пунктами которых мы предположительно не располагаем, у нас также есть краткие и расплывчатые уведомления о законе о расходах и законе о коррупции, которые были вызваны большими расходами на выборах, произведенными на выборах во время его отсутствия на Востоке. Наконец, он предпринял попытку полного восстановления членского состава Сената. Для этого он принял тщательно разработанную схему, согласно которой Сенат получал возможность отбирать лучших людей государства при как можно меньшем вмешательстве с его стороны. Каждый из тридцати первых избранных должен был выбрать пятерых, **p354**и из этих 150 тридцать должны были быть выбраны по жребию, и этот процесс должен был продолжаться до тех пор, пока не будет выбрано 600 человек. Конечно, этот затянувшийся-процесс вызвал такую зависть и недоброжелательство, что ему пришлось, наконец, закончить работу самому, но список Сенаторов, во всяком случае, был тщательно пересмотрен и низший элемент исключен.

Теперь, казалось, установился мир, правительство работало в полном порядке и были проведены наиболее важные реформы. Август пожелал Риму провести впечатляющее торжество и найти время, чтобы обдумать свое нынешнее величие в свете прошлого. С помощью сложной системы расчетов он убедил сенат, что настало подходящее время для празднования столетия со дня рождения Рима (некоторые **сакулы** были для этой цели рассчитаны на 110 лет вместо 100). Были устроены великолепные игры, народу раздали подарки, днем и ночью совершались очень торжественные жертвоприношения, а поэта Горация попросили написать гимн, который будут петь мальчики и девочки. У нас есть эта песня (*Carmen saeculare*) среди Од Горация, и не так много лет назад была найдена великая надпись на камне, которая дает полное описание церемонии. Люди участвовали в нем с большой радостью, впечатленные и полностью убежденные в том, что никогда

прежде нация не поднималась до такого достоинства, пройдя через такие тяжелые испытания, и что правление Августа полностью оправдало их веру в него.

Примечания автора:

¹ Его имя после усыновления должно было быть С. Юлий Цезарь Октавиан, но последнее прозвище он никогда не использовал. Однако, поскольку современники часто называли его Октавианом, а историки с тех пор продолжают делать это, чтобы избежать двусмысленности, нам, возможно, будет позволено использовать это имя. После 27 года современники обычно называли его Августом.

² Недавно было показано, что жесткая критика, обычно направленная против его финансовых операций, никоим образом не была заслуженной.

Глава XX

Правительство, искусство, религия

Правительство. Прежде чем мы продолжим повествование о политических событиях, возможно, было бы неплохо сделать краткий обзор римского мира, чтобы увидеть, как им управляли при новом порядке, как он жил и работал и чего достиг. Республиканский аппарат как таковой выжил и выполнял свои обычные функции, хотя и в ограниченной сфере. Двум консулам, Сенату, преторам, эдилам, трибунам, квесторам, мелким чиновникам и народному собранию еще предстояло выполнить множество задач. Консулы, как и другие магистраты, ежегодно избирались народным собранием — центуриат теперь был полностью объединен с племенным собранием, — но принцепс обычно заявлял о своих предпочтениях в отношении наиболее важных должностей, и его кандидаты всегда избирались. Действительно, используя трибунское вето, он мог бы предотвратить избрание любого кандидата, который не получил его одобрения. Консулы, однако, обладали небольшой независимой властью, поскольку Август командовал армиями, и даже в управлении Римом и Италией они не предлагали никаких важных мер, не посоветовавшись с ним.

Сенат по-прежнему состоял из бывших-магистратов, хотя Август свободно пользовался цензурной привилегией исключать негодных. По своим функциям он номинально выполнял работу широкого масштаба, поскольку, вопреки обычной практике Цезаря, Август относился к нему как к компетентному законодательному органу; иными словами, когда принимался *senatus consultum*, Август редко брал на себя труд доводить его до собрания. Он сразу же ввел его в действие. Таким образом, ассамблея постепенно превратилась всего лишь в выборный орган, а Сенат p356 унаследовал ее законодательную власть. Август также признал старое-судебное утверждение Сената о том, что он компетентен выполнять функции суда. Это был удобный орган для рассмотрения дел, связанных с важными политическими деятелями, и поскольку Август был членом и голосовал первым, его решение обычно преобладало. Гораздо труднее было бы произвести впечатление на обычные суды присяжных при вынесении его решений. С другой стороны, сфера деятельности Сената значительно сократилась из-за того, что он больше не контролировал приграничные провинции. Он больше не назначал людей на важные сферы деятельности, он не определял внешнюю политику Рима; посланники из подвластных государств обычно обращались непосредственно к Августу, а не к Сенату. Он сохранил номинальный контроль над религиозными культами, предполагалось, что он будет отвечать за административные меры в Риме и Италии, и он назначал губернаторов сенаторской группы провинций. Наконец, за исключением Египта, только сенаторы были выбраны Августом в качестве губернаторов своих провинций. *Собрание* племен продолжало действовать во время правления Августа в качестве выборного органа, но после его смерти эта функция также перешла к Сенату, и собрание исчезло.

Преторы выполняли свои обычные функции судей обычных постоянных судов (**вечные вопросы**), хотя следует добавить, что Август передал несколько дел непосредственно в Сенат и даже сам взял на себя судебные функции, пригласив на слушания себя и свою коллегию избранных юристов (его **консилиум**). Слушания перед императором, возможно, поначалу рассматривались как относящиеся к цензурной или военной процедуре. Во всяком случае, никто не осмеливался подвергать сомнению их законность, и такая практика становилась все более и более распространенной в Империи. В преторских судах мы с удивлением видим, что Август вернулся к гракховской практике назначения рыцарей вместо сенаторов присяжными. Его целью, однако, не было принизить Сенат. Поскольку теперь управлялись провинции, было мало места для старого-антагонизма на этот счет. Наконец, преторы продолжали **p357** выполнять функции губернаторов провинций, а также их все чаще привлекали на должности государственной службы. Так, например, Август на некоторое время назначил преторов вместо квесторов ответственными за государственную казну (**aerarium Saturni**).

The *Эдилам* на некоторое время пришлось нести возросшее бремя, поскольку Август организовал обычное полицейское управление, а также общественную пожарную охрану (**vigiles**). Поскольку, однако, неопытные чиновники, занимавшие свои должности всего год, оказались неэффективными администраторами этих постоянных управлений, Август в 6 г. до н.э. организовал эти управления, выделив в их состав семь когорт численностью около 1000 человек в каждой, подчиненных военной дисциплине, и поставил над ними постоянного **praefectus vigilum** всаднического ранга, который был непосредственно подотчетен императору. Аналогичным образом он создал департамент продовольственного снабжения, для надзора за которым назначил **praefectus annonae**. Этот департамент продолжал снабжать дешевым зерном около 200 000 бедняков, и Август лично взял на себя бремя расходов, оплачивая их из прибыли, получаемой от его провинций. Агриппа взял на себя личную ответственность за водоснабжение, восстановив старые акведуки и построив новый (Аква Дева, 19 год до н.э.) за свой счет. После его смерти под наблюдением императора был также организован департамент водных ресурсов (**cura aquarum**). Таким образом, мы можем понять, что **эдилы** в конечном счете пришли к тому, что стали рассматривать свое положение как синекуру.

У *трибунов* также стало меньше дел после того, как Август занял должность **tribunicia potestas**. Эти молодые офицеры впоследствии не осмеливались ни предлагать законопроекты, ни накладывать вето, и их должность стала пустой тратой времени после того, как ассамблея утратила свои функции законодательного органа.

Квесторы потеряли контроль над казной и большинством городских задач, но с усилением заботы об управлении провинциями они нашли занятие в качестве финансовых агентов губернаторов провинций за границей.

Таким образом, мы обнаруживаем, что должности старого **cursus honorum** **стр. 358** обеспечивают многочисленный класс сенаторов, заинтересованных в государственных делах и подготовленных к различным обязанностям на государственной службе. Действительно, он увеличил формальное достоинство

cursus, настояв на том, чтобы молодые люди, прежде чем баллотироваться на должность квесторакорабля, прошли проверку службой в одной из четырех меньших коллегий; это были **decemviri stlitibus judicandis** (десять человек, председательствовавших в суде низшей инстанции), **tresviri monetales** (чиновники монетного двора), **tresviri capitales** (приводившие в исполнение смертные приговоры) и **quattuorviri viis in urbe purgandis** (комиссары городских улиц).

До сих пор мы говорили о выживании республиканской правительственной машины и заметили, что существовала постоянная тенденция к тому, чтобы она уступала соперничающей власти в диархии, **принцепсу** и его свите. Теперь мы должны рассмотреть позицию **принцепса**. Как проконсул пограничных провинций — а после 23 года он продлевал этот пост на последующие пятилетние или десятилетние сроки — Август отвечал за большую часть армии и за провинции, которые, по сути, приносили наибольшие доходы. Как обладатель **tribunicia potestas**, он мог полностью контролировать законодательство; следовательно, он мог, *де-факто*, принимать **senatus consulta** как эквивалент законов, и он также мог издавать административные решения, рескрипты и эдикты с достаточной уверенностью, что никто не усомнится в их действительности, даже если он не представит их в Сенат. Вполне вероятно, что он поставил вопрос об их действительности на основании общего приказа, неоднократно издававшегося сенатом, о том, что эдикты Августа не нуждаются в одобрении сенатом. Но также необходимо иметь в виду, что в течение трех столетий принципата действие неподтвержденных **актов** принца прекращалось со смертью принца, если они не были утверждены Сенатом. До такой степени правительство еще не было абсолютной монархией.

Ввиду его постоянно расширяющихся административных полномочий у **принцепса**, как и у сената, была свита государственных служащих. Позже эта группа была очень тщательно организована. **p359**В настоящее время закладывается фундамент системы. Для ведения важных войн Август назначал сенаторов с высокой репутацией, обычно членов своей семьи, таких как Тиберий и Друз, своих пасынков или своего способного друга и помощника Агриппу (который женился на Юлии). В качестве **легатов** своих провинций он неизменно выбирал сенаторов, за исключением Египта, куда префектом всегда отправлялся какой-нибудь рыцарь. Древнее объяснение этого исключения заключалось в том, что он не осмеливался допустить представителя знатной семьи на такое положение. Мы можем подозревать, что он также принимал во внимание тот факт, что префект Египта, предположительно, будет занят главным образом присмотром за обширными финансовыми проблемами государственных монополий, так что рыцари, из-за их опыта в бизнесе, казались предпочтительнее сенаторов на этом посту. Для управлений, которые он постепенно организовывал в Риме (водоснабжение, полиция и пожарная охрана, производство зерна и т.д.), он неизменно выбирал префектов из конного сословия. Наконец, он провел черту между государственной казной (**аэрарием**) и своей собственной, чем пренебрег Юлий Цезарь. Государственная казна снова была передана в ведение Сената, и туда, конечно, поступали доходы сенаторских провинций. Август, с другой стороны, распоряжался средствами, поступавшими из Египта, очень прибыльного владения, и из других

приграничных провинций. Именно эта имперская сокровищница вскоре получила название **fiscus** (корзина). Его ресурсы и обязательства были намного больше, чем у **аэрария**. И мы можем добавить, что, поскольку Август был более склонен иметь профицит в **фискусе**, чем Сенат в **аэрарии**, он часто делал из него дотации в государственную казну и постоянно брал на себя новые обязательства по отношению к ней. Действительно, он свободно делал субсидии также со своих личных счетов (**patrimonium** и **res privata**), которые были чрезвычайно большими, поскольку богатые люди часто оставляли ему щедрое наследство после смерти (говорят, что такое наследство составляло около 70 миллионов долларов). Конечно, не было никакой инстанции, которая могла бы провести проверку его записей **p360** об имперских деньгах. Согласно восточной теории суверенитета, ныне общепринятой в Риме, провинции принадлежали ему по праву завоевания. Фактически, его собственные бухгалтеры и личные финансовые агенты, все доверенные вольноотпущенники из его собственного дома, управляли делами **res privata** за него.

Постоянная армия Августа обычно насчитывала около восемнадцати легионов плюс их полную квоту вспомогательных войск. Четыре легиона были размещены в Сирии для охраны Востока; шесть легионов охраняли балканские границы; три стояли на Рейне, три в северной Испании, один в Нумидии и один в Египте. Ни в одном из них не было необходимости в Малой Азии, поскольку это правление защищали царь-клиенты Каппадокии и Галатии. Бывшие-преторы и бывшие-консулы командовали армиями, но все остальные офицеры, **военные трибуны** и **префекты** союзных вспомогательных войск, были набраны из конного сословия. Действительно, Август чтит и тщательно следил за полублагородным званием рыцарей именно для того, чтобы обеспечить надежный офицерский корпус.

В управлении провинциями Август внес много улучшений, которым Сенат со временем последовал, хотя и очень неохотно. Он покончил со многими злоупотреблениями контрактной системой, которые в прошлом приводили к столь многочисленным тяжким поборам. Вместо всадных мытарей он назначил своих личных прокураторов собирать дань, и эти люди были тщательно привлечены к ответственности за любой проступок. Провинции были должным образом благодарны за защиту, о которой они так долго мечтали. Губернаторы его провинций, хотя и были сенаторами, были **легатами** императора и постоянно находились под его присмотром. Преступления Верреса теперь не могли быть совершены в провинциях, находящихся в его ведении, и он не был настолько занят, чтобы также не присматривать за сенаторским проконсулом и не привлекать внимание сената к любому акту ненадлежащего управления, который мог быть совершен.

Отношение императора к провинции Египет было своеобразным. Администрация находилась в руках префекта **p361**, который был назначен Августом. Частная собственность на землю в строгом смысле этого термина была неизвестна. Поскольку земля имела небольшую ценность, за исключением того, что она орошалась и удобрялась Нилом и системой каналов, контролируемой царями, цари "владели" всей землей Египта. Когда Август захватил королевство, он, естественно,

стал наследником этой собственности и законным владельцем. На пшеничных землях он, как и его предшественники, взимал арендную плату от одного до трех бушелей с акра, в зависимости от продуктивности почвы. За масличные культуры взимался определенный процент с урожая; государство закупало все это по фиксированной цене, производило из этого съедобные продукты на государственных заводах и распределяло эти продукты среди небольших агентств для продажи по фиксированным ценам. Это иллюстрация того, что происходило практически со всеми продуктами. Август не только владел землей и контролировал производство, но перерабатывал сырье на государственных заводах и продавал готовую продукцию. Соответственно, именно он регулировал производство и продажу льна, шкур, соли, масла (сливочного масла древних), меда (их сахара), натрона (их мыла), кирпича, древесины и многого другого. Это огромное коммерческое предприятие приносило имперскому фискусу Августа доход в размере около десяти миллионов долларов в год. И все же Августу требовался всего один легион для удержания этой провинции.

Таково вкратце было правительство, созданное Августом путем объединения фрагментов республики и отвергнутой монархии. Теперь мы знаем, что оно потерпело неудачу. Более поздние императоры, опьяненные властью, посягали на Сенат, в то время как сенат, составленный, по-видимому, из малокровных людей, не выполнял свою долю эффективно и не противостоял посягательствам. И все же автократия Цезаря с такими людьми, как Калигула, Клавдий и Нерон, несомненно, была бы хуже. Эксперимент Августа стоил того, чтобы его попробовать. Это, по крайней мере, дало Республике еще один шанс исправиться, сохранив свою технику в целости и сохранности. Отчасти это была его вина, что лучшая кровь сенаторской аристократии была потрачена впустую р362 на проскрипции триумvirата, но ни одно его деяние за время его долгого правления в качестве принцепса нельзя обвинить в провале щедрого плана правления, который он так терпеливо и тактично разрабатывал.

Литература Августа. Влияние Августа давало о себе знать даже за пределами политической жизни. Например, он узнал от Юлия Цезаря, что поощрять литературу - хорошая политика, а также обязанность политического лидера. Было бы преувеличением сказать, что Август руководил развитием литературного искусства посредством своей критики, хотя у него были четко сформулированные взгляды, которые были хорошо известны. Что было еще полезнее, он помог возвысить искусство в глазах общества, поощряя лучших поэтов, и дал возможность своему другу Мecenату передать некоторым из них имущество в виде государственной пенсии. Если вспомнить, что писатели не могли получить никакой адекватной компенсации за свои произведения, поскольку все книги приходилось копировать вручную, а несанкционированное копирование не могло быть предотвращено никаким законом об авторском праве, становится ясно, что покровительство было абсолютно необходимо, если литература хотела процветать. Этот Август зашел очень далеко, чтобы оказать помощь, и не очевидно, что ни он, ни Мecenат навязывали свои собственные суждения в обмен на помощь. Не случайно

словосочетание "августовская эпоха" в литературе стало почти синонимом "Золотого века".

Вергилий. П. Вергилий Маро, конечно, был первым поэтом этого века. Мальчиком он был воспитан в добрых традициях Цизальпинской провинции, его предки, предположительно, принадлежали к большой группе пограничных народов, которые отправились на север в поисках новых домов во втором веке, когда большие плантации и рабы вытеснили свободных граждан из Италии. Он получил основательное образование по греческому и латыни в Кремоне, по риторике и юриспруденции в Риме, он служил солдатом при Цезаре во время гражданской войны, пока его здоровье не пошатнулось, затем энтузиазм по отношению к Лукрецию привел его в Неаполь изучать философию под руководством тамошних мастеров-эпикурейцев. Его ранние работы, которые он подавлял при жизни, демонстрируют заметное влияние Лукреция и поэтов-романтиков, принадлежащих к группе Катулла. Известность ему принес сборник из десяти пасторальных стихотворений "*Эклоги*", в которых он изобразил идиллическую жизнь простых греко-кампанских пастухов и крестьян Неаполя в то самое время, когда триумвиры выселяли этих людей, освобождая место для солдат. Эта работа привлекла внимание Октавиана и Мecenата, которые восстановили имущество, потерянное им в результате конфискации, и дали ему возможность продолжить писать на досуге. Затем сын фермера написал дидактическую поэму об искусстве ведения сельского хозяйства "*Георгики*", произведение, проникнутое романтической любовью к природе, выросшее частично из простого анимизма, все еще живого в сельской Италии, частично из энергистической философии Лукреция.

Величайшее произведение Вергилия - это, конечно, *Энеида*. Это была счастливая мысль, которая побудила его выбрать Энея в качестве героя, мифического основателя римского правительства, поскольку это позволило ему отвлечь внимание людей от катастрофических войн недавнего прошлого к истории тех мужественных предков, которые могли быть представлены как типичные представители качеств, создавших Рим. Умело используя мантическую пещеру в Аверне, он мог бы подробно остановиться на выдающихся персонажах истории Рима. "*Энеида*", таким образом, стала национальным эпосом в самом прямом смысле этого слова. Как национальный эпос, у него есть история, которая сейчас не может представлять того интереса, какой она представляла для римлян. Но мы все еще можем ощутить принуждение его величественных и звучных гекзаметров, подлинную человечность его основной философии, романтическую игру его темы и персонажей, и мы можем оценить его адекватность как воплощение римской культуры.

Гораций. Одним из самых близких друзей Вергилия был Квинт Гораций Флакк, который также потерял свое имущество в результате изгнания, возможно, более заслуженно, чем Вергилий, поскольку он был офицером высокого ранга в армии Брута при Филиппах. Живя в бедности и разочарованный поворотом политических событий, он в свободные минуты писал сатиры. Вергилий обнаружил его и от его имени обратился к Мecenату, который обеспечил ему ферму в Сабинских горах в обмен на имущество, которое он потерял. Досуг и компетентность восстановили его самообладание, и через десять лет появились три сборника од, которые

обеспечили ему известность. Гораций не пошел по стопам Катулла. Мучительный опыт и долгие годы борьбы с действительностью, не говоря уже о суровом литературном обучении в Афинах, унесли его далеко от романтических иллюзий. Простая безыскусственность первого стиля Катулла казалась ему слишком наивной, а александрийский сентиментализм более поздних произведений оскорблял чувство Горация о достоинстве поэзии. Когда Гораций начал писать стихи, его юность и импульсивные страсти были всего лишь печальными воспоминаниями, которые он изгладил. Дружба и верный товарищ на корабле, хорошее настроение и песня казались ему сутью жизни. О таких темах он предпочитал писать стихами, отточенными до самых последних требований дотошного вкуса. В результате он создал группу стихотворений, которые с тех пор стали пробным камнем искусства для поэтов, ценящих классическое изящество и законченность. На склоне лет он написал легкими гекзаметрами серию посланий, воплощающих принципы поведения поэта, незатронутый, джентльменский и здравый кодекс, и в эту серию он включил знаменитое "*Ars Poetica*", дающее выражение здравым поэтическим принципам, которые он навязал своему возрасту перед лицом растрепанного искусства, которое он находил популярным в юности.

Однако сентиментальная школа сохранялась, несмотря на классическую реакцию, которой способствовал Гораций. *Корнелий Галл*, богатый молодой кельт, чей отец, возможно, получил от Цезаря звание римского гражданина, воплотил традиции Катулланов в новые и плодотворные формы. Влюбившись в хорошо известную актрису того времени и вскоре покинутый ею, как и следовало ожидать, он импульсивно воспел свой собственный дар, как это делал до него Катулл. Форма, которую он принял, была элегическим двустушием, адаптированным к пасторальной песне, и благодаря его успеху эта форма отныне была принята p365 римскими поэтами при написании субъективных текстов. Август, возможно, для того, чтобы поощрить Галла, назначил его на высокие государственные посты, фактически избрав своим первым префектом Египта — на этом, конечно, и закончилась его поэзия. Почему Август должен был выбрать из всех мужчин кельтаромантика, пишущего стихи, для выполнения этой поразительной задачи по организации обширной монополистической империи, рытью каналов и надзору за нефтяными, пивными и швейными фабриками, находится за пределами понимания. Возможно, на него повлияли воспоминания о школьных днях — ведь они были школьными товарищами. В любом случае, это погубило поэта. Он превозносил свои военные успехи, потерял всякий контроль над собой, который, возможно, имел, и, глубоко оскорбив Августа, был отозван. Шок от этого позора был сильнее, чем могли вынести его тонкие чувства, и он покончил с собой. Его литературный тип — субъективная элегия — был унаследован *Проперциусом*, изгнанником из Перуджи с детскими воспоминаниями об ужасных разрушениях его родного города во время Перузинской войны. Поэт с богатым воображением и болезненным характером, страстный и эгоцентричный, провел несколько лет своей юности, обсуждая все изменения на тему безответной любви. После своей ранней смерти он оставил пять книг кратких элегий. Человеком более солнечной натуры, перенесшим элегическую форму в более идиллическую обстановку, был *Тибулл*, поэт с более спокойным

воображением и темпераментом. Тибулл умер в тот же год, что и Вергилий, Проперций пережил их примерно на три года.

Незадолго до смерти этих поэтов *Овидий* начал писать для придворных кругов, которые жаждали занимательных историй и развлечений, рассеивающих скуку. Его ранние книги о *любви* представляют собой элегическую лирику тибулловского типа, более легкую, но менее искреннюю. Его *Искусство любви* было дерзким вызовом социальным реформам Августа, которые он полностью игнорировал. "*Метаморфозы*", оказавшие неоценимую услугу по передаче средневековым и современным поэтам практически всех причудливых греческих мифов, - произведение поразительного блеска. Здесь стремительная легкость в искусстве повествования сочетается p366с живостью воображения и уверенным суждением в выборе и сочетании историй. Овидий был очень популярен среди распутной молодежи двора, и он слишком точно отражал его тон и дух. Когда в конце жизни Августу пришлось изгнать свою собственную внучку Юлию из-за ее поведения, несколько ее близких друзей также были изгнаны, и Овидий пострадал вместе с остальными. Его отправили в "Томи" на Черном море, чтобы никогда не отзываться.

Среди многих поэтов, чьи произведения были утрачены, мы можем упомянуть *К. Азиния Поллиона*, который в качестве легата Марка Антония сыграл важную роль в достижении триумвирами мирного компромисса после Перузинской войны, и за этот поступок был восхвален Вергилием в его четвертой *эклоге*. На счету Поллиона было множество трагедий, которые в его время высоко ценились. Другим автором трагедий был земляк Вергилия и друг всей его жизни, *Вариус Руфус*. Десятки других поэтов того времени известны нам только по названиям произведений, ныне утраченных.

Проза. В прозе мы понесли еще большие потери. *Великая история гражданских войн*, которую Поллион пережил, если бы она уцелела, оказала бы неоценимую услугу, поскольку он принимал в них важное участие, он блестяще писал и у него хватило морального мужества быть справедливым по отношению к обеим сторонам. Его многочисленные речи также были бы оценены по достоинству сейчас, поскольку многие считали его достойным соперником самого Цицерона.

Из *историй* Саллюстия мы располагаем только двумя брошюрами: "*Заговор катилинариев*", юношеская и довольно дилетантская брошюра с демократическим уклоном, но написанная в приятном сжатом стиле, и "*Югуртинская война*", которая кажется более достоверной. Его более поздняя работа, обширная история сулланского периода, к нашему великому сожалению, утрачена, за исключением цитируемых фрагментов.

Из great Roman history we have only thirty-five of the original one hundred and forty-, ,, двух книг. Учитывая, что полное собрание сочинений было примерно в двенадцать раз больше, чем лежащая перед вами книга на стр. 367, мы не должны предполагать, что все основывалось на исследовании из первых-рук в архивах. Действительно, современные историки смогли найти в нем много следов поспешной работы. Но хотя Ливий обычно полагался на вторичные материалы, он знал, кто из его предшественников заслуживал наибольшего доверия, и в целом знал, как

противостоять предвзятости биографов-апологетов. У него также хватило смелости отдать должное республиканскому делу, хотя он и писал для августейшей публики. В работе, написанной для широкого читателя, он избегал, больше, чем мы предпочли бы, давать полные подробности конституционных изменений, и, пытаясь представить важные сцены без помощи иллюстраций, которые используются в современной истории, он останавливается на живописных и драматических событиях больше, чем это сейчас принято делать. Однако, учитывая его цель и его публику, это произведение представляет собой одно из величайших достижений в литературе. Характеристики исторических личностей Ливием с помощью произносимых слов, вложенных в их уста, делают их драматически реальными, его изображение настроения толпы или армии в критический момент обнаруживает сочувственное воображение высочайшего порядка, а его быстрому, легкому, буйному и податливому стилю редко кто соответствовал. Его история была записана задолго до правления Августа. Не будет преувеличением сказать, что, если бы были найдены последние девятнадцать книг этого труда, ни одна страница нашей истории от Третьей Пунической войны до зарождения Империи не избежала бы пересмотра.

Относительно *стиля прозы* в целом можно сказать, что это был переходный период. Филиппики Цицерона были последними образцами объемного и периодического стиля, который процветал в сенаторских кругах свободной и неторопливой республики. Поллион и Мессалла, выдающиеся ораторы времен Августа, практиковали прямую и деловую манеру речи, которая признавала, что убеждение передается больше не из уст в уста, а в кратких императорских записках. Август, Агриппа и Тиберий открыто высказывались в пользу стиля, основанного на фактах, хотя Меценат в сохранившихся фрагментах своей прозы [стр. 368](#) обнаруживает особую любовь к витиеватому и действительно вычурному стилю. Его предложения действительно можно было бы назвать своего рода "имажинистской" и "полифонической прозой". Школы были в растерянности, чему учить. Они делали вид, что все еще готовят своих учеников к публичной карьере с помощью искусства декламации, хотя все знали, что общественная карьера теперь больше зависит от благоразумного молчания, чем от словоохотливости. Возможно, они лелеяли надежду, что Республика вернется. Тем временем они попытались превратить лаконичный стиль в искусство, настаивая на живости, заостренности и заостренности внимания. Таким образом, школьная проза со временем стала чрезмерно и неестественно емкой и эпиграмматичной, а в руках безвкусных писателей приобрела натянутое тщеславие и притянутые за уши антитезы. Именно в этих школах риторики Сенека научился писать.

Рисунки. В других искусствах, помимо литературы, наибольший прогресс был достигнут в архитектуре, и это было вызвано спросом на храмы, театры и общественные здания большего размера, чем требовалось греческим городам. Архитектурная форма в значительной степени определялась строительными материалами, доступными в Лациуме. Например, в Риме на сотни миль вокруг не было мрамора. Вулканический туф, который лежал повсюду, обычно был чрезвычайно уродливого табачно-коричневого цвета, в то время как травертин —

известковое отложение из теплых источников под Тиволи — казался слишком пористым, чтобы его можно было использовать. Он действительно входил в обиход, но только позже были обнаружены более тонкие сорта. С другой стороны, Риму повезло, что под рукой было неисчерпаемое количество вулканического пепла, который при правильном смешивании с известью образует очень прочный цемент. Добавляя в него щебень, получался бетон замечательной прочности. Но это тоже было уродливо, и его нужно было как-то облицовывать шпоном. Поэтому в эпоху Августа было принято делать стены из больших блоков туфа или бетона, облицовывать аккуратно вырезанными лепешками туфа и покрывать все это штукатуркой. Если штукатурка должна была быть очень тонкой, то она была сделана из извести и мраморной крошки. Наконец, для более великолепных зданий фасад был сделан из мраморных плит, прочно прикрепленных к бетону. Однако различные виды мрамора были очень дорогими, поскольку их приходилось перевозить на большие расстояния, и поэтому они использовались главным образом в качестве облицовки, как в интерьере Библиотеки Конгресса в Вашингтоне. Но при попытке создать эффективную цветовую гамму была применена большая осторожность. Матово-золотистый мрамор Нумидии (giallo antico), прекрасный белый мрамор с фиолетовыми прожилками из внутренней Малой Азии (pavonazzetto), серпентины и темно-красные порфиры Африки были излюбленными декоративными мраморами, но существовали разновидности, которых насчитывалось до 500, образцы которых были найдены.

Для кровли больших помещений также предстояло открыть новые методы. Консольный принцип уже использовался при изготовлении широких пролетов для крыш, но, не имея достаточного давления воды, пожарная команда с трудом справлялась с пожарами, которые разрушали деревянные крыши. Свободные каменные арки широко использовались на небольших площадях, даже прямая арка была изобретена, чтобы заменить деревянные наличники, но арки, перекинутые на большие пространства, создавали нагрузку, с которой было трудно справиться. Таким образом, был изобретен монолитный бетонный купол. Сначала на строительных лесах был построен временный куполообразный потолок из дерева, затем поверх него уложили кирпичную арку, после чего слой за слоем нанесли бетон. Этот бетон затвердел, образовав прочную, как металл, заглушку без выступа наружу. Она упиралась прямо в прочные стены. Затем, конечно, временный деревянный потолок был снят, и внутренняя часть купола была оштукатурена подходящими узорами. Интерьеры таких зданий впечатляли своим просторным величием, хотя экстерьеры слишком часто создавали ощущение простой массивности. Массивный купол Пантеона, все еще стоящий в Риме (перестроенный Адрианом), имеет диаметр • более 140 футов при высоте, равной диаметру. Главная критика конструкции с такой крышей заключалась бы в том, что декоративные колонны и карнизы не были неотъемлемой частью конструкции, а должны были быть установлены в нее впоследствии. Этот недостаток, однако, обусловлен массивностью конструкции и жесткостью материала, и с такой же критикой приходится сталкиваться современному архитектору, который вынужден из-за потребностей больших современных городов использовать железо, столь же

уродливый и жесткий материал. Следует признать, что римляне с большим мастерством решили новую проблему строительства достойных сооружений для больших собраний из, казалось бы, очень тугоплавкого материала.

В скульптурном убранстве таких сооружений мы также находим новую нотку. Римляне очень интересовались своей историей и национальными интересами. Алтарь Домиция¹ Нептуну (35 год до н. э.) был эффектно украшен скульптурами и барельефами, повествующими о его морских подвигах: фигурками морских божеств, группой солдат, получающих почести, достойным подношением *suovetaurilia* адмиралом. Точно так же великолепная Ара Пацис,² освященная Августом в 9 году до н.э., изображала на впечатляющих рельефах своего фриза процессии римских сановников, марширующих на жертвоприношения в честь вечного мира, который должен был наступить. Искусство приятное и правильное, выдержанное в достойном классическом духе, подобающем эпохе Горация и Вергилия.

Август хвастался, что нашел Рим городом из необожженного кирпича и оставил его мраморным (*Latericiam accepti, marmoream reliqui*). Это приемлемо как общее утверждение, хотя было бы более уместно сказать, что он нашел Рим построенным как латийский город и оставил его с архитектурой, достойной мировой империи. В конце концов, вопрос заключался не столько во внедрении мрамора, сколько в великих принципах строительства. На самом деле необожженная глина долгое время не использовалась для строительства храмов и общественных зданий. Он использовался и до сих пор используется под штукатурку для небольших частных жилищ. Сооружения *p371*, построенные Августом и Агриппой, очень много сделали для облагораживания города — великий храм Аполлона с его библиотекой, Театр Марцелла, великий форум Августа с его храмом Марса Ультора и скульптурным воплощением римской истории, храм Божественного Юлия, Пантеон с банями Агриппы, в дополнение к реставрации восьмидесяти-двух старых храмов. Но это было еще не все. Правление Августа было периодом великого процветания и мира, который придал многим частным лицам смелости построить себе новые дворцы на многочисленных холмах Рима. Повсюду люди принимали предложения архитекторов Августа и заменяли свои скромные дома высокими и просторными сооружениями из бетона, украшенными мраморными колоннами и капителями, и такие частные жилища, возможно, не меньше изменили внешний вид города, чем личные начинания Августа.

Эти частные дворцы богатых в целом соответствовали образцам, которые мы знаем по большим домам Помпей. Передняя часть охватывала атриум или двор, который был лишь частично перекрыт, и в него выходило несколько жилых комнат. В более просторной задней части помещения аналогично выходили внутрь, на четырехугольный портик или перистиль, который, в свою очередь, окружал довольно большой сад. В период правления Августа было модно прибегать к услугам искусных художников, которые украшали внутренние стены, пока штукатурка была еще влажной, сценами из мифологии, литературы или природы и декоративными арабесками в так называемом "втором стиле". И здесь целью архитектора было подчеркнуть красоту интерьера, а не экстерьера. Такие дома

обычно располагались на земле, они редко использовали второй этаж, поскольку внутренний сад был очень важен для них и не должен был быть затенен высокими стенами. Однако более скромные люди, которые не могли позволить себе дома такого типа — а земли внутри городских стен, естественно, было мало и дорого, — все больше и больше переезжали в многоквартирные дома, построенные в кварталах [p372](#). И чтобы удовлетворить потребности растущего города, капиталисты теперь строили огромное их количество. Использование бетона развилось до такой степени, что стало возможным возводить огромные многоквартирные дома высотой в шесть этажей и более. Эти здания во всех отношениях напоминали многоквартирные дома, которые сегодня можно найти в каждом крупном городе. Однако было предпринято мало попыток украсить их, поскольку они предназначались для бедных людей, которые могли платить лишь небольшую арендную плату. Комнаты были маленькими и не слишком хорошо освещенными — в некоторых горел только вторичный свет — и потолки низкими; но поскольку вся конструкция, даже лестница, обычно была бетонной, такие здания были достаточно санитарными и почти противопожарными.

Религиозные культы. Греко-римская религия, все еще признанная государством, церемонии которой послушно исполняли священники, имела теперь лишь небольшое влияние. Август, однако, настаивал на том, что все старые обряды должны тщательно соблюдаться, возможно, полагая, что это, по крайней мере, помогает уберечься от иностранных культов сомнительной ценности и что они дают людям определенное чувство безопасности во времена волнений. Он очень заботился о том, чтобы содержать все храмы в хорошем порядке и следить за тем, чтобы авгуральные, фетиальные и папские коллегии были заполнены достойными людьми. Римляне относились к этим культам Юпитера, Марса и всего остального примерно так же, как многие современные итальянцы относятся к церковным обрядам. Даже если они, возможно, никогда не посещают мессу, за исключением случаев вступления в брак и смерти родственника, они хотят, чтобы их дети присутствовали, и готовы искать утешения в церкви во времена больших бедствий. Чего государство имело основания опасаться, так это постепенного увеличения числа верующих в святилища азиатских и египетских божеств. Приверженцы Великой Матери, Митры и Исиды были в основном сирийцами и египтянами, которые прибыли в Рим с Востока в качестве рабов и которые, когда их освободили и они стали гражданами, начали оказывать давление на государство, чтобы оно разрешило им совершать в Риме обряды, к которым они привыкли. Вера [p373](#) в бессмертие и практика обрядов очищения, которые также принесли эти религии, были, возможно, полезны. Но в некоторых из них были также оргиастические мистерии и чрезмерный акцент на сексуальном элементе, которые не нравились римлянам. Однако любому, кто желал совершать подобные обряды вне стен, разрешалось это делать.

Простой народ этой страны никогда не отходил далеко от анимизма первобытных времен. Они все еще возносили свои молитвы безымянным духам урожая, полей и источников. Общим названием духов полей и домов было слово "[Лапес](#)", так сказать, добрые ангелы, которые довольствовались каким-нибудь незначительным

знаком преданности. "Если, когда вы молитесь своим **Ларам**, вы приносите немного соли и муки безгрешной рукой, этого достаточно", - утешительно сказал Гораций жене фермера.

И здесь мы подходим к очень странному нововведению, внесенному Августом во второй половине своего правления. Как мы видели, он в 27 и 23 годах, когда формировал свой план правления, определенно отверг план Цезаря принять обожествление. Позже, однако, он многое сделал для того, чтобы связать свое имя с религиозными обрядами таким образом, что Сенат сделал желаемый вывод и после его смерти признал его **Divus**. Трудно установить причины этой новой политики; возможно, Август просто поддался неизбежной волне ориентализма, которая теперь захлестывала запад. Мы можем легко проследить развитие этого "имперского культа". На Востоке жители провинций настолько привыкли "преклонять колена" перед королями, что даже настаивали на том, чтобы подчиняться римским проконсулам. Цезарь не предпринимал никаких усилий, чтобы пресечь этот обычай во время своего правления диктатором, как и Антоний после него. Август, хотя и ясно дал понять в 27 году, что не желает ничего подобного в Италии, разрешил ассоциировать имя Августа с богиней Ромой в государственном культе, который быстро распространился по всему Востоку. Затем, видя, что **p374** этот культ может стать символом патриотизма и преданности правящему городу, он поощрял этот обряд в западных провинциях, но не в Италии.³ Соответственно, в Галлии и других местах были образованы провинциальные **консилиумы**, на которые каждое племя посылало представителей, главной функцией которых было проведение этого своеобразного культа. Затем этот культ пришел в Италию в двух видоизмененных формах. Видные вольноотпущенники городов, которые, как правило, были выходцами с Востока, были организованы, и шестеро из них (**севири**) каждый год избирались **августейшими**, чтобы поминать правителя в своих молитвах. Этот институт служил двойной цели: предоставлять презируемому классу достойные должности и напрямую привязывать их к государственному культу, который им казался естественным. Во второй форме, практикуемой другими простыми людьми, как в городах, так и в сельской местности, всеобщее почитание Ларов было связано с именем Августа. С Ларами уличных святилищ ассоциировался "**Genius Augusti**," дух, достаточно неопределенный, чтобы найти место в пантеоне, не вызвав никакого религиозного шока. И таким образом получилось, что перед своей смертью Август, который поначалу отказывался быть божеством, практически стал им благодаря этой ассоциации его имени с восточными богами-правителями и итальянскими анимистическими культами. Императорский культ, впервые признанный Цезарем, таким образом, вернулся и оставался по всей Империи культом, имеющим большое значение среди народа. Вскоре тираны превратили его в оружие, с помощью которого проверяли личную лояльность людей к трону.

Примечания автора:

¹ Стронг, *римская скульптура*, стр. 33 и далее.

² Там же., стр. 40 и далее.

³ В последние годы его правления в Италии также были храмы, где Августу действительно поклонялись как божеству, но на самом деле эти храмы были посвящены не Августу, а "**Genius Augusti**".

Глава XXI

Деловая жизнь Рима

Изучающий историю современных демократий, которому приходится объяснять многие конституционные изменения ссылками на желания рабочей силы, капитала, импортеров и экспортеров, производителей и потребителей, обнаруживает, что римская история странным образом лишена подобных объяснений. И он подозревает, что римский историк старомоден, когда продолжает связывать политику с отдельными людьми и парламентами. - Но промышленность в то время не играла такой роли в государственных делах Рима, чтобы можно было оправданно искать "экономическую интерпретацию" исторических событий. Вполне разумно писать историю от Суллы до Августа как историю борьбы между амбициозными политическими лидерами и группами лидеров. Тарифы, забастовки и капиталистические монополии, которые в целом являются сопутствующими явлениями и результатами современной демократии, не играют серьезной роли в истории Рима. Старая римская знать, безусловно, была материально заинтересована в успехе сенаторского правления, которое часто приводило к упорядоченной экспансии. Это было признано. Но они никогда не были "капитанами промышленности" или торговли, и они мало заботились об этом. **Всадники** пошли немного дальше в том, что они инвестировали не только в землю, но и в провинциальный сбор налогов- и в провинциальное денежное кредитование, которое влекло за собой землевладение. Но они очень редко касались производственных вопросов. Что касается рабочего, то он обычно был рабом, у которого не было возможности заявить о себе на Форуме. Торговля по-прежнему находилась в основном в руках грузоотправителей из Египта, Сирии, Азии, Греции и, в некоторой степени, южноитальянцев. Они добились открытых морей, свободной торговли и защиты от Рима, не спрашивая, по той самой **p376** причине, что Сенат слишком мало заботился о торговле, чтобы думать о ее ограничении или контроле над ее каналами. Промышленность частично контролировалась провинциалами, частично кампанскими и этрусскими фабрикантами, не имевшими никакого положения в римском обществе, но в большей степени мелкими лавочниками, которым и в голову не приходило просить милостей у правительства. Поэтому мы обычно считали за лучшее опустить экономические аргументы из рассказа о политических переменах в Риме. Но теперь необходимо рассмотреть, каковы были методы производства и распределения, и увидеть, в какой степени капитал и фабричная организация вошли в них.

Ремесленные мастерские Помпей. Если мы рассматриваем обычный блок и магазинов в Помпеи — единственный античный город оставил нас для первой-стороны, экспертиза — мы находим что-то вроде этого: комплекс находится в самом центре, на улицах небольших магазинов. В этих магазинах, хотя и сильно разграбленных, обычно сохранились следы витрин - прилавки спереди для продажи товаров, а в задней части - верстак, кузница или печь для изготовления таких

изделий. Это раскрывает систему. Это комбинированные мастерские и торговые залы мелких специалистов и ремесленников, которые изготавливали и продавали свои собственные изделия: столовые приборы, замки и ключи, корзины, обувь, сбрую и многое другое. Пока что мы не наткнулись на то, что мы могли бы назвать крупной фабрикой или оптовым складом. Помпеи на первый взгляд производят впечатление средневекового золотого города, занятого в основном тем, что было названо "городской экономикой".

Таково первое впечатление, и в значительной степени оно соответствует действительности. Экономика такого города довольно репрезентативна для более чем половины производственных механизмов времен Августа. Однако мы должны изменить эту картину, более тщательно изучив предметы торговли, найденные в европейских музеях, предметы, имеющие торговые марки и клейма производителей, и тогда мы обнаружим, что даже в Помпеях оптовая торговля товарами фабричного производства достигла значительных успехов. p377Вероятно, дальнейшие раскопки недалеко от гавани выявят руины складов и фабрик.

Способы производства: керамика. Обычной посудой времен Августа была красная-глазурованная керамика с низким рельефом, называемая арретиновой посудой. Большая часть его поступала из Арретиума и Путеоли. В одном из магазинов в Арретиуме был смесительный резервуар емкостью 10 000 галлонов. На большинстве украшенных изделий указано имя производителя, так что мы можем идентифицировать продукцию разных фабрик. Следовательно, мы знаем, что посуда, разбросанная по всему Средиземноморью, за исключением Юго-Востока, *то есть* территории протяженностью более 1000 миль, поступала из нескольких центров. Каковы были силы, создавшие централизованное фабричное производство? Не запатентованный торговый процесс и не защищенный авторским правом товарный знак; ибо эти вещи еще не были известны.

Однако необходимую тонкую глину можно было найти не везде; секрет нежной красной глазури, вероятно, охранялся настолько хорошо, насколько это было возможно; печи, хотя и не были сложными, требовали концентрации людей, владеющих гончарным кругом, и, прежде всего, необходимость наличия высококвалифицированных и, предположительно, дорогих художников для создания рисунков предполагала целесообразность минимизации накладных расходов дизайнеров за счет производства продукции в как можно большем масштабе.

Таким образом, здесь мы имеем настоящую фабрику, производящую продукцию для "международной" торговли.

Изделия из стекла. Ту же тенденцию можно заметить в торговле стеклом после открытия паяльной трубки. Стекланная паста, особенно разноцветное стекло, производилась повсеместно за сотни лет до дня Августа. Прозрачное стекло, однако, было трудно изготовить, когда стеклянную пасту приходилось разливать по формам; поскольку для каждого изделия приходилось изготавливать отдельную форму, а частицы формы были склонны прилипать к стеклу изнутри. Страбон говорит, что ^a изобретение, которое сделало прозрачное стекло дешевым — один

цент [p378](#) за изделие, — было новым в его время. Изобретателями, по-видимому, были какие-то сирийские стеклодувы из Сидона, которые так гордились своей работой, что вытирали свои имена на своих изделиях. Изделия из стекла с названиями Нейкон и Артас встречаются от Сидона до Испании. Итак, здесь мы, похоже, имеем фабричную систему, основанную на изобретении, которое, несомненно, тщательно охранялось.

Металлоконструкции. Почему не было steel trust? Не только греки и римляне, но и варвары Испании и Альп изготавливали клинки из хорошо закаленной стали, которыми мы располагаем по сей день.- Причина неспособности сконцентрироваться заключалась в неспособности найти дешевый метод массового производства. Отдельные кузнецы в самодельных кузницах могли делать изделия не хуже других. Что было необходимо, так это доменная печь с мощным клапанным мехом, который поддерживал бы постоянный дутьевой процесс, чтобы тщательно расплавить руду. Это было обнаружено немного слишком поздно, фактически только в 4 век нашей эры. Если бы секрет изготовления чугуна был открыт немного раньше, римская промышленность могла бы совершить революцию.

Концентрация там была в какой-то степени. Диодор, писавший во времена Вергилия, сообщает нам,^b что ПUTEОЛЫ близ Неаполя захватили большую часть мировой торговли железом. Руда поступала с острова Эльба и там была переплавлена, насколько это было возможно, "в губчатую массу", - говорит он. Затем фабриканты близ большой гавани ПUTEОЛЫ закупили это необработанное-чугун, собрали множество искусных кузнецов, которые изготовили из него все необходимые виды оружия и орудий труда.

Здесь сосредоточена промышленность, но вряд ли это настоящая фабрика; ибо кузнецы, в конце концов, делали только то, что могли сделать отдельные люди в других местах. Единственным преимуществом системы было то, что при такой концентрации крупные заказы могли выполняться быстро, а крупные заказы иногда размещались в сжатые сроки, особенно на оружие и бронетехнику. Мы можем предположить, что торговля переместилась из ЭТРУРИИ, где была найдена руда [p379](#), в ПUTEОЛЫ, потому что там было в изобилии древесины, гавань была хорошей, и большинство кораблей, направлявшихся в Италию, заходили именно туда.

То, что говорит Диодор, находит интересное подтверждение в Помпеях — прямо через залив от ПUTEОЛ. Несмотря на систему мелких магазинов, которую мы заметили в Помпеях, мы находим там магазины розничной торговли скобяными изделиями без скамеек и кузниц. Очевидно, производители ПUTEОЛЫ могли поставлять товары розничным торговцам поблизости дешевле, чем собственные городские кузнецы. Однако мы не должны предполагать, что отдельный кузнец в целом был вытеснен этой конкуренцией. Римские посвятельные и надгробные надписи, сделанные отдельными кузнецами, резчиками, изготовителями мечей, щитов и т.д., очень многочисленны.

Таким образом, мы обнаруживаем, что благоприятное расположение ПUTEОЛ способствовало простой концентрации; но отсутствие трудосберегающих изобретений замедлило рост фабричной системы.

С другой стороны, производители медной и бронзовой посуды, по-видимому, разработали настоящую фабричную систему, отчасти потому, что в литейных цехах было возможно крупномасштабное производство, отчасти потому, что в сочетании с работой требовалось высокое художественное мастерство. В больших количествах использовались сосуды для вина, кубки, половники и столовые приборы художественной формы с красивым рисунком. Следовательно, было необходимо собрать под одной крышей людей различной подготовки: печников-, формовщиков, кузнецов, которые ковали, резали, полировали и работали в ремонте. Долгое время было замечено, что римская посуда, найденная в Шотландии и Швеции, часто носит те же фирменные наименования, что и та, что обычно находят в Помпеях, а недавно было указано, что эти названия часто встречаются на капуанских надписях. Следует помнить, что Катон и Плиний называют Капуу лучшим рынком сбыта изделий из бронзы и что средневековые церковные колокола впервые были произведены в Капуе.

Учитывая широкое распространение этой прекрасной капуанской бронзовой посуды, мы можем с уверенностью сказать, что там, должно быть, существовали очень большие фабрики p380, на которых работали сотни человек, и именно наличие этих крупных литейных цехов позволило римским художникам создавать свои многочисленные бронзовые произведения искусства, особенно великолепные конные статуи, отлитые в Италии.

То, что было сказано о бронзовой посуде, относится и к серебряной посуде. Одно время было принято приписывать прекрасные изделия из сокровищниц Хильдесхайма и Боскореале александрийским художникам, но есть веские основания полагать, что большая часть этих изысканных работ принадлежит крупным фабрикам по производству столового серебра недалеко от Неаполитанского залива.

Кирпичные заводы. Наконец, мы можем отметить отрасль, в которой несколько позже концентрация была частично вызвана аварией. Современные экономисты относят производство кирпича к отрасли, в которой из-за простоты процесса и веса изделия при транспортировке монополия не может возникнуть. Однако в Риме кирпичные заводы практически все перешли во владение поместья Марка Аврелия, унаследованного через его мать и бабушку от Домиция Афера и его сыновей, которые, похоже, извлекли выгоду из строительного бума, возникшего после великого пожара Нерона. Факты никогда не излагаются столь откровенно, но что мы знаем, так это то, что раньше огнеупорный кирпич мало использовался для строительства, что несколько кирпичных штампов с именем Афера появились до пожара, что после пожара почти на каждом важном здании есть несколько штампов с его дворов, и в течение следующих трех поколений семья путем покупки, наследования и смешанных браков с другими владельцами дворов фактически получила контроль над промышленностью в городе. Но это совершенно особый случай. Конечно, возможно, что это произошло в то время, когда возникла необходимость владеть аллювиальной полосой Тибра над Мульвиевым мостом, где имелись лучшие кирпичные грунты.

Теперь мы можем обратиться к некоторым отраслям, где централизация по каким-то причинам была затруднена.

Одежда. Обычная одежда обычно производилась в [p381](#)Италии из домашней шерсти, другие ткани обычно импортировались. Во времена Империи шелковые ткани доставлялись караванами с дальнего Востока и, по-видимому, часто расплетались и расплетались заново. Тонкое полотно производилось в больших количествах на государственных фабриках Египта времен Птолемеев, унаследованных Августом, и домашнее прядение льна также импортировалось из испанских центров. В Малой Азии, откуда мы до сих пор привозим так много ковров ручной работы, было широко распространено производство тонкостенных и вышитых тканей. В Риме основной тканью была шерсть, и большая часть необработанной шерсти поступала от овец, пасущихся по всем горам Италии.

Но в Италии не было ни суконных фабрик, ни даже ремесленников в позолоте прядильщиков или ткачей. Причина, по-видимому, заключается в том, что прядение и ткачество можно было бы производить дешевле всего, используя свободное время домашних рабов. Рабов было очень много в каждом богатом доме, и поскольку мода диктовала, что у каждого раба должно быть определенное назначение в качестве горничной, парикмахера, официантки, держательницы веера, хранительницы косметики и т.д., Было также неплохо иметь дополнительную задачу, которая могла бы уберечь их от проказ, когда они не заняты другими делами. Таким образом, вся шерстяная ткань производилась как недорогой побочный-продукт, и производителю было явно невыгодно пытаться конкурировать с такой дешевой продукцией.

Но до сих пор существуют нерешенные проблемы, касающиеся отрасли. Кто распространял шерсть и где утилизировалась сотканная ткань? Среднестатистический римлянин не носил домотканую ткань прямо с ткацкого станка. Масло нужно было прокипятить, утрамбовать и промыть; требовалось чесать и подстригать, отбеливать и красить.

В Англии, как мы знаем, когда суконной промышленности начали развиваться, либо шерсть-производителя, или Ткачом, или полнее, взяли на себя роли организатора и направляются в статье домохозяйствах, пока она не была готова к [p382](#)рынке, где дрейперс-Холл, гараж и взял в руки задач распределения.

У нас есть признаки чего-то подобного в Помпеях. Примерно во времена Августа там было открыто несколько мануфактур, которые сдавали в аренду или покупали старые дома и оснащали их сложными чанами, цистернами и ваннами для крашения. Конечно, частично они служили городским прачечным и красильными мастерскими — отсутствие мыла делало обычную стирку сложным процессом, — но они были слишком сложными только для этого. Кроме того, сбоку от форума есть просторный зал, отданный фуллерам, согласно сохранившейся надписи. Здание представляет собой зал для торговых киосков, подобных Блэкуэлл-холлу в средневековом Лондоне. Таким образом, может показаться, что фуллеры были предпринимателями в этом бизнесе. Весьма вероятно, что они покупали необработанную шерсть, которая спускалась с гор, распределяли ее по домам, где занимались прядением и ткачеством, а затем после чистки, отбеливания и крашения продавали в своем цехе.

И это, по-видимому, обычная процедура во многих других городах, если судить по надписям, в которых говорится о залах фуллера.

Остальная торговля одеждой, вероятно, была простой. Мужскую тогу, например, носили почти в том виде, в каком она сошла с ткацкого станка. Для пошива хватило нескольких стежков и нескольких застежек. Мы, конечно, знаем о портновских мастерских, но рабы в доме или, в семье бедняков, сама хозяйка обычно заканчивала шитье.

Водопроводные трубы. Мы можем привести еще один пример, иллюстрирующий консерватизм большей части римской промышленности. При производстве подводных труб, особенно для сложной системы водопроводов, обычно прокладываемых домовладельцами, крупномасштабного производства почему-то не возникло, несмотря на то, что часто требовались большие количества стандартных размеров. Здесь мы черпаем информацию частично из делового отчета Фронтинуса о водоснабжении Рима, но в основном из штампов на трубах, которые указывают на их владельца и изготовителя. В целом, императорское бюро водоснабжения обеспечивало р383 основные акведуки Рима и подачу воды во все общественные места, то есть в императорские дворцы, общественные бани и сады, а также в большое количество бесплатных общественных фонтанов, откуда бедняки носили воду. Во времена Фронтинуса бюро владело примерно семьюстами рабами для выполнения необходимой работы, часть которой заключалась в изготовлении и прокладке свинцовых труб государственной службы; действительно, такие трубы обычно носят имя изготовителя, помимо имен комиссара по водоснабжению и императора.

Однако в Риме большее количество труб было закуплено по контракту частными лицами, которые обеспечили себе права на водоснабжение, группой, в которую входило большинство состоятельных-жителей города. На таких трубах довольно регулярно ставили штамп с именем владельца, чтобы обеспечить быструю идентификацию в случае ремонта, поскольку часто под тротуаром проходило несколько линий параллельно друг другу. Обычно создатель также пользовался случаем, чтобы записать свое собственное имя. Теперь эти имена раскрывают некоторые необычные обстоятельства. Судя по огромной массе извлеченных материалов и многочисленным записанным именам, не похоже, чтобы какая-то одна фирма заключала крупные контракты или пыталась создать запас для крупных заказов, хотя определенные стандартные размеры пользовались спросом. На самом деле имя производителя очень редко встречается в двух далеко отстоящих друг от друга районах города, и, более того, когда контракт был крупным, он, очевидно, был разделен между несколькими сантехниками. Более того, ясно, что названия, выбитые на трубах, почти всегда были частью оригинальной формы, что указывает на то, что труба была изготовлена на заказ и никаких запасов не накапливалось. Таким образом, система, вошедшая в моду, была такова: мелкие лавочники с несколькими рабами, без большого капитала и с небольшими удобствами принимали заказы, когда они поступали, покупали металл, плавил его и раскатывали в пластины, которые разрезали на необходимые полосы и впаяли в трубы, и, наконец, они укладывали и соединяли их. Иными словами, водопроводчик

был также изготовителем трубы. Трудно понять, почему была сохранена эта трудоемкая система. [p384](#)могло бы показаться, что инертность этой отрасли является просто иллюстрацией того, насколько упорно система мелких магазинов защищала себя от очевидных экономических стимулов к централизации — феномена, слишком хорошо известного и признанного, чтобы нуждаться в дополнительных иллюстрациях.

Еда. В производстве продуктов питания в целом преобладала довольно примитивная система, поскольку римляне тогда питались овощами гораздо больше, чем сейчас. Центральные открытые рынки ежедневно заполнялись фермерами по соседству, а фруктовые и мясные прилавки поблизости также в значительной степени поставлялись производителем. Даже вино и масло фермеры обычно доставляли розничным торговцам в небольших количествах, в чем мы можем убедиться, изучив метки на винных бочках. Но, конечно, Рим нуждался в посредниках как потому, что он перерос производственную мощь своих окрестностей, так и потому, что богатые люди требовали лучших вин Востока.

Выпечка в Помпейском доме редко производилась, возможно, причиной тому были трудности с добычей топлива и перемалыванием зерна в муку. Пекарни с производительностью три-четыре тысячи буханок в день есть во многих районах города.

Фабрика против мастерской ремесленника. Таким образом, мы, по-видимому, обнаруживаем в Италии промышленную систему, которая во многих отношениях напоминает систему Новой Англии начала девятнадцатого века, где местные ремесленники из внутренних городов, еще не соединенных паровой энергией, производили большинство изделий, необходимых каждому городу. Однако сейчас многие римские города становились все больше, и число богатых людей, которые требовали и могли заплатить за роскошь и деликатесы, намного превышало число людей нашей ранней республики. Для удовлетворения потребностей таких людей издавна существовала обширная торговля, и в некоторых отраслях производства уже возникли отрасли, нацеленные на широкий рынок.

Силы, выступавшие за крупномасштабное и монополистическое производство, лишь немногим отличались от тех, что были сторонниками [p385](#)аналогичной тенденции-по сей день. Обладание новым устройством для выдувания стекла, по-видимому, объясняет успех сидонских стеклодувов; скопление квалифицированных рабочих и художников-оформителей в местах, где добывалась желаемая глина, позволило арретинским гончарам завоевать для производства этой посуды полмира; и точно так же обладание хорошими рецептами обеспечило широкий рынок сбыта определенных деликатесов. Производство серебряных и бронзовых изделий имело тенденцию к концентрации, отчасти потому, что требовалось сочетание множества высококвалифицированных формовщиков, дизайнеров и граверов, отчасти потому, что дорогое сырье требовало капитала. То же самое можно сказать и о многих видах мебели, которые требовали навыков работы с дорогими породами дерева, металлами и мрамором. Расширение фуллерийских и кожевенных заводов иллюстрирует, как поощрялось массовое производство, когда требовались химические препараты и оборудование, которые было нелегко достать населению. В оптовом производстве

хлеба центростремительными факторами были стремление сэкономить рабочую силу и пространство, растущая стоимость топлива и трудности с добычей муки в домашних условиях. В какой-то степени некоторые города специализировались на производстве изделий из железа. Здесь, несомненно, учитывалась проблема топлива, и можно также предположить, что неравномерность спроса на оружие и доспехи и сезонное приостановление торговли сельскохозяйственными орудиями отпугивали людей, у которых не было достаточного капитала, чтобы дожидаться рынка; обычные столовые приборы, которые находили более стабильный сбыт, несомненно, производились в значительной степени в небольших магазинах. Наконец, поведение кирпичной монополии в Риме иллюстрирует случайную помощь, которую отрасль могла бы получить в результате такого несчастного случая, как большой пожар, который лишил нескольких человек огромных контрактов, которые случайно подготовили помещения для производства, когда это было необходимо.

Подлинная фабричная система, конечно, не была полностью развита во всех этих отраслях, но разделение труда и применение некоторых трудосберегающих машин и технических процессов присутствовали при производстве серебряных и p386бронзовых изделий, керамики, стеклянной посуды, мебели, кирпича и некоторых столовых деликатесов; в то время как в большинстве этих изделий очевидно капиталистическое производство, имеющее в виду торговлю по всему миру.

С другой стороны, определенные центробежные силы все еще были очень сильны. Из-за медленных перевозок в те дни скоропортящиеся товары с трудом доставлялись из города в город. Из-за сопутствующих расходов на транспортировку тяжелые изделия низкой стоимости, такие как дешевая фаянсовая посуда, не могли быть выгодно отправлены. Отсутствие патентного законодательства, должно быть, также замедляло концентрацию, поскольку новые процессы быстро становились собственностью любого конкурента. Однако самым тяжелым бременем для промышленности, должно быть, была полностью-господствующая рабовладельческая система. Обилие рабов позволяло привередливым домовладельцам делать в своих домах все возможное в соответствии с их личными вкусами. Среди рабов Статилия Тавра, великолепного друга Августа, мы находим обученных ремесленников, занятых не только оказанием экстравагантных личных услуг, но и изготовлением изделий, которые вполне могла бы поставлять промышленность Рима: кузнецов, валяльщиков, портных, прядильщиц, ткачей, сапожников, каменщиков, краснодеревщиков, плотников, мраморщиков и других. Вряд ли это условие было рассчитано на то, чтобы помочь сбыту товаров фабричного производства. Более того, обильное предложение дешевой рабочей силы сдерживало спрос на новые трудосберегающие устройства, которые могли бы создать новые продукты для потенциального рынка, а также могли привести к накоплению дорогостоящих инструментов и коммерческих секретов в интересах промышленной концентрации. Например, изобретение клапана в сильфоне, используемого в чугунолитейных печах для создания непрерывного дутья, усовершенствование, о котором мог бы подумать любой умный и заинтересованный

свободный рабочий, произвело бы революцию в металлургической промышленности, сделав возможной выплавку и литье в больших масштабах. Но от рабов, выполнявших эту работу, не ожидалось, что они сразу заинтересуются своими задачами. Наконец, всеобщее неуважение к промышленности, вызванное, p387частично, конечно, консервативной привязанностью к земле, присущей всем аристократическим обществам, но неизгладимо закрепленное ассоциацией промышленности с рабством, отвратило капитал и интеллект сильных римлян, которые в противном случае могли бы быть направлены на промышленное развитие. Теперь кажется справедливым вывод о том, что во времена Августа римская промышленность достигла такого высокого уровня развития, какого, вероятно, не было до тех пор, пока сохранялось рабство.

Труд. Рабочие в Италии были в основном рабами и бывшими-рабами. На фабриках, гончарных и кирпичных заводах, о которых говорилось выше, подписи управляющих фабриками свидетельствуют о том, что они, как правило, были вольноотпущенниками, что, в свою очередь, подразумевает, что рабочие были рабами. Управляющие фермами регулярно были рабами, следовательно, в целом и работники на фермах тоже. Так получилось, что у нас есть тысячи имен слуг, работавших в крупных городских семьях, имен, найденных на общих захоронениях таких семей, и это тоже оказываются именами рабов. В объемистой переписке Цицерона есть много случайных упоминаний о всевозможных слугах, включая секретарей, репетиторов, библиотекарей, стенографисток и даже помощников по литературе: все они оказываются рабами или бывшими-рабынями. Наконец, так получилось, что на надписях у нас есть списки многих членовсудовых гильдий, особенно гильдий плотников и корабелов. Поскольку рабы не допускались во многие из этих гильдий, в этих списках фигурирует мало имен рабов, но, в конце концов, члены гильдии редко оказываются римлянами старого происхождения; большинство из них - вольноотпущенники, которые когда-то были рабами, или мужчины, чьи родители были рабами. Поскольку это так, мы можем хорошо понять, почему заработная плата в Риме была низкой и почему за те пять столетий, которые мы знаем лучше всего, никогда не было забастовок рабочих. Если бы вольноотпущенники на фабрике забастовали из-за сокращения рабочего дня или повышения заработной платы, их немедленно заменили бы рабами, и им пришлось бы столкнуться с голодом.

Ситуация в отдельных ремесленных мастерских была несколько лучше. Краснодеревщики, резчики, кузнецы и им подобные, p388которые арендовали небольшие мастерские и производили для немедленной продажи несколько фирменных блюд своим собственным трудом, были в какой-то степени латинянами и римлянами старой расы, но даже здесь преобладали рабы и вольноотпущенники иностранного происхождения. Состоятельные-римляне, владевшие рядами магазинов, часто обустраивали их и размещали в них квалифицированных рабов для управления ими и работы на них в качестве агентов, или, опять же, владельцы многих рабов в качестве вознаграждения усердным "вводили их в бизнес" либо безвозмездно, либо на процентной основе.

Условия содержания рабов сильно различались. В старые простые времена, когда рабов было мало, в Западной Америке с ними обращались во многом как с "рабочими на ферме". Но теперь это редко случалось на больших плантациях, в шахтах и на фабриках, где рабы редко вступали в личный контакт со своими владельцами. Управляющие, сами рабы и вольноотпущенники, стремившиеся добиться благодарности своего хозяина с помощью больших прибылей, часто были жестоки. В таких местах не существовало "максимальных часов", а к непокорным нередко применялись плеть и цепь. И все же там, где был возможен личный контакт, мы находим свидетельства старых обычаев. Конечно, расовые предрассудки не усложняли проблему, поскольку большинство рабов внешне были неотличимы от граждан, и практика либеральной вольности продолжалась. Обычай также вознаграждать прилежных рабов, отдавая их в магазины на процентной основе, давал замечательные возможности для экономической свободы; а использование рабов в качестве секретарей и доверенных деловых агентов ставило таких людей на должности, где они могли приобрести как свободу, так и собственность.

Если судить просто с экономической точки зрения, у свободнорожденного рабочего была более ненадежная жизнь, чем у многих рабов и вольноотпущенников. У него было меньше возможностей заручиться сочувствием и поддержкой богатого покровителя. У него не было доступа к доверенным должностям, поскольку они достались верным рабам, хорошо обученным и давно известным. У свободного рабочего не было хозяина, у которого можно было бы получать средства на содержание магазина, и он плохо вписывался в отряд рабов ни на ферме, ни в домашнем хозяйстве, где дисциплина должна быть единообразной. На фабриках, в шахтах или в доках он, возможно, нашел бы работу, если бы просил не больше дневной платы за раба, которая редко превышала пятнадцать центов в день. Рабочего-раба обычно можно было купить менее чем за двести долларов, то есть примерно за двадцать долларов в год, капитализированных и застрахованных. Его ежегодное содержание составляло еще двадцать-тридцать долларов, включая стоимость двух туник, пары обуви, примерно двенадцати-пятнадцати бушелей пшеницы, остатков со стола в виде масла, вина и овощей и соломенной койки в бараках для рабов. Исходя из предположения, что его работа была временной и, следовательно, не влекла за собой никаких расходов в периоды простоя, свободный человек мог бы попросить немного больше, но только немного.

Возможно ли, чтобы человек жил на такие гроши? Если бы у него была постоянная работа, он мог бы это сделать, поскольку при покупке обычных продуктов питания покупательная способность денег тогда была примерно в три раза выше, чем у нашей собственной валюты в 1910 году (если брать год нормальных значений). И правительство, признавая тот факт, что работа была не всегда, спасло его, по крайней мере, от голодной смерти, но раздало зерно беднякам. Список предметов первой необходимости бедняка, однако, пришлось сократить до минимума. Ему ежегодно требовалось пятнадцать бушелей пшеницы по цене около 75 центов за бушель. Он не ел мяса или только тогда, когда жрецы по праздникам раздавали мясо после жертвоприношения. Ему требовалось масла на один цент в день и столько же вина; небольшая порция овощей стоила примерно столько же; фунта сыра, который

тогда стоил около семи центов, хватало на несколько дней. Это были обычные продукты его меню. Ему требовалось всего около двух туник в год, шерсть для которых стоила доллар. Полдоллара хватало на пару сандалий, которые он редко надевал. В его собственной комнате в доходном доме (которая обходилась ему немногим более 15-20 долларов в год) у него не было огня, кроме как для приготовления пищи. Государство бесплатно предоставляло развлечения по праздникам, и там были бесплатные общественные бани, куда он ходил p390 в основном для того, чтобы встретиться со своими друзьями. Если он был без работы, государство также поставляло ему зерно. Следовательно, он мог жить, а также иметь семью, если его жена будет прясть и ткать. Но это была ненадежная жизнь, и неудивительно, что неимущие римляне мигрировали в провинции, или занимались разбоем, или вступали в армию.

Коллегии или гильдии. Работники любого ремесла, будь то работающие на фабриках или самостоятельно в своих маленьких мастерских, имели свои гильдии. Поскольку они использовались в политических целях, Цезарь запретил их, и после этого им было разрешено сформироваться снова только в том случае, если они смогли получить государственную хартию, доказав, что их назначение было полезным. Таким образом, во времена Августа и позже коллегии развивались в новых формах, их целью было главным образом оказание помощи бедным на похоронах и выделение небольшой суммы семье покойного. Это было чрезвычайно важным фактором в жизни рабочих, поскольку мало кому удавалось откладывать деньги из своей мизерной заработной платы. Такое общество построило бы зал с нишами для сотен погребальных урн, обеспечило бы кремацию умершего и раздобыло бы подходящую урну и небольшую мраморную плиту с начертанным на ней его именем. Стоимость всего этого составила бы всего несколько долларов. Вероятно также, что социальная функция внесла немалый вклад в его популярность. Членам клуба разрешалось встречаться раз в месяц за вином и бутербродами, но не чаще. Следующие строки взяты из "правил и-законов" такой организации даст некоторое представление о своих целях, и хотя надпись^c даты столетием позже, чем Август, объективно отражает условия в ранее также золотит.

Единогласно принимается решение, что любой, кто желает вступить в это общество, должен заплатить вступительный взнос в размере ста сестерциев (около трех долларов в настоящее время) и амфору вина, а также ежемесячные взносы в размере трех центов.

"Если член парламента в полном составе умирает, за его счет выплачивается триста сестерциев, одна-шестая часть которых должна быть p391 разделена между присутствующими на похоронах. Похоронная процессия должна идти пешком.

"Любой член общества, совершивший самоубийство, не должен быть похоронен обществом.

"Если какой-либо член общества, являющийся рабом, станет свободным, он должен снабдить общество амфорой хорошего вина.

"Если должностное лицо, избранное в установленном порядке, не устраивает обед для членов клуба, оно должно быть оштрафовано на один доллар. Каждый офицер

должен предоставить для таких обедов амфору хорошего вина, хлеба на два цента, по четыре сардины на каждого члена экипажа и оплатить обслуживание.

"Если кто-либо из участников создает беспорядки, пересаживаясь на другое место, он должен быть оштрафован на двенадцать центов; если кто-либо оскорбляет другого участника, штраф должен составлять тридцать пять центов; если он оскорбляет председательствующего, штраф должен составлять шестьдесят центов".

Капитал. Римское право не любило акционерные общества и корпорации. Ему нравилась идея личной ответственности. Коммерческие корпорации, которые можно назвать настоящими акционерными обществами в современном смысле этого слова, были допущены только к государственной службе, к сбору налогов, к контрактам на общественные работы и тому подобному. Такими компаниями были выпущены **части и частности**, примерно соответствующие акциям. В других компаниях, хотя римское право разрешало партнерским судам свободно, они были партнерскими-судами с неограниченной ответственностью. Когда судно-партнер было уличено в неисполнении обязательств, оба партнера или любой из них мог быть привлечен к ответственности в полном объеме, и если на одного из них таким образом был подан иск, он мог обратиться в суд, чтобы взыскать справедливую долю с другого. Таким образом, партнерства с *неограниченной* ответственностью существовали во всех формах бизнеса, но, само собой разумеется, их редко было достаточно для крупных предприятий. Банки обычно не могут накапливать крупные средства, когда весь капитал должен поступать от одного человека или от простого партнера плюс такие суммы, которые партнеры могут занять под свой собственный кредит. Более того, коммерческие предприятия, основанные на таких партнерских кораблях, редко могли развиваться в течение нескольких поколений, поскольку они само собой распадались после ухода или **р392**смерти одного партнера. Соответственно, мы можем хорошо понять, что мощных банков не возникло, а также что возникло лишь несколько крупных коммерческих корпораций, которым потребовались услуги крупных дисконтных учреждений. Это не означает, что римское предпринимательство контролировалось в первую очередь законом, поскольку существовали другие, возможно, более важные проверки. Но верно и то, что закон о корпорациях не был адаптирован к современным масштабам бизнеса.

Однако во времена Августа многие крупные банкиры вели обширный бизнес. Они получали депозиты на текущие счета, по которым выплачивали проценты. Они делали некоторые скидки. Они покупали и продавали недвижимость за свой счет и в качестве агентов для других. Их обменные пункты также были важны. Они часто оставляли в распоряжении клиентов опытных деловых агентов, особенно людей, разбирающихся в инвестициях в провинциях, которые путешествовали далеко за границу. Они действовали как агенты и создавали временные партнерские компании для предоставления крупных займов иностранным городам, государствам и властителям. Наконец, у них обычно была сеть филиалов в важных восточных торговых центрах, чтобы облегчить принятие законопроектов и предоставлять римским путешественникам и чиновникам аккредитивы. Все это могло быть сделано и делалось тогда, как и сейчас, хотя и не в таких масштабах. Банковское

дело синдикатов, ныне столь важное, тогда было ненужным, поскольку крупные корпорации не могли быть созданы, а депозиты, которые сейчас дают банкам такую власть, из-за их объема вряд ли могли быть большими из-за отсутствия защиты вкладчиков. Следовательно, люди, накопившие некоторый капитал, были гораздо более склонны просить банки найти для него заемщика или инвестиции в недвижимость, чем оставлять их в банке на депозите.

Избыточный капитал римлян, как мы заметили, веками следовал за расширяющимися армиями вглубь страны. Снова и снова, когда население города становилось плотным, и снова, когда население города становилось плотным и появлялись признаки дрейфа к морю или к p393торговым точкам, новое наступление на границе требовало военной колонизации, и знакомый зов земли, к которому римляне привыкли прислушиваться, снова обращал людей вглубь страны. Однако, когда во втором веке до н.э. римские армии вышли за пределы Италии, аннексировав Испанию, Африку, Южную Галлию и некоторые районы Азии, поселенцы не последовали за ними с такой же готовностью. Земли за морем, казалось, не были подходящим домом для среднестатистического римлянина, и даже Гракх мало поддерживал иностранные колонии.

Однако в Италии в те дни римское богатство, должно быть, быстро росло. Было подсчитано, что земля в Италии, отданная под римскую обработку в результате экспроприаций во время Пунической войны и захвата долины По, удвоила прежнюю площадь, в результате чего общая площадь ager Romanus • превысила четырнадцать миллионов акров, что при очень скромной цене в пятьдесят долларов за • югерум, обычно выдаваемой за неулущенную землю, составляет почти миллиард долларов в стоимости одной только почвы. Это указывало бы на высокий рейтинг недвижимости на душу населения для 320 000 граждан времен Гракха. Если мы вспомним, что крупное землевладение уже было правилом, мы можем быть уверены, что существовало много тысяч римлян, которые были состоятельны-.

Однако, возможно, наличного капитала было недостаточно. Типичный фермер редко ходил в банк; оборот денег в сельском хозяйстве чрезвычайно медленный; сейф в таблинуме мог позаботиться о любых излишках до тех пор, пока владелец не найдет другой соседний участок земли, в который можно вложить деньги. Позже этот процесс инвестирования в землю распространился на провинции. Избыточное богатство среднего римлянина всегда легче всего находило пристанище в той или иной форме недвижимости. Собственность Цицерона состояла в основном из ферм и городских владений, у Аттика были большие поместья в Эпире и Италии, у Варрона - в Кампании и Апулии, префекты Цезаря, такие люди, как Лабий и Мамурра, обогатившиеся на грабленном, сразу же вложили деньги в землю. Гражданские иски Цицерона обычно касались прав собственности на земли в Галлии или Этрурии или стр. 394 Лукании и его рекомендательные письма полны упоминаний о крупных поместьях в Греции, Сицилии и Азии.

Этим инвестициям в недвижимость в провинциях особенно способствовала деятельность римских налоговых-компаний по сбору налогов. Агенты этих фирм искали выгодные возможности для себя и для римских клиентов. И благоприятных случаев было множество. Греки и азиаты, измученные войной, плохо защищенные

своими собственными не слишком надежными судами, часто безрассудные в ведении бизнеса, повсюду были на грани банкротства, и им часто помогали преодолеть пропасть эти агенты, которые были готовы заключить выгодные сделки, аннулировать закладные и вступить во владение. Ибо агенты хорошо знали, что с приходом римского владычества граница будет защищена, радикальные революции подавлены, а права собственности защищены в судах. Следовательно, считали они, собственность должна расти в цене, и это произошло. По восточным ипотечным кредитам они также могли получить в два, три или даже в пять раз более высокую процентную ставку, чем в Риме, потому что в прошлые времена деловые риски были настолько велики, что процентная ставка была высокой. Мы часто слышим об этих **переговорщиках** во времена Цицерона и позже. Интересным комментарием к тенденции римских инвестиций является то, что это слово фактически изменило свое значение в период правления Августа. Во времена Цицерона **переговорщиком** был римлянин, который ссужал деньги в основном под залог недвижимости в провинциях. На языке Тацита **переговорщик** - это не ростовщик и спекулянт недвижимостью, а торговец. Секрет этого семантического изменения в том, что изменились возможности для бизнеса. При римском правлении и римских судах риски землевладельцев уменьшились. Цезарь и Август уволили большую часть мытарей, следовательно, экономическая система стабилизировалась, процентная ставка упала, а спекуляция землей стала менее прибыльной. Римляне, оставшиеся на Востоке, остались торговать. Вот случай, когда история слова рассказывает важную историю в экономической истории.

р395 *Торговля* теперь в некоторой степени переходила в руки римлян, как следует из этого факта. К сожалению, у нас не так уж много информации о практическом механизме судоходства. Возможно, лучшую картину того, с чем приходилось сталкиваться грузоотправителям, можно найти в рассказе о путешествии святого Павла в Рим, приведенном в **двадцать восьмой главе Деяний**. Это история о мучительно долгом путешествии с несколькими пересадками с одного корабля на другой, о необходимости зимовать в гавани из-за штормов и, наконец, об опасном кораблекрушении.

Следует отметить, что все три корабля, которые апостол Павел использовал в этом путешествии, были греческими, а не римскими. Это не случайность. Римляне все еще владели небольшим количеством кораблей. Несчастья в его случае, по-видимому, не были чем-то необычным. Правда в том, что без компаса кораблям приходилось прижиматься к берегу, когда погода была пасмурной, а плыть близко к берегу означало риск разбиться о скалы всякий раз, когда поднимался ветер. Частота затонувших судов ни в коем случае не была связана с плохо построенными или маленькими лодками. Обычное грузовое судно в то время водоизмещало двести или триста тонн, следовательно, было таким же большим, как те, которые перевозили наших первых шкиперов из Салема в Индию и Китай.^d

Море-уходит вдаль. Греческие торговцы, как и наши шкиперы колониальных времен, обычно были независимыми судовладельцами, иногда даже судостроителями. Они "кочевали" из порта в порт с любым грузом, который, казалось, сулил наибольшую прибыль. Они использовали свой собственный капитал

или суммы, взятые в долг по высоким морским ставкам; они лично занимались покупкой и продажей своих грузов, и когда сезон приближался к концу, они находили, по возможности, желанный груз для порта приписки, куда направлялись, чтобы дожидаться возвращения весеннего солнца. Конечно, они также "арендовали помещения", как они это называли, торговцам, которые выполняли заказы для иностранных получателей, но это считалось второстепенной частью их бизнеса. "Пакетботы" с регулярным расписанием или предписанными маршрутами, по-видимому, были чем-то необычным. Когда торговец становился богатым, он был склонен приобретать больше лодок, на которые он сажал доверенных агентов для ведения того же рода бизнеса за него. Поскольку, однако, эти агенты обладали меньшей свободой действий, чем владелец, и, как правило, им нужно было советовать, какие курсы выбрать и какими товарами торговать, рост таких судоходных компаний имел тенденцию к некоторому сокращению незаконной торговли в пользу более регулярных пакетных перевозок. Но прогресс в этом направлении в Греции продолжался недолго.

Во времена Цицерона нерегулярная служба, изображенная греческими авторами, по-видимому, все еще преобладала, особенно в восточных водах, где греки и выходцы с Востока, по-видимому, доминировали на морях. Интересный путеводитель для моряков эпохи Нерона под названием "*Перипл Эритрейского моря*" подразумевает, что купцы старого типа доминировали в арабской, персидской и индийской торговле. Из указа императора Клавдия, призванного стимулировать ввоз зерна в Рим, можно сделать вывод, что кораблестроители, судовладельцы и торговцы зерном иногда были идентичны, а вездесущий Трималхио изображен как купец, строивший свои собственные корабли.

Однако, когда римляне начали строить корабли и инвестировать во внешнюю торговлю, более регулярная система достигла определенного прогресса. Авторы "Империи" обычно предполагают, что владельцы судов (*exercitores*) нанимают судоводителей (*navicularii*), которые перевозят товары для импортеров и экспортеров (*mercatores*) или, как они это называют, "сдают помещения в аренду", как это обычно делается в наши дни. Они даже предполагают, что суда часто имеют регулярные маршруты, занимаются определенным видом деятельности и что некоторые из них, например, курсирующие между Брундизием и Диррахием, специализируются на регулярных пассажирских перевозках.

Такой развитой специализации и организации бизнеса следовало ожидать от условий, царивших в Риме. Когда в определенных промышленных центрах стало не хватать древесины и заказы приходилось размещать в более привилегированных центрах, судостроение, естественно, специализировалось. Купцам, которые разбогатели на торговле и расширили свой бизнес повсюду, приходилось нанимать агентов и сверхнормативные грузы для контроля за частью этого процесса..... И это привело к созданию импортных и экспортных фирм, которые руководили ходом торговли из главного офиса. Более того, когда императоры обязались поощрять и обеспечивать судоходство с зернопроизводящими провинциями, чтобы обеспечить снабжение Рима продовольствием, были установлены упорядоченные графики для

столь многих важных пунктов, что судоходные компании могли зависеть от сервиса и вести свои дела из своих офисов.

Исследование ПUTEОЛИ, главного порта Италии, города, в котором высадился святой Павел, освещается с нескольких точек зрения. Причина, по которой восточные грузовые суда предпочитали этот порт • (в 150 милях от Рима) Остии, собственной гавани Рима в устье Тибра, очевидна. Здесь, как нигде, можно было получить обратный груз — железо, фаянс и серу ПUTEОЛИ и бронзовую посуду Капуи. Рим не был промышленным центром. Кроме того, близость ПUTEОЛИ к Неаполю, греческому городу со старыми торговыми традициями, позволила найти экипажи и судостроителей, а также деловых агентов для связи с восточными городами.

ПUTEОЛЫ вскоре приобрели полу-восточный вид, потому что торговцы из всех великих восточных морских портов основали там колонии. Такие иностранные колонии арендовали определенные доки и склады, захватывали отдельный квартал города, возводили свои собственные храмы и имели свои собственные кладбища. Во втором веке н.э. "станция" тирийцев в ПUTEОЛАХ все еще выплачивала ежегодную арендную плату в размере 100 000 динариев (тогда около 10 000 долларов), хотя колония была "тогда намного меньше, чем раньше". Колонии Бейрута, набатеев и других народов имели в этом порту свои храмы; у жителей Баальбека было кладбище площадью • четыре акра; и посвятельные надписи, сделанные выходцами из азиатских городов, очень многочисленны.

Нам нет необходимости здесь следить за превращениями торговли p398. Достаточно сказать, что когда Клавдий вырыл хорошую гавань в Остии и построил причалы, чтобы держать устье Тибра чистым, ПUTEОЛЫ потеряли большую часть своего судоходства, особенно торговлю зерном. Однако отсутствие возвратных грузов в Остии все еще мешало этой новой гавани монополизировать все судоходство. Многие суда предпочитали заходить в порт ПUTEОЛЫ и отправлять товары в Рим автомобильным транспортом или небольшими каботажными судами.

Экспорт и импорт. Торговля Италии была, конечно, очень неравномерно сбалансирована; даже путеола в лучшие дни кампанской промышленности никогда не могли заполнить корабли, которые приходили груженными. Лациум экспортировал очень мало. Итальянские вина отправлялись на восток через Египет, согласно цитированному выше *Периплосу*, но это, несомненно, были каленийские и фалернские вина, которые перевозились дешево в качестве балласта. Альбанские сорта не могли конкурировать с многочисленными хорошими греческими брендами. Во времена Цицерона Лациум начал экспортировать некоторое количество оливкового масла, но это продолжалось недолго. В Империи, когда Рим узнал о ценности этого предмета, очень большие партии импортировались из Испании и Африки. Из Лация, по-видимому, не вывозилось никаких важных промышленных товаров; в длинных списках товаров, перечисленных в *Перипле*, Рим даже не упоминается. Кампания экспортировала в основном железную и бронзовую посуду, немного керамики, вино, оливковое масло и капуанские мази. Богатая долина По экспортировала вино, смолу, пиломатериалы, зерно, свинину, шерсть и ткани, главным образом в Рим, а кувшины с венецианскими и истрийскими продуктами были найдены далеко в долинах Тироля. Арретинская керамика, как мы видели,

также нашла рынок сбыта по всем западным провинциям, пока на заре империи гончарные мастерские Галлии не захватили торговлю материнских фирм. Это завершает список важных итальянских экспортных товаров. Нет необходимости говорить, что в таких обстоятельствах Италия не смогла бы поддерживать равновесие в торговле. Ее бухгалтерские книги были сбалансированы только из-за крупных кредитных счетов по инвестициям в недвижимость в провинции и постоянного притока дани. Даже тогда правительство посчитало, что p399отток валюты вызывает беспокойство, и было вынуждено прибегнуть к отчаянным мерам, чтобы сохранить ее дома. Нам напоминают о недавних правительственных распоряжениях закон, принятый Габинием в 67 году до н.э., запрещающий жителям провинций занимать деньги в Риме, и усилия, которые Цицерон предпринял в качестве консула на корабле, чтобы таможенные чиновники в Путеолах конфисковали все серебро и золото, вывозимые из страны. Разумеется, в долгосрочной перспективе такие меры были бесполезны. Плиний столетием позже сообщает нам, что по меньшей мере пять миллионов долларов в год уходило в Китай, Индию и Аравию на предметы роскоши.

Основной импорт, помимо зерна, осуществлялся с Востока. Провинции Азия и Понт поставляли зерно, соленую рыбу, древесину, сушеные фрукты, драгоценные камни, вино, а также гобелены, драпировки и ковры, которыми до сих пор славится Анатолия. Сирия отправляла много стеклянной посуды с фабрик в Сидоне, а также знаменитые пурпурные краски и ткани, которыми славился Тир. Полотна из Библуса и Бейрута и ливанский кедр также высоко ценились в Риме. В мирное время северная Сирия пользовалась услугами караванной торговли с Парфией, чьи купцы привозили китайский шелк и индийский хлопок, жемчуг, слоновую кость и специи. В Газу на юг приходили набатейские караваны с арабскими благовониями, пряностями, миррой и драгоценными камнями. Государственные фабрики Египта экспортировали много тонкой ткани, стекла и бумаги, а александрийские купцы отправляли эфиопскую слоновую кость, животных для игр и чернокожих рабов, не говоря уже о транспортировке из гаваней Красного моря всех товаров Индии и Аравии. Эта восточная морская торговля получила большой импульс от Августа, который, вопреки римским традициям, перенял для Египта меркантилистскую политику Птолемея, настолько улучшив ее, что судоходство в гавани Миос-Хормос на Красном море быстро утроилось и учетверилось.

С Запада поступало меньше готовых изделий, но больше сырья. Марсель, в то время независимый греческий город, контролировавший торговлю по реке Рона, привозил с севера металлы, шкуры, грубую шерсть, соленое мясо, сыр, рабов и янтарь p400 в обмен на итальянское железо, бронзу, фаянсовую посуду и изделия ручной работы с востока. Ее торговцы также привозили олово с Британских островов по Роне и Сене. Далее на запад римская колония Нарбо проложила новую дорогу через Жиронду для торговцев, которые отправлялись на поиски британского олова и осваивали рудники Аквитании. Из северной Испании поступали богатые запасы металлов, а также готовые изделия из превосходной испанской стали. Центральные районы производили хорошие ткани из шерсти и льна, а на юге - все большее количество оливкового масла, вина, пшеницы, солонины, рыбы и кожи.

Механизм распределения. Несмотря на такой большой объем торговли, механизм транспортировки настолько далек от единообразия, что мы вряд ли можем ожидать хорошо организованных систем доставки и распределения товаров продавцами. В целом мы можем предположить, что в каждой гавани был оптовый рынок, где могли встречаться покупатель и продавец. Но использование этого рынка менялось в зависимости от времени и места. В период, когда торговля велась в основном классом "бродяг", что фактически и создало эти рыночные площади, приезжий торговец выгружал все товары, которые, по его мнению, он мог бы продать, и выставлял их на рынок, пока его корабль стоял на якоре. На том же рынке он мог ознакомиться с товарами своих конкурентов, покупая и принимая на вооружение то, что, казалось, сулило хорошую прибыль в других местах. На тот же рынок, конечно, приходили мелкие лавочники города, чтобы купить товар для своей розничной торговли. В этой системе, которая все еще в какой-то степени господствовала во времена Цезаря, посредники, покупатели и продавцы не были существенными. Но существовала развитая стадия торговли, уже отмеченная в ПUTEОЛАХ, которая также в определенной степени обходилась без посредников. Например, тирские экспортеры не плавали по морю со своими грузами, а арендовали склады и причальные помещения в ПUTEОЛИ, где их соотечественники, агенты или партнеры, получали грузы, предположительно выставляя и продавая свои товары розничным торговцам в своих местных офисах. У них был p401похожий станцию в Риме, куда их путевые агенты отправляли те части грузов, которые предназначались для этого города. Путевые надписи доказывают, что эта система использовалась многими восточными городами. Действительно, итальянская агора на Делосе, по-видимому, является примером того, что жители Запада приняли ту же систему, а станции в Остии, по-видимому, были возведены римским правительством для аналогичных целей. С развитием судоходного бизнеса и ростом компаний-экспортеров, которые работали с суши, несомненно, также возникли комиссионные в портах въезда, хотя нас прямо о них не информируют.

От развитой системы работы продавцов осталось мало следов, вероятно, потому, что тогда было мало крупных фабрик, которые сейчас посылают продавцов и "барабанщиков", а общее существование рынков, созданных более примитивной системой, обычно приносило продукт покупателю с достаточным успехом. Однако есть указания на то, что некоторым фабрикам не нужно было доставлять свои товары на рынок. На гончарных заводах Оверни были обнаружены большие накладные на товары, которые, как полагают, относятся к заказам, размещенным оптовыми торговцами керамикой для изготовления и будущей поставки. Если это типичный случай, то покупатели отправлялись на те фабрики, которые тогда существовали, и размещали свои заказы.

В целом можно сказать, что в те более простые времена производитель был ближе к потребителю, чем в настоящее время, что во внешней торговле грузоотправитель доставлял свои товары на рынок гавани, чтобы розничный торговец или потребитель могли их приобрести, и что в гораздо большей степени, чем в наши дни, производитель товаров для дома сам был ремесленником и лавочником,

который продавал потребителю непосредственно то, что он сделал в своей маленькой лавке. Посредников было относительно немного.

Этот обзор показал рост адекватной торговли на море, а также коммерции, которая превратилась из греческой бродячей в регулярную и надежную систему, очень похожую на нашу. Но это также показало, что римляне так и не стали народом мореплавателей. Грекам, выходцам с Востока, [p402](#) и южноитальянским грекам, которые развили торговлю еще до того, как Рим достиг величия, удалось сохранить, по крайней мере, большую долю торговли за счет домов.

Римляне так долго находили достаточный выход для избыточного капитала, создаваемого их растущими армиями, что морская торговля так и не вошла у них в моду. Более того, крупный торговец склонен вырастать из розничного торговца, а к розничному торговцу римское общественное мнение, сформированное землевладельческой знатью, никогда не испытывало ничего, кроме презрения. Лавочники в Риме были в основном иностранцами и вольноотпущенниками.

Даже вольноотпущенники, которые занимались там прибыльным банковским делом и торговлей и разбогатели, обнаружили, что они должны умыть руки от скверны бизнеса, чтобы приобрести какое-либо общественное положение. Они сменили имена, продали свой бизнес, переехали на загородные виллы, купили несколько книг и картин и выдавали себя за фермеров-джентльменов.

Знаменитый Трималхион, описанный Петронием как любимый вольноотпущенник Мецената, типичен для своего класса, за исключением того, что в состоянии алкогольного опьянения он слишком свободно рассказывал о своем прошлом: "Я тоже когда-то был таким, как вы", - говорит он своим бедным, но респектабельным гостям из Рима,¹ "но благодаря своим способностям я пришел к этому. Человеком становятся мозги. . . . После того, как я упротер своего дурака хозяина освободить меня, я занялся бизнесом. Я построил пять кораблей, загрузил их вином, но все корабли потерпели крушение. Ты думаешь, я потерял мужество? Нет, клянусь небом! Я построил еще корабли, побольше и получше. Я снова загрузил их вином, свининой, бобами, благовониями и рабами. За один рейс я заработал миллион. Я сразу же скупил все фермы, которыми раньше владел мой хозяин, и занялся скотоводством. [\[Обратите внимание на продвижение к респектабельности.\]](#) Все, к чему я прикасался, процветало. Когда я обнаружил, что у меня больше, чем у всех жителей города, вместе взятых, я отошел от активного бизнеса и сделал своих вольноотпущенников агентами для себя. [\[Он стр. 403теперь банкир по доверенности.\]](#) Затем я удалился в это поместье и построил этот дворец. Наверху есть четыре столовых; здесь есть очень красивая будка привратника и множество комнат для гостей. Поверьте мне, если у вас что-то есть, вы чего-то стоите. Итак, ваш покорный слуга, который был нищим, стал принцем".

Во времена Цезаря сельское хозяйство в Италии демонстрировало благотворную тенденцию. Сицилия, которая долгое время поставляла зерно Риму, теперь была "перегружена" и давала лишь скудные урожаи; следовательно, цены начали расти, и тем более быстрыми темпами, что требовалось дополнительное количество продовольствия, чтобы прокормить большие армии Цезаря. Затем итальянским

фермерам пришлось восполнить недостаток, и когда они попробовали это сделать, то обнаружили, что их некогда истощенная почва восстановилась за поколение выпаса скота. Поэтому мы немало слышим о плодородии итальянской почвы в конце Республики. Более того, фермеры, наученные прошлым опытом не полагаться безоговорочно на зерно, воспользовались случаем, чтобы совместить разреженные виноградники и фруктовые сады с выращиванием зерновых, сажая виноградные лозы или деревья на большом расстоянии друг от друга, а зерно и мелкие культуры - между рядами, что позволяет использовать очень сильный солнечный свет Италии.

Но эта добрая эпоха земледелия продолжалась не везде. Триумвиры, как мы заметили, конфисковали земли в некоторых из богатейших районов Италии, чтобы передать их своим тридцати легионам, и многие из этих солдат были бездарными городскими авантюристами, которые ничего не знали о сельском хозяйстве, или галлами, которые не понимали потребностей и методов Италии. И что усугубило беды итальянского сельского хозяйства, многие из обездоленных мигрировали в Африку, где в настоящее время превратили эту провинцию в пшеничные поля, тщательно изучив ирригацию и смешанное земледелие. Вскоре корабли с зерном из Африки прибыли, чтобы отбить рынки Италии у солдат-бандитов. Из-за отсутствия успеха в Италии земли снова начали переходить под контроль меньшего числа землевладельцев, и в настоящее время снова поднялся крик, что p404 большие плантации и ранчо разоряют весь полуостров.

Если мы хотим получить представление о методах землевладельцев-капиталистов и о том, с какой деловой манерой они специализировались на выращивании самых урожайных культур, когда у них были плодородные земли, мы не можем придумать ничего лучшего, чем осмотреть загородную виллу в Боскореале, • в двух милях за Помпеями, где пепел Везувия сохранил фермерский дом почти нетронутым. Это место было погребено под землей во время извержения вулкана 79 г.н.э. но существующая система мало чем отличалась от той, которая, как мы знаем, господствовала во времена Августа. То, что владелец был практичным фермером, ясно видно по обилию сельскохозяйственных орудий, винных чанов и тому подобного на его участке. То, что, однако, он был человеком утонченного воспитания и социальных связей, обладавшим достаточным состоянием, чтобы удовлетворить самые взыскательные вкусы, доказывается тем фактом, что его серебряное блюдо теперь считается одним из особых сокровищ Лувра.

Что бы ни делали другие владельцы плантаций, этот землевладелец, с точки зрения как производства, так и потребления, был неотъемлемой частью мировой торговли и промышленности. Так-называемой внутренней экономике нет места в его системе. Он производил несколько фирменных блюд для рынка с целью получения прибыли, мало заботясь о том, удастся ли ему удовлетворить потребности своей семьи из собственного поместья. Основная часть его фермы была посвящена выращиванию винограда, о чем свидетельствуют два мощных пресса и кладовая с банками вместимостью • почти двадцать тысяч галлонов. О том, что там также были запасы для выращивания оливок, свидетельствуют мельница, пресс и банки • вместимостью в несколько сотен галлонов. Запасы для животноводства были невелики, и, по-видимому, потребность в сене была небольшой. Показателен осмотр помещения для

инвентаря. Обилие мотыг, кирок и секаторов указывает на узкие рамки, в которых ограничивалась работа на ферме. Небольшая мельница и печь показывают, что зерна было достаточно для домашнего использования, но **стр. 405** не было найдено ничего, подтверждающего ортодоксальное предположение, что в доме такого типа должен был быть штат женщин-рабынь, прядущих и ткацких. Поскольку почва близ Везувия была слишком богатой, чтобы ее можно было использовать под пастбища, ферма, вероятно, не производила шерсти, и одежду, вероятно, покупали. Более того, предположение о том, что крупные плантации были независимы от рынка в том, что касается рабочей силы и орудий труда, здесь, по-видимому, рушится. Вряд ли нужно упоминать, что дом был построен опытными каменщиками, на что указывает модный тип сетчатой кладки, расписан опытным городским художником, украшен терракотовыми орнаментами и оснащен стандартными ваннами и сложной системой горячего-водоснабжения, для которой, должно быть, потребовались услуги самых дорогих сантехников Помпеи. Эти предметы гармонично сочетаются со столовым серебром, художественной бронзой и мебелью, изготовленной в магазине. Но даже орудия труда на складе имеют стандартные формы, изготовленные искусными мастерами, на самой грубой керамике стоит фабричный штамп, а на кирпичах - торговые марки, известные по Помпеям. Фактически, землевладелец вышел далеко за рамки прежней практики ведения сельского хозяйства, в соответствии с которой домохозяин приспособливал свою систему жизнеобеспечения к продукции своей фермы. Связи этого человека со своей землей были весьма случайными. Для него земля была фабрикой по производству особого товара, прибылью от которого он мог зарабатывать на жизнь. И он жил на своей ферме, когда это случалось, только потому, что предпочитал быть поближе к своему делу или потому, что ему нравился воздух, а не потому, что он давал ему хлеб, сыр и домотканую ткань. Но это была также система, при которой один человек получал всю прибыль от большого поместья. Рабы выполняли его работу, и граждане Италии мало выигрывали от его успеха.

Примечание автора:

¹ Петроний, *Cena Trimalchionis*, 75-6, сокращенный.

Примечания Тайера:

^a *География*, XVI.2.25 (758c).

^b В.13.

^c *Lex Collegii* Закон коллегии (CIL XIV.211), ныне в Национальном музее Рима; сокращено здесь. Превосходное построчное обсуждение, с фотографиями надписи и краткой библиографией, приведено в книге "После Адриана", "Наталис Антиной и коллегия Дианы и Антиноя в Ланувии".

^d См., например, книгу Ф. Р. Даллеса "*Торговля со Старым Китаем*", стр. 30.

Глава XXII

Август и империя

Наступление на Германию. Мы покинули Август в 17 году до н.э., в обстановке великого ликования отмечая "седьмое столетие" основания Рима. В те дни было мало граждан или подданных, которые не молились бы горячо о том, чтобы Август жил и царствовал до глубокой старости; и их желания были исполнены, ибо ему было суждено править еще тридцать лет.

Год после празднования начался с длинной серии войн на северных границах, когда узипеты и тенктери, германские племена, некогда наказанные Цезарем, переправились через Рейн и разгромили римскую армию обороны. Весь пограничный вопрос нуждался в урегулировании, и Август начал новую работу тщательным образом, подчинив себе разтов, которые удерживали Тироле и перевал Бреннер, чтобы в случае необходимости к Германии можно было подступиться с двух сторон. Он выбрал двух своих энергичных пасынков, Тиберия и Друзаса, для выполнения этой предварительной работы: первый двинулся на восток через Швейцарию от Рейна, второй двинулся прямо на север через перевал Бреннер. Реция и Норикум стали провинциями в результате этого блестящего броска, и этот подвиг был воспет в одной из самых успешных национальных од Горация. Римская культура нашла свой путь на север, так и не будучи полностью вытесненной, и тот факт, что в южном Тироле до сих пор говорят на "ладен", косвенно повлиял на решения конференции в Париже в 1919 году.

В 12 году до н.э. началось общее продвижение на север, когда Тиберий и Пизон подчинили восточную страну вплоть до Дуная, где были разбиты провинции Мезия и Паннония p407 Когда и почему было принято важное решение о наступлении на реку Эльба (Альбис) и о том, чтобы сделать ее границей вместо Рейна, мы не знаем. Возможно, легкий успех Друза и его юношеский оптимизм подтолкнули Августа к этому шагу. Во всяком случае, это был вполне разумный план, поскольку теперь, когда Дунай стал границей на северо-востоке, линия, подлежащая охране, была бы значительно сокращена, если бы Эльба была принята за линию границы, ведущую к морю. Программа была тщательно спланирована для продвижения последовательными этапами к Эмсу (Амисия), Везеру (Висурджис) и, наконец, к Эльбе. Флот, действовавший на Рейне, был усилен, и от Рейна до Зюйдер-Зее был прорыт канал (Озеро Флево). Затем, пока флот шел вдоль берегов Фризии к Эмсу и вверх по этой реке, Друз двинулся вглубь страны на север и восток, продвигаясь до Везера. В следующем году он подчинил племена южнее, установив линию Везера до его верхнего течения и построив крепости в Майнце, Страсбурге и Бонне. Наконец, в 9 году Друз продвинулся к Эльбе, достигнув ее в окрестностях современного Магдебурга, где он воздвиг трофей. Возвращаясь на зимние квартиры, он упал с лошади, получив травмы, от которых скончался после многих дней страданий.

На его место был послан Тиберий, но по причинам, которые нам не сообщаются, он ограничил свои операции линией Эмса. Он провел год своего второго консулата в-корабле (7год до н.э.) в Риме, а на следующий, из-за разногласий с Августом, удалился на Родос, где много лет жил в уединении.

Тиберий и престолонаследие. Это противостояние между Августом и Тиберием, которое оказалось катастрофическим для одного из важных предприятий Рима, касалось вопроса **р408**. Поскольку у Августа не было наследников мужского пола, у Тиберия были все основания полагать, что выбор пал на него. Жена Августа, Ливия, была решительной женщиной и имела немалое влияние на своего мужа. Ее желание видеть своих сыновей, Тиберия и Друзаса, возведенными на высокий пост, казалось, было на грани исполнения, когда после смерти Агриппы (12г. до н.э.) Тиберий был женат на дочери Августа, Юлии. Но брак был далеко не счастливым. Говорили, что Джулию подозревали в слишком близких отношениях с некоторыми молодыми распутными дворянами, которым было нечего делать. Более того, два сына Юлии, Гай и Луций Цезари, уже были усыновлены Августом и пользовались таким постоянным почетом, что Тиберий, похоже, пришел к выводу, что Юлию отдали ему в жены не для того, чтобы он стал наследником Августа, а для того, чтобы служить надежным опекуном для будущих наследников. Действительно, для него, пасынка Августа, было необычным иметь в качестве *своих* пасынков приемных сыновей Августа. Эта аномальная позиция привела к разногласиям, о которых мы говорили, и к безвременному уходу Тиберия на покой.

Шли годы, Тиберий, находившийся в добровольном изгнании, становился все более болезненным, а распутство Юлии стало публичным скандалом. Сообщения о ее поведении, наконец, дошли до ушей Августа во 2году н.э. Юлия была сослана на остров Пандатерия, недалеко от Кампании, а Юлий Антоний, сын Марка Антония и человек, которого Август часто почитал, был казнен как ее любовник. В том же году умер Луций Цезарь, а двумя годами позже Гай Цезарь. Единственным оставшимся прямым потомком мужского пола был третий сын Юлии, Агриппа Постум, мальчик слабоумный. Август, который последовательно потерял Марцелла, Агриппу и двух своих любимых внуков, каждый из которых в свое время рассматривался как возможный наследник его положения, теперь был вынужден усыновить Тиберия, после того как глубоко оскорбил его и своим жестоким обращением превратил угрюмого циника в некогда сильного и умелого помощника. Тиберий, в свою очередь, был вынужден **в 409 году** усыновить сына Друза, Германика, мальчика на два года старше его собственного сына Друза, и таким образом был вынужден поставить своего племянника в очередь наследования вместо собственного сына. Это не делало его дни приятнее. Тем временем ему была присвоена **должность трибуна потестаса** сроком на десять лет, которая теперь была признана наделяющей полномочиями особого значения. Затем его отправили на границу с Германией.

Эвакуация Германии. В Германии Тиберий предпринял попытку восстановить границу вдоль Эльбы, достигнув реки со своей армией и флотом в 5 году н.э. Большинство германских племен в пределах границы признали диктат Рима. Однако маркоманны при короле Марободуусе незадолго до этого мигрировали на запад, захватив Богемию у обитавших там кельтов-боянцев (отсюда и название Богемия).

Поскольку Марбод теперь оседлал пограничную линию, которую Рим хотел провести от Эльбы до Дуная, с ним следовало разобраться в следующий раз. Следовательно, Тиберий взял на себя командование армией на Дунае, оставив армию на Эльбе под командованием Сентия, план которого состоял в том, чтобы взять ее в клещи одновременно с обеих рек. Казалось, успех в установлении этой линии был гарантирован, успех, который, несомненно, привел бы к романизации и цивилизации большей части Германии. Возможно, бесполезно строить догадки о том, как изменилась бы история, если бы Тиберий добился успеха, но вряд ли можно избежать логики историка, утверждающего, что войны 1914 года, вероятно, не было бы. Однако, как только Тиберий отправился в путь, паннонцы и далматинцы восстали, очевидно, в знак протеста против недавно введенных на них налогов и воинской повинности. Тиберию пришлось отступить из Богемии, и потребовалось три года упорных боев, чтобы восстановить мир. Тем временем от мысли об аннексии западной Богемии отказались. Но это было еще не все. Не успел Тиберий подавить это восстание, как германцы под командованием Арминия завели П. Квинтилия Вара, римского полководца с Рейна, в искусно устроенную засаду в Тевтобургском лесу и уничтожили p410его три легиона. Эта катастрофа произошла в 9 годун.э. Тиберия поспешили отослать к Рейну, но повторная попытка завоевать Богемию казалась тщетной, а без этого линия Эльбы была бесполезна. Он сделал немногим больше, чем просто подтвердил позиции Рима среди племен вдоль Рейна. Затем было решено отступить к старой рейнской границе, и последние инструкции Августа перед его смертью подтвердили это решение.

Организация империи. В других провинциях боевых действий было мало. Август, однако, тщательно изучил каждый из них и установил границы и административные формы для каждого из них с дотошной тщательностью.

Испания была разделена на три провинции: *Лузитания* (Португалия) и *Тарраконенсис* (Северная и Западная Испания), обе управлялись легатами Августа, а *Бетика*, мирная и процветающая южная провинция, управляемая проконсулом преторианского ранга, присланным сенатом. Север теперь был полностью умиротворен, юг настолько основательно латинизирован, что на латыни говорило большинство тамошних городских жителей.

Британия Августом не считалась частью империи.

Дальнейшая Галлия, завоеванная Цезарем, была разделена на три провинции, все из которых управлялись легатами Августа: *Аквитания*, которая теперь простиралась на север до Луары (Лигер), *Лугдуненсис*, большая часть старой Кельтики со столицей в Лионе, и *Бельгика*. Иногда все трое отдавались одному легату, если он был важной персоной, такой как Тиберий или Друзас. Мудрость и щедрость Августа особенно ярко проявились в организации галлов, поскольку он имел дело непосредственно с шестьюдесятью племенными единицами, признавая их автономными в гражданских делах, назначал дань на основе переписи и даже разрешил консилиуму представителей галлии вносить предложения относительно распределения дани. За время его долгого правления мы слышим только об одной серьезной попытке восстания в Галлии; процесс естественной ассимиляции через торговые отношения протекал быстро. p411Август, однако, не продолжил более либеральную политику

Цезаря, заключающуюся в свободном предоставлении гражданам права на корабль. *Нарбоненсис* продолжал оставаться сенаторской провинцией.

Сицилия, Македония, Ахайя, Кипр и объединенные *Крит* и *Кирина* были оставлены на попечение сената, который направил преторианских проконсулов управлять ими.

На Дунае *Реция* и *Норик*, как и *Сардиния*, управлялись префектами Августа, в то время как в два горных округа - *Приморский* и *Коттийские Альпы* (современная Савойя) - также были направлены префекты для пресечения разбоя и поддержания дорог открытыми. *Паннония, Далмация* и *Мезия*, с другой стороны, не были полностью покорены и находились рядом с могущественными маркоманнами и даками, управлялись **легатами** консульского ранга Августа; в то время как *Фракия* все еще оставалась во власти короля-клиента.

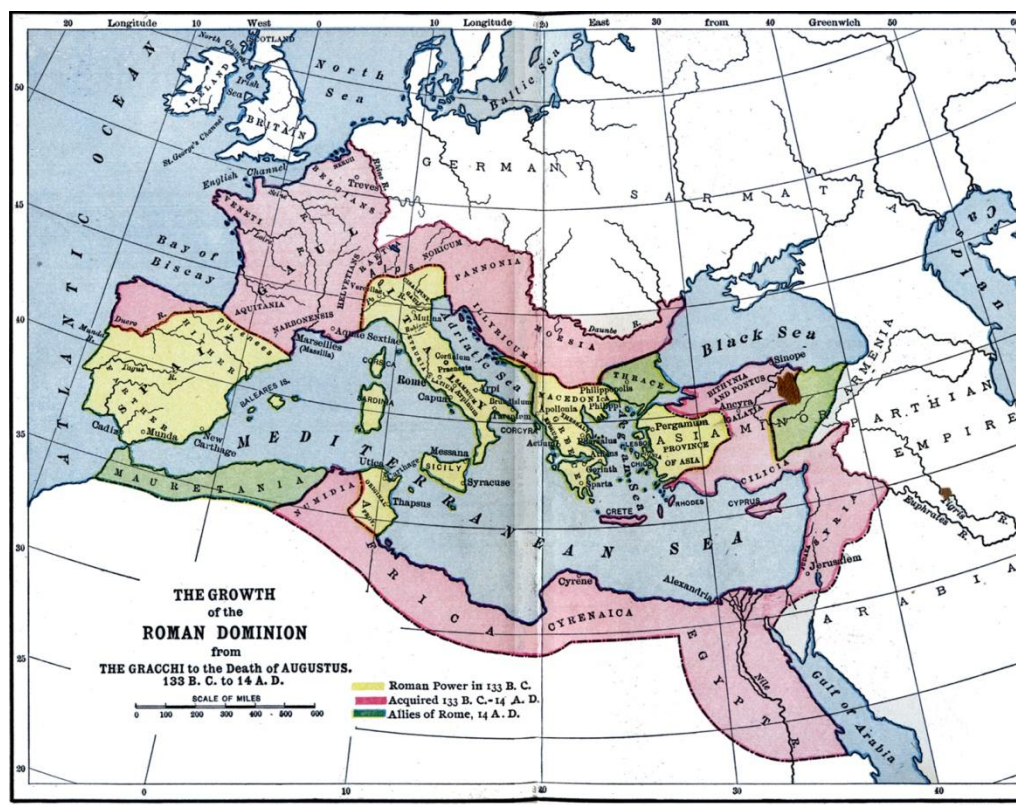
В Малой Азии две старые провинции, *Азия* и *Вифиния*, считались достаточно мирными, чтобы их можно было оставить под опекой Сената. *Галатия* была объявлена провинцией после смерти ее царя и находилась в руках империи. Люди здесь все еще говорили по-кельтски, который могли понимать западные галлы, но они быстро перенимали греческие обычаи. *Памфилия* была отделена и стала отдельной провинцией, но *Ликии* и *Родосу*, вероятно, из-за страданий, которые они перенесли от рук Брута и Кассия, было позволено оставаться независимыми союзными государствами посреди великой империи. *Каппадокия*, уменьшительный *Понт*, *Пафлагония* и *Малая Армения* управлялись автономными князьями, признанными Августом в качестве клиентов. *Армения* и *Парфия* были двумя могущественными королевствами, которые время от времени признавали отдаленный сюзеренитет Рима, принимая кандидатуры Августа в качестве королей, но временные успехи Рима в этом регионе были обусловлены скорее внутренней завистью внутри этих королевств и между ними, чем каким-либо прямым принуждением со стороны Рима. Во всяком случае, нельзя сказать, что Августу перед смертью удалось наложить на эти **р412** народы неизгладимый отпечаток своих притязаний на суверенитет над ними.

Сирия оставалась под опекой императора, поскольку в ней находились четыре легиона, расквартированных на Востоке у парфянской границы. В сфере деятельности сирийского **легата** было несколько своеобразных государств-клиентов восточного типа. Арабское королевство *Набатеев*, господствовавшее от Дамаска до Аравии, признало римский сюзеренитет кораблем. Теократия *Иудеи* была включена Помпеем в состав Сирии. Цезарь позволил царскому дому Идумеев распространить свое паразитическое влияние здесь, как будто было недостаточно того, что люди должны были платить десятину своим собственным священникам и дань Риму. Однако царь Ирод вызывал гнев своих подданных своими постоянными попытками эллинизировать их и подавить теократические идеи. Он умер в 4 году до н.э., и хотя его политика могла принести пользу только Риму, Август в 7 году нашей эры положил этому конец и позволил евреям нести прямую ответственность перед Римом. Затем Иудея превратилась в мелкую провинцию, управляемую прокуратором, который, вероятно, считался подчиненным сирийского **легата**. Другое храмовое государство находилось в *Эмесе*, подчинявшемся местному Ваалу, жрец которого считался царем. Этот царь был вошедшим в поговорку примером

незначительной помпезности, но он заслуживает упоминания, потому что его безумный потомок, Гелиогабал, позже стал правителем Римской империи. Двумя другими царствами-клиентами были *Коммагена*, к северу от Антиохии, и *Пальмира*, расположенная в оазисе, через который проходил торговый путь к Евфрату. К ним нам также придется обратиться снова.

Аравия была захвачена префектом Египта по приказу Августа, но без постоянных результатов. О замечательной префектуре *Египет* мы говорили в другом месте.

Наконец, *Африка* интересна тем, что раскрывает политику умеренности Августа. Нумидийский царь Джуба совершил ошибку, оказав помощь Катону в гражданской войне. Таким образом, Цезарь захватил его королевство и включил его в состав провинции **p413** Африка. Августу хватило смелости, несмотря на протесты шовинистов, снова лишить Нумидию аннексии и посадить на трон младшего Джубу, который в то время был заложником в Риме. Однако "спуск флага" тогда был не более популярен, чем с тех пор. Август, наконец, уступил критике, передал Мавританию Джубе и снова включил Нумидию в состав провинции Африка, которая теперь была сенаторской провинцией.

Рост римского владычества

от Гракхов до смерти Августа, с 133г. до н.э. по 14 г.н.э.

[Увеличенная версия, полностью читаемая, открывается здесь (1,8 МБ).]

Конец правления Августа. Последние годы правления Августа не были счастливыми. Его внучка Юлия пошла по стопам своей изгнанной матери, и она тоже была изгнана, а заодно и поэт Овидий, чьи произведения Август считал способствующими распушенности нравов. Он пытался сдержать рост безнравственности, заострив остроту законов о браке, которые он принял много лет назад. Возможно, он был слишком стар и суров, чтобы понимать разницу между юношеским энтузиазмом и безнравственностью; возможно также, он слишком много внимания уделял симптомам, а не причинам. В сложившихся условиях его режим нельзя считать полностью безупречным. Энергичной и полнокровной молодежи из богатых и знатных семей не хватало ответственной работы при его патерналистском правлении. В Республике такие люди должны были, по крайней мере, подготовиться к серьезной политической карьере. Теперь они получали должности благодаря влиянию и находили синекуры в офисах, когда достигали их. Более того, слишком большая часть богатства Рима досталась без усилий. Люди просто собирали доходы от империалистических инвестиций энергичной Республики. Массовое "урезание купонов" не способствует укреплению национального морального духа. Наконец, мир и процветание римского мира, когда войны велись в основном вспомогательными войсками и только на далеких границах, дали новый беззаботный опыт расходования слишком быстро накапливающегося богатства. Банальные риторы начинали говорить, и не без правды, что Рим завоевал весь мир только для того, чтобы потерять свою собственную душу.

р414 Август умер очень старым и уставшим человеком в 14 году нашей эры. Он слишком хорошо знал, что его правление не принесло далекого-золотого века. Он был похоронен в великолепном мавзолее на Марсовом поле, который римляне по сей-день используют как концертный зал. Рядом с его могилой был начертан полный "отчет о его руководстве", который он сам составил для этой цели, заявление о том, как его пригласили к власти, хотя он предлагал "восстановить Республику", о многих войнах, которые он вел "без неправомерной агрессии", о зданиях, которые он возвел, о деньгах, которые он получил, уступил или потратил на государственные нужды. Так получилось, что у нас есть довольно полная копия его, найденная на стенах храма в Ангоре в Анатолии. Это, конечно, очень ценный исторический документ.^a

Перед смертью он спросил своих друзей, не хорошо ли он разыграл драму жизни. Ответить утвердительно было легко. Если вспомнить, как великий Цезарь неправильно понимал свой народ, как использовал власть блистательный Антоний, какую неразбериху, должно быть, вызвал бы Сенат, если бы его восстановили, можно только назвать удачей Рим, обратившийся к услугам Августа в критический момент. Даже республиканские фанатики не могли обвинить его в том, что он до изнеможения трудился ради самовозвеличивания, поскольку он сохранил в неприкосновенности республиканский механизм для использования любым, кто захотел бы доказать, что Рим все еще способен им пользоваться.

Конечно, в юности он участвовал в преступлениях старших так, как не смог бы сделать молодой человек прежней Республики. Но то, что этот грех был не от его

собственной природы, а из-за связи с автократией, которая делала людей черствыми, он доказал своей дальнейшей жизнью. Он не был великим полководцем; похоже, ему не доставало как магнетизма, так и конструктивного гения великого тактика. Но он был храбрым и надежным командующим армиями. Он не оставил законов, демонстрирующих необычную проницательность, но его законодательство никогда не носило химерического характера. Его симпатии к р415 были обширными, хотя и сдержанными; они нигде не приводили его к фанатичному патернализму. Как разумный организатор и администратор, он проявил себя с лучшей стороны. Цезарь действительно указал путь, но Август заслуживает похвалы за то, что посвятил бесконечные усилия и мысли проблемам внешней империи. О нем хорошо говорит и то, что он смог завоевать неизменную лояльность и постоянное служение бескорыстных советников и эффективных помощников, таких как Агриппа и Мecenат. То, что близкие люди его последних лет не принадлежали к тому же типу, может быть объяснено естественной ворчливостью преклонного возраста. Во многом благодаря твердым качествам мысли Августа двоевластие смогло благополучно провести Рим через некоторые из мучительных испытаний, которые ожидали его в правление таких людей, как Нерон и Домициан.

Примечание Тайера:

^a *Res Gestae Divi Augusti* — "The Achievements of His Lamented Majesty Augustus" — [are onsite in full](#),.

Глава XXIII

Императоры Юлия-Клавдия

Тиберий, 14-37г. н.э. Август не оставил сомнений в выборе преемника, хотя, верный своей политике, официально не заявлял, что может назвать его. Он завещал большую часть своего состояния своему пасынку Тиберию, которого усыновил около десяти лет назад, и добился для него **tribunicia potestas**, с помощью которой он мог законно контролировать Сенат, а также проконсула **imperium**, который передавал в его руки армии. Это был важный вопрос для будущего государства, сочтет ли Тиберий это неофициальное назначение достаточным или нет, или же он признает Сенат или народ свободными и компетентными выбирать своих **принцепсов**. Что он сделал, так это немедленно принял командование армиями, созвал заседание Сената и поставил перед ним вопрос о престолонаследии. Хотя Сенат не решался предположить, что он может назначить преемника Августа, Тиберий занял позицию, что он должен это сделать, и в соответствии с процедурой того дня был создан прецедент, которому следовали в течение двух столетий, в результате чего Сенат стал считаться властью, которая "выбрала" **принцепса**. Тиберий, призывая Сенат к действию, заявил, что бремя правления слишком тяжело для него, но что он возьмет на себя любую роль, которую Сенат сочтет нужным возложить на него. Некоторые сенаторы предпочли счесть это простым лицемерием, и Азиний Галл прямо попросил Тиберия указать, какую роль он желает сыграть. Тиберий отказался дать четкий ответ, и игра бесполезных замечаний продолжалась еще некоторое время, хотя все знали, чем это закончится. Сенат, наконец, даровал **tribunicia potestas** и проконсулярскую **империю** заново — на этот раз без ограничений — и должность **p417принцепса сената**; затем консулы призвали Сенат, магистратуру и народ принести военную присягу на верность Тиберию. Это яркая иллюстрация практического метода, с помощью которого формировались столь многие конституционные прецеденты Рима.

Тиберию было сейчас пятьдесят-шесть, и хотя он прожил еще двадцать-два года, его великая работа уже была завершена, а слава и доброе имя утвердились. В войнах в Германии и Паннонии он проявил себя одним из величайших полководцев Рима. Его надежность, проницательность, честность и великая мудрость в административных делах не подлежали сомнению. Но он также был известен как надменный и холодный человек, который, подобно длинной линии римской знати, от которой он происходил двумя знатными семьями, никогда не отступал в поисках популярности. Было также известно, что он вырос циничным и недоверчивым. Его карьера вряд ли могла закончиться чем-то другим. Призванный Августом развестись с женой, которую он любил, чтобы жениться на Юлии по государственным соображениям, он подчинился, и когда его таким образом возвысили, вся молодая знать польстила ему как возможному преемнику Августа. Затем, когда Август ясно дал понять, что его юные внуки, Гай и Луций, были первыми в его намерениях, а Тиберий удалился на Родос, лесть внезапно уступила место пренебрежению, а

иногда даже оскорблениям, пока после смерти двух юношей и возвращения Тиберия к власти прежнее преклонение не возобновилось. Те, кто был виновен в подобном поведении, теперь находились в Сенате перед ним, и неудивительно, что он не испытывал к ним любви и отказывался напускать на себя любезный вид. Его правление началось в эпоху подозрительности и чопорных церемоний, а закончилось ненавистью.

Его популярности не прибавило то, что он сразу же передал выборы магистратов от народа Сенату, и Сенату не понравилось, когда он внял просьбе двух греческих провинций, Македонии и Ахайи, и взял их под свою опеку, выведя из-под надзора сената. p418 Более того, он потерял расположение армии, когда в целях экономии признал тот факт, что служба в армии теперь фактически стала профессией на всю жизнь, и снова продлил срок службы до двадцати лет. Опасный мятеж сразу вспыхнул почти во всех северных армиях, как в Паннонии, где командовал его сын Друз, так и в Германии, где проконсулом был Германик, его племянник и приемный сын. Какое-то время казалось, что правлению Тиберия пришел конец. Действительно, Германик, унаследовавший необычайную преданность, которую рейнская армия оказывала Друзу-старшему, был подстрекаем своими солдатами выступить на Рим и взять власть в свои руки. Этого он лояльно отказался сделать, и благодаря своему личному влиянию ему удалось подавить мятеж и наказать зачинщиков. Затем он, чтобы занять их мысли другими занятиями, вторгся в Германию под предлогом мести за позор, нанесенный Вару. Ему удалось разгромить нарушителей и вернуть орлов, и фактически он снова повел свои легионы к реке Эльбе. Однако, когда Тиберий попросил разрешения отвоевать все утраченные земли и снова сделать Эльбу границей, как это сделал его отец, Тиберий отказался, заявив, что Август принял решение о границе по Рейну и что это решение не может быть отменено. Фактически Германик был отозван, и теперь были сформированы два военных округа, обозначенных как Верхняя и Нижняя Германия, господствующие по обе стороны Рейна. В каждом было расквартировано по четыре легиона.

В 17 годун.э. Германик был отправлен на Восток с maius imperium над восточными провинциями, чтобы уладить там все незаконченные дела. Он преуспел благодаря мудрой дипломатии в ПЛАКинг дружественного короля на престоле Армении, а также в том, что парфянский царь признать римского права этого делать. Затем он преобразовал подчиненные царства Каппадокию и Коммагену в провинции, поскольку эти регионы контролировали дороги к тем далеким протекторатам, которые, казалось, с наибольшей вероятностью доставят p419неприятности в будущем. Однако в этот момент кн. Кальпурний Пизон, губернатор Сирии, поссорился со своим начальником и вызвал трения, которые сотрясали государственную машину на многие годы. Пизон, по-видимому, сделал разумное предположение, что Тиберий в конечном итоге не мог отдать предпочтение Германику перед своим собственным сыном Друзом, что, хотя он пока преданно выполняет инструкции Августа, его родительский инстинкт должен, наконец, заявить о себе и с облегчением приветствовать любой несчастный случай, который может случиться с популярным Германиком. Жена Германика, Агриппина

(старшая), которая была внучкой Августа и чрезвычайно популярна среди солдат из-за своей приветливости и демократичности, также вызывала ревность многих римских женщин. Пизон, во всяком случае, взял бразды правления в свои руки и отменил несколько приказов своего начальника, после чего ему было приказано покинуть свою провинцию. Когда Германик вскоре после этого скоропостижно скончался в Антиохии, подозрение пало на Пизона, и ему было приказано отправиться в Рим для предания суду. Он был оправдан по обвинению в отравлении, но, опасаясь, что его осудят за неповиновение вышестоящему начальству, покончил с собой. Народ, преданный Германику, был убежден в виновности Пизона и по первому пункту обвинения и приписывал его побег предполагаемому вмешательству Тиберия, которого, соответственно, стали еще больше не любить и которому не доверяли.

В 23 году умер Друз, единственный сын императора, убитый, как позже выяснилось, по приказу преторианского префекта Л. Элиуса Сеяна. Этот человек был рыцарем из Этрурии, который завоевал полное доверие Тиберия и задумал смелый план устранения законных наследников императора одного за другим и, наконец, самому захватить бразды правления. Он убедил Тиберия, у которого теперь было слабое здоровье, удалиться на Капри и преуспел в том, что стал единственным каналом связи между императором и правительством. Уставший император передал ему командование всеми армиями с помощью подарка **p420** проконсула **империума**. Командуя полицией и секретной службой Рима, Сеянус смог посадить в тюрьму всех, кого подозревали в том, что они стояли у него на пути. Даже Агриппина и двое ее сыновей были арестованы по обвинению в государственной измене, а один сын вскоре был казнен.

Когда, наконец, Сеян набрался смелости попросить о **tribunicia potestas**, которая дала бы ему контроль над Сенатом, Тиберий заподозрил неладное. Он провел расследование и узнал достаточно, чтобы оправдать арест и казнь предателя. Когда от собственной жены Сеяна он получил доказательства того, что Сеян был убийцей его сына Друзаса, его ярость вышла из-под всякого контроля. Друзья Сеяна, сенаторы и рыцари, которые еще так недавно были могущественными людьми в Риме, были судимы и казнены один за другим. Когда дело было сделано, Тиберий обнаружил, что из наследников мужского пола в большой семье остался только один слабый внук, Тиберий Гемелл, и внучатый племянник несколько старшего возраста, Кай (Калигула), который был сыном популярных Германика и Агриппины.

Тиберий прожил еще шесть лет после падения Сеяна, но едва ли был пригоден даже для самой обычной рутинной работы. Невыносимый опыт полностью разрушил его здравый смысл, и он прислушивался к каждому гнусному слуху, который удосуживались выдумать вероломные информаторы, и платил за него. В течение столетия после его смерти его помнили главным образом как создателя проклятого института "доносчиков" (**delatores**), и его также обвиняли в том, что он расширил сферу обвинения в государственной измене (**laesa majestas**), включив в нее любое простое выражение недоброжелательности-по отношению к императору. Он никогда больше не смог бы переехать в Рим. В 37 году, когда ему было почти 79 лет, он, наконец, оказался в нескольких милях от города по Аппиевой дороге. Но он

повернул, не заезжая в Рим, чтобы вернуться на Капри. В Мизене он умер. Сенат не объявил его **Divus**, как это было с Цезарем и Августом.

В целом, только Рим пострадал от его правления **p421**. Империя, потребности которой он понимал, получила от него, как правило, хороших администраторов. И на границах сохранялся мир, во многом благодаря его прежней эффективной работе, сделанной под покровительством Августа.

Правление было отмечено инцидентом, на который правительство тогда не обратило внимания, но который с тех пор оказался самым значительным в эпоху. Это был суд и казнь Иисуса из Назарета. Религиозный смысл этого акта выходит за рамки исторического обзора Рима, но поскольку судебный процесс проходил в римской провинции и частично в пределах римской юрисдикции, историю следует рассказать хотя бы для того, чтобы проиллюстрировать методы, которым обычно придерживалось в то время римское правительство, предоставляя полную свободу местной автономии в провинциях. Иудея тогда была автономной, управлялась сенатом (**синедрионом**) еврейских старейшин под председательством первосвященника по имени Каиафа. Первосвященник обычно назначался римским прокуратором. Август зашел так далеко в уважении автономии евреев — фактически такова была его политика по отношению ко всем жителям провинций, — что запретил своим прокураторам допускать кого-либо из своих солдат в Иерусалим просто потому, что изображение императора на римских штандартах было оскорблением еврейской религии. Понтий Пилат, которого Тиберий назначил прокуратором около 25 года н.э., вероятно, по предложению Сеяна, сначала нарушил это правило, но подвергся столь суровой критике со стороны местных жителей, что отозвал гарнизон в Кесарию.

В то время, о котором идет речь, он, очевидно, отправился в Иерусалим из-за больших толп, собравшихся на праздник Пасхи, и с ним было несколько его солдат. Случилось так, что Иисус, который проповедовал по всей Палестине около трех лет, навлек на себя враждебность правящей партии в Иерусалиме своей суровой критикой. Они арестовали его, доставили в синедрион и судили по обвинению (вероятно) в богохульстве Иеговы. **p422** Согласно их закону, это было тяжкое преступление, и, хотя им было трудно найти удовлетворительных свидетелей, сам Иисус сделал определенные заявления на перекрестном допросе, которые, казалось, давали достаточные доказательства против него. Соответственно, они приговорили его к смертной казни. Однако стало обычным разрешать римскому прокуратору пересматривать смертные приговоры. Тот факт, что первосвященник был назначен прокуратором, подразумевал, хотя формально и не требовал, такого пересмотра дел, караемых смертной казнью. Кроме того, у римского прокуратора был обычай подтверждать любые действия синедриона. На самом деле прокуратор, вероятно, не рискнул бы оскорбить синедрион, отменив решение, если бы не считал дело настолько важным, что счел бы необходимым передать его в Рим. В данном случае Пилат не видел необходимости предавать человека смерти по обвинению в богохульстве божества, о котором Рим ничего не знал, и он так и сказал. Священники, однако, пытались показать, что здесь замешаны римские интересы, потому что, если преступник утверждал, что он "Мессия", он тем самым утверждал,

что он царь иудейский, следовательно, предатель римского правления. Пилат не видел реальной опасности для Рима даже в таких заявлениях бедного и, по-видимому, одинокого проповедника, и он умолял синедрион прекратить дело или, по крайней мере, позволить ему помиловать этого человека в соответствии с обычной пасхальной амнистией. По его словам, в таком случае было бы достаточно порки. Они этого не допустят. Теперь он видел другой возможный выход. Услышав, что Иисус был родом из Галилеи, где юрисдикция принадлежала Ироду, а не синедриону, он отправил пленника к Ироду, но последний предпочел не брать на себя никакой ответственности в этом деле и отправил его обратно. Пилату пленник показался не совсем достойным того, чтобы беспокоить римские суды, и поэтому он поступил так, как было принято, и признал право синедриона решать дело в соответствии с их собственными законами. Он утвердил приговор, и его солдаты привели его в исполнение. Можно добавить, что солдаты его немногочисленных когорт были в основном палестинцами, **стр. 423** и что полностью правдоподобен евангельский рассказ, который представляет их сочувствующими священникам. Что касается истинного учения Иисуса, Пилат, конечно, ничего не знал. Но не следует предполагать, что он был бы заинтересован, если бы знал. Римляне, гордившиеся своим завоеванием целого мира, вряд ли могли понять точку зрения того, кто проповедовал смирение, кротость и не-сопротивление. Пилат мог бы заметить, что это учение полезно проповедовать провинциалам, но это было бы последним, что следовало бы прививать правителям мира, если бы кто-то хотел поддержать их моральный дух. То, что в течение трех столетий государство примет доктрины этого одинокого и молчаливого узника, казалось непостижимым для любого римлянина того времени.

Кай Калигула, 37-41н.э. Четыре года правления Калигулы не представляют ничего интересного. В то время как молодой безумец развлекался убийствами и воровством, империя за пределами Италии просто продолжала идти своим назначенным курсом, благодаря тому факту, что Август создал прочную организацию, в которую у Калигулы было мало времени вмешиваться, а также благодаря тому факту, что, когда он все-таки вмешивался, у власти находились ответственные проконсулы, которые были готовы изменить его приказы в интересах империи даже с риском для собственной жизни.

Молодому человеку не повезло в его воспитании. Германик, его отец, умер, когда ему было всего семь лет, и, как все дети Германика, он был избалован глупой набожностью народа. На самом деле его прозвище "Маленький сапожок" произошло из-за того, что любящая мать одела его в миниатюрную форму, чтобы угодить солдатам. Позже его мать, Агриппина, и два его старших брата были заключены Сеяном в тюрьму, и мальчик некоторое время жил со своей бабушкой Антонией, которая, проведя детство при дворе Клеопатры, приютила нескольких восточных принцев, которые затем получали "образование" в Риме. Это не было **благотворным влиянием, эта близость с сирийскими вельможами, которые говорили о восточных обычаях, о привилегиях автократии и поклонялись восточным Ваалам.....** Затем Тиберий, у которого теперь возникли подозрения относительно настоящего происхождения своего единственного оставшегося в живых внука, привез Калигулу,

который приходился ему внучатым племянником, к своему неприятному *окружению* на Капри. Там он прожил семь лет, учась выполнять прихоти болезненного тирана, который тем временем позволил казнить Агриппину, его мать, и двух его старших братьев.

Ему было двадцать пять, когда умер Тиберий. Император, конечно, не усыновил его, но он сделал его со-наследником вместе со своим внуком, который был моложе. Этот факт дал сенаторам повод выбрать сына любимого Германика, а не потомка ненавистного Тиберия. Соответственно, они аннулировали завещание Тиберия, присвоили Калигуле титул императора и формально передали ему полномочия и должности, которые Август получил от Сената. Отныне это была формула, по которой императоры избирались Сенатом.

Весь мир был счастлив. Гай сразу же заверил Сенат, что признает его участие в правительстве таким же образом, как это сделал Август, и что доносчики должны быть изгнаны. Тиберий бережливо пополнял казну; говорят, тогда в ней было около ста миллионов долларов. Молодой император сразу же потратил большую часть этой суммы на игры, пожертвования горожанам и солдатам, а также на общественные банкеты. Он обезопасил своего-сонаследника и двоюродного брата, усыновив его как своего сына. После того, как он правил около шести месяцев, он опасно заболел, а когда выздоровел, то, казалось, совершенно изменился; то ли болезнь повредила его никогда не отличавшийся твердостью ум, то ли он просто выбрал этот случай, чтобы порвать со своими советниками и следовать собственным прихотям, мы не знаем. Во всяком случае, гипотеза о безумии, по-видимому, сама по себе достаточна для объяснения некоторых последовавших за этим поступков. Вряд ли стоит p425 перечислять его поступки, но, возможно, можно отметить некоторые из наиболее значительных, оставивших последствия политического или социального характера.

Одним из первых действий, которые он теперь сделал, был приказ убить своего приемного сына. Вскоре он устроил серию гладиаторских боев, в ходе которых приказал гражданам, вызвавшим его неудовольствие, выйти на арену. Несколько римских провинций, в том числе Иудея, Коммагена и Понт, были возвращены местным князькам, с которыми он познакомился как с товарищами по играм в доме Антонии. Особенно это пошло на пользу Ироду Агриппе, человеку, который большую часть своего времени проводил в Риме и знал, как угодить императору. Религиозные выходки Калигулы стали особенно оскорбительными, выдавая последствия его раннего общения с выходцами с Востока. Он построил храм на Капитолии в честь своей собственной священной особы и приказал, чтобы его статуе поклонялись по всему миру. Одни евреи отказались, и только его своевременная смерть спасла нацию от истребления за это преступление. Из своего собственного дома на Палатине он построил мост через Форум к Капитолийскому^a, чтобы ему было удобнее навещать своего "брата" Юпитера. Он также был первым, кто предложил в Риме поклоняться восточным божествам. Теперь построен храм Исида на Марсовом поле, который позже стал очень важным центром мистицизма.

Царство террора началось еще до того, как закончился его первый год. По его секретным приказам людей убивали, или им приказывали покончить с собой, или

приказывали сражаться на арене. Затем, обнаружив, что казна на исходе, он приказал убивать людей из-за их имущества. Самым простым способом раздобыть деньги было заставить сенат осудить людей за **оскорбление величества** на основании доказательств, предоставленных его шпионами, поскольку этот метод влек за собой конфискацию имущества осужденного. Следовательно, он вновь ввел обычай награждать людей за секретную "информацию".

Конечно, это не могло продолжаться вечно. Фактически, его **родные сестры, для которых он добился божественных почестей, присоединились к заговору против него на третьем году его правления.** В то время он находился в Галлии, притворяясь, что добывает военную славу. Вскоре после его возвращения был составлен более успешный заговор, и он был убит офицером своей преторианской когорты в коридоре собственного дома.

Клавдий, 41-54 н.э. Калигула был последним признанным наследником линии Юлиев. Поэтому Сенат собрался, чтобы решить будущую форму правления. Многие выступали за возврат к республиканской форме правления, в то время как различные группы начали выдвигать кандидатуры разных дворян на пост принцепата. Пока Сенат препирался, преторианская гвардия уладила этот вопрос. Они разыскали Клавдия, брата Германика, которому удалось ускользнуть от глаз Сеяна, притворившись ленивым и глупым. Клавдий, оправившись от первого испуга, принял приглашение взойти на трон и пообещал каждому гвардейцу большой денежный подарок. Затем он предстал перед Сенатом и был избран принудительно по той же формуле, что и Калигула.

С точки зрения сената Клавдий оказался ничем не лучше своего предшественника, поскольку, будучи человеком мягких манер, вскоре выяснилось, что он находится в подчинении у жены, полной ревнивых интриг, печально известной Мессалины, которая воспользовалась случаем, чтобы отомстить дамам, стоявшим ближе к трону в предыдущее царствование. Таким образом, судебные процессы над **дочерью ее величества** продолжались.

Власть императорских вольноотпущенников также возросла до невыносимых пределов при легком режиме Клавдия. Следует помнить, что в то время как в Сенате были римские квесторы и эдилы для управления своими бюро и департаментами, Август организовал свои бюро как часть своего личного хозяйства. Его собственный финансовый агент, который, согласно обычаю бизнеса, был вольноотпущенником, продолжал выполнять функции налогового агента даже после того, как огромные доходы дюжины **провинций p427** перешли в его руки. Такие агенты и секретари, естественно, обеспечивали себе все большую власть по мере роста могущества императора. При Калигуле и Клавдии их вполне можно было бы назвать секретарями кабинета министров, хотя они и были бывшими-рабами. Паллас, финансовый агент (**рационализатор**) Клавдия, таким образом, превратился в министра финансов, который следил за большей частью доходов и расходов империи. Он был достаточно силен, чтобы добиться для своего брата Феликса, тоже вольноотпущенника, должности губернатора Иудеи. (Именно до него был судим святой Павел.) Нарцисс был личным секретарем Клавдия (**ab epistulis**) и, следовательно, взял на себя ответственность за всю переписку с провинциями,

генералами и иностранными властителями, фактически являясь своего рода государственным секретарем. Наконец, Каллист, грязнорукий вольноотпущенник Калигулы, который помог Клавдию взойти на трон, теперь стал его секретарем петиций (*a libellis*). В этом качестве он смог продать по хорошей цене привилегию обратиться к императору. От таких людей Клавдий в значительной степени зависел, поскольку у него не было опыта в государственных делах, а эти люди, по-видимому, извлекали максимально возможную выгоду из своего положения. Но также легко понять, насколько горьким был опыт сенаторов, которые были вынуждены лстить, давать взятки и пресмыкаться перед вольноотпущенниками, если они желали беседы с императором или хотели получить представление петиции. Насколько грубым было общество императорского двора, где вольноотпущенники могли намеками на несчастья принуждать дворян принимать их в своих семьях, мы можем представить, прочитав фрагменты романа Петрония под названием "Пир Трималхиона". Она была написана во времена правления Клавдия, и хотя действие происходит не в Риме, она, несомненно, призвана создать впечатление об условиях при римском дворе. Поэтому сенаторы не считали Клавдия ни в каком отношении лучшим правителем, чем Калигула.

Однако Клавдий, несмотря на свое раболепие перед Мессалиной и его вольноотпущенниками, глубоко заботился об Империи, p428чего не делал Калигула. За долгие годы своей уединенной жизни он жадно читал римскую историю, в его памяти было полно примеров того, какие великие дела были совершены в прошлом, и он впитал определенное чувство ответственности за высокий пост, который он сейчас занимал. Не обладая конструктивным воображением, он, по крайней мере, решил перенять то, что считал мудрыми прецедентами, из примеров древних римлян — особенно Юлия Цезаря — и таким образом добиться чего-то важного за время своего правления.

Он явно следовал примеру Цезаря, когда в 46 году лично вторгся в Британию с армией из четырех легионов, поскольку Август решил покинуть этот остров. Император, оказавшийся менее храбрым, чем он ожидал, отступил через 16 дней, но его умелые офицеры продолжали атаки на кентские войска Цимбелина (Кунобелина), пока не была создана респектабельная провинция, и с этого времени римские армии продолжали продвигаться по острову, пока большая его часть не была завоевана. Он также последовал примеру Цезаря, широко распространив гражданскую деятельность в Галлии, хотя мы можем сделать вывод, что решающим фактором могли стать его личные наблюдения, сделанные во время похода по Галлии. Сенату, конечно, не понравилось, когда он вынудил их принять нескольких эдуанских вождей в свой августейший орган. Сохранился фрагмент речи, произнесенной по этому поводу. Она педантична и бессвязна, но мы не можем не восхищаться ее целью. Но мы также можем понять позицию сената — который, цитируя Сенеку, опасался, что он не успокоится, пока не облачит всех галлов, германцев и бриттов в тоги.

Он также принял часть программы Цезаря по внутренним улучшениям. Наиболее примечательной является большая глубоководная гавань в устье Тибра, которую Цезарь спроектировал, но так и не начал. В связи с этим Клавдий предложил

дочерние предприятия судостроителям и судовладельцам, которые перевозили определенное количество зерна в Рим. Было бы р429интересно узнать, был ли этот первый случай в Риме предоставления государственной-помощи торговле принят с целью развития римской торговли в целом. Те немногие факты, которыми мы располагаем, по-видимому, приводят к выводу, что Клавдий был здесь в основном заинтересован в том, чтобы городские толпы насытились зерном, и что он не задумывался об общей торговой политике. Наконец, он заслуживает того, чтобы его помнили за акведук, который доставил воды в Рим на год больше, чем раньше. Многие величественные арки этой работы сохранились до сих пор, придавая особое очарование пейзажам Римской Кампании. К сожалению, некоторые подрядчики выполняли свои работы нечестно, и, как следствие, некоторые секции быстро пришли в негодность, уничтожив ценность всей конструкции.

Пока Клавдий был занят этими работами, его печально известная молодая жена планировала возвести на трон своего любовника Гая Силия. Под его унылым взглядом она зашла в игре так далеко, что даже прошла свадебную церемонию с Силием, притворившись перед Клавдием, что она просто принимает меры для спасения его собственной жизни, поскольку оракул пригрозил "мужу Мессалины" ранней смертью. Нарцисс, наконец, раскрыл Клавдию истинные намерения женщины и добился разрешения взять на себя командование стражей на один день. В тот день Мессалина была арестована и казнена.

Но для Клавдия нужно найти другую жену. Агриппина, сестра Калигулы, которая стремилась занять высокое положение для своего сына Нерона, которому тогда было всего одиннадцать, имела наглость предложить себя Палладе в качестве подходящей супруги, хотя и была племянницей императора. Клавдий согласился, и Сенат был вынужден принять декрет, объявляющий добродетельным то, что до сих пор считалось грехом. Теперь ее единственной целью было обеспечить престолонаследие своему сыну, отдав предпочтение собственному сыну Клавдия Британику. Она вызвала Сенеку — некогда выдающегося учителя Рима — из ссылки, чтобы дать образование своему сыну, она обручила Нерона с Октавией, дочерью Клавдия, и добилась, чтобы ему дали проконсула империи, когда ему было всего тринадцать лет. Два года спустя состоялась свадьба, а в 54 году Клавдий умер, очевидно, отравленный, чтобы освободить место для мальчика, который теперь был готов взойти на трон. Нерон был представлен своими спонсорами не Сенату, а преторианской когорте. Здесь его провозгласили императором, и он выплатил ожидаемое пожертвование. Сенат волей-неволей согласился с этим выбором и добавил ему такие императорские полномочия, какими он еще не был наделен в детстве.

Нерон, 54-68год н.э. Правление нерона началось, как теперь стало принято, с отзыва изгнанников, политической амнистии, заверений в том, что права сената будут соблюдаться, множества игр и фестивалей и всеобщего ликования по поводу ухода еще одного тирана. Обещания Нерона Сенату были изложены в тщательно сформулированных параграфах, написанных бывшим наставником Нерона Сенекой, который теперь в качестве ближайшего советника по государственным делам стал практически премьер-министром. Риму повезло, что Нерону попался советник с

высокими принципами и широкими взглядами на государство, поскольку молодой правитель казался впечатлительным и стремился следовать его наставлениям. Сенека также оказал свое влияние, сохранив на посту префекта преторианской когорты и главы армии Афрания Бурра, сурового и честного солдата, который выбирал честных людей на высокие военные посты и лояльно поддерживал политику Сенеки. Так закончилась эпоха правления вольноотпущенников. Однако полному восстановлению Сенатом его доли в правительстве помешал сам Сенат, поскольку, избранный императорами, которые почитали только подвластных, он состоял из бесхребетных людей, которые никогда не осмеливались голосовать по какому-либо вопросу, не добившись предварительно выражения мнения от Нерона.

Агриппина тоже создавала проблемы. Ее прихоть была законом во времена Клавдия, и она настаивала на том, чтобы так было и сейчас. Нерон, казалось, был склонен проявлять к ней уважение, [p431](#) и поскольку ее влияние разрушало все принципы справедливого правления, Сенека и Бурр поставили перед собой задачу, рискуя собственными жизнями, ослабить ее власть и научить Нерона самоутверждаться и брать на себя ответственную роль. Эта политика слишком хорошо увенчалась успехом. Импульсивный и властный темперамент молодого человека, унаследованный от таких предков, как Марк Антоний и Домиций, вскоре доказал, что ему нужна уздечка, а не шпоры, поскольку, когда Агриппина, получившая от него отпор, пригрозила использовать свое влияние в пользу Британика, Нерон приказал отравить своего возможного соперника — по крайней мере, большинство римских историков приписывали это Нерону.

Видя, что их ученик переходит все границы дозволенного, Сенека и Бурр изменили свою тактику. Как они знали, Нерон чрезмерно гордился своим умением писать стихи, играть на лире и петь. Теперь они поощряли его тщеславие в этих развлечениях, отчасти для того, чтобы выявить более гуманные качества, отчасти для того, чтобы удержать его от государственных дел, где его извращенные суждения и порывистость могли только навредить. Соответственно, политика государства в течение некоторого времени в значительной степени формировалась этими двумя людьми, и, за исключением ужасного убийства его двоюродного брата, первые пять лет правления Нерона заслужили название "золотого пятилетия", как назвал это знаток своего дела Адриан.

Следует отметить, что Сенека и Бурр оба были выходцами из провинции, Сенека - из Испании, Бурр - из Галлии, хотя, несомненно, оба были потомками италиков. Этим обстоятельством можно объяснить их интерес к империи в целом, которой Клавдий и Калигула слишком сильно пренебрегали. Клавдий фактически позволил Армении перейти из положения римского протектората под контроль Парфии. Это сделало Месопотамское государство очень опасно сильным на Востоке. Как только Рим оказался в более ответственных руках, Домиций Корбулон, очень способный полководец, был послан реорганизовать восточную армию, [p432](#) и заявить о римском сюзеренитете в Армении. Задача переформирования армии была, пожалуй, более трудной из двух, поскольку войска, расквартированные в городах Сирии, потеряли всякое представление о дисциплине в разгульной жизни. Корбулон два года муштровал армию, затем вторгся в Армению. После нескольких кампаний он

вынудил Парфию признать право Рима на коронацию короля Армении. Согласно этому положению, Тиридату, кандидату от Парфии, было разрешено царствовать.

Эта прогрессивная политика была с некоторым успехом продолжена и в Великобритании. К несчастью, пока губернатор Светоний Паулин отсутствовал, прокуратор своими суровыми требованиями довел туземцев до бунта. Боудикка (Боадицея), вождь иценов, возглавила хорошо спланированное восстание (61 год н.э.), которое разрушило римские города от Колчестера (Камулодунум) до Лондона (Лондиниум) и, как говорят, привело к гибели 70 000 римлян. Вскоре вернулся Светоний и подавил восстание, а Рим, мудро восприняв урок, отправил губернаторов с инструкциями больше применять методы примирения и меньше - меч. Возможно, стоит отметить, насколько обширной, должно быть, была эмиграция из Италии в то время, когда в провинции, столь отдаленной и захваченной всего восемнадцать лет назад, в относительно небольшом районе к северу от Темзы проживало 70 000 римлян.

Тем временем Нерон попал под влияние Пoppей Сабины, красивой и беспринципной жены Сальвия Отона. Ее муж не стал препятствием на ее пути. Она добыла для него прибыльный и-далекий губернаторский корабль "Лузитания". Однако, чтобы фактически стать императрицей, она должна была сместить Агриппину, развестись с Октавией и, возможно, лишиться власти Сенеку и Бурра. Между Агриппиной и Пoppеей началось соперничество за контроль над Нероном. Последняя, конечно, победила и вынудила Нерона пообещать ей смерть p433его матери. С любой юридической точки зрения Агриппина заслужила смерть по нескольким пунктам обвинения в государственной измене и убийстве. Но она не была убита в результате какого-либо судебного процесса. Нерон приказал вольноотпущеннику утопить ее, и когда эта попытка провалилась, она была сражена ударом кинжала по недвусмысленному приказу Нерона. Сенеку и Бурра вызвали после того, как дело было совершено, и приказали объяснить сенату, что это была казнь, проведенная в интересах государства. Они могли отказаться и уйти в отставку. Но это не только повлекло бы за собой смерть обоих, но и отдало бы все правительство в руки Нерона, или, скорее, Пoppей. Они выбрали более умеренный курс и посоветовали сенату признать казнь законной.

Октавия все еще стояла на пути. И когда Пoppей потребовала ее отстранения, Бурр мужественно настоял на том, что, если Нерон отдаст дочь Клавдия, он, "по крайней мере, вернет ей Империю, которая была ее приданым". К несчастью, Бурр умер в 62 году, и на его место был поставлен Тигеллин, человек с самым низким характером. На Пoppею и Тигеллина настойчивые доводы и предупреждения Сенеки не оказали большого влияния. В конце концов он понял, что борьба безнадежна, и удалился в частную жизнь. Затем Октавия была разведена и изгнана, и Нерон женился на Пoppее. Это вызвало такой шквал критики в Риме, что Пoppей потребовала смерти невинной женщины. Соответственно, против нее были сфабрикованы какие-то нелепые обвинения, и она была казнена (62). Сенат постановил вознести обычную благодарность богам.

Через два года после этого большая часть Рима сгорела. Когда Нерон конфисковал большую часть сожженной территории под частный парк, его, конечно, обвинили в

том, что именно он приказал разрушить город, но это обвинение, по крайней мере, кажется беспочвенным. Пожар начался за Палатином, перекинулся на переполненные лачуги Авентина как [p434](#), а также на север, на императорский дворец, затем вниз, на часть Форума, на более новые дворцовые кварталы Эсквилина и на Марсово поле, где недавно появилось много крупных "деловых кварталов", многоквартирных домов и общественных зданий. Старых деревянных домов было достаточно, чтобы перенести такой пожар при сильном ветре, а деревянные крыши все еще широко использовались даже в общественных зданиях и храмах. И даже когда бетонные стены не рухнули, было обнаружено, что мрамор, столь широко используемый в качестве облицовки в недавних зданиях, крошился от сильной жары.

Восстановительные работы были проведены эффективным образом при щедрой помощи государственной казны. Мусор собирали на баржи и сплавляли вниз по реке к болотам близ Остии. Для прокладки более широких улиц по более правильному плану были наняты геодезисты и архитекторы. Были установлены разумные ограничения в отношении материалов и предусмотрены открытые пространства, чтобы предотвратить повторение катастрофы; а поскольку улицы при расширении стали бы слишком открытыми для теплого климата Рима, Нерон предусмотрел щедрое строительство портиков вдоль фасадов магазинов. Чем можно восхищаться с меньшей готовностью, так это его конфискацией обширной территории, простиравшейся от Палатина до верхнего Эсквилина, под императорский парк. Здесь он разбил то, что мы бы назвали "итальянскими садами", с лесами, озерами, цветниками и портиками вокруг ряда дворцов. Все это называлось "Золотой дом" из-за обилия золота и всевозможных драгоценных украшений. Именно ветхий орнамент некоторых уцелевших комнат этого [дома](#) подсказал Рафаэлю идею украшения коридоров и [станций](#) Ватиканского дворца.

О пожаре вспоминают главным образом в связи с легендой о том, что Нерон приехал в Рим, чтобы посмотреть на него со своей высокой башни, распевая арии из своей собственной трагедии "Падение Трои", в то время как город горел. Независимо от того, правдива эта история или нет, [p435](#), она, по крайней мере, казалась современникам настолько соответствующей натуре Нерона, что завоевала всеобщее доверие. Более важным является тот факт, что пожар сыграл важную роль в раскрытии существования христиан самым прискорбным образом. Когда Нерона обвинили в сожжении города, его советники решили доказать его невиновность, найдя какого-нибудь виновного, который взял бы на себя обвинение. Кто-то случайно высказал предположение, что в Риме существовала своеобразная религиозная секта под названием христиане, которая свободно говорила о всеобщем холокосте, которому суждено было вскоре произойти. Некоторых из этих людей вызвали в суд и допросили. Не было найдено никаких определенных доказательств относительно пожара, но было обнаружено, что эти христиане верили, что мир в целом и вся Римская империя в частности были обречены на неминуемое разрушение в наказание за грех, что они ставили закон еврейских писаний выше римского права, что они избегали службы в римских армиях, которая предполагала труд в субботу, и что по религиозным причинам они отказывались принимать

участие в римских праздниках, и, наконец, что они отказывались признавать божественность императора. Все это ясно доказывало, что независимо от того, сожгли христиане Рим или нет, их можно было с полным основанием обвинить в "государственной измене", как этот термин применяли Калигула и Нерон. Суд мог бы осудить их за государственную измену, а впоследствии распространить сообщение о том, что они были приговорены к смертной казни по обвинению в поджоге Рима. Более того, поскольку христиане отказывались признавать божественность императора, под рукой был готовый метод для их обнаружения. Достаточно принести статую императора и заказать простое жертвоприношение. Перекрестный допрос и свидетели не требовались. Следует отметить, что римляне никогда прежде не требовали ортодоксальности в религии и не предавали смерти людей за отказ принять имперский культ. Да и сейчас это были не самые важные вопросы. Важным p436 было найти козла отпущения; христиане были "предателями", если не поджигателями, их можно было предать смерти по обвинению в оскорблении величества, и, наконец, их можно было обнаружить очень простым способом: соответственно, они служили бы непосредственной цели. Большое количество из них было быстро найдено, и, будучи в основном рабами и вольноотпущенниками, они были преданы смерти самым ужасным способом, который только могло придумать воображение Нерона. Это было первое "религиозное" преследование в истории Рима; но называть его религиозным в реальном смысле не совсем корректно. Группа, безусловно, была религиозной сектой, но случившимся стал несчастный случай, не имеющий ничего общего с вероучениями, и обвинение, по-видимому, было государственной изменой, как это трактуется не римским правом, а тиранией автократов. Несчастьем для будущего секты было то, что официальные отчеты отныне содержали общее суждение о том, что исповедание христианства было объявлено *само по себе* признанием в государственной измене, и с этого времени предвзятые судьи могли использовать этот имперский прецедент без прохождения какого-либо предварительного судебного разбирательства для установления доказательства государственной измены. И, как мы видели, обвинение в том, что человек был христианином, могло быть установлено простейшими методами без полного изучения обвинений.

Несмотря на попытки Нерона оправдаться, его подданные все еще оставались подозрительными; на самом деле жестокость его преследований вызывала только жалость к жертвам. Расточительство сокровищ в его "золотом доме", когда его народ страдал от нужды, а государственная казна была пуста, сыграло не в его пользу. Новых конфискаций имущества и дополнительных налогов оказалось недостаточно, чтобы покрыть счета. Неро следовательно угостился путем обесценивания монет, которые он издал, Редуинститутом вес денария около 15 процентов и смешивания в небольшой монетки около 10 процентов дешевый сплав. Таким образом, оказывается, что он оплачивал свои контракты и службу в армии монетами, которые вскоре принесли бы их будущим владельцам p437 лишь 75 процентов от того, что приносили стандартные монеты. Это был трюк, который более поздние императоры не преминули усовершенствовать, пока по прошествии

двух столетий динарий не стал стоить всего лишь одну-пятидесятую часть монеты Августа.

Неудивительно, что Рим был полон слухов о заговоре. Неудачный заговор в 65 году, возглавляемый сенатором из старинного рода Пизонов, привел ко многим смертям. На самом деле это было плохо организовано и слишком открыто обсуждалось, чтобы добиться успеха, и когда Тигеллин начал свою охоту за жертвами, он обнаружил орду трусливых членов, которые были готовы предать своих товарищей в надежде на неприкосновенность. Похоже, единственной лояльной участницей, отказавшейся давать показания под пытками, была греческая блудница по имени Эпихарис, которая скорее задушила себя, чем предала оказанное ей доверие. Среди павших были поэт Лукан, племянник Сенеки, и отец Лукана, Анней Мела. Сенека, хотя и казался невиновным, также был замешан Поппеей, которая все еще ненавидела его. Получив приказ умереть, он вскрыл себе вены, и его жена Паулина последовала его примеру, хотя ее спасли до того, как наступила смерть. Также Петронию, автору блестящего романа, из которого мы процитировали несколько фраз выше, было приказано умереть, хотя доказательств его участия в заговоре не было. Составив подробный список преступлений Нерона в том виде, в каком он их знал, он отправил его императору и, пригласив своих друзей на банкет, в последний вечер позволил себе пошутить, пока кровь медленно текла из его запястья. Суровый и независимый Тразей вряд ли стал бы общаться с настоящими заговорщиками, большинство из которых он презирал, но Нерон устал от своего отказа участвовать в подобострастии Сенату. Соранус и его дочь Сервилия пострадали в то же время. Но такие преследования только превратили холодную философию в религию, и секта приобрела много новых приверженцев.

р438 В следующем году Нерон обратился к менее вредным развлечениям. В течение нескольких лет он устраивал частные выставки своей игры и пения. Теперь он потряс город, появившись на публике и пригласив на концерт весь Рим. И поскольку концерт показался ему успешным, он отправился в Грецию, чтобы получить поэтические призы во всех старых центрах культуры. Конечно, он занял все призовые места, и это так понравилось ему, что на Истмийских играх он провозгласил "свободу греков", как это сделал Фламинин более двух столетий назад. Ахайя больше не была провинцией, дань Риму была отменена, и города Греции на некоторое время стали независимыми государствами.

Примерно в это же время в Иудее вспыхнуло серьезное восстание. Причин было много. Евреи оказались в тяжелом положении, поскольку им приходилось не только платить регулярную римскую дань, но и десятину своим священникам и что—то в поддержку царя - род Ирода был восстановлен Калигулой. Более того, и римские прокураторы, и цари поддерживали более либеральную саддукейскую знать, потому что она симпатизировала эллинистическим обычаям, в то время как фарисеи строго придерживались еврейских обычаев и постоянно говорили о независимости. Столкновение произошло, когда Нерон решил, что еврейское меньшинство Кесарии (резиденции римского прокуратора) не должно принимать участия в управлении этим городом. Последовал бунт, в ходе которого греки города вырезали евреев — как говорят, 20 000 человек. Евреи Иерусалима ответили убийством греков и

римлян, включая римский гарнизон Иерусалима. Вскоре беспорядки между евреями и язычниками вспыхнули в Дамаске, Александрии и ряде других городов. **Легат** Сирии был послан для наведения порядка в Иерусалиме, но был быстро разбит армией zelотов. В 67 году Флавий Веспасиан, испытанный офицер, был назначен командующим армией численностью в 50 000 человек. Через год он вернул себе Галилею и морское побережье, а затем приступил к захвату Иерусалима, отрезав Самарию и **p439**территорию Трансиордании. Он был близок к тому, чтобы осадить сам Иерусалим, когда смерть Нерона призвала его к другой задаче.

Отсутствие Нерона в Греции дало возможность возобновить заговоры против его жизни дома. Между Римом и различными армиями постоянно курсировали тайные гонцы. Нерона предупредили, что он должен вернуться домой. По обвинениям, о которых у нас нет никакой информации, он приказал казнить трех своих лучших генералов, Корбуло, который хорошо служил государству на Востоке, и двух командующих рейнскими армиями. Вскоре после своего возвращения в Рим Нерон узнал, что Юлий Виндекс, ныне офицер в Галлии, хотя и был сыном кельта, поднял восстание в Галлии и что Гальба, проконсул Испании, присоединился к движению. Сначала кажется, что заговор был составлен только против Нерона, но после того, как к нему присоединилось очень много галлов, он постепенно превратился в сепаратистское движение, направленное на завоевание полной независимости Галлии. Когда настал этот черед, Вергиний Руф, командующий Верхней Германией, почувствовал, что верность государству - его первейший долг, и, хотя его собственные войска предлагали ему римский трон, если он присоединится к заговору, он не только отказался, но и подавил галльское восстание. Однако Гальба, хотя ему было 73 года, продолжал собирать силы для нападения на Рим. Нерон, который мог бы легко защититься от небольшой испанской армии, полностью потерял контроль над ситуацией и над самим собой. Он ушел в подполье, тем самым потеряв уважение своих последователей, которые чувствовали, что их собственная участь предрешена, если только их лидер не отстоит свою собственную позицию. Сенат увидел в этом благоприятную возможность, поспешно собрался и приговорил труса к смерти. Узнав об этом указе, он попытался покончить с собой, но у него не хватило смелости нанести удар, и в конце концов вольноотпущенник отправил его на тот свет по его собственному приказу. Тогда ему был 31 год, и он правил четырнадцать **440**лет. В последние годы этого короткого периода он снискал такую славу своей тупой жестокостью, что история поставила его в один ряд с такими тиранами, как Ричард Третий и Филипп Второй; но ему недоставало физического мужества первого, как и пагубной энергии второго. Нерон не был простой случайностью. Он был представительным потомком таких беспринципных дворян, которые могли выжить у власти благодаря своеобразным избирательным процессам, установленным автократией. И самым сильным обвинением против Юлия Цезаря было то, что его работа и пример были непосредственно направлены на создание мира, в котором наиболее приспособленными к выживанию были такие люди, как Калигула, Клавдий и Нерон.

Год гражданских войн: Гальба, Отон, Вителлий; 68-69гг. н.э. К тому времени прошло около тридцати лет безответственной тирании, которая практически

сокрушила Рим и сделала его готовым к любой форме подчинения. Но армии, провинции и их губернаторы не были полностью разгромлены. Известие о смерти Нерона вселило надежды в пограничных офицеров в нескольких провинциях, но из-за отсутствия средств быстрой связи планы, составленные в отдаленных провинциях, с большой вероятностью не могли быть согласованы. У каждой провинциальной армии было время принять свое собственное решение и выступить в направлении Рима, прежде чем пришли известия о том, что делается в других местах. Сенат сразу же признал Гальбу императором, но еще до того, как об этом стало общеизвестно, **легаты** Нумидии и нижней Германии решили заявить свои права на трон. Гальба казнил первого, последний был предан смерти своими собственными офицерами. Вскоре Гальба действительно показал себя неудовлетворительно. Считая необходимым быть твердым и действовать энергично, он приказал казнить нескольких сенаторов за то, что они оказывали поддержку его соперникам: рейнские легионы также не любили его за то, что он поддержал Виндекса, которого они считали предателем Рима. Он не удовлетворял население жертвоприношениями и не сдерживал своих несколько властных друзей, и когда, наконец, он выбрал Пизона своим наследником, человека, не претендовавшего на опыт в государственных делах **p441**, он тем самым оскорбил Отону, который первым заявил о своей поддержке Гальбы. Соответственно, восстание вспыхнуло почти одновременно в Риме и на Рейне. В Риме агенты Отону обеспечили присоединение преторианских когорт, которые убили Гальбу.

Затем Сенат предпринял то, что казалось разумным, и передал Отону имперские полномочия. Однако на Рейне войска Нижней провинции за две недели до этого приветствовали своего командующего Авла Вителлия как императора. Он был их командующим всего несколько недель и произвел хорошее впечатление. Ни один из них не подходил для этой должности. Отон проявил свои качества, когда принял Лузитанию от Нерона в обмен на Поппею; Вителлий, рекомендованный главным образом тем фактом, что он был сыном очень выдающегося отца, был слишком ленив даже для того, чтобы повести свои верные войска в надвигающийся конфликт. Именно его способные офицеры, Цецина и Валент, повели легионы в Италию. Противоборствующие силы встретились у Кремоны всего через три месяца после восшествия на престол Отону. Полководцы Вителлия выиграли отчаянную битву, и Отон покончил с собой.

Однако Вителлий, приветливый, ленивый и экстравагантный, был далек от того положения, в которое его поставили. Муциан, наместник Сирии, знавший, что неудача неминуема, убедил Флавия Веспасиана, которого он очень уважал, претендовать на этот пост. Все губернаторы восточных провинций, включая префекта Египта, людей, хорошо знавших отважного полководца, выступили в его поддержку, и Муциан вызвался повести войска в Италию, оставив Тита, сына Веспасиана, продолжать осаду Иерусалима. Как только распространилась весть об этом восстании, дунайские легионы признали Веспасиана и под командованием Антония Прима, подчиненного офицера, отправились разгромить Вителлия до того, как войска Веспасиана смогут прибыть. По всей видимости, это был **p442** безрассудный поступок, поскольку с Вителлием все еще была основная часть

победоносной рейнской армии. Но Цецина, его военачальник, встал на сторону врага, и хотя ему не удалось предать свою армию, его легионы остались без командира, когда началось сражение. Противоборствующие армии снова встретились у Кремоны, и жажда битвы была такова, что, хотя они встретились ночью, после нескольких дней форсированного марша, они, тем не менее, бросились друг на друга и сражались всю ту ночь при свете луны. Рассказывают странные истории о том, как они останавливались, когда из-за облака становилось слишком темно для сражения, как затем они переговаривались через линию фронта, приносили еду, которой делились друг с другом, а затем возвращались в бой. На рассвете армия Флавиев разгромила врага, ворвалась в Кремону и грабила и жгла до полного изнеможения. Это было естественным следствием создания армий, в основном состоящих из варварских войск.

Антоний Примус теперь предложил Вителлию условия мира, но пока Вителлий медленно вел переговоры, не в силах, по-видимому, прийти к решению, его собственная гвардия в Риме напала на Сабина, брата Веспасиана, который представлял Флавиев, взяла штурмом Капитолий, сожгла храм Юпитера и казнила Сабина. Затем Антоний напал на Рим, прорвал стены и с боями прокладывал себе путь от улицы к улице до Палатина. Варварские когорты вели себя так же, как при Кремоне. Вителлий был убит, и, как говорят, погибло пятьдесят тысяч римлян. Однако вскоре прибыл Муциан со своей восточной армией и установил порядок. Жаль, что ему предшествовал Антоний. Сенат предоставил Веспасиану все обычные полномочия. По счастливой случайности, сохранился первоначальный отчет о **консультативном сенате**. Это знаменитая надпись, которую Кола ди Риенци показал римлянам тринадцать столетий спустя, чтобы с помощью ее терминов доказать, что даже в имперские времена римский народ был сувереном **p443** и по свободному выбору избирал своих императоров. Это, вероятно, позабавило бы Веспасиана, если бы ему сказали, что это голосование, проведенное по принуждению перепуганных сенаторов, позже послужит доказательством такого аргумента. Вскоре после этого прибыл Веспасиан собственной персоной. Рим наконец-то нашел преемника, достойного Августа.

Примечание Тайера:

^a Сегодня существует общее мнение, что на самом деле никакого моста не существовало, а, вероятно, представлял собой лишь серию коротких пешеходных дорожек; Ланчани излагает подробности в *Языческом и христианском Риме*, стр. 101-102. Смотрите также, более уклончиво, *Топографический словарь Древнего Рима* Платнера и Эшби, С.В. ПОНС КАЛИГУЛА.

Глава XXIV

Период Флавиев

Веспасиан, 69-79н.э. Т. Флавий Веспасиан был человеком решительным и энергичным, быстро принимавшим решения и обладавшим большим опытом в практических делах. Эти качества были сейчас необходимы, поскольку он обнаружил, что армии деморализованы, доверие к правительству среди жителей провинций исчезает, Рим в бедственном положении, казна пуста, война в Палестине и опустошительный мятеж на Рейне. Осада Иерусалима была возложена на Тита и его шесть легионов, осада, которая закончилась ужасной гибелью человечества. Если бы евреи смогли объединиться в общей политике, город вполне мог бы быть спасен, поскольку Тит снова и снова предлагал им разумные условия. Но в городе было несколько лидеров, каждый из которых завидовал другим, каждый держал под своим контролем одну часть города. Более того, фанатичное крестьянское население, признавшее приказы экстремиста Джона из Гискалы, к сожалению, в подавляющем количестве заполнило город еще до начала осады. Эти фанатики, которые и слышать не хотели ни о каких компромиссах, предали смерти лидеров умеренных фракций и держались до победного конца. Титуса, однако, справедливо обвиняют в том, что он настойчиво продвигал атаку ценой ненужных жизней, когда было ясно, что в городе больше населения, чем он может прокормить. Он мог бы заставить город подчиниться голодом, но очевидно, что он был не прочь купить воинскую славу ценой крови. В течение нескольких месяцев продолжались непрекращающиеся атаки, стену за стеной приходилось проламывать, и в каждом случае частичная победа заканчивалась разграблением части города. В конце концов верхняя часть горы Сион была истощена голодом, и Иерусалим пал. В целом, говорится [на стр. 445](#), что за шесть месяцев погибло миллион человек, а сто тысяч были проданы в рабство. Еврейскому государству пришел конец, Иерусалим превратился в руины, и римский десятый легион разбил свой лагерь на разрушенном месте. [Триумфальную арку Тита](#) в память о победе все еще можно увидеть в верхней части Римского форума.

Великое восстание на Рейне не было столь же катастрофическим, но оно более серьезно угрожало интересам Рима. Своевольный Антоний Примус был в немалой степени виноват в этом, как и в разграблении Кремоны и Рима. Веспасиан действительно был мало обязан ему благодарностью. Антоний, наступая на Кремону, написал необдуманные письма не только легионам на Рейне, но и батавским, германским и галльским вспомогательным войскам, призывая их восстать против Вителлия в пользу Веспасиана. Легионы вряд ли прислушались бы к такой просьбе, поскольку Вителлий впервые был возвышен их одобрением, но вспомогательные войска варваров часто были в плохих отношениях со своими соратниками в легионах. Когда Антоний посылал им специальный запрос, он, должно быть, знал, что провоцирует мятеж очень опасного рода, тем более что большая часть регулярной рейнской армии последовала за Вителлием в Рим, таким

образом, оставив границу сильно уязвимой. Именно Юлий Цивилис, батавский дворянин, до недавнего времени офицер римской армии, максимально воспользовался этой возможностью. Он не только убедил 8000 батавских вспомогательных войск объявить себя сторонниками Веспасиана, но и призвал все близлежащие батавские и германские племена сделать то же самое. С самого начала он, по-видимому, втайне планировал использовать свои силы в конечном итоге не в интересах Веспасиана, а для завоевания независимости от римлян. Батавские когорты покинули римские лагеря и проложили себе путь к Цивилису, таким образом предоставив ему респектабельную армию, обученную римской тактике. Он сразу же осадил самый северный гарнизон римлян в Ветере (Ксантен), якобы сражавшийся на стороне Веспасиана. p446Но случилось так, что как раз тогда пришло известие о поражении Вителлия при Кремоне, и римские легионы, как само собой разумеющееся, объявили себя также сторонниками Веспасиана. Теперь Цивилису следовало сложить оружие и заключить мир. Но, как подозревали римляне, ему было наплевать на Веспасиана. Он наносил свои удары с еще большей энергией, потому что знал, что его противники были обескуражены падением своего императора в Риме. Римский командующий в Галлии сменил Ветеру после отчаянной битвы, но был вынужден из-за дезертирства многих галлов отступить в штаб-квартиру в Новезиуме. И вот наступил последний позор для римского оружия, когда сами римские легионеры подняли мятеж и убили Флакка, -главнокомандующего рейнской армией. Вскоре по Галлии распространилась весть о смерти Вителлия и сожжении капитолийского храма. Жрецы-друиды торжественно провозгласили, что это пророчество о падении Рима. Трое галльских аристократов, все прошедшие подготовку в римских армиях — Юлий Классик и Юлий Тотор из племени треверов и Юлий Сабин из лингонов — призвали галлов отстаивать свою независимость. Несколько племен откликнулись, основав "Империю галлов", и четыре римских легиона, полностью окруженные врагом, принесли присягу на верность этому мятежному государству. Однако теперь, когда римлянам казалось, что весь Север потерян, слабость врага стала очевидной. Во-первых, Цивилис со своими батавами и германцами отказался сотрудничать с галлами, опасаясь, что они попадут под галльское правление, в то время как галльские племена также начали распадаться, каждое из которых опасалось, что кто-то другой станет доминирующим членом "Империи". Теперь проявилась та же племенная зависть, которая так эффективно помогла Юлию Цезарю в его завоевании Галлии.

К этому времени Рим снова был полностью под контролем, и Веспасиан послал своего верного друга Церялиса с шестью легионами подавить восстание. Сначала он напал на треверы и p447лингонов, которых покинули их собратья, затем он разбил германские племена под командованием Цивилиса при Ветере, последовал за ними в нескольких сражениях за Рейном и вынудил их заключить мир. Галлы и германцы были восстановлены в их прежнем состоянии без дополнительных поборов, но их военным когортам больше не разрешалось оставаться сгруппированными для несения гарнизонной службы рядом с домом и под командованием их собственных офицеров. Фактически, Веспасиан применил ко

всем армиям урок, извлеченный в ходе этого восстания. Отныне вспомогательные когорты отправлялись служить в армии вдали от дома, и ими командовали офицеры, набранные из Италии. Взбунтовавшиеся легионеры были уволены с позором и без обычных "премиальных".

В то время как эти войны разрешались способом, продемонстрировавшим всему миру, что у Рима снова появилось ответственное правительство, Веспасиан был занят дома, поддерживая Рим и империю на стабильной основе. Он был прежде всего деловым человеком, фактически единственным сильным организатором, которого деловые круги Рима когда-либо выдвигали на высокие должности. Его дед был ростовщиком в стране Сабин, а его отец, поначалу трактирщик — причем честный, — провел свои последние дни в качестве ростовщика в Швейцарии. Молодой человек пошел на государственную службу по настоянию своей матери — она, кажется, была из лучшей семьи, — но мужчины всегда находили в нем черты добытчика денег. Риму это казалось чем-то вроде позора, но мнение Рима было очень консервативным. Веспасиану были присущи честность, уважение к правам собственности, вера в надежные национальные финансы, чего римская знать слишком часто не могла понять. Такое неуважение к элементарным принципам ведения бизнеса, позволившее аристократам времен Юлия Клавдия растрачивать государственные средства до тех пор, пока они не были вынуждены конфисковать частную собственность, чтобы сбалансировать свои бухгалтерские книги, могло быть признаком аристократизма, но это не делало его королевской добродетелью. Также нельзя с уверенностью сказать, [p448](#), что его бизнес-образование заставило Веспасиана пренебрежительно относиться к лучшим вещам. Именно этот отпрыск деловых людей — был первым правителем Рима, который учредил государственные учебные заведения и назначил установленные пенсии художникам и литераторам.

Потребность в финансовой реорганизации была велика. Изучив отчеты казначейства, Веспасиан сделал заявление, что потребуется около двух миллиардов долларов, чтобы поставить государство на прочную финансовую основу. Тогда это была ошеломляющая сумма, и, конечно, она так и не была обеспечена. Он справлялся с гораздо меньшим, но он также был вынужден сократить армию до опасного уровня и, вероятно, воздержался от многих общественных улучшений, которые, как он знал, были необходимы. Он должен был погасить задолженность по солдатскому жалованью, он должен был укрепить военно-морской флот, особенно на Рейне и Дунае, он должен был строить дороги, особенно военные. Его работа в дорожном строительстве была особенно замечательной, и он выполнил ее со скудными средствами, только прибегнув к непопулярному способу использования для этого незанятых легионов. Мы находим его вехи глубоко в песчаных просторах Африки, вдоль германской и австрийской границ, в горах Испании и далеко на верхней границе Армении, не говоря уже о дорогах, построенных и отремонтированных в ближайших провинциях. Большую часть Рима пришлось перестраивать, и он несколько вышел за рамки насущных потребностей, пристроив Храм мира на северной стороне Форума и, уничтожив парк Нерона, построив огромный амфитеатр (Колизей) на месте озера Нерона. Его сыну Титу было

разрешено превратить часть "Золотого дома" в большую общественную игровую площадку с бесплатными ваннами.

Стремление к надежному балансу казначейства, конечно, не принесло ему популярности. Он разозлил многих, восстановив тарифы Августа и налоги с продаж, которые были отменены Нероном и Гальбой. Он проверил все права собственности на государственную собственность и, таким образом, смог приобрести для продажи p449множество участков, перешедших в частное пользование. Он ввел множество мелких налогов, так что Тит был вынужден заметить, что их деньги были испорчены. В ответ Веспасиан достал из кармана монету и спросил сына, не чувствует ли он на ней какого-нибудь запаха,^{что} придало смысл выражению, которое, конечно, используется до сих пор. Провинции пострадали, возможно, неоправданно, поскольку Веспасиан не только увеличил дань везде, где это было возможно, но и удалил большинство восточных князей-клиентов, сделав народы таких государств прямыми данниками Рима. Действительно, он снова превратил Грецию в провинцию, платящую дань, заявив — несомненно, не без оснований, — что греки больше не знают, как пользоваться свободой. И он также создал провинции Ликию и Памфилию, где выносливые горцы так долго пользовались неприкосновенностью. Но он также понес свою долю жертв. Он отказался от использования большинства дворцов Нерона, поскольку это было слишком дорого, и ограничился очень скромным домом на Эсквилине. Там он жил скромно, как частное лицо, держа дом открытым для всех посетителей. Дорогостоящие и вороватые вольноотпущенники также были изгнаны с высших постов, и его сын Титус служил у него секретарем, занимая должность практически государственного секретаря.

Получив глубокие знания об имперских делах во время службы в армии в Британии, Галлии и Сирии, Веспасиан проявил особое мастерство в организации провинций, их границ и армий. Для Британии он выбрал отличных губернаторов: Цериалиса, который подавил восстание Цивилиса; Фронтину, чьи поучительные книги о стратегии и о римском департаменте водоснабжения до сих пор у нас есть; и Агриколу, тестя Тацита, зятя. Эти люди предусмотрительным продвижением вперед открыли границу с южной Шотландией. К Испании относились как к почти готовому к гражданству кораблю. Он предоставил всем городским общинам провинции jus Latii, и у нас до сих пор сохранились фрагменты двух городских хартий (Малаги и Сальпенсы), данных его сыном в соответствии с этим грантом. p450Эта мера сразу же сделала римскими гражданами всех ежегодных городских магистратов и всех их потомков.

Как мы видели, В Галлии Веспасиан полностью реорганизовал армию, и для того, чтобы напрямую соединить границу по Рейну с границей по Дунаю, он захватил провинцию верхний Баден, проложив военную дорогу на восток от Страсбурга до Неккара и далее до Дуная. Характерным для фискальной политики императора было то, что он объявил этот новый регион имперским владением и заселил его арендаторами, платившими десятину. Дорога через Шварцвальд позволила в будущем перебросить войска с Рейна на Дунай и наоборот, и, следовательно, он считал возможным сократить численность постоянных армий по всему фронту.

Дунайский фронт также привлек внимание. Если бы Веспасиан только знал, какое брожение среди кочевников уже началось далеко на Востоке и Севере, он применил бы здесь весь свой богатый военный опыт. Конечно, маркоманны и квады, которые граничили с Рекой, когда она огибала провинции Реция, Норик и Паннония, обещали быть дружелюбными, но даки и сарматы, жившие (в Румынии) против Мезии, уже показали, чего от них можно ожидать, когда, воспользовавшись гражданской войной, они переправились через Дунай в 69 году, и Муциану пришлось свернуть со своего пути, чтобы оттеснить их. Даки были фракийским племенем, которое долгое время жило к западу от Черного моря, не причиняя особых проблем, поскольку, за исключением дней Августа, когда Гораций неоднократно упоминает их как опасность, они разбились на фракции, которые эффективно сдерживали друг друга. Теперь находчивый принц Децебал объединял их в могущественный народ, объединившийся под давлением сарматов. Сарматы были очень многочисленным иранским племенем кочевников, родственным древним персам, и медленно продвигались на запад через степи России. Они **p451**очень важны для истории, поскольку именно от них готы позже унаследовали большую часть своей культуры, и их группы, называемые аланами, в конечном итоге объединились с готами в набегах на большую часть южной Европы. Они говорили на восточном диалекте индоевропейского языка и, по-видимому, жили при матриархальных институтах; действительно, их женщины одевались как мужчины и шли на битву вместе с ними. Вполне вероятно, что старые истории об амазонках восходят к членам этого племени. Два племени этих восточных народов теперь подошли к Дунаю: язиги, жившие в Венгрии, к западу от даков, и роксоланы, которые продвигались вдоль западного берега Черного моря. Опасность для Рима со стороны всех этих людей заключалась в том факте, что гунны вскоре двинулись на запад с дальнего Востока, в то время как германские племена начали продвигаться от Балтийского моря к Черному. Легко видеть, что даки и сарматы рано или поздно должны были перебросить мост через Дунай, если хотели выжить.

В то время римляне мало что знали об этих странствиях. Веспасиан, уловив намек на небольшое движение в 69 году, внес одно важное изменение на северо-восточной границе. Он оставил внутренний гарнизон на Драве и отправил легионы в сильные форты на Дунае, один в Вене (Виндобона), один в Карнунтуме, два в районе Белграда и два ближе к устью Дуная. Затем он усилил Дунайскую флотилию, которая должна была соединять эти станции и патрулировать реку в опасных местах. На самой восточной оконечности империи он помогал защищать северную границу протектората Армения, помогая в строительстве городских стен вдоль Кавказа, где другие сарматские племена угрожали прорваться.

Краткий обзор позиций легионов, размещенных Веспасианом, даст некоторое представление о том, где, по мнению хорошо информированного генерала, находились критические точки империи **p452**. Составить полный и абсолютно достоверный список невозможно, но следующий, по крайней мере, приблизительно правильный:

У Испании был всего один легион, нет. **VII**, называемый **Геминий**.

У Британии было три легиона: **II Augusta**; **IX**; **XX Victrix**.

Четверка Нижней Германии: II Адьютант; VI Победитель; X Гемина; XXI Рапакс.
Верхняя Германия четвертая: I Адьютант; VIII Августа; XI Клавдия; XIV Гемина.
Линия Дуная, шесть: XIII Гемина; XV Аполлинарий; I Италика; IV Флавия; V
Македоника; VII Клавдия.
Сирия третья: III Галлика; IV Скифика; VI Феррата.
Иудея первая: X Fretensis.
Вторая Каппадокия: XIII Молниеносная; XVI Флавия.
Египет второй: III Киренаика; XXII Дейотариана.
Первая Африка: III Августа. Два или три других легиона не учтены.

Легионы в то время насчитывали около 5000 человек, и при полном составе каждый из них делился на десять когорт и подразделялся на 60 центурий. К каждому было прикреплено 120 всадников, разделенных на четыре турмы, и в качестве дополнительной помощи одна или обычно несколько когорт не-гражданских вспомогательных сил, когорта в полном составе состояла из 1000 человек. Аналогичным образом, в каждом легионе имелся один или несколько отрядов кавалерии-из неграждан мужчин, которые при комплектовании состояли из 24 турм по 40 человек в каждом, что составляло 960 лошадей на каждый отряд.... Эти вспомогательные войска составляли легковооруженные силы армии, и их численность во многом зависела от того, какой вид и численность легковооруженных сил были необходимы для ведения боевых действий, которые должны были вестись в той или иной провинции.

Легионеры, конечно, были гражданами, тогда как вспомогательные войска были провинциальными жителями, которые получали гражданство только по истечении полного срока службы — во времена Веспасиана через двадцать лет. Но мы не должны предполагать, что даже большинство легионеров были набраны из граждан муниципалитетов. Как следует из названий некоторых легионов, члены r453 были в значительной степени завербованы везде, где их можно было найти в провинциях, и получили гражданство в день зачисления. Действительно, Веспасиан, похоже, полностью запретил вербовку в Италии, за исключением преторианской гвардии и когорт добровольцев для использования в особых кризисных ситуациях. Возможно, у него были для этого экономические или патриотические причины, но позже это оказалось опасным, когда армии, полностью состоящие из провинциалов, поддались искушению поддержать оружием притязания другого провинциала на трон. Однако этой опасности можно было бы избежать, если бы более поздние императоры последовали прецеденту Веспасиана, разделив национальные группы на широко разбросанные когорты и разместив солдат в целом где-нибудь еще, а не вблизи их родной страны.

Веспасиан правил немногим более десяти лет. Как мы видели, он был слишком требовательным и твердым, чтобы быть популярным правителем. Выдвигались обвинения в том, что жадность привела его даже к нечестности, но достоверных доказательств этому нет. Строгий взыскатель налогов не мог избежать обвинения в

жадности, и у нас есть достаточно доказательств того, что доходы империи росли очень далеко. Обвинения в жестокости, возможно, имеют под собой больше оснований, поскольку Гельвидий Приск, философ-стоик, был изгнан им за свою постоянную критику. В конце концов Приск был казнен, хотя Веспасиана, вероятно, нельзя считать виновным в приказе о казни. В оправдание Веспасиана следует сказать, что Приск основывал свою критику главным образом на том основании, что ему не было позволено отомстить доносчику, причинившему зло ему и его семье. Возможно, отчасти непопулярность Веспасиана была вызвана его привычкой приходить на работу до восхода солнца и настаивать на том, чтобы руководители его отделов были за своими столами в один и тот же час. Ему, безусловно, удалось добиться успеха себе и им, проделав огромный объем работы за десять лет.

Нам кажется несколько странным, что Веспасиан поощрял акты поклонения императору. Наверное, он заботился не капельки фарс постольку, поскольку он применяется p454к себе, ибо он демократичен донельзя, в свою общается с мужчинами, и, когда на грани смерти он шутовским жестом намекнул, чтобы культ, заметив сухо: "я боюсь, я превращаюсь в божественности." Чувство юмора действительно редко покидало его. Но это правда, что императорский культ теперь стал реальной патриотической силой во всех частях империи, и Веспасиан пробыл на Востоке достаточно долго, чтобы знать, что лояльность империи, выраженная в терминах преданности божеству, легче всего воспринимается многими подданными. Поэтому он не сделал ничего, чтобы воспрепятствовать этому.

Ему было почти семьдесят, когда он смертельно заболел. Со стороны его последние слова могли бы показаться претенциозными, но они кажутся достаточно подходящими для этого воплощения энергии. Почувствовав близость смерти, он поднялся со своей постели, сказав: "Император должен умереть стоя", - и упал замертво.

Тит, 79-81н.э. При известии о его смерти по всей стране разразилась великая-радость, ибо Тит, добродушный и расточительный, должен был стать преемником своего отца. На самом деле сын в течение нескольких лет сглаживал трудный путь отца своим неизменным обаянием и изысканными манерами. Рим любил его, и он отплатил Риму тем, что сделал все, чего от него ожидали, вплоть до отказа жениться на Беренике, своей нареченной и любовнице, потому что как принцесса идумейского дома она не подходила Риму по духу. Мы не можем сказать, каким правителем стал бы Тит, поскольку он умер через два года, но его жадность до похвал, его готовность угодить всем, его готовность потратить сто дней на игры на открытии Колизея вряд ли можно считать многообещающими. Светоний называет его deliciae generis humani, "любимцем всего человечества", но человечество проявило недалекость, оценив подобные качества в Калигуле и Нероне.

Единственным событием правления Тита, которое надолго запомнилось, было извержение Везувия в 79 году, похоронившее Геркуланум под лавой, а Помпеи под слоем пепла. p455было подсчитано, что в то время более 50 000 человек потеряли все свое имущество и еще многие серьезно пострадали; но большая часть из них спаслась живыми, поскольку землетрясения и обильные осадки пепла продолжались

в течение нескольких часов, прежде чем опустилась волна ядовитых паров, которая унесла жизни тех, кто пытался выбраться.

Домициан, 81-96н.э. Веспасиан никогда не оставлял сомнений в том, что он основывает династию. Он открыто заявил, что его сыновья или никто другой не должны стать его преемниками, и с 71 года он связывал Тита с собой, добившись для него от Сената как трибунской, так и проконсулской власти. На позицию Домициана как потенциального преемника также указывало его неоднократное назначение консулом при жизни Веспасиана. Но ни отец, ни брат не наделили его особыми императорскими полномочиями, и ни тот, ни другой никогда не разрешали ему занимать какой-либо высокий пост в армии, хотя он искренне умолял об этом. На самом деле ему не доверяли из-за ненадежного и порывистого темперамента, и вполне вероятно, что если бы у Тита был сын, как он желал, он постарался бы обеспечить престолонаследие своему сыну, а не брату. И у Тита, и у Домициана, столь непохожих на своего сурового отца-сабинянина, похоже, была зараза в крови. На самом деле говорили, что их мать не была-гражданкой Этрурии, женщиной с чисто "латинскими" правами, когда Веспасиан женился на ней. Трудно понять, что это значит, если только не то, что она была потомком этрусков, которых Сулла понизил до "латинского" статуса за поддержку Мария.¹ Такое наследие могло бы объяснить странную смесь религиозности и похотливости, жажды крови и любви к красоте в Домициане.

Домициан пришел к власти в 81 году, когда ему было почти тридцать лет. После смерти своего брата он предстал перед преторианской гвардией, прежде чем отправиться в 456Сенат, что столь же знаменательно для бессилия сената, сколь и для намеченного курса Домициана. Фактически, когда Сенат попросил его принести клятву, что он не предаст смерти ни одного сенатора — клятву, которая должна была обеспечить признание его иммунитета от имперской юрисдикции и, следовательно, его положения в двоевластии, — он просто отказался. На самом деле у него не было намерения обращаться с Сенатом как с равным. Он намеревался быть единоличным правителем, и прошло совсем немного времени, прежде чем он запросил и получил должность пожизненного цензора - должность, с помощью которой он мог добавлять к Сенату и вычитать из него по своему усмотрению. Он был первым из императоров, который добавил эту функцию к имперским полномочиям в качестве постоянной и существенной части этих полномочий. Именно своим автократическим поведением по отношению к Сенату он вызвал самую яростную оппозицию себе и подтолкнул наиболее упрямых членов Сената к сопротивлению, которое обычно заканчивалось их смертью по обвинению в государственной измене; и именно из-за критики, вызванной такими действиями, сенаторские писатели того времени, такие люди, как Тацит и Плиний, сочли невозможным честно написать даже о его поведении в имперских делах. Для них он казался просто тираном и дураком. Для нас, кто может заглянуть за пределы Римского Сената в империю в целом, он действительно кажется глупо тираническим в своей политике по отношению к Сенату, но в остальном благонамеренным и трудолюбивым, хотя и импульсивным, близоруким и автократичным правителем мира, слишком большого для его способностей.

В самом начале своего правления он начал пересматривать список Сенаторов, вычеркивая членов, которых объявил негодными; и говорили, что самым решающим признаком "негодности" было проявление независимости суждений. Это начинание привело к недовольному ропоту, на который последовали указы об изгнании, а вскоре и о предоставлении услуг осведомителям, которые доставляли ему сведения о "предательских" высказываниях. Итак, **делаторес**, которых он поначалу избегал, вернулись снова. Домициан тщательно изучил жизнь и Он обнаружил множество прецедентов не только для превращения самого Сената в суд по делам о государственной измене, но и для проведения судебных процессов в присутствии императора, и он следовал обоим обычаям.

К счастью для Рима, на второй год своего правления он был отозван на германскую границу. Здесь он взялся продолжить дело своего отца, который выделил десятинные земли в регионе, ныне входящем в состав нижнего Бадена. К северу от этого района, особенно вдоль реки Майн, многие галльские поселенцы нашли себе пристанище после того, как хатты были наказаны во времена Августа. Висбаден, по сути, уже превратился в оздоровительный курорт. Теперь Домициан перевел легионы армии верхнего Рейна за реку (мы не узнаем, под каким предлогом) и, изгнав хаттов, умиротворил страну от горного хребта Таунус до Неккара. За это он был признан триумфатором и удостоен хвалебного прозвища Германик, хотя Тацит, несомненно, выражает истинное отношение сената, когда сообщает, что победа едва ли заслуживала упоминания. Прав был Тацит или нет — а он не был склонен быть справедливым в данном случае, — Домициан оставил свой след в будущей политике Рима, проведя мощную линию фортов • длиной около 120 миль, обозначив свою новую границу. Его система укреплений состояла из земляных фортов, перемежавшихся деревянными сторожевыми башнями, где могли быть выставлены передовые отряды, а за этой линией, хорошо связанной дорогами, располагался ряд больших каменных фортов, способных вместить более крупные отряды, которые могли броситься на защиту любого пункта, находящегося под угрозой. Эти "**лиманы**", как их называли, простирались от Кобленца на Рейне на восток к северу от хребта Таунус, затем на юго-восток мимо современного Франкфурта и, наконец, спускались через Вюртемберг к Дунаю. Линия, по—видимому, в это время не была построена до самого Ратисбона, но заслуга в том, что удалось практически стабилизировать границу на линиях от Рейна до Дуная - проблема **p458**Августу не удалось разгадать — похоже, это принадлежит Домициану и его инженерам.

Пока выполнялась эта работа, даки (по-видимому, в 85 году) снова переправились через Дунай и нанесли поражение и убили правителя Мезии. Домициан поспешил на место происшествия с несколькими легионами из близлежащих провинций и отбросил даков назад. Вероятно, в это время была построена римская стена, которую до сих пор можно увидеть в Добрудже. Вернувшись домой, Домициан разрешил своему полководцу Фуску предпринять карательную экспедицию во вражескую страну, но Децебал, великий дакийский царь, оказался лучшим солдатом. Фуск потерпел сокрушительное поражение при Адамклинсе, а Децебал не только взял много пленных, но и, что он ценил больше, огромное количество

боевых машин, которые он использовал в качестве образцов для создания мощной артиллерии.

Домициан сначала послал Юлиана восстановить порядок на Дунае, поскольку обнаружил, что его внимание занято казнью сенаторов, которые в его отсутствие подстрекали Антония Сатурнина, мятежного губернатора нижней Германии. (Судебные процессы по делу о государственной измене 88-го года действительно были одними из худших актов тирании в его кровавой карьере.) В 89 году, после того, как Децебал потерпел поражение от Юлиана, Домициан вернулся на Дунай и по глупости предпринял экспедицию против германцев богемских гор, знаменитых маркоманнов, под предлогом того, что они не послали контингенты в предыдущую кампанию в соответствии со своими обещаниями. Враг не горел желанием ввязываться в драку и отправил к нему послов, которых, как говорят, он вероломно убил как врагов. Домициан, возможно, с пользой прочитал римскую историю. Он переправился через Дунай, но потерпел поражение от даков и с позором был отброшен назад. Он почувствовал, что с него на некоторое время хватит войны, и, добившись выгодных условий от Децебала, заключил мир. Децебал действительно зашел так далеко, что признал сюзеренитет Рима, что было действительно много, но он также потребовал взамен — чтобы продемонстрировать независимость дома — некоторые подарки и использование p459римских инженеров, которые, конечно же, должны были обучить его армию искусству ведения войны против будущих вторжений. Домициан, возможно, добился достаточно для законного триумфа даков. И ему не было нужды упоминать о своей злополучной-экспедиции в Богемию. Но римляне не привыкли к подобным сделкам с врагами и раздаче подарков побежденным. Сенаторские писатели предпочли назвать дакийскую экспедицию также неудачной, а подарки - знаком того, что Домициан "платил дань варвару". Слухи о поражении в Богемии подтолкнули Домициана к еще одному судебному разбирательству с маркоманнами.

К сожалению, мы не получаем четких подробностей об этой экспедиции. Нам говорят, что немцам помогали сарматы. Интересно, что произошло бы, если бы левый берег Дуная удерживал однородный народ, а не смешанные германские, иранские и фракийские племена. Домициан, по-видимому, добился достаточно успеха, чтобы добиться выгодных условий, но даже он, который обычно смотрел на свои деяния сквозь призму преувеличенного тщеславия, на этот раз не осмелился претендовать на триумф. Встретить натиск, который он сейчас спровоцировал, было предоставлено лучшим людям.

Что касается остальной части границы, Агрикола все еще продолжал наступление в Британии, начатое при Веспасиане. Он действительно процветал, но Домициан не видел смысла тратить кровь и деньги на завоевание господства над северной Британией и Ирландией, в которые Агрикола хотел вторгнуться. Амбициозный полководец был мудро отозван. Римская граница фактически оставалась в Британии там, где ее оставил Домициан.

Последние годы правления Домициана не были облегчены никакими экспедициями на границу, и в результате пострадал сенат - больше всего группа стойков. Геренний Сенецион написал хвалебное жизнеописание Гельвидия Приска, Юний Рустик - о

Тразее. Обоих судили за циничные высказывания в адрес правительства, которые были истолкованы как предательство, и оба были казнены. Фанния, [p460](#)жена Тразея, была изгнана за то, что поставляла материалы обоим, и, наконец, был издан общий эдикт, изгоняющий всех философов, как эдикт, сославший Эпиктета и Диона Хризостома, двух людей, которых Рим не мог позволить себе потерять.

Церковные писатели также приписывают Домициану преследование христиан. В некотором смысле это обвинение справедливо. Флавий Клеменс, его собственный двоюродный брат, был обвинен в "неверности" и казнен, хотя Домициан уже выбрал двух сыновей Клеменса своими наследниками. Они были его ближайшими родственниками. Жена Клеменса, Флавия Домитилла, была изгнана в то же время. С этим было связано осуждение Ацилия Глабриона, члена очень древнего рода. Предполагалось, что странная религия, которую они исповедовали, возможно, была иудейской, поскольку мы знаем, что многие римляне находили привлекательность в этом монотеистическом культе в то время, но рассказы отцов церкви подкрепляются тем фактом, что самые ранние христианские катакомбы действительно найдены на территории Домитиллы и Ацилиев. Однако вполне можно усомниться в том, что обвинение в христианстве было в то время реальной основой для преследований. Клеменсу, как отцу избранных преемников Домициана, вряд ли могла быть легкой жизнь рядом с неразумным тираном. Поскольку "преследование" не было обширным, вполне вероятно, что Домициан казнил Клементу и Ацилию на основании личной неприязни, что, возможно, он допустил предъявление обвинения в "неверности" ради видимости, и что более поздние христиане, зная о казни этих первых членов группы, причислили их к "мученикам". Однако очень интересно обнаружить, что люди такого ранга таким образом получили ранний доступ к христианским писаниям и сочли их убедительными.

Смерть Клеменса в 95 годун.э., вероятно, повлияла на разжигание заговора, положившего конец карьере императора, поскольку именно жена Домициана, Домиция, понимая, насколько близко к своей семье он может подойти, руководила [p461](#) заговором. Она была дочерью превосходного полководца Нерона, Корбулона. Ее жизнь была трудной. Долгое время ей приходилось довольствоваться простым браком по [обычаю](#), не зная, будет ли она признана императрицей, если Домициан взойдет на трон. Затем она была официально замужем, но после смерти сына ее муж много лет изменял ей. Недавно он позвал ее обратно, чтобы она снова стала его женой, только для того, чтобы тиранить ее. Все закончилось тем, что она вступила в заговор с некоторыми домашними вольноотпущенниками, и различные сенаторы были проинформированы об этом. Выбрав Нерву своим преемником, человека, пользующегося всеобщим уважением, но в то же время достаточно бесцветного, чтобы его нельзя было отождествить с какой-либо группировкой, заговорщики поручили нескольким вольноотпущенникам расправиться с тираном в его собственном доме.

Примечание автора:

¹ Возможно, она принадлежала к классу вольноотпущенников, называемых **Латини Джуниани**.

Примечание Тайера:

^{из-за} чрезмерной деликатности со стороны нашего автора это немного затруднило понимание. Среди "мелких налогов" налог либо на пользование писсуарами, либо на сбор мочи фуллерами — знаменитый отрывок Светония (*Жизнь Веспасиана*, 23.3), откуда здесь перефразирован, неясно, какой именно; см. Краткое обсуждение в *Словаре греческих и римских древностей Смита*, s.v.**FULLO**. Французам, в свою очередь, пришла в голову гениальная идея назвать общественные писсуары в честь императора: они **веспасиенны** (или были, поскольку сейчас они более или менее сняты с производства).

Глава XXV

Литература и искусство Первого века

Первый век нашей эры не был периодом большого литературного творчества. Возможно, было бы небезопасно в целом предполагать, что политическая тирания разрушительна для творческих сил, но в Риме, где интеллектуальная жизнь в значительной степени черпала вдохновение в деятельности Форума и Курии, это предположение кажется правильным. Если быть точным, то проза напрямую пострадала от подавления свободы, потому что римская проза имела дело в значительной степени с ораторским искусством и историей. Теперь пришло время, когда весь курс изучения литературы был нарушен. Общественная карьера, к которой, в частности, она готовила студента, теперь практически исчезла; а что касается истории в прозе, то мало кто хотел писать историю о том, что делалось, и некоторые из тех, кто пытался это сделать, пострадали за то, что говорили неприятную правду. При Тиберии историку Кремуцию Кордусу пришлось пережить позор, увидев, как сжигают его книги, потому что он высоко отзывался о Катоне и Бруте. При Домициане Сенецио и Рустик были казнены за свои биографии замученных стоиков.

Но нет необходимости ограничивать свое исследование такими конкретными случаями. Не требуется большого напряжения воображения, чтобы понять, насколько угнетающими для свободного духа гения, должно быть, были постоянная глухая ненависть и страх, покров разочарования и позора, которые лежали на всем Риме в течение значительной части столетия. Представители высших классов, которые всегда вносили щедрый вклад в римскую литературу, особенно почувствовали бы это. С другой стороны, если бы случайно нашлись люди с небольшим достатком, которые почувствовали бы склонность прибегнуть к литературному творчеству, им пришлось бы столкнуться с p463 фактом, что императора следует принимать как покровителя и что его покровительства можно добиться только ценой черной лести. Какой была эта цена, мы можем видеть в работах таких людей, как Марциал и Статий. Сколько поэтов решили сжечь свои произведения, чтобы не платить такую цену, мы никогда не узнаем.

Но конечная причина литературного упадка может лежать еще глубже — в имевшем место опасно масштабном искоренении римского и итальянского народов. Когда вспоминаешь, как рабовладельческая культура вытеснила итальянцев за два столетия до Августа, как Социальные и сулланские войны уничтожили около 300 000 человек, как триумвиры изгнали целые общины, чтобы освободить место для 200 000 солдат, как Август и Тиберий забрали из Италии большую часть новобранцев, составлявших их 30 пограничных легионов, как римляне и итальянцы, испытывая отвращение к тирании, отказались воспитывать детей и сами эмигрировали в провинции, спасаясь от более чистой атмосферы, - и это лишь

некоторые из значимых фактов, — удивляешься, что латинская литература сохранилась. вообще.

Старые знатные семьи почти полностью исчезли. Проскрипции Суллы и Мария положили начало работе. Согласно Аппиану, триста сенаторов погибли в результате ужасных проскрипций триумвиров, и за тридцать лет тирании, начавшейся в последние дни правления Тиберия, одна знатная семья за другой была изгнана с корнем. Но это было еще не все. Жизнь в кругах запрещенных превратилась в такую череду страданий и ужаса, что мужчины отказывались жениться и заводить детей, оказавшихся в таком бедственном положении. Из сорока пяти патрициев, известных во времена Цезаря, только один был представлен известными потомками во времена Адриана. Из всех них, похоже, выжила только семья Корнелиан. Эмилии, Фабии, Клавдии, Манлии, Валерии и все остальные исчезли. Август и Клавдий возвели двадцать пять семей в патрициат, и все они, кроме шести, исчезли еще до правления Нервы. У нас есть запись [p464](#)о примерно 400 сенаторах, многие из которых получили повышение недавно, в 65 годун.э. Поколение спустя от половины из них не осталось и следа. На самом деле старого Рима больше нет. Если бы Сципион мог подняться во времена Домициана и увидеть свой родной город, он нашел бы величественные мраморные храмы и дворцы вместо хижин, но черты новых римлян поразили бы его. Толпа на Форуме напоминала бы толпу, которую он когда-то видел в Пергаме, а сенаторы мало чем отличались бы от людей на улицах. Стоит только представить тень Вашингтона, шествующую по Бауэри.

Объясняют ли эти факты сокращение объема литературной продукции и изменение тона того, что было создано? Вряд ли можно дать определенный ответ. Но представляется важным, что ни один великий писатель Империи, насколько мы можем установить, не родился в Риме. Некоторых из них, Петрония, Персия, Ювенала, Тацита, можно с большей или меньшей уверенностью отнести к центральной Италии. Но примечательно, что все эти люди, по сути, сатирики. Источники вдохновения, которые не иссякли, по крайней мере, были озлоблены. Действительно, в течение первого столетия Империи Испания произвела на свет многих лучших литераторов Рима: Сенека, Лукан, Колумелла, Марциал и Квинтилиан были выходцами из Испании. Несомненно, они были отпрысками римлян и итальянцев, которые в большом количестве заселили Испанию после Ганнибаловой войны. Эти люди были в некотором смысле запоздалыми итальянцами, воспитанными вдали от опасностей в идеалах, манерах и литературных традициях республиканского Рима, которых следовало вернуть, когда метрополия нуждалась в напоминании о себе прежней. Однако в целом их работа была регрессивной. Сенека, конечно, вернулся в Рим в детстве и быстро попал под чары имперской моды, но Лукан стал рапсодом мертвой республики, Колумелла вернулся к юношеским работам Вергилия, Марциал был верен Катуллу, а Квинтилиан провел свою жизнь в безнадежных попытках реабилитировать стиль и мысль Цицерона. [p465](#)На самом деле это был не путь прогресса. Эти люди, вероятно, не сочиняли бы музыку, если бы им не было позволено жить в атмосфере прошлого, но, в конце концов, все они отстали от своего времени на поколение или два.

Новое поколение Рима также потерпело неудачу. По причинам, ускользающим от анализа, разношерстная толпа, наводнившая Италию, не породила великих писателей. У уроженцев провинций дела обстояли несколько лучше, но они либо полностью поддавались влияниям местных жителей и распространяли поток производства в расходящиеся дельты рек, либо, чтобы доказать свою ортодоксальность, подражали более ранним римлянам. К первой группе относятся, в частности, некоторые африканцы, которые начали писать во втором веке. Апулею, например, с его экстравагантным мистицизмом и необузданным темпераментом пришлось создать новый конгломерат стилей, чтобы вообще использовать латинский язык, а пламенный энтузиазм африканских христиан, таких как Тертуллиан и Киприан, скорее сродни еврейскому духу, чем духу Цезаря и Цицерона. Ко второй группе мы можем отнести таких более поздних авторов, как александриец Клавдиан и галл Авзоний, которые возили уголь в Ньюкасл, вернув древнеримский классицизм в Рим как доказательство того, что они, хотя и иностранцы, впитали дух Рима. Это тоже было ошибочным искусством.

В таком случае кажется важным, что художественная литература не появляется в Италии, когда итальянские корни иссякают, и что она в какой-то мере возникает заново в тех областях, куда некогда отправились итальянские колонисты. Колонисты Цизальпинской Галлии точно так же собирали свой урожай во времена Августа. Если бы Рим прожил дольше, возможно, разношерстное население Империи слилось бы в новый народ, сознающий свои собственные духовные силы и достаточно смелый, чтобы отделиться от латинской литературы Республики и выразить свои собственные идеалы; но об этом бесполезно строить догадки. Совершенно очевидно, что латинская ветвь, которая сделала Рим тем, чем он был, рассеялась и потеряла себя задолго до того, как Рим **пал** в 466 году, и что с исчезновением этой ветви исчезла значительная часть способности Рима мыслить и действовать в характерной для Рима манере.

Обращаясь к реальным произведениям, мы можем упомянуть наряду с сохранившимися несколько утраченных, чтобы дать представление о масштабах литературных интересов в этот период. В конце Августа и начале Тиберия Помпей Трогус написал всеобщую историю в сорока четырех книгах, которая была утеряна, хотя когда-то ее широко читали. В "Утерянных анналах Рима" Фенестеллы было уделено некоторое внимание социальной истории. Витрувий написал интересную книгу об архитектуре, которой нам повезло обладать. Юлий Гигин, директор великой библиотеки храма Аполлона, написал ученые книги по всему, от литературы до сельского хозяйства; в то время как Веррий Флакк был, пожалуй, лучшим лексикографом Рима. Несколько генералов, таких как Корбулон, Паулинус и Вет, написали комментарии к своим войнам, включая этнологические заметки о покоренных ими народах. Однако лишь немногие из этих книг можно назвать литературой.

Первое произведение чисто художественной литературы - это небольшой фрагмент очень длинного романа "*Сина Трималхионис*", о котором упоминалось выше. Автором, очевидно, был *Петроний*, который встретил смерть столь живописным образом, когда Нерон приказал покончить с собой.^a Роман, похоже, представлял

собой череду приключений, оформленных в форме пародийной одиссеи, но в той части, которая у нас есть, рассказывается о сцене в столовой в доме сирийского вольноотпущенника-миллионера, который в детстве был рабом мецената и сколотил состояние на торговле, скотоводстве и банковском деле. Гости - люди того же типа, люди, которые сколотили свое состояние, работая торговцами тряпьем, гробовщиками и карманниками. Петрониус обладает редким даром - знать, как позволить своим персонажам выдать самих себя. Не могло быть никаких сомнений в том, что его читатели увидели на картине незабываемые сцены, разыгрывающиеся каждый вечер в обществе бывших-миллионеров-рабов из окружения Клавдия, поскольку книга была написана во время **этого правления**. Если по какой-то счастливой случайности раскопки Геркуланума когда-нибудь восстановят книгу, мы, без сомнения, поместим ее в число самых важных художественных произведений.

Самым объемным писателем эпохи Нерона был *Сенека*, наставник Нерона, а затем в течение нескольких лет его главный советник и министр. Он был родом из Испании, фактически из Кордовы, которая была основана за двести лет до его рождения как деревня римских граждан. Следовательно, его предки, по всей вероятности, были римскими колонистами. Начав жизнь учителем, он был замешан небезызвестной Мессалиной в каком-то скандале, призванном послужить предлогом для избавления от соперницы, и был сослан на Корсику. Там он написал несколько трагедий, чтобы скоротать время. Сюжеты были продуманы, но персонажи ни в коем случае не убедительны. Эти пьесы никак не могли быть поставлены, и все же слава Сенеки в средние века была такова, что из римских трагедий сохранились только они. Мы также имеем вышедший из-под его пера том из двенадцати "диалогов", в основном этических трактатов, большой том нравоучительных писем и том, посвященный "Проблемам природы", в котором он выдает скорее невежество, чем знание науки. Некоторые из его эссе, особенно краткие, которые он включает в свои письма, достойны места среди лучших этических произведений. Например, есть современный дух во многом, что он говорит по таким темам, как рабство, обязанности правительства, "братство людей", необходимость мудрости в благотворительности. К сожалению, он также был убежденным сторонником ультрасовременной доктрины, согласно которой все образование, фактически вся научная подготовка, должна быть направлена на достижение непосредственных практических целей.

Его стиль особенно интересен в раскрытии крайних последствий, к которым привело антицицероновское восстание. Победа Цезаря над демократами, положившая конец сенатской дискуссии, нанесла смертельный удар влиянию Цицерона на стиль прозы. В последующий период **p468** было произнесено несколько речей, за исключением обращений к населению на Форуме или конгломерату народов, составлявших армию. Перед такими людьми, многие из которых не могли понять ничего, кроме простейшей разговорной латыни, сложные периоды были бы потрачены впустую. Следовательно, устная проза распалась на фрагменты. Каждое предложение должно быть коротким и заостренным, когда произносится перед слушателями, у которых не хватает ума запомнить более нескольких простых слов

за раз. Даже в школах краткость стала первой существенной частью каждого предложения; но поскольку профессору нужно было чему-то учить, он учил своих учеников извлекать максимум пользы из каждого короткого фрагмента, эффективно выстраивать слова в мозаику, стремиться к эпиграмматическому эффекту и антитезам. Каждое краткое предложение должно попадать в цель, а дискурс подобен выстрелу из пулемета-. Одним словом, все это было результатом художественной обработки латыни, рассчитанной на уши иммигрантов-демократов. Эволюция латинского стиля мало чем отличалась от той, которую пришлось пережить английскому языку в некоторых наших крупных городах, где популярные газеты на протяжении целого поколения низводили прозу до изящно простого жаргона, чтобы привлечь внимание полуграмотных иммигрантов, и где преподаватели английского языка, чтобы считаться "прогрессивными", приняли такое журналистское использование в качестве основы для нового литературного стиля.

У Сенеки было два брата, которые также достигли высокого положения. Одним из них был Галлион, правитель Ахайи, перед которым святой Павел предстал в Коринфе. В *Деяниях* говорится, что "он не заботился ни о чем из того", что проповедовал Павел.^b Тем не менее, этот инцидент помог связать святого Павла с Сенекой в легенде, и этого было достаточно, чтобы побудить средневековых монахов сохранить труды Сенеки. Другим братом был Мела, занимавший высокие государственные посты, но, пожалуй, наиболее известен как отец *Лукана*, эпического поэта. "*Фарсалия*" Лукана, повествующая о последних днях Республики, была широко прочитана в то время, когда люди вели свои последние проигранные битвы за политическую свободу, поскольку она вдохновлена стр. 469 глубокой любовью к свободе. Действительно, очевидно, что сам Лукан при составлении книги писал с таким рвением в защиту дела Катона и Помпея, что провозгласил себя революционером и, следовательно, присоединился к заговору Пизона против Нерона. Однако, помимо того факта, что стихотворение было незакончено, когда Лукан был казнен, в нем есть серьезные недостатки, которые затрудняют чтение. Предназначенный для устного чтения фрагментами, он распадается на сцены, и строки получаются громкими и звучными, а не красивыми. Действительно, едва ли найдется полдюжины коротких отрывков, которые действительно можно считать вдохновенной поэзией.

Персий был еще одним молодым бунтарем против грехов эпохи Нерона, но его вдохновение также было вызвано негодованием, а не богатым воображением. У нас есть от него лишь краткий сборник сатир, в котором строки намеренно неясны, а тема - общие места стоической тирады. Однако она написана с глубокой искренностью и праведным гневом, который, должно быть, испытывали все совестливые люди в те дни упадка.

При Веспасиане мир несколько пришел в себя и, по крайней мере, обрел интерес к жизни, если еще не энтузиазм, присущий великой литературе. *Плиний Старший*, адмирал при Веспасиане, заслуживает упоминания за его энциклопедический труд в 37 книгах под названием "*Естественная история*", которому мы обязаны многими нашими фактами о древних искусствах, ремеслах и науках. *Квинтилиан* родился в испанском гарнизонном городке, который во времена Августа был римским

муниципалитетом. Его дед был учителем среди туземцев и, несомненно, был предан Цицероновской латыни, которую его потомок всю свою жизнь пытался восстановить в Риме. Он представляет собой хороший пример того литературного консерватизма, который обычно встречается в колониальной среде. Сохранившаяся книга, написанная его рукой, - это "*Institutio Oratoria*", "Обучение оратора", которая является нашим лучшим руководством по римским педагогическим методам, а также по римской литературной критике того времени. Его энтузиазм по лучшей литературе, его здравомыслие в литературных делах, о его высоких педагогических идеалах, а его универсальность в качестве практического учителя, придают книге высокий ранг среди своего рода. Многие из наших правил композиции восходят к Квинтилиану, и во многих недавних книгах по педагогике излагаются только методы, которые этот человек отстаивал в свое время. *Фронтинуса* можно упомянуть за его техническое описание системы водоснабжения Рима, написанное, когда он возглавлял департамент водных ресурсов в 97 году н.э., и за его книгу о стратегии, вдохновленную его опытом генералитета в Британии.

Среди поэтов Валерий Флакк написал "*Аргонавтику*", Силий Италик "*Пунику*" и Стаций различные эпосы, а также несколько второстепенных текстов, но все эти произведения являются подражанием великим поэтам прошлого и вряд ли заслуживают внимания читателя. *Мартиал*, с другой стороны, один из немногих поэтов, чье творчество отличалось такой ярко выраженной индивидуальностью, что навсегда оставило свой отпечаток на принятой им форме. Он решил писать эпиграммы, но после того, как он их написал, читатель обязательно подумал об "эпиграммах" как об остроумных пасквилях, которые он создавал, а не о стихотворениях с надписями, которые его предшественники называли эпиграммами. Он был родом из римского муниципалитета в Испании, как и многие другие писатели того периода, но ему удалось более успешно, чем некоторым его собратьям, влиться в веселую, нервную жизнь мегаполиса. Его любовь к сардоническому и сатирическому, а также его безнравственный цинизм роднят его скорее с Плавтом, с одной стороны, и с Катуллом - с другой, чем со стоически настроенными сатириками и проповедниками его времени. Следовательно, в его творчестве очевидно общее подавление поэтического чувства. Но у него есть и богатое воображение, и глубокая любовь к красоте, которую он проявляет, когда в редкие моменты забывает о Риме, чтобы подумать о своем старом доме и друзьях детства. И даже когда он предпочитает играть в свою любимую игру "высмеивание", он проявляет несомненный вкус к ритму, звуку и слову. Для изучающего цивилизацию он, помимо своей внутренней ценности, незаменим из-за его откровенных фотографий повседневного Рима. Именно он, больше, чем какой-либо другой писатель, дает нам возможность почувствовать, что мы достаточно хорошо знакомы с Римом 100 годан.э.

Рисунки. Обширные строительные программы Нерона и Веспасиана вряд ли могли быть осуществлены без привлечения в Рим лучших архитекторов и художников всей империи и максимального испытания их изобретательности. Были предложены и решены новые проблемы во многих направлениях, и все же таково было мелочное честолюбие большинства этих императоров приписать надписям заслугу за все, что

было сделано при них, что искусство оставалось анонимным и как бы второстепенным. Стимул личной славы, которым должно обладать творческое искусство для процветания, ни Нерон, ни Домициан и не подумали бы предоставить. Это одна из самых уродливых сторон этой тирании.

И все же была проделана чрезвычайно тонкая работа. Арка Тита, построенная, кажется, при Домициане, сохранилась до сих пор, и хотя два самых больших проекта сильно пострадали, они представляют собой превосходные образцы скульптуры Флавиев. На одном изображено начало триумфальной процессии с императором и фигурой победителя в колеснице; на другом изображена часть процессии, которая несла утварь захваченного Иерусалимского храма, особенно большой подсвечник, стол для хлебов и трубы. Художник предпринял здесь гораздо больше, чем когда-либо предлагалось в статичных процессиях барельефов с-барельефами дня Августа^{до} и, следовательно, он на первый взгляд выдал неспособность своего искусства передать перспективу в камне. Но, за исключением этого, эта работа является лучшим пластическим изображением тел в энергичном движении, которое дало древнее искусство. Мало того, что вся колонна солдат неудержимо устремляется вперед, но впервые в древних рельефах чувствуется, что благодаря смелому использованию фона процессия как бы освобождается от блока и движется, куда ей заблагорассудится. Нечто похожего качества можно увидеть на панно, изображающих сцены охоты на арке p472 Константина, поскольку они также изначально были сделаны для какой-то арки Флавиев.

Что касается портретной живописи в скульптуре, то у нас не так много хороших примеров периода Флавиев, но бюст Веспасиана, находящийся сейчас в Национальном музее в Риме, демонстрирует искусство, которое адекватно передает дух предмета с помощью средств, в основном натуралистических. Художники-декораторы также экспериментировали, как мы можем видеть на так-называемых работах в четвертом стиле в Помпеях. Теперь стало меньше тенденции покрывать большие пространства стен копиями известных картин прошлого. Восхищение новыми архитектурными проектами под открытым небом, особенно виллами на берегу моря, поразило воображение. Художники стремились к эффекту пространства, как бы открывая стену причудливыми архитектурными изображениями портиков и беседок и помещая в центр таких пространств сцену сада или виллы. Цвета были подобраны художественно, и иллюзия была приятной, хотя временами и фантастической. Об этом постнероновском искусстве один критик¹ сказал: "Никогда больше европейская живопись не достигала в декоративных творениях такой свободы в выборе цветов, а в чрезвычайной утонченности восприятия цвета с художниками этого стиля не могли соперничать никто, кроме японцев, точно так же, как их современную скульптуру можно сравнить только с самыми тонкими натурными этюдами Восточной Азии". И все же чувствуется, что воображение было скорее фантастическим, чем творческим, и что эти картины в лучшем случае являются лишь поверхностно декоративными, приспособленными для удовлетворения пресыщенного вкуса богатых и роскошных расточителей. Ни в одной из них нет настоящего содержания. Дух, который вызвал их к жизни, был тем же, что вдохновил искусство Фрагонара.

Примечание автора:

¹ Уикофф, *Римское искусство*.

Примечания Тайера:

^a p437.

^b На мой взгляд, неверное прочтение последних нескольких слов [Деяний 18: 17](#), хотя именно то, на что Галлиону было наплевать ([τούτων](#)), изложено не полностью.

^c Имеется в виду [Ара Пацис Августей](#); статичными могут быть барельефы на нем, но Тенни Фрэнк здесь в меньшинстве: скульптура на Ара Пацис значительно более высокого качества.

Глава XXVI

От тирана Домициана до философа М. Аврелия

Нерва, 96-98гг. н.э. Большинство императоров первого века были избалованными детьми, возведенными на трон любящими родителями; теперь мы переходим к череде императоров Нервы, Траяна, Адриана, Антонина и Марка Аврелия, которые выросли в частной жизни, не зная, что принесет будущее. Только после того, как они доказали свою состоятельность, их избрали на высокий пост путем усыновления. Когда сравниваешь первую линию правителей со второй, невольно приходишь к выводу, что дворец - неподходящее место для воспитания детей. М. Кокцею Нерве было 60 лет, и он был бездетен, когда его призвали к власти. Он, конечно, не был человеком с выдающимся характером; если бы он был таким, то, вероятно, не прожил бы так долго. Тем не менее, ему в целом доверяли, и он избежал гнева Домициана благодаря тактичному и безобидному согласию, а не низкому раболепию. И поскольку Домициан был человеком, склоняющимся перед начальством, он пользовался привилегией придать респектабельность своему собственному презируемому *окружению*, называя Нерву другом.

Заняв трон, Нерва официально признал "двоевластие", принес долгожданную клятву, что он не предаст смерти ни одного сенатора, отозвал политических изгнанников, приостановил действие законов о государственной измене и предложил Сенату назначить комиссию для сотрудничества с ним в управлении финансами государства на надежной основе..... Более того, когда Сенат пожелал, чтобы он позволил им отомстить **делаторам** Домициана, он отказался. Он слишком хорошо знал, что он и другие сенаторы были не без вины виноваты, **р474**поскольку на прошлых судебных процессах они смиренно голосовали так, как требовал император, и он был слишком честным человеком, чтобы сейчас разыгрывать из себя фарисея.

Эти действия в целом были многообещающими, но правление было слишком коротким, чтобы показать, на что он способен. Однако существует один очень поразительный институт, которому приписывают его изобретение, хотя трудно оценить его конечный эффект. Именно он первым выделил крупные суммы государственных средств на двойную цель - предоставление "сельских кредитов" и "пенсий матерям", если можно использовать современные термины. Вначале суммы, вероятно, были небольшими, и, несомненно, сначала для эксперимента было выбрано всего несколько округов; но по мере расширения работ при Траяне, похоже, что большинство муниципалитетов Италии в конечном итоге были включены в план, и было подсчитано, что в конечном итоге была задействована сумма около 100 000 000 долларов. Уполномоченные штата депонировали в каждом муниципалитете определенную сумму, которую муниципалитет, в свою очередь, ссужал небольшими суммами местным фермерам под ипотечные кредиты по довольно низкой процентной ставке (5 или 6 процентов). Таким образом, эти фонды

служили в первую очередь той же цели, что и банки сельскохозяйственного кредитования, недавно созданные в Америке. Но они оказывали и вторую услугу. Проценты не должны были возвращаться государству, а были переданы муниципалитету для использования им в обеспечении средств к существованию бедных мальчиков и девочек. Цель этого, по-видимому, состояла в том, чтобы побудить бедных родителей содержать большие семьи, чем было принято в то время; другими словами, обеспечить то, что некоторые штаты сегодня называют "пенсией по материнству". Наши знания об этом плане почерпнуты главным образом из фрагментов камней, на которых были начертаны записи о закладных, но есть также несколько литературных упоминаний, которые отражают дух учреждения, поскольку они говорят о нем как о плане "принести новую жизнь в Италию".

Весь план, по-видимому, свидетельствует о том, что не только итальянское сельское хозяйство испытывало трудности, но и о том, что население [p475](#) также не справлялось. То, что этот факт был очевиден уже давно, мы можем заключить из политики Веспасиана по сдерживанию набора в армию в Италии. Таким образом, это второй очень интересный эксперимент в области социологии и экономики, предпринятый императорами. Позже мы узнаем о других подобных экспериментах, и все они, по-видимому, не смогли должным образом остановить волну распада.

Был ли такой патернализм мудрым, был ли он чем-то иным, кроме внешней панацеи и бальзама для совести, - это вопрос, на который невозможно ответить с учетом имеющихся фактов. По крайней мере, интересно наблюдать, как общественное сознание пробуждается к осознанию болезни, а также видеть, насколько древнее государство было готово сойти с узкой проторенной тропинки политики ради социальных реформ.

Нерву критиковали за то, что она использовала избыток провинциальных средств в условиях "обнищания" Италии, которая даже не поставляла солдат для армии. Однако эта критика кажется тривиальной. Если мы признаем, что имперское правление имело смысл, которое принесло мир всем провинциям и спасло цивилизованный мир от внешних захватчиков, мы должны также признать, что Италия, буферная территория правящей метрополии, должна быть населена здоровой и сильной расой, готовой защищать метрополию в случае любого кризиса, а также готовой предоставить оборонительные войска, если какая-либо часть линии фронта прорвется. Другими словами, императоры спасали Италию не только для того, чтобы Италия наслаждалась жизнью, но и для того, чтобы обеспечить последнюю защиту империи. Служила ли Италия этой цели лучше всего после нескольких поколений нянчения - другой вопрос. Рим все еще был большой экспериментальной станцией мирового правительства, и новая политика Нервы была, по крайней мере, похвальна как допустимый эксперимент.

Траян, 98-117н.э. Нерва пробыл на своем посту не более года, когда узнал, что власть ускользает из его рук и что ему нужна помощь. Преторианская когорта под угрозой мятежа потребовала, чтобы он предал смерти убийц Домициана. Чтобы спасти ситуацию, он [p476](#)уступил против своего желания, но он также понимал, что к власти должен быть немедленно призван более молодой и сильный человек.

Поэтому он усыновил м. Ульпия Траяна, в то время **легата** Верхней Германии, дал ему имя Цезарь и попросил Сенат немедленно наделить его полномочиями трибуна и проконсула. Траян родился в Испании, фактически став первым императором из провинций, но его родным городом была Италика, которая была первым римским поселением в Испании, а его отец долгое время был сенатором и даже проконсулом Азии. Траян прошел обычный **курс** в Риме и был благосклонно известен сенату еще до того, как начал свою военную карьеру. Было бы совершенно неверно называть его испанцем, как это иногда делают.^a В январе 98 года, через несколько месяцев после его усыновления и до того, как он вернулся в Рим, Нерва умер. Даже тогда Траян не вернулся, поскольку был занят планированием дорог и фортов в **сельскохозяйственных районах декумата**, которые были включены Домицианом; и он чувствовал себя обязанным изучить потребности придунайских провинций, поскольку его опыт на границе ясно показал ему, что договор Домициана с даками должен быть пересмотрен. Он вернулся домой через год и произвел хорошее впечатление на Сенат, которому дал обычные официальные обещания. Он также проявил себя командиром преторианской гвардии, наказав мятежников и выделив лишь половину обычных пожертвований. Он чувствовал себя настолько сильным в своем положении, что, вручая меч своему новому преторианскому префекту, набрался смелости сказать: "Используй это для меня, если я поступлю хорошо, и против меня, если я поступлю плохо".

Поскольку "Жизнь цезарей" Светония заканчивается правлением Домициана, у нас есть лишь скудные сведения о правлении Траяна. Причины великих дакийских войн, например, нам не известны. Нам достоверно не известно, что их начал Децебал; фактически, из общей политики Траяна во внешних делах мы можем заключить, что рано или поздно он денонсирует договор Домициана, откажется посылать подарки Децебалу и потребует возвращения римских **p477**инженеров, которых Децебал использовал для создания мощной военной машины. Как бы то ни было, Траян вторгся в Дакию весной 101 года с мощной армией, состоящей из всех дунайских легионов и, по крайней мере, одного легиона с Рейнского фронта. Столица даков, называвшаяся Сармизегетуза, находилась в Трансильвании, хорошо охраняемая горами и лесами. В первый год Траян одержал заметную победу, но только ближе к концу второго лета ему удалось достичь столицы и взять ее. Децебал стал царем-клиентом после того, как сдал римских рабочих, предоставленных ему Домицианом, и после того, как принял римский гарнизон в столице, а также в нескольких других фортах. Траян вернулся в Рим, чтобы отпраздновать свой триумф. Он, очевидно, не стремился расширить границы Рима за пределы Дуная и был удовлетворен наличием сильного буферного государства над рекой в том месте, где давления с северо-востока следовало опасаться больше всего.

Однако вскоре стало очевидно, что проблема еще не решена. Сообщалось, что Децебал строил новые крепости, усиливал свою армию и заключал тайные союзы в нарушение условий 102 года. В 104 году Сенат объявил войну, и следующей весной Траян переправился через реку с увеличенными силами. На этот раз армия устроила кирпичный завод на реке и построила постоянный мост из кирпича, части которого

еще предстоит увидеть. Для даков это было доказательством того, что Траян намеревался аннексировать Дакию. Поэтому варвары защищали свой город до тех пор, пока он не был подожжен, а когда всякая надежда была потеряна, несколько их вождей ушли во дворец и выпили яд, чтобы избежать поимки. Децебала преследовали до тех пор, пока он тоже не был на грани поимки, когда он тоже покончил жизнь самоубийством. На многих жителей велась охота из горных крепостей, где они укрывались.

Но теперь этот регион был более опасен для римских колоний, чем раньше, поскольку он мог привлечь только еще больше варваров с Севера. Дакия должна быть заселена, и для выполнения этой задачи нельзя было выделить из Италии людей **p478**. Как Траян заполучил своих колонистов, нам не сказано, но мы узнаем, что вскоре после этого в провинции появилось несколько колоний и **муниципалитетов** с новыми названиями, и, к нашему удивлению, вскоре там появилось большое количество религиозных надписей, посвященных всем богам Востока: Митре и полудюжине различных Ваалов. Новая провинция, по-видимому, была заселена в основном колонистами из Сирии, Азии, Пальмиры и Коммагены. Земля, несомненно, оставалась во владении государства и сдавалась в аренду по системе десятины, как это было в **agri decumates**. Для разработки золотых приисков, которые в то время были очень продуктивными в Трансильвании, из Далмации были привезены горняки, а из Рима были присланы прокураторы, которые заключали контракты на добычу полезных ископаемых на процентной основе. Таким образом, римская казна, которая в течение некоторого времени испытывала напряжение из-за сокращения запасов золота, на некоторое время почувствовала облегчение. Именно в этих золотых приисках были найдены наши первые — хотя и не самые древние — образцы древних восковых табличек.

Провинция, включавшая Трансильванию к северу от горного хребта и малую Валахию к югу (но не восточную Румынию), просуществовала около полутора столетий, когда ее окончательно захватили северные варвары; но то обстоятельство, что в Румынии по-прежнему есть язык, очень похожий на итальянский, в какой-то мере связано с временной оккупацией этого региона римской колонией.

Собственная история Траяна (ныне утраченная) об этой войне была прославлена; возможно, она была полностью иллюстрирована; если это так, то, вероятно, по эскизам, сделанным для его истории, скульпторы нарисовали длинную серию иллюстраций, которыми они покрыли замечательную колонну, которая теперь единственная осталась от великолепного форума Траяна. Колонна имеет • сто футов в высоту, и последовательность событий от переправы через Дунай в первой войне до смерти Децебала во второй рассказывается непрерывной спиралью, которая обвивает **p479** колонну снизу доверху, образуя свиток • длиной более 600 футов, содержащий более 2500 фигур. Для историка свиток имеет огромную ценность не только в том, что дает представление о порядке событий, но особенно в точном воспроизведении сцен, костюмов и доспехов, портретов, зданий и пейзажей. Художник, несомненно, присутствовал в экспедициях, предпринятых, несомненно, для того, чтобы проиллюстрировать книги Траяна, а также снабдить эскизами для картин, которые должны были использоваться в триумфальном шествии.

Пока Траян был занят на Севере, он послал губернатора Сирии Корнелия Пальму аннексировать Аравию - задачу, которую Август безуспешно пытался выполнить задолго до этого. Набатеиские арабы владели регионом Дамаск и страной к востоку от Иордана вплоть до пустыни. Дальше на юг, вдоль побережья верхней части Красного моря, правили второстепенные арабские шейхи. Целью этой агрессии, вероятно, было установление контроля над торговыми путями, поскольку караваны из Месопотамии шли хорошо нагруженными через Дамаск, в то время как многие индийские и арабские товары, особенно драгоценные камни и специи, доставлялись вверх по восточному берегу Красного моря, а затем караванами в Газу. Сомнительно, что римские торговцы оказали влияние на Траяна, чтобы тот включил Аравию в состав империи, чтобы облегчить их торговлю. Более вероятно, что император действовал с целью увеличения доходов казны, поскольку налоги на экспорт и импорт, налоги с продаж и десятина в этом регионе были значительными. Экспедиция Пальмы увенчалась успехом, была образована провинция Аравия Петрея, и **римский мир** расширил границу безопасной торговли, так что караваны проходили более короткими маршрутами, а деревня **Бостра**, расположенная на краю пустыни, стала процветающим городом.

Римская империя в ее наивысшем проявлении: Рост римской провинциальной системы с 241 г. до н.э. до времен Траяна, 117 г.н.э.

[Увеличенная версия, полностью читаемая, открывается [здесь](#) (2,4 МБ).]

Теперь Траян оставался дома в течение нескольких лет и усердно посвящал свое время тщательному обновлению административного аппарата всей империи, включая Италию и сенаторские провинции. Страстный сторонник эффективного [управления](#) [р480](#), он обнаружил, что городские власти управляются небрежно или нечестно, и послал сити-менеджеров или [кураторов](#) разобраться в проблеме, отдать приказ о реформах и проследить, чтобы они были выполнены. Он предоставил этим [кураторам](#) большую свободу действий, но также ясно дал понять, что он и его совет экспертов всегда готовы взять на себя ответственность за любое неприятное решение, чтобы не было никаких задержек. Как именно работала эта процедура, мы случайно знаем, потому что Плиний младший, который был назначен в Вифинию, сохранил переписку, которая велась между ним и императором по каждому мельчайшему вопросу. Плиний спрашивает, например, могут ли города использовать римских солдат для полицейской охраны, как это было принято. Траян отвечает, что солдаты должны быть отправлены обратно под свои знамена и что города должны предоставить свою собственную полицию. Может ли город Пруса построить новую баню? Да, если он не введет для этого новые налоги. Никомедия потратила деньги на строительство акведука и оставила его незавершенным, что же делать? Траян отвечает, что в городе должна быть хорошая вода, но что люди, виновные в нецелевом использовании прежних ассигнований, должны быть наказаны. Никея потратила 400 000 долларов на театр, который построен настолько плохо, что небезопасен. Можно ли послать архитектора осмотреть его? Траян отвечает, что в Риме не хватает свободных архитекторов и что Плиний должен найти какого-нибудь греческого строителя и решить, что делать дальше. Жители Апамеи желают, чтобы их отчеты были проверены, хотя у них есть договор, запрещающий вмешательство Рима в местную администрацию. Траян советует Плинию изучить отчеты. Византийцы ежегодно тратят 500 долларов на отправку посланника в Рим, который передаст их почетный указ императору. Разве нельзя было сэкономить эту сумму? Траян отвечает, что деньги можно сэкономить, разрешив губернатору выполнять такие указы.

Существует великое множество таких рескриптов, которые доказывают здравый смысл, либеральность взглядов и неутомимую преданность добросовестному исполнению долга со стороны императора, [стр. 481](#) но также понятно, что такой патернализм со стороны хозяина, если он будет продолжаться долго, разрушит чувство ответственности в местном правительстве и, если им воспользуется правитель с плохим суждением, может привести лишь к возникновению пороков автократии. Это был очень большой отход от республиканской практики признания автономии подвластных городов, и прецедент, созданный Траяном, привел впоследствии ко многим опасным практикам.

В Италии Траян предоставил ссуды фермерским хозяйствам и алиментному учреждению, основанному Nerva. Действительно, благодаря своей заботе о доходах он смог накопить средства и добавить большие суммы к суммам, подлежащим распределению. Активно велись и общественные работы: например, была построена новая расширенная гавань в Остии, несколько дорог, акведуков, по которому вода доставлялась беднякам, живущим за Тибром. ([Этот канал](#) до сих пор используется

для фонтана Аква Паола). Он также использовал часть рая Нерона для строительства общественных бань для женщин и расширил форум Августа на север серией зданий, которые представляли собой, пожалуй, самую впечатляющую группу из существовавших в то время. Форум на одном конце и базилика на другом ограждали пространство для двух библиотечных зданий, между которыми стояла уже упоминавшаяся колонна. Крылечки библиотеки давали доступ к верхним кругам колонны, так что ее свиток был, так сказать, самым замысловатым свитком с картинками во всей библиотечной коллекции.

Изъян в характере Траяна, который омрачил некоторые из его лучших произведений, достаточно очевиден из того, что уже упоминалось, изъян, присущий чрезмерному акценту Рима на "**gloria**". Траян заплатил слишком высокую цену за аплодисменты. Он был слишком честен, чтобы подкупить стражу, и относился к Сенату лишь с формальным достоинством, но ему очень нравились аплодисменты уличных людей, а они уже были безнадежно избалованы. Трудно понять, как такой предусмотрительный человек мог оправдать пожертвования гражданам Рима после каждой из дакийских войн в размере около ста долларов с человека **482** фунтов стерлингов (650 динариев) на человека и четырехмесячный сезон отпусков, во время которого, как говорят, десять тысяч гладиаторов сражались на потеху народу. Даже Неро не доходил до таких крайностей.

Возникает соблазн обнаружить эту разновидность мании величия в кампаниях по завоеванию Востока, которыми закончилась его жизнь, поскольку Траян пытался подчинить Армению, а также большую часть Парфянской империи римскому владычеству, от политики которого отказался его преемник. Но до сих пор остается спорным вопрос, не был ли это лучший способ установить научную границу на востоке. Риму нужно было контролировать Армению, чтобы сдерживать вторжения скифских и сарматских кочевников. Со времен Лукулла и Помпея Армения фактически служила Риму в качестве буферного государства, не создавая особых проблем, за исключением тех случаев, когда вмешивались парфянские цари и сажали на армянский трон своих собственных кандидатов. Именно это парфянское вмешательство привело Траяна на восток. Парфянский царь Хосров (или Осроес) отменил кандидатуру Траяна на армянский престол и посадил на него своего племянника Парфамасириса. Это противоречило договору, а также декларации о сюзеренитете в римском государстве-клиентуре. Конечно, Хосрова нужно было вынудить уйти; вопрос заключался в том, должен ли Рим попытаться окончательно урегулировать это затруднение путем аннексий. Армению легко можно было бы превратить в провинцию, но удерживать провинцию постоянно было бы дорого. Теперь Парфянское царство распространилось не только на всю Персию, но и на всю Месопотамию. Парфянские цари-Аршакиды могли бы править Арменией и, вероятно, сокрушить любую армию, которую Рим мог позволить себе разместить там. Должен ли он также аннексировать Парфию, как угрожал сделать Юлий Цезарь, и может ли Рим расширить свои границы до Афганистана?

Траян попросил сенат объявить войну в 113 году, но когда он прибыл в Сирию, то обнаружил, что легионы в плохом состоянии. **p483** После года суровых тренировок он повел их в Армению к верховьям Евфрата. Партамасирис предложил принять

корону от Траяна, но ему было приказано покинуть трон, и вскоре каким-то неизвестным образом он встретил свою смерть. Армения была захвачена и присоединена к Риму в качестве провинции. Затем Траян повернул на юг и создал провинцию верхняя Месопотамия. Парфяне, будучи плохо организованными, оказали незначительное сопротивление. Легкость этой задачи, по-видимому, побудила его взяться за покорение Парфии. После зимовки в Антиохии он вернулся в 116 году, перешел Тигр и превратил область Ниневии в провинцию Ассирии; затем, вернувшись к Евфрату, он спустился вниз на построенной им флотилии, переправился по царскому каналу к Тигру выше современного Багдада и взял Ктесифон, столицу Парфян, и, наконец, привел свою армию к устью реки в Персидском заливе. Но к этому времени уроженцы верхней Месопотамии в его тылу подняли восстание. Ему пришлось снова двинуться на север, чтобы вернуть утраченные позиции. Провинции были восстановлены, и он зашел так далеко, что объявил парфянский трон вакантным и посадил на него Парфамаспата, сына Хосрова, в качестве правителя-клиента Рима. Однако не успел он вернуться в Сирию, как узнал, что Хосров вернулся в Ктесифон и снова воссел на свой трон.

Возможно, он намеревался вернуться для третьей попытки, но в настоящее время это было невозможно, поскольку евреи, которые после падения Палестины рассеялись по своим отдаленным поселениям в Александрии, Кирене, на Кипре и в нескольких столичных городах, теперь воспользовались возможностью отомстить. В определенный день они вырезали римлян и греков без разбора. Говорят, что на Кипре они казнили 240 000 человек, в Кирене 220 000, в то время как в Александрии их план обернулся в их пользу, и они были практически все убиты. Траян послал своих лучших генералов к местам этих беспорядков, в то время как сам, узнав о новых неприятностях на Дунайском фронте, отправил [р484](#) домой. Весьма вероятно, что Хосров приложил руку ко всем этим восстаниям. Во всяком случае, они спасли ему его царство. Траян умер в 117 году в Киликии по пути домой. Адриан, его преемник, передал новые восточные провинции, за исключением верхней Месопотамии, их собственным царям.

О том, что современники считали выдающимися деяниями Траяна, мы узнаем из изображений арки в Беневенте, возведенной на северной оконечности великой *Via Траяна*. Их точка зрения оказалась согласующейся с суждением потомков. Завоевание Дакии и Месопотамии, конечно, выделяется, поскольку военные подвиги вызывают к воображению, но художник не обошел вниманием и другие деяния, не менее важные, хотя и более сложные для изображения. Панно, представляющее торговцев Остии, благодарящих императора за новую гавань, занимает видное место; не менее важное место занимает очаровательная группа детей, которых привели родители, чтобы поблагодарить его за пользу, полученную от *alimenta*. Художник также изобразил вербовку провинциальной молодежи в римскую армию, задуманную как процесс латинизации, который высоко ценится, и передачу колониальных земель гражданам. Иллюстрации арки подчеркивают широкие интересы очень способного администратора.

Адриан, 117-138г.н.э. Элиус Адрианус, хотя и был опытным полководцем и правителем, двоюродным братом и постоянным спутником Траяна, женатым на

ближайшей родственнице Траяна, был усыновлен только за два дня до смерти Траяна. Эта нерешительность, конечно, может быть вызвана любовью Траяна к вниманию, но, вероятно, это также показатель того, что Адриан не внушал полного доверия. Он был слишком разносторонним, слишком многогранным в своих интересах и несколько слишком темпераментным, чтобы казаться безопасным выбором. История о том, что именно компетентная жена Траяна, Плотина, единственная добилась усыновления этого человека, вероятно, не соответствует действительности, но в эту историю поверили, и это само по себе дает представление о характере этого человека. Не может быть никаких сомнений в том, что он **p485** получил бы больший вотум доверия от придворных женщин, чем от полевых генералов. Он был надежным и благоразумным солдатом, но его не заботила военная слава ни для себя, ни для империи. Он любил удовольствия, не будучи рабом своих физических потребностей, поскольку во время своих кампаний он с удовольствием жил как простой солдат. Он любил светские мероприятия, и все же, наделенный очень чувствительным темпераментом, был склонен давать и обижаться. Его дружеские отношения обычно были недолгими. Он обожал хорошую литературу, и, судя по причудливым строчкам, которые он произносил своему собственному мимолетному духу на смертном одре, он, возможно, был самым оригинальным поэтом Рима. В латинских стихах нет ничего более странно современного:

*Animula vagula blandula
Hospes comesque corporis,
Quae nunc abibis in loca
Pallidula rigida nudula,
Nec ut soles dabis jocos.¹*

Что с его приверженностью философии, живописи, ранней драматургии, постоянным путешествиям по древним городам, новым экспериментам в архитектуре, он был довольно необычным кандидатом на трон Августа и Траяна. И нельзя забывать, что он добрался до вершины Этны, • 10 000 футов, чтобы увидеть восход солнца! И все же выбор был оправдан. Он с легкостью взвалил на себя великое бремя и дал Риму управление на двадцать-один год, мудрость которого мало кому удавалось превзойти.

Адриан получил свое прозвище от своих далеких предков, которые пришли из Адриа в Пицене. Однако несколько поколений семьи жили в Италии, в Испании, и его прадед был первым в своем роду, кто получил **место сенатора** от **p486** в Риме — несомненно, благодаря либеральной политике Юлия Цезаря. Его продвижение по многим ступеням **cursus** и высокие посты в армии, несомненно, были связаны с присутствием на троне его двоюродного брата. Если бы не это, он, несомненно, пошел бы другим путем. Он не пользовался популярностью у сенаторов, отчасти потому, что вступил в должность, находясь на Востоке, и по очевидным причинам был вынужден просить одобрения армии, прежде чем Сенат узнал, что происходит. У Траяна было несколько великих полководцев на Востоке, и любая задержка

означала бы разделение армии на фракции и последующую гражданскую войну. Но большая часть его непопулярности была также вызвана его откровенным принятием политики Траяна по управлению Италией и сенатскими провинциями при почти полном игнорировании традиций Августа. Он разделил Италию на четыре судебных округа. Конечно, он назначил ответственными сенаторов, но нововведение не только нарушило автономию итальянских муниципалитетов, но и вторглось в компетенцию сената.

Сама основа всей его обширной административной реформы была сосредоточена вокруг идеи о том, что, поскольку сенаторское правление потерпело неудачу, имперский механизм государственной службы должен быть построен адекватно великой задаче и достаточно достойно, чтобы быть достойным империи. Очевидно, что для того, чтобы это было сделано, функции этого **cursus** не должны находиться в руках простых домашних вольноотпущенников. Он полностью отстранил их от высоких должностей. С другой стороны, нелегко было переманить сенаторов из республиканских кабинетов в имперские. Следовательно, он создал новые бюро в основном с помощью **equites**, которые были свободны от устоявшихся предрассудков. Возможно, временами он заходил бестактно далеко, как, например, когда поставил рыцаря Марция Турбо над всеми придунайскими провинциями. Конечно, он дал ему титул "префект Египта", потому что египетское командование было конным ведомством и несло с собой военные обязанности. Но Сенату не нравилось видеть рыцаря во главе армии. В **p487** сбор доходов также обходился без вольноотпущенников. Прокуроры все больше становились **всадниками**, и к бюро добавился отдельный штат **advocati fisci** — это также были рыцари, — в обязанности которых входило взыскивать задолженность по доходам и защищать интересы казны в судебных разбирательствах. Кроме того, сейчас мы впервые слышим об обычном почтово-конном отделе (для государственной почты и государственных поездок), которым руководит рыцарь, **praefectus vehiculorum**. Руководители бюро такого рода продолжали занимать свои должности при хорошей службе и получали хорошую зарплату — от 60 000 до 300 000 сестерциев в год (в то время это стоило от двух до десяти тысяч долларов). Самыми высокооплачиваемыми были государственные министры (которые во времена Клавдия были вольноотпущенниками); **рационализатор, ab epistulis, либеллис** и некоторые другие. Следующими по рангу были прокуроры или финансовые агенты провинций, затем несколько руководителей бюро, которые когда-то принадлежали городским эдилам, *например*, **procuratores alimentorum**, — **aquarum**, - **bibliothecarum**. Эта система, конечно, медленно развивалась при предыдущих императорах, но ее организация несет на себе особый отпечаток монархических идей Адриана. Именно существование этой хорошо организованной группы административных бюро позволило имперскому механизму работать умеренно хорошо в течение третьего столетия, когда исполнительная ветвь правительства была охвачена гражданскими беспорядками.

Первой военной задачей Адриана было разобраться с сарматами, которые, узнав, что Траян отозвал часть легионов на Восток, начали атаковать новую провинцию Дакию. Адриан, по-видимому, установил мир без войны; на самом деле он так

стремился избежать кровопролития, что посылал врагу подарки, чтобы подтвердить свое стремление к мирному урегулированию. Но он тщательно изучил военную ситуацию и направил армию на строительство мощной линии фортов для защиты границ Дакии и нижней Мезии, которые теперь простирались за нижний Дунай до Бессарабии. Прежде чем вернуться, он услышал о **серьезном заговоре против него** ^{p488}, а также о его подавлении Сенатом. Его возглавляли некоторые из лучших полководцев Траяна, услугами которых Адриан не пользовался, особенно мавританский генерал Луций Квиетус, который был главным кавалерийским офицером Траяна в Дакии и Парфии, и Корнелий Пальма, который за несколько лет до этого завоевал Аравию. Само собой разумеется, что эта военная группировка одобряла экспансионистскую политику Траяна и, в свою очередь, с подозрением относилась к императору, который сразу же отказался от всего, что они завоевали на Востоке в ходе трех упорных кампаний. Сенат, похоже, избавился от четырех лидеров, не дожидаясь вестей от Адриана. Все четверо были казнены. Как нам сказали, население приписало Адриану жестокость, и он так и не был полностью прощен.

Следующие одиннадцать лет Адриан провел в длительных поездках из провинции в провинцию с целью не только создания пограничной организации, но и поощрения провинциальных городов повсюду к участию в продвижении общественной работы. Он начал с рейнской границы, где приказал достроить **лаймы** до Дуная. Вдоль всего **лимеса** он принял новую политику, разрушив базовые форты и отправив армию когортами к самой стене для несения караульной службы. Это, несомненно, было более эффективным на данный момент, но это также обездвигило армию и превратило ее в стационарный гарнизон. Последствия были не совсем удовлетворительными. В связи с этим он сделал каждый легион своим агентом по вербовке, в результате чего вскоре легионы стали состоять из уроженцев близлежащих регионов. Это, конечно, облегчало содержание армии и делало службу более привлекательной, но при этом игнорировался урок, который Веспасиан извлек из восстания Цивилиса; и следующее столетие пострадало от националистического *духа корпуса* иллирийской и галльской армий. Затем он отправился в Британию, где девятый легион недавно потерпел поражение. Здесь он также установил постоянную границу, построив стену • шириной около восьми футов и высотой ^{p489}двадцать футов поперек всего острова от Тайна до Солуэя, части которой можно увидеть и сегодня-. Отныне Йорк стал северным гарнизоном. Это одно из наиболее определенных указаний на то, что, по мнению Адриана, Риму больше никогда не нужно будет проводить агрессивную политику.

Пересекая Испанию и вдоль африканского побережья, он провел два года на Востоке. Он навел Хосрова самым дружелюбным образом, вернул ему свою дочь, которую Траян увел в плен, и пообещал вернуть золотой трон Парфии, который теперь был одним из экспонатов Рима. Это был очень необычный курс для римлянина, но полностью соответствовал ответу, который он дал сенаторам-шовинистам, которые жаловались на "спуск флага" в Месопотамии. Он указал, что во времена Республики Сенат сделал то же самое в Македонии по совету Катона. Бывают моменты, когда Адриан кажется тем, кого современные дипломаты любят

называть непрактичным идеалистом. Перед возвращением домой он посетил множество знаменитых древних городов, поощрял их улучшать свои общественные здания, а также финансы, посещал их театры, их игры и лекции, а также поощрял их литераторов. Повсюду начинались новые здания, обычно по народным подпискам, на которые Адриан выделял щедрые суммы. Коринф получил новый акведук с общественными банями, Смирна - гимнасий, Эфес - храм Рима, Мегара - храм Аполлона, а в Афинах, в которых он оставался долгое время, он достроил великий храм Зевса, который Писистрат оставил незавершенным семь столетий назад. Он хотел напомнить грекам об их былом величии и вселить в них гордость и оптимизм, которые, если возможно, могли бы снова зажечь искру созидания. Из этого не вышло ничего прочного, но можно только восхищаться энтузиазмом, который настаивал на попытке. В любом случае, не его вина, что древняя греческая кровь была разбавлена тусклыми смесями, не обладающими созидательной силой.

Вернувшись домой в 126 году, он вскоре посетил провинцию [p490](#)Африки, где истощение почвы начало вызывать бедствие. Римские поселенцы и солдаты третьего легиона превратили Африку и Нумидию в течение предыдущего столетия в очень продуктивную страну. Третий легион, расквартированный Августом в Фев-Весте, в ста милях к югу от побережья, построил город в самой пустыне. Траян перенес лагерь в Тамугади (Тимгад), несколько западнее, чтобы быть поближе к Мавритании. Впечатляющие фундаменты этого города-лагеря с его великолепной преторией, банями, храмами и библиотекой, пожалуй, являются лучшим свидетельством римского метода градостроительства, которое только можно найти. Адриан теперь снова перенес лагерь ближе к Мавритании, к Ламбесису, и его руины до-наших дней лишь менее примечательны, чем руины Тимгада.

Но что особенно привлекло внимание Адриана, так это положение земледельческого населения в этой провинции, которая дополняла Сицилию как житницу Рима. Этот регион был заселен многими римлянами, которым пришлось мигрировать в поисках новых домов, когда их земли были конфискованы триумвирами. Из-за того, что сельское хозяйство в Африке не было успешным без дорогостоящей ирригации, богатые землевладельцы с готовым капиталом вскоре завладели обширными земельными участками, нанимая мелких фермеров в качестве своих арендаторов. А поскольку Нерон объявил многих из этих богатых землевладельцев вне закона и передал их собственность фискусу, у государства здесь были обширные владения. При Веспасиане и Траяне прокураторы государства сдавали эти имперские владения в аренду крупным подрядчикам ([conductores](#)), которые передавали бы в субаренду-участки крестьянам ([coloni](#)) при условии, что они сдавали в качестве арендной платы процент от урожая, а также шестидневную рабочую силу в год на землях домена, которые не были переданы в субаренду-. Во времена Адриана из записей жалоб арендаторов мы узнаем, что, поскольку скудная почва начала истощаться, арендаторы обращались к агентам штата с просьбой снизить арендную плату, о привилегии занимать и пересаживать заброшенные фермы на [p491](#)льготных условиях и об освобождении от принудительного труда, который подрядчики применяли сверх шести оговоренных дней. Фактически, кажется, что подрядчики постепенно навязывали арендаторам мягкую форму крепостного права. Проблема в

целом особенно интересна, потому что она показывает, как зародилось крепостное право в государственных владениях империи. С этой целью Адриан изучил ситуацию и издал эдикт, устраняющий претензии, который был отпечатан в различных копиях и развешан тут и там по владениям для защиты **КОЛОНОВ**.

В 129 году, после нескольких месяцев отдыха в Риме, Адриан отправился во второе долгое путешествие продолжительностью в четыре года, на этот раз главным образом на Восток. Как и прежде, он посетил множество городов, чтобы показать, что ему не терпится увидеть, насколько далеко продвинулись его планы. Находясь в Сирии, он совершил ошибку, основав колонию на ее месте. Этот акт подтолкнул евреев, которые все еще оставались, к отчаянному восстанию под предводительством корабля Бар Кохбы, который называл себя Мессией. Эта партизанская война продолжалась несколько лет, и поскольку повстанцы не желали ни соглашаться, ни сдаваться, Иудея была почти обезлюдела. Адриан оставил ведение войны **легату**, а сам отправился с визитом в Египет. Там он расширил свою инспекционную поездку до Сиены. Именно в Египте умер Антиной, молодой вифинянин, которому он, по-видимому, питал сентиментальную преданность. Говорили, что Антиной слышал о странном пророчестве, согласно которому Адриан был обречен на раннюю смерть, если не будет найдена жертва, способная принести себя в жертву вместо императора, и что в результате молодой человек утопился в Ниле. Адриан, глубоко тронутый этим актом благочестия, провозгласил Антиноя божеством и приказал изготовить множество копий его статуи с атрибутами Диониса. Но это было доказательством мистицизма, который не вполне нравился Риму. Адриан вернулся через Афины, где в 132 году он посвятил великий храм Зевса, который сейчас близится к завершению.

p492 О его последних годах, проведенных в основном в постели больного, мы мало что слышим, за исключением того, что он построил свой мавзолей за Тибром, нынешний замок Святого Ангела, и продолжал пристраивать свою виллу под Тибуром, руины которой до сих пор производят самое сильное впечатление. Однако вполне вероятно, что некоторые из его административных реформ относятся к этому периоду. Выше мы упоминали реформы государственной службы. Реформа судопроизводства, возможно, имеет большее значение. Предшествующие императоры все больше и больше брали на себя судебные функции и часто нанимали юристов для помощи им в составлении решений. Теперь Адриан сформировал постоянную скамью подсудимых, тайный совет **consilarii Augusti**, состоящий из сенаторов и рыцарей, хорошо разбирающихся в законах. Они регулярно назначались и получали жалованье. Это изменение было чрезвычайно важным, поскольку до сих пор от советника слишком часто ожидали, что он будет представителем императора, который сможет найти для него подходящий аргумент. Отныне совет состоял из независимого органа ответственных людей, которые должны были голосовать в соответствии с требованиями логики и закона. Вполне возможно, что новый акцент на гуманитарных принципах, который в настоящее время появляется в римском праве, обусловлен деятельностью этого собора. Рабам, например, теперь было предоставлено право выступать в суде, тогда как до сих пор они находились во власти своих хозяев, и также было запрещено продавать рабов в

аморальных целях. Сборник старых преторских эдиктов, так-называемый бессрочный эдикт, также был составлен Юлианом, одним из главных советников, и он стал законом по решению Сената.

В качестве своего преемника, поскольку у него не было детей, Адриан выбрал для усыновления молодого человека, Л. Цейония Коммода, о котором мы знаем очень мало, и которому, конечно, он дал свое собственное **имя**, так что его называли Л. Элием Цезарем. Однако Элиус вскоре умер, оставив сына Л. Вера, которому было всего семь лет. Поэтому Адриан снова сделал выбор, на этот раз выбрав сенатора старше пятидесяти лет Т. Аврелия Антонина, которого за его доброту к своему приемному **p493** p493 стали звать Пий, а Антонина, в свою очередь, попросили усыновить племянника его жены, исторического Марка Аврелия, тогда привлекательного восемнадцатилетнего юношу, а также мальчика Вера. Выбор Антонина оказался удачным, но он не удовлетворил некоторых сенаторов, которые воображали, что они находятся в очереди. Особенно озлобленный был Адриана брат в-законе, Servianus, которые, хоть девяносто лет, надеется, что из-за его связи-корабля, и долгие годы безупречной службы он мог, по крайней мере, выиграть подряд для его потомков, если не для себя. Действительно, императору, по-видимому, доложили о заговоре, и Сервиан, а также его внук были казнены. Это был акт жестокости, вызванный, несомненно, вспыльчивым характером, который только подлил масла в огонь негодования, уже охватившего Сенат. Адриан умер в 138 году после попытки самоубийства, глубоко ненавидимый сенатом. Его преемнику с трудом удалось спасти свое имя от обращения, подобного Домициану.

Т. Элиус Антонин Пий, 138-161год н.э. Антонин Пий также был возвращающимся отпрыском тех римских колонистов, которые были посажены в провинции в более здоровые времена. Его родным городом был Немаус (Ним) на юге Франции, который Август основал с ветеранами в 16 году до н.э. Вероятно, именно ему этот прекрасный город обязан амфитеатром, который там используется до сих пор, и величественным мостом-Дюгар к северу от города, по которому был проложен акведук высоко над полноводной рекой для обслуживания колонии. Марк Аврелий, который испытывал величайшее восхищение своим приемным отцом и сам подражал ему, в начале своих "Размышлений" очень откровенно, хотя и довольно сентиментально, писал о качествах этого человека. Антонин, по-видимому, обладал твердостью решения, трудолюбием и настойчивостью, полным самообладанием и уравновешенностью, которых можно ожидать от римлянина старой школы, но в нем были мягкость, умиление и скромность, доходившие почти до кротости, которые типичные римляне старого сената **p494** Было бы трудно найти у любого современного правителя столь полный перечень тех самых добродетелей, о которых говорится в Евангелиях, которые Антонин Пий и Марк Аврелий проявляли на протяжении всего своего правления. Лучшее из язычества и христианства, по-видимому, сочетается в их кодексах повседневного поведения.

За двадцать три года правления Пия можно зафиксировать очень мало поразительных поступков. Бриганты в Британии восстали, но были быстро подавлены (140 г. н.э.) Лоллием Урбиком, способным **легатом**, а пленники были доставлены в римские **лимесы** на Неккаре и использованы для возведения новой

передовой линии фортов против германцев. В Британии к северу от линии Адриана в самом узком месте острова была построена стена. На Востоке аланы были снова остановлены, когда они попытались совершить набег через Кавказские горы, и жители этого далекого региона над Арменией добровольно признали сюзеренитет Рима. Антонин поддерживал хорошие отношения с парфянами, как и Адриан, путем дружеского обмена письмами. Шовинисты предполагали, что эта мягкая политика только укрепила гордыню варваров и сделала их еще более готовыми позже напасть на Рим, но доказательств этому нет. К жителям провинций относились со всем возможным вниманием, многие города получили латинский или римский статус, а дань была значительно снижена, поскольку благодаря осторожности и бережливости Пий смог обеспечить приличный ежегодный профицит казны, несмотря на уменьшение поборов.

Пожалуй, единственное свидетельство каких-либо нововведений поразительного характера можно найти в римском праве. В *Сборнике*, по крайней мере, приводится множество хорошо аргументированных решений времен Пия, и они всегда основаны на полезных и либеральных принципах. Пий сам был неплохим юристом и поэтому выбрал для своего **консилиума** выдающихся юристов того времени. Новаторство Адриана в создании постоянного тайного совета, независимого от предвзятости, давало римскому праву **p495** возможность вернуться к великим традициям Республики и продолжить структуру на основе равенства. Антонин Пий умер в 161 году, задолго до этого обеспечив регулярные императорские полномочия своему приемному сыну Марку Аврелию. На самом деле он отдал свою дочь Фаустину младшую ему в жены, а не Веру, как того желал Адриан. После своей смерти он ни словом не упомянул о Верее, который оказался юношей с дурными привычками и лишенным прилежания, но Марк Аврелий, желая быть абсолютно справедливым к молодому человеку, сразу же обручил его со своей сестрой и попросил Сенат предоставить Веру те же полномочия, что и ему самому. Таким образом, пока был жив Вер, существовало два августа, и, по крайней мере формально, исполнительная власть впервые в Империи была разделена между двумя правителями.

Марк Аврелий, 161-180г.н.э. (Луций Вер, 161-169). М. Аврелий Антонин, король-философ, был отпрыском двух семей, разбогатевших благодаря кирпичной промышленности. Его мать, Домиция Луцилла, была правнучкой Домиция Афера, который владел почти монополией на печи для обжига кирпича в нероновский период великого строительства, в то время как его отец, Анний Вер, по-видимому, владел большинством дворов, которые не принадлежали Луцилле. Таким образом, молодой человек был очень богат на свое имя, когда пришел к власти. В конце концов от его состояния осталось совсем немного; он был слишком чувствителен к нуждам своего народа, чтобы иметь возможность сохранить что-либо из этого.

Философ известен всему миру благодаря своим "Размышлениям", книге интимных записей сверхчувствительной и болезненно самокритичной души. Эта книга, лишенная всей твердой уверенности в себе, присущей философии стоиков, которой она якобы учит, произвела очень глубокое впечатление на последующие поколения, проникнутые учением Нагорной проповеди. И все же эти приглушенные

предложения [p496](#) и фразы, очевидно, были написаны в свободные минуты во время кампаний серии ужасных войн.

Еще до того, как Аврелий пришел к власти, парфяне снова ворвались в Армению. Они быстро разгромили каппадокийскую и сирийскую армии, которые пришли, чтобы остановить волну вторжения. Аврелий отправил Вера на Восток руководить операциями, возможно, чтобы отвлечь молодого человека от его безответственной карьеры увеселителя в Риме. Вера всего лишь продолжал развлекаться в Антиохии, но, к счастью, в Риме нашлись офицеры, которые могли бы заняться настоящей работой. Статий Приск пришел с большими силами с Дуная и очистил Армению, в то время как Авидий Кассий организовал сирийскую армию и вторгся в Парфию. Он восстановил римское правление в верхней Месопотамии и, захватив Ктесифон, снова вынудил парфян просить мира. Однако едва эта работа была закончена, как было объявлено, что немцы вторгаются в Италию и армия должна вернуться домой. Вернувшиеся солдаты Вера принесли домой инфекцию, которая была хуже многих войн, какую-то восточную чуму, которая быстро охватила всю империю. Добрая половина некоторых когорт заболела и умерла. Рим невыразимо страдал; повозки были завалены мертвыми, которых вывозили для погребения. И по всей Италии города и деревни редели, пока не возник вопрос о том, кто должен возделывать поля. Это было жалкое начало оборонительной войны, когда казалось, что вся Германия наводняет Дунай.

Что произошло в Германии, мы не знаем, но, похоже, начались великие народные движения, которые в конце концов захлестнули Италию, Францию, Англию и Испанию. Маркоманны и квады, племена, ближайšie к Дунаю, были главными нарушителями, на которых давили другие племена сзади. Но несколько сарматских племен,² пришедших из России, также приняли участие, как и многие германские племена, [p497](#) такие как вандалы и лангобарды, которые до сих пор жили в глубине страны, и, судя по портретам и костюмам, изображенным на колонне Аврелиана в Риме, даже славянские племена, о которых история теперь впервые узнает. Поначалу фронт на нижнем Дунае держался, но маркоманны и квады прорвались из Богемии и дошли до Адриатики. Император взял на себя личную ответственность за оборону и в 166 году освободил Аквилею как раз вовремя, чтобы спасти Италию. Зимой в Паннонии шли ожесточенные бои, но к весне 167 года земли ниже Дуная снова были свободны, как и Дакия, которая была захвачена вплоть до горнорудного региона. Но новые волны варваров продолжали захлестывать город, и только в 170 году римляне смогли перейти в наступление. Они переправились через реку у Карнунтума, сначала атаковав квадов, чтобы отделить германцев от сарматов. Разгромив квадов и вынудив их отдать свою добычу и пленных, армия двинулась на восток, против лангобардов и сарматов. Маркоманны снова пересекли верхний Дунай, и Аврелию пришлось повернуть на запад. С помощью второй армии, возглавляемой искусным Пертинаксом, впоследствии императором, он очистил Рецию. Враг был разгромлен при переправе через реку и преследовался вглубь Богемии. Было взято множество пленных и отправлено в Италию для работы в качестве подчиненных арендаторов на землях, обезлюдивших от чумы. Это могло бы принести пользу всем заинтересованным сторонам, если бы эта первоначальная

идея получила дальнейшее развитие. Теперь нужно было снова начать порабощение сарматов, но они были разбиты римскими легионами, которые теперь продвинулись до Вислы за Карпатами.

К сожалению, в этот момент императора внезапно отозвали. Авидий Кассий, наместник Сирии, получив ложный слух о своей смерти, провозгласил себя императором и до сих пор связывал себя обязательствами и несколько провинций, что не захотел отступать, когда [p498](#) стала известна правда. На самом деле Кассий никогда не отличался преданностью. Находясь на Востоке, Вер сообщил о своем недостойном поведении Марку, предлагая его смещение, но последний с высоким альтруизмом, которого вряд ли можно ожидать от язычника, ответил просто: "Кассий - хороший солдат, и его услуги нужны государству. Если он лучше моих собственных детей, он имеет право на трон. Но Кассий нанес удар в неподходящий момент. Аврелию пришлось спешно выполнить очень важное задание по подавлению восстания. Однако Кассий был сражен своими же офицерами до прибытия Аврелия. На обратном пути умерла жена императора Фаустина, которой он был глубоко предан, несмотря на слухи о ее неверности. Он попросил Сенат воздать ей божественные почести и в память о ней отложил большие суммы в трастовый фонд для поддержки дочерей бедных родителей. Бенефициары назывались [puellae Faustinae](#).

Аврелий снова вернулся на Дунай в 178 году, чтобы завершить свою работу. Но прежде чем уйти, он должен был прийти на помощь казне, которая была полностью истощена расходами во время чумы и войны. Большая часть его собственного состояния пропала сразу, а затем он лишил дворец всех ценных предметов, которыми можно было распорядиться, многого из того, что оставили его предшественники, а также многого из того, что собрала его собственная жена в виде драгоценностей, гобеленов, мебели и произведений искусства. Публичные продажи на Форуме длились неделями.

Достигнув границы, он направил войска через нее, чтобы захватить и укрепить важные пункты, поскольку он справедливо полагал, что Богемия лучше всего контролировать как провинцию, а если Богемия, то также необходимо занять сарматский клин между ней и Дакией. Фактически он намеревался присоединить Маркоманию и Сарматия в качестве провинций к империи. Но прежде чем это было сделано, он умер в Вене (Виндобоне) весной 180 года. Его недостойный сын Коммод оставил обе провинции [p499](#) и поспешил домой, чтобы наслаждаться властью, которой он так мало заслуживал, и злоупотреблять ею.

Гуманитарные идеи, очевидные повсюду в правовых и правительственных реформах Пия, также очевидны в деяниях Аврелия, как и следовало ожидать, прочитав его книгу: поощрение освобождения, меры помощи бедным, облегчение участи провинциальных должников, расширение сферы "равенства" в судебных процедурах. Характерно для него и его времени, что памятник в честь Фаустины был не великим зданием, а благотворительным фондом, который должен был заботиться о 5000 детях бедняков. Но Аврелий достаточно долго прожил в Риме, чтобы понять, что тот же либерализм не может быть применен к правительству, учитывая слабый сенат и подвластное население, которые сейчас были в Риме.

Следовательно, хотя он продолжал правильно признавать старые конституционные формы, он фактически централизовал власть и продолжал создавать имперские бюро. Хотя он послушно присутствовал на всех заседаниях Сената, когда находился в Риме, и зашел так далеко, что передавал ему все важные вопросы, он, тем не менее, предпочел изложить все такие вопросы лично, так что фактически не было никаких дебатов, и его "ссылка" была сведена к изложению *свершившихся фактов*.

Также был создан императорский курсив, и **всадникам**, заведовавшим канцеляриями, были присвоены титулы по степеням; это были по порядку: **V. Em.** (**вир эминентиссимум**) титул преторианского префекта; **V. P.** (**вир перфектиссимум**) титул великих прокураторов Рима, "государственных секретарей", и **V. E.** (**вир эгрегиус**) титул других прокураторов. Сенаторы отличались титулом **V. C.** (**vir clarissimus**). Он был достаточно сведущим в человеческой природе, чтобы знать секрет обеспечения постоянной службы на государственной должности. **Общественные кураторы** были продолжены, как и **юридические** власти четырех регионов Италии, хотя Пий на время пожертвовал последними из-за негодования сената. Наконец, он надеялся более тесно связать **p500**важную должность преторианского префекта с гражданскими интересами города и императора, выбрав на эту должность выдающихся юристов, а не готовых солдат. После своей смерти он оставил хорошо организованный правительственный механизм, для успешного манипулирования которым требовалась лишь разумная доля здравого смысла, справедливое суждение при выборе должностных лиц и лояльное отношение к государству. Вряд ли можно было ожидать, что Рим в будущем не сможет удовлетворить даже эти скромные требования своих правителей после опыта второго столетия.

Примечания автора:

1

вщий, подменыш, дорогой, товарищ и гость тела,
акой мир теперь отправишься ты —
эй, дрожащий, умирающий от голода — и не произнесешь своей
обычной шутки?"

² Недавние исследования, по-видимому, указывают на то, что сарматы были иранского происхождения.

Примечание Тайера: Хорошие подробности можно найти **на странице Livius.Org**.

Примечание Тайера:

^a Семья Траяна, или, может быть, даже сам Траян, похоже, были родом из Умбрии в центральной Италии. Согласно Франко Манчини (*Todi e i suoi castelli*, Перуджа, 2-е изд. 1986, стр. 171, 133), Федерико Чези (1585-1630), герцог Акваспарты в Умбрии, наиболее известный как натуралист и ученый, основатель Академии Линчеев, был первым современным писателем, который назвал соседний город Тоди или его ближайшие окрестности домом семьи Траяна, и даже имел большую комнату в своем дворце в Акваспарте, украшенную фресками с изображением скульптуры. аллегория матери Тоди и двух ее знаменитых сыновей, Траяна и папы римского святого Мартина I: сохранились следы картины. Теория, основанная на словах "**ex urbe Tudertina**" в единственном отрывке ps-Victor (*Воплощение Цезарибаса*, 13.1 с благодарностью "**Deipnosofista**" за то, что откопали ее), не осталась без возражений в ученых кругах на протяжении восемнадцатого века и даже иногда сегодня — было предложено исправление **Turdetana**, возвращающее семью Траяна обратно в Испанию — но умбрийские писатели в целом последовали за герцогом Федерико и набирают популярность вслед за ними в других местах.

Глава XXVII

Искусство и правительство во Втором веке

Литература. В период "добрых императоров" велась значительная литературная деятельность, но было создано мало поэзии, достойной внимания. Здесь нет господствующей школы, смешанные народы, пришедшие со всех уголков империи, как бы затерялись в смешении языков. Имперский Рим, возможно, и был "плавильным котлом" рас, но сырая руда, которая поступала в него, была в основном низкосортной, а огонь под котлом был слишком слабым, чтобы извлечь какой-либо драгоценный металл. Золото терялось в шлаке. И среди высших классов господствовал дух пессимистического стоицизма, который проповедовал доктрины практического образования. Творческое воображение, встречающееся редко, не имело рыночной ценности.

Один гениальный человек, *Корнелий Тацит*, сенатор и консул, посвятил большую часть своей жизни истории. В своем первом труде "*Диалогус*", написанном, по-видимому, в царствование Домициана, он показывает, что, по крайней мере, знал некоторые из причин интеллектуального упадка. Он знал, что падение Республики стало ударом по независимой умственной деятельности, а также что общее требование практических результатов в образовании разрушительно для всего художественного творчества. Его жизнеописание *Агриколы*, его тестя-, чьи завоевания в Британии уже упоминались, дает нам ценный обзор ранней истории этой колонии, а также краткое изложение политики Рима в провинциях. Его "*Германия*" была поспешно подготовленным "военным-памфлетом", выпущенным, когда Траян завершал работу по укреплению границы по Рейну. Это этнологическая книга, имеющая неоценимую ценность для истории примитивных социальных стр. 502 обычаев европейских варваров, хотя следует признать, что автор изобразил своих варваров в ярких тонах, чтобы использовать их для контраста с упадочным Римом. В его *Historiae* рассказана история Рима его времени. Сохранилась только треть этого труда. Утрата части, посвященной императорам Флавиям, оставила нас на милость Светония, писателя гораздо более низкого уровня. Последним великим трудом Тацита были *Анналы*, полная история империи от смерти Августа до правления Нерона. Более половины этой книги также утрачено.

Как и Ливий, Тацит хотел сделать из своей истории произведение литературной ценности, и, как и он, он снова попытался визуализировать историю, так сказать, компенсировать отсутствие иллюстраций эффектными набросками пером. У него была, если это возможно, более глубокая любовь к Республике, чем у Ливия. Будучи сенатором во времена Домициана, когда этот республиканский орган был сокрушен тираном, он писал с острой ненавистью к тирании. Действительно, в то время сам Тацит был очень близок к смерти. Это обстоятельство делает его менее уравновешенным рассказчиком прошлого, чем Ливий, а его жгучая ненависть ко всем императорам, наносившим удар по старым конституционным формам, делает

его бессильным проявить ту спокойную беспристрастность, к которой, как он честно заявляет, он стремится. Поэтому читатель должен быть настороже, особенно при чтении истории Тиберия, который казался Тациту первым в ряду тиранов и, следовательно, самым виновным из всех; и осторожность должна быть проявлена тем более, что немногие историки обладали литературным даром, сравнимым с даром Тацита. Диапазон его стиля от нарочитой простоты до возвышенного великолепия, мастерская лаконичность и проницательность его повествования, способность несколькими хорошо подобранными штрихами раскрывать своих персонажей, его неизгладимые картины политических кризисов — все это заставляет читателя увидеть империю первого века глазами Тацита. И надо признать, что в основном его версия настолько правдива, насколько это вообще возможно в истории. Он был беспечен p503 в записи военного движения — на самом деле у него нет терпения с тактикой — его оценке второстепенных личностей вроде предавать поспешно исследования, этнология и его не всегда первый курс или звука, но он знал, что Рим, он постиг человеческую природу, и он имел возможность представить себе, что его умственный взор видел. Дюжина томов, в которых точно перечислены все факты со строгой хронологической точностью, не были бы адекватной заменой Тациту.

Плиний младший, К. Плиний Цецилий Секунд, консул и друг Тацита, также заслуживает нашей благодарности за его сборник добрых, банальных и несколько педантичных писем. Эти письма не имеют той ценности как исторические документы, которую мы придаем письмам Цицерона, поскольку Плиний писал их с целью публикации, и поскольку он был очень чувствителен к похвалам, он позаботился о том, чтобы в них не содержалось ничего, что могло бы не считаться *комильфо* в лучших кругах. *С соответствующими изменениями* они могли быть написаны сто лет назад каким-нибудь сентиментальным провинциальным джентльменом из Англии, который гордился уважением своих арендаторов, своими стихами в подражание поупу, своим игровым-мешком и своим почетным местом за столом герцога. И все же, каким бы претенциозным Плиний ни был, он дал нам картину обширного общества, о существовании которого никто не заподозрил бы со страниц Ювенала и Тацита, картину корректной, но бестолковой и незанятой римской аристократии, безвредно проводящей время в гостиницах за литературными концертами, благотворительностью и обедами с нужными людьми. Наиболее важной частью его труда является десятая книга, содержащая его письма-запросы к Траяну из провинции Вифиния и мастерские ответы Траяна.

Ювенал (D. Junius Juvenalis), сатирик, не принадлежал к правильному кругу Плиния, хотя был примерно того же возраста, что и Плиний. Судя по всему, он был неудачливым юристом, который в поисках профессии пошел на военную службу и в качестве трибуна варварской когорты проходил службу как в Британии, так и в Египте. Родившийся в маленьком городке Аквинум и повидавший многое в простом мире за время своей провинциальной службы, он смог понять Рим так, как не смог аристократичный Плиний, и то, что он увидел, вызвало его негодование. p504 Его презрение к претенциозной тщетности придворных кругов, к бессовестному распутству, к незанятым и скучающим женщинам из общества столь же горько, как

и к разношерстному сброду на улицах, который даже не понимал латыни, и к бизнесменам, получавшим доход незаконным путем. Всего таких ужасных сатир шестнадцать. Наиболее известными, несомненно, являются третья, перефразированная в романе доктора Джексона "Лондон", и десятая, адекватно воспроизведенная в его "Тщете человеческих желаний". В качестве противоядия от Ювенала нужно почитать Плиния; для получения истинного представления о столице, вероятно, было бы достаточно их сочетания.

К. Светоний Транквиллус (около 75-160) был эрудитом, чьи работы вряд ли относятся к литературе. В его "Жизнеописаниях цезарей" вплоть до Домициана, единственном сохранившемся его произведении, есть многое, что представляет интерес для историков. Светоний кажется более беспристрастным, чем Тацит, отчасти потому, что у него нет фиксированной точки зрения и он собирает свой материал из всех источников. На самом деле ему не хватает ни способности, ни желания составлять последовательные характеристики, и он скорее уступает более легкой задаче нагромождения фактов и анекдотов; и его работа испорчена тем глубоким интересом к тайнам и суевериям, которые теперь начали распространяться по римскому миру с Востока. Огромная ценность его работы заключается главным образом в том факте, что в качестве секретаря Адриана он пользовался императорскими архивами, порой сохраняя материалы, доступные только одному историку.

М. Корнелиус Фронтон (около 75-160) оставил нам некоторые из писем, которые он писал своему бывшему ученику, императору Марку Аврелию. Они интересуют нас главным образом тем, что показывают, как латинский язык того времени терял свою исконную силу и имитационно возвращался к притворному сходству с языком Катона. Эта "**красноречивая новелла**", как она называлась, немало напоминает нам определенный английский язык иммигрантов, который время от времени появляется в дешевых журналах metropolitan [p505](#). Основой была искусственная латынь, усвоенная при школьном чтении, катоновская, цicerоновская и вергилианская. К этому добавилась приправа из современных разговорных выражений, в то время как образы были склонны к витиевато-восточным. Это именно то, чего можно было бы ожидать от такого африканца, как Фронтон, чьим родным языком, вероятно, был карфагенский, и который воспитывался в провинциальных школах, где республиканские авторы все еще были в моде. То, что такой стиль мог навязаться Риму в качестве похвального вида латыни, доказывает, как много было тех, кто не унаследовал настоящий природный вкус этого языка от римских родителей.

Апулей - более интересный африканец, который, хотя, как и Фронтон, отказался от своего родного языка в пользу лучшей из доступных "новой латыни", отказался формировать свое воображение по ортодоксальным римским образцам. Помимо нескольких книг с безразличными лекциями, речами и диалогами, — поскольку он был также юристом и преподавателем, — он оставил очень восхитительный сборник рассказов под названием "*Метаморфозы*", повествующий о приключениях человека, который по волшебству превратился в осла. Несколько историй, встречающихся в ходе повествования, были пересказаны Боккаччо и другими, и лучшая из них, "Амур и Психея", вошла в список сказок, известных каждому. Стиль

Апулея - это смесь латыни, усвоенной из правильных школьных учебников, и той, которую он находил на улицах, вся окрашенная не забытыми местными идиомами и не-римским изобилием фраз. Иногда он достигает высот воображения, иногда шокирует нас грубостью вкуса и выражения, но, по крайней мере, он всегда интересен.

Здесь не место подробно говорить о многих греках, которые тогда писали, хотя следует сказать, что к этому времени практически все они непосредственно соприкасались с римскими вещами, и многие из них были обязаны своим вдохновением римской тематике или римскому покровительству. *Плутарх*, например, хотя и прожил большую часть своей жизни в Греции, получил от Траяна **506** звание консула. И его приятные "Параллельные жизни" так же полно рассказывают о римских государственных деятелях, как и о греческих. Он умел читать на латыни и часто использовал римские источники. Однако давно признано, что он мало заботился о том, насколько точны его портреты, при условии, что они служили цели "книг для мальчиков" - быть читабельными и излагать "мораль". Даже *Лукиан*, единственный литературный гений II века, закончил свои дни на римской государственной службе. Этот азиат из Самосаты, чьи остроумные диалоги для сатир Ювенала то же, что дамаский меч для дубинки, своей изящной аттической речью доказывает, что греческий мир, как и латинский, утратил себя и должен был вернуться в предшествующую эпоху, чтобы найти свой язык.

Однако самым странным явлением во всей литературе наших дней является книга императора *Марка Аврелия*, отпрыска богатых бизнесменов, который писал свои философские размышления на легком схоластическом греческом. Вдохновляла его книга раба Эпиктета, вынужденного бежать из Рима в правление Домициана; и подавленный дух кроткого и пессимистичного труженика кажется нигде столь неуместным, как во дворце римского императора. Казалось бы, когда римляне покорили мир — **debellare superbos**, как называл это Вергилий, — и уничтожили дух независимости, и научили покоренных заповедям смирения, мир подвластных рас с кодексом подчиненных взял реванш, затопив даже метрополию, и теперь, наконец, заставил самих правителей принять его евангелие.

Рисунки. В искусстве этого периода, пожалуй, больше оригинальности, чем в литературе, поскольку имперские завоеватели по-новому проиллюстрировали многие великие деяния и дали обширные заказы скульпторам и архитекторам. Мы упоминали великую колонну Траяна, над которой скульпторы провели совершенно новый эксперимент, изобразив живописную историю войны в форме извилистого свитка **p507**. Это была очень смелая концепция, и ее нужно было воплотить таким образом, чтобы она не могла не пришлась по вкусу римлянам, любящим реализм. Пространство и время должны быть подчинены друг другу, и картинка должна постепенно сливаться в картинку, чтобы соответствовать расширенному кадру и скрыть подавление пространства. Художники, конечно, все еще не могли решить проблемы перспективы, но многие трудности были успешно преодолены. Взгляд постоянно перемещается от происшествия к происшествию благодаря объединяющей фигуре постоянно появляющегося императора, разнообразие достигается использованием всевозможных происшествий и ощущением

актуальности благодаря вниманию к деталям дакийского и римского пейзажа, портретной живописи и костюма. "Непрерывный" стиль, изобретенный для оформления зданий Траяна, сохранил свое влияние на многие сотни лет.

На арке Траяна в Беневенте, [на которую мы также ссылались](#), снова встречается более традиционный стиль, подходящий для отдельных панелей. Но и здесь проявляется замечательная легкость в захвате того, что является наиболее типичным в карьере императора, и в воплощении духа его правления в просто составленных и впечатляющих сценах.

Во времена Адриана, великого путешественника, было меньше попыток решать новые проблемы. Адриан был человеком с католическими вкусами и небольшим количеством предрассудков. Его обширная вилла под Тиволи, с ее предложениями, заимствованными из каждого уголка греческого Востока, показывает, как он предпочитал собирать художественные напоминания о вещах, на которых любила останавливаться его память. И вполне вероятно, что в своих путешествиях он также разыскивал художников везде, где находил приятную работу, привозил их в Рим и давал им заказы. Таким образом, его период, хотя и оставил много хороших работ, не отличается каким-либо выдающимся художественным достижением оригинальности.

Самым ярким произведением искусства времен Марка Аврелия является колонна, иллюстрирующая маркоманнскую войну, древко, которое, как и у Траяна, достигает ста футов в высоту и до сих пор стоит на Пьяцца Колонна в Риме. Это, конечно, [р508](#), выполненный в том же непрерывном стиле, и настоящий корабль workman вряд ли уступает ему. Интерес, однако, не так хорошо поддерживается, поскольку из восьми лет кампании императора удалось сделать только фотографии, и они, по-видимому, использованы без учета их хронологического расположения, возможно, для получения большего эффекта контраста. Чувствуется также, что иллюстрированный свиток, достаточно уместно установленный Траяном между двумя его библиотеками, не обязательно было повторять на Марсовом поле, где, в конце концов, он должен был вызвать некоторое недоумение. Отдельные сцены, однако, привлекательны. Марк Аврелий, несомненно, внес свою лепту в выбор многих из них и в предложение различных деталей, поскольку здесь меньше радости битвы, чем в колонне Траяна, и немало намеков на неулыбчивую стоическую судьбу, которая так трогательно выглядывает с каждой страницы *Размышлений*.

Религия. Если бы Сципион вернулся в Рим во времена Марка Аврелия, он не чувствовал бы себя дома. Великолепие города также не компенсировало бы странного вида людей на улицах, жаргона языков, на которых они говорили, охоты на львов и гладиаторские бои в Колизее и, мы можем добавить, раболепного Сената. Но что, несомненно, поразило бы его больше всего, так это странные и шумные процессии почитателей Исиды, кровавые жертвоприношения приверженцев Великой Матери, ищущих вечной жизни, мистические собрания посвященных Митры, совершающих непостижимые поступки в подземных церквях. Возможно, он видел подобные вещи в Азии во время своей войны с Антиохом, но вряд ли он мог предположить, что Рим когда-нибудь будет подавлен этим странным багажом.

Давно обсуждалось, почему Европа так и не создала великой религии, в то время как Азия дала миру религии Зороастра и Будды, иудеев и христиан, Митры, Мухаммеда и всех остальных. Когда римские проконсулы отправились в свои восточные провинции p509, их особенно поразил тот факт, что жители провинций очень серьезно относились к тайнам религии. Как бы ни назывались странные божества, преданные, как правило, верили в жизнь после смерти и сделали очень важной частью своей повседневной жизни обеспечение доступа к ней на максимально выгодных условиях. Казалось, они всегда испытывали сознание греха или, по крайней мере, физической нечистоты перед божеством и страстное желание смыть это пятно, чтобы быть пригодными для общения с божеством. Они интересовались обрядами очищения, постом, телесными мучениями, посвящениями и таинствами, которые они научились считать действенными. В целом они смотрели на этот мир как на несчастный, горести которого можно было компенсировать радостями в загробной жизни. Они отвергали обоснованность разума применительно к религиозным вопросам и настаивали на том, что интеллект должен подчинить себя акту веры, полному, беспрекословному подчинению богооткровенному авторитету. Древние римляне времен Цицерона не могли постичь подобных вещей; иногда они забавлялись обрядами элевсинских мистерий, потому что они были древними и "греческими", но и только. Их отношение в целом было таким, которое мы можем назвать европейским. Они находили эту жизнь удовлетворительной и разумной и не проявляли особого стремления к другой; люди лучше всего следовали Природе, действительно, естественные склонности человека не были полны греха и порочности, они нуждались только в разумном контроле интеллекта. А что касается принятия веры в качестве руководства, то римлянам не казалось ничего глупее, поскольку человек больше всего гордился разумом.

Эта разница в отношении, возможно, была результатом реальной физической и ментальной разницы между римлянами и большинством азиатов. Было высказано предположение, что полузасушливая и ненадежная страна Западной Азии способствовала выживанию нервного и опасливого темперамента, и что продолжающаяся неспособность демократии утвердиться и неизбежность автократических правительств в p510этом регионе являются лишь другими фазами того же состояния. Как бы то ни было, арабы и сирийцы, каппадокийцы, евреи и армяне, по-видимому, мало отличались в своем религиозном отношении. Даже этруски, пришедшие в Италию из Азии, принесли с собой ту же религиозную "суетливость", как называли это римляне, и в некоторой степени внедрили ее в римский ритуал, когда они правили Римом. Но Республиканский Рим многое сделал для того, чтобы свести ритуал к холодному и формальному культу, интерес к которому среди народа все больше и больше угасал по мере того, как уменьшался этрусский элемент в Италии. Однако в Империи, когда, по словам Ювенала, воды Оронта (в Сирии) впадали в Тибр, они несли бремя восточных народов на Запад, и эти люди принесли с собой свои собственные обряды.

Поклоняющиеся Митраизму впервые прибыли в Рим в качестве военнопленных, захваченных Лукуллом и Помпеем в войнах с Митрадатом и киликийскими пиратами. Эти рабы, конечно, не имели большого влияния и были слишком бедны,

чтобы строить часовни для себя. Их приход поначалу мало повлиял на римские культы. Однако следует помнить, что даже если они временно забывали о своих обрядах, их дети, которые выросли в лучших условиях, обеспечивали благоприятную почву для семян мистических культов, которые были позже импортированы. Затем Август, Тиберий, Корбулон, Веспасиан и Траян привели новые орды пленников, и когда потомки этих людей поднялись по социальной лестнице, они принесли с собой респектабельность своей религии. Их церкви возникали повсюду, часто при поддержке богатых восточных торговцев, которые открывали филиалы в Риме и итальянских портовых городах. Наконец, солдаты, которых постоянно набирали на Востоке, начиная с рекрутов Помпея Брута Кассия, принесли с собой свои собственные культы. Эти солдаты не только служили во всех западных провинциях, особенно в течение пятидесяти лет после армейских реформ Веспасиана, но и p511 Раскопки выявили более шестидесяти центров митраистского культа только в Риме и семь в небольшом портовом городке Остия, и вряд ли где-либо в империи найдется крупный город или какой-либо важный военный лагерь в Британии, Галлии, Испании или на линии Дуная, где не были бы найдены посвященные надписи Митре.

Эта религия была обычного восточного типа, но несколько более чистой от отбросов, чем большинство из них. Она выросла из зороастризма с помощью халдейского мистицизма и астрологии. Митра был-богом света, который помогал людям в их борьбе спастись от дьявола тьмы, Аримана, и достичь Ахура Мазды, силы света. Верующие были членами конгрегаций, которые помогали друг другу в трудные времена, и они регулярно совершали богослужения в своих подземных часовнях с молитвой и сложным ритуалом. Эти конгрегации обладали всем очарованием тайных обществ, присуждая семь степеней посвящения, которые включали в себя пост, омовения и заучивание тайных песнопений и лозунгов, которые были предназначены для того, чтобы помочь душам посвященных после смерти пройти мимо злых демонов к высшим звездам небес. Считалось, что помощь Митры носит личный характер и присутствует всегда, обряды приносили облегчение от телесной скверны, обещание вечного счастья было несомненным, и, по крайней мере, кое-где преданные также молились о моральном очищении.

Неудивительно, что жители Востока, знавшие эту веру, упорно цеплялись за нее. Несомненно также, что она привлекла много новообращенных на Западе, хотя не так уж точно, что люди настоящего западного происхождения приняли ее в какой-либо степени. Когда позже мы обнаруживаем сенаторов, приносящих подношения Митре, мы можем в целом заключить, что они произошли от восточных предков, которые задолго до того, как получили гражданство и достигли богатства и достоинства благодаря успешной деловой карьере; и императоры, которые оказывали уважение Митре, обычно делали это потому, что считали мудрым по политическим причинам проявлять формальную симпатию к культам, которые принимала большая часть народа и армии. Часто говорят, что митраизм когда-то был сильным соперником христианства и, возможно, стал религией Европы. Это не совсем верно. Его обширное распространение на запад в целом свидетельствует просто о широком распространении выходцев с Востока на Западе. Когда восточные

когорты перестали служить на западной границе, культ вымер в западных лагерях. Дольше всего она сохранилась в Риме, потому что Рим был насквозь наводнен людьми восточной крови.

Митраизм был, пожалуй, самой успешной из мистических религий, но было много других, распространявшихся по римской территории таким же образом. Древняя религия Исида, которая была вдохновлена верой в то, что Исида вернула Осириса к жизни и, следовательно, может дать бессмертие всем приверженцам, процветала повсюду, куда бы ни направлялись александрийские рабы и торговцы. Процессии Исида, в которых была изображена история воскрешения Осириса, были настолько впечатляющими, использование гипноза и всех искусств спиритических медиумов - настолько хитроумными, что немало жителей Востока были пойманы. Эта религия, подобная религии Митры, предлагала избавление от чувства вины, общение с божеством, сочувствие товарищам покораблю и бессмертие, и она распространилась за пределы колоний египтян, особенно среди бедных и невежественных.

Поклонение Великой Матери также приобрело новую жизнь во времена Империи. Культ, который впервые был привезен в Рим во время второй Пунической войны по патриотическим соображениям, как мы уже отмечали, был перенесен на Палатин, как только Сенат обнаружил, какую удивительную вещь они импортировали. Но в Империи, когда в Риме были тысячи граждан с Анатолийского плато, родины религии, Magna Mater пришлось отменить; и теперь приверженцы, недавно прибывшие с Востока, добавили р513к палатинскому культу множество грубых практик, которых никогда раньше не видели в Риме. Самым замечательным из них был тауроболиум (заклание быка) и очищение греха его кровью. Омовение действительно было совершено. Бык был убит над пещерой, где стоял обращенный, так что его кровь лилась на кающегося грешника. В некоторых местах предполагалось, что это омовение обеспечивает очищение на двадцать лет, в других говорили, что обращенный был renatus in aeternum — возрожденным для вечной жизни.

Другими божествами того же рода, привезенными рабами, новобранцами и моряками из их родных стран, были Деа Сирия (Атаргатис) из Северной Сирии, Ма-Беллона из Каппадокии, Баал из Гелиополиса (Баальбек), отождествляемый его почитателями с Юпитером и поэтому называемый Юпитер Оптимус Максимус Гелиополитанус, Баал из Бейрута и множество других. Наконец, не следует забывать, что еврейских синагог было множество. Помпей захватил много пленных во время своей кампании в 64 году до н.э., а других время от времени привозили из других захваченных городов Востока, где были обнаружены еврейские поселения. Было 4000 вольноотпущенников этой расы, отправленных Клавдием из Рима на Сардинию для несения караульной службы. Более того, захват Иерусалима привел сто тысяч евреев в Рим для продажи, и многие другие приехали в метрополию по собственной воле торговать после того, как их правительство было уничтожено, поскольку следует отметить, что Рим, хотя и уничтожил еврейское государство, никогда не пытался уничтожить религию.

Таковы были религии, которые были наиболее популярны в Риме во времена Марка Аврелия. Неудивительно, что их приток сопровождается коренными изменениями в

духе Рима. Народы, принесшие эти культы, по своему темпераменту были абсолютно неспособны понять спокойное и рациональное отношение Цезаря и Цицерона к проблемам жизни, управления и философии. p514Для них демократическая независимость была непостижима, а государственный культ, при котором индивид не имел личного контакта с божеством, казался нелепым. Патриотизм, предполагавший, что за гражданские институты государства стоит бороться, их не привлекал. Слава и почести, достигнутые на службе государству, были для них совершенно бесполезны. Скорее всего, они были воспитаны на смиренном послушании, на самоподавлении, на жизни, полной лишений, от которых личный бог давал своим преданным некоторое облегчение при жизни и еще большее после смерти. Их кодекс заключался в том, чтобы терпеть то, что должно быть, помогать друг другу, насколько это возможно, служить Богу всеми способами, которых требовали правила. Рим становился все более и более насыщенным подобными мнениями, и ни один класс не мог полностью избежать их. Щедрая раздача подарков, растущее освобождение рабов и предоставление им юридических привилегий, уменьшение значения военной славы, освобождение провинций от налогов и ослабление дисциплины в армии частично являются признанием духа не-римского населения. И тому же источнику мы должны приписать возникновение средневекового мистицизма и суеверий, ослабление косного мышления, готовность подчиняться вере и интуиции, подавление разума и беспомощное принятие судьбы, которые начали давать о себе знать в писаниях этого периода. Даже жители Запада — хотя в Риме их осталось не так уж много — вдыхают эти миазмы. Мысль вышла из моды, как и энергичные усилия и исследования; в моде остаются впечатляющие церемонии, напыщенные речи оракулов и эмоциональность. Средневековое отношение к жизни и затемнение интеллектуального света не за горами.

Христианство также в настоящее время быстро распространялось по всему Западу. В некотором смысле это тоже была восточная религия, но любая попытка классифицировать ее с ними только затушевала бы ее существенные моменты. Здесь не место описывать или оценивать его ценность, но необходимо рассмотреть с точки зрения римлянина-рационалиста, что в нем было p515привлекательного и что побудило его принять религию, столь сильно расходящуюся с его образом мышления. Оно не дошло до римлян в том виде, в каком его представил Иисус. Вероятно, римляне с их гордым положением во времена Тиберия не почувствовали бы необходимости в доктрине, которая учила бы отцовству любящего Бога, личному общению с Ним, справедливости прощения врагов, кротости и не-сопротивлению. Вряд ли они были готовы к этому. Однако впервые это учение было преподнесено не римлянам, а еврейским рабам и вольноотпущенникам Запада, и в нем делался упор на доктрины, которые интересовали евреев больше, чем римлян. Ибо Павел проповедовал, что Иисус был их Мессией, что он умер, чтобы искупить их грехи, что он восстал из могилы, чтобы править вечно. Эти доктрины были представлены библейскими свидетельствами, почерпнутыми из их пророков, и письменными свидетельствами личных последователей Иисуса; и поскольку повсюду были еврейские группы, которые принимали предлагаемые доказательства, вскоре во всех крупных городах Империи сформировалось ядро верующих. Затем, поскольку и

иудейская, и христианская религии требовали обращения в свою веру и принятия единой религии как единственного условия спасения — ни одна другая восточная религия этого не делала, — было применено сильное принуждение, которое распространило доктрины среди других рабов и вольноотпущенников.

С точки зрения других восточных религий, эта новая вера, проповедуемая Павлом, обладала всем, что предлагала любая из них, и многим другим. Она предлагала личное общение с божеством, очищение от всех грехов, гарантию бессмертия. Он признавал жертвоприношение, которое в данном случае было совершено для всех, предлагал преданным причастие в богослужении со своими собратьями, и ритуал был чистым и простым, поскольку достаточно было символического крещения в воде и участия в евхаристии. Так мог рассуждать про себя бедный сирийский или армянский раб, работая бок о бок с каким-нибудь ревностным христианским энтузиастом, который умолял и спорил с ним. Несомненно, ему также сказали, что Митра **p516** был мифическим существом, о котором не сохранилось никаких записей, тогда как Мессия был предсказан в старых пророчествах, которые были доступны, и записи о его чудесной жизни можно было купить за несколько сестерциев. Но что, возможно, привлекло больше всего, так это замечательное воздействие религии на тех, кто ее принял, доброта и великодушие, правдивость и чистота жизни, которые так выгодно контрастировали с поведением приверженцев других культов. Это была религия, которая вызвала к глубинным истокам альтруизма. Тем выходцам с Востока, у которых не было причин сомневаться в респектабельности источника и которые уже привыкли к фразам и мистическим идеям Востока, было трудно сопротивляться, а в то время таких в Риме было более чем большинство.

Но среди коренных римлян, которые все еще ассоциировали христианство с презираемой провинцией и с не-римскими формами мышления, оно мало продвинулось в первом столетии. Она проникла в семьи сенаторов постепенно, частично через христианских нянек, которые весь день заботились о детях из таких семей, частично благодаря возвышению скромных семей до высокого положения, частично благодаря тому факту, что восточные учителя, принявшие ее, начали полностью отделять ее от иудаизма и излагать в терминах трансцендентальной греческой философии, которая казалась вполне респектабельной в сенаторских кругах. Так получилось, что такие люди, как двоюродный брат Домициана Клеменс и сенатор Ацилий, приняли христианство, по-видимому, еще до конца первого века нашей эры.

Мы отмечали выше, что преследование христиан Нероном было случайностью из-за причудливой тирании Нерона, но оно имело пагубные последствия, продуцируя декрет о том, что христиане опасны для государства. Соответственно, Домициан, по-видимому, принял принцип, согласно которому признания в том, что он христианин, было достаточно для вынесения смертного приговора, и в то время статуя императора также использовалась как удобный **p517** метод доказательства обвинения. Возможно, Домициан, который так фанатично настаивал на уважении к своему божеству, частично основывал свой указ о преследовании на отказе христиан поклоняться ему. Если это так, то он, по-видимому, единственный

император до Коммода, который преследовал по чисто религиозным причинам. Более поздние императоры, похоже, применяли полицейскую силу для подавления секты, которая, как показали записи, была враждебна государству. Каких-либо общих попыток подавить христианство мы не находим после этого до времен Марка Аврелия, хотя губернаторы провинций были вольны действовать в соответствии с указами римского двора о долге Нерона, если они того желали. В одном из своих самых интересных писем Траяну Плиний спрашивает, как ему следует относиться к этой секте, у которой было очень много приверженцев в Вифинии. Его письмо показывает, что были начаты преследования, особенно со стороны торговцев, которые торговали жертвоприношениями и потеряли деньги из-за распространения христианства. Траян отвечает, что старый указ должен соблюдаться, если будут представлены подлинные доказательства, но что правитель не должен ни искать их, ни обращать никакого внимания на анонимные обвинения, и что он должен принять достоверное опровержение. Когда мы вспоминаем, что из-за ложного обвинения обвинитель мог быть осужден за **клевету**, мы понимаем, что этот рескрипт, должно быть, практически прекратил преследование, поскольку вскоре о нем стало известно благодаря публикации Плиния. Преследования более масштабного характера, однако, поощрялись Марком Аврелием, который сам зашел так далеко в демонстрации христианских добродетелей. Что побудило к этому действию, мы не знаем. Возможно, в ходе своей обширной вербовки он обнаружил, что тихоокеанская секта непокорна, и поэтому был убежден, что это название на самом деле прикрывает изменнический заговор. Во всяком случае, он был готов делать то, что считал своим долгом перед государством, как бы это ни было неприятно. Однако в его время церковь была хорошо организована, и у нее было много способных защитников, особенно среди греков и выходцев с Востока, которые воспользовались предоставленным императором случаем, чтобы привлечь внимание к высокой ценности христианских доктрин. **p518** Таким образом, церковь десятикратно выиграла от потерь, вызванных гонениями.

Состояние империи. Период "добрых императоров" и особенно Антонинов был, за исключением чумы, периодом очевидного процветания, хорошего правления и всеобщего удовлетворения. Аристид, выступая от имени греков, говорит, хотя и с некоторым преувеличением, что внутри империи прекратились раздоры и города теперь соперничали друг с другом только в своей великолепии и удовольствиях, что все они были переполнены портиками, гимнастическими залами, храмами и школами; что путешественники могли безопасно перемещаться из одного конца империи в другой даже через пустыни и горы. "Весь мир - это рай". Даже христианские апологеты, критиковавшие народный антагонизм по отношению к их секте, могли свободно восхвалять благодеяния императоров в поддержании всеобщего мира и безопасности. Брайс¹ указал, что во многих частях Европы римские дороги, построенные в то время, даже в восемнадцатом веке продолжали оставаться главными путевыми путями, и что при Адриане и Антонинах в Южной Европе, по-видимому, царил лучший порядок, чем почти до нашего времени. Города находились в цветущем состоянии во всех частях империи. Нам говорят, что в провинции Азия было 500 процветающих городов, которые более чем соперничали

по великолепию с Ионией до персидского завоевания. Египту приписывают сорок крупных городов. Даже в **сельскохозяйственных декуматах** за Рейном, судя по раскопкам, насчитывалось около 160 процветающих общин. В Дакии за Дунаем было организовано более 120 городов. В Африке, где Марий во время своего девятидневного перехода из Лареса в Капсу не нашел ничего, кроме песков и змей, и где поныне-дорога ведет через выжженные пустыни, повсюду возникли большие города: в Тисдре, должно быть, проживало 40 000 человек, в Телепте - 50 000, Суфетуле - 25 000 и Киллиуме - 12 000. Таковы были чудеса **p519**мира, хорошего правительства и бережных методов ведения сельского хозяйства. Римским гражданством теперь пользовались почти все жители Испании, значительной части Галлии, многих городов Придунайских провинций, Греции и на Востоке.

Налоги были разумными. В то время как государство получало доход от принадлежащих государству рудников и арендованных короной земель, от египетских фабрик и монополии на соль, от умеренных портовых сборов, обычно составлявших от двух до пяти адвалорных процентов, четырехпроцентного сбора с продажи рабов, пятипроцентного сбора с цены вольнонаемных рабов и общего налога с продаж в размере одного процента, обычный провинциал должен был платить только эквивалент примерно десяти процентов от стоимости своего годового продукта. Какой фермер в Америке в-наши дни не увеличил бы свои федеральные налоги, налоги штата и округа на десятину своего урожая? Недавние императоры были очень осторожны при назначении честных прокураторов и ни с одним преступником не обращались более сурово, чем с человеком, пытавшимся ограбить провинциалов. В обмен на мир и абсолютную безопасность цена была небольшой. Римская империя, похоже, полностью оправдала себя как в глазах друзей, так и в глазах врагов. Неудивительно, что народы за Каспийским морем отправили послов в Рим, умоляя императора взять их под свою благодетельную защиту.^a

Более пристальное изучение муниципальной жизни в Италии и за рубежом дает такое же общее впечатление, но оно также выявит некоторые симптомы скрывающейся болезни. Рим, конечно, всегда придавал большое значение местной автономии; фактически, это было одним из главных факторов его раннего успеха. Даже изменения в городском управлении метрополии мало повлияли на облик других городов. Хотя собрания в Риме были давным-давно запрещены, они все еще действовали в других городах. Во многих городах Греции народные собрания фактически все еще принимали городские постановления. В Италии полуаристократическая форма муниципального управления сохранилась, как это было даже в эпоху поздней Республики когда Рим на время стал чистой демократией. Обычная форма в Италии предусматривала, что население ежегодно избирало коллегия из четырех магистратов (**quattuorviri**), в том числе двух руководителей с судебной властью (**duumviri jure dicundo**) и двух административных магистратов (**duumviri aedilicia potestate**), которые следили за улицами, полицией и т.д. **Курия**, состоящая обычно из ста членов (**decuriones**), была городским советом, который принимал местные постановления. Этот орган состоял из всех мужчин, занимавших вышеупомянутые ежегодные должности магистратуры, и если этого

числа было недостаточно, высшие магистраты каждого **пятилетия** (называемые **квинквенналами** в течение этого года) пополняли состав из числа наиболее уважаемых граждан. Городские власти не требовали налогообложения по двум причинам. Во-первых, каждый город, похоже, при своем основании выделял часть своих земель в городскую собственность, аренда которой предназначалась для покрытия текущих расходов. Во-вторых, текущие расходы были незначительными. В муниципалитетах все еще можно было полагаться на глубоко укоренившееся республиканское чувство, что делом джентльмена является государственная служба и что величайшая награда в жизни - общественное уважение. Следовательно, не было и мысли о выплате жалованья **кваттуорвири** или **декурионам**. На самом деле многочисленные кандидаты на эти почетные должности предлагали не только себя, но и богатых, которые снискали популярность и, как следствие, переизбрание, щедро пожертвовав общественные здания. В Помпеях, например, мы обнаруживаем, что два театра, баня и несколько храмов были подарены городу такими людьми. В обмен на подарки **декурионы**, конечно, надписывали хвалебную табличку или воздвигали статую благодетелю. Таким образом, в большинстве городов Италии магистраты оставались без жалованья, даже когда Адриан выплачивал большое жалованье всем своим чиновникам государственной службы в Риме; и они также безвозмездно получали свои театры, храмы, бани и часто даже государственные школы и благотворительные **p521**фонды, иногда с пожертвованиями на их содержание.

Система работала с похвальным успехом, хотя мы можем подозревать, что одной из причин, по которой Траян и более поздние императоры назначали **юристов** для вмешательства в местные органы власти итальянских городов, было то, что иногда неподходящие люди избирались из-за их благодеяний. И все же, кто скажет, что население избрало бы лучших людей, если бы существовала современная система оплаты труда и приходские начальники в поисках заработка боролись за должности? С более серьезной критикой системы мы встретимся позже. Мы обнаружим, что эти богатые люди, обычно владельцы крупных плантаций, понесли финансовые потери, когда начались гражданские войны, когда по разным причинам продуктивность их земель снизилась. Тогда было меньше хороших кандидатов, готовых служить с честью и быть готовыми преподнести дары городу. Мы также увидим, что такие люди предпочитали поступать на государственную службу в Риме, где выплачивалось жалованье. Затем муниципалитеты пострадали из-за нехватки хороших судей, и правительству пришлось принуждать людей нести бремя должностных обязанностей. В некоторых городах уже появились признаки того, что такое положение вещей близко. В течение столетия ситуация стала угрожающей.

Экономика. Общая экономическая ситуация в империи была далеко не такой здоровой, как могло показаться стороннему наблюдателю. В городах повсюду скапливалось множество красивых выставочных мест, предоставленных более богатыми гражданами, но есть основания полагать, что кварталы, где жили бедняки, заметно ухудшались. Богатство было распределено слишком неравномерно, а доля, доведенная до нищеты, была чрезмерно велика. Сицилия, **как мы видели**, исчерпала себя в выращивании зерновых культур еще до дня Августа и до сих пор не

восстановилась. Африка, которая благодаря научным методам римских иммигрантов приобрела известность как житница Рима, имела слишком разреженную почву, чтобы долго выдерживать интенсивную культуру. Когда верхний слой почвы просел [p522](#), под ним был только песок, и Африка уже начала подавать сигналы бедствия. Теперь наступал черед Египта стать зерновой провинцией, и Египет мог довольно хорошо переносить это напряжение, поскольку воды Нила ежегодно удобряли почву, но в Египте было большое количество государственных рабов-хамитов. Провинция была огромным экономическим ресурсом, но и только. Ее народ никогда не смог бы стать надежными гражданами, в которых нуждался Рим. Восточные провинции в целом были экономически самодостаточны и даже немного больше того. Фактически римляне все еще владели там большими участками земли — не очень плодородными, — с которых они получали некоторый ежегодный доход. Азиаты и сирийцы сколотили значительное состояние на торговле — они по-прежнему были самыми успешными торговцами на Средиземноморье. Они также руководили частью караванной торговли с Индией, Аравией и Китаем. Это принесло много богатства. И у некоторых из них были фабрики, особенно по производству различных сортов тонкой ткани, стеклянной посуды и ювелирных изделий, мазей и мебели. Мы слышим о некоторых очень богатых набобах на Востоке, которые подарили роскошные здания своим родным городам. Но помимо этого, бережливые жители выжженной страны поддерживали домашнее производство благотворным образом. Женщины были искусны в вышивке, ткачестве гобеленов и-изготовлении ковров, а вырученные средства пополняли кладовую, поскольку в западных городах на эти товары были высокие цены. Таким образом, Восток, хотя земли там были бедными и в основном находились во владении отсутствующих землевладельцев, процветал, возможно, больше, чем когда-либо прежде. И все же Восток оказался дорогостоящей частью империи. На поддержку населения никогда нельзя было положиться в любом кризисе. Оно никогда не поставляло свою норму войск на границу, поскольку им не хватало боеспособности. Даже ее собственные границы обычно приходилось защищать галлам, германцам и дакам во время вторжения. Его торговля и промышленные изделия в значительной степени зависели от валюты Рима и конкурировали по таким низким ценам, что препятствовали западной промышленности и торговле; и, наконец, его жители по темпераменту [p523](#) и религиозно настолько отличались от римлян, что, будучи привезенными на Запад, они скорее ослабили, чем укрепили Рим.

В восточных провинциях Европы было много гористой местности, где варварский пастуший народ жил своей прежней жизнью (как они живут в Албании и Далмации по-день), не обращая особого внимания на то, кто был надгосподином. В долине Дуная и в Дакии, безусловно, возникали города, которые принимали цивилизацию Италии. Но вскоре должны были начаться народные движения, когда у них не оставалось времени ни на что, кроме самозащиты. Между тем эти города, конечно, жили за счет сельского хозяйства региона.

В Галлии южная часть была полностью романизирована. Земля все еще была плодородной, а домашняя промышленность, особенно гончарная, более чем

успешно конкурировала с итальянской. В центральной Галлии — Лугдунской — гражданские права были предоставлены нескольким городам, но кельты в целом предпочитали жить на своих фермах, и их местные органы власти по-прежнему обычно были племенными, а не муниципальными. В таких условиях всесторонняя романизация происходила медленно. Однако Галлия была оплотом силы Рима во всех отношениях. Ее когорты были одними из самых надежных в римской армии, ее граждане-соблюдали закон, хотя и оставались клановыми, а ресурсы ее богатых земель были достаточно щедры, чтобы снабжать Рим большой данью и по-прежнему поддерживать процветание ее собственного народа. Если бы не галльские люди и ресурсы, история Рима после 200 г.н.э. была бы значительно сокращена.

Затем мы переходим к Италии, где во времена Августа мы обнаружили широкую раздачу небольших участков земли солдатам, временное улучшение культуры зерновых в то время, когда ввозилось мало иностранного зерна, и довольно развитую промышленность, по крайней мере, в регионе Кампания и на севере. Во времена империи Италия в целом демонстрировала регресс по всем экономическим направлениям. По мере того как на Востоке установился мир, а p524испанцы и галлы были романизированы, эти провинции развивали собственную промышленность и скорее конкурировали с промышленностью Италии, чем помогали ей. И по мере того, как Африка и Египет все больше превращались в зерновые страны, истощенным итальянским землям становилось все труднее выгодно продавать зерно. Таким образом, наметилась тенденция снова вернуться к выпасу скота и выращиванию винограда в большей степени, чем во времена Августа. Заметны и внутренние изменения. Поскольку нового распределения земельных участков не было уже двести лет, ничто не могло помешать реализации экономической тенденции, всегда столь заметной в Риме, когда мелкий фермер уступал в борьбе крупным землевладельцам. Конечно, многие мелкие фермеры все еще упорствовали, но тенденция явно вернулась к латифундиям, и те щедрые и высоко ценимые муниципальные чиновники, чьи имена так часто встречаются на основаниях статуй того времени, были в основном богатыми землевладельцами. Мы также должны иметь в виду тот факт, что жестокие императоры, такие как Нерон, объявили вне закона многих сенаторов и богатых рыцарей и превратили их земли в императорские поместья. По всей Италии были обширные поместья такого рода.

Еще одно заметное сейчас изменение заключается в том, что крупные поместья все чаще сдаются в аренду арендаторам (coloni), а не обрабатываются рабами. Не то чтобы рабы обязательно увольнялись. Их часто превращали непосредственно в арендаторов небольших участков, часто освобождали для этой цели, хотя и не обязательно так. Во всяком случае, землевладелец избавил бы себя от забот о личном надзоре, разделив свое поместье на небольшие участки, раздав часть из них своим рабам и вольноотпущенникам, а часть - гражданам-арендаторам, получая от них фиксированную ежегодную арендную плату натурой. Что ускорило развитие арендаторской системы, так это, несомненно, постоянный рост цен на рабов из-за растущего дефицита после того, как во всем мире в целом установился мир. Эта система не улучшила экономические условия Италии. Древние римляне были искусными фермерами и прилагали большие усилия, p525чтобы поддерживать свои

фермы в надлежащем состоянии, чередуя посевы, используя навоз, бобовые и клевер, а также время от времени выпасая скота. Арендаторы, как известно, небрежно относятся к состоянию земли. У них нет ни денег, чтобы вкладывать в землю, ни заботы о ее будущей стоимости. Когда мы обнаруживаем, что в конце II века в Италии было много заброшенных ферм, мы можем быть уверены, что это было связано не только с ужасной чумой, свирепствовавшей в последние десять лет правления Аврелия, но и с плохими методами ведения сельского хозяйства, практиковавшимися при широко распространенной системе аренды, как в императорских поместьях, так и на частных фермах. Таким образом, Италия никоим образом не находилась в здоровом экономическом состоянии, несмотря на очевидное скопление красивых зданий в большинстве ее городов. Мы увидим, что в следующем столетии ее арендаторы постепенно попали в рабство.

Завершая этот краткий обзор, мы можем спросить, действительно ли Римская империя оправдывала свое установление мирового господства. Изнеженный римский сброд, если бы ему задали этот вопрос, с готовностью ответил бы утвердительно; вероятно, Испания, Галлия и Восток согласились бы с ним. Если бы у нас были только те результаты, которые были очевидны во времена Марка Аврелия, мы могли бы быть настроены скептически. В любом случае, Империя совершила грех, который трудно простить, поскольку он привел весь мир к бесполезному единообразию. Во многих местах царил всеобщий мир и процветание. Большинство мужчин могли бы жить в более высоком уровне физического комфорта, чем когда-либо прежде. Рабство быстро исчезало, о бедных заботились, торговля быстро доставляла предметы первой необходимости там, где неурожай, города и племена в империи не нападали друг на друга, преступность подавлялась. Но эти блага были слишком сильно навязаны извне, и духовная сила людей, похоже, каким-то образом умерла. Пусть только сдерживающая сила ослабнет на время, и мы увидим, чего стоила цивилизация.

Более того, все это материальное процветание не приносило p526ничего ценного. Было достаточно богатых семей, живущих легкой, беззаботной жизнью. Но, как и во многих наших западных республиках, они жили с неуместной гордостью за безрассудную эксплуатацию природных ресурсов, которые понадобятся их детям, но окажутся растраченными впустую, когда наступит критический момент. Их тщеславию было приятно, когда они могли гулять по городам и видеть красивые здания, на которых большими буквами были написаны их названия, но сами эти здания вскоре превратились в руины, которые строители не предприняли ничего, чтобы остановить. Преуспевающие люди были расточителями природных ресурсов; они ничего не создавали. Ни одно глубокое открытие в какой-либо науке, ни один принцип искусства, ни одна книга, заслуживающая внимания, ни одна конструктивная идея в правительстве не были сделаны на благо последующих поколений всеми этими успешными людьми великолепного второго столетия.

Большим несчастьем было также то, что объединение всех наций в одной уничтожило здоровую международную конкуренцию. Каким вдохновляющим в идеях для греков и римлян было соперничество их городов-государств! Какие государственные теории построил Платон на противопоставлении афинской

демократии и спартанской аристократии! Как стимулировало искусство, когда соперничающие города предлагали услуги великих скульпторов и архитекторов! Как страстно римляне во времена Сципиона не хотели, чтобы эллинские города опозорили их! Повсюду чувствуется стимул бросающей вызов Греции - у Вергилия, Цицерона и Лукреция. Сципион Назика был достаточно проницателен, чтобы понять, что даже правительство нуждалось в подстегивании соперничества, и ни о чем так сильно не сожалел, как о падении Карфагена и Коринфа. "Теперь вам некого будет бояться и, - добавил он презрительно, - некого перед кем вам нужно будет стыдиться". Вопрос в том, не был ли мир во всем мире куплен слишком дорогой ценой.

Рим также нивелировал духовную силу во всеохватывающей- империи. Возможно, что ее самой большой ошибкой был ошибочный либерализм, основанный частично на личных интересах, частично на сентиментальности. Легкий дар гражданских прав p527ордам рабов, которые никогда не могли понять римские институты, сделавшие государство великим, и которые по своему темпераменту были непригодны для выполнения возложенных на них обязанностей, и постоянное включение чужой территории в состав империи не всегда были признаками истинного либерализма. Слишком часто этот кажущийся гуманизм подстегивался желанием иметь больше земли для эксплуатации или удешевить рабочую силу, независимо от последствий для государства. Но это также было в какой-то мере выражением старого республиканского либерализма, и привлечение в Рим самых бесполезных элементов щедрыми дарами в виде зерна и игр было в какой-то мере вызвано растрепанной сентиментальностью. Риму, если вообще какой-либо нации, нужно было найти какую-то формулу, согласно которой государство не могло бы из-за ошибочного гуманизма предавать крепких людей эксплуатации морально, умственно и физически непригодных. Выше мы видели, что, согласно лучшим имеющимся свидетельствам, Рим и Италия во времена Адриана были населены мужчинами и женщинами, в которых была лишь малая толика римской крови. Возможно, одного этого достаточно, чтобы объяснить полную перемену в духе Рима. Большинству наблюдателей Империя тогда казалась успешной, но Империя позволила волокнам великого дерева сгнить в сердцевине, и близился шторм, противостоять которому могло только здоровое дерево.

Примечание автора:

¹ "Римская и Британская империи", 1914, стр. 20 и далее.

Примечание Тайера:

^a С некоторой натяжкой, но посланники из какой-то отдаленной страны в целом — бактрии или, возможно, кушанской империи - действительно приезжали в Рим, хотя, возможно, и не искали римской "защиты", хотя идея союза, по крайней мере, правдоподобна, поскольку в то время она соответствовала бы широко распространенной политической теории на индийском субконтиненте. Процитируем Джона Кея, *"История Индии"* (HarperCollins 2000), стр. 171:

The Раджа-мандала, в которой махараджадхираджа занял место горы Меру в центре или оси, продемонстрировала основной принцип [этой политической теории]. Таким образом, непосредственные соседи осевого "царя царей", следовательно, входящие в первый круг, должны рассматриваться как его естественные враги; те, кто находится за ними в следующем круге, являются его потенциальными союзниками; те, кто находится в третьем круге, являются потенциальными союзниками его врагов, те, кто находится в четвертом круге, естественными союзниками его союзников, и так далее. Согласно Каутилье [индийский политический теоретик, возможно, 2 век до н.э.], это было основой всех внешних отношений и любого мирового порядка.

— таким образом, согласно этой схеме, естественным врагом Кушана была бы Парфия в первом круге, а ее естественными союзниками были бы римляне во втором круге; посольство было бы уместно, по крайней мере, для того, чтобы прощупать их.

Проф. Фрэнк действительно мог бы сослаться на свои источники: но благодаря Джейку Набелу (Парфянские источники онлайн), мы, вероятно, сможем отследить, что он имел в виду: Dio 68.15, а еще лучше, *Historia Augusta*, Hadr. 21.14.

Глава XXVIII

Эпоха Северян

Коммод, 180-193г.н.э.. Справедливо считать комментарием к автократии тот факт, что, хотя в Риме последовательно было пять превосходных императоров, пришедших к власти путем усыновления, тирания вернулась с первым действующим лицом, родившимся и воспитанным во дворце. Наши рассказы о Л. Аврелии Коммоде, данные двумя худшими историками Рима, Кассием Дионом и Лампридием, настолько путаны и поверхностны, что трудно получить какое-либо правдоподобное объяснение его характера. На момент смерти Марка Аврелия ему было всего девятнадцать лет, и поскольку Марк был чрезвычайно добросовестен в выборе прилежных чиновников для исполнения всех государственных обязанностей, молодой человек, возможно, не был опробован на какой-либо ответственной должности под руководством своего отца. Во всяком случае, ясно, что у него было время приобрести слишком острый вкус к верховой стрельбе и гладиаторским зрелищам.

Правление началось плохо. Коммод, вопреки совету генералов своего отца, вывел свои гарнизоны из-за Дуная, заключил мир на легких условиях и поспешил домой, чтобы повеселиться. Ему надоели советы, которые давали ему сильные люди, которых его отец назначил на высокие государственные посты, и он увольнял одного за другим, вскоре выдвинув обвинения в государственной измене против тех, кто не желал уступать. Это привело к заговору против его жизни среди некоторых сенаторов, заговору, в котором участвовала даже его сестра. Она была замужем за одним из самых надежных советников Марка Аврелия, Помпеяном, и поскольку убийство было возложено на сына Помпеяна, вовсе не маловероятно, что отец был избран новым императором. Потенциальный- убийца на [p529](#), обнаживший свой меч для совершения преступления, сделал паузу достаточно долгую, чтобы крикнуть: "Сенат посылает вам это". Задержка оказалась фатальной. Его схватили и, конечно же, казнили, а его предательские слова принесли смерть многим сенаторам. С этого времени Коммод вел себя как человек совершенно безумный, и вполне вероятно, что этот поступок вывел его из равновесия. Дело не только в том, что его жестокость перешла все границы, что почти все люди, занимавшие доверенные посты, были убиты, а их должности переданы вольноотпущенникам вроде Клеандра и Эклекта, но и в том, что его повседневное поведение становится необъяснимым. Он надевал одеяние Геркулеса и ходил взад и вперед, нанося удары людям своей дубинкой, или ему брили макушку и настаивали на том, что он жрец Исиды. Он покупал великолепных лошадей, которых сам гонял на скачках, или выходил на арену во всеоружии и выступал в роли гладиатора. Его собственные вольноотпущенники наконец обнаружили, что их жизни тоже в опасности, и Марсия, его наложница, была вынуждена отравить его. Когда яд, казалось, не подействовал, привели гладиатора, чтобы задушить его.

Пертинакс и Дидий Юлиан, 193год н.э. Этот поступок лишь предотвратил другие заговоры, поскольку ответственные люди, все еще стоявшие во главе римских армий, уже искали человека получше. Пертинакс, Септимий Север и Песценний Нигер были тремя генералами, которых выдвигали на эту должность, и армии, естественно, пришли к мысли, как и во время злоупотребления властью Нероном, что вопрос должен решить меч.

Императорские вольноотпущенники, убившие Коммода, зная, что на карту поставлена их жизнь, быстро разыскали Пертинакса и заключили с ним сделку. Он сразу же возглавил преторианскую когорту, а затем был принят сенатом. Государство было по уши в долгах. У Пертинакса не было средств для обычных в таких случаях щедрых пожертвований, и когорты вскоре начали роптать. Новый правитель также был менее популярен в армии, чем несколько других генералов. Таким образом, интриги в армиях продолжались, и p530 продолжались разговоры о восстаниях. В марте, когда Пертинакс находился у власти менее трех месяцев, преторианская гвардия ворвалась во дворец и убила его. Затем, как говорят, они обратились за поддержкой к биду и продали трон глупому сенатору Дидию Юлиану за обещание щедрых подарков. Это было оскорбление, которого армия не могла вынести. Л. Септимий Север, губернатор Верхней Паннонии, у которого была ближайшая к Риму армия, призвал свою армию выступить с ним в Рим. Через шесть недель он был в столице; сенат низложил Юлиана и избрал на его место Септимия Севера. Новый император распустил преторианскую гвардию и выбрал на их место иллирийцев из своей собственной доверенной армии.

Септимий Север, 193-211 год н.э. В жилах нового императора текла карфагенская кровь, и пунический язык был языком его детства. Он был человеком малообразованным, суеверным и легковверным и обладал, как говорили римляне, жестоким и вероломным темпераментом Ганнибала. Но по отношению к великому Барсиду было несправедливо сравнивать их. Септимий, однако, максимально использовал воспоминания о своей расе, которыми он очень гордился. Он даже восстановил гробницу Ганнибала в Вифинии. Он не был великим полководцем, но его было достаточно для выполнения поставленной задачи. Грубый и властный, он знал, как управлять варварскими войсками, составлявшими римские армии того времени, и даже завоевал их расположением своей смесью твердости и презрения к придворным манерам. Он женился на женщине, похожей на него самого, сирийке по имени Марта, дочери священнического дома, который когда-то назывался королевским в храмовом государстве Эмеса над Дамаском. Это был ее предок по имени Сампсигерам, завоеванием которого Помпей когда-то на потеху Риму глупо хвастался. Септимий, по-видимому, познакомился с ней, когда во время кампании в Сирии посещал восточные храмы в поисках предсказывающих судьбу оракулов. Став женой римского полководца, она приняла имя Юлия Домна.

p531 Септимий без труда взшел на трон, но он знал, что его положению будут бросать вызов люди, презиравшие его родословную. На самом деле Песценний Нигер в Сирии уже был провозглашен императором своими солдатами, и были основания полагать, что Клодий Альбин, легат Британии, также будет претендовать на эту должность. Септимий проницательно предложил усыновить последнего и

дать ему титул цезаря, обещание, которое возымело желаемый эффект, хотя император, имея двух собственных сыновей, вряд ли намеревался его выполнить. Теперь он отправился в свое долгое путешествие, чтобы свести счеты с Нигером, захватил Византию и двинулся с частью своей армии на захват Кизика и "киликийских ворот", главных оплотов своего соперника. Нигер потерпел поражение при Иссе и вскоре после этого был казнен. Септимий восстановил провинцию верхняя Месопотамия, предоставив Нисибису привилегии колонии. По возвращении он взял штурмом Византию, которая все еще сопротивлялась, и по глупости разрушил ее стены. Трудно понять, какой военной проницательностью мог обладать император, который намеренно разрушил один из важнейших опорных пунктов на границе. Восточная кампания заняла три года.

Тем временем Клодий Альбин провозгласил себя Августом и сосредоточил свои силы в Британии и Галлии близ Лиона, чтобы поддержать свои притязания. Септимий повел свою армию прямо с Востока по Дунайской дороге в Галлию. Борьба шла в основном между дунайской и рейнской армиями. Первый, закаленный тремя годами войны, выиграл отчаянную битву. Погибло огромное количество солдат. Септимий позволил своим варварам взять плату, разграбив Лион. Великолепная старая колония была полностью разрушена, когда они закончили. Он был не намного более внимателен к Риму, когда в 197 году вернулся, чтобы уничтожить тех, кто проявлял хоть какие-то симпатии к его соперникам. Четыре года назад он дал клятву никогда не казнить ни одного сенатора. Теперь двадцать девять человек были казнены по обвинению в государственной измене. Он p532конфисковал их поместья или, скорее, сделал их частью своей "частной собственности".

Он немедленно вернулся на Восток, поскольку парфяне попытались вернуть Нисибис. Подобно Траяну, он спустился вниз по Евфрату и взял Ктесифон. Вполне вероятно, что это поражение стало смертельным ударом по царству Аршакидов, которое беспокоило Рим в течение трех столетий. К несчастью для Рима, возникла другая династия, Сасаниды, объединившая парфянские и персидские племена и продолжившая борьбу. Именно во время этой кампании Септимий признал город-оазис Пальмиру "колонией" и почтил ее благородную семью, Оденати, гражданством. Пальмира быстро богатели благодаря своему положению на Восточном караванном пути.

Септимий Север мало что знал о римской истории, да и интересовался ею еще меньше. Как не-римлянин, он не питал симпатии к римской аристократии, и ему не нравился фаворитизм, который обычно проявлялся по отношению к Италии. Одна часть империи казалась ему ничуть не менее ценной, чем другая. Итальянцы до сих пор служили в преторианской гвардии, исходя из теории, что только им можно доверить защиту столицы. Септимий заменил старую гвардию солдатами, отобранными из армии, особенно верными ему дунайскими войсками. Отныне этот мощный корпус состоял в основном из иллирийских и дакийских горцев. Он также разместил армейский легион на горе Альбан, впервые разместив регулярные войска в Италии. Сенат не получал от него никакого рассмотрения, и он регулярно пополнял его число за счет своих фаворитов в армии и в своем личном штабе.

Отныне можно предположить, что большинство в Сенате составляют африканцы, сирийцы и иллирийцы. Естественно, он был очень либерален по отношению к провинциальным городам Азии и Африки, которые до сих пор пользовались меньшим признанием, чем города западных провинций. Александрия, конгломерат полугреков, египтян и евреев, теперь получила автономию, и всем ее народам была предоставлена равная доля в ее правительстве. Многим восточным cities like Palmyra, Damascus, Tyre, and Laodicea were accorded citizen права и привилегии почетных колоний.

Септимий, похоже, перенял старую политику Птолемеев, разрешавшую солдатам жениться и иметь свои дома за пределами казарм. Это в какой-то мере объясняло тот факт, что при последующих правлениях войска все больше и больше выходили из-под контроля. Его преследование сенаторов также отрицательно сказалось на экономических условиях. Большие латифундии он выделил в качестве "частного владения" императора, что значительно увеличило площадь имперских земель и дало императору огромные финансовые ресурсы. Старая государственная казна (эрарий), находившаяся под контролем сената, занимала теперь лишь незначительное место в финансах империи.

По крайней мере, за один поступок Рим мог быть благодарен. Невежественный в юриспруденции, Септимий, хотя и настаивал на том, чтобы его считали главой судебной системы, возвел Папиниана, очень образованного и проницательного юриста, на самый высокий пост, имевшийся в его распоряжении, - в префектуру преторианской когорты. Как мы видели, эта должность привела к тому, что он занял главное место в императорском тайном совете. Папиниан в своих юридических исследованиях глубоко проникся авторитетом в сфере права Республики. Он обладал способностью к ассимиляции и ясным умом, которые позволяли ему понимать тенденции римского права и облекать свои решения в очень краткую и эффективную форму, и он испытывал искреннюю симпатию к провинциалам (он, кажется, был сирийцем), что позволило ему адаптировать старые принципы к новым потребностям империи в целом. Гражданский кодекс в его окончательной форме очень многим обязан Папиниану и двум его ученикам, Ульпиану и Паулюсу.

Септимий назначил своим преемниками двух своих сыновей от Юлии Домны. Бассиан, позже названный Аврелием, ныне широко известный под прозвищем Каракалла, и Гета, вскоре убитый своим братом. На хорошо известной Арке Севера p534, которая до сих пор стоит на Римском форуме перед старым зданием Сената, указаны имена отца и старшего сына со всеми титулами, которые они носили в том году 202. Сначала также было вписано имя Геты, но по приказу Каракаллы его стерли, а место заполнили безобидным словоблудием. Надпись теперь гласит следующее:

Имп. Цезарь. Lucio Septimio M. fil. Severo Pio Pertinaci Aug. patri patriae, Parthico Arabico et Parthico Adiabenico, pontific. maximo, tribunic. potest. XI, имп. XI, потому что. III, procos., et imp. Caes. M. Aurelio L. fil. Антонино Аврест. Pio Felici, tribunic. potest. VI, потому что. procos., (p.p. optimis fortissimisque principibus) ob rem publicam restitutam imperiumque populi Romani propagatum insignibus virtutibus eorum domi forisque, S. P. Q. R.

Главной функцией Сената, по-видимому, теперь стало голосование по почетным памятникам с такими пышными надписями ненавистным императорам. Следует заметить, что Септимий стремился вложить в свое имя намек на респектабельную родословную. Именно по этой причине он принял псевдоним Пертинакс, называл себя **М. филон.**, как если бы он был сыном Марка Аврелия, и сменил имя своего сына Бассиана, сирийский священнический титул, на титул самого почитаемого императора Рима.

"Каракалла" (М. Аврелий Антонин), 211-217год н.э. Септимий умер в Эборакуме (Йорк) в Англии в 211 году, когда отражал опасный набег каледонцев и руководил восстановлением старой стены. В то время с ним были его сыновья, и он призвал их обоих в армию, хотя и знал, что между братьями существовала смертельная ненависть и что, поскольку официальные лица штата уже делили между ними свою поддержку, гражданская война была более чем вероятна. Юлия делала все возможное, чтобы установить гармонию, но безрезультатно. Каракалла, обладавший совестью тигра, приказал зарубить своего младшего брата на руках у его матери. Он продолжил выслеживать всех, кого подозревал в том, что они предпочли Гету, и Дио, который прожил **535 год**во времена этого правления террора, ручается за тот факт, что было убито 20 000 человек.

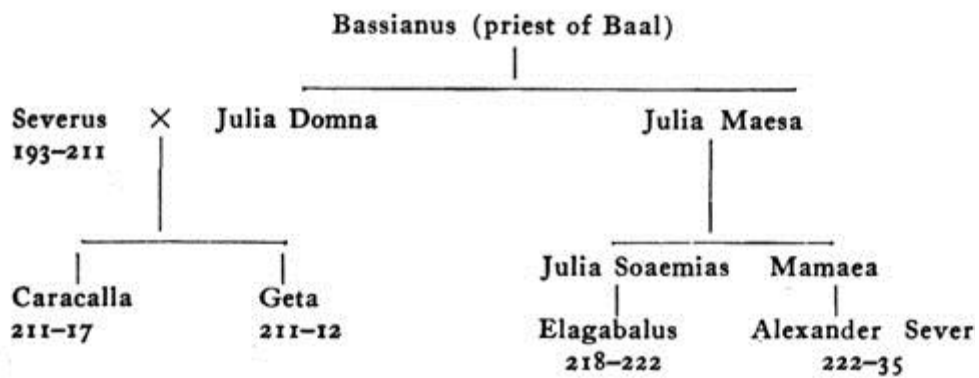
Именно в тот же самый год непревзойденной жестокости (212) Каракалла предпринял шаг, который, несомненно, планировал Север, предоставив **Constitutio Antoniniana** гражданством всем свободнорожденным людям по всей огромной империи. Если бы этот замечательный подарок провинциалам был сделан кем угодно, кроме самого жестокого из всех императоров, мы могли бы знать, как по нему судить о состоянии общей культуры. Но Каракалла, конечно, не пошел на этот шаг после тщательного рассмотрения того, был ли народ готов к нему, и он ничего не сделал для того, чтобы сделать его успешным. Действительно, он убил в порыве гнева своего единственного далеко-видящего юриста Папиниана в тот самый год, когда тот больше всего нуждался в его помощи. Несомненно, как сын отца-пунийца и матери-сирийки, он приказал всем жителям провинций стать римлянами. Это был его метод сказать римлянам, что он такой же хороший, как они. Но, как отметил Дио, казначейство немало выиграло от этого закона, поскольку он обложил весь мир налогом на наследство (который он повысил с 5% до 10%). Этот налог первоначально был возложен Августом только на граждан, поскольку, если они не владели провинциальной десятиной земли, они были практически-освобождены от налогов. Обложить этим налогом жителей провинций, которые и без того облагались десятиной, означало сделать для римских гражданкорабль обузой.

Наиболее важным следствием новой **Конституции** стало то, что она расширила применение римского права. Римские губернаторы, которые вершили суд над римскими гражданами, отныне имели юрисдикцию почти над всеми жителями империи, и местные суды в городах, должно быть, в целом исчезли. Поэтому всем юристам в этой стране стало необходимо изучать римское право; и именно для удовлетворения этой новой потребности в юридическом оборудовании ученики Папиниана Ульпиан, Павел и Модестин, последние великие юристы, написали свои превосходные комментарии ко всем аспектам старого римского права.

p536 Каракалла также пытался пересмотреть чеканку монет, но преуспел лишь в добавлении новой путаницы. Коммод обесценил серебряные монеты до такой степени, что они стали, по крайней мере, наполовину-сплавленными. Трюк, конечно, был раскрыт, и стоимость монет соответственно упала. Септимий ничего не сделал, чтобы улучшить ситуацию. Действительно, вернуть монетам их прежний-вес было невозможно, поскольку серебряные рудники были исчерпаны, а серебро постоянно уходило из империи для оплаты китайских, индийских и арабских изделий. Сначала Каракалла попытался восстановить старые соотношения между золотом и серебром, выпустив новую монету "Антониниан" вместо обесценившегося **динария**. Он весил примерно на 50 процентов больше, чем **динарий**, но к тому же был немедленно обесценен сплавом, так что трудно понять, чего он добился, за исключением временного обмана получателей. Как бы то ни было, теперь в Риме было две стандартные монеты неопределенного содержания и разной стоимости. Если бы **денарий** был честно снижен, чтобы соответствовать соответствующему росту цен на серебро, и если бы соотношение было объявлено и оставалось стабильным, бизнес не пострадал бы. Именно обман со стороны правительства привел в замешательство мир торговли и, в конце концов, вытеснил и золото, поскольку внешняя торговля, отказываясь принимать фальшивые серебряные монеты, требовала золота в обмен на товары.

В 213 году Каракалле пришлось отправиться на Север, чтобы отразить немецкие атаки, которые теперь происходили со все большей частотой. Мы мало что знаем об этой войне, за исключением того, что императору удалось изгнать вторгшихся аламаннов из Реции и что запуганный сенат немедленно присвоил ему псевдоним Германик Максим. В следующем году он отправился на Восток, где выступал как второй Александр Македонский, подкрепляя свое хвастовство переформированием легионов в македонские фаланги. Во время подготовки своей армии к планируемой экспедиции на Дальний Восток он посетил Египет. Там он отомстил за себя на **p537**Александрийцы самым зверским образом презирали его. Тысячи молодых людей были приглашены на плац, окружены его солдатами и убиты. Он начал свою восточную экспедицию с того, что пригласил царя Армении на конференцию и предательски арестовал его. Но его конец был не за горами. Макрин, его преторианский префект, обнаружив, что он тоже обречен, действовал первым и приказал одному из своих солдат сразить императора. Макрин, мавританский солдат, который даже не был членом сената, был избран императором армией. Каракалла неправильно-правил империей шесть лет.

Макрину нечего было опасаться детей бывших императоров, поскольку Каракалла уничтожил всех возможных соперников, но, зная, что Юлия Маеса, сестра Юлии Домны, была амбициозной и властной женщиной, он приказал ей уехать из Рима. Она вернулась домой, в Эмесу, где ей больше всего удавалось творить зло, потому что там у нее родились две дочери, а от них двое внуков, которых она готовила к восшествию на римский трон. Генеалогическое древо выглядит следующим образом:

Никто, кроме Юлии Маэсы, не смог бы выдумать никаких претензий на римский трон ни для одного из этих сирийских парней. Элагабалу (Гелиогабалу), старшему, было всего шестнадцать лет, и сейчас он был занят исполнением унаследованной им должности верховного жреца Бога Солнца Эмесы, чьим изображением был бесформенный метеоритный камень [p538](#), и культ которого был настолько дико оргиастичным, насколько это могло изобразить арабское воображение. Но Маэса страстно желала вернуться во дворец, а у нее было огромное богатство, нажитое в те дни, когда ее сестра была императрицей. Этим она и Элагабал воспользовались, чтобы подкупить римский легион, более чем наполовину сирийский, который был расквартирован за пределами города Эмеса. Чтобы доказать очевидные притязания на трон, Созмия вынудили скромно признать, что отцом мальчика был Каракалла. Макрин тем временем доказывал свою непригодность для трона, который он захватил; ибо в своем походе против парфян он потерпел поражение и вызвал отвращение у своей армии, купив мир дорогой ценой. Он пробыл императором не более года, когда Маэса склонил римский легион в Эмесе к восстанию и выступил в пользу Элагабала. В битве, которая произошла недалеко от Антиохии, Маэса сама возглавила атаку. Охваченные отвращением войска Макрина не оказали большого сопротивления, когда их предводитель проявил трусость и бежал. Таким образом, сирийский первосвященник захватил трон римской империи у мавританского центуриона.

Элагабал, 218-222годы н.э. Следующие четыре года правления представляли собой варьете с империей в качестве сцены. Любой клоун из цирка лучше подошел бы на роль главного актера. Хотя император принял имя Марка Аврелия Антонина в поддержку постыдных притязаний своей матери, его продолжали называть по имени фетиша, которому он поклонялся и который теперь привез в Рим. Для черного камня Эмесы он воздвиг храм на Палатине; он стал верховным божеством Империи, и император продолжал быть его жрецом. Ничего не зная о государственных делах и не доверяя собственным суждениям, он брал бабушку с собой в качестве советника на заседания Сената. Его фавориты стали государственными министрами. Высшие префектуры города занимали актер, акробат, возничий и цирюльник. Нет никакой пользы в повторении истории о [нелепых празднествах](#), о восточных оргиях в честь нового бога, о браке черного камня с римским Палладиумом и о женитьбе самого императора на девственной весталке. Даже Рим и варварская преторианская гвардия

в конце концов почувствовали отвращение, и Маэзе, чтобы спасти свое положение, пришлось убедить императора усыновить своего двоюродного брата Александра — тогда двенадцатилетнего мальчика, — чтобы в случае всеобщего восстания у нее все еще был потомок у власти. Элагабал, вскоре заподозривший, что Александр намеревался сместить его, попытался убить. Это ускорило восстание. Стражники ворвались во дворец, казнили фанатика вместе с его матерью и возвели на трон мальчика Александра (222год н. э.).

Александру Северу (222-235н.э.) было тогда немногим больше тринадцати. Поэтому Сенат назначил комиссию из шестнадцати человек, чтобы она действовала при Маэсе как своего рода регентство. В течение нескольких лет существовало некоторое подобие порядка. Великий юрист Ульпиан был назначен начальником охраны и в этом качестве стал первым государственным министром. На этом посту, который он занимал в течение пяти лет, его влияние могло быть только благотворным. Охранник, однако, невзлюбил его за строгость и в конце концов приговорил к смертной казни.

Возможно, именно ему Рим был обязан новым экспериментом в области экономических и социальных реформ, целью которого было запустить забитые колеса промышленности путем привлечения рабочей силы и промышленных гильдий непосредственно на службу государству. Беды, которые следовало исправить, были неисчислимы. Торговля в открытом море и на дорогах находилась под угрозой из-за пиратов и разбойников. Беззаконный элемент рос не только потому, что государство не в состоянии предоставить полицию, но и потому, что распад общества положил конец обычному способу добывания средств к существованию. Гражданские войны, тирания, неопределенность в отношении жизни и частной собственности, а также обвал валюты остановили расходование денег на строительство и торговлю. Другими словами, промышленная и социальная анархия типа **p540**, которую мы недавно наблюдали в России, быстро надвигалась. И средство, которое было опробовано, по—видимому, — хотя на этот счет у нас недостаточно информации, - не совсем отличалось от того, что было опробовано в России. Вместо стабилизации валюты и восстановления закона и порядка, для чего у государства не было ни золота, ни людей, было сочтено лучшим организовать торговлю с помощью правительственного указа и обязать каждую гильдию выполнять определенный объем работы бесплатно для общества. Зародыш этой идеи лежал в определенных экспериментах императора Клавдия, Траяна и Септимия Севера, поскольку эти императоры, предлагая страховку и иммунитеты, пытались побудить грузоотправителей, торговцев зерном и маслом, судостроителей и даже пекарей перейти на постоянную службу в римское бюро продовольственных поставок. Теперь государство применило эту идею к нескольким профессиям и ремеслам и *приказало* каждому человеку, занятому этим ремеслом, вступать в соответствующую гильдию, а гильдиям приказало производить свои обычные товары под наблюдением государственных чиновников. К сожалению, мы не знаем подробностей этой организации или ее успеха. Мы только узнаем, что все гильдии **анноны** были прикреплены непосредственно к государственной службе, что в той или иной степени были задействованы всевозможные гильдии частного характера

— строителей, плотников, лесорубов, а также таких мелких торговцев, как сапожники, гончары, бакалейщики и трактирщики. В течение ста лет этот государственный патернализм развился до такой степени, что все работающие люди стали практически крепостными.

Во время правления Александра муниципальные органы управления также претерпели заметные изменения, которые имели серьезные последствия в течение следующего столетия. Поскольку коммерция грозила прекратиться, землевладельцы обнаружили, что их прибыль уменьшилась, и соответственно снизились налоги. Государство, остро нуждаясь в средствах, приказало **куриалам** (членам городских советов) муниципалитетов взять на себя ответственность за налоги в своих соответствующих округах. Выполняя эти требования, **куриалам** часто приходилось восполнять **p541** дефицит налогов из собственного кармана. Должность стала тяжким бременем, а не честью. Пришло время, когда мужчины отказались от выборов, и тогда государство навязало эту должность тем, кого считали богатыми. В конце концов, трудность поиска **куриалов** была настолько велика, что государство в некоторых случаях возлагало это бремя на преступников!

Ситуация на суше также была нестабильной. **Res privata** императора, унаследованная от конфискаций Нерона, Домициана, Септимия Севера и Каракаллы, была огромной. В штате были тысячи и тысячи арендаторов, которым какой-то император, вероятно Александр, ввел постановление, согласно которому они не могли отказаться от своих контрактов или заняться каким-либо другим занятием. Арендаторы должны оставаться на своих землях и производить продукцию на благо общества. Очевидным шагом, когда дети таких **колоний** пытались избежать принуждения, было сделать это занятие также наследственным, и тогда арендаторы государства становились крепостными в реальном смысле этого слова. Но окончательное изменение этого шага не было предпринято в течение следующего столетия. Из колониальных постановлений Александра мы знаем только, что он предоставил земли солдатам границы на основе наследственной службы в армии. Другими словами, дети этих солдат-колонии тоже должны были стать солдатами-колонии. Однако до сих пор за отказ от службы со стороны детей не предусматривалось никакого наказания, за исключением конфискации земли.

Правление Александра Севера также знаменует собой великие перемены на Востоке, которым было суждено иметь серьезные последствия для истории Рима. Парфянский дом Аршакидов, столь могущественный во времена Адриана, в течение некоторого времени терял свое могущество. В 226 году Ардашир (Артаксеркс) из дома персидских Сасанидов, который утверждал, что происходит от древних персидских царей царей, сбросил персидское иго, провозгласил себя царем всего древнего персидского царства и объявил себя восстановителем истинной зороастрийской религии. В Рим он объявил, что является владыкой всего царства до Эгейского моря, и он **p542** г. захватил Армению и Каппадокию прежде, чем римская армия успела начать действовать. В 231 году Александр отправился со своей матерью навстречу своему новому врагу, призвав на помощь дунайские легионы. В 232 году он выступил с тремя армиями, сам возглавив центральную. Ардашир первым встретился с южной армией. Битва привела к полному

уничтожению римских войск, но сам Ардашир понес такие потери, что не решался выступить против двух других дивизий. Однако ему не нужно было этого делать, поскольку Александр, услышав о судьбе своей южной дивизии, отступил и отозвал также северную армию. Последняя сильно пострадала при отступлении от болезней и нехватки продовольствия. Александр, несмотря на свои большие потери, одержал победу и вернулся домой, чтобы отпраздновать великолепный триумф. Царство Сасанидов, возможно, в то время было остановлено. Как бы то ни было, Александр просто показал персам, насколько слаб Рим. Пренебрежение возможностью дорого обошлось Риму.

Не успел Александр вернуться домой, как его позвали на Север. Варвары прорывались по всей линии. На границе с Дунаем вернувшиеся войска вскоре восстановили порядок. Но Александр не продвинулся вперед на Рейне, пока не купил мир золотом. Этот поступок вызвал отвращение у его солдат, и когда они услышали о прибытии Максимиана "фракийца", иллирийского военачальника, которого призвали на помощь, они провозгласили его императором и предали малодушного сирийца смерти. Он занимал трон с помощью своей матери и бабушки в течение тринадцати лет. Септимий Север, его дети и сирийские родственники правили Римом сорок-двадцать лет и оставили его совершенно неспособным сдержать ворвавшихся врагов.

Глава XXIX

Пятьдесят лет анархии

Было бы мало пользы повторять историю, которую рассказывали поздние хронисты-сплетники о разбойниках, убивавших друг друга за трон в течение следующих пятидесяти лет. Их имена не стоят того, чтобы их запоминать; и мы не информированы об общих условиях существования империи, что представляет гораздо больший интерес. На протяжении всего периода Рим даже не был столицей империи в каком-либо реальном смысле. Армии - это потенциальные центры империи, а правительство - это генерал, который на время может заставить свою конкретную армию варваров провозгласить его императором и в обмен на золото или лояльность разгромить любую другую армию, которая осмелится поддержать соперника. Излишне говорить, что армии тем временем разрывали себя на части.

Максимин (235г.н.э.), по крайней мере, восстановил северную границу и сохранял ее в безопасности в течение трех лет. Но его все ненавидели и боялись. Таким образом, сенат признал проконсула Африки Гордиана, а его сын был назначен его преемником, но африканская армия убила их обоих. Затем сенат признал Пупиена, бывшего генерала Рейнской армии, и Бальбина, бывшего-консулом. Максимин был убит своими собственными войсками, когда шел вниз, чтобы подавить этих незваных гостей; а они, в свою очередь, были убиты преторианской гвардией. Затем стража выбрала Гордиана III, четырнадцатилетнего мальчика, для выполнения гигантской задачи по борьбе с ужасными готами, которые, как и персы, теперь появились на сцене. Сирийскому полководцу удалось остановить готов; Гордиан двинулся на восток против персов. Его генералом здесь был *Филипп*, сын арабского шейха, который в 544 году предал своего императора смерти (244) и воцарился вместо него. Четыре года спустя арабский император возглавил пышное празднование Римом своего-тысячелетнего юбилея, когда глашатаи провозгласили возвращение Золотого века. Уже на следующий год Деций, иллириец, поднял восстание, казнил араба и занял его место.

Теперь готы пришли ордами. Они уже давно двигались на юг от своих прибалтийских домов. Действительно, похоже, что именно давление, оказываемое их передвижениями, повергло пограничные племена в нервное волнение во времена Марка Аврелия. Тем временем они отдыхали в нижней России, где переняли некоторые иранские обычаи у сарматских племен, которые они впитали. Восточные части племени (остготы) теперь переправились через Дунай, опустошив большую часть Фракии и Македонии. Говорят, например, что, взяв Филиппополь, они предали мечу 100 000 его жителей. Деций дважды пытался вступить с ними в бой, но потерпел поражение. Во втором сражении он был убит (251). *Требониан*, галл, который был губернатором Мезии, унаследовал трон и купил мир у готов обещанием ежегодной дани. Тем временем ужасная эпидемия снова охватила империю, и она бушевала безудержно в течение пятнадцати лет.

В 253 году *Эмили*й, мавританский полководец, разгромил галла, чтобы претендовать на его трон, но он, в свою очередь, был убит своими собственными войсками.

Затем *Валериан*, полководец фракийского происхождения, предъявил права на корону и призвал своего сына *Галлиена* разделить с ним власть. Их богатое событиями совместное правление началось в 253 году, когда враги врывались в империю со всех сторон. То, что они потеряли более половины империи, возможно, было не их виной, поскольку они получили от своих предшественников разбитые и недисциплинированные армии, а чума ослабила моральный дух тех, кто у них был. Валериан оставил своего сына заботиться о Западе, а сам двинулся на p545Восток, где Шапур (или Сапор), ныне царь царей, продвигался к Эгейскому морю. Прибыв на место, Валериан обнаружил, что Антиохия, столица Сирии, находится в руках врага. Он вынудил Шапура отступить, но в конце концов потерпел поражение и был взят в плен (258 г.н.э.). Теперь вся Азия казалась окончательно потерянной, поскольку Галлиен, уже терпевший аналогичные поражения на Западе, не мог прийти на помощь. Тем временем остготы захватили все корабли на Черном море, вторглись в Вифинию и Понт, разграбив и сожгв великие города Никомедию и Никею. Не было армий, которые можно было бы послать на помощь, поскольку Галлиен был безнадежно отброшен на Запад. Франки — сейчас мы впервые слышим о них — переправились через Рейн далеко на Севере и прошли маршем через Галлию вглубь Испании. Галльский командующий однажды успешно вступил с ними в бой, но был вынужден позволить им пока остаться. Все, что он мог сделать, это укрепить Рейн, чтобы предотвратить вторжение новых войск. Аламанны тем временем овладели аграрными декуматами, которые так и не были возвращены, и продвинулись вниз по Роне в Италию. По крайней мере, их Галлиен разбил под Миланом (259).

В то время как Галлиен был занят подавлением восстаний в Дунайской армии, Постум, губернатор Галлии, также восстал, провозгласив себя императором, однако не Рима, а Imperium Galliarum (259). Галлиен поспешил вернуться, чтобы вернуть Запад, но потерпел поражение. Постум организовал полноценное правительство по римскому образцу, с сенатом, консулами и всем бесполезным аппаратом. Хотя на своих монетах он признавал кельтского Геркулеса верховным божеством, не следует предполагать, что его правление каким-либо образом было выражением кельтского национализма. Такие настроения уже давно перестали быть жизненной силой. На самом деле Постум только основал для себя королевство, которое, по его мнению, можно было удержать без неразумных усилий, и он получил поддержку местных жителей, потому что был в состоянии сдерживать вторжения варваров более p546успешно, чем император. Вряд ли можно отрицать, что его правление Галлией и Испанией в течение десяти лет ужасных вторжений было выгодно империи, поскольку он спланировал Запад до лучших времен.

Восток был в конечном счете спасен для империи аналогичным актом государственной измены. После поражения и пленения Валериана Шапур продолжил захватывать город за городом в Сирии и Киликии. Затем случилось так, что Оденат из Пальмиры, города-оазиса, который Септимий процветал, собрал разрозненные остатки римских армий воедино, собрал мощные силы и напал на

персидскую армию, когда она мирно возвращалась домой. Затем Оденат был признан римским "военачальником Востока", к которому вскоре он добавил титулы "царь Пальмиры" и "Император". Поскольку Галлиен никак не мог утвердить позиции Рима на Востоке, он молча согласился на узурпацию. И когда Оденат был убит в 266 году, его жена, далеко-знаменитая царица Зенобия, возвела на трон своего сына Вабаллата и вскоре послала своих генералов присоединить провинцию Египет к своей великой империи. Все это, конечно, было мрачной новостью для Рима, но позже выяснилось, что это было скрытое благословение, поскольку граница по Евфрату какое-то время находилась под защитой державы, способной и желающей защищать социальные и экономические интересы региона.

Галлиен, очевидно, потерял более половины империи и не мог даже защитить Дунайский фронт, который все еще оставался за ним. В последние годы его правления готы снова воспользовались морским путем, на этот раз смело выйдя в Средиземное море. Они взяли Эфес в 263 году и даже осадили Афины в 267 году. Однако афиняне, возглавляемые историком Дексиппом, смогли защитить себя. Вождь герулов, возглавлявший экспедицию, был откуплен от набегов на Фракию высоким положением на службе Рима, включая должность римского консулана на корабле. Галлиен на самом деле очень далеко продвинулся в опасной политике покупки услуг **p547**вождей, которых он не мог подчинить. Возможно, это был единственный способ, который у него был, чтобы снова собрать армию, ослабленную многочисленными поражениями и чумой. Во всяком случае, он вложил значительные средства в покупку варварской кавалерии, которая теперь начала преобладать в армии и которую его преемник использовал с превосходным эффектом. О его внутренней политике известно немного, за исключением того, что он энергично продвигал самодержавие за счет сената. Отныне сенаторы не избирались для руководства армиями или управления провинциями; фактически, несколько предыдущих императоров выбирали, кого хотели, но, по крайней мере, признавали старый обычай присваивать сенаторский ранг в качестве предварительной ступени к командованию. Теперь даже с этим фарсом было покончено. Благородное звание отныне признавалось не именем "сенатор", а титулом "**protector divini lateris**", "защитник Его Божественной Личности".

Галлиен встретил свою смерть, как и многие другие императоры, из-за мятежа в армии, которая, казалось, устала от его тщетных кампаний. Он был убит в 268 году, и Клавдий, иллирийский офицер, был возведен на его место Дунайской армией, единственной армией, находящейся сейчас на службе Рима.

Клавдий хорошо начал с чрезвычайно сложной задачи. Он встретил аламаннов, которые снова хлынули в Италию через перевал Бреннер, разбил их и прогнал обратно домой. Готы снова бродили по Македонии с ордой, численность которой, по оценкам автора панегирического сборника, составляла около 300 000 человек. Клавдий основательно избил их при Нише в Сербии, как говорят, убил 50 000 человек и захватил великое множество пленников, которых он поселил в провинциях в качестве полусвободных колонистов. Он вполне заслужил имя Готик, которое дал ему сенат и более поздняя история, поскольку вовсе не исключено, что, если бы не победа при Нише, готские завоевания Италии могли начаться на

столетие раньше. Именно в то время, когда Клавдий был таким образом занят, отважная царица Пальмиры полностью сбросила римское иго — Клавдий отказался признать ее государство независимым — провозгласила своего сына императором p548 Востока и завладела Египтом. Прежде чем Клавдий успел ответить на этот вызов так, как хотел, он умер, став жертвой чумы. Он был единственным из двадцати-шести императоров этого периода анархии, кто избежал насильственной смерти.

Аврелиан, сын иллирийского крестьянина (270-75), был выбран армией, которая на этот раз преуспела. Новый император, не имея возможности отправиться на восток, сразу же признал большинство притязаний Зенобии на основании соглашения о том, что она и Вабаллат взамен признают суверенитет римского императора. Затем он взял в свои руки пограничный вопрос, разбил ютунгов, которые спустились в Италию через перевал Бреннер, и в следующем году с таким же успехом встретился с вандалами в Паннонии. Пока он был таким образом занят, ютунги заручились помощью аламаннов и снова вторглись в Италию. На этот раз Аврелиан был полностью разбит внезапной ночной атакой. Поражение повергло государство в смятение. На трон претендовали сразу несколько соперников. Зенобия провозгласила полную независимость Востока, а беспорядки работников монетного двора в Риме повергли город в смятение. Тем временем германцы разграбили богатые города долины По и двинулись на юг вдоль побережья в сторону Рима. Аврелиан, однако, оказался на высоте положения. Он поспешил в Рим и призвал всех жителей Италии прийти на помощь своим домам, которым угрожала опасность. С этой наспех собранной армией, в основном из новобранцев, он отбил варваров у реки Метавр, последовал за ними и уничтожил их на реке Тицин. Затем он вернулся в Рим, созвал все городские гильдии и поставил перед ними задачу построить ту удивительную кирпичную стену вокруг города, которая до сих пор вызывает восхищение у приезжих. Бунт вольноотпущенников, занятых на монетном дворе, был типичным для условий, которые преобладали. Он вспыхнул, когда Аврелиан, узнав, что работники монетного двора грабят казну, выпуская монеты ниже стандарта, закрыл монетный двор. Вольноотпущенники призвали своих друзей, взяли за оружие p549 и укрепились с целью удержать казну. Император смог вытеснить их только с помощью сильных сил. Говорят, что в ходе беспорядков были убиты тысячи человек.

Спасши Рим и обезопасив границу, он отправился на Восток, чтобы примирить Зенобию. Египет уже был возвращен Риму усилиями его префекта. Аврелиан встретил войска Зенобии близ Антиохии, обошел их-маневром и вынудил отступить к Эмесе. Там он одержал знаменательную, но дорогостоящую победу. Теперь он должен взять Пальмиру, защищенную • семьюдесятью милями пустыни и мощной стеной. Удивительно, как в те дни такие большие армии так успешно продвигались по безводным просторам Сирии. После долгой осады Зенобия попыталась бежать, но была схвачена. Затем город сдался, и Аврелиан доказал, что он несколько выше шайки варваров, из которой он вышел, спасая город¹ так же, как он спас королеву.

Именно в этот раз Аврелиан продемонстрировал свое понимание римских традиций, взявшись урегулировать спор между двумя претендентами на епископскую кафедру

в Антиохии, каждый из которых обвинял другого в ереси. Император, хотя и не был другом христианства, принял принцип, согласно которому тот, кто сможет доказать, что он приемлем для римского епископа, должен быть признан.

Аврелиан ни в коем случае не был склонен дружелюбно относиться к христианству. По возвращении с Востока он воздвиг великолепный храм Митре, богу солнца, и приверженцы митраизма были особенно враждебны к новой религии. Это посвящение, вероятно, было чем-то большим, чем жест дружелюбия к восточным солдатам его армии, поскольку на своих монетах он отчеканил надпись **Sol, Dominus Imperi Romani**, что, по-видимому, подразумевает, что он намеревался сделать митраизм официальной религией Империи. Секрет его принятия этой восточной религии, по-видимому, заключается в унаследованной преданности культу, поскольку его биограф сообщает нам, что его мать была Эта история правдоподобна, поскольку, как мы видели, Траян поселил в Дакии много выходцев с Востока. Эта религия, естественно, была бы очень привлекательна для такого императора, как Аврелиан, который выступал за абсолютизм, поскольку она проповедовала восточную доктрину о том, что правитель является воплощением бога. Следовательно, в соответствии с догматами этой веры он сначала настоял на том, чтобы к нему обращались "**Deus et Dominus**". Такое заявление, должно быть, в конечном итоге привело бы его к серьезному конфликту с христианством, если бы он был жив.

Прежде чем Аврелиан отпраздновал свой триумф, он решил вернуть и **Империю Галлиарум**. Задача была несложной, поскольку Постум умер, а его преемники оказались неспособными удержать "Империю" вместе. Потребовалось всего одно сражение, не слишком ожесточенное, поскольку противостоящий ему генерал уже согласился покинуть свой пост. Теперь Аврелиан мог вернуться в Рим и заявить, что восстановил империю. Монеты, отчеканенные по случаю его триумфа (274 г.), имеют надпись "**Реститутор Орбис**". Зенобию показали в процессии как пленницу, но в остальном к ней относились с уважением, которого она заслуживала, и позволили провести остаток своих дней так, как ей заблагорассудится, в прекрасном городе Тибур.

Во внутренней политике Аврелиана мы находим мало совпадающего с воображением, которое он проявлял в военном деле. Он был достаточно логичен в централизации правительства в своих руках: сенат был даже лишен мелкого признака участия в правительстве, который подразумевался в их штамповке **S(enatus) C(onsulto)** на медных **задницах**. Но этот поступок, возможно, был скорее следствием его темперамента, чем его рассуждений. Была логика и в том, что он оставил Дакию. Колонисты Траяна, вероятно, были достаточно рады покинуть свои постоянно опустошаемые земли ради других, которые император выделил им к югу от Дуная.

Что нуждалось в радикальных мерах, так это государственный бюджет и валюта. Стандартная монета, динарий, в **551** году правления Августа стоила в среднем по современной стоимости металла около 16 центов. Нерон понизил его стоимость примерно до 12 центов. В следующем столетии он вырос примерно до 8 центов. Динарий Каракаллы редко стоил 5 центов, и, как мы видели, он выпустил новую и

более крупную монету - антониниан, с помощью которой он мог практиковать новые приемы обмана. Затем наступил отчаянный период революций, которые Аврелиан предпринял, чтобы остановить. Это привело к опустошению динария. Каждый новый тиран обещал щедрые пожертвования армии в обмен на свое положение, а затем, обнаружив, что казна пуста, а налоги уменьшаются, прибегал к хитрости выплаты обещанной суммы монетами примерно вдвое меньшей существующей стоимости. В результате динарий теперь представлял собой тонкую пластинку меди, просто промытую серебром, и в обмен на золото его стоимость составляла менее полцента. Можно себе представить, в каком состоянии были финансы, особенно кредиты и целевые фонды. Например, первоначальная сумма в динариях в шестнадцать долларов, ежегодно выплачиваемая бедным детям в итальянских городах из огромного трастового фонда Нервы и Траяна, теперь стоила около сорока центов. Нельзя долго содержать ребенка на такой пустяк. Это проиллюстрирует, что случилось с кредитами. Аврелиан не сделал ничего ценного, чтобы исправить зло. Он просто умножил налоги на восемь под предлогом того, что, поскольку динарий теперь стоил всего одну-восьмую часть того, что было двадцать лет назад, правительство, чтобы управлять страной, должно иметь в восемь раз больше динариев. Его расчет был верен, но поскольку именно правительство извлекало выгоду из удешевления монеты из года в год, а каждое удешевление уничтожало значительную часть накопленного частного капитала, правительству следовало, по крайней мере, сократить свои расходы и обеспечить бизнесу несколько более высокий уровень. Налоги на новой основе были конфискационными, и люди были в отчаянии. Именно с этого времени мы слышим о приказах правительства о том, что муниципальные сенаты должны восполнить дефицит налогов, взимаемых с заброшенных ферм, [стр. 552](#), а также об общих приказах о том, что землевладельцы в провинциях должны занимать заброшенные фермы, которые примыкают к их ([эпиболе](#)), и производить достаточно, чтобы платить налоги с них. К сожалению, Аврелиан не сократил имперские расходы. Руководствуясь старой порочной теорией о том, что жителей столицы необходимо любой ценой удержать от беспорядков (теорию, которую приняли несколько европейских столиц во время Великой войны), он тратил на [аннону](#) больше, чем когда-либо. И поскольку такие торговые гильдии, как пекари и мясники, были организованы под контролем государства, он распорядился раздавать их не в виде пшеницы, а в виде двух-фунтовых буханок хлеба, ломтиков свинины вместе с солью и маслом.

Аврелиан был убит в 275 году своим личным секретарем, вольноотпущенником, которого он оскорбил, и на некоторое время последовал еще один период кратковременных правлений. Поскольку его солдаты были преданы ему, они оказали ему честь, попросив Сенат выбрать достойного преемника. Сенат, естественно, выбрал пожилого и респектабельного сенатора, который пообещал в какой-то степени восстановить их достоинство, но этот человек, *Клавдий Тацит*, также вскоре был казнен. Затем сирийская армия заявила права на эту позицию для *Пробуса*, крепкого иллирийского солдата, которому удавалось сохранять границы нетронутыми в течение нескольких лет, пока он тоже не был убит (282) своими

офицерами. Кар, еще один иллириец, был избран своей армией. После своей ранней смерти он оставил свою должность двум своим сыновьям, но армия нашла (284) более подходящего человека в лице *Диоклетиана*, префекта гвардии, который принял эту честь и заставил армии двух наследников Кара подчиниться. Правление Диоклетиана знаменует собой новую эпоху в угасающей карьере Рима.

Примечание автора:

¹ Позже Пальмира восстала, и Аврелиан вернулся и разрушил ее.

Глава XXX

Самодержавие, Диоклетиан и Константин

Диоклетиан (285-304гг. н.э.) подводит нас к крайним антиподам всего, чем была ранняя Республика. Государство было основано на дальновидном либерализме, оно закончилось деспотизмом, тщательно систематизированным шпионажем и неослабевающими подавлениями и преследованиями. Новый император родился среди иллирийцев, как и многие из тех, кто был опустошен Дунайской армией, которая, конечно, состояла в основном из иллирийских и далматинских горцев. Однако он был сыном не иллирийца, а бывшего-раба, и поскольку его прозвищем был Диокл, вполне вероятно, что его отец был восточного происхождения. Это может объяснить его выбор Востока в качестве своей доли, когда он делил царство, и его выбор восточного типа деспотизма в качестве своей модели правления. Историки хвалили его за конструктивные способности и способность порвать с традициями и изобрести новые формы правления. Но в том, что человек его происхождения и воспитания должен порвать с прошлым Рима, нет ничего странного. Это было не его прошлое, и он, вероятно, мало что знал о римских традициях. А что касается оригинальности, то ему нужно было всего лишь применить к обнаруженной им ситуации некоторые идеи, которые он мог бы почерпнуть из истории любого восточного деспота, чтобы создать совершенно не-римское правительство, которое он навязал страдающему миру. Тем не менее, мы не можем отказать ему в эффективности и благом намерении создать прочное правительство. Вот что дало ему обучение в римской армии.

Придя к власти, он обнаружил, что все границы снова захвачены, и соответственно выбрал своего друга p554Максимиана в качестве соправителя-и соратника Августа и отправил его на рейнскую границу. Максимиан хорошо справился со своей работой на Рейне, в то время как Диоклетиан очистил линию Дуная и отбросил персов за Евфрат. После восьмилетнего правления он решил обеспечить престолонаследие путем избрания двух цезарей - идея, заимствованная из практики второго века. Он принял Галерию как цезаря, в то время как его коллега-Август принял Констанция, и хотя Диоклетиан благодаря личному престижу оставался властелином империи, административные округа были равномерно распределены между четырьмя соправителями-. Диоклетиан, проживавший в Никомедии, взял на себя личную ответственность за Азию, Фракию и Египет; Максимиан, обычно проживавший в Милане, взял на себя Италию, Африку и Испанию; Галерий - линию Дуная и Балканы, а Констанций - Галлию и Британию. Было решено, что все четверо должны подписать все эдикты и "законы" и что Августы должны уйти в отставку через двадцать лет, когда цезари станут Августами и назначат вместо них двух цезарей. Если бы Октавиан разработал такой план до того, как уродливые традиции проникли в армию и при дворе, возможно, он бы сработал. Однако, имея перед глазами историю армейских восстаний последних полувековых периодов, он вряд ли мог надеяться, что эта система долго будет соблюдаться. О собственном

превосходстве Диоклетиана свидетельствовали одежда и церемонии, которые понравились бы любому султану. Он принял корону — через триста лет после того, как Юлий Цезарь был вынужден отказаться от нее, — пурпурные шелковые одежды, усыпанные драгоценностями и позолотой, и как бог он заставил всех людей падать ниц перед ним, как это было в древнем обычае в Персии. Даже члены его Тайного совета не могли сидеть в его присутствии: они должны были стоять. Соответственно, отныне этот орган назывался **Консistorией**.

Было принято очень сложное административное деление империи, при котором гражданские функции, как правило, были отделены от военных. Но допускалось значительное дублирование обязанностей, вероятно, потому, что Диоклетиан был подозрительным **p555** по натуре и поощрял чиновников шпионить друг за другом и сообщать ему о правонарушениях. Во-первых, у каждого из четырех императоров был префект, ведавший гражданскими делами. Четыре префектуры были снова разделены на **епархии** под опекой **викариев**, которых насчитывалось двенадцать. Эти **епархии** были снова-разделены более чем на сотню провинций — теперь меньше, чем старые провинции. На должности губернаторов провинций обычно назначались **всадники**, которым присваивался титул президентов (**praesides**), хотя несколько провинций получили проконсулов или **корректоров**. У всех этих чиновников были целые вереницы подчиненных, а имперские бюро в столице, находящиеся в ведении августейшего **magister officiorum**, вели подробный отчет обо всем, что делали руководящие чиновники. Фактически, имперская секретная служба была одним из самых загруженных ведомств. Главным помощником каждого губернатора был **принцепс**, присланный из министерства внутренних дел, в обязанности которого входило шпионить и доносить. Кроме того, в Ребусе была целая армия **агентов**, которые должны были присматривать за дорогами общего пользования. На самом деле они были шпионами, которые докладывали обо всем, что наблюдали в своих путешествиях. Лактанций, по-видимому, не сильно преувеличивал, когда говорил, что половина населения империи состояла на государственной службе.

Этому административному механизму соответствовал не менее сложный военный. Августы и цезари, конечно, стояли во главе своих армий, но под ними находились **герцоги**, отвечающие за корпус, и **комитеты** (отсюда "герцог" и "граф") и т. Д. Диоклетиан, обнаружив, что армия стала неподвижной в условиях системы, которая позволяла солдатам жениться и селиться на суше, теперь мобилизовал почти половину ее состава и держал в лагерях для подготовки к немедленному несению службы где угодно. Но тем самым он значительно увеличил армию, доведя ее, по предварительным оценкам, примерно до 400 000 человек. Расходы были больше, чем могло вынести государство.

Диоклетиан также кое-что сделал, чтобы исправить путаницу **p556** в денежной системе. Но он провел так много экспериментов с различными стандартами, что сейчас трудно приравнять его монеты. Основа его четвертой попытки реформы кажется довольно прочной. Он оставил старый, почти ничего не стоящий динарий таким, каким он был, - посеребренной медной монетой. Теперь он считался стоящим менее полцента, и на самом деле, по-видимому, это примерно соответствовало его

внутренней стоимости. Настоящие серебряные динарии, подобные динариям ранней империи, также выпускались, хотя и не в больших количествах. Возможно, серебра было недостаточно для их чеканки. Он был оценен в пятьдесят медных монет и, несомненно, стоил этого. Золотой ореус, монета, выпускавшаяся долгое время, была увеличена примерно до 1/50 или 1/60 фунта и, следовательно, стоила более четырех долларов. Это тоже была честная чеканка. Соотношение металлов, похоже, было примерно таким же, как в Республике. Золото: серебро — примерно 15: 1, серебро: медь - примерно 120:1. Из-за трудностей с добычей достаточного количества золота и серебра для обращения он выпустил мешки с медью **Antoniniani**, названные **folles**. В мешках находилось около 312 фунтов этих мелких монет, и мешки, взвешенные и запечатанные на монетном дворе, стоили примерно одну-восьмую фунта золота, или почти сорок долларов.

Хотя эта система раз и навсегда признала обесценившиеся ценности последних пятидесяти лет и, следовательно, разрушила надежду на восстановление ранее установленных кредитов и трастовых фондов, она, по-видимому, была настолько респектабельной, насколько можно было ожидать. Государственные банкноты, основанные на золотом запасе, вряд ли были бы возможны в то время, поскольку автократы были настолько вероломны в течение длительного периода, что обещание правительства выплатить их не было бы принято. И можно также добавить, что до того, как была открыта бумага и изобретено книгопечатание, было бы трудно изготовить абсолютно однородные банкноты, защищенные от подделки. К сожалению, как только монеты Диоклетиана завоевали уважение, он сам снова подделал их и снизил вес как медных, так и старых монет. **p557**Искушение извлечь выгоду из контроля над монетным двором всегда оказывалось почти непреодолимым для автократов.

Качество экономических идей Диоклетиана лучше всего раскрывается в его замечательном эдикте, изданном в 301 году, которым он попытался установить максимальную цену на все товары, по крайней мере, в восточной части своего королевства. Полной копии "Эдикта Диоклетиана" не сохранилось, но в нескольких городах были найдены разбитые фрагменты, и из них мы узнаем основы его методов. Регулирование рынков в те дни не было чем-то необычным. Фактически, даже во времена Республики рыночные цены часто фиксировались во время войн и голода, точно так же, как недавно они были под контролем в Европе и в некоторой степени в Америке. Динарий при жизни Диоклетиана упал до одной-десятой своей стоимости, что, конечно, означало, что индекс цен в пересчете на динарий соответственно вырос. Должно быть, на правительство оказывалось большое давление с целью снизить высокую стоимость жизни. Поэтому нельзя критиковать желание попытаться найти средство правовой защиты. Но что было крайне неразумно, так это предполагать, что одни и те же цены могут сохраняться постоянно во всех городах на обширной части империи и что розничная цена должна совпадать с оптовой. Попытка, конечно, провалилась, хотя император постановил, что наказанием за неповиновение должна быть смерть. Современный автор пишет, что бизнесмены закрыли лавки, многие товары исчезли и сразу же начались голодные бунты. Естественно.

Отрывки из этого указа, однако, интересны тем, что дают некоторое представление об экономике того времени, хотя нельзя испытывать полной уверенности в способности Диоклетиана судить о том, какова была нормальная цена. Ниже приведены цены на несколько стандартных товаров: пшеница должна была продаваться повсюду по 75 центов за бушель; рожь - по 45; сухие бобы - по 45; ветчина - по 12 центов за фунт; говядина - по 5; баранина - по 7; сливочное масло - по 10; сыр - по 7; яйца - по 5 центов за дюжину; сапоги рабочего - по 52 цента за пару; солдатские плащи - по 17,40 доллара за штуку; нижнее белье - по 5,40 доллара за штуку. **Фунт чистого золота p558** оценивается в 50 000 динариев, что позволяет нам оценить цены в соответствии с указом и понять элементы его системы чеканки. Диоклетиан, который, очевидно, считал, что рабочие "спекулируют" в такой же степени, как торговцы и фермеры, также установил максимальную заработную плату. Эта заработная плата здесь указана в дополнение к "удержанию" за рабочий день продолжительностью, вероятно, двенадцать часов.

Неквалифицированные рабочие	10,8 цента в день
Каменщики	21,6
Плотники, каменщики, кузнецы	21,6
Маляры	32,4

Эти списки показывают, что за век анархии в экономической системе Рима произошли некоторые важные изменения. Металлы несколько дороже, то есть их меньше; и все же, к некоторому нашему удивлению, золото, серебро и медь находятся в почти таком же соотношении друг к другу, как и раньше. Это означает, что в королевстве все еще оставалось значительное количество серебра и золота. Соотношение цены на пшеницу к золоту примерно такое же, как и раньше, в то время как мясо дешевле, а одежда и другие предметы, требующие труда, дороже. Заработная плата рабочих также выше и, как правило, выплачивается по плану "работы на заказ". Все это означает, что рабов стало меньше, что фабрики в значительной степени прекратили свою деятельность и что много земли используется для выпаса скота. Действительно, вся промышленная система в значительной степени пришла в упадок, отчасти потому, что капиталистические инвестиции были сведены на нет быстрым обесцениванием денег, отчасти потому, что возникшие пиратство и разбой перекрыли торговые пути. "Международная" торговля в значительной степени прекратилась, и люди вернулись к "домашней" и "городской" экономике. И эта ограниченная экономика поддерживалась посредством бартера, отчасти потому, что нестабильной валюте нельзя было **доверять**, а отчасти потому, что бедняки, выброшенные из отраслей, приносящих доход, не имели ничего, кроме натуральных продуктов и труда своих рук, которыми

можно было оплачивать предметы первой необходимости. Другими словами, мир в значительной степени вернулся к примитивной индустриальной стадии.

Это изменение экономических условий серьезно сказалось на государственных финансах и сборе налогов, и Диоклетиан справился с этими трудностями с той же близорукостью, с какой до него поступили Аврелиан и Север. Он знал только метод автократического принуждения. Он ввел в Италии прямой земельный-налог, который долгое время был в моде в провинциях, и отменил налог на наследство, поскольку первый приносил больший и стабильный доход. Затем, обнаружив, что у землевладельцев недостаточно валюты для уплаты, он установил уплату налога "натурой". Это потребовало наличия государственных зернохранилищ и национальных складов, а также орды чиновников для ухода за ними. Италия превращалась в огромное государственное предприятие, подобное Египту. Император, конечно, владел как *res privata* обширными землями в Италии, и, обнаружив, что его **колонии** во многих местах отказались от борьбы с землей, постоянно приходящей в упадок из-за культуры арендаторов, он пошел по деспотическому-пути, просто заставив арендаторов оставаться на своих землях пожизненно. Когда такое же отвращение оставаться под гнетом высоких налогов появилось у **колонии** частных владельцев, он использовал там те же методы, чтобы добиться уплаты налога. Он не только применил к Италии правило Аврелиана о том, что муниципальная **курия** несет ответственность за налоги с заброшенных земель в своем округе и что землевладельцы должны собирать и обрабатывать пустыри, расположенные рядом с их участками, но он также приказал арендаторам частных земель оставаться на своих участках, приказ, который Константин несколько лет спустя применил и к наследникам таких арендаторов. Таким образом, арендаторы земель, как государственных, так и частных, становились привязанными к земле, и вскоре они теряли многие из своих гражданских прав и становились крепостными. Многие из более бедных землевладельцев действительно приняли **p560** такое же условие по собственному выбору, поскольку, когда они сильно влезали в долги, они могли избежать полной катастрофы, только "отдаваясь" более богатым землевладельцам, которые выплачивали их долги и взамен принимали их в качестве **колонистов** пожизненно. Мы также слышим о землевладельцах, которые благодаря дружбе с высокопоставленными чиновниками или подкупу смогли избежать многих государственных поборов и, наживаясь на чужом несчастье, накопили обширные поместья и множество **колоний**. Обратная сторона картины роста крепостного права, соответственно, показывает возвышение могущественных землевладельцев, которые вошли в ряды имперской знати. Таким образом, эпоха самодержавного финансирования Диоклетиана была периодом, когда институт крепостного права добился заметного прогресса по всей империи.

С тем же настойчивым применением патернализма Диоклетиан далеко продвинулся в деле превращения ремесленников и торговцев в наследственную касту. Ибо, когда промышленная система распалась из-за неисправных государственных финансов и отсутствия защиты, и члены гильдий, казалось, были готовы перейти к другим занятиям, Диоклетиан приказал им оставаться в своем ремесле, чтобы население могло продолжать удовлетворять свои потребности. Это была его идея, что

производство может быть стимулировано указом. Результатом этой политики, конечно, стало то, что детям членов гильдии также пришлось приказать оставаться в профессии своих родителей; другими словами, ремесла стали передаваться по наследству, как и фермерство арендаторов. Коммунизм не мог быть более требовательным в привязке личности к государству. Таковы были экономические и социальные идеи этого сына восточного раба, который в течение двадцати лет сидел султаном на римском троне.

Одним из последних деяний Диоклетиана перед его уходом на покой была попытка полностью подавить христианство (303). Он предпринял гонения со своей обычной энергией. Сначала все христиане были отстранены от гражданских должностей и лишены гражданства, их имущество было конфисковано, а богослужения запрещены. Те, кто нарушал **приказ** p561, были преданы смерти. Многие влиятельные мужчины и женщины приняли мученическую смерть, поскольку Галерий продолжал приводить в исполнение эдикт в течение восьми лет после ухода Диоклетиана на пенсию. Однако теперь новая секта была настолько многочисленна, а преследования вызвали такое сострадание, что в 311 году Галерий был вынужден отозвать орден. Это превысило допустимую норму, и христианство выиграло свою последнюю серьезную битву.

В 304 году Диоклетиан отпраздновал двадцатую годовщину своего восшествия на престол в Риме, по-видимому, впервые он въехал в город после того, как стал императором. Затем он отошел от власти, как и обещал, и его коллега вместе с ним. Два цезаря дослужились до должности Augusti и приняли двух новых цезарей. Но план сработал недолго. Когда Констанций умер в 306 году, его армия приветствовала его сына Константина, а Максенций, сын Максимиана, аналогичным образом заручился поддержкой Италии. Диоклетиан не смог пойти на компромисс и удалился в Салон (Спалато) в своей любимой Далмации, где построил великолепный дворец и прожил там еще около десяти лет.

Константин (306-337г.н.э.) был признан своими войсками в 306 году со-правителем запада. Его происхождение мало чем отличалось от происхождения Диоклетиана. Его отец, по—видимому, был иллирийцем; его матерью была хорошенькая вольноотпущенница по имени Елена - следовательно, несомненно, уроженка Востока, — которая держала гостиницу в Нише; и будущий император родился вне брака. Его притязания на трон не были официально признаны августом в течение нескольких лет, но его это не беспокоило. Когда Галерий умер в 311 году, Константин решил добиться признания, намереваясь, по-видимому, в конечном итоге объединить все четыре части империи под своим началом. В 312 году он повел свою армию в Италию, разбил армию Максенция при Турине и двинулся на Рим. Максенций встретил его у Мульвиева моста с большим войском. Константин, который долгое время благосклонно относился к христианству, отказавшись выполнять приказы Галерия p562 о преследованиях в Галлии, принял знак креста в качестве своего знамени. Битва была отчаянной, но Константин победил, а Максенций утонул в Тибре. Это сражение, конечно же, стало одним из знаменитых сражений в истории, и Рафаэль украсил одну из стен большого зала Ватикана его вообразимым изображением. Вряд ли было бы правильно говорить, что

Константин все еще был общепризнанным христианином — он крестился только на своем смертном-одре двадцать четыре года спустя, - но нет причин сомневаться в сообщении историков о том, что ему показалось, что он увидел в облаках перед битвой знак креста и на нем слова **hoc vince**. Во всяком случае, вскоре он издал приказ о том, что христианский культ должен иметь такое же признание в государстве, как и любой другой культ. В 325 году он созвал Никейский собор и председательствовал на нем, на котором епископы после длительных дебатов проголосовали за принятие афанасианского, а не арианского вероучения, и вскоре после этого Константин, как говорят, объявил языческие культы незаконными. После поражения Максенция, по крайней мере, его все считали христианином.

Его правление было не во всех отношениях удачным. В нем были черты жестокости и неконтролируемого нрава, которые приводили к порочным поступкам. Он убил сына из-за подозрений, которые, по-видимому, были необоснованными, сожалел о содеянном и, очевидно, обвиняя свою жену в своей ошибке, приказал казнить ее. Он потратил много крови, свергая своего соправителя- Лициния, который контролировал восточные провинции. Причины нападения неясны, но его поведение, похоже, соответствует поведению многих других иллирийских императоров, которые предшествовали ему. После поражения Лициния в 324 году он стал единоличным правителем всей империи.

Правление Константина известно не только юридическим признанием христианства в качестве разрешенной религии, но и строительством Константинополя и переносом столицы в это место. Неясно, каковы были его мотивы для этого поступка. Несомненно, он понимал, что опасными пунктами **p563** в настоящее время были линии Дуная и Евфрата. С военной точки зрения этот шаг можно назвать мудрым, но результаты оказались нездоровыми, поскольку он придал империи восточный, а не западный оттенок. Если бы столица осталась в Риме, вполне вероятно, что более поздние императоры приложили бы усилия, чтобы спасти Запад, а не Восток, и латинская цивилизация, основанная на здоровых традициях Галлии, могла бы возникнуть на много веков раньше, чем это произошло. Как бы то ни было, Константинополь, пронизанный азиатско-греческой культурой в форме византизма, выжил с языком, который не смог установить связи в новом свете. Но Константин вряд ли мог предвидеть, насколько знаменательным окажется его поступок.

Немедленный эффект проявился в виде увеличения налогов, взимаемых с народов, и без того перегруженных, поскольку Константин тратил щедрые суммы на здания и украшения своей новой столицы. На самом деле, он был не первым, кто ввел нерегулярные взносы в денежной форме помимо обычного налога натурой, но он был первым, кто упорядочил это **indictio**, как это называлось, и сделал сбор очень важной частью всего налога. Пришло время, когда римские граждане начали рассматривать возможность бегства за пределы границ в варварскую страну, чтобы сделать жизнь сносной.

С переносом столицы на Восток, установлением абсолютизма и принятием христианства мы достигли периода, когда мало что из того, что является узнаваемым "римским", соответствует нашему представлению. Римский народ

давно растворился в смешении рас. Языков, на которых говорили на улицах Рима и Константинополя, стало легион. Когда звучала латынь, это был бесформенный, лишенный стиля и высокопарный жаргон, который напоминал речь Цицерона не больше, чем английский в Бауэри напоминает речь Аддисона. Писалось мало, разве что в защиту новой религии, да и то в основном на азиатском греческом. Старых авторов мало кто читал, книги в библиотеках истлели, и их выбрасывали на свалку. Искусство исчезло. Когда Константин воздвиг арку на Римском форуме в ознаменование своих побед, он не смог найти художников, чтобы украсить ее. Его строители украли панели с арок, возведенных двумя столетиями ранее, и то, что они добавили сами в качестве орнамента, было невыразимо грубым. Старый дух независимости исчез, мир полон негодяев, которые подчиняются деспотическим требованиям или убегают. Перед своим императором они падают на колени и скребут носом землю. Границы все еще практически нетронуты, но Рим мертв, и труп не стоит того, чтобы его хоронить.

Правительству еще предстояло выполнить несколько задач, прежде чем оно рухнет, и, к счастью, оно просуществовало достаточно долго и только достаточно долго после этого. Рим произвел кое-что, что заслуживало того, чтобы выжить, но в последние дни многое из того, что заслуживало гибели. Правительству нужно было сдерживать варваров до тех пор, пока они, или, по крайней мере, некоторые из них, не смогут завоевать уважение к тому, что заслуживало сохранения. Рим располагал как греческими, так и латинскими книгами, которые могли бы оказаться неоценимой ценностью, если бы их удалось сохранить до тех пор, пока варвары не будут готовы понять их. Тем, что какая-то небольшая часть из них была спасена, мы обязаны тому факту, что границы все еще удерживались некоторое время. У варваров также было время научиться уважать римское право, пока не стало слишком поздно, и римское право стало оказывать цивилизирующее влияние еще до появления ее литературы. Наконец, Рим принял и впитал религию, которая проистекала из глубочайших корней духовного идеализма. Рим сдерживал варваров достаточно долго, чтобы обучить их основам этой религии и дать им книгу, которая могла бы научить остальному, когда элементы сделали остальное понятным. Это лишь некоторые из вещей, которые даже коррумпированная тирания Диоклетиана и ему подобных сохранила для новой и менее коррумпированной расы. И тогда пришел конец.

Римская империя Четвертого века

[Увеличенная версия, полностью читаемая, открывается здесь (1,6 МБ).]

Глава XXXI

Причины упадка Рима

Со времен "упадка" Рима, единственной "мировой империи", которую знала европейская история, люди пытались объяснить эту катастрофу. Государственные деятели искали ответ в политической структуре Рима, моралисты - в поведении ее народа, экономисты - в "истощении почвы", в крахе денежной системы и тому подобном. Мы должны признать, что определенный и адекватный ответ никогда не будет получен: политические, психологические и экономические науки, к которым мы обращаемся за данными, в лучшем случае носят описательный характер. Они могут рассказать нам, как вели себя люди и государства, но они не могут установить неизменные законы причины и следствия в любой области, где работает человеческий разум. В нескольких последующих абзацах мы можем лишь изложить вероятности, которые возникают у тех, кто внимательно наблюдал за поведением государств и наций. И вряд ли нам нужно упоминать об окончательном крахе в пятом веке, когда варвары преодолели все границы и овладели империей, поскольку римская культура перестала быть жизненной силой задолго до этой даты.

Политические причины упадка были серьезными и были присущи даже поведению старой Республики. Республиканские государственные деятели, как и деятели практически всех современных государств, слишком часто позволяют инстинкту стяжательства увлечь себя за грань благоразумия. У Дью было мужество Катона и Сципиона Назики указать на опасность экспансии. Это не говорит о том, что Рим был преднамеренно агрессивен. Скорее, подобно Англии и Америке, Рим вел свои войны, как бы они ни возникали, с упорным упорством, пока не побеждал, а затем, следуя естественным человеческим p566инстинктам, он обычно включал то, что было в его распоряжении, не всегда оценивая отдаленные последствия своих действий для будущих поколений. Рим рос слишком быстро, и ассимиляция была ей далеко не по силам. Первым пагубным последствием было то, что ей пришлось удерживать своих подданных постоянными армиями, которые вскоре стали доминировать в правительстве и которые, в конце концов, должны были быть настолько велики, что подорвали ее силы. Если бы Риму была дана мудрость — которой, кажется, еще не овладело ни одно правительство — отказаться от предложенной выгоды, если бы, например, он устоял перед искушением вторгнуться в Азию, он мог бы медленно построить крепкое западное государство с легко защищаемыми границами, ассимилировать и образовать свой народ без использования опасно больших постоянных армий.

С политическим вопросом тесно связан "расовый" вопрос. Мы пока еще так мало знаем о расе и расовой наследственности, что при попытке оценить этот фактор необходима крайняя осторожность. Более того, легкость общения в настоящее время настолько основательно смешала народы разных частей Европы, что едва ли существуют "чистые расы", из которых можно было бы извлечь надежные

иллюстрации. Тем не менее, биологические исследования, продолжающие работу Менделя, похоже, зашли так далеко, что показали, что исторические теории 19 века, основанные на доктрине Бакля о влиянии окружающей среды, были небезопасны, и что в будущей истории необходимо более щедро учитывать умственную и физическую наследственность индивидов, составляющих нацию. Акцент на расовом наследовании является более важным в древней истории, потому что европейские народные группы 3000 лет назад были в целом более однородными, чем сегодня-, по той причине, что мигрирующие индоевропейские орды были искателями земель, которые рассеивали, а не ассимилировали найденных ими дикарей, не-владеющих землей. В целом это, по-видимому, справедливо для ранних латинских, кельтских и германских мигрантов.

Смешение рас может давать хорошие результаты, но также было установлено, p567, что при смешении двух превосходных компонентов с сильно различающимися качествами часто получается нестабильное слияние, которое увековечивает более слабые качества обоих. Применяя это соображение к Риму, если мы обнаружим, что латинское происхождение последовательно развивалось по определенным направлениям, пока оно было достаточно несмешанным, и что оно постепенно сокращалось примерно с того времени, когда было отмечено расовое слияние, мы можем справедливо приписать эту новую тенденцию в некоторой степени процессу "плавильного-котла".

Даже беглого обзора Республики достаточно, чтобы показать, насколько коренные народы были истощены войнами и рассеяны в результате миграции и колонизации, и как их места были заполнены в основном восточными рабами. Еще в 130 году до н.э. Сципион Эмилиан напомнил избирателям Рима, в словах, простительно преувеличенных, что многих из них он привел в Рим пленниками. Ассимиляция инородного элемента была настолько быстрой, что сын Марка Аврелия, по-видимому, является последним римским императором, который мог претендовать на незапятнанное происхождение от итальянских родителей. Спокойный характер старых строителей государства, их любовь к закону и порядку, их упорство в либеральных и справедливых отношениях, в терпении и неустанных усилиях, их взвешенность при принятии решений, их недоверие эмоциям и интуиции, их непоколебимая преданность свободе, их верность традициям и государству - вот что можно ожидать найти до тех пор, пока древние римские семьи являются доминирующим элементом в Республике. Напротив, жители Империи кажутся раболепными и вялыми, калорийными и неустойчивыми, мягкотелыми, со слабой волей, умственно утомленными, привыкшими отказываться от руководства разума ради сумеречного мистицизма. Перемена настолько заметна, что невозможно говорить о "духе Рима" или "культуре Рима", не определив, имеется ли в виду Рим 200 г. до н.э. или 200 г. н.э. История должна учитывать это изменение, и при этом трудно избежать вывода, что перемена в первую очередь связана с тем фактом, что римляне частично уступили перед этим, а частично слили 568 г. свое наследие с новым выводком, пришедшим в основном из Малой Азии и Сирии. Согласно этой точке зрения, упадок Рима начался в последние десятилетия Республики.

Были также недостатки экономического характера, которые способствовали упадку; хотя важность этого фактора, вероятно, была переоценена в последние годы из-за тенденции переносить явления современных индустриальных государств на древние общества. Истощение ресурсов из-за чрезмерного налогообложения привело к некоторому опустошению на Востоке даже во времена поздней Республики. Но в течение первых двух столетий существования Империи налогообложение было справедливым, и Восток восстанавливался до тех пор, пока не стал более процветающим в финансовом отношении, чем когда-либо. Удручающие налоги были снова введены только во времена Каракаллы, когда они, несомненно, помогли задуть Империю, которая уже умирала.

То же самое можно сказать и об общем промышленном упадке. Промышленность провинций действительно извлекла большую выгоду из построенных дорог и морских путей, которые надежно охранялись имперским правительством вплоть до времен Александра Севера. Хаос в промышленности, возникший впоследствии во время армейских соревнований, был скорее следствием, чем причиной общей деморализации.

В дефиците валюты часто обвиняли Плиния на основании утверждения о том, что из королевства утекло больше золота, чем можно было добыть на истощенных рудниках. Но тот факт, что даже Диоклетиан мог выпускать золото, серебро и медь почти в прежних соотношениях и что Константин смог установить довольно хорошую золотую и серебряную валюту, по-видимому, указывает на то, что всех этих металлов было достаточно для промышленности того времени. Возможно, этого было бы недостаточно для энергичного расширения капиталистического бизнеса, но восточная промышленность, которая также вторглась на Запад, никогда не любила капиталистические методы. Он всегда проявлял тенденцию цепляться за отдельный магазин. И такая крупная промышленность, какой обладала Италия, по-видимому, пострадала от опустошительных войн третьего века p569 не меньше, чем от финансовых ограничений. Наибольший вред, нанесенный неадекватной валютной системой, несомненно, пришелся на инвестированный капитал и кредиты из-за быстрого обесценивания монет в третьем веке. Но даже это не обязательно было фатальным, учитывая здравый и трудолюбивый народ. В конце концов, римляне за 200 лет потеряли не так много из-за обесценивания своей валюты, как Германия за три года после Первой Мировой войны. На самом деле было бы трудно доказать, что нехватка драгоценных металлов в мировом государстве сильно мешает бизнесу, если дефицит дает о себе знать постепенно. Рим время от времени использовал смесь золота и серебра, называемую электрон, и сплав серебра и бронзы, и мог бы сделать это снова, если бы золота и серебра не хватало в достаточном количестве. Дело было не столько в провале золота, сколько в неспособности вялого и деградирующего правительства адекватно манипулировать металлами, которыми оно обладало.

Выдающиеся экономисты также объясняли упадок Рима нехваткой рабочей силы, когда дешевые рабы перестали поступать военным путем. На самом деле рабство начали отвергать еще до того, как рабы перестали прибывать; и воспитание детей-рабов продолжалось бы, если бы это было выгодно, как это продолжалось,

например, на нашем Юге после того, как ввоз рабов был запрещен. Во времена Цицерона землевладельцы по экономическим причинам начали обрабатывать поместья через **coloni**, и они даже сочли выгодным освобождать своих рабов и использовать их скорее как вольноотпущенников-арендаторов. В период наибольшего финансового кризиса, то есть на протяжении всего третьего и четвертого веков нашей эры, государство было озабочено не столько поиском новых работников — пленников редко обращали в рабство, хотя уводили сотни тысяч, — сколько принуждением праздных членов гильдий оставаться в своих гильдиях, даже когда у них не было достаточно работы, чтобы занять свое время. Промышленность, по-видимому, пришла в упадок не из-за нехватки рабочего класса.

Другие историки имели обыкновение приписывать упадок Рима в 570 году "истощению почвы", и правильно рассматривать это как один из факторов. Однако трудно доказать, что это был серьезный предмет. Временное истощение почвы Лация в четвертом и третьем веках до н.э. было отмечено выше. Но также было отмечено, что почва вулканического побережья Италии восстанавливается относительно быстро при тщательном севообороте и выпасе скота, как это практикуется фермерами Республики. Сначала Сицилия несла бремя выращивания зерновых культур, пока шла эта реорганизация. Когда Сицилия была перегружена работой, Италия снова смогла позаботиться о себе с помощью богатой долины По. Затем, на заре империи, провинция Африка производила много зерна, пока во втором веке нашей эры ее скудная почва не была истощена интенсивным орошением. К тому времени Египет, который не мог так легко истощиться, пока Нил выходил из берегов, переходил к выращиванию зерновых культур, а Галлия была далека от истощения.

Таким образом, существовали регионы, которые были обработаны до тех пор, пока им не пришлось дать отдых. Действительно, у греческих авторов времен Империи есть несколько упоминаний о больших и малых округах, которые были почти обезлюдены, хотя когда-то они давали пропитание многим людям. Такие районы и по сей день можно найти во всех наших восточных штатах.-- Обычно это места, где когда-то была богатая, но разреженная почва, покрытая песком или каким-либо непродуктивным видом горных пород, и которые даже научное культивирование не может вернуть к прибыльному возделыванию. Кроме того, мы должны также учитывать, что в Италии **coloni** на государственных землях империи были бездельными фермерами, которых мало заботило, правильно ли удобрена почва, кроме их собственной. Они, несомненно, плохо обращались с землей, чего Катон и его соседи не потерпели бы. Тем не менее, нет достаточных доказательств того, что земля империи не отвечала справедливым требованиям. Цены на пшеницу, ячмень, овес и овощи, указанные в эдикте Диоклетиана, ясно показывают, что продукты земледелия имеют умеренную цену **p571** по сравнению со многими другими товарами. Фактически, изучение современных условий ведения сельского хозяйства в Италии и Франции, в районах, где в течение двух тысяч лет продолжалось земледелие почти теми же методами, которые использовались римлянами, покажет, что неверно говорить о постоянном истощении почвы. Долина По с ее очень глубоким наносом и западная половина Италии, например, всегда быстро

восстанавливались после временного истощения, и римская торговля была в состоянии доставлять излишки продукции из этих мест, а также с богатых полей Галлии и Египта в любую точку, нуждавшуюся в отдыхе. В лучшем случае приходится сталкиваться с временными неудобствами, повышением цен в определенных местах и то тут, то там временной корректировкой посевов. Если сама Италия не давала того, чего могла бы добиться, то отчасти это было связано с политикой правительства по завышению налогов и вмешательству в дела колонистов, отчасти с тем фактом, что новые **колонисты** не были столь искусны или добросовестны в использовании навоза, посадке бобовых и клевера и разумном севообороте культур, как старые фермеры Италии.

Одним словом, экономические факторы, которые необходимо учитывать при обсуждении упадка Римской империи, хотя и многочисленны, по-видимому, не являются самыми важными. Большинство из них можно определить как симптомы общего упадка интеллекта и жизнеспособности людей, находившихся в то время у власти и проводивших его политику.

Когда мы обращаемся к моральным и религиозным соображениям, мы оказываемся в области тумана, и все же мы не имеем права сбрасывать со счетов эти влияния просто потому, что у нас нет способа точно оценить их важность. Нет необходимости обращать внимание на предположение Ницше о том, что принятие христианства настолько размягчило характер народа, что он стал неспособен противостоять варварам. Теперь ясно, что Рим был обречен задолго до прорыва пограничной линии, и столь же ясно, что после того, как государство приняло христианство, христиане были полностью лояльны в своих усилиях **p572**защитить королевство от вторжения, как и язычники. Действительно, христиане, благодаря своей вере в божественную помощь и уважению к долгу, похоже, развили в себе энергию и решительность, которые могли бы, если бы вообще что-либо не возродило Империю, если бы лидеркорабль полностью не потерпел неудачу.

Крах собственной религиозной веры Рима много веков назад с большим основанием можно было бы рассматривать как предмет определенной важности. Нельзя сказать, что старый анимизм содержал какие-либо этические принципы, которые непосредственно помогали поддерживать моральный дух людей. Но старая религия, по крайней мере, поощряла здоровое размножение здоровой породы, настаивая на поклонении родителям и, следовательно, на важности для каждой семьи рождения детей, которые продолжили бы культ **родительских отношений**.

Накопление богатства путем завоеваний и иностранных инвестиций также отрицательно сказалось на моральном духе, но и здесь социальные науки не смогли предоставить историку никаких надежных данных. Все, что мы можем сказать, это то, что праздные классы Рима, изображенные на страницах Овидия, по всем известным нам стандартам были пагубной силой и что обладание богатством, по-видимому, освободило их как от умственных, так и от физических упражнений. Они посвятили себя достижению только земных благ, став паразитами на обществе. Как мужчины, так и женщины, избалованные с юности, не приученные прилагать усилия или терпеть боль, уклонялись от выполнения обычных обязанностей семьи, общества и государства. После Пунических войн казалось общепринятым, что

семьи, накопившие большое богатство, распадались в течение всего нескольких поколений. Для этого есть разные причины, но, по крайней мере, оправдано обобщение, что, что бы ни было верно для других цивилизаций, в Риме в период поздней Республики и во времена Империи поразительный экономический успех вызвал социальную коррупцию и поставил под угрозу выживание его владельцев.

Римляне Империи, похоже, страдали от p573отсутствия стимулирующей философской атмосферы. Направление мысли было пессимистичным, близоруким и непрогрессивным. Фактически, Рим, когда он достиг расцвета культурных возможностей, переживал тяжелые времена в том, что касалось спекулятивной мысли. Победы воображения, столь стимулирующие во времена Платона, резко и неожиданно привели к всеобщему скептицизму примерно в то время, когда римляне были готовы к спекуляциям. Казалось, что мир был обманут щедрыми обещаниями философии. Сыновья римских сенаторов помчались к философам Афин и Родоса, чтобы разгадать загадку вселенной, и прибыли вовремя только для того, чтобы азиатские эрудиты, надевшие мантии философов, сказали им, что метафизика была миражом. Не оставалось ничего другого, как вернуться на землю. Не говоря уже о сомневающихся академиках и циничных скептиках, были эпикурейцы, основывавшие гедонизм на неполной науке, и стоики, отказывавшиеся от поиска истины ради удовлетворения практической жизнью. Образованию и философии было сказано приспособляться к потребностям здесь и сейчас - подход, слишком привлекательный для демократического общества и гарантированно усыпляющий интеллект.

Наконец, историк должен взвесить на негативной шкале разрушительные последствия рабства. Выгоды, которые ранние цивилизации извлекали из этого института, приобретая досуг для умственного труда для немногих за счет эксплуатации несчастных, были, конечно, быстро компенсированы пороками, присущими этой системе. Экономически рабство тормозило прогресс. Очень дешевый подневольный труд засорял промышленность, сохраняя в моде непрогрессивное домашнее производство и препятствуя изобретению трудосберегающих машин. В социальном плане это лишило граждан возможности честно зарабатывать на жизнь и занимать должности, на которых они могли бы опробовать свои способности для более широкого служения обществу. Большой класс бесполезных "белых бедняков" является прямым следствием рабства. p574Более того, связывая каждый вид труда, не только физического, но и умственного, с раболепием, этот институт привел к деградации всех профессий и, наконец, даже искусства, пока респектабельные граждане не оказались лишенными кастовыми обычаями всех нормальных занятий. Это было не только большим экономическим расточительством, но и катастрофой для национального морального духа. Но, несомненно, худшим злом было этнологическое, которое мы обсуждали выше в разделе "Расовый вопрос". Рабы вытеснили граждан расы, которая сделала Рим тем, чем он был. И какими бы умными, какими бы эффективными они ни были как личности, они не были римлянами ни по традициям, ни по характеру, и все они были слишком склонны привносить рабские идеалы поведения в выполнение своих новых гражданских обязанностей.

Если из этих многочисленных причин упадка Рима мы должны выбрать наиболее мощные, мы должны быть склонны назвать в первую очередь быструю и плохо-обдуманную экспансию Рима, существование рабства в огромных масштабах и, как непосредственное следствие этих двух, полное вытеснение римлян не-римлянами.

Глава XXXII

Эпилог

Константин, умерев в 337 году, оставил империю, согласно плану Диоклетиана, своим трем сыновьям и племяннику. Но после долгих препирательств и множества убийств, а также после того, как Констанс не смог добиться успеха на Западе, выжил один Констанций (353). Он призвал своего двоюродного брата Юлиана (Отступника) защитить Запад от вторгшихся франков и алеманнов. Юлиан избежал роковых придворных интриг только благодаря тому, что посвятил себя философии, как назывался мистический неоплатонизм того времени, и вряд ли ожидалось, что он справится с суровыми требованиями своей задачи, но он оказался проницательным полководцем, а также мудрым и рассудительным правителем. В 361 году Констанций умер накануне гражданской войны с Юлианом, и последний оказался во главе всего королевства.

Два года его единоличного правления были отмечены тщетными попытками избавиться от христианского влияния и восстановить языческие культы. На самом деле он не преследовал христиан, поскольку их число было слишком велико, чтобы он мог попытаться искоренить их. Но он давал должности только язычникам, и он приказал, чтобы все христианские учителя были заменены язычниками. Он также перенял методы обращения христиан в свою веру, надеясь проповедью, учением и аргументацией доказать, что языческие культы более достойны. К сожалению, некоторые из его провинциальных чиновников были менее умеренны, чем он, и многие христиане приняли мученическую смерть в провинциях. Он был убит в стычке в 363 году, когда вел свою армию за Тигр в смелый рейд против персов.

После нескольких месяцев правления неэффективного Иовиана Валентиниан (364-75), солдат, был возведен армией к власти. p576Он взял Запад в качестве своей части со своим двором в Милане и призвал своего брата Валента (364-78) взять на себя бремя управления Востоком. Их годы были полны бедствий, не говоря уже о постоянных ссорах между двумя фракциями церкви, которые часто приводили к кровопролитию. К счастью, святой Амвросий, последователь Афанасия, стал епископом Милана в 374 году. Силой своей личности, красноречием и убедительным пером он многое сделал для объединения разобщенной церкви. Мощная бюрократическая машина, созданная Диоклетианом, также ослабляла полномочия правительства, поскольку вороватые и деспотичные чиновники вызывали много недовольства по всей империи и были настолько сплочены, что ни один правитель не осмеливался им мешать.

Однако самые серьезные катастрофы произошли на границах. Между 366 и 370 годами Валентиниан вел ожесточенную борьбу с вторгшимися аламанными, которая закончилась тем, что он раздал большому количеству из них земли в Галлии и принял многих других в качестве солдат в свои легионы. Он погиб в 374 году, сражаясь с квадами на границе с Дунаем. Тем временем армии Валента были заняты

борьбой с новым террором. Кочевые гунны, дикий монгольский народ, быстро продвигались на запад, сея ужас среди германцев. Их давление на армянском фронте уже заставило Валента двинуться на Восток со всеми силами, которые он смог собрать. Затем двинулись основные силы гуннов, сокрушив остготовов к северу от Черного моря, двинулись против вестготов, которые уже давно обосновались в старой Дакии как союзники Рима. К сожалению, эти готы были ослаблены религиозными разногласиями. Большая часть из них была обращена в христианство (арианство) епископом Ульфилой, полуготом, унаследовавшим свою религию от своей матери, каппадокийской пленницы. Некоторым готам-христианам римляне дали земли в провинциях, когда они подверглись преследованиям со стороны своего короля. Теперь, когда гунны разгромили часть, жившую в Дакии, около 200 000 из этих готов, **p577** во главе с христианским вождем, отправились к Валенту просить разрешения войти в Империю. Он великодушно предоставил это, но неразумно вынудил их сложить оружие. Оказавшись в таком беспомощном положении, они подверглись оскорблениям со стороны римских чиновников, которые отказались дать им провизию, обещанную Валентом. Естественно, они занялись поисками пищи, подверглись очередному нападению, и в результате началась открытая война. Валент поспешил домой со своими войсками, чтобы изгнать их, но потерпел поражение и был убит в отчаянной битве под Адрианополем. Это судьбоносное сражение произошло в 378 году. Цвет римской армии исчез, варвары свободно маршировали по Придунайским провинциям, а непобежденные гунны находились на границе.

Окончательная катастрофа была на некоторое время отсрочена Феодосием (379-395), который был призван на восточное командование Грацианом, младшим сыном Валентиниана, который теперь правил на Западе. Феодосий поставил Модара, гота, во главе своих армий и призвал ему на помощь несколько корпусов западной армии под командованием франкского генерала. Таким образом, он смог вовремя остановить набеги готов, поселить их в Далмации и привлечь их отряд во главе с Аларихом для службы в своей армии. Этот поступок свидетельствует о благоразумном и умелом правителе, и он, возможно, заслужил прозвище "Великий", которое дали ему современники. Это имя, однако, было дано ему за его заслуги перед церковью, а не перед государством. Поддавшись чарам красноречия святого Амвросия, он принял крещение и с тех пор ревностно поддерживал православное вероучение против ариан, а также принял последние меры для подавления язычества. Именно по его приказу были уничтожены статуи языческих богов, старые храмы переданы церквям, а культ девственниц-весталок прекращен.

Умирая в 395 году, он оставил Империю двум своим слабым сыновьям, Восток - Аркадию, Запад - Гонорию, который выбрал Равенну своей обителью. Гонорий был особенно доверен заботам Стилихона, умелого военачальника из вандальской **расы** **p578**, и вскоре он женился на дочери своего опекуна-варвара.

Два вялых юноши, как правило, находились во власти своих тевтонских генералов, которые ссорились из-за позиции, пока варвары вторгались в провинции. Аркадий тщетно боролся с восточными врагами, которых теснили гунны, прорывавшиеся через Кавказские перевалы. Аларих, недовольный положением, которое Феодосий

предоставил его народу в Далмации, вторгся в Италию, но был отброшен Стилихоном в 402 году. Но в 406 году вандалы и свевы вместе с группой монгольских аланов, доведенных гуннами до отчаяния, хлынули в Италию и Галлию. У Стилихона не было сил, чтобы остановить волну. Это было то, что он мог снова очистить Италию, но Галлией пришлось пожертвовать. Варвары наводнили южную половину прекрасной провинции ужасным опустошением, а затем продвинулись в Испанию. Они завладели лучшими землями двух провинций и поселились там. Римские легионы Британии, отрезанные от связи с правительством, примерно в то же время отступили на континент, чтобы никогда не вернуться.

В 408 году Стилихон, обвиненный в попустительстве вторжению своих соотечественников, был внезапно казнен. Аларих, зная о беспомощности Гонория, еще раз вторгся в Италию со своими готами и двинулся маршем на богатый город Рим (408 г.), который был в безопасности в течение 800 лет. Сначала город откупился от него большим выкупом. Однако в 409 году он вернулся и, объявив трон вакантным, провозгласил императором своего собственного кандидата. Осмелев от демонстрации беспомощности Рима, он вернулся в 410 году, взял город штурмом и разграбил его, но ради спасения его церковей придержал факел. Ужас охватил королевство. Могущество Рима, казалось, наконец-то было полностью сломлено, и можно почувствовать дрожь смятения, которая потрясла всю Империю, прочитав "Град Божий" святого Августина, написанный как своего рода Аларих двинулся на юг, намереваясь, по-видимому, разграбить Сицилию и Африку, но он умер в южной Италии.

Атаульф (Адольфус), шурин-Алариха, унаследовал командование и, научившись слишком сильно уважать свидетельства цивилизации, чтобы продолжать такие опустошительные набеги, повел свою орду в Галлию, чтобы найти постоянный дом. Вытеснив свевов и вандалов на запад и юг Испании, он захватил власть вместо них, основав вестготское королевство, простиравшееся от Луары до Толедо, и выбрав Тулузу своей столицей. После этого римские императоры время от времени закреплялись в долине Роны, но королевство вестготов в Галлии не было сильно ограничено, пока Хлодвиг Франк не положил этому конец в 507 году.

Тем, что осталось от Западной империи, теперь правил Валентиниан III (423-55) под регентством его матери, Галлы Плацидии, которая в течение четырех лет была пленницей Атаульфа. Это правление тоже было беспокойным из-за мятежей и интриг амбициозных полководцев, особенно Аэция, главного военачальника, и Бонифация, святого варвара и африканского вольноотпущенника, который пригласил вандалов из Испании в свою провинцию, чтобы поддержать его дело. Вандалы пришли и овладели страной и городами с такой разрушительной жестокостью, что их имя стало синонимом слова "гунн". Их лидер, Гейзерих, основал династию и добился признания своего положения короля в 435 году.

Тем временем восточный император Феодосий II, претерпевал всевозможные унижения от рук гуннов, которые, по-видимому, к этому времени установили свое господство до Рейна и Балтики над германскими племенами, которые не успели убежать в Империю. В 424 году гунны совершали набеги на Придунайские провинции, пока император не пообещал им ежегодную дань в размере 350 фунтов

золота. Дань неоднократно удваивалась, когда к власти пришел властный Атилла (около 445 г.), и Феодосий не посмел сопротивляться. Затем мы слышим [p580](#) странную историю о том, как Гонория, сестра Западного императора, послала монгольскому тирану предложение руки и сердца, как Атилла принял его и потребовал, чтобы вместе с ней в приданое была отдана половина Западной империи. Это требование, конечно, было отклонено, после чего Атилла с армией, по имеющимся сведениям, насчитывающей полмиллиона человек, переправился через Рейн и двинулся маршем в центр Галлии, сжигая и убивая так, как могли или хотели делать только гунны. Вестготы были так же сильно напуганы, как и римляне. Поэтому их король Теодорих объединил свои силы с римлянами под командованием Аэция, освободил осажденный Орлеан, отбросил гуннов назад и дал сражение недалеко от Шалон-сюр-Марны (451). Союзники серьезно пострадали, и Теодорих пал, но гунны тоже пострадали, и Атилла отступил за Рейн. Сомнительно, что кочевники когда-либо удовлетворились бы мирной жизнью в Галлии, поскольку они предпочитали жить грабежом и принудительной данью, но если бы они так поступили, Франция вряд ли обеспечила бы их обильными плодами культуры, которыми мир научился восхищаться. "Битва при Шалоне" с полным основанием может считаться одним из решающих сражений в мире.

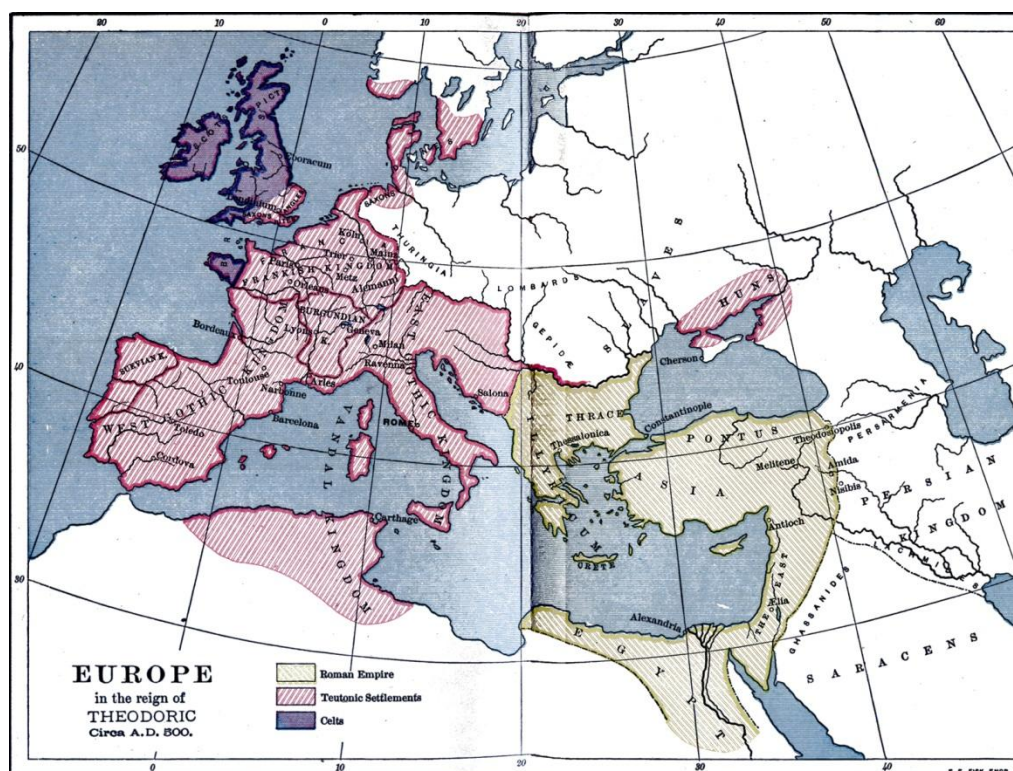
Однако Атилла повернул назад только для того, чтобы вторгнуться в Италию в следующем году. Здесь многие города попали в его власть и пострадали от его непростительного разграбления. Казалось, что он двинется на Рим и сровняет с землей и этот город, поскольку Аэций без иностранной помощи не осмеливался riskовать слабой римской армией против гуннских орд. Затем епископ Рима Лев Великий прибыл в лагерь Атиллы на озере Гарда и со всей властью, на которую только был способен, торжественно предупредил дикаря о гневе Божьем, постигшем Алариха после его осквернения святого города. Кажется, Атилла съезжился перед величественным святым, который говорил с такой уверенностью, и смиренно повел свои орды обратно в Венгрию. Мы мало что слышим об этом бедствии. Он умер год спустя, и его народ распался, вскоре поглощенный выходцами из Центральной [p581](#) и Восточной Европы. Атилла стал темой легенд, вошедших в ткань древнейших немецких эпосов.

Рим был избавлен от наихудшей из возможных участи только для того, чтобы три года спустя попасть в руки людей не менее жестоких, Гейзериха и его пиратов-вандалов. Императоры признали Гейзериха королем Африки, но это не помешало ему укомплектовать корабли, которые он нашел в Карфагене, и совершать набеги на берега королевства. В 455 году, узнав о смерти Валентиниана, он выступил с большим войском против Рима. Папа Лев попытался убедить тевтонцев, как он это сделал с гуннами, пощадить Рим, но его просто отмахнулись. То, что город не был сожжен, возможно, произошло благодаря его молитвам. Но грабители не оставили ничего ценного, что можно было бы унести. В течение двух недель они разоряли и уносили в Остию все, что мог вместить их флот, даже бронзовую крышу Капитолийского храма. Евдокия, вдова императора, была взята в плен и выдана замуж за сына и преемника Гейзериха.

В течение следующих двадцати лет на границе царил мир, поскольку гунны, смутившие народы, распадались, и Рицимер, швабский генерал ("начальник войск") Западной империи, свободно брал на службу в римскую армию тех германцев, которые желали занять место в империи. Рицимер фактически был практически правителем Запада, воздвигая одного марионеточного императора за другим по своей прихоти. Похоже, у него хватило смелости сделать все, кроме как провозгласить себя императором. Он умер в 472 году.

Четыре года спустя, когда два слабых соперника претендовали на римский трон, германские войска армии, нанятой Рицимером, — а большинство из них были немцами, — подняли мятеж и провозгласили королем одного из своих офицеров, Одовакара. Древние писатели рассматривали этот акт как конец западной римской империи. С точки зрения закона это был **р582**ряд ли, поскольку Империя никогда не была разделена юридически, и Одовакар, столь далекий от требования императорского титула, признал сюзеренитет Восточного императора. Он провозгласил и получил титул **патриция** как командующий западной армией и **рекса** над своим собственным народом, которому он отдал треть земли. Он даже не был первым варваром, правившим Римом, поскольку вряд ли кто-либо из императоров после Коммода происходил из римского рода. Но он отличался от них главным образом тем, что был возведен к власти ордой варваров, которая действовала не как римская армия, а как группа захватчиков, захвативших Италию как свою собственную.

На Западе римские институты уступили место почти повсеместно. В Британии легионы были давно выведены, в Галлии франки удерживали северную половину и вскоре должны были отвоевать Восток у бургундов и Юг у вестготов; в Испании северо-восток населяли свевы, большую часть остального - вестготы. Вандалы удерживали Африку, в то время как в Италии германцы Одовакара жили повсюду как надменные завоеватели, вскоре получившие подкрепление от остготов Теодориха.

*Европа в правление Теодориха
500 г.н.э.*

[Увеличенная версия, полностью читаемая, открывается здесь (1,9 МБ).]

Был ли конец римской цивилизации? Правительство все еще жило на Востоке, и ему, защищенному почти неприступными стенами Константинополя, было суждено просуществовать еще много веков. Юстиниан (527-565) фактически занимает высокое место в истории цивилизации благодаря своему успеху в проведении полной кодификации римских законов. Безусловно, это само по себе признание того, что первоначальному конструктивному законодательству пришел конец, и что имперские юристы чувствовали себя неспособными удовлетворить потребности судов, за исключением заученных формул, созданных в дни большей мудрости. Действительно, кодекс с его похожим на альбом нагромождением законов, эдиктов и рескриптов выдает странное отсутствие организующей силы. Но, несмотря на все это, цель императора при создании кодекса демонстрирует истинное **уважение римлян к закону**, и его работа, какой бы несовершенной она ни была, доказала неопределимую ценность для потомков.

Мы также должны отдать должное Юстиниану за великолепную церковь Санта-София с ее смелым сочетанием римских и восточных принципов архитектуры. Греческие художники, которых он так мудро отобрал и которым поручил построить, не скупясь, создали храм, превосходящий по красоте и оригинальности любое

сооружение, когда-либо возведенное в Риме, хотя следует добавить, что только римские конструктивные изобретения сделали новую концепцию возможной.

Но римский двор Востока вскоре утратил свой западный характер. К седьмому веку латынь больше не звучала на улицах Константинополя, римским книгам было позволено приходить в негодность; в этой империи не сохранилось ни одного латинского текста, и даже великий кодекс, с помощью которого государство должно было управлять, уступил место упрощенным сводам, составленным на греческом.

Казалось, что дела римской цивилизации на Западе обстоят еще хуже. Готы, бургундцы и лангобарды интересовались искусством и литературой еще меньше, чем туземцы-декаденты, и с усердием новообращенных пламенные проповедники церкви время от времени предостерегали от чтения языческой литературы. Если бы не коробка с драгоценными свитками, которую Кассиодор (480-575) спас и привез в свой монастырь на южном побережье Италии, и кодексы, которые кельтские беженцы взяли с собой в Ирландию, спасаясь от тевтонских набегов в Галлии, очень немногие из наших латинских авторов выжили бы. Шестой и седьмой века были почти полуночным мраком для языческой культуры по всему Западу. Для выполнения огромной задачи перевоспитания осталась одна Библия.-

В настоящее время мы находим монахов, которые то тут, то там разносят экземпляры латинских классиков по умиротворенному континенту, чтобы они служили учебниками письма и грамматики. Затем несколько разумных людей начали читать их с пониманием. [стр. 584](#) Авторы "Беовульфа" и древнефранцузских эпосов изучали "Энеиду", чтобы научиться сочинять эпические сказания. В самой ранней гэльской литературе прослеживается влияние классических правил композиции; даже исландские саги свидетельствуют об изучении Ливия, Саллюстия и Лукана. В двенадцатом веке в Болонье на основе копии кодекса Юстиниана вырос первый университет нового света. Чуть позже мы обнаруживаем, что Данте принимает руководство Вергилия при написании своей "Божественной комедии", Пизано изучает рельефы древнеримских саркофагов в поисках секретов художественной скульптуры, а Петрарка начинает поиски драгоценных рукописей в монастырях. Именно так возникло искусство современного мира. Варвары Европы, медленно ассимилировавшие на протяжении веков сохранившиеся тексты, теперь овладели ими и, распознав в них родственный дух рационализма, отвергли средневековое мракобесие, временно омрачавшее Европу, и пошли по пути культуры, указанному великими мастерами древнего мира.

По-сегодняшний день принципы римской юриспруденции и государственного управления составляют наиболее важный элемент наследия древних римлян. С переизданием в Вашингтоне классики международного права мы снова осознали, что современное международное право было основано на предписаниях Римского Гражданского кодекса. Брайс показал нам, насколько широко правила этого кодекса проникли во весь цивилизованный мир, пронизывая законы, которые управляют почти 800 000 000 человек. О его нынешней жизнеспособности нам недавно напомнили, когда Верховный суд Соединенных Штатов вынес решение по федеральному делу между штатами Канзас и Колорадо, сославшись на строчку, заимствованную из сборника "Кодекс Наполеона". То, что наша конституция

представляет собой своеобразное сочетание демократических и аристократических принципов в сочетании с сильной исполнительной властью, во многом объясняется энтузиазмом публицистов восемнадцатого века по поводу республиканской конституции Рима. Наши законы о праве на наследство, принятие правового паритета p585 мужчин и женщин, уважение прав собственности и контрактов, по сути, роман; и это во многом связано с заповедями и примерами республиканского Рима, что современные правительства так упорно искали способ совместить свободу и права, за справедливость, а против привилегий, чтобы принять принципы равенства, как аксиома, и сохранять против всякого отчаяния в продление домена вменяемый и умный демократии.

Библиография*

Первым историком Рима был Фабий Пиктор, написавший краткую историю на греческом языке около 200г. до н.э., то есть по крайней мере через четыре столетия после основания города. С момента появления этого труда и до падения Рима создавался непрерывный поток исторических источников, и их сохранилось достаточно, чтобы дать достаточно удовлетворительный отчет. Но мнения относительно достоверности историй, представленных Ливием, Дионисием, Диодором и Плутархом за несколько столетий до 200 г.до н.э. Точка зрения, принятая в настоящем томе, заключается в том, что основная структура важных событий, описанных более поздними историками, достаточно надежна для периода после 500 г. до н.э. Римляне, в необычной степени уважавшие закон и юридические формы, сохранили копии своих договоров, законов и указов сената, а также краткие записи событий первосвященников. Папские анналы, конечно, предполагали записывать только деяния религиозного значения, но поскольку священниками становились только люди политического достоинства, их анналы были склонны содержать много сведений политического значения.

Распространенное предположение о том, что большинство записей было уничтожено галлами в 390 году до н.э., далеко от истины. Археологи нашли основания полагать, что большинство храмов избежали разрушения, а вместе с ними и находившиеся в них записи. Очевидно, кельты, как это часто бывает у первобытных народов, уважали святыне места. Во всяком случае, договоры, которые хранились в Капитолии, сохранились.

Более ранние историки Рима, такие как Фабий Пиктор, были государственными деятелями, обученными точному знанию законов и международных договоров. Неверно приписывать таким людям свободные исторические методы, которым следовали риторы-романтики, писавшие для развлечения во времена Суллы. Заботу и знания, которые они применяли в государственных делах, они, несомненно, использовали при составлении своей истории.

Используя более поздних историков, наполнивших скелет Фабиана множеством живописных легенд, мы можем в целом предположить, что основная структура хронологии надежна — с учетом, конечно, расхождения в несколько лет для раннего периода, — что консульские списки в целом надежны и что по большей части законы, договоры, **сенатско-консульские соглашения**, колониальные даты и даты важных войн **p588**приемлемы. Следует, однако, помнить, что дебаты в сенате и законопроекты, предложенные, но не принятые, не регистрировались, и что в папских отчетах не нашлось места для подробной информации о передвижениях войск. Следовательно, когда подобные вещи встречаются в рассказах о периоде до 300 года до н.э., их следует рассматривать как вытекающие из простой устной традиции, которую безопаснее всего полностью отвергнуть. После такой чистки

отчет, предоставленный нашими литературными источниками, кажется, находится в разумном согласии с последними выводами археологии.

Археологические исследования остатков раннего города были очень плодотворными в последние годы (опубликованы главным образом в *Notizie degli scavi*). Они многое сделали для утверждения веры в ранние традиции, записанные более поздними авторами. Доказано, что историки двадцатилетней давности, настаивавшие на пересмотре хронологии ранней Республики на столетие или два, были неправы. Сравнивая предметы искусства, местные и импортные, найденные в развалинах раннего Рима, с предметами из Греции и Этрурии, которые в целом можно датировать, мы теперь можем, например, сказать, что Рим был большим городом в шестом веке до н.э., окруженным хорошо построенной каменной стеной, обладавшим множеством зданий, украшенных превосходными греческими и этрусскими художниками, и находившимся в контакте с обширной средиземноморской торговлей. Мы также знаем из археологии, что латинские города и колонии, упомянутые ранней традицией как процветавшие в VI веке, на самом деле были такими, какими их изображают в то время Ливий и Дионисий. Действительно, археология, как правило, подтверждает традицию везде, где этот критерий может быть применен.

Со времен первой Пунической войны мы, как правило, можем заложить прочную основу для строительства. [Полибий](#), писавший между 150 и 130 годами до н.э., дает превосходный отчет о периоде между 264 и 146 годами. [Работа Ливи](#), хотя и несколько менее достоверная, гораздо полнее. Его история, изложенная в книгах 20-45, очень полезна для периода между 218 и 167 годами до н.э., а краткие изложения его последних книг, с 46 по 150, будут иметь определенную ценность еще на полтора столетия. ["Жития" Плутарха](#) различаются по исторической ценности. Те, в которых рассказывается о персонажах ранней республики, полностью основаны на устных преданиях, записанных романтическими рассказчиками сулланской эпохи. ["Жизни"](#) людей постганнибалова периода обычно содержат плоды беспорядочного чтения современных историй, биографий и некоторых ценных автобиографий, ныне утраченных. [стр. 589](#) Плутарх не претендовал на роль историка-критика; он отбирал свой материал исключительно с целью написания развлекательных и нравоучительных историй. Тем не менее он сообщает о том, что находит, он не выдумывает.

[Аппиан](#), другой греческий автор, хотя и не великий историк, сохранил для нас в своих ["Гражданских войнах"](#) и ["Войнах за границей"](#) тяжелый конгломерат материалов, почерпнутых у многочисленных историков, хороших и плохих, писавших за последние два столетия Республики. У нас не всегда есть средства для анализа его материала. Например, отчет о правлении Цезаря кажется очень надежным, в то время как часть, которая следует за смертью Цезаря, явно полна серьезных ошибок. Грек [Кассий Дион](#) ценен тем, что сохранил в своей обширной ["Римской истории"](#) большую часть ["утраченной истории конца Республики"](#) Ливия, но его работа также сильно загрязнена бесполезным риторическим словоблудием и апологетическим материалом, почерпнутым из политических памфлетов, написанных с явной тенденциозностью. ["Галльская война"](#) Цезаря превосходна, его

"Гражданская война", написанная в целях самозащиты, не совсем надежна. Саллюстий предоставил полезный материал в "Катилине" и в "Югурте". Переписка Цицерона, которой у нас насчитывается около девятисот писем, бесценна, а его речи и эссе предоставляют историку много полезного материала.

Для первого столетия Империи мы действительно в основном опираемся на "Анналы" и "Истории" Тацита, "Жизнеописания цезарей" Светония (до Домициана включительно), "Краткую историю" Веллея, Кассия Диона (фрагментарно после 46н.э.), Иосифа Флавия, случайные высказывания Сенеки, письма Плиния, Ювенала и Квинтилиана, помимо ряда важных надписей и массы монет. Тацит был острым критиком общества и политики и писал с убедительной силой, но его точка зрения слишком настойчиво совпадает с точкой зрения сенаторской знати. Светоний ценен главным образом как антиквар, который копался в императорских архивах, но временами ему не удавалось подвергнуть свои находки тщательной критике. Надписи, которых более 100 000 было опубликовано в *Корпусе латинских надписей*, содержат огромное количество случайных, но полезных фактов. На монетах указаны важные даты, и часто факты имеют завышенную ценность для экономической истории.

После правления Нервы мы должны все больше и больше полагаться на случайные упоминания в надписях. Не существует, например, ни одного последовательного рассказа о правлениях Нервы и Траяна. Фрагменты и перефразированные тезисы Кассия Диона полезны то тут, то там вплоть до 180 г.н.э., затем Геродиан, продолживший работу Диона, на стр. 590 предлагает нам поспешный и риторический набросок вплоть до 238 г.н.э. The В "'Scriptores Historiae Augustae'", составленный в четвертом веке, претендует на продолжение "Жизни цезарей" Светония вплоть до нумерийского. Первые несколько "Жизнеописаний" этого сборника, начиная с Адриана, по-видимому, основаны на довольно надежных источниках, но рассказ об императорах третьего века - очень небрежная работа. Аммиан Марцеллин возвращает нас на твердую почву, но лишь на короткий период 353-378 годов, в то время как Прокопий и Иордан дают полный отчет о последних войнах с персидскими и германскими захватчиками. Пробелы должны быть заполнены ссылками на объемистые труды христианских апологетов.

Краткие обсуждения источников римской истории можно найти в библиографических заметках (*passim*) Ниса Б., *Römische Geschichte*, 4-е изд. 1910 г., *Einleitung und Quellenkunde zur römischen Geschichte*, 1921. В

Приводимая ниже библиография современных книг и эссе предназначена для тех, кто желает продолжить изучение предмета в авторитетных исторических источниках. Она далека от исчерпывающей и не включает не только работы, не основанные на знакомстве с источниками из первых-рук, но и многие книги, которые казались слишком подробными или слишком ограниченными в плане интереса для поставленной цели. Однако в каждый абзац включены несколько таких обстоятельных работ, как "Де Санктис", "История римской империи" и "Государственный собор Моммзена", для тех, кто хочет исследовать увлекательную тему в ее самых темных уголках. В *Руководстве по исторической библиографии*,

которое вскоре будет опубликовано комитетом Американской исторической ассоциации, будут даны краткие оценки ценности наиболее важных из этих работ.

P591 Республика

Общие работы

- ЭББОТТ, Ф. Ф.: *Римские политические институты*, 2-е изд., 1907.º
- БОАК, А. Э. Р.: *История Рима до 565г. н. э.*, 1922.
- БОТСФОРД, Г. В.: *Римские ассамблеи*, 1909.
- КАНЬЯ Р. и ШАПО В.: *Романский археологический журнал*, I, 1916; II, 1920.
- CAVAIGNAC, E.: *Histoire de l'antiquité*, 1913-1921. [3 vols.: I, *Javan, l'Orient et les Grecs* (1917); II, *Athènes*, 1913; III, *La Macédoine, Carthage et Rome*, 1914; and *Index*, 1920]
- DAREMBERG ET SAGLIO: *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*.^a
- ДЕ САНКТИС, Г.: *История Римлян*, I-II, 1907; III (Пунические войны), 1916 [2 части: I, II]
- ДАФФ, ДЖ. У.: *История литературы Рима*, 1909.
- ФАУЛЕР, У. ВАРД: *Религиозный опыт римского народа*, 1911.
- ЖИРАР, П. Ф.: *Мануэль эле ментер о праве Ромена*^o (Partial Eng. tr. 1906, "A Short History of Roman Law",.).
- ХЕЙТЛАНД, У. Э.: *Римская Республика*, I-III, 1909. [Том. I, Том. II (кажется, нигде нет в Сети), том. III]
- ХИЛЛ, Г. Ф.: *Исторические римские монеты*, 1909.
- ДЖОНС, Х. С.: *Справочник по римской истории*, 1912.
- JORDAN-HUELSEN: *Topographie der Stadt Rom*, I, 1871; II, 1878; III, 1907.
- КИПЕРТ, Х.: *Древний Атлас*.
- *Руководство по древней географии*, 1881.
- MARQUARDT UND MOMMSEN: *Handbuch der römischen Altertümer*, 2nd ed., 1881-88.
- MEYER, E.: *Geschichte des Altertums*, I-V (vol. I в 3-м изд.), 1884-.
- МОММЗЕН, Т.: *История Рима*, т. Диксон. [Том. I, Том. II, Т. III, Т. IV, том V]
- NIESE, B.: *Römische Geschichte*,^o 4th ed., 1910.
- NISSEN, H.: *Italische Landeskunde*, 1883-1902.
- PAIS, E.: *Storia Critica di Roma*, I-IV, 1913-1920. [Том. I, Том. II, Т. III, Т. IV]
- ПАУЛИ-ВИССОВА: *Настоящая энциклопедия* под редакцией Виссовы и Кролла (завершена примерно наполовину).
- ПЕЛХЭМ, Х. Ф.: *Очерки римской истории*, 4 1905г.

ПЛАТНЕР С. Б.: *Топография и памятники Древнего Рима*, 2-е изд., 1911.^{b1}

РИД, ДЖ. С.: *Муниципалитеты Римской империи*, 1913.

SCHANZ, M.: *Geschichte der römischen Litteratur*, I-IV. [Том. I, Том. II, Том. III, том. IV: Часть I, часть II]

УОЛТЕРС, Ф. Б.: *Искусство римлян*, 1911.

WISSOWA, G.: *Religion und Kultus der Römer*,^o 2nd ed., 1912.

Особые списки

Глава I

АДАМС, Л. Э. У.: *Исследование торговли Лациума* (Классические исследования колледжа Смита, 1921).

BELOCH, J.: *Griechische Geschichte*, I2, 229 ff.

КЕРТИС, С. Д.: *Гробница Бернардини*, в воспоминаниях. Американская академия. в Риме, III, 1919.

ДЕННИС Г.: *Города и кладбища Этрурии*, 2-е изд., 1878.^c

GRENIER, A.: *Bologne villanovienne et étrusque*, 1912.

p592 ГРАФФУНДЕР: *Искусство. Rom in Pauly-Wissowa, Realencyclopädie.*

ДЖОНС, Х. С.: *Справочник по римской истории*, 1912, гл. I.

KÖRTE UND SKUTSCH: Art. *Ресторан Etrusker* в Паули-Виссове, *недвижимость*

KRETSCHMER: In Gercke und Norden's *Einleitung in die Altertumswissenschaft*, I, 172 ff.

МОДЕСТОВ В. И.: *Введение в Романскую историю*, 1907.

ПИТ, Т. Е.: *Каменный и бронзовый века в Италии и Сицилии*, 1909.

ПИНЦА Г. и НОГАРА Б.: *Материалы по Этнологии*, 1915.

POULSEN, F.: *Der Orient und die frühgriechische Kunst*, 1912, 116 ff.

— *Этрусские росписи на надгробиях*, 1922.

REINACH, A.: *L'Hellénisation du monde antique*, 1914.

РИДЖУЭЙ, У.: *Кем были римляне?* (Продолжение) Британская академия, 1907).

SERGI, G.: *Italia, le origini*, 1919.

ТЕЙЛОР, Л. Р.: *Культы Этрурии*, 1922.^d

Глава II

BINDER, J.: *Die Plebs*, 1909.

БОТСФОРД, Г. В.: *Римские собрания*, 1909, гл. I-III.

КАРТЕР, ДЖ. Б.: *Эволюция города Рима* (Proc. Am. Phil. Ass., 1909).

DE SANCTIS, G.: *Storia dei Romani*, vol. I, 1907, гл. VI, VII, VIII.

ФАУЛЕР, У. ВАРД: *Религиозный опыт римского народа*, 1911, гл. V, VI, VII.

ФРАНК, Т.: *Экономическая история Рима*, 1920, гл. I, II.

——— *Записки на Сербской стене* (Am. Jour. Arch., 1918).

ГРАФФУНДЕР: *Искусство. Ром в Паули-Виссове, Реальный цикл*.

МЕЙЕР, Э.: *Искусство. Плебс в Handwörterbuch* Конрада, 3-е изд.

NEUMANN, K.: *Die Grundherrschaft der römischen Republik*, 1900.

СТРОНГ, Э. С.: *раннее архитектурное убранство* (Журнал. Романоведение, 1914).

Глава III

ЭББОТТ, Ф. Ф.: *Римские политические институты*, 1907.

БОТСФОРД, Г. В.: *Римские собрания*, 1909, гл. VI-XII.

ФАУЛЕР, У. ВАРД: *Религиозный опыт римского народа*, 1911, гл. X.

ФРАНК, Т.: *Римский империализм*, ч. II.

——— *Экономическая история Рима*, 1920, гл. II (конец), III.

GIRARD, P. F.: *Manuel élémentaire de droit romain*.

KUHLENBECK, L.: *Entwicklungsgeschichte des römischen Rechts*, 1910.

LEUZE, O.: *Die römische Jahrzahlung*, 1914.º

NIESE, B.: *Römische Geschichte*, 1910.º

ПЕЛХЭМ, Х. Ф.: *Очерки римской истории*, 45 и далее.

РОБЕРТС, Л.: *Галльский огонь* (Mem. Am. Acad., vol. II, 1918).

ROSENBERG, A.: *Der Staat der alten Italiker*, 1913.

TÄUBLER, E.: *Imperium Romanum*, 1913, 188 ff.

ВИНОГРАДОВ П.: *Очерки исторической юриспруденции*, том. II (готовится к печати).

Главы IV и V

ЭББОТТ, Ф. Ф.: *Римские политические институты*, глава IV, V.

BELOCH, J.: *Griechische Geschichte*, 2 vol. III, гл. XV.

БРАЙС, ДЖ.: *Исследования по истории и юриспруденции*, 1901, гл. XIV, XV.

BURGER, C. P.: *Der Kampf zwischen Rom und Samnium*, 1898.

p593 DE SANCTIS, G.: *Storia dei Romani*, 1907, vol. II.

ФРАНК, Т.: *Римский империализм*, гл. III-IV.

——— *Экономическая история Рима*, гл. IV-VI.

ХЕЙТЛАНД, У. Э.: *Римская Республика*, 1909, том. I, 113 и далее; 164 и далее^o

ДЖОНС, Х. С.: *Справочник по римской истории*, 1912, гл. III.

KORNEMANN, E.: Art. *Колония в Поли-Виссове, округ Колумбия*.

ЛИБЕНАМ, В.: Искусство. *Ехercitus*, в Паули-Виссове, *Реальный цикл*.

РИД, ДЖ. С.: *Муниципалитеты Римской империи*, 1913, гл. III-V.

ВИНОГРАДОВ П.: *Очерки исторической юриспруденции*.

Главы VI и VII

BELOCH, J.: *Griechische Geschichte*, 2, vol. III.

CARCOPINO, J.: *La loi de Hiéron et les Romains*, 1919.

CAVAIGNAC, E.: *Histoire de l'antiquité*, 1913-1921, vol. III, гл. I.

КЛАРК, Ф. У.: *Влияние морской-мощи на историю Римской республики*, 1915.

DE SANCTIS, G.: *Storia dei Romani*, vol. III, 1916. [2 части: I, II]

ФРАНК, Т.: *Римский империализм*, ч. VI, VII.

——— *Экономическая история*, глава VI.

GSELL, S.: *Histoire ancienne de l'Afrique du nord*, 1914-1920, vol. III.

ХЕЙТЛАНД, W. E.: *Римская Республика*, 1909, I, 186 и далее.

KROMAYER, J.: *Hannibal als Staatsmann*, *Historische Zeitschrift*, 1909, p237.

——— *Antike Schlachtfelder*, 1912, vol. III. [2 parts: I, II]

MEYER, P.: *Der Ausbruch des ersten pun. Krieges*, 1908.

ROSTOWZEW, M.: *Studien zur Geschichte des römischen Kolonates*, 1910, ch. III.

——— *Большое поместье в Египте в Третьем веке до н.э.*, 1922.

ТАРН, В. В.: *Флоты Первой Пунической войны*, *Журнал эллинских исследований*, 1907.

Главы VIII, IX, X, XI

ЭББОТТ, Ф. Ф.: *Римские политические институты*, ч. V.

BOUCHE-LECLERCQ, A.: *Histoire des Séleucides*, 1913-14.

——— *Histoire des Lagides*, 1903-07.

CAVAIGNAC, E.: *Histoire de l'antiquité*, vol. III.

COLIN, G.: *Rome et la Grèce*, 1905.

ДАФФ, ДЖ. У.: *История литературы Рима*, 1909.

ФЕРГЮСОН, У. С.: *Греческий империализм*, 1913.

——— *Эллинистические Афины*, 1911 год.

ФАУЛЕР, У. У.: *Религиозный опыт римского народа*, 1911, гл. XIV.

ФРАНК, Т.: *Римский империализм*, гл. VIII-XI, XIV.

——— *Представительное правительство в Македонских республиках*, *Класс. Филология*, 1914.

——— *Меркантилизм и внешняя политика Рима*, *Am. Историческое издание*, 1912.

GSELL, S.: *Histoire ancienne de l'Afrique du nord*, vol. III.

GUMMERUS, H.: *Der röm. Gutsbetrieb*, *Klio*, 1906.

HATZFELD, J.: *Les trafiquants italiens dans l'Orient hellénique*, 1919.

ХЕЙТЛАНД, У. Э.: *Римская Республика*, 1909, том. III, 1-264.

— *Агрикола, Исследование сельского хозяйства и деревенской жизни в греко-римском мире*, 1921.

KAHRSTEDT, U.: Vol. III of Meltzer, *Geschichte der Karthager*, 1913.

LEO, F.: *Römische Litteratur*, 1913.

p594 МОММЗЕН: *История Рима*, Британская Колумбия. III, гл. VII-XIV.

NIESE, B.: *Griechische und makedonische Staaten*, 1893-1903, vol. II, 562—III конец.

Глава XII

CARDINALI, G.: *Studi Graccani*, 1912.

ШАПО, V. X.: *Романская провинция Ази*, 1904, гл. III.

ФАУЛЕР, У. У.: *Лекс Фрументария Гая Гракха*, в *Римских очерках и интерпретациях*, 1920, стр. 99.

ФРАНК, Т.: *Римский империализм*, гл. XII.

— *Экономическая история*, гл. VIII.

ГРИНИДЖ, А. Х. Дж.: *История Рима*, 1904.

ХЕЙТЛАНД, W. E.: *Римская республика*, II, 265 и далее.

MEYER, E.: *Kleine Schriften*, 1910, 383 ff.

МОММЗЕН: *История Рима*, Британская Колумбия. IV, гл. I-IV.

PAIS, E.: *Storia Critica di Roma*. [Том. I, Том. II, Т. III, Т. IV]

ROSTOWZEW, M.: *Geschichte der Staatspacht*, *Philologus*, Suppl. IX, 336 и далее.

STERN, E. VON: *Zur Beurteilung der politischen Wirksamkeit des Ti. und G. Гракх*, *Гермес*, ЛЕВИ.

Главы XIII, XIV, XV

БЛОХ, Г.: *М. Эмилиус Скаурус*, 1909.

БОТСФОРД, Г. В.: *Римские собрания*, 1909, гл. XV, XVI.

CAVAIGNAC, E.: *Histoire*, Bk. IV.

ШАПО, ПРОТИВ.: *Провинция Ромэн д'Ази*, 1904.

ДРУМАНН, У., ПЕРЕРАБОТАНО ГРЕБЕ, П.: *Geschichte Roms*, 1899-1918, статьи о Корнелии Сулле, Лицинии Крассе, Лицинии Лукулле, Помпее Магнуса и Туллии Цицероне.

ФЕРРЕРО Г.: *Величие и упадок Рима*, Том. I, 1907.

ФРАНК, Т.: *Римский империализм*, гл. XIII, XV, XVI.

— *Смешение рас в Римской империи*, *Ам. История. Обзор*, 1916, 689.

ГРИНИДЖ, А. Х. Дж.: *История Рима*, 1904, 277 и далее.

ХЕЙТЛАНД, W. E.: *Римская республика*, II, 326 и далее.

МОММЗЕН: *История Рима*, до н.э. IV, гл. V–Vb.V, гл. VI.

ОМАН, С. W. С.: *Семь римских государственных деятелей* (Марий, Сулла, Помпей, Красс), 1902.

ПАРК, М.: *Плебс во времена Цицерона*, Дисс. Брин Мор., 1918.

ПЕТЕРСОН, Т.: *Цицерон, Биография*, 1920.

РАЙНАХ, Т.: *Митридат Евпатор*, 1890.

ROBINSON, F. W.: *Marius, Saturninus und Glaucia*, 1912.

Главы XVI, XVII, XVIII

АРНОЛЬД, Э. В.: *Римский стоицизм*, 1911.

БЕК, Э.: *М. Юний Брут* (готовится к печати).

БУАССЬЕ Г.: *Цицерон и его друзья*, 1897.

БОТСФОРД, Г. В.: *Римские собрания*, гл. XVII.

БИРН, А. Х.: *Т. Помпоний Аттикус*, 1919.

ДАФФ, ДЖ. У.: *История литературы Рима*, 1909.

ФЕРГЮСОН, У. С.: *Легализованный абсолютизм*, в Ам. История. Изд., 1912.

ФАУЛЕР, У. В.: *Юлий Цезарь*, 1892.

— *Общественная жизнь Рима во времена Цицерона*, 1909.

— *Религиозный опыт*, глава XIV–XVII.

р595 ФРАНК, Т.: *Римский империализм*, гл. XVII.

ХАРДИ, Э. Г.: *Римские законы и хартии*, 1912.

— *Правовое положение Цезаря в Галлии*, в журн. Фил., 1918.

ХАЙТЛАНД, В. Э.: *Римская республика*, том. III, гл. 53–58.

ХОЛМС, Т. Р.: *Завоевание Галлии Цезарем*, 2-е изд., 1911.

JULLIAN, C.: *Histoire de la Gaule*, 1908.

MEYER, E.: *Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus*, 2nd ed., 1919.º

МОММЗЕН: *История Рима*, до н.э. V, гл. VI до конца.

MÜNZER, F.: *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*, 1920.

ОМАН, С. W. С.: *Семь римских государственных деятелей* (Цезарь, Катон, Красс, Помпей), 1902.

ПЕТЕРСОН, Т.: *Цицерон, Биография*, 1920.

САНТАЯНА Г.: *Три поэта-философа* (Лукреций), 1910.

SCHANZ, M.: *Geschichte d. röm. Literatur*, I, пункт II.

СТРАЧАН-ДЭВИДСОН, ДЖ. Л.: *Цицерон*, 1894.

ТИРРЕЛЛ И ПЕРСЕР: *Переписка Цицерона*, том. I, изд. 3; вып. II–IV, изд. 2; т. VI, изд. 1 (Вводные главы).

Империя

Общие работы

- ЭББОТТ, Ф. Ф.: *Римские политические институты*, 2-е изд., 1907.
- АРНОЛЬД, У. Т.: *Римская провинциальная администрация*, 3-е изд., 1914.
- BLÜMNER, H.: *Römische Privat-Altertümer*, 1911.
- БОАК, А. Э. Р.: *История Рима*, 1922.
- БАКЛЕНД, У. У.: *Учебник римского права*, 1921.
- БЕРИ, ДЖ. Б.: *Студенческая Римская империя*, 1893.
- БАССЕЛЛ, Ф. У.: *Римская империя*, 1910.
- КАНЬЯ Р. и ШАПО В.: *Мануэль д'Археология Ромена*, 1916-1920.
- DESSAU, H.: *Inscriptiones Latinae Selectae*, 1892-1916.
- VON DOMASZEWSKI, A.: *Geschichte der römischen Kaiser*, 1909.
- ФРИДЛЕНДЕР, Л.: *Sittengeschichte Roms*, 10-е изд., 1920 (7-е изд., переведено как "*Римская жизнь и нравы в эпоху Ранней империи*", (1908-13)).
- ГИББОН: *Упадок Римской империи* (ред.Бери)
- ГЛОВЕР, Т. Р.: *Конфликт религий в ранней Римской империи*, 1909.
- ХАРДИ, Э. Г.: *Провинциальные консилиумы от Августа до Диоклетиана* (в Исследованиях по римской истории, т. I, 1906).
- ХАРНАК, А.: *Распространение христианства в первые три столетия*, 1905.
- HIRSCHFELD, O.: *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten*, 1905.
- УЭЛЬСЕН-КАРТЕР: *Римский форум*, 1909.
- ДЖОНС, Х. С.: *Римская империя*, 1908.
- Справочник по римской истории*, 1912.
- KORNEMANN, E.: Art. Консилиум в Поли-Виссове, Испания.
- LIEBENAM, W.: *Städteverwaltung in römischen Kaiserreiche*, 1900.
- МАККЕЙЛ, ДЖ. У.: *Латинская литература*, 1895.
- МАКФАЙДЕН, Д.: *История титула "Император"*, 1920.
- MARQUARDT: *Privatleben der Römer*, 2nd ed., 1886.
- МЕРИВЕЙЛ, С.: *История римлян при империи*, 4 1865.
- MITTEIS-WILCKEN: <I>Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, 1912. </I>
- p596 MOMMSEN: *Провинции Римской империи* (англ. тр., 2-е изд., 1909). [Том. I, Том. II]
- Römisches Staatsrecht*.

МУР, К. Х.: *Религиозная мысль греков*, 1916.

ПЛАТНЕР С. Б.: *Топография и памятники Древнего Рима*, 2-е изд., 1911.^{b2}

РИД, ДЖ. С.: *Муниципалитеты Римской империи*, 1913.

ROSTOWZEW, М.: *Studien zur Geschichte des röm. Колонаты*, 1910.

СЭНДИС, ДЖ. Э.: *Латинская эпиграфа*, 1919.

SCHANZ, М.: *Römische Litteraturgeschichte*.

SCHILLER, Н.: *Geschichte der röm. Kaiserszeit*, 1883.

СЕЕСК, О.: *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, 6 vols., 1897-1920.

СТРОНГ, Э.: *римская скульптура*, 2-е изд., 1911.

TOUTAIN, J.: *Cultes païens dans l'empire romain*, (1907-).

УОЛТЕРС, Х. Б.: *Искусство римлян*, 1911.

WALTZING, J. P.: *Les corporations professionnelles chez les Romains*, I-IV, 1895-1900.

Главы XIX, XX, XXI, XXII

АРНОЛЬД, У. Т.: *Исследования римского империализма*, 1906.

BESNIER, М.: *Le commerce romain*, Journal des Savants, 1920.

ДАФФ, ДЖ. У.: *Литературная история Рима*.

ФЕРТ, ДЖ. Б.: *Август Цезарь*, 1903.

ФАУЛЕР, У. У.: *Римские представления о божестве*, 1914.

ФРАНК, Т.: *Экономическая история*, гл. XI-XV.

——— *Смещение рас в Римской империи*, в Ам. Историческое издание, 1916.

——— *Вергилий, Биография*, 1922.

GARDTHAUSEN, V.: *Augustus und seine Zeit*, I-III, 1891-1904.

HEINEN: *Zur Begründung des röm. Кайзеркульц*, Клио, 1911.

ДЖОНС, Х. С.: *Римская империя*, 1908.

МАУ-КЕЛСИ: *Помпеи, их жизнь и искусство*, 2-е изд., 1902.

МАКФАЙДЕН, Д.: *Принцепс и сенаторские провинции*, Классическая филология, 1919.

MEYER, E.: *Kaiser Augustus*, in *Kleine Schriften*, 1910, p441.

МОММЗЕН, ТН.: *Res Gestae Divi Augusti*, 2-е изд., 1883г. (сокращенный перевод. У. Фэрли, 1898).

СТРОНГ, Э.: *римская скульптура*, 2-е изд., 1911.

ТЕЙЛОР, Л. Р.: *Поклонение Августу в Италии*, в пер. с англ. Ам. Филол. асс., ЛИ.

ВАН НОСТРАНД, ДЖ. ДЖ.: *Реорганизация Испании Августом*, 1916.

Главы XXIII, XXIV, XXV

ЭББОТТ, Ф. Ф.: *Простые люди Древнего Рима*, 1911.

BOISSIER, G.: *L'opposition sous les Césars*, 1875.º

ДЭВИС, У. С.: *Влияние богатства в императорском Риме*, 1910.
ДИЛЛ, С.: *Римское общество от Нерона до М. Аврелия*, 1905.
ФРИМЕН, Э. А.: *Исторические очерки*, II (Цезари Флавиевы), 1889.
GSELL, S.: *Essai sur le règne de l'empereur Domitien*, 1894.
ХЕНДЕРСОН, Б. У.: *Жизнь и принципат императора Нерона*, 1903.
— *Гражданская война и восстание в Римской империи*, 1908 год.
HIRSCHFELD, O.: *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten*, 1905.
ХОЛЛАНД, Ф.: *Сенека*, 1920.

р597 Лоу: Изд. и пер. о *Cena Trimalchionis* Петрония.

МАККЕЙЛ, Дж. У.: *Латинская литература*.

МАУ-КЕЛСИ: *Помпеи, их жизнь и искусство*.

ПЕЛХЭМ, Х. Ф.: *Очерки (Римская граница, VIII, IX)*, 1911.

ШОФФ, В. Х.: Изд. *Периплаза Эритрейского моря*, 1912.

СТРОНГ, Э.: *Римская скульптура*.

САММЕРС, WC: *Серебряный век латинской литературы*, 1920.

УОКЕР, У.: *История христианской церкви*, 1918.º

Главы XXVI, XXVII

ЭШЛИ, А.: *"Алименты" Нервы и его преемников* на англ. Историческое издание, 1921.

БУШЬЕ Э. С.: *Жизнь и письма в Римской Африке*, 1913.

БРАЙАНТ, Э. Э.: *Правление Антонина Пия*, 1895.

БЕРИ, Дж. Б.: *Студенческая Римская империя*.

ЧИЗМАН Г. Л.: *Вспомогательные силы Римской императорской армии*, 1914.

SICHORIUS, C.: *Die Reliefs der Trajanssäule*, I, 1896; II, 1900.

КУМОНТ Ф.: *Тайны Митры*, англ. тр., 2-е изд., 1903.

— *Восточные религии в римском язычестве*, англ. тр., 1911.

DE RASCHTERE, F. G.: *La table hypothécaire de Veleia*, 1920.

ДИЛЛ, С.: *Римское общество от Нерона до Марка Аврелия*, 1905.º

ГРЕГОРОВИУС Ф.: *Император Адриан*, 1898.

ДЖОНС, Х. С.: *Римская империя*.

МУР, К. Х.: *Религиозная мысль греков*, 1916.

ROSTOWZEW, M.: *Studien zur Geschichte des röm. Колонаты*, 1910, гл. IV.

СЕДЖВИК, Х. Д.: *Марк Аврелий, Биография*, 1921.

WEBER, W.: *Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrianus*, 1907.

Главы XXVIII-XXXII

- BELOCH, J.: *Der Verfall der antiken Kultur*, Hist. Zeitschrift, 1900.
- БОАК, А. Э. Р.: *Римская история*, гл. XXII-XXV.
- БЕРИ, ДЖ. Б.: *История поздней Римской империи*, 1889-
——— *Конституция Поздней Римской империи*, 1910г.
- БАССЕЛЛ, Ф. У.: *Римская империя*, 1910. Бкс. II,III.
——— *Кембриджская средневековая история*, 1911, том. I,II.
- ДИЕНЛ, СН.: *Histoire de l'empire byzantin*, 1920.
- ДИЛЛ, С.: *Римское общество в последнем столетии Западной империи*, 1906.
- ДАЧЕЗН, Л.: *Ранняя история христианской церкви*, тр. из 4-го изд., 1909.
- FERRERO, G.: *La ruine de la civilisation antique*, 1921.
- ФРАНК, Т.: *Смешение рас в Римской империи*, в Ам. История. Обзорение, 1916.
- ФРИМЕН, Э. А.: *Исторические очерки*, III (Иллирийские императоры), 1879.
- GEFFCKEN, J.: *Kaiser Julian*, 1914.
——— *Der Ausgang des griech-röm. Heidentums*, Neue Jahrb., 1918.
- ХЭЙ, ДЖ. С.: *Удивительный император Гелиогабал*, 1911.
- ХОДЖКИН Т.: *Италия и ее захватчики*, I-V, 2-е изд., 1892-96.
- ХОЛМС, У. Г.: *Эпоха Юстиниана и Феодоры*, 1904.
- ХОПКИНС, Р. В. Н.: *Жизнь Александра Севера*, 1907.
- ДЖОНС, Х. С.: *Римская империя*.
- МОММСЕН, ТН.: *Gesammelte Schriften*, IV ("Stilicho und Alarich," "Aetius").
- МАНРО, Д. К.: *Средние века*, 1921.º
- p598 ПЕЛХЭМ, Х. Ф.: *Очерки*, XIII ("Имперские владения"), 1911.
- ПЛАТНАУЭР, М.: *Жизнь и правление Септимия Севера*, 1918.
- РОСТОУЗЕВ, М.: *Искусство Двоемочие в Handwörterbuch* Конрада (3-е изд.).
——— *Южная Россия в классический период*, А. М. Историческое издание, 1921.
- SCHMIDT, L.: *Allgemeine Geschichte der germanischen Völker*, 1909.
- SCHULZ, O.: *Vom Prinzipat zum Dominat*, 1919.
- SCHWARTZ, W.: *Kaiser Constantin und die christliche Kirche*.
- СЕЕСК, О.: *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, vol. VI, 1920.
- СИМХОВИЧ В.: *Пересмотренное падение Рима*, Political Science Quarterly, 1916.
- SUNDWALL, J.: *Weströmische Studien*, 1915.
——— *Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums*, 1917.
- УОКЕР, У.: *История Западной христианской церкви*, 1918.
- ВЕСТЕРМАНН, В. Л.: *Экономическая основа упадка древней культуры*, в
Ам. Историческое издание, 1915.

ЗУЛУЭТА, Ф. ДЕ: *De patrociniis vicorum*, Оксфордские исследования социальной и правовой истории., I, 1909.

ПРИМЕЧАНИЯ ТАЙЕРА:

* Мои дополнения выделены **цветным шрифтом**.

^a В дополнение к полному 10-томному-словарю, на который дана ссылка выше, **на сайте** имеется небольшая подборка в переводе на английский язык.

^{b1 b2} Superseded by Platner's later work, which in turn underwent major reworking later by Thomas Ashby: **Platner & Ashby's *A Topographical Dictionary of Ancient Rome* (1929)**. „

^c **Издание 1848** года полностью представлено на сайте.

^d Такое название было анонсировано заранее в 1922 году; когда книга была фактически опубликована, в следующем году, она называлась "*Местные культы в Этрурии*".